Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

6DK
218.15

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.
1910.

2 экз

«Пров 38»

DK
218
.15
БИБЛИОТЕКА
2941
24.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰), Фонтанка, 117.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе 11
Введеніе 22

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Философскіе, историческіе и литературные взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Отдѣлъ I.

Философскіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая:
Чернышевскій и Фейербахъ 81
Глава вторая:
Антропологическій принципъ въ философіи 86
Глава третья:
Полемика съ Юркевичемъ и другими 99
Глава четвертая:
Ученіе о нравственности 109
Глава пятая:
Чернышевскій и діалектика 120
Глава шестая:
Теорія познанія 128
Глава седьмая:
„Благотворность борьбы за жизнь“ 137

Отдѣлъ II.

Историческіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая:
Историческая наука и естествознаніе 149
Глава вторая:
Матеріализмъ въ историческихъ взглядахъ Чернышевскаго . 154

Глава третья: стран.
Идеализмъ въ историческихъ взглядахъ Чернышевскаго . . 160
Глава четвертая:
Ходъ общественнаго развитія 171
Глава пятая:
Чернышевскій и Марксъ 181
Глава шестая:
Послѣднія историческія сочиненія Чернышевскаго 193

Отдѣлъ III.

Литературные взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая:
Значеніе литературы и искусства 206
Глава вторая:
Бѣлинскій, Чернышевскій и Писаревъ 231

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Политическіе и политико-экономическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Отдѣлъ I.

Политическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая:
Утопическій соціализмъ 275
Глава вторая:
Утопическій соціализмъ (Продолженіе) 289
Глава третья:
„Собственный“ планъ Чернышевскаго и вопросъ о поземельной общинѣ 299
Глава четвертая:
Соціализмъ и политика 317

Отдѣлъ II.

Политико-экономическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая:
Общія замѣчанія. Гипотетическій методъ 343
Глава вторая:
Стоимость. I 358
„ II 367

Глава третья: стран.
Деньги и денежное хозяйство 385
Глава четвертая:
Капиталъ 391
Глава пятая:
Заработная плата. I 397
„ „ II 399
„ „ III 403
„ „ IV 409
„ „ V 417
Глава шестая:
Прибавочная стоимость. I 421
„ „ II 425
„ „ III 430
„ „ IV 432
„ „ V 439
„ „ VI 442
„ „ VII 445
„ „ VIII 451
„ „ IX 453
„ „ X 457
Глава седьмая:
Поземельная рента. I 460
„ „ II 463
„ „ III 466
Глава восьмая:
Законъ народонаселенія. Мальтусъ. I 471
„ „ „ II 477
„ „ „ III 484
„ „ „ IV 488
„ „ „ V 494
„ „ „ VI 497
Глава девятая:
Законъ народонаселенія. Чернышевскій. I 499
„ „ „ II 505
„ „ „ III 514
„ „ „ IV 518
Глава десятая:
Кризисы 526
Глава одиннадцатая:
Заключеніе 531

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая работа состоитъ изъ двухъ частей: первая—только теперь появляется въ печати; первый отдѣлъ второй части тоже написанъ заново, второй же ея отдѣлъ („политико-экономическіе взгляды Чернышевскаго") представляетъ собой перепечатку моихъ статей о Чернышевскомъ, появившихся вскорѣ послѣ смерти нашего великаго писателя, въ одномъ трехъ-мѣсячномъ обозрѣніи *), а потомъ вышедшихъ, съ нѣкоторыми необходимыми для нѣмецкой публики дополненіями, въ нѣмецкомъ переводѣ у извѣстнаго издателя Дитца въ Штуттгартѣ.

Я печатаю теперь этотъ второй отдѣлъ второй части почти безъ всякихъ измѣненій. Только кое-гдѣ сдѣланы мною „примѣчанія" къ настоящему изданію. Я не считалъ себя въ правѣ подвергать этотъ отдѣлъ переработкѣ, да по правдѣ сказать, и не видѣлъ въ этомъ нужды. О правѣ на переработку я говорю потому, что отдѣлъ en question является своего рода историческимъ документомъ: онъ характеризуетъ собой взгляды нѣкотораго,—правда очень малочисленнаго тогда,—слоя нашей интеллигенціи въ самомъ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Слой этотъ, рѣшительно разорвавшій со всѣми преданіями утопическаго соціализма, считалъ своею обязанностью распространять ученіе Маркса, съ точки зрѣнія котораго онъ и смотрѣлъ на русскую дѣйствительность. Это казалось тогда страшной и непростительной ересью всѣмъ декадентамъ нашего утопизма, группировавшимся подъ знаменами народничества и „субъективной соціологіи". Покойный С. Н. Кривенко печатно распространялся въ половинѣ 90-хъ годовъ на ту тему, что самымъ подходящимъ занятіемъ для защитниковъ этого взгляда было бы разведеніе деревенскихъ кабаковъ и сель-

*) Книжки котораго появлялись, однако, не періодически и съ не малымъ опозданіемъ по обстоятельствамъ, отъ редакціи по-истинѣ не зависѣвшимъ.

скаго ростовщичества. А г. В. В.,—въ нѣкоторомъ родѣ тоже покойникъ, хотя онъ и здравствуетъ до сихъ поръ,—съ торжествомъ провозгласилъ около того же времени, что ни одинъ уважающій себя журналъ не напечатаетъ ничего отзывающагося нѣкоторою симпатіей къ указанному еретическому взгляду. Это былъ періодъ бойкота, непосредственно предшествовавшій тому періоду, когда идеи марксизма пріобрѣли въ нашей печати, вопреки зловѣщему пророчеству г. В. В., чрезвычайно широкое распространеніе и..., по большей части, чрезвычайно вульгарный, „куцый" видъ. Аттакуемый и бойкотируемый всѣми тѣми, которые мнили себя обладателями наилучшихъ „формулъ прогресса", немногочисленные русскіе марксисты вынуждены были, во 1-хъ, прибѣгнуть къ оружію полемики, чтобы отражать непосредственное нападеніе людей, боровшихся съ ними при помощи этихъ формулъ, а, во 2-хъ, становиться на преимущественно критическую точку зрѣнія даже тамъ, гдѣ при другихъ обстоятельствахъ имъ можно и должно было бы смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія исторической.

Это обстоятельство отразилось и на статьяхъ, перепечатываемыхъ теперь во второмъ отдѣлѣ второй части предлагаемой работы. Въ то время, когда писались эти статьи, наши народники—и субъективисты усердно противопоставляли Чернышевскаго Марксу и твердили, что тому, кто усвоилъ себѣ экономическую теорію автора примѣчаній къ Миллю, нѣтъ ни малѣйшей надобности трудиться надъ усвоеніемъ теоріи автора „Капитала". Мнѣ самому не разъ приходилось слышать такое мнѣніе и оспаривать его въ устныхъ стычкахъ съ нашими многочисленными противниками. Поэтому, когда скончался Н. Г. Чернышевскій и когда естественно возникъ вопросъ о подведеніи итоговъ его литературной дѣятельности, я рѣшился критически разобрать его экономическіе взгляды и показать, что они принадлежатъ къ той эпохѣ въ исторіи соціализма, которая должна теперь считаться уже отжившей. Это навлекло на меня не мало горькихъ упрековъ со стороны нѣкоторыхъ, не по разуму усердныхъ, поклонниковъ Чернышевскаго, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія ни объ исторіи политической экономіи, ни объ исторіи соціализма, ни объ исторіи русской литературы въ ея отношеніи къ литературамъ западной Европы. Противъ меня и моихъ ближайшихъ единомышленниковъ выдвинуто было то,—не разъ выдвигавшееся и послѣ,—обвиненіе, что мы отказываемся отъ „наслѣдства 60-хъ годовъ". И какъ знать? Можетъ быть, и теперь иной предубѣжденный противъ марксизма

вообще, или противъ меня, въ частности, читатель укажетъ на второй отдѣлъ второй части этой книги, какъ на доказательство моего неумѣнія цѣнить названное наслѣдство. И именно потому, что это возможно, я не счелъ себя въ правѣ перерабатывать этотъ отдѣлъ: зачѣмъ отнимать вещественныя доказательства у того, кто захотѣлъ бы выступить противъ меня въ роли обвинителя?

А кромѣ того, въ переработкѣ и не было никакой серьезной нужды. Если указанныя мною выше обстоятельства повліяли въ свое время на мои статьи объ экономическихъ взглядахъ Чернышевскаго, то они повліяли на нихъ исключительно только съ внѣшней, а не съ внутренней стороны: со стороны изложенія, а не со стороны содержанія. Я и теперь твердо убѣжденъ,—какъ убѣжденъ былъ въ началѣ 90-хъ годовъ,—что хотя и весьма замѣчательны по-своему экономическіе взгляды Чернышевскаго, но все-таки они представляютъ собою критику буржуазной экономіи съ точки зрѣнія утопическаго соціализма. Я и теперь думаю,—какъ думалъ въ началѣ 90-хъ годовъ,—что критика буржуазной экономіи съ утопической точки зрѣнія, вполнѣ естественная въ русской литературѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, была бы совершенно неестественной и непозволительной въ настоящее время, когда каждый изъ насъ можетъ и долженъ ознакомиться съ „Капиталомъ“. Значитъ съ этой, самой существенной стороны, мнѣ нечего было измѣнять въ своихъ статьяхъ.

Остается вопросъ о частностяхъ. Я могъ убѣдиться съ теченіемъ времени, что мое отношеніе къ тому или другому отдѣльному экономическому взгляду Чернышевскаго было неправильно. Поэтому я былъ обязанъ заново пересмотрѣть всѣ мои критическія замѣчанія на его отдѣльные взгляды. Смѣю сказать, что я исполнилъ эту свою обязанность. Однако, внимательно перечитавъ мои статьи, я увидѣлъ, что и съ этой стороны мнѣ нечего измѣнять, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій. Поэтому, измѣнивъ эти выраженія, я, что касается всего остального, говорю словами Понтія Пилата: еже писахъ, писахъ!

Подъ впечатлѣніемъ смерти Н. Г. Чернышевскаго я, въ вышеупомянутомъ „трехъ-мѣсячникѣ“ цитировалъ слѣдующее мѣсто изъ его „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы“.

„Если у каждаго изъ насъ есть предметы столь близкіе и дорогіе сердцу, что, говоря о нихъ, онъ старается наложить на себя холодность и спокойствіе, старается избѣжать выраженій, въ которыхъ бы слышалась его слишкомъ сильная любовь, напередъ увѣ-

ренный, что при соблюденіи всей возможной для него холодности, рѣчь его будетъ очень горяча,—если, говоримъ мы, у каждаго изъ насъ есть такіе дорогіе сердцу предметы, то критика Гоголевскаго періода занимаетъ между ними одно изъ первыхъ мѣстъ, наравнѣ съ Гоголемъ... Потому-то будемъ говорить о критикѣ Гоголевскаго періода какъ можно холоднѣе, въ настоящемъ случаѣ намъ не нужны и противны громкія фразы: есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто, не выражающее всей полноты чувства".

По этому поводу я говорилъ, что я отношусь къ геніальному критику гоголевскаго періода,—т. е. къ В. Г. Бѣлинскому,—съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ и съ такою же горячею любовью, какую питалъ къ нему Чернышевскій, такъ что въ этомъ отношеніи мнѣ ничего нельзя ни убавить изъ сдѣланной выписки, ни прибавить къ ней. Но я замѣчалъ, что предметомъ такой же горячей любви и такого же глубокаго уваженія является для меня амъ Чернышевскій. „Вотъ почему,—прибавлялъ я,—мы послѣдуемъ его собственному примѣру и, говоря о немъ, постараемся остаться какъ можно болѣе холодными и спокойными, такъ какъ, дѣйствительно, есть такая степень уваженія и сочувствія, когда всякія похвалы отвергаются, какъ нѣчто не выражающее всей полноты чувства".

Нечего и говорить, что мое отношеніе къ Н. Г. Чернышевскому не измѣнилось до сихъ поръ. Я и до сихъ поръ продолжаю питать благоговѣйное уваженіе къ нему, какъ къ человѣку и литературному дѣятелю. Нѣкоторые читатели,—изъ проницательныхъ, какъ выразился бы самъ Н. Г.,—находятъ такое отношеніе къ человѣку и писателю несовмѣстимымъ съ критикой его точки зрѣнія. Я смотрю на это иначе, но я не нашелъ бы нужнымъ оспаривать мнѣніе проницательныхъ читателей, если бы я не считалъ, что нѣкоторыя замѣчанія по его адресу будутъ полезны для выясненія роли Н. Г. Чернышевскаго въ исторіи развитія нашей общественной мысли.

Мнѣ говорили, что Марксъ ставилъ Чернышевскаго гораздо выше, нежели ставлю его я. Но откуда же собственно извѣстно, какъ именно смотрѣлъ Марксъ на экономическіе взгляды Чернышевскаго? Тотъ фактъ, что онъ называлъ его великимъ ученымъ и что онъ собирался писать о немъ, „чтобы вызвать сочувствіе къ нему въ Западной Европѣ" *), еще отнюдь не показываетъ тож-

*) См. письма Маркса къ г. Николаю—ону. Минувшіе годы. 1908 г. № 1. стр. 56.

дества его точки зрѣнія на экономическую науку съ точкой зрѣнія Чернышевскаго. Болѣе того, рѣзко отрицательное отношеніе Маркса къ Дж. Ст. Миллю,—книгу котораго Чернышевскій счелъ полезнымъ перевести для русскихъ читателей, хотя бы и снабдивъ ее своими критическими примѣчаніями,—можетъ служить по крайней мѣрѣ однимъ прямымъ доказательствомъ того, что не было полнаго согласія во взглядахъ автора „Капитала", съ одной стороны, и Чернышевскаго—съ другой. Но я прекрасно понимаю, что одного подобнаго доказательства слишкомъ еще мало для людей, не умѣющихъ или не желающихъ итти къ рѣшенію интересующаго насъ вопроса самымъ короткимъ и вѣрнымъ путемъ, т. е. путемъ сравненія „собственнымъ умомъ" „Капитала" Маркса съ экономическими сочиненіями Чернышевскаго. Поэтому я укажу на одно въ высшей степени важное косвенное доказательство.

Оно состоитъ вотъ въ чемъ.

Въ письмѣ къ г. Николаю—ону, отъ 9-го ноября 1871 года, Марксъ говоритъ: „съ сочиненіями Добролюбова я отчасти уже знакомъ. Я сравниваю его какъ писателя съ Лессингомъ и Дидеро" *). На это необходимо обратить вниманіе.

Міросозерцаніе Добролюбова ни въ чемъ существенномъ не отличалось отъ міросозерцанія Н. Г. Чернышевскаго. Поэтому мы имѣемъ полное право сказать, что этотъ отзывъ Маркса о Добролюбовѣ относится также,—въ смыслѣ общей характеристики міросозерцанія,—и къ Чернышевскому. Въ чемъ же состоитъ существенное содержаніе этого отзыва? Въ томъ, что сочиненія Добролюбова заставили Маркса вспомнить о великомъ французскомъ „просвѣтителѣ" Дидеро и о великомъ нѣмецкомъ „просвѣтителѣ" Лессингѣ. Но если читатель дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ содержаніемъ предлагаемой книги, то онъ увидитъ, что я именно называю Чернышевскаго „просвѣтителемъ" и утверждаю, что его точка зрѣнія была чрезвычайно близка къ точкѣ зрѣнія французскихъ „просвѣтителей" XVIII столѣтія. Это очень похоже на отзывъ Маркса о сочиненіяхъ Добролюбова. Правда, французскіе „просвѣтители" не были соціалистами. Но это частность, не имѣющая значенія тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ общемъ міросозерцаніи даннаго автора. Ни одинъ понимающій дѣло человѣкъ не откажется признать, что всѣ французскіе соціалисты утопическаго періода въ своемъ основномъ взглядѣ на движущія

*) Тамъ же, стр. 51.

силы общественнаго развитія цѣликомъ стояли на точкѣ зрѣнія „просвѣтителей“ XVIII вѣка. Теперь спрашивается: стоялъ ли Марксъ на этой точкѣ зрѣнія? Неизбѣжный отвѣтъ: онъ покинулъ ее, чѣмъ и совершилъ переворотъ въ общественной наукѣ.

Еще одинъ вопросъ: какъ долженъ былъ бы отнестись Марксъ къ міросозерцанію „просвѣтителей“, если бы кто-нибудь вздумалъ ссылаться на это міросозерцаніе для борьбы съ его собственнымъ ученіемъ? Тутъ опять не трудно найти отвѣтъ: онъ, конечно, высказалъ бы свое глубокое уваженіе къ великимъ „просвѣтителямъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ бы, что ихъ міросозерцаніе въ настоящее время должно считаться устарѣлымъ. Не правда ли? Но вѣдь это какъ разъ то самое, что сдѣлалъ я въ началѣ 90-хъ годовъ въ своихъ статьяхъ о Чернышевскомъ и что дѣлаю теперь въ предлагаемой книгѣ.

Внимательный читатель замѣтитъ, надѣюсь, что мое отношеніе къ Чернышевскому не во всемъ одинаково. Я защищаю всѣ его философскіе взгляды, за исключеніемъ его взгляда на діалектику; я считаю въ высшей степени важными и замѣчательными нѣкоторые тезисы изъ его диссертаціи объ „эстетическомъ отношеніи искусства къ дѣйствительности“, но я отвергаю ту точку зрѣнія, съ которой онъ смотритъ почти всегда,—читатель увидитъ, однако, что я нахожу и тутъ блестящія исключенія,—на исторію и на политическую экономію. Иначе и быть не можетъ. Въ философіи Чернышевскій явился вѣрнымъ послѣдователемъ Фейербаха, матеріалистическое ученіе котораго было очень близко къ ученію французскихъ „просвѣтителей“ оттѣнка Дидеро (послѣдней манеры). Въ эстетикѣ онъ продолжалъ оставаться матеріалистомъ, хотя ему и не удалось поставить эстетику на матеріалистическую основу, вслѣдствіе указанныхъ въ моей книгѣ важныхъ пробѣловъ въ Фейербаховомъ матеріализмѣ. Что же касается общественной жизни и ея исторіи, то онъ,—опять таки совершенно подобно всѣмъ великимъ дѣятелямъ „просвѣтительныхъ“ эпохъ,—смотрѣлъ на нихъ, какъ идеалистъ, что опять объясняется у меня нѣкоторыми недостатками матеріалистическаго ученія Фейербаха. Держась точки зрѣнія Маркса, я не могъ не замѣтить этой непослѣдовательности Чернышевскаго; но, указывая на нее, я не думалъ отрекаться отъ его наслѣдства,—и это вотъ по какой, весьма понятной причинѣ.

Ученіе Маркса вышло изъ философіи Фейербаха. Оно устранило недостатки этой философіи, но устранило ихъ только потому, что послѣдовательно развило и примѣнило къ анализу обществен-

ныхъ явленій основныя положенія этой философіи объ отношеніи субъекта къ объекту. Отсюда ясно, что сторонникъ ученія Маркса и теперь не можетъ не согласиться съ вѣрнымъ послѣдователемъ Фейербаха—Чернышевскимъ въ томъ, что касается взгляда на отношеніе субъекта къ объекту, но въ то же время не можетъ не видѣть слабыхъ сторонъ его міросозерцанія тамъ, гдѣ рѣчь заходитъ о жизни общества. Это, кажется, ясно. Я не отвергаю наслѣдства Чернышевскаго, но я и не могу довольствоваться имъ: я дополняю его тѣми драгоцѣнными пріобрѣтеніями, которыя удалось сдѣлать человѣку, шедшему по одной дорогѣ съ Чернышевскимъ, но ушедшему дальше его, благодаря болѣе благопріятнымъ обстоятельствамъ своего развитія. Вотъ и все.

„Не добытый результатъ важенъ,—писалъ Чернышевскій въ своемъ „Лессингѣ“ совершенно согласно съ духомъ Гегелевой діалектики,—всѣ добытые человѣчествомъ результаты, во всѣхъ областяхъ жизни и мысли, какъ бы ни казались они блестящи по сравненію съ прошедшимъ, все еще ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что должно быть пріобрѣтено мыслью и трудомъ, для обезпеченія матеріальной жизни, для проясненія знаній и понятій. Важнѣе всѣхъ добытыхъ результатовъ—стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ, лучшихъ; важнѣе всего пытливость мысли, дѣятельность силъ“ *).

Къ этимъ прекраснымъ строкамъ надо прибавить только одно: какъ ни важна пытливость мысли, но и она приноситъ свои благотворные плоды только тогда, когда направляется въ надлежащую сторону. А пытливая мысль Чернышевскаго направляла свои усилія именно въ томъ направленіи, по какому только и могла итти передовая философская мысль XIX вѣка. Отъ Гегеля мысль эта перешла къ Фейербаху, отъ Фейербаха къ Марксу. Чернышевскій лично пережилъ двѣ первыя фазы этого движенія. Пережить третью помѣшали ему неблагопріятныя внѣшнія условія. Но это нимало не мѣшаетъ современнымъ марксистамъ чувствовать себя несравненно болѣе близкими къ нему, нежели къ тѣмъ мнимымъ продолжателямъ его дѣла, которые, подъ предлогомъ стремленія впередъ, пошли назадъ и провозгласили принципы нашего пресловутаго „субъективизма“. Если эти люди воображали при этомъ, что они защищаютъ оставшееся послѣ Чернышевскаго теоретиче-

*) Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго. СПБ., 1907, т. III, стр. 695—696.

ское наслѣдство, то это удивительное недоразумѣніе свидѣтельствовало лишь объ ихъ безпомощной наивности.

Теперь другое. Изложенію и критикѣ экономическихъ взглядовъ Чернышевскаго часто предшествуетъ у меня изложеніе соотвѣтствующихъ взглядовъ Маркса. Но въ то время, когда я писалъ свои статьи о Чернышевскомъ, еще не вышелъ въ свѣтъ третій томъ „Капитала". Поэтому, перепечатывая теперь эти статьи, мнѣ пришлось спросить себя, не нуждается ли мое изложеніе экономической теоріи Маркса въ какихъ-нибудь существенныхъ дополненіяхъ. Но и на этотъ вопросъ я не могъ отвѣтить себѣ иначе, какъ отрицательно.

Извѣстно, что третій томъ „Капитала" показалъ намъ, какимъ образомъ разрѣшалась у Маркса знаменитая въ лѣтописяхъ новѣйшей экономической науки антиномія между закономъ стоимости и закономъ равнаго уровня прибыли. Но Чернышевскаго не занимала эта антиномія. Поэтому и я могъ не касаться ея въ своемъ изложеніи Марксовыхъ взглядовъ. Лично я уже съ начала 80-хъ годовъ былъ твердо убѣжденъ, что указанная антиномія должна быть разрѣшена Марксомъ, вообще говоря,—т.-е. отвлекаясь отъ нѣкоторыхъ неясностей и неправильностей въ построеніяхъ Родбертуса,—въ томъ же смыслѣ, въ какомъ разрѣшалъ ее Родбертусъ *). Это могли бы засвидѣтельствовать тѣ изъ моихъ друзей, съ которыми мнѣ приходилось тогда бесѣдовать объ экономическихъ вопросахъ: я всегда говорилъ имъ, что, по моему мнѣнію, Марксъ д о л ж е н ъ будетъ рѣшить указанную антиномію приблизительно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ она рѣшена у Родбертуса. Мнѣ казалось, что за это ручаются нѣкоторыя мѣста въ 1-мъ и во 2-мъ томахъ „Капитала" **). Если же, тѣмъ не менѣе, Энгельсъ предла-

*) Объ относящемся сюда взглядѣ Родбертуса см. въ моемъ сборникѣ „За двадцать лѣтъ" (СПБ. 1907, стр. 525): Родбертусъ „полагаетъ, что мѣновая стоимость продуктовъ не всегда „зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на ихъ производство". Продукты тѣхъ отраслей производства, которыя обрабатываютъ болѣе дорогой матеріалъ, в с е г д а должны, по его мнѣнію, продаваться по цѣнѣ, нѣсколько превышающей эту норму. И это отклоненіе отъ общаго правила должно быть достаточно для того, чтобы во всѣхъ отрасляхъ промышленности отношеніе чистаго дохода къ общей суммѣ издержекъ предпріятія было одинаково или, другими словами, чтобы уровень прибыли стоялъ на одной высотѣ".

**) Объ этомъ см. въ моей рецензіи на книгу С. Франка (Сборникъ „Критика нашихъ критиковъ". СПБ., 1906, стр. 247—256).

галъ заняться ея рѣшеніемъ именно послѣдователямъ Родбертуса, то это объяснялось, по моему мнѣнію, нѣкоторыми недостатками экономической теоріи этого послѣдняго, находившимися въ тѣсной связи съ его ученіемъ о земельной рентѣ. Я думалъ, что, предлагая ученикамъ Родбертуса разрѣшить знаменитую антиномію, Энгельсъ просто-на-просто хотѣлъ поставить ихъ передъ дилеммой: или признать существованіе этихъ недостатковъ и, тѣмъ самымъ, провозгласить превосходство Марксовой теоріи стоимости, или же утверждать, что этихъ недостатковъ не существуетъ, и тѣмъ обнаружить передъ всѣми внимательными читателями, что Родбертусово рѣшеніе антиноміи между закономъ стоимости и закономъ равнаго уровня прибыли не имѣетъ подъ собой вполнѣ удовлетворительной теоретической основы. Вотъ почему я полагалъ, что печатныя выступленія марксистовъ по этому вопросу стали бы умѣстными лишь послѣ того, какъ высказались бы Родбертусьянцы. Поэтому же я совсѣмъ не коснулся этого вопроса, излагая Марксово ученіе о стоимости въ своей работѣ о Чернышевскомъ. А если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ на этомъ основаніи, что мое изложеніе этого ученія не точно, то я отвѣтилъ бы ему вопросомъ: развѣ не точно излагаетъ ученіе современной астрономіи тотъ, кто, говоря, что планеты движутся по эллипсисамъ, не считаетъ при этомъ нужнымъ, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній, сдѣлать добавленіе на счетъ тѣхъ отклоненій отъ эллиптической орбиты, которыя наблюдаются въ дѣйствительномъ движеніи планетъ и которыя, въ свою очередь, находятъ свое объясненіе въ другихъ теоремахъ науки? Въ естествознаніи мы почти на каждомъ шагу сталкиваемся съ тѣмъ явленіемъ, что дѣйствіе одного закона ограничивается и, слѣдовательно, видоизмѣняется дѣйствіемъ другого. И никто этому не удивляется. А когда Марксъ въ 3-емъ томѣ своего „Капитала“ сказалъ, что дѣйствіе закона стоимости ограничивается и стало быть видоизмѣняется дѣйствіемъ закона равнаго уровня прибыли, то его противники, въ родѣ г. Бемъ-Баверка, закричали, что онъ противорѣчитъ самъ себѣ и отвергаетъ основу своего собственнаго экономическаго ученія. Это просто-напросто не серьезно.

Разъ заговоривъ о г. Бемъ-Баверкѣ, я прибавлю еще вотъ что. Въ первой главѣ второго отдѣла второй части я, говоря о современномъ состояніи экономической науки, занятой лишь собираніемъ фактическаго матеріала и чуждающейся всякихъ теоретическихъ обобщеній, имѣю въ виду историческую школу политической эко-

номіи. По этому поводу мнѣ замѣтятъ, пожалуй, что съ тѣхъ поръ, какъ написаны были мои статьи объ экономическихъ взглядахъ Чернышевскаго, широко распространилась такъ называемая австрійская школа, мало занимающаяся фактами, но зато претендующая на глубокую разработку вопросовъ теоріи. Но съ такимъ замѣчаніемъ я могу согласиться только на половину. Австрійская школа, къ числу „свѣтильниковъ" которой принадлежитъ и только что упомянутый г. Бемъ-Баверкъ, въ самомъ дѣлѣ, мало занимается фактами. Скажу больше: ея представители плохо знаютъ факты и нерѣдко насилуютъ въ своихъ разсужденіяхъ даже и тѣ изъ нихъ, которые извѣстны имъ. Но это не заслуга. Что же касается теоретическаго значенія австрійской школы, то оно равно нулю. „Субъективизмъ" этой школы составляетъ поучительный pendant къ идеализму всѣхъ новѣйшихъ философскихъ школъ. Какъ идеализмъ, такъ и „субъективизмъ" знаменуютъ собой *попятное* движеніе въ области мысли, причиненное извѣстными антагонистическими явленіями въ капиталистическомъ обществѣ. Ученія австрійской школы несомнѣнно имѣютъ теперь большой успѣхъ. Но почему? На это отвѣчаетъ, напримѣръ, такой фактъ. Когда Уильямъ Смартъ выпустилъ англійскій переводъ извѣстнаго сочиненія Бемъ-Баверка „Die positive Theorie des Kapitals", то всемірно извѣстная газета „Times" выразила свое удовольствіе по поводу того, что теперь у англійскаго читателя есть противоядіе противъ марксистской теоріи эксплуатаціи „antidot to the exploitation theories of the Marxist School". Этимъ сочувственнымъ отзывомъ лондонская газета раскрыла, можно сказать, всю тайну успѣха австрійской школы. Она нравится идеологамъ капиталистическаго порядка именно, какъ противоядіе противъ теоріи эксплуатаціи*). Но какимъ средствомъ превращается она въ такое противоядіе? Она превращается въ него путемъ отвлеченія отъ всѣхъ общественныхъ отношеній производства: когда „теоретикъ" отвлекается отъ *всѣхъ* отношеній производства, тогда онъ естественно отвлекается *и отъ тѣхъ изъ нихъ*, которыми обусловливается эксплуатація *производителя* про-

*) Приватъ-доцентъ Бернскаго университета д-ръ Ф. Лившицъ справедливо говоритъ въ своей интересной, хотя, къ сожалѣнію, довольно поверхностной работѣ Zur Kritik der Boehm-Bawerkschen Wert-theorie (Leipzig, 1908): „Die Grenznutzentheorie ist eine durch und durch kapitalistische, bzw. von kapitalistischen Tendenzen (bewusst oder unbewuss) getragene Werttheorie. Der moderne Kapitalismus hat ihr auch zu ihrem Erfolg verholfen" (стр. 113).

дукта—его *присвоителемъ*. Но какъ много сулитъ наукѣ такое отвлеченіе, видно изъ того, что всѣ категоріи политической экономіи являются не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ производственныхъ отношеній: отвлечься отъ этихъ отношеній—значитъ закрыть себѣ путь къ пониманію этихъ категорій. Естественно поэтому, что у „теоретиковъ" австрійской школы не получается ничего, кромѣ безсодержательныхъ разсужденій на „субъективныя" темы *). Отъ такихъ разсужденій научная теорія до сихъ поръ ничего не выиграла, да, конечно, и не можетъ выиграть.

Г. Плехановъ.

*) Безсодержательность этихъ разсужденій недурно разоблачается, между прочимъ, въ IV главѣ только что названной книги г. Лившица (стр. 78—113).

ВВЕДЕНІЕ.

Мы не будемъ излагать здѣсь, какое значеніе имѣетъ въ исторіи нашей общественности та великая „эпоха 60-хъ годовъ“, къ которой относится лучшая пора жизни и литературной дѣятельности Н. Г. Чернышевскаго: надо надѣяться, что значеніе это извѣстно теперь всѣмъ и каждому. Точно также мы не имѣемъ въ виду писать біографію нашего автора. Правда, въ настоящее время въ печати можно найти уже не мало драгоцѣнныхъ матеріаловъ для такой біографіи. Но за обработку этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ естественно долженъ взяться тотъ, кому открытъ доступъ къ еще болѣе драгоцѣннымъ матеріаламъ, т. е. къ семейному архиву Чернышевскихъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду г. Евг. Ляцкаго, уже напечатавшаго чрезвычайно интересную статью: „Н. Г. Чернышевскій въ годы ученія и на пути въ университетъ“ („Современный Міръ“, май и іюнь 1908 г.). Надо надѣяться, что г. Ляцкій будетъ продолжать свою работу и мало-по-малу опишетъ всю жизнь величайшаго представителя эпохи 60-хъ годовъ. Наша работа уже печаталась, когда появилось въ „Современномъ Мірѣ“ продолженіе интереснаго труда г. Ляцкаго, относящееся къ университетскимъ годамъ Н. Г. Чернышевскаго. Мы же, съ своей стороны, ограничимся здѣсь немногими, безусловно необходимыми данными.

Николай Гавриловичъ происходилъ изъ духовнаго званія. Его предки, съ незапамятныхъ временъ тоже принадлежавшіе къ духовенству, вели свой родъ „изъ великороссіянъ Чембарскаго округа Пензенской губерніи“, т.-е.,—замѣтимъ мимоходомъ,—изъ той же мѣстности, откуда происходилъ и В. Г. Бѣлинскій. Но самъ онъ родился (12 іюля 1828 г.) въ Саратовѣ, гдѣ отецъ его былъ тогда старшимъ священникомъ Сергіевской церкви. Г. Евг. Ляцкій справедливо говоритъ, что въ исторіи дѣтства и юности Николая Гавриловича не можетъ не остановить на себѣ вниманія слѣдующая яркая особенность: „всѣ условія, среди которыхъ развертывалась эта замѣчательная и своеобразная личность, сложились такъ есте-

ственно и замкнулись въ такой цѣльный кругъ представленій опредѣленной умственной и моральной культуры, что можно безъ преувеличенія назвать семейную атмосферу Чернышевскихъ рѣдко благопріятной для развитія въ мальчикѣ независимой мысли и сильной воли, способной управлять здоровымъ и нормальнымъ чувствомъ. Кажется, все лучшее, что могла дать старо-русская жизнь прошлаго вѣка соединилось въ этой семьѣ, чтобы уберечь будущаго писателя отъ тѣхъ мрачныхъ сторонъ русской дѣйствительности, борьба съ которыми унесла столько горячихъ жизней" *). Тутъ необходимо сдѣлать только одну оговорку: никакая семья, какъ бы ни были хороши ея внутреннія отношенія, не можетъ уберечь ребенка отъ тѣхъ мрачныхъ сторонъ, которыя свойственны окружающему эту семью обществу. Это, впрочемъ, признаетъ и самъ г. Евг. Ляцкій. „Среди занятій и игръ подраставшаго Николеньки,—говоритъ онъ,—не могли ускользнуть отъ его зоркаго сознанія и тѣ мрачныя стороны окружающей дѣйствительности, которыя сильно смягчались обстановкой и родительской заботой" **). И онъ же приводитъ изъ воспоминаній Пыпина строки, дающія весьма ясное понятіе о томъ, какія именно стороны тогдашней дѣйствительности могли произвести наиболѣе сильное впечатлѣніе на даровитаго ребенка. Это были „мрачныя картины насилія, жестокости, подавленія личнаго и человѣческаго достоинства" ***). Но, если это такъ, то г. Евг. Ляцкій не откажется согласиться съ тѣмъ, что уже дѣтскія и юношескія наблюденія Николая Гавриловича должны были дать ему не мало матеріала для тѣхъ самыхъ выводовъ, на основѣ которыхъ возникали, обыкновенно, настроенія, уносившія „столько горячихъ жизней". Съ этой стороны не было никакого контраста между дѣтствомъ и юностью Чернышевскаго, съ одной стороны, и зрѣлой порой его жизни—съ другой. Несомнѣнно только то, что счастливая семейная обстановка дала молодому Чернышевскому возможность накопить такой запасъ духовныхъ и даже чисто физическихъ силъ, какимъ чрезвычайно рѣдко располагали „молодыя жизни", вступавшія въ борьбу съ некрасивой дѣйствительностью.

Что касается внѣшнихъ впечатлѣній, то ихъ безпрерывный

*) См. упомянутую статью г. Евг. Ляцкаго „Совр. Міръ", 1908 г. май, стр. 45—46.

**) Тамъ же, стр. 57.

***) Тамъ же, та же страница.

притокъ былъ обезпеченъ уже тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что Николай Гавриловичъ воспитаніе получилъ довольно, — чтобы не сказать весьма,—демократическое. Въ средѣ духовенства его семья считалась очень зажиточной, и мы сейчасъ увидимъ, что эта ея относительная зажиточность внушала даже не малую робость саратовской бѣднотѣ духовнаго сословія. Но какъ скромна была, на самомъ дѣлѣ, степень благосостоянія родителей Николая Гавриловича, и какъ демократично было, вслѣдствіе ея скромности, его воспитаніе, показываютъ его собственныя слова. „Мы были очень, очень небогаты,—писалъ онъ Ю. П. Пыпиной въ письмѣ отъ 25 февраля 1878 года...— Въ Петербургѣ, самые бѣдные изъ людей, видѣнныхъ вами,—даже нищіе,—не знаютъ теперь, что такое былъ „гривенникъ“ въ нашемъ—не бѣдномъ—семействѣ. Оно было не бѣдно. Пищи было много. И одежды. Но денегъ никогда не было. Поэтому, ничего подобнаго гувернанткамъ и т. п. не могло нашимъ старшимъ и во снѣ сниться. Не было даже нянекъ. Прислуги было много. Но она была вся занята хозяйственными дѣлами. Она присматривала за дѣтьми лишь рѣдкими и ничтожными урывками, для отдыха отъ дѣлъ, объ этомъ не стоитъ и говорить.—А наши старшіе? Оба отцы *) писали съ утра до ночи свои должностныя бумаги. Они не имѣли даже времени побывать въ гостяхъ. Наши матери—съ утра до ночи работали. Выбившись изъ силъ, отдыхали, читая книги. Онѣ желали быть и были нашими няньками. Но у нихъ была надобность обшить мужей и дѣтей, присмотрѣть за хозяйствомъ, и хлопотать по всяческимъ заботамъ безденежныхъ хозяйствъ.

„Итакъ, урывками, мы имѣли нянекъ—читающихъ, и слушали иногда; а больше сами читали. Никто насъ не „пріохочивалъ“. Но мы полюбили читать. А кромѣ этого мы жили себѣ, какъ намъ вздумается. Были постоянные совѣты намъ, чтобы мы не разбили себѣ лбовъ. При малѣйшемъ приключеніи такого рода на помощь намъ прибѣгали взрослые люди,—или наши старшіе, или прислуга. Но большихъ бѣдъ не могло быть. Опасныхъ игрушекъ у насъ не было: ничего желѣзнаго, ничего остраго. Это потому, что и вовсе не было у насъ покупныхъ игрушекъ. На игрушки намъ не было денегъ. Поранить себя намъ было нечѣмъ. А наши старшіе

*) Николай Гавриловичъ имѣетъ здѣсь въ виду, кромѣ своего отца, отца А. Н. Пыпина, семейство котораго жило рядомъ съ семействомъ Чернышевскихъ.

были люди смирные; шума, безпорядка не было даже у прислуги: вся прислуга—крѣпостные матери вашего мужа,—были люди истинно благородные. Потому и у насъ, росшихъ въ обществѣ честномъ и скромномъ, формировались скромные, разсудительные нравы въ нашихъ играхъ. Итакъ, опасности намъ отъ нашихъ рабовъ не было. И росли мы, собственно говоря, какъ проводятъ время взрослые люди, то-есть: дѣлали все, какъ намъ было угодно" *).

А что же было „угодно" дѣтямъ? Прежде всего упражнять свои физическія силы, играть и рѣзвиться. Ф. В. Духовниковъ въ своей статьѣ о жизни Чернышевскаго въ Саратовѣ, говоритъ, что въ дѣтствѣ Николай Гавриловичъ съ увлеченіемъ и страстью предавался играмъ. То же видно изъ воспоминаній В. Д. Чеснокова, бывшаго его товарищемъ по дѣтскимъ забавамъ. Но въ воспоминаніяхъ этого послѣдняго о дѣтскихъ и отроческихъ играхъ Николая Гавриловича выступаетъ еще одна черта, достойная замѣчанія.

„Начитавшись о жизни грековъ и римлянъ,—говоритъ онъ,—Николай Гавриловичъ еще въ дѣтствѣ (14 лѣтъ) сознавалъ важное значеніе гимнастическихъ упражненій для укрѣпленія организма (о чемъ онъ неоднократно говорилъ товарищамъ дѣтскихъ игръ), и занимался ими, хотя потихоньку отъ своихъ родителей, которые, вѣроятно, запрещали ему подобныя занятія. На своемъ заднемъ дворѣ онъ вмѣстѣ съ другими мальчиками вырылъ яму, черезъ которую и прыгали на призы. Кто перепрыгнетъ яму, тотъ получаетъ призъ: яблоки, орѣхи, деньги и проч. Обыкновенно перепрыгивалъ яму Николай Гавриловичъ, но онъ самъ, какъ старшій изъ насъ, не бралъ призовъ, предоставляя ихъ другимъ мальчикамъ, или же дѣлился съ ними. Другія наши гимнастическія упражненія были: перепрыгиваніе черезъ разные предметы, взлѣзаніе на столбъ, на деревья, метаніе камня изъ праща, бѣганіе взапуски, вперегонку и друг." **).

Кто знаетъ, какъ справился бы организмъ Н. Г. Чернышевскаго съ разрушительными для здоровья условіями, окружившими его во второй половинѣ его жизни, если-бы онъ съ дѣтства не былъ закаленъ этой демократической простотой воспитанія и этими гимнастическими упражненіями по примѣру „грековъ и римлянъ"?

---

*) „Современный Міръ", май, 1908 г., стр. 70—71.

**) К. М. Ѳедоровъ. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. Асхабадъ, 1904 г., стр. 5—6.

Съ нравственной стороны свобода дѣлать все, что „угодно“, была хороша тѣмъ, что давала ребенку полную возможность прямо смотрѣть на жизнь, не отгороженную отъ него китайской стѣной разнаго рода условностей. И по всему видно, что даже въ самой ранней своей юности Чернышевскій умѣлъ зоркими глазами смотрѣть на окружавшую его жизнь. Въ первой части романа „Прологъ“, несомнѣнно имѣющаго автобіографическое значеніе, онъ такъ говоритъ объ отношеніи своего героя Волгина къ „аристократіи“: „Онъ никогда не принадлежалъ и къ мелкому свѣтскому обществу, не только къ ихъ высокому, важному. Но какой же городъ или городишко не гремѣлъ славою ихъ подвиговъ? Онъ съ дѣтства зналъ, что это люди буйные, наглые“ *).

И не одну только „аристократію“ наблюдалъ Волгинъ (Чернышевскій) въ своемъ дѣтствѣ. Наблюдалъ онъ и такъ называемое простонародье.

„Ему вспоминалось, какъ, бывало, идетъ по улицѣ его родного города толпа пьяныхъ бурлаковъ: шумъ, крикъ, удалыя пѣсни, разбойничьи пѣсни. Чужой подумалъ бы—городъ въ опасности,—вотъ, вотъ бросятся грабить лавки и дома, разнесутъ все по щепочкѣ. Немножко растворяется дверь будки, оттуда просовывается заспанное старческое лицо съ сѣдыми, наполовину вылинявшими усами, раскрывается беззубый ротъ и не то кричитъ, не то стонетъ дряхлымъ крикомъ:—„Скоты, чего разорались? Вотъ я васъ!“ Удалая ватага притихла, передній за задняго прячется; еще бы такой окрикъ, и разбѣжались бы удалые молодцы, величавшіе себя „не ворами, не разбойничками, Стеньки Разина работничками“, обѣщавшіе, „что, какъ они весломъ махнутъ“, то и „Москвой тряхнутъ“, разбѣжались бы, куда глаза глядятъ, куда ноги понесутъ, крикни еще разъ инвалидъ въ дверь будки; но старый будочникъ знаетъ, что передъ Богомъ грѣхъ былъ бы слишкомъ пугать удалыхъ молодцовъ: лбы себѣ перебьютъ, ноги переломаютъ, навѣкъ бѣдные искалѣчатся,—будочникъ, понюхавъ табаку, говоритъ: „идите себѣ, ребята, съ Богомъ, только не будите меня старика, не вводите въ сердце“. И затворяется въ будкѣ,—и ватага удалыхъ молодцовъ, Стеньки Разина бывшихъ работничковъ, скромно идетъ дальше, перешептываясь, что будочникъ, на счастье имъ, видно, добрый человѣкъ“ **).

*) Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. I, отд. 2-й, стр. 171.

**) Тамъ же, та же страница.

Чернышевскій говоритъ, что Волгинъ въ дѣтствѣ приходилъ въ недоумѣніе отъ такихъ сценъ.

Въ виду автобіографическаго характера романа „Прологъ“ (т. е. собственно, первой его части—„Прологъ пролога“), можно сказать, что уже дѣтскія впечатлѣнія наталкивали Чернышевскаго на такія мысли, въ результатѣ которыхъ получались не только юмористическія картинки во вкусѣ только что приведенной. Да и эти юмористическія картинки не могли остаться безъ глубокаго вліянія на то представленіе взрослаго Чернышевскаго о „простонародьѣ“, о которомъ намъ не разъ придется говорить ниже. Теперь же мы только замѣтимъ, что наблюдать подобныя бытовыя сцены и приходить отъ нихъ въ недоумѣніе могъ только такой ребенокъ, которому воспитатели его не мѣшали подходить вплотную къ дѣйствительности и задумываться надъ ея явленіями *).

Но какъ ни демократично было воспитаніе Н. Г. Чернышевскаго, въ немъ былъ одинъ элементъ своеобразнаго аристократизма, заслуживающій полнаго нашего вниманія. Чтобы понять значеніе этого элемента, надо принять во вниманіе, напримѣръ, вотъ это свидѣтельство Н. Г. Чернышевскаго.

„Теперь, какъ я слышу, во многихъ, а быть можетъ и во всѣхъ семинаріяхъ уменьшилось или совсѣмъ вывелось пьянство. Но въ мое время въ саратовской семинаріи никакое сходбище семинаристовъ не могло не быть попойкой. Николай Александровичъ **) былъ настолько моложе своихъ товарищей, что не годился бы быть соучастникомъ попоекъ, если бъ жизнь въ семействѣ и не удерживала его отъ подобной наклонности ***).

И дальше: „когда я перешелъ въ реторику, изъ моихъ 122-хъ человѣкъ товарищей только четверо имѣли по 14 лѣтъ и только одинъ былъ 13 лѣтъ,—и мы смотрѣли на него, какъ на ребенка. Этотъ юноша кутилъ очень сильно и съ необычайнымъ усердіемъ выдѣлывалъ всякія молодецкія штуки“ ****).

Какъ видите, пьянство было очень соблазнительно для тогдаш-

---

*) Г. Евг. Ляцкій говоритъ: „Въ Саратовѣ...—а это было въ годы дѣтства и юности,—проникся онъ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ народныхъ нуждъ и стремленій, какое обнаружилъ онъ впослѣдствіи въ своихъ статьяхъ по крестьянскому вопросу“ („Совр. Міръ“, 1908 г. май стр. 57). Намъ это кажется совершенно справедливымъ.

**) Рѣчь идетъ о Добролюбовѣ.

***) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго т. IX, стр. 10—11.

****) Тамъ же, стр. 11.

няго семинариста: оно могло дать ему средство прослыть молодцомъ въ средѣ товарищей. Но, насколько мы знаемъ, Чернышевскій никогда не поддавался этому соблазну. Почему же? Оставляя въ сторонѣ другія возможныя здѣсь предположенія, мы напомнимъ читателю о томъ, что самъ Чернышевскій говоритъ о Добролюбовѣ: „по молодости лѣтъ, Добролюбовъ не годился бы для участія въ семинарскихъ попойкахъ даже въ томъ случаѣ, если бы жизнь въ семействѣ и не удерживала его отъ нихъ". Эти слова показываютъ, что, по мнѣнію Чернышевскаго, жизнь въ семействѣ удерживала молодыхъ людей отъ наклонности къ кутежамъ. Но семья семьѣ рознь. Чтобы жизнь въ семействѣ избавляла молодыхъ людей отъ вліянія дурныхъ примѣровъ, необходимо, чтобы она сама не давала имъ таковыхъ. Вотъ этимъ-то и хороша была семья Чернышевскихъ. Отецъ Николая Гавриловича былъ, конечно, человѣкомъ стараго закала, но онъ всегда былъ трезвъ, трудолюбивъ и серьезенъ. Это было очень большимъ счастьемъ для мальчика. Но это еще не все. При болѣе тѣсномъ сближеніи со своими товарищами по семинаріи Н. Г. Чернышевскій все-таки могъ бы заразиться ихъ пьянымъ „ухарствомъ", если бы этому не мѣшало то, что мы назвали элементомъ своеобразнаго „аристократизма" въ его положеніи. Его сближеніе съ товарищами по семинаріи не могло итти дальше извѣстныхъ предѣловъ, благодаря относительной зажиточности его семейства. Н. Г. Чернышевскій и самъ признаетъ великое значеніе этого элемента, говоря о жизни Добролюбова. И замѣчательно, что значеніе это онъ поясняетъ, именно своимъ собственнымъ примѣромъ.

„Николай Александровичъ,—говоритъ онъ,—былъ сынъ городского священника, пользовавшагося почетомъ у епархіальнаго начальства. Чтобы могли понять это люди, не знакомые съ семинарскимъ бытомъ, скажу о своихъ отношеніяхъ съ товарищами. Мой отецъ былъ также священникъ губернскаго города въ богатомъ (!) приходѣ (доходы моего отца отъ службы простирались до 1500 р. ассигнаціями, и мы жили безбѣдно). Всѣ товарищи были мнѣ пріятели; человѣкъ десять изъ нихъ были со мной задушевные друзья. Сколько разъ мяли мы бока другъ другу въ шуточной борьбѣ,—счета нѣтъ; словомъ сказать, въ классѣ и „бурсѣ" (куда я ходилъ чуть не каждый день для дружеской бесѣды) со мной церемонились товарищи такъ же мало, какъ и со всякимъ другимъ. Но въ гости ко мнѣ ходили только двое или трое изъ товарищей, и то изрѣдка; и надобно сказать, что они вовсе не были изъ числа

ближайшихъ моихъ друзей: они были не больше какъ пріятели; но они не совѣстились посѣщать меня въ моемъ семействѣ потому что у нихъ была приличная одежда и обувь. Ничто не можетъ сравниться съ бѣдностью массы семинаристовъ. Помню, что въ мое время изъ 600 человѣкъ въ семинаріи только у одного была волчья шуба,—и эта необычайная шуба представлялась чѣмъ-то даже не совсѣмъ приличнымъ ученику семинаріи, въ родѣ того, какъ если бы мужикъ надѣлъ брильянтовый перстень. Помню, какъ покойный Миша Левицкій, не имѣвшій другого костюма, кромѣ синяго зипуна зимой и желтаго панковаго халата лѣтомъ,—помню, какъ этотъ первый мой другъ не рѣшался навѣстить меня, когда я недѣли три не выходилъ изъ дому, будучи боленъ лихорадкой: а между тѣмъ мы съ Левицкимъ не могли пробыть двухъ дней, не видавшись, и когда онъ не ходилъ въ классъ, я каждый день приходилъ къ нему. Короче сказать, какъ ни умѣренна была степень знатности и богатства моей семьи, но почти для всѣхъ моихъ товарищей войти въ мой домъ казалось такъ же дико, они чувствовали бы себя въ немъ такими же бѣдняками и ничтожными людьми, какъ я чувствовалъ бы себя въ салонѣ герцога девонширскаго" *).

Дѣтская и отроческая жизнь Николая Гавриловича сложилась такъ, что онъ могъ безпрепятственно наблюдать окружавшую его весьма некрасивую дѣйствительность, и въ то же время имѣлъ счастливую возможность не запачкаться въ ея грязи. Это не всѣмъ выпадаетъ на долю.

Третьимъ счастливымъ обстоятельствомъ этого періода его жизни было то, что отецъ его, человѣкъ весьма образованный,—подготовилъ его прямо въ семинарію и тѣмъ позволилъ ему миновать „духовное училище", въ которомъ дѣти за малѣйшій проступокъ подвергались, по тогдашнему обычаю „физическому воздѣйствію" со стороны почтенныхъ педагоговъ. Въ семинарію онъ поступилъ 1 сентября 1844 года, въ классъ реторики. Здѣсь его занятія вообще пошли очень успѣшно. Но особенные успѣхи обнаружилъ онъ, повидимому, въ сочиненіяхъ на темы: „должно обуздывать страсти"; „праведникъ, яко гора Сіонъ, не подвигнется во вѣки"; „Богъ всѣхъ насъ влечетъ къ спасенію" и т. п. Будущій критикъ и публицистъ „Современника" развивалъ эти назидательныя темы къ полному удовольствію своего учителя словесности. „Можно

*) Полн. собр. сочин. Н. Г. Чернышевскаго, т. IX, стр. 10.

питать надежду,—находилъ этотъ послѣдній,—что авторъ современемъ будетъ мастеръ хорошій своего дѣла" *).

Съ переходомъ въ классъ философіи темы, надъ которыми упражнялся молодой „авторъ", становятся еще болѣе глубокомысленными. Нашъ молодой семинаристъ пишетъ разсужденіе, въ которомъ доказывается, что „начало премудрости—страхъ Господень"; онъ пишетъ также „о началѣ и значеніи ветхозавѣтныхъ приношеній", „о сущности міра", „о постепенномъ превращеніи Первозданнаго существа въ явленія", „о пространствѣ міра" и т. д. Но интереснѣе всего, что Николаю Гавриловичу уже въ этихъ своихъ упражненіяхъ пришлось столкнуться съ вопросомъ, который обратилъ на себя его серьезное вниманіе въ зрѣлые годы и которому посвящена одна изъ статей, написанныхъ имъ уже по возвращеніи изъ Сибири („Характеръ человѣческаго знанія", о ней рѣчь будетъ ниже): съ вопросомъ о томъ, „обманываютъ ли насъ чувственные органы?" Вотъ что читаемъ мы объ этомъ у г. Евг. Ляцкаго.

„Чернышевскій возражалъ Эккартсгаузену, утверждавшему невозможность опредѣлить соотвѣтствія нашихъ представленій о предметахъ самимъ предметамъ. Доказательства Эккартсгаузена Чернышевскій считалъ неубѣдительными. Если у насъ нѣтъ доказательствъ a posteriori, опытныхъ, по свойству самаго предмета изслѣдованія, то можно воспользоваться доказательствами a priori. Для какой же цѣли въ такомъ случаѣ даны намъ чувства, если они только обманываютъ насъ, слѣдовательно не помогаютъ, а вредятъ намъ, повергая насъ въ заблужденія? „А кто же былъ въ такомъ случаѣ виновникомъ обмана, въ который повергали бы насъ чувства? Безъ сомнѣнія, Тотъ, Кто намъ далъ ихъ. Но чтобы Богъ былъ виновникомъ лжи и причиной обмана, это рѣшительно невозможно. А если невозможно то, чтобы Богъ былъ виновникомъ лжи, то мы должны согласиться, что Онъ не далъ намъ чувственныхъ органовъ, устроенныхъ такъ, чтобы они насъ обманывали". Учитель оцѣнилъ сочиненіе отмѣткой: „Очень хорошо". Очевидно, отвѣтъ на вопросъ совершенно удовлетворялъ требованіямъ учителя, излишнія же умствованія не допускались" **).

Впослѣдствіи Н. Г. Чернышевскій рѣшалъ этотъ вопросъ, конечно, съ помощью другихъ соображеній. Но окончательный выводъ

---

*) Евг. Ляцкій. Назв. статья „Совр. Міръ", іюнь, 1908 г., стр. 38.
**) Тамъ же, стр. 40—41.

остался у него, въ послѣднемъ счетѣ, тотъ же: онъ всегда очень пренебрежительно относился къ теоріямъ, проповѣдывавшимъ непознаваемость внѣшняго міра.

Однако, онъ не долго радовалъ семинарское начальство своимъ успѣхами въ наукахъ. Въ концѣ декабря 1845 года онъ подали прошеніе объ увольненіи, а въ маѣ слѣдующаго онъ уже ѣхалъ „на долгихъ“ въ Петербургъ для поступленія въ университетъ. Сдѣлано было это съ полнаго согласія родителей, у которыхъ на этотъ счетъ были свои житейскія основанія *). Что же касается самого Н. Г. Чернышевскаго, то у насъ есть лишь нѣкоторыя косвенныя указанія на причины, побудившія его къ отказу отъ духовной карьеры. Впрочемъ, указанія эти довольно ясны. Онъ самъ писалъ о себѣ: „Петръ Никифоровичъ Каракозовъ, священникъ церкви при Александровской больницѣ, первый пожелалъ мнѣ именно того, желаніемъ чего исполнена вся душа моя: говоря о поѣздкѣ близкой моей въ Петербургъ, онъ сказалъ: „Дай Богъ намъ съ вами свидѣться, пріѣзжайте къ намъ оттуда профессоромъ, великимъ мужемъ, а мы уже въ то время посѣдѣемъ“. Къ этому онъ прибавлялъ: „Какъ душа моя вдругъ тронулась этимъ! Какъ пріятно видѣть человѣка, который хотя и нечаянно, безъ намѣренія, можетъ быть, но все-таки скажетъ то, что ты самъ думаешь, пожелаетъ тебѣ того, чего ты жаждешь и чего почти никто не пожелаетъ ни себѣ, ни тебѣ, особенно въ такихъ лѣтахъ, какъ я, и положеніи“ **). Встрѣтившись по пути въ Петербургъ съ дьякономъ М. С. Протасовымъ, который сказалъ ему: „Желаю вамъ, чтобы вы были полезны для просвѣщенія и Россіи“, будущій студентъ опять записываетъ: „Мнѣ теперь обязанность: быть имъ съ Петромъ Никифоровичемъ вѣчно благодарнымъ за ихъ желаніе: вѣрно эти люди могутъ понять, что такое значитъ стремленіе къ славѣ и служба человѣчеству. Маменька сказала: это уже слишкомъ много, довольно если и для отца и матери; нѣтъ этого еще весьма мало скажутъ о немъ; надобно именно быть полезнымъ и для всего отечества. Я вѣчно долженъ ихъ помнить“ ***). Къ этому можно прибавить, что уже въ одномъ изъ своихъ семинарскихъ сочиненій Чернышевскій высказался, какъ горячій сторонникъ „просвѣщенія“. Сочиненіе это было написано на ту тему, что

*) Тамъ же, стр. 44—45.
**) Тамъ же, стр. 46—47
***) Тамъ же, стр. 47.

образованіе человѣчества зависитъ отъ образованія молодого поколѣнія. По словамъ г. Евг. Ляцкаго, цитирующаго это отроческое сочиненіе, „Чернышевскій ясно и послѣдовательно установилъ связь между задачами, лежащими на молодомъ поколѣніи и тѣмъ богатствомъ знанія культуры, которое это поколѣніе получаетъ отъ прошлаго“ *). Онъ говорилъ тамъ, что знаніе это—неизсякаемый рудникъ, который доставляетъ владѣтелямъ своимъ тѣмъ большее сокровище, чѣмъ глубже будетъ разработанъ“. Но особенно интересно окончаніе этого сочиненія, въ которомъ юный авторъ призывалъ къ неутомимой дѣятельности въ области знанія. „Подумаемъ только!—восклицалъ онъ,—ходъ образованія цѣлаго человѣчества зависитъ отъ нашей дѣятельности“ **). Но въ то время, къ которому относится эта работа, Чернышевскій, повидимому, еще не дѣлалъ различія между свѣтскимъ и, такъ называемымъ, духовнымъ просвѣщеніемъ. А потомъ его молодая мысль очень скоро замѣтила это различіе, и онъ увидѣлъ, что духовная карьера не соотвѣтствуетъ его взглядамъ на вещи и его стремленіямъ.

Въ августѣ 1846 года онъ былъ принятъ въ число студентовъ петербургскаго университета. О годахъ его студенчества мы знаемъ мало. Кажется нельзя сомнѣваться въ томъ, что, какъ говоритъ г. К. Ѳедоровъ: „Въ теченіе университетскаго курса Николай Гавриловичъ занимался древними языками, словесностью, славянскими нарѣчіями, слушалъ лекціи извѣстнаго философа и археолога Изм. Ив. Срезневскаго, и подъ его руководствомъ составилъ словарь къ Ипатьевской ***) лѣтописи. Словарь этотъ былъ напечатанъ въ „Прибавленіяхъ къ „Извѣстіямъ II отд. Акад. Наук.“ въ 1853 году ****). Но все это слишкомъ неопредѣленно. Мы не знаемъ, напримѣръ, когда, именно, начались первые литературные опыты Чернышевскаго. Первый томъ полнаго собранія его сочиненій начинается двумя библіографическими замѣтками (о книгахъ А. Гильфердинга и Нейкирха), напечатанными въ 7-й книжкѣ „Отечественныхъ записокъ“ за 1853 годъ. Отсюда можно заключить, что къ половинѣ названнаго года относится начало его литературной дѣятельности. Но въ томъ же томѣ, въ про-

*) Тамъ же, стр. 40.

**) Тамъ же, та же стр.

***) Тутъ у г. Ѳедорова опечатка: вмѣсто „Ипатьевской“ стоитъ „Игнатьевской“. Теперь словарь этотъ перепечатанъ во 2-й части X тома полн. собран. сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.

****) К. Ѳедоровъ—Н. Г. Чернышевскій, Асхабадъ, 1904, стр. 11.

странной библіографической замѣткѣ о „Справочномъ Энциклопедическомъ словарѣ“ Старчевскаго мы читаемъ: „При выходѣ въ свѣтъ перваго тома этого Словаря, мы представили („Отеч. Зап.“ 1847 года, № 8) подробный разборъ его, доказывавшій, что предпріятія подобнаго рода, для того, чтобы на самомъ дѣлѣ принести пользу публикѣ, должны быть составляемы по строго обдуманному плану и выполняемы съ большой аккуратностью, и что ни тому, ни другому условію Справочный Словарь не удовлетворяетъ. Публика, сколько можемъ судить, была совершенно согласна съ нами *)“. Что же это значитъ?

На этотъ счетъ можно сдѣлать два предположенія, и мы разсмотримъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Во-первыхъ, можно предположить,—и это предположеніе, конечно, прежде всего приходитъ въ голову,—что литературная дѣятельность Н. Г. Чернышевскаго началась уже въ 1847 году (если не ранѣе) и что, слѣдовательно, только по недосмотру издателя полнаго собранія его сочиненій замѣтка о первомъ томѣ названнаго словаря не вошла въ это собраніе. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: въ 1847 году Чернышевскій имѣлъ 19 лѣтъ, т.-е. былъ въ такомъ возрастѣ, когда вполнѣ возможно написать дѣльную библіографическую замѣтку. Принявъ это предположеніе, мы неизбѣжно сталкиваемся съ двумя вопросами. Была ли указанная замѣтка, въ самомъ дѣлѣ, первымъ появившимся въ печати произведеніемъ нашего автора? И неужели онъ, напечатавъ ее въ 1847 г., не печаталъ ничего вплоть до іюля 1853 года, когда появились, какъ мы знаемъ, въ томъ же журналѣ его замѣтки о книгахъ Гильфердинга и Нейкирха? Мы не можемъ рѣшить ни одного изъ этихъ вопросовъ; ихъ могли бы рѣшить, вѣроятно, только М. Н. Чернышевскій или г. Евг. Ляцкій **).

---

*) Полн. собр. Сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. I, стр. 14.

**) Находясь подъ слѣдствіемъ, Чернышевскій показывалъ, что онъ уже въ іюлѣ или августѣ 1846 г. отнесъ въ редакцію „Отеч. Записокъ“ переводъ одного фельетона „Journal des Debats“, а въ концѣ 1847 года или началѣ 1848 г. вручилъ Некрасову для напечатанія въ „Современникѣ“ повѣсть (содержаніемъ которой были несчастія сироты-дѣвушки, воспитывавшейся въ институтѣ и потомъ попавшей въ дурныя руки). Повѣсть эта не была напечатана (М. К. Лемке. „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго“. Былое 1906 г., № 4, стр. 161). Вотъ пока все, что мы знаемъ. Но эти немногія данныя, какъ будто, свидѣтельствуютъ о томъ, что другихъ литературныхъ сношеній у Чернышевскаго не было въ ту пору ни

Второе, допустимое здѣсь, предположеніе состоитъ въ томъ, что замѣтка о „Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“, напечатанная въ I томѣ сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, принадлежитъ не ему, а какому-нибудь другому сотруднику „Отечественныхъ Записокъ“, которому, въ такомъ случаѣ принадлежала бы, разумѣется, и появившаяся въ 1847 году рецензія о первомъ томѣ того же словаря. Въ такомъ предположеніи тоже нѣтъ ничего невѣроятнаго. Рецензіи, печатавшіяся тогда въ „Отеч. Запискахъ“, не подписывались. Правда, о принадлежности данной статьи тому или другому автору можно судить не только по его подписи. На мысль о такой принадлежности, обыкновенно, наводитъ также ея содержаніе и языкъ. Но, руководствуясь этими послѣдними признаками, мы находимъ второе предположеніе болѣе вѣроятнымъ, нежели первое.

Мы понимаемъ, что трудно судить о языкѣ начинающаго писателя, какимъ былъ бы Чернышевскій въ 1847 году: начинающіе авторы пишутъ языкомъ еще не установившимся и потому не характернымъ для нихъ. Но языкъ рецензіи, напечатанной въ 1847 г., кажется намъ вполнѣ установившимся. Само по себѣ и это не могло бы имѣть рѣшающаго значенія: прочитавъ первыя печатныя произведенія Добролюбова, врядъ ли кто скажетъ, что они написаны новичкомъ въ литературѣ. Но дѣло въ томъ, что Чернышевскій еще въ бытность свою на IV университетскомъ курсѣ, писалъ языкомъ гораздо менѣе установившимся, нежели тотъ, какимъ написана интересующая насъ рецензія. Въ этомъ легко убѣдиться, прочитавъ его статью о „Бригадирѣ Фонъ-Визина“, впервые напечатанную во 2-й части X тома его сочиненій, но,—какъ это видно изъ предпосланнаго ей примѣчанія издателя,—относящуюся, именно, ко времени пребыванія Чернышевскаго на IV курсѣ. Языкъ этой статьи есть, несомнѣнно, языкъ писателя, гораздо менѣе „набившаго себѣ руку“, нежели тотъ, который написалъ замѣтку о I томѣ „Справочнаго Энциклопедическаго словаря“.

То же приходится сказать и о содержаніи этой послѣдней: оно обнаруживаетъ въ авторѣ такую законченность міросозерцанія и такое богатство свѣдѣній, какихъ мы не видимъ въ статьѣ о Бригадирѣ. Между тѣмъ, статья эта написана Н. Г. Чернышевскимъ,

---

съ Краевскимъ (т.-е. съ „Отеч. Записками“), ни съ Некрасовымъ (т.-е. съ „Современникомъ“): иначе онъ упомянулъ бы о нихъ, а между тѣмъ, онъ въ своемъ показаніи говоритъ лишь о томъ, какъ онъ увидѣлся съ названными лицами снова только въ 1853 году.

когда онъ былъ на IV курсѣ, а рецензія 1847 года, если бы она принадлежала ему, была бы написана или въ концѣ перваго курса, или сейчасъ же по переходѣ на второй. Поэтому мы думаемъ, что издатель его сочиненій ошибся, приписавъ ему замѣтку, занимающую стр. 14—25 перваго тома.

Но и это, къ сожалѣнію, все-таки не рѣшаетъ вопроса о томъ, когда начались первые литературные опыты нашего автора. Въ ожиданіи его рѣшенія, обратимся опять къ статьѣ о Бригадирѣ. На ней очень стоитъ остановиться.

Почти въ самомъ ея началѣ молодой авторъ дѣлаетъ слѣдующую, весьма интересную оговорку.

„О вліяніи Фонъ-Визина на общество я не говорю ничего, потому что, если Фонъ-Визинъ его и имѣлъ, то слишкомъ мало. Нужно, впрочемъ, согласиться въ томъ, что называть вліяніемъ на общество какого-нибудь литературнаго произведенія: если то, что при появленіи новаго произведенія поговорятъ о немъ, похвалятъ или осудятъ автора, то Фонъ-Визинъ имѣлъ его, и имѣлъ особенно Бригадиромъ; онъ самъ говоритъ въ своей исповѣди, какъ много при дворѣ говорили о его Бригадирѣ, какъ другъ передъ другомъ наперерывъ приглашали вельможи его читать свою комедію—но, кажется, этого еще нельзя назвать вліяніемъ на общество. Оно бываетъ только тогда, если идеи, лежащія въ основаніи произведенія, входятъ въ живое прикосновеніе съ дѣйствительною (умственною, нравственною или практическою, это все равно, но непремѣнно съ дѣйствительною) жизнью общества, такъ что, прочитавши это произведеніе, общество станетъ чувствовать себя не совсѣмъ такимъ, какъ прежде, почувствуетъ, что его взглядъ на вещи прояснился или измѣнился, почувствуетъ, что данъ толчокъ его умственной или нравственной жизни“ *).

Въ этихъ словахъ кратко выраженъ тотъ взглядъ на задачу литературы, который подробно развивался впослѣдствіи Н. Г. Чернышевскимъ и который былъ усвоенъ также Н. А. Добролюбовымъ **). Тутъ уже виденъ будущій авторъ „Гоголевскаго періода русской литературы“; но этотъ авторъ еще не выработалъ той оригинальной манеры изложенія, которая была такъ характерна для него

*) Полн. собр. Сочин. Н. Г. Чернышевскаго, т. X, часть 2, стр. 2.

**) По вопросу о значеніи сатиры см. особенно статью Добролюбова: „Русская сатира въ вѣкъ Екатерины“ (Совр. 1859, № 10), перепечатанную въ I томѣ его сочиненій.

впослѣдствіи; онъ только начинаетъ ея выработку. Точно также и аргументація его далеко не отличается тѣмъ обиліемъ свѣдѣній, которымъ поражаютъ читателя его позднѣйшія сочиненія. Сейчасъ видно, что передъ нами все-таки только „проба пера“. Но какъ интересна эта „проба пера“, показываютъ, кромѣ только что сдѣланной нами выписки, еще слѣдующія строки:

„Требованіе: „характеры, выведенные писателемъ, особенно писателемъ драматическимъ, должны непремѣнно развиваться; если они остаются неподвижными, авторъ виноватъ и произведеніе лишено художественнаго достоинства“,—это требованіе слышишь безпрестанно, безпрестанно слышишь упреки тому или другому произведенію за невыполненіе его. Но, кажется, что такого требованія нельзя поставить всегда приложимымъ закономъ художественной красоты литературнаго произведенія. Законы художественности не могутъ противорѣчить тому, что есть въ дѣйствительности, не могутъ состоять въ томъ, чтобы дѣйствительность изображалась не въ своемъ настоящемъ видѣ; какъ она есть, такъ и должна она отразиться въ художественномъ произведеніи. А въ дѣйствительности мы часто встрѣчаемся съ такой неглубокой натурой, съ такимъ немногосложнымъ характеромъ, что съ перваго же раза видишь такого человѣка насквозь и видишь его всего, рѣшительно всего, такъ что если и двадцать лѣтъ проживешь съ нимъ не увидишь въ немъ ничего, кромѣ того, что высказалось въ первомъ же его словѣ, въ первомъ же его взглядѣ. Какимъ же образомъ такой человѣкъ будетъ развивать передъ вами свой характеръ въ художественномъ произведеніи, когда въ дѣйствительности не развиваетъ его?“ *)

Идеи, высказываемыя здѣсь, были идеями Бѣлинскаго, какъ онѣ сложились въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности; то же самое вниманіе къ дѣйствительности, то же самое убѣжденіе въ томъ, что художникъ долженъ изображать дѣйствительность, какъ она есть безъ всякихъ прикрасъ и недомолвокъ. Съ этой стороны, статья о Бригадирѣ имѣетъ огромное значеніе для біографа Н. Г. Чернышевскаго. Она показываетъ, что къ концу своего университетскаго курса нашъ авторъ былъ убѣжденнымъ послѣдователемъ Бѣлинскаго, къ которому онъ всегда относился впослѣдствіи съ восторженнымъ уваженіемъ.

Но можно ли сказать, что онъ воспитался именно на сочине-

*) Полное собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2, стр. 7.

ніяхъ Бѣлинскаго и его кружка? что онъ именно изъ этого источника почерпнулъ свои взгляды? Нѣтъ, это было бы не совсѣмъ правильно. Чернышевскій былъ, несомнѣнно, очень многимъ обязанъ Бѣлинскому; но надо все-таки признать, что онъ былъ обязанъ ему далеко не всѣмъ.

Хотя въ своихъ сочиненіяхъ Чернышевскій крайне рѣдко касается исторіи своего умственнаго развитія, но все-таки у него попадаются мимоходомъ нѣкоторыя замѣтки, проливающія на нее извѣстный свѣтъ. Къ числу этихъ, крайне рѣдкихъ замѣтокъ принадлежитъ письмо, написанное имъ послѣ смерти Добролюбова, въ отвѣтъ на статью нѣкоего З—на и напечатанное въ февральской книжкѣ „Современника“ за 1862 г. Въ своей статьѣ З—нъ сказалъ, между прочимъ, что покойный Добролюбовъ былъ ученикомъ Чернышевскаго и находился подъ сильнѣйшимъ его вліяніемъ. Чернышевскій горячо и даже очень раздражительно отрицаетъ это, говоря, что Добролюбовъ совершенно самостоятельно пришелъ къ своимъ взглядамъ и былъ гораздо выше его какъ по своимъ умственнымъ силамъ, такъ и по литературному таланту. Намъ не нужно рѣшать теперь, насколько совпадало съ истиной это скромное заявленіе. Говоря по правдѣ, мы, со своей стороны, очень сомнѣваемся въ томъ, чтобы оно совпадало съ нею. Но это насъ здѣсь не касается; изъ всего письма Н. Г. Чернышевскаго насъ интересуетъ теперь лишь слѣдующее мѣсто. Напомнивъ З—ну, что Добролюбовъ зналъ нѣмецкій и французскій языки и могъ такимъ образомъ въ подлинникѣ ознакомиться съ наиболѣе замѣчательными литературными произведеніями Франціи и Германіи, Чернышевскій говоритъ: „Если же даровитый человѣкъ въ рѣшительные для своего развитія годы читаетъ книги нашихъ общихъ западныхъ великихъ учителей, то книги и статьи, писанныя по-русски, могутъ ему нравиться, могутъ восхищать его (какъ и Добролюбовъ восхищался тогда нѣкоторыми вещами, писанными по-русски), но ни въ какомъ случаѣ не могутъ уже онѣ служить для него важнѣйшимъ источникомъ тѣхъ знаній и понятій, которыя почерпаетъ онъ изъ чтенія. Что же касается вліянія моихъ статей на Добролюбова, этого вліянія не могло быть даже и въ той, не очень значительной степени, какую могли имѣть статьи Бѣлинскаго. Я не имѣлъ тогда важнаго вліянія въ литературѣ *).

*) „Въ изъявленіе признательности“, письмо къ г. З—ну. Сочиненія, т. IX, стр. 101.

На самомъ дѣлѣ, въ то время, о которомъ идетъ здѣсь у Чернышевскаго рѣчь,—т. е. въ 1855—56 гг.,—когда уже появились въ печати его знаменитые „Очерки гоголевскаго періода русской литературы“,—его вліяніе было гораздо сильнѣе, нежели онъ утверждаетъ. Но, повторяемъ, здѣсь насъ это не касается. Для насъ здѣсь важно только то, что онъ также зналъ иностранные языки, и что онъ, въ рѣшительные для своего развитія годы, также читалъ книги „нашихъ общихъ великихъ западныхъ учителей“. Поэтому позволительно думать, что и его могли только восхищать нѣкоторыя, писанныя по-русски, статьи и книги,—между которыми первое мѣсто принадлежало сочиненіямъ Бѣлинскаго,—но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для него онѣ не были „первоначальнымъ источникомъ его понятій и знаній“.

Каковъ же былъ этотъ источникъ? Статья „о Бригадирѣ Фонъ-Визина“ и на это даетъ нѣкоторыя указанія. Ея молодой авторъ говоритъ:

„Нельзя читать безъ отраднаго чувства „Маленькой Фадетты“, „Франсуа-ле-Шампи“ и другихъ повѣстей въ этомъ родѣ величайшаго писателя нашего времени: какъ отдыхаешь въ этой прекрасной чистой сферѣ! Каждаго изъ этихъ поселянъ съ удовольствіемъ назвалъ бы своимъ другомъ, безъ скуки прожилъ бы годы въ ихъ обществѣ и не пришло бы, кажется, ни разу въ голову, что ты выше ихъ по уму и образованію, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ много выше ихъ: а между тѣмъ не правда ли, что всѣ они (кромѣ самой Фадетты) люди ограниченные и по большей части очень и очень ограниченные?“ *).

Это, въ высшей степени интересное мѣсто показываетъ, что Чернышевскій зачитывался романами изъ крестьянской жизни Жоржъ-Сандъ, бывшими тогда литературной новинкой **). Онъ ставилъ Жоржъ-Сандъ на самое первое мѣсто между писателями своего времени. Но читалъ и изучалъ онъ, конечно, не только французскихъ писателей. Встрѣчающіеся въ той же статьѣ отзывы его о французской литературѣ XVII вѣка даютъ понять, что онъ тогда уже находился подъ очень сильнымъ вліяніемъ Лессинга, которому онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, посвятилъ цѣлое сочиненіе ***).

*) Сочиненія, т. X, ч. 2, стр. 13.

**) Романъ la Petite Fadette вышелъ въ 1848 г., а François le Champi въ 1850 г.

***) „Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность“. („Современникъ“, 1856 г. №№ 10—12; 1857 г. №№ 1, 3—6. См. полн. собр. соч. т. III).

Впрочемъ, надо замѣтить, что отзывы эти очень пристрастны, и что если ихъ приходится отнести на счетъ вліянія Лессинга, то лишь съ той оговоркой, что молодой русскій ученикъ, въ своемъ увлеченіи, слишкомъ преувеличилъ мысли своего нѣмецкаго учителя *).

Минуя Шиллера и Гете, съ которыми Чернышевскій познакомился, вѣроятно, еще въ бытность свою въ семинаріи, скажемъ, что онъ, какъ видно, въ ту же до-университетскую эпоху началъ изучать классиковъ нѣмецкой философіи, особенно Гегеля. Но по его собственнымъ словамъ, онъ зналъ тогда лишь „русскія изложенія системы Гегеля, очень неполныя". Изъ его же словъ видно, что эти неполныя изложенія „объясняли систему великаго нѣмецкаго идеалиста въ духѣ лѣвой стороны Гегелевской школы" **). (Не были ли это „Письма объ изученіи природы" А. И. Герцена?) Далѣе, мы, опять на основаніи свидѣтельства самого Чернышевскаго, знаемъ, что послѣ Гегеля,—котораго онъ началъ изучать на нѣмецкомъ языкѣ по переѣздѣ въ Петербургъ и который въ подлинникѣ понравился ему меньше, нежели въ русскихъ изложеніяхъ,—ему „случайнымъ образомъ" попалось одно изъ главныхъ сочиненій Людвига Фейербаха. Авторъ „Сущности христіанства" имѣлъ на него рѣшительное вліяніе. Чернышевскій самъ говоритъ, что онъ „сталъ послѣдователемъ этого мыслителя" и усердно читалъ и перечитывалъ его сочиненія.

Съ Фейербахомъ онъ началъ знакомиться,—какъ разсказываетъ онъ самъ,—„лѣтъ за шесть до того, какъ ему представилась житейская надобность написать ученый трактатъ, т. е., другими словами, до того, какъ онъ сѣлъ за свою магистерскую диссертацію по эстетикѣ. А такъ какъ диссертація эта была написана имъ въ 1853 году ***), то выходитъ, что съ Фейербахомъ онъ сталъ знако-

*) См., напримѣръ (тамъ же, стр. 15), крайне презрительныя замѣчанія о французской комедіи XVII вѣка и объ ея „знаменитомъ до сихъ поръ представителѣ" Мольерѣ, „у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ едва ли можно найти двѣ страницы сряду естественнаго разговора, до того все натянуто и пересолено, чтобъ выходило смѣшнѣе и чтобы „рѣзче" выставлялись характеры".

**) См. предисловіе къ 3-му изд.: „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности", напечатанное въ 2-й ч. X т. Полн. собр сочиненій. Объ этомъ интересномъ предисловіи см. ниже, въ главѣ „Философскіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго".

***) См. примѣчаніе издателя на стр. 84, 2-й ч., X т. Полное собр. сочиненій Н. Г. Чернышевскаго.

миться едва ли уже не на 2-мъ курсѣ университета. Во всякомъ случаѣ, онъ оставался послѣдователемъ Фейербаха до самаго конца своей жизни, и мы позволимъ себѣ обратить вниманіе г. К. Ѳедорова на то обстоятельство, что вліяніе этого мыслителя на философскіе взгляды нашего великаго писателя было несравненно сильнѣе, нежели вліяніе „извѣстнаго философа Изм. Ив. Срезневскаго". (См. выше).

Фейербахъ далъ философскую основу всему міросозерцанію Н. Г. Чернышевскаго. Но намъ уже извѣстно, что нашъ авторъ зачитывался романами Жоржъ-Сандъ. А романами этими затрагивались многія темы, имѣвшія непосредственное отношеніе къ общественной и семейной жизни. И мы врядъ ли ошибемся, предположивъ, что уже во время пребыванія своего въ университетѣ Чернышевскій много занимался этими темами. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что онъ тогда же познакомился съ важнѣйшими соціалистическими системами и началъ изучать политическую экономію *). У насъ пока еще нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, какъ шли его занятія этого рода. Одно можемъ мы сказать почти съ самой полной увѣренностью. Хотя, собираясь въ Петербургъ, онъ пришелъ въ восторгъ отъ словъ священника Каракозова, пожелавшаго ему стать мужемъ науки, но въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, онъ уже не имѣлъ намѣренія стать ученымъ спеціалистомъ. Его влекла къ себѣ дѣятельность литературнаго критика и публициста. Еще въ семинаріи онъ рѣшилъ посвятить свои силы работѣ на благо своей страны. И, можетъ быть, онъ уже въ то время находилъ, что эта работа должна имѣть не столько ученый, сколько публицистическій характеръ. Въ „Очеркахъ гоголевскаго періода" онъ очень опредѣленно высказывается въ этомъ смыслѣ.

„Многіе изъ великихъ ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, говоритъ онъ тамъ,—имѣли въ виду служеніе чистой наукѣ или чистому искусству, а не какимъ-нибудь исключительнымъ потребностямъ своей родины. Бэконъ, Декартъ, Галилей, Лейбницъ, Ньютонъ, Гумбольдтъ и Либихъ, Кювье и Фаредэ, трудились и трудятся, думая о пользахъ науки вообще, а не о томъ, что именно въ данное время нужно для блага извѣстной страны, бывшей ихъ родиной. Мы не знаемъ и не спрашиваемъ себя, любили ли они родину: такъ далека ихъ слава отъ связи съ патріотическими заслу-

*) Уже въ 1854 г. появляется въ „Совр." (№ 6) очень хорошая замѣтка его о книгѣ Львова: „О землѣ, какъ элементѣ богатства".

гами. Они, какъ дѣятели умственнаго міра, космополиты. То же надобно сказать о многихъ великихъ поэтахъ Западной Европы. Укажемъ въ примѣръ на величайшаго изъ нихъ—Шекспира... Назовемъ Аріоста, Корнеля, Гете. О художественныхъ заслугахъ передъ искусствомъ, а не особенныхъ, преимущественныхъ стремленіяхъ дѣйствовать во благо родины, напоминаютъ ихъ имена" *). У насъ не то. Русскіе дѣятели умственнаго міра находятся,—по мнѣнію Чернышевскаго,—въ совершенно другомъ положеніи. Имъ еще нельзя быть космополитами, т.-е. нельзя думать объ интересахъ чистой науки или чистаго искусства. Въ этомъ смыслѣ, по условіямъ своей страны, имъ приходится быть „патріотами", т.-е. думать прежде всего о спеціальныхъ нуждахъ своей родины. Идеаломъ „патріота" въ этомъ смыслѣ является для Чернышевскаго Петръ Великій, человѣкъ, задавшійся цѣлью перенести въ Россію всѣ блага европейской цивилизаціи. Онъ думалъ, что и въ его время цѣль эта далеко еще не вполнѣ была достигнута. „До сихъ поръ для русскаго человѣка единственная возможная заслуга передъ высокими идеями правды, искусства, науки—содѣйствіе распространенію ихъ въ его родинѣ. Современемъ будутъ и у насъ, какъ у другихъ народовъ, мыслители и художники, дѣйствующіе чисто только въ интересахъ науки или искусства; но пока мы не станемъ по своему образованію наравнѣ съ наиболѣе успѣвшими націями, есть у каждаго изъ насъ другое дѣло, болѣе близкое сердцу,—содѣйствіе, по мѣрѣ силы, дальнѣйшему развитію того, что начато Петромъ Великимъ. Это дѣло до сихъ поръ требуетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ требовать всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, какими обладаютъ наиболѣе одаренные сыны нашей родины" **). Чернышевскій именно и хотѣлъ посвятить свои силы распространенію на своей родинѣ высокихъ идей правды, искусства, науки. И по всему видно, что это намѣреніе сложилось гораздо раньше выступленія его на литературное поприще. По всей вѣроятности, оно окончательно окрѣпло еще на университетской скамьѣ.

Вслѣдствіи, находясь въ заключеніи и обвиняемый въ проповѣди соціалистическихъ ученій, Чернышевскій писалъ:

„Я не соціалистъ въ серьезномъ ученомъ смыслѣ слова, по очень простой причинѣ: я не охотникъ защищать старыя теоріи

*) Полн. собр. сочин. Н. Г. Чернышевскаго т. II, стр. 120—121.

**) Тамъ же, стран. 130—132.

противъ новыхъ. Я—кто бы я ни былъ—стараюсь понимать современное состояніе общественной жизни и вытекающихъ изъ нея убѣжденій. Распаденіе людей, занимающихся политической экономіей, на школы соціалистовъ и несоціалистовъ, такой фактъ въ историческомъ развитіи науки, который отжилъ свое время. Практическое примѣненіе этого внутренняго распаденія науки также фактъ минувшаго: въ Англіи—давно, на континентѣ Западной Европы—съ событій 1848 г. Я знаю, что есть многіе отсталые люди, полагающіе, что это мое мнѣніе подлежитъ спору; но это споръ уже о томъ, основательны ли мои ученыя убѣжденія,—предметъ чуждый юридическаго значенія. А между тѣмъ онъ введенъ въ дѣло" *).

Никакая нравственность не могла требовать отъ Н. Г. Чернышевскаго, чтобы онъ откровенно изложилъ передъ своими обвинителями, самыя задушевныя свои мысли. Поэтому всѣ данныя имъ показанія этого рода могутъ служить матеріаломъ для его біографіи лишь въ томъ случаѣ, если біографъ сумѣетъ отнестись къ нимъ съ надлежащей критикой. Въ данномъ случаѣ критика должна выяснить, что значитъ это заявленіе: „я не соціалистъ въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ этого слова". На самомъ дѣлѣ оно значитъ, что, по мнѣнію Чернышевскаго, совершенно отжило свое время извѣстное старое противоположеніе соціализма политической экономіи. А это мнѣніе, въ свою очередь, означаетъ, что соціализмъ не только не долженъ бороться противъ политической экономіи, но, напротивъ, долженъ обосновать свои требованія съ помощью ея главнѣйшихъ положеній. Согласно этому своему убѣжденію, Чернышевскій взялся за переводъ и за комментированіе „Основаній политической экономіи" Дж. Ст. Милля. И когда его обвинили въ распространеніи соціалистическихъ ученій, онъ сослался на это обстоятельство, какъ на доводъ въ свою защиту. Это очень хорошо видно изъ другого мѣста цитированнаго нами документа.

„Въ юридическомъ смыслѣ слова,—говоритъ тамъ Н. Г. Чернышевскій,—въ серьезномъ, ученомъ смыслѣ, который одинъ имѣетъ юридическое значеніе, терминъ „соціалистъ" противорѣчитъ фактамъ моей дѣятельности. Обширнѣйшимъ изъ моихъ трудовъ по политической экономіи былъ переводъ трактата Милля, ученика

*) М. К. Лемке „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго (Былое, 1906, № 5, стр. 102).

Рикардо; Милль—величайшій представитель школы Адама Смита въ наше время; онъ гораздо вѣрнѣе Адаму Смиту, чѣмъ Рошеръ. Изъ примѣчаній, которыми я дополняю переводъ, обширнѣйшее по объему,—изслѣдованіе о Мальтусовомъ законѣ. Я принимаю его и стараюсь разбить *) Мальтусову формулу. Этотъ принципъ—пробный камень безусловной вѣрности духу Адама Смита" **).

Въ юридическомъ смыслѣ слова, конечно, странно,—въ виду уже упомянутаго стараго противопоставленія соціализма политической экономіи,—обвинять въ пропагандѣ соціализма человѣка, который переводилъ Милля и требовалъ отъ экономической науки безусловной вѣрности духу Адама Смита. Но этимъ совсѣмъ не лишается своего теоретическаго значенія вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ комментировалъ Чернышевскій Милля, и не держался ли онъ того мнѣнія, что безусловно вѣрная духу Адама Смита экономическая наука должна вести къ соціализму. Ниже мы показываемъ, что нашъ авторъ комментировалъ Милля именно въ соціалистическомъ смыслѣ. Мы показываемъ тамъ, кромѣ того, какимъ образомъ дѣлалъ онъ соціалистическіе выводы изъ основныхъ положеній политической экономіи. Впрочемъ, это врядъ ли будетъ оспариваться кѣмъ-нибудь. Врядъ ли кто сомнѣвается въ томъ, что Чернышевскій былъ соціалистомъ. Но, какъ мы уже сказали въ предисловіи, до сихъ поръ многіе отказываются признать Чернышевскаго сторонникомъ утопическаго соціализма. Мы надѣемся, что наше послѣдующее изложеніе съ достаточной ясностью обнаружитъ передъ читателемъ неосновательность подобнаго отказа. Здѣсь же мы замѣтимъ лишь вотъ что:

Н. Г. Чернышевскій, въ самомъ дѣлѣ, считалъ отжившимъ старое противопоставленіе соціализма политической экономіи. Но это у него значило, главнымъ образомъ, то, что послѣ опыта 1848 года, нельзя уже возлагать надеждъ на альтруистическія чувства людей: состраданіе къ угнетеннымъ, сочувствіе къ ближнему и т. п., а нужно апеллировать къ ихъ разсудку и защищать соціализмъ съ точки зрѣнія выгоды, экономическаго „расчета". Но, какъ мы покажемъ, такая апелляція къ расчету совсѣмъ не исключала утопической точки зрѣнія на общественную жизнь.

Во второй части написаннаго Чернышевскимъ въ Сибири романа „Прологъ" Левицкій (Добролюбовъ) заноситъ въ свой днев-

*) Въ статьѣ г. Лемке стоитъ „развить". Но это очевидная опечатка.
**) Тамъ же, та же стр.

никъ послѣ свиданія съ Волгинымъ (Чернышевскимъ): „Онъ не вѣритъ въ народъ. По его мнѣнію, народъ такъ же плохъ и пошлъ, какъ общество“ *). Если мы не ошибаемся, это значитъ, что, согласно воспоминаніямъ самого Чернышевскаго, его взглядъ на народъ произвелъ на Добролюбова впечатлѣніе полнаго „невѣрія“. Ниже мы подробно изложимъ этотъ взглядъ, и тогда читатель увидитъ, что Н. Г. Чернышевскій, въ самомъ дѣлѣ, не разсчитывалъ на народную иниціативу ни въ Россіи, ни на Западѣ. Иниціатива прогресса и всякихъ полезныхъ для народа перемѣнъ въ общественномъ устройствѣ принадлежала, по его мнѣнію, „лучшимъ людямъ“, т.-е. интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи,—правда, едва ли не только въ этомъ,—его взглядъ очень близко подходилъ къ воззрѣніямъ, изложеннымъ впослѣдствіи П. Л. Лавровымъ въ „Историческихъ письмахъ“. Здѣсь не мѣсто критиковать этотъ взглядъ. Но не мѣшаетъ напомнить читателю, въ какую эпоху сложился онъ у Н. Г. Чернышевскаго: это была эпоха разочарованій, послѣдовавшихъ за крушеніемъ тѣхъ надеждъ, которыя пріурочивались къ движенію 1848 года. Эпоха, характеризующаяся, правда, временной, но зато полной подавленностью западно-европейскаго рабочаго класса.

Эта эпоха разочарованій, конечно, не благопріятствовала возникновенію у Чернышевскаго какихъ-нибудь преувеличенныхъ надеждъ на ближайшее будущее. Этимъ, вѣроятно, и нужно объяснить, что вскорѣ по окончаніи университетскаго курса (въ 1850 году), онъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ получилъ мѣсто старшаго учителя въ гимназіи. Но дневникъ, который онъ велъ въ Саратовѣ и который относится къ 1852—53 гг., показываетъ, что чуждый всякихъ преувеличенныхъ надеждъ на ближайшее будущее, Чернышевскій, однако, совсѣмъ не принадлежалъ къ числу людей, окончательно потерявшихъ всякую вѣру въ болѣе или менѣе близкое торжество прогрессивныхъ начинаній. Вотъ примѣръ. Пятаго марта 1853 г. онъ писалъ: „Наконецъ, мнѣ должно жениться, чтобы стать осторожнѣе. Потому что, если я буду продолжать такъ, какъ началъ, я могу попасться въ самомъ дѣлѣ. У меня должна быть идея, что я не принадлежу себѣ, что я не вправѣ рисковать собою, иначе, почемъ знать? Развѣ я не рискну? Должна быть какъ защита противъ демократическаго, противъ революціоннаго направленія и этою защитою ничто не можетъ быть, кромѣ

*) Сочиненія, т. X, ч. I, отд. 2-й, стр. 215—216.

мысли о женѣ" *). Онъ и въ самомъ дѣлѣ женился на Ольгѣ Сократовнѣ Васильевой 29 апрѣля 1853 года. Но слѣдуетъ замѣтить, что онъ самъ врядъ ли серьезно разсчитывалъ на то, что женитьба будетъ ему защитой „противъ демократическаго, противъ революціоннаго направленія". Онъ предупреждалъ свою невѣсту насчетъ того, что онъ можетъ погибнуть. Изъ первой части романа „Прологъ" видно, что бесѣды на такую тему случалось ему вести съ Ольгой Сократовной и послѣ того, какъ она стала его женою. Какъ же представлялся ему тотъ ходъ событій, въ связи съ которымъ ему могла бы угрожать гибель? На это отвѣчаетъ слѣдующее мѣсто въ „Дневникѣ Левицкаго" (2-я часть романа „Прологъ"). Читая это мѣсто, нужно помнить, что въ немъ разсказъ ведется отъ лица Левицкаго (Добролюбова), записывающаго слова, сказанныя ему Волгинымъ (Чернышевскимъ):

„Прійдетъ серьезное время. Когда?—Я молодъ, потому для вопроса обо мнѣ все равно, когда оно прійдетъ: во всякомъ случаѣ оно застанетъ меня еще въ полномъ цвѣтѣ силъ, если я сберегу себя. Какъ прійдетъ? Какъ пришла маленькая передряга Крымской войны; безъ нашихъ заботъ, пусть не хлопочу; никакими хлопотами не оттянешь, не ускоришь вскрытіе Невы. Какъ прійдетъ? Мы говоримъ о времени силы, — сильна только сила природы.

„По воздуху вихорь свободно шумитъ;
„Кто знаетъ, откуда и какъ онъ летитъ.

„Шансы будущаго различны. Какой изъ нихъ осуществится? Не все ли равно? Угодно мнѣ слышать его личное предположеніе о томъ, какой шансъ вѣроятнѣе другихъ? Разочарованіе общества и отъ разочарованія новое либеральничанье въ новомъ вкусѣ, попрежнему мелкое, презрѣнное, отвратительное для всякаго умнаго человѣка съ какимъ бы то ни было образомъ мысли; для умнаго радикала такое же отвратительное, какъ для умнаго консерватора, пустое, сплетническое, трусливое, подлое и глупое, и будетъ развиваться, развиваться, все подло и трусливо, пока гдѣнибудь въ Европѣ,—вѣроятнѣе всего во Франціи,—не подымется буря и не пойдетъ по остальной Европѣ, какъ было въ 1848 году.

*) Сочиненія, т. X, ч. 2-я, отд. 3, стр. 39. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Я долженъ чѣмъ-нибудь сдерживать себя на дорогѣ къ Искандеру". (Тамъ же, стр 96).

„Въ 1830 году буря прошумѣла только по Западной Германіи; въ 1848 году захватила Вѣну и Берлинъ. Судя по этому, надобно думать, что въ слѣдующій разъ захватитъ Петербургъ и Москву“ *).

По всей вѣроятности, Чернышевскій такъ разсуждалъ и о самомъ себѣ по окончаніи университетскаго курса: сейчасъ невозможно предпринять что-нибудь дѣльное, но серьезное время непремѣнно придетъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ „передрягъ“ международной жизни. Тогда можно будетъ взяться за общественную дѣятельность, а теперь пока надо собираться съ силами и работать надъ самимъ собою, да надъ тѣми немногими, преимущественно молодыми, людьми, съ которыми приходишь въ непосредственное соприкосновеніе. И онъ, конечно, работалъ. Трудно было бы усомниться въ томъ, что онъ, состоя преподавателемъ Саратовской гимназіи, упускалъ случай заронить добрыя сѣмена въ молодыя души. Но это дѣлалось въ ожиданіи болѣе широкихъ задачъ, это былъ подготовительный періодъ, „прологъ“ его общественной дѣятельности. Въ какомъ настроеніи былъ онъ, находясь въ Саратовѣ, видно изъ слѣдующихъ словъ, записанныхъ имъ въ своемъ дневникѣ, 7 марта 1853 года, послѣ представленія „Вильгельма Телля“: „Я былъ рѣшительно взволнованъ В. Теллемъ, даже плакалъ“ **). Эти слова могутъ, пожалуй, даже произвести преувеличенное впечатлѣніе на читателя, внушивъ ему ту мысль, что Чернышевскій былъ безусловнымъ сторонникомъ революціоннаго способа дѣйствій. Чтобы предупредить подобную ошибку, мы опять обратимся къ „Дневнику Левицкаго“ и приведемъ изъ него мѣсто, непосредственно слѣдующее за только что приведеннымъ. Напоминаемъ читателю, что Левицкій передаетъ мысль Волгина.

„Вѣрно ли это? (т.-е. вѣрно ли то, что будущая европейская буря захватитъ Петербургъ и Москву. Г. П.). Вѣрнаго тутъ ничего нѣтъ, только вѣроятно. Отрадна ли такая вѣроятность? По его мнѣнію, хорошаго тутъ нѣтъ ровно ничего. Чѣмъ ровнѣе и спокойнѣе ходъ улучшеній, тѣмъ лучше. Это общій законъ природы: данное количество силы производитъ наибольшее количество движенія, когда дѣйствуетъ ровно и постоянно; дѣйствіе толчками и скачками менѣе экономно. Политическая экономія раскрыла, что эта истина точно также непреложна и въ общественной жизни.

*) Сочиненія, т. X, ч. I, отд. 2-й, стр. 214—215.

**) Сочиненія, т. X, ч. II, отд. 3-ій, стр. 93.

Слѣдуетъ желать, чтобы все обошлось у насъ тихо, мирно. Чѣмъ спокойнѣе, тѣмъ лучше" *).

Въ романѣ „Прологъ" Чернышевскій изображаетъ свое настроеніе, какимъ оно было въ серединѣ 50-хъ годовъ. Далѣе мы покажемъ, что, впослѣдствіи, взглядъ его на „толчки" и „скачки" очень значительно измѣнился. Но у насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что въ эпоху своего студенчества и въ первые годы по окончаніи университетскаго курса, онъ смотрѣлъ на „толчки" и „скачки" иначе, чѣмъ во время перваго своего сближенія съ Добролюбовымъ. Поэтому мы и полагаемъ, что молодой Чернышевскій далеко не былъ принципіальнымъ сторонникомъ революціи.

Чтобы покончить съ періодомъ пребыванія нашего автора въ Саратовѣ, отмѣтимъ, на основаніи его собственнаго дневника, двѣ, очень достойныя вниманія, черты его характера.

Наши „реакціонеры" обыкновенно представляли его себѣ „вожакомъ нигилистовъ", а „нигилисты" являли собою въ ихъ глазахъ не что иное, какъ

Сбродъ воришекъ и грабителей,
Огорчающихъ родителей.

Дневникъ даетъ нѣсколько иное понятіе о „вожакѣ нигилистовъ". Намѣреваясь жениться на О. С. Васильевой, Чернышевскій писалъ о своихъ родителяхъ: „Они не судьи въ этомъ дѣлѣ, потому что у нихъ понятія о семейной жизни, о качествахъ, нужныхъ для жены, объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, о хозяйствѣ, образѣ жизни, рѣшительно не тѣ, какъ у меня. Я человѣкъ рѣшительно другого міра, чѣмъ они, и какъ странно было бы слушаться ихъ относительно, напр., политики и религіи, такъ странно было бы спрашивать ихъ совѣта о женитьбѣ. Это вообще. Въ частности—они, рѣшительно, не знаютъ моего характера и того, какая жена нужна мнѣ. Въ этомъ дѣлѣ никто, кромѣ меня самого, не можетъ быть судьею, потому что никто не можетъ войти въ мой характеръ и въ мои понятія, кромѣ меня самого" **). Противъ этого трудно теперь что-нибудь возразить, и кажется, что 24-лѣтній Чернышевскій могъ бы со спокойной совѣстью жениться по своему собственному усмотрѣнію. Однако, совѣсть его была

*) Сочиненія, т. X, ч. I, отд. 2-й, стр. 215.
**) Сочиненія, т. X, ч. 2, отд. 3, стр. 47.

очень неспокойна, и онъ не переставалъ мучиться сомнѣніями насчетъ того, какъ поступить ему, если родители не согласятся на его бракъ. „Я созданъ для повиновенія, для послушанія,—писалъ онъ,—но это послушаніе должно быть свободно. А вы слишкомъ деспотически смотрите на меня, какъ на ребенка. „Ты и въ 70 лѣтъ будешь моимъ сыномъ и тогда ты будешь меня слушаться, какъ я до 50 лѣтъ слушалась маменьки". Кто жъ виноватъ, что ваши... *) такъ велики, что я долженъ сказать: въ пустякахъ, въ томъ, что все равно,—а раньше этими пустяками были важныя вещи,—я былъ послушнымъ ребенкомъ. Но въ этомъ дѣлѣ не могу, не въ правѣ, потому что это дѣло серьезное. Нѣтъ-съ, тутъ я ужъ не тотъ сынъ, котораго вы держали такъ: „Милая маменька, позвольте мнѣ съѣздить къ Ник. Ив."—„Хорошо, ступай!" „Милая маменька, позвольте мнѣ съѣздить къ Аннѣ Ник."—„Не смѣй ѣздить, это гадкая женщина". Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ я не намѣренъ спрашиваться, и если вы хотите приказывать, съ сожалѣніемъ долженъ сказать вамъ, что напрасно вы будете приказывать" **).

Но такъ какъ Чернышевскій опасался, что приказывать все-таки станутъ, то онъ, на всякій случай, принялъ такое рѣшеніе: „если станете упрямиться,—извольте, спорить не стану, я убью себя. Посмотримъ, что тогда будетъ. И если будетъ необходимость, я исполню свою угрозу, потому что лучше умереть, чѣмъ жить безчестнымъ въ собственныхъ глазахъ, или разсорившись съ тѣми, кого люблю, съ тѣми, которые наконецъ, сами любятъ тебя, только слишкомъ странны со своей претензіей на всезнаніе и безошибочность своихъ понятій о людяхъ, и о томъ, что такъ, а не такъ должно тутъ поступить" ***).

Правда, нѣсколькими строками ниже самъ Чернышевскій замѣчаетъ, что это опасеніе препятствій браку со стороны родителей есть не болѣе, какъ „дикая фантазія", и что, по всей вѣроятности, дѣло уладится легко и скоро. Но все таки чрезвычайно характерно то безпокойство, въ которое его приводила мысль о возможности подобныхъ препятствій, а еще болѣе характерно убѣжденіе о нравственной невозможности для него остаться въ живыхъ, „разсорившись" съ родителями. Все это такъ мало похоже на ходячее представленіе реакціонеровъ о „нигилистахъ"!

---

*) Тутъ издатель не разобралъ одного слова.

**) Тамъ же, стр. 48—49.

***) Тамъ же. стр. 49.

Не болѣе соотвѣтствуетъ ему и та черта характера Чернышевскаго, которая сквозитъ вотъ въ этихъ строкахъ его дневника: „Кромѣ этого, я хочу поступить теперь въ обладаніе своей женѣ и тѣломъ, не принадлежавъ ни одной женщинѣ, кромѣ нея. Я хочу жениться дѣвственнымъ и тѣломъ, какъ будетъ дѣвственна моя невѣста“ *). „Реаки“ утверждали, что „люди 60-хъ годовъ“ проповѣдывали половой развратъ **); многіе, даже не изъ числа „реаковъ“, искренне полагали, что только „чистая“ мораль графа Толстого начала отчасти поправлять нравственный вредъ, причиненный такимъ разнузданіемъ. Мы видимъ, насколько это справедливо.

Вскорѣ послѣ женитьбы Чернышевскій переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ въ теченіе перваго года продолжалъ свою педагогическую дѣятельность, занимая во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ „должность учителя третьяго рода“, какъ выражается о немъ одна казенная бумага. Тогда же стали появляться его первыя,—извѣстныя намъ,—печатныя произведенія. Онъ писалъ сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а потомъ въ „Современникѣ“. Начиная съ 1855 г. и вплоть до своего ареста Чернышевскій работалъ почти исключительно въ „Современникѣ“. Это, можно сказать, общее правило, изъ котораго мы знаемъ два исключенія: въ 1858 году появилось въ Атенеѣ (№ 3) его критическая статья: „Русскій человѣкъ на rendez-vous“, и въ томъ же году онъ состоялъ нѣкоторое время редакторомъ военнаго сборника. Въ теченіе перваго года своего пребыванія въ Петербургѣ онъ работалъ надъ своей магистерской диссертаціей: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. Разсмотрѣніе этой диссертаціи университетскимъ начальствомъ затянулось, по словамъ издателя полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, до 1855 г., и, насколько мы знаемъ, кончилось неблагопріятно для молодого ученаго: обнаружившееся въ его работѣ направленіе мысли не понравилось университетскому начальству, и онъ такъ и не получилъ магистерскаго званія. Но за то именно, это злоключеніе съ диссертаціей и сблизило, какъ говорятъ, ея автора съ редакціей „Современника“, который скоро попалъ, по собственнымъ словамъ Н. Г. Чернышевскаго, въ его полное распоряженіе.

О диссертаціи Н. Г. Чернышевскій сообщалъ своему отцу въ

*) Тамъ же, стр. 40.

**) См., напр., грязный пасквиль проф. Цитовича: Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать“?

письмѣ отъ 21 сентября 1853 года: „Диссертацію свою пишу объ эстетикѣ. Если она пройдетъ черезъ университетъ въ настоящемъ своемъ видѣ, то будетъ оригинальна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ ней не будетъ ни одной цитаты, а всего только одна ссылка. Если же найдутъ это недовольно ученымъ, то я прибавлю нѣсколько сотъ цитатъ въ три дня. По секрету можно сказать, что гг. здѣшніе профессора словесности совершенно не занимались тѣмъ предметомъ, который взялъ я для своей диссертаціи, и потому едва ли увидятъ, какое отношеніе мои мысли имѣютъ къ современному образу понятій объ эстетическихъ вопросахъ. Имъ показалось бы даже, что я приверженецъ тѣхъ философовъ, которыхъ мнѣнія оспариваю, если бы я не сказалъ объ этомъ ясно. Поэтому я не думаю, чтобы у насъ поняли, до какой степени важны тѣ вопросы, которые я разбираю, если меня не принудятъ прямо объяснять этого. Вообще у насъ очень затмились понятія о философіи съ тѣхъ поръ, какъ умерли или замолкли люди, понимавшіе философію и слѣдившіе за нею“ *).

Въ письмѣ отъ 3 мая 1855 г. онъ писалъ отцу же: „Диссертація, для сокращенія времени и издержекъ, напечатана мною въ большомъ форматѣ и очень убористымъ шрифтомъ; кромѣ того и для тѣхъ же цѣлей, я значительно сократилъ ее (хотя цензура университетская не зачеркнула ни одного слова), когда рукопись была уже одобрена къ печати. Потому вышло всего только 6½ печатныхъ листовъ, вмѣсто 20, которые были бы наполнены ею безъ сокращеній и при обыкновенномъ разгонистомъ печатаніи... Въ внѣшнемъ отношеніи она имѣетъ ту особенность, что нѣтъ въ ней ни одной цитаты—наперекоръ общей замашкѣ шарлатанить этою дешевою ученостью. Къ числу особенностей принадлежитъ и то, что она писана мною прямо набѣло—случай, едва ли бывавшій съ кѣмъ-нибудь. Этимъ всѣмъ я хотѣлъ себѣ доставить удовольствіе внутренно позабавиться надъ людьми, которые (не могутъ) сдѣлать подобнаго. О содержаніи пока не пишу—это до другого письма. Заглавіе вы знаете: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности»...“ **).

Н. Г. Чернышевскій былъ главнымъ публицистомъ, а до половины 1856 г. и главнымъ литературнымъ критикомъ „Современника“. За Некрасовымъ и Панаевымъ навсегда останется та огромная за-

*) Сочиненія, т. X, ч. 2, отд. I, стр. 84.
**) Тамъ же, та же страница.

слуга, что они не сторонились, какъ это дѣлали почти всѣ остальные „друзья Бѣлинскаго“, отъ Чернышевскаго и его единомышленниковъ. Правда, съ точки зрѣнія успѣха журнала, имъ не приходилось жалѣть о томъ, что они представили его въ распоряженіе автора „Эстетическихъ отношеній“. Уже въ декабрьской книжкѣ „Современника“ за 1855 годъ появилась первая статья изъ того, уже не разъ упомянутаго ряда „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“, который представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Чернышевскаго и до сихъ поръ остается лучшимъ пособіемъ для всякаго, желающаго познакомиться съ критикой гоголевскаго періода. Вторая статья изъ этого замѣчательнаго ряда очерковъ была напечатана въ январьской, третья—въ февральской, четвертая въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ за слѣдующій годъ. Въ этихъ четырехъ статьяхъ была сдѣлана оцѣнка литературной дѣятельности Полевого, Сенковскаго, Шевырева и Надеждина. Въ іюльской книжкѣ авторъ перешелъ къ Бѣлинскому, которому и посвящены остальные пять очерковъ. Въ этихъ статьяхъ имя Бѣлинскаго впервые названо въ печати послѣ 1848 года, когда на Бѣлинскаго стали смотрѣть, какъ на запрещеннаго писателя. Съ появленіемъ „Очерковъ“ можно было съ отрадной увѣренностью и, ни мало не преувеличивая дѣла, сказать, что у Бѣлинскаго есть достойный преемникъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Чернышевскій выступилъ въ качествѣ критика и публициста „Современника“, за этимъ журналомъ снова было обезпечено преобладающее мѣсто между русскими періодическими изданіями, принадлежавшее ему при жизни Бѣлинскаго. „Современнику“ съ интересомъ и уваженіемъ внимала передовая часть читающей публики, къ нему естественно тяготѣли всѣ свѣжія, нарождавшіяся литературныя силы. Такъ, съ половины 1856 года въ немъ сталъ писать молодой Добролюбовъ. Людямъ нашего времени трудно даже представить себѣ, какъ велико было тогда у насъ значеніе журналистики. Теперь общественное мнѣніе значительно уже переросло журналистику; въ 40-хъ годахъ оно еще не успѣло дорости до нея. Конецъ же 50-хъ и начало 60-хъ годовъ является эпохой наибольшаго согласія между общественнымъ мнѣніемъ и журналистикой и наибольшаго вліянія журналистики на общественное мнѣніе. Только при такомъ условіи и возможно было то горячее увлеченіе литературной дѣятельностью и та искренняя вѣра въ значеніе литературной пропаганды, которыя замѣчаются во всѣхъ тогдашнихъ выдающихся писателяхъ. Короче, это былъ золотой вѣкъ русской журналистики. Несчастный исходъ

крымской войны заставилъ правительство сдѣлать нѣсколько уступокъ образованному обществу и совершить, по крайней мѣрѣ, самыя насущныя, давно уже ставшія необходимыми реформы. Вскорѣ на очередь поставленъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ затрогивающій интересы всѣхъ сословій. Нужно ли говорить, что Николай Гавриловичъ съ жаромъ принялся за разработку этого вопроса? Къ 1857—58 гг. относятся его замѣчательныя статьи о крестьянскомъ дѣлѣ. Теперь довольно уже хорошо извѣстно взаимное отношеніе нашихъ общественныхъ силъ въ эпоху уничтоженія крѣпостного права. Поэтому мы будемъ говорить о немъ лишь мимоходомъ, лишь поскольку это нужно для выясненія роли, принятой на себя въ этомъ дѣлѣ нашей передовой журналистикой, во главѣ которой стоялъ тогда Н. Г. Чернышевскій. Всѣмъ извѣстно, что эта журналистика горячо защищала крестьянскіе интересы. Нашъ авторъ писалъ одну за другой статьи, въ которыхъ отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землею и утверждалъ, что выкупъ земель, отходящихъ въ надѣлъ крестьянамъ, не можетъ представить для правительства никакой трудности. Онъ доказывалъ это положеніе и общими теоретическими соображеніями, и самыми подробными примѣрными вычисленіями. „Какимъ это образомъ выкупъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ можетъ онъ превышать силы народа? Это не правдоподобно,—писалъ онъ въ статьѣ „Труденъ ли выкупъ земли?“—Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, какіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, какая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва ли представляетъ стоимость во сто милліардовъ франковъ, а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т.-е. не болѣе, какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей, равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламанша до Пиринеевъ. Стало быть, если бы французамъ нужно бы было выкупить у кого-нибудь всю Францію, они могли бы сдѣлать это въ продолженіе одного

поколѣнія, употребляя на выкупъ только одну пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлую Россію должны мы выкупить со всѣми ея богатствами? Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю? Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерніямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе" и т. д. *). Показавъ затѣмъ, что земли, подлежащія выкупу, составляли бы не болѣе шестой части пространства, занимаемаго Европейской Россіей, онъ предлагаетъ цѣлыхъ восемь плановъ выкупной операціи. По его словамъ, принявши одинъ изъ этихъ плановъ, правительство могло бы выкупить надѣльныя земли не только безъ обремененія крестьянъ, но и съ большою выгодою для государственнаго казначейства. Въ основѣ всѣхъ плановъ Чернышевскаго лежало соображеніе о „необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ при опредѣленіи величины выкупа". Мы знаемъ теперь, насколько наше правительство имѣло въ виду интересы крестьянства при уничтоженіи крѣпостного права и насколько оно послѣдовало совѣтамъ Чернышевскаго относительно умѣренности при опредѣленіи выкупныхъ платежей. Если при освобожденіи крестьянъ наше правительство ни на минуту не позабыло выгодъ государственнаго казначейства, то объ интересахъ крестьянъ оно думало очень мало. При выкупной операціи имѣлись въ виду исключительно только фискальные и помѣщичьи интересы. И это совершенно понятно, такъ какъ никому нѣтъ ни нужды, ни охоты думать объ интересахъ того сословія (въ данномъ случаѣ крестьянскаго), которое само не можетъ энергично и систематически отстаивать ихъ. Но въ ту пору, когда еще только шли толки о крестьянскомъ освобожденіи, самые передовые люди Россіи думали нѣсколько иначе. Имъ казалось, что само правительство безъ большого труда могло бы понять, до какой степени его собственныя выгоды совпадаютъ съ интересами крестьянства. Подобныя надежды довольно долго питалъ, между прочимъ, Герценъ. Питалъ ихъ и Чернышевскій. Отсюда происходила и та настойчивость, съ которою онъ возвращался въ своихъ статьяхъ къ крестьянскому вопросу, и то усердіе, съ которымъ онъ выяснялъ правительству его собственные интересы. Но Чернышевскій былъ первымъ, по времени, русскимъ писателемъ, понявшимъ, что онъ обольщался несбыточной надеждою, и переставшимъ убѣждать тѣхъ, которые

*) Сочиненія, т. IV, стр. 335—336.

не обращали ни малѣйшаго вниманія на его доводы. Это тоже не малая заслуга.

Мы не будемъ здѣсь излагать и разбирать взглядъ на русскую общину, изложенный Чернышевскимъ въ своихъ статьяхъ по крестьянскому вопросу. Ниже онъ подробно разсматривается нами. Мы только прибавимъ здѣсь, что даже въ періодъ наибольшаго своего увлеченія общиной Чернышевскій во взглядѣ на нее оставался чуждъ тѣхъ полуславянофильскихъ крайностей, до которыхъ доходилъ Герценъ или,—подъ очевиднымъ вліяніемъ Герцена,—М. Л. Михайловъ въ своемъ „воззваніи къ молодому поколѣнію“ (1861 г.) *).

Чернышевскій очень скоро пріобрѣлъ вліяніе въ нашей передовой литературѣ. Но какъ ни велико было это вліяніе, единомышленниковъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, у него было очень мало. Думать такъ намъ даютъ поводъ слѣдующія слова Волгина, обращенныя къ Нивельзину въ первой части романа „Прологъ“: „у всѣхъ у нашихъ господъ просвѣщателей публики чепуха въ головѣ; пишутъ ахинею, сбиваютъ съ послѣдняго толка русское общество, которое и безъ того уже находится въ полупомѣшательствѣ. Нѣтъ между ними ни одного, котораго бы можно было взять въ товарищи. Поневолѣ принужденъ одинъ писать всѣ статьи, которыми выражается мнѣніе журнала. И не успѣваю. Нѣтъ человѣка съ свѣтлою головою, да и кончено!“ **). Только Добролюбовъ былъ такой свѣтлой головой, на котораго могъ вполнѣ положиться Чернышевскій. Оттого нашъ авторъ и любилъ его такой по-истинѣ восторженной любовью ***).

---

*) См. Второе приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Русская историческая библіотека № 5 (Paris, 1905), стр. 5 и слѣд.

**) Сочиненія, т. X, отд. 2, стр. 89.

***) Съ какимъ довѣріемъ отнесся онъ съ первой же встрѣчи къ Добролюбову, какъ писателю, показываетъ слѣдующая сцена въ „Дневникѣ Левицкаго“. Левицкій записываетъ: „Послѣ вчерашняго я не могъ сомнѣваться, что кажусь ему (Волгину. Г. П.) хорошимъ сотрудникомъ. Но эти слова удивили меня: „Вы предоставляете мнѣ полную волю въ журналѣ?“—„А развѣ были вы очень нужны мнѣ, если бъ не такъ? Сотрудниковъ, которыхъ надобно водить на помочахъ, можно имѣть, пожалуй, хоть сотню; да что въ нихъ пользы? Пересматривай, поправляй,—такая скука, что легче писать самому“.—„Вы не будете просматривать моихъ статей?“—„А что будетъ въ нихъ любопытнаго? Признаться вамъ сказать, не буду читать и напечатанныхъ, не только до напечатанія. И

Впослѣдствіи хорошимъ помощникомъ Чернышевскаго явился М. А. Антоновичъ, къ которому нашъ „холодный“ авторъ тоже, какъ видно, привязался очень скоро. Но Добролюбовъ скоро умеръ, и эта утрата осталась для „Современника“ незамѣнимой.

Н. Г. Чернышевскій очень любилъ полемизировать. Онъ признается, что даже друзья его всегда замѣчали въ немъ чрезвычайную, „по ихъ мнѣнію, даже излишнюю, любовь къ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ горячею полемикой“ *). Полемика всегда казалась ему очень удобнымъ, а вѣрнѣе сказать—необходимымъ орудіемъ проведенія въ общество новыхъ понятій **). Тѣмъ не менѣе, въ началѣ своей литературной дѣятельности, онъ, какъ будто, избѣгалъ полемики. „Очерки гоголевскаго періода“ написаны спокойнымъ и примирительнымъ тономъ. Только къ Шевыреву, извѣстному московскому критику временъ Бѣлинскаго, относится онъ тамъ съ ѣдкой ироніей, да еще о Сенковскомъ (баронѣ Брамбеусѣ) высказывается съ презрительнымъ сожалѣніемъ, какъ о человѣкѣ, затратившемъ свои огромныя силы на безплодное литературное фиглярство. О другихъ же писателяхъ гоголевской эпохи онъ отзывается, большей частью, съ похвалой. Даже въ литературной дѣятельности Погодина,—котораго такъ не любилъ и надъ которымъ такъ смѣялся кружокъ Бѣлинскаго,—находитъ онъ полезныя и похвальныя черты. О славянофилахъ же онъ говоритъ съ не-

безъ того приходится читать слишкомъ много пустяковъ,—ха-ха-ха!—благодарите за комплиментъ“.—„Но я могу дѣлать ошибки“.—„А ну васъ и съ вашими ошибками! Только время теряю съ вами—ха-ха-ха!—Ну прощайте. Приходите послѣ завтра. Поговоримъ еще, хоть не о чемъ“. (Сочиненія, т. X, ч. I, отд. 2, стр. 210—211).

*) Сочиненія, т. IV, стр. 304.

**) Въ „Очеркахъ гоголевскаго періода“ онъ защищаетъ Надеждина отъ упрековъ, которые многіе дѣлали ему за его страсть къ рѣзкой полемикѣ. „Зачѣмъ Надоумко (псевдонимъ Надеждина) говорилъ такимъ рѣзкимъ тономъ? Развѣ не могъ онъ высказать то же самое въ мягкихъ формахъ? Удивительное дѣло—наши литературныя да и всякія другія понятія! Вѣчно предлагаются вопросы, почему земледѣлецъ пашетъ поле грубымъ желѣзнымъ плугомъ или сошникомъ! Да чѣмъ же иначе можно вспахать плодородную, но тяжелую на подъемъ почву? Ужели можно не понимать, что безъ войны не рѣшается ни одинъ важный вопросъ, а война ведется огнемъ и мечемъ, а не дипломатическими фразами, которыя умѣстны только тогда, когда цѣль борьбы, веденной оружіемъ, достигнута? Беззаконно нападать только на безоружнаго и беззащитнаго, на старцевъ и калѣкъ, а поэты и литераторы, противъ которыхъ выступилъ Надеждинъ, были не таковы“. (Сочиненія, т. II, стр. 130).

поддѣльнымъ уваженіемъ. Несмотря на всѣ ихъ, очевидныя для него, ошибки, онъ считаетъ ихъ искренними друзьями просвѣщенія и горячо сочувствуетъ ихъ отношенію къ русской поземельной общинѣ.

Не касаясь здѣсь взгляда его на общину, мы замѣтимъ, однако, что уже въ спорахъ объ этой формѣ землевладѣнія онъ вынужденъ былъ покинуть свой спокойный, добродушный тонъ и выступить во всеоружіи своего полемическаго таланта. Плохо пришлось тогда патентованнымъ представителямъ либеральной экономіи, въ особенности редактору „Экономическаго Указателя", Вернадскому. Чернышевскій положительно обезсмертилъ этого „С. С." (статскаго совѣтника) и Д-ра ист. н. пол. эк. и стат. (т.-е. доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики; такъ подписывался гордый своими чинами и дипломами Вернадскій). Разбитый на-голову ученый не только бѣжалъ съ поля битвы, но, къ довершенію комизма, началъ увѣрять въ своемъ уваженіи того самаго Чернышевскаго, котораго онъ въ началѣ спора позволялъ себѣ третировать, какъ дерзкаго и невѣжду. Надо признаться, что едва ли возможно вести защиту какого бы то ни было дѣла искуснѣе, чѣмъ Чернышевскій защищалъ общину. Онъ сказалъ въ ея пользу рѣшительно все, что можно было сказать. И если его рѣшеніе спорнаго вопроса теперь не можетъ быть признано удовлетворительнымъ, то это объясняется лишь крайней отвлеченностью той точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что, какъ мы увидимъ ниже, онъ защищалъ русскую поземельную общину лишь весьма условно.

Начавшись съ общиннаго землевладѣнія, споръ Чернышевскаго съ нашими либеральными экономистами скоро принялъ болѣе широкій характеръ и перешелъ къ общимъ вопросамъ экономической политики. Либеральные экономисты отстаивали принципъ государственнаго невмѣшательства; Чернышевскій оспаривалъ его. И вышло опять такъ, что споръ о невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь народа послужилъ поводомъ для новаго торжества нашего автора. Его статья „Экономическая дѣятельность и законодательство" *) можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе блестящихъ опроверженій теоріи „laissez faire, laissez passer" не только въ русской, но и во всемірной экономической литературѣ. Чернышевскій пускаетъ въ ней въ дѣло всю свою діалектическую силу и всю свою

*) Перепечатана въ IV томѣ полнаго собр. сочиненій, стр. 422—463.

полемическую ловкость. Онъ какъ бы забавляется этой борьбой, въ которой онъ съ такою легкостью отражаетъ удары противниковъ. Онъ играетъ съ ними, какъ кошка съ мышью; дѣлаетъ имъ всевозможныя уступки, выражаетъ готовность согласиться съ любымъ изъ ихъ положеній, принять любое толкованіе всякаго даннаго положенія, и уже только потомъ,—давши имъ, повидимому, всѣ шансы побѣды, поставивъ ихъ въ самыя благопріятныя для ихъ торжества условія,—переходитъ въ наступленіе, и тремя-четырьмя силлогизмами приводитъ ихъ къ нелѣпости. Затѣмъ начинаются новыя уступки, новыя, еще болѣе благопріятныя истолкованія того же положенія и новыя доказательства его нелѣпости. А въ концѣ статьи Чернышевскій, по своему обыкновенію, читаетъ своимъ противникамъ назиданіе и даетъ имъ почувствовать, до какой степени они не имѣютъ понятія не только о строгихъ пріемахъ научнаго мышленія, но и о самыхъ первоначальныхъ требованіяхъ простого здраваго смысла. Замѣчательно, что принципъ государственнаго невмѣшательства, имѣвшій у насъ такихъ горячихъ сторонниковъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вскорѣ былъ почти совершенно оставленъ русскими экономистами. Это въ значительной степени объясняется, какъ общимъ состояніемъ нашей промышленности и торговли, такъ и послѣдующимъ вліяніемъ на нашихъ теоретиковъ нѣмецкой катедеръ-соціалистической школы. Но, несомнѣнно, много значитъ въ этомъ случаѣ и то, что названный принципъ уже при самомъ началѣ его распространенія въ русской литературѣ встрѣтилъ такого могучаго противника, какъ Н. Г. Чернышевскій. Разъ получивши хорошій урокъ, русскіе манчестерцы почли благоразумнымъ смолкнуть, стушеваться и сойти со сцены.

Конечно, если бы мы захотѣли сравнить доводы, выдвинутые Чернышевскимъ въ этой полемикѣ съ той аргументаціей, которой пользуется Марксъ, напр., въ „Рѣчи о свободѣ торговли“, то мы опять должны были бы признать, что точка зрѣнія нашего автора страдаетъ отвлеченностью. Но это уже общій недостатокъ его экономическихъ воззрѣній, о которомъ рѣчь пойдетъ во 2-й части нашей работы.

Не по однимъ только экономическимъ вопросамъ приходилось Чернышевскому вести ожесточенную полемику. И при томъ противниками его были не одни только либеральные экономисты. Чѣмъ вліятельнѣе становился кружокъ „Современника“ въ русской литературѣ, тѣмъ болѣе нападокъ сыпалось съ самыхъ различныхъ

сторонъ и на этотъ кружокъ вообще и на нашего автора въ частности. Сотрудниковъ „Современника“ считали опасными людьми, готовыми ниспровергнуть всѣ пресловутыя „основы“. Нѣкоторые изъ „друзей Бѣлинскаго“, въ началѣ еще считавшіе возможнымъ итти рядомъ съ Чернышевскимъ и его единомышленниками, отшатнулись отъ „Современника“, какъ отъ органа „нигилистовъ“, и стали кричать, что Бѣлинскій никогда не одобрилъ бы принятаго имъ направленія. Такъ поступилъ И. С. Тургеневъ *). Даже Герценъ заворчалъ на „паяцевъ“ въ своемъ „Колоколѣ“. Онъ предупреждалъ ихъ насчетъ того, что, „истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно „досвистаться“ не только до Булгарина и Греча, но и до Станислава на шею“. Герценъ утверждалъ, что въ „обличительной литературѣ“, надъ которой насмѣхались „паяцы“, были превосходныя вещи. „Вы воображаете, что всѣ разсказы Щедрина и нѣкоторые другіе такъ и можно теперь огуломъ бросить съ Обломовымъ на шеѣ въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!“ **). Указаніе на Щедрина было весьма неудачно, такъ какъ самъ Чернышевскій хорошо умѣлъ цѣнить его произведенія. Вообще, по всему видно, что Герцена ввели въ заблужденіе его либеральные друзья, въ родѣ Кавелина. „Паяцы“,—или „свистуны“, какъ ихъ называли въ Россіи,—смѣялись не надъ обличеніями, а надъ тѣми наивными людьми, которые не могли и не хотѣли итти дальше невинныхъ обличеній, забывая мораль крыловской басни „Котъ и Поваръ“ ***).

Герценъ самъ долженъ былъ очень скоро увидѣть какъ плохи въ политическомъ смыслѣ были тѣ либеральные друзья, которые разсматривали его отношенія съ Чернышевскимъ. Когда ему пришлось разорвать съ К. Д. Кавелинымъ, онъ, можетъ быть, и самъ сказалъ себѣ, что „желчевики“ были не совсѣмъ неправы ****).

---

*) Чернышевскій разсказываетъ, что Тургеневъ могъ еще выносить его до нѣкоторой степени, но зато уже окончательно не терпѣлъ Добролюбова. „Вы простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая“—говорилъ онъ Чернышевскому. (См. уже цитированное письмо „Въ изъявленіе признательности“. Сочиненія, т. IX, стр. 103).

**) Статья „Very dangerous!!.“ въ № 44 „Колокола“.

***) О статьѣ „Very dangerous“ и объ ея болѣе или менѣе гадательныхъ послѣдствіяхъ см., между прочимъ, въ книгѣ г. Вѣтринскаго „Герценъ“. Спб., 1908 г., стр. 354.

****) Исторію этого разрыва можно прослѣдить по письмамъ К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену, изданнымъ М. Драгомановымъ въ Женевѣ въ 1892 году.

Впрочемъ, большинство статей въ „Свисткѣ“, вызывавшемъ особенное неудовольствіе благовоспитанныхъ либераловъ, принадлежало не Н. Г. Чернышевскому. Онъ только изрѣдка принималъ въ немъ участіе, такъ какъ былъ заваленъ другой работой. Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ не только аккуратно писалъ для каждой книжки „Современника“, но чаще всего въ каждой книжкѣ было нѣсколько его статей. По различнымъ отдѣламъ журнала статьи его, обыкновенно, распредѣлялись такъ: онъ давалъ, во-1-хъ, статью по какому-нибудь общему теоретическому вопросу, затѣмъ писалъ политическое обозрѣніе, разбиралъ нѣсколько новыхъ книгъ и, наконецъ, какъ бы для отдыха и развлеченія, предпринималъ еще полемическія вылазки противъ своихъ противниковъ. „Современникъ“ 1861 года особенно богатъ его полемическими статьями. Къ этому году относятся его извѣстныя „Полемическія красоты“, „Національная безтактность“ (противъ Львовскаго „Слова“), „Народная безтолковость“ (противъ Аксаковскаго „Дня“; объ этой статьѣ мы еще будемъ говорить) и многія полемическія замѣтки въ отдѣлѣ русской и иностранной литературы.

Въ „Полемическихъ красотахъ“ особенно интересенъ теперь взглядъ нашего автора на свою собственную литературную дѣятельность. Мы приведемъ его здѣсь. Чернышевскій прекрасно знаетъ, что занялъ въ русской литературѣ выдающееся мѣсто. Его противники очень боятся его и временами начинаютъ даже говорить ему комплименты. Но его ни мало не радуетъ его возрастающая извѣстность. Онъ слишкомъ низко ставитъ русскую литературу, чтобы считать почетнымъ занимаемое имъ въ ней выдающееся мѣсто. Онъ „совершенно мертвъ къ своей литературной репутаціи“. Его интересуетъ только одинъ вопросъ: сумѣетъ ли онъ сохранить свѣжесть мысли и чувства до той лучшей поры, когда литература наша станетъ дѣйствительно полезной обществу. „Я знаю, что будутъ лучшія времена литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу, и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится ли у меня къ тому времени способность служить обществу какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденія. А я вижу, что уже начинаю входить въ число „уважаемыхъ“ писателей, то-есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я

могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и свѣжѣй меня"... *) Какъ-то странно встрѣчаться теперь съ этими благородными опасеніями намъ, знающимъ, что когда Чернышевскій высказывалъ ихъ, ему оставалось жить на свободѣ не болѣе года. Приведенныя строки были напечатаны въ іюльской книжкѣ „Современника" за 1861 годъ, а въ іюлѣ слѣдующаго года онъ сидѣлъ уже въ Петропавловской крѣпости... Но можно представить себѣ, съ какимъ презрѣніемъ относился къ своимъ врагамъ этотъ человѣкъ, который, при полномъ сознаніи своего огромнаго превосходства надъ ними, все-таки не придавалъ цѣны даже и своимъ собственнымъ литературнымъ заслугамъ. И дѣйствительно, почти каждая страница „Полемическихъ красотъ" дышитъ холоднымъ презрѣніемъ къ порицателямъ „Современника". Имъ отличается въ особенности отвѣтъ „Отечественнымъ Запискамъ". Чернышевскій нисколько не сердится на своихъ оппонентовъ изъ „Отечественныхъ Записокъ". Онъ поучаетъ ихъ почти ласково, какъ поучаетъ добрый педагогъ провинившагося школьника. Конечно, добрый педагогъ, журя своего питомца, говоритъ ему подчасъ очень горькія истины и ни мало не скрываетъ своего умственнаго превосходства надъ нимъ. Но онъ дѣлаетъ это единственно въ интересахъ питомца. Такъ поступаетъ и Чернышевскій. Онъ не забываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха „Отечественныхъ Записокъ" и отечески журитъ редакцію за неловкость. Онъ досадуетъ на нихъ больше всего за ту неосторожную горячность, съ какой онѣ кинулись въ борьбу съ нимъ. Куда же вамъ со мной полемизировать, повторяетъ онъ имъ, показавши полнѣйшую несостоятельность того или другого изъ возводимымъ ими на него обвиненій. При случаѣ онъ прямо говоритъ, что знаетъ гораздо больше и понимаетъ вещи гораздо глубже ихъ, что они просто не въ состояніи оцѣнить тѣ новыя идеи, которыя онъ проводитъ въ литературѣ. Вы хотите знать, какъ обширны мои знанія? обращается онъ къ Дудышкину, обвинявшему его, со словъ другихъ журналовъ, въ нахальномъ невѣжествѣ. „На это могу отвѣчать вамъ только одно: несравненно обширнѣе вашихъ. Да это вы и сами знаете. Такъ зачѣмъ же вы добивались получить печатно такой отвѣтъ? Неразсудительно, неразсудительно вы подводили себя подъ него. Да вы, пожалуйста, не примите этого за гордость:

---

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 231.

есть чѣмъ тутъ гордиться, что знаешь гораздо больше, нежели вы. И опять-таки не примите этого такъ, что я хочу сказать, будто вы имѣете слишкомъ мало знаній. Нѣтъ, ничего-таки: кое-что знаете, и вообще вы человѣкъ образованный. Только напрасно вы такъ плохо полемизируете" *) и т. д.—Все это было бы, пожалуй, слишкомъ рѣзко и самонадѣянно, если бы не было безусловно справедливо.

Тѣмъ временемъ настроеніе поднималось, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой части русскаго „общества". Волновалась учащаяся молодежь, возникали тайныя революціонныя организаціи, печатавшія свои воззванія и программы и ждавшія близкаго возстанія крестьянства. Мы уже знаемъ, что Чернышевскій вполнѣ признавалъ возможность наступленія „серьезнаго времени" въ Россіи, и мы еще увидимъ, какъ сильно подъемъ общественнаго настроенія отразился на его публицистической дѣятельности. Но имѣлъ ли онъ какія-нибудь отношенія къ тайнымъ обществамъ? На этотъ вопросъ пока еще нельзя отвѣчать съ увѣренностью, да и кто знаетъ, будутъ ли у насъ когда-нибудь данныя для его рѣшенія? По мнѣнію г. М. Лемке, прекрасно изучившаго дѣло Н. Г. Чернышевскаго, „можно предполагать (курсивъ его), что этимъ послѣднимъ было написано то „воззваніе къ барскимъ крестьянамъ", въ составленіи котораго судъ призналъ его виновнымъ. Г. М. Лемке подтверждаетъ свою догадку указаніемъ на языкъ и на содержаніе этой прокламаціи. Мы находимъ эти указанія не лишенными основательности. Но мы спѣшимъ повторить вмѣстѣ съ г. Лемке, что „все это болѣе или менѣе вѣроятныя соображенія и только" **). Довольно основательнымъ кажется намъ и то мнѣніе г. Лемке, что извѣстный листокъ „Великоруссъ" былъ, отчасти, дѣломъ рукъ Чернышевскаго. Г. Лемке подтверждаетъ свое предположеніе словами г. Стахевича, который прожилъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ нѣсколько лѣтъ въ Сибири и который пишетъ: „Я замѣтилъ, что Чернышевскій съ явственнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки подъ заглавіемъ „Великоруссъ"; вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей и способъ ихъ выраженія

---

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 270.

**) М. К. Лемке. „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго". Былое, 1906 г., № 4, стр. 179.

сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ „Великоруссъ“, и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листковъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ преобразованій“ *). Мы вполнѣ согласны съ г. Стахевичемъ: своимъ языкомъ и содержаніемъ „Великоруссъ“ въ самомъ дѣлѣ очень напоминаетъ публицистическія статьи Чернышевскаго. И если Чернышевскій, въ самомъ дѣлѣ, былъ его авторомъ, то этимъ, конечно, и объясняется то обстоятельство, что „Великоруссъ“ былъ гораздо умнѣе и тактичнѣе другихъ подобныхъ ему „листковъ“ того времени.

Одновременно съ возбужденіемъ крайней партіи въ Россіи росло и революціонное движеніе въ Польшѣ. Находился ли Чернышевскій въ какихъ-нибудь формальныхъ отношеніяхъ къ польскимъ революціонерамъ, которыхъ не мало было тогда въ Петербургѣ? На это опять нѣтъ никакихъ указаній. Не желая пускаться въ догадки, мы ограничимся только тѣми данными для уясненія общихъ симпатій Чернышевскаго къ польскому дѣлу, какія можно извлечь изъ его сочиненій, но и такихъ данныхъ немного.

Извѣстно, что славянофилы очень одобрительно относились къ борьбѣ галиційскихъ русиновъ противъ поляковъ. Чернышевскій всегда сочувствовалъ малороссамъ. Онъ видѣлъ большую ошибку въ отрицательномъ отношеніи Бѣлинскаго къ возникавшей малорусской литературѣ. Въ январьской книжкѣ „Современника“ за 1861 г. онъ помѣстилъ очень сочувственную статью по поводу появленія малорусскаго органа „Основа“. Но къ борьбѣ галиційскихъ русиновъ противъ поляковъ онъ не могъ относиться съ безусловнымъ одобреніемъ. Ему не нравилось, во-первыхъ, что русины искали поддержки у вѣнскаго правительства. Не нравилась ему также и вліятельная роль духовенства въ движеніи галиційскихъ русиновъ. „О мірскихъ дѣлахъ,—писалъ онъ,—надобно заботиться мірскимъ людямъ“. Наконецъ, не нравилась Чернышевскому и исключительно національная постановка того вопроса, въ которомъ Чернышевскій видѣлъ прежде всего вопросъ экономическій. Въ статьѣ „Національная безтактность“ („Современникъ“ 1861 г., іюль), направленной противъ львовскаго „Слова“, Чернышевскій

*) М. К. Лемке. „Процессъ Великоруссцевъ“. Былое, 1906 г. № 7, стр. 92. Статья г. Стахевича помѣщена въ „Закаспійскомъ Обозрѣніи“, 1905 г. № 143.

рѣзко напалъ на излишній національнзмъ этого органа. „Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній,—писалъ онъ,—львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый племенному вопросу—вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той и на другой сторонѣ и русиновъ, и поляковъ—людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ поселянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго вопроса заключается въ сословныхъ, а не въ племенныхъ отношеніяхъ“.

Взаимная вражда народностей, входящихъ въ составъ Австріи, тѣмъ болѣе должна была казаться Чернышевскому безтактною, что вѣнское правительство тогда, какъ и прежде, извлекало изъ нея большія выгоды. „Какъ подумаешь хорошенько, то и не удивляешься долголѣтнему существованію Австрійской имперіи,—писалъ онъ въ политическомъ обозрѣніи той же книжки „Современника“, гдѣ помѣщена статья „Національная безтактность“,—еще бы не держаться ей при такомъ отличномъ политическомъ тактѣ связанныхъ ея границами національностей“. Австрійскіе нѣмцы, чехи, кроаты и, какъ мы видѣли, русины одинаково казались Чернышевскому „несообразительными“. Онъ боялся, что въ особенности испытанная въ 1848—49 гг. славянская „несообразительность“ снова зайдетъ очень далеко. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Венгрія вела упорную борьбу съ вѣнскими реакціонными централистами. Недовольство венгровъ дошло до такой степени, что одно время можно было ожидать въ ихъ странѣ революціоннаго взрыва. Нашъ авторъ не разъ высказывалъ въ своихъ политическихъ обозрѣніяхъ то опасеніе, что, въ случаѣ революціоннаго движенія въ Венгріи, австрійскіе славяне опять явятся покорными орудіями реакціи. Тогдашняя тактика многихъ славянскихъ племенъ Австріи способна была только усилить подобныя опасенія, такъ какъ австрійскіе славяне позволяли себѣ хвалиться тою позорною ролью, какую они играли въ событіяхъ 1848—49 гг. Строго осуждая эту тактику, Чернышевскій доказывалъ, что имъ выгоднѣе было бы, наоборотъ, поддерживать враговъ вѣнскаго правительства, отъ которыхъ они могли бы получить очень существенныя уступки. Это говорилъ онъ по поводу отношеній кроатовъ къ венграмъ,

это же повторялъ и русинамъ. „Сословная партія, враждебная русинамъ,—читаемъ мы въ статьѣ „Національная безтактность“,—готова теперь на уступки... Вотъ объ этомъ-то и не мѣшало подумать львовскому „Слову“; быть можетъ, уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами, можетъ быть, эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ, а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что эти уступки гораздо больше и гораздо важнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ“.

Принципы, высказанные въ этой статьѣ, разумѣется, имѣли въ глазахъ Чернышевскаго не только мѣстное, галиційское значеніе. Онъ, очевидно, хотѣлъ бы положить ихъ также въ основу всѣхъ отношеній малороссовъ къ полякамъ и такимъ образомъ его статья „Національная безтактность“ являлась какъ бы предостереженіемъ для малороссовъ, входящихъ въ составъ Россійской имперіи.

Въ томъ же году напечатанъ былъ въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ разборъ только что вышедшей тогда второй части „Архива юго-западной Россіи“. Авторъ этого разбора касается, между прочимъ, вопроса о старинномъ бытѣ Польши и говоритъ: „Въ польскомъ отсутствіи бюрократической централизаціи лежитъ стремленіе къ осуществленію иного порядка общества, чѣмъ тотъ, къ которому доходили иныя державы (тутъ, конечно, имѣется въ виду Московское государство)—порядка, основаннаго не на принесеніи личности въ жертву отвлеченной идеи государства, воплощаемой волею власти, а на соглашеніи свободныхъ личностей для взаимнаго благополучія... Тутъ общественное дѣло есть результатъ общественной мысли; тутъ вѣчная борьба понятій и убѣжденій переходитъ изъ области размышленія и слова прямо въ проявленія жизни“. Положимъ, что польское общество было совершенно аристократично, „но кругъ привилегированный могъ расширяться болѣе и болѣе и обнять заброшенную, отверженную, лишенную всякихъ правъ массу народа, если бы понятія о гражданственности сдѣлались шире и возросли бы до общечеловѣческихъ идей, не связуемыхъ временными, ограничивающими ихъ полноту предразсудками“ *). До такихъ увлеченій въ защитѣ ста-

*) „Современникъ“, 1861 года, апрѣль. Новыя книги, стр. 443 и слѣдующія.

раго быта Польши не всегда доходили и польскіе демократы. Вѣдь весь вопросъ сводился именно къ тому, какимъ образомъ можно было привести польскихъ магнатовъ къ признанію „общечеловѣческихъ идей“.

По вопросу объ историческихъ результатахъ соединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей, авторъ разбора также очень сильно расходится съ нашими офиціальными историками. „Неужели состояніе Руси во времена Ольгердовъ, Любартовъ, Скиригайловъ, Свидригайловъ было лучше, чѣмъ при Сигизмундахъ въ XVI и въ XVII вѣкахъ“? восклицаетъ онъ въ отвѣтъ историкамъ, которые соединеніе съ Польшею выставляли единственной причиной всего дурного въ западной Россіи. „Пора перестать намъ быть односторонними, быть несправедливыми къ Польшѣ, продолжаетъ онъ,—признаемъ, по крайней мѣрѣ, благотворность ея вліянія на Русь хоть по отношенію къ просвѣщенію. Возьмемъ степень умственнаго образованія въ тѣхъ частяхъ русскаго міра, который соединился съ Польшею, и сравнимъ ее съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи было въ той части нашего общерусскаго отечества, которая оставалась самобытной—въ формѣ Московскаго государства. Не изъ Малороссіи ли пошло просвѣщеніе въ Москву XVII вѣка и не оно ли приготовило все послѣдующее наше образованіе? И не подъ вліяніемъ ли Польши оно возросло въ Малороссіи?“.

Въ ополяченіи западной Россіи виноваты, по мнѣнію автора разбора, тоже не поляки. Высшій классъ въ западной Россіи имѣлъ и права, и средства отстоять свою вѣру и свой языкъ, и спасти отъ униженія свой народъ, впрочемъ, имъ же самимъ порабощенный. Если западнорусская аристократія тѣмъ не менѣе совершенно ополячилась, то винить въ этомъ нужно ее и только ее. „Сами не умѣли себя сохранить, нечего на другихъ взваливать свою вину“,—замѣчаетъ авторъ.

До выхода въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій Чернышевскаго мы были убѣждены, что этотъ разборъ вышелъ изъ-подъ его пера. Но онъ не вошелъ въ полное собраніе. Поэтому надо полагать, что мы ошиблись. Однако, мы думаемъ, что взгляды автора разбора были очень близки къ тогдашнимъ взглядамъ Чернышевскаго: иначе они врядъ ли появились бы въ „Современникѣ“.

Наконецъ, въ первой части романа „Прологъ“ изображается дружеское отношеніе Волгина къ Соколовскому (Сѣраковскому?). Волгину нравится беззавѣтная преданность Соколовскаго своимъ

убѣжденіямъ, отсутствіе въ немъ себялюбивой мелочности, умѣніе владѣть собою, соединенное съ страстной горячностью истиннаго агитатора. Волгинъ называетъ его настоящимъ человѣкомъ и думаетъ, что наши либералы могли бы многому у него поучиться. Все это очень интересно *), но и это нисколько не разъясняетъ практическихъ отношеній Чернышевскаго къ польскому дѣлу.

Чернышевскому было тогда около 34-лѣтъ. Онъ находился въ полномъ расцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ, и, кто знаетъ, до какой высоты онъ могъ бы подняться въ своемъ развитіи! Но уже недолго оставалось ему жить на свободѣ. Онъ былъ признаннымъ главою крайней партіи, чрезвычайно вліятельнымъ проповѣдникомъ матеріализма и соціализма. Его считали „коноводомъ“ революціонной молодежи, его винили за всѣ ея вспышки и волненія. Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, молва раздувала дѣло и приписывала Чернышевскому даже такія намѣренія и дѣйствія, какихъ у него никогда не было. Въ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій самъ описываетъ тѣ сочувственно-либеральныя сплетни, которыя ходили въ Петербургѣ относительно мнимыхъ сношеній Волгина (т.-е. его самого) съ лондонскимъ кружкомъ русскихъ изгнанниковъ. Сплетни эти возникали по самымъ ничтожнымъ поводамъ, не имѣвшимъ рѣшительно ничего общаго съ политикой. И, какъ водится, сплетнями не ограничивалось дѣло. „Охранительная“ печать давно уже занималась литературными доносами на Чернышевскаго. Въ 1862 году „Современникъ“ былъ на время пріостановленъ. Потомъ появились и нелитературные доносы. „Управляющій Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи,—говорится въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Чернышевскаго,—получилъ безыменное письмо, коимъ предостерегаютъ правительство отъ Чернышевскаго, „этого коновода юношей, хитраго соціалиста“; „онъ самъ сказалъ, что его никогда не уличатъ“; его называютъ вреднымъ агитаторомъ и просятъ спасти отъ такого человѣка; „всѣ бывшіе пріятели Чернышевскаго, видя, что его тенденціи уже не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, люди либеральные... отдалились отъ него. Если не удалите Чернышевскаго, пишетъ

*) Волгинъ особенно цѣнилъ въ Соколовскомъ его „разсудительность“, проявившуюся въ томъ, что въ 1848 году на Волыни онъ одинъ, между всѣми своими единомышленниками, не потерялъ головы и совершенно хладнокровно обдумалъ шансы вооруженнаго возстанія, оказавшіеся близкими къ нулю.

авторъ письма, быть бѣдѣ, будетъ кровь; это шайка бѣшеныхъ демагоговъ—отчаянныя головы... Можетъ быть, перебьютъ ихъ, но сколько невинной крови прольется изъ-за нихъ... Въ Воронежѣ, въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ—вездѣ есть комитеты изъ подобныхъ соціалистовъ, вездѣ они разжигаютъ молодежь... Чернышевскаго отправьте, куда хотите, но скорѣе отнимите у него возможность дѣйствовать... Избавьте насъ отъ Чернышевскаго ради общаго спокойствія".

7-го іюля 1862 года Чернышевскаго арестовали. Мы не станемъ излагать ходъ его дѣла: онъ очень подробно и очень хорошо изложенъ у г. Лемке *). Сенатъ постановилъ лишить Н. Г. Чернышевскаго всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 14 лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. Опредѣленіе сената было передано въ Государственный Совѣтъ, который вполнѣ одобрилъ его. Императоръ Александръ II сократилъ срокъ каторжныхъ работъ на половину.

Въ концѣ 1864 года Чернышевскій уже прибылъ въ Кадаю, въ Забайкалье, куда позволили пріѣхать его супругѣ, Ольгѣ Сократовнѣ, съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ для трехдневнаго свиданія съ нимъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Кадаѣ, Чернышевскаго перевели на Александровскій заводъ Нерчинскаго округа, а по окончаніи срока каторги онъ былъ поселенъ въ Вилюйскѣ въ 450 верстахъ отъ Якутска. Въ Россію Николай Гавриловичъ вернулся уже въ 1883 году, когда ему позволили поселиться въ Астрахани. Тамъ онъ прожилъ около 6 лѣтъ и, наконецъ, въ іюнѣ 1889 года, онъ, съ разрѣшенія начальства, переѣхалъ въ родной городъ Саратовъ.

В. Г. Короленко въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. Г. Чернышевскомъ говоритъ: „Поляки, съ которыми я встрѣчался и жилъ въ Якутской области, сдѣлали интересное наблюденіе. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, что почти всѣ, возвращавшіеся по манифестамъ прямо на родину, послѣ того, какъ много лѣтъ прожили въ холодномъ якутскомъ климатѣ, умирали неожиданно быстро. Поэтому, кто могъ, старался смягчить переходъ, останавливаясь на годъ, на два или на три въ южныхъ областяхъ Сибири и въ сѣверо-восточныхъ Европейской Россіи.

„Вѣрно это наблюденіе, или эти смерти—простыя случайности,

*) См. уже цитированную статью „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго". Былое, 1906 г., мартъ, апрѣль, май.

но только на Чернышевскомъ оно подтвердилось. Изъ холодовъ Якутска Чернышевскій пріѣхалъ въ знойную Астрахань здоровымъ. Мой братъ видѣлъ его тамъ такимъ, каковъ онъ на портретѣ. Изъ Астрахани онъ переѣхалъ въ Саратовъ уже такимъ, какимъ мы его увидали, сгорбившимся, съ землистымъ цвѣтомъ лица, съ жестокимъ недугомъ въ крови, который велъ его уже къ могилѣ" *).

Онъ скончался въ томъ же 1889 году въ ночь съ 16 на 17 октября въ 12 ч. 37 мин. По словамъ г. К. Ѳедорова, бывшаго у него секретаремъ въ послѣдніе годы его жизни, „похороны его состоялись на 4-ый день послѣ смерти, въ присутствіи многочисленной публики, послѣ отпѣванія въ Сергіевской церкви, на Воскресенскомъ кладбищѣ, гдѣ похороненъ и отецъ его, умершій осенью 1861 г. Въ день похоронъ, равно какъ и послѣ, было возложено на могилу покойнаго масса вѣнковъ, между которыми въ особенности выдѣлялся вѣнокъ или, вѣрнѣе, два вѣнка, соединенные между собою связью, отъ русскихъ и польскихъ студентовъ варшавскаго университета и ветеринарнаго института" **).

Неутомимый труженикъ, Чернышевскій усердно работалъ, какъ во время заключенія въ крѣпости, такъ и въ Сибири. Въ крѣпости имъ написанъ, между прочимъ, знаменитый романъ „Что дѣлать?", а то, что уцѣлѣло отъ написаннаго имъ въ Сибири составляетъ большой томъ въ 757 страницъ ***). Какъ усердно трудился онъ по возвращеніи изъ Сибири, видно, между прочимъ, изъ воспоминаній г. К. Ѳедорова. „Работалъ Чернышевскій,—говоритъ онъ,—въ особенности за послѣдніе три года до своей смерти, очень много. День обыкновенно начинался слѣдующимъ образомъ: въ 7 часовъ утра онъ уже былъ на ногахъ, пилъ чай и въ это же время или читалъ корректуру, или же просматривалъ подлинникъ перевода, затѣмъ съ 8 час. до 1 ч. дня переводилъ, диктуя своей „пишущей машинѣ", какъ онъ меня шутя называлъ за скорое писаніе подъ диктовку; въ 1 ч. дня мы, т. е. супруги Чернышевскіе и я, обѣдали. Страдая давнишнимъ недугомъ—катарромъ желудка, онъ во время обѣда ѣлъ очень мало и питался исключительно молокомъ и легкой кашицей. Послѣ обѣда, который продолжался не болѣе мин. 30—40, Чернышевскій прочитывалъ газеты и журналы, а съ

*) В. Короленко. „Отошедшіе". СПБ. изд. „Русскаго Богатства" 1908 г., стр. 75.

**) К. М. Ѳедоровъ. „Н. Г. Чернышевскій", стр. 67—68.

***) См. Полное собраніе сочиненій, т. X, ч. I.

трехъ часовъ до 6 часовъ вечера, т. е. до вечерняго чая, продолжалась работа. И если „пишущая“, т. е. я, и „диктующая“ (Чернышевскій) не уставали, то занятія иногда затягивались далеко за полночь. Въ особенности это почти всегда бывало передъ окончаніемъ перевода каждаго тома исторіи Вебера“ *).

Съ 1885 по 1889 годъ Чернышевскій успѣлъ перевести одиннадцать томовъ „Всеобщей Исторіи“ Вебера, причемъ къ нѣкоторымъ томамъ сдѣланы были имъ интересныя приложенія. Мы разсмотримъ ихъ въ своемъ мѣстѣ, равно какъ и двѣ статьи его, которыя были написаны въ тотъ же періодъ времени и напечатаны—одна въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1885 г.), а другая въ „Русской Мысли“ (1888 г.). Теперь же мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ его беллетристическихъ произведеніяхъ.

Находясь подъ слѣдствіемъ, Н. Г. Чернышевскій писалъ, стараясь разрушить доводы своихъ обвинителей, ссылавшихся на захваченныя у него бумаги:

„Я издавна готовился быть, между прочимъ, и писателемъ беллетристическимъ. Но я имѣю убѣжденіе, что люди моего характера должны заниматься беллетристикою только уже въ немолодыхъ годахъ—рано имъ не получить успѣха. Если бы не денежная необходимость, возникшая отъ прекращенія моей публицистической дѣятельности моимъ арестованіемъ, я не началъ бы печатать романа и въ 35-лѣтнемъ возрастѣ. Руссо ждалъ до старости. Годвинъ также. Романъ—вещь, назначенная для массы публики, дѣло самое серьезное, самое стариковское изъ литературныхъ занятій. Легкость формы должна выкупаться солидностью мыслей, которыя внушаются массѣ. Итакъ, я готовилъ себѣ матеріалы для стариковскаго періода моей жизни“ **).

Мы уже замѣтили, что человѣкъ, находившійся въ тогдашнемъ положеніи Чернышевскаго, имѣлъ полное право не быть откровеннымъ, и что, вслѣдствіе этого, необходима большая осмотрительность въ пользованіи его показаніями, какъ матеріаломъ для его біографіи. Но тому, что онъ издавна готовился быть беллетристомъ, повѣрить можно тѣмъ болѣе, что передъ нимъ былъ примѣръ Лессинга, дѣятельность котораго служила ему идеаломъ литературной дѣятельности. И вышло въ самомъ дѣлѣ такъ, что нашъ

*) К. М. Ѳедоровъ. „Н. Г. Чернышевскій“, стр. 58—59.

**) М. К. Лемке. „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго“. Былое, 1906 г., май, стр. 105.

авторъ лишь поздно принялся за беллетристику. Но разъ приняв шись за нее, онъ занимался ею, какъ видно, очень усердно. Упомянутая выше 1-я часть X тома его сочиненій наполнена, преимущественно, беллетристикой; тамъ есть даже стихи, напр., „Гимнъ Дѣвѣ Неба", появившійся первоначально въ „Русской Мысли", въ № 7, за 1885 г. Въ письмѣ къ А. Н. Пыпину (безъ даты, рукою Пыпина помѣчено: „получено въ іюлѣ 1870 г."), Чернышевскій, сообщая о своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, писалъ, что у него „много, много наработано", и прибавлялъ: „талантъ положительно есть. Вѣроятно сильный" *). Это послѣднее замѣчаніе, конечно, надо отнести на счетъ привычки Н. Г. Чернышевскаго подшучивать надъ самимъ собою. Но даже въ ссылкѣ онъ не сталъ бы тратить свое время на писаніе беллетристическихъ произведеній, если бы считалъ себя совсѣмъ неспособнымъ къ этому. Вѣроятно, онъ признавалъ кое-какія достоинства за этими своими произведеніями, а главное—надѣялся имѣть черезъ нихъ полезное вліяніе на читателей. Надо признать, что, за исключеніемъ романа „Прологъ", интереснаго уже потому, что онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ воспоминаній, облеченныхъ въ беллетристическую форму, его сибирская беллетристика вышла неудачной. Едва ли она найдетъ много читателей. Разсудочность,—эта отличительная черта „просвѣтителя", еще съ дѣтства въ сильнѣйшей степени свойственная нашему автору,—доходитъ здѣсь до самой крайней степени и не только лишаетъ дѣйствующихъ лицъ признаковъ „живой жизни", но отражается даже на ихъ языкѣ, который у всѣхъ одинъ и тотъ же и у всѣхъ очень тяжелъ, вслѣдствіе ихъ непобѣдимой склонности подробно анализировать и не менѣе подробно объяснять собесѣднику каждый свой шагъ и каждое свое душевное движеніе: они не живутъ, а все объясняютъ, почему имъ хочется жить такъ, а не иначе. Если, принимаясь за свои сибирскія беллетристическія произведенія, Чернышевскій ставилъ передъ собою цѣль пропаганды, то цѣль эта, навѣрно, останется недостигнутой **).

Совсѣмъ другое значеніе имѣлъ написанный въ крѣпости романъ „Что дѣлать?" На его долю выпалъ огромный успѣхъ, и онъ имѣлъ поистинѣ колоссальное и въ высочайшей степени благо-

*) Сочиненія, т. X, ч. I, стр. 28.

**) Повторяемъ, что это сужденіе не распространяется на романъ „Прологъ".

творное вліяніе на молодыхъ читателей 70-хъ и 80-хъ годовъ. Наши обскуранты и декаденты имѣли привычку презрительно пожимать плечами по поводу этого знаменитаго произведенія въ виду, будто бы, полнаго отсутствія въ немъ художественныхъ достоинствъ. Но замѣчательно, что даже съ этой стороны ихъ приговоръ не вполнѣ справедливъ: характеръ Марьи Алексѣевны Розальской, матери Вѣры Павловны, очерченъ довольно удачно. Кромѣ того, въ романѣ вообще много наблюдательности, юмора и того неподдѣльнаго воодушевленія, а лучше сказать энтузіазма, который захватываетъ читателя и заставляетъ его съ неослабѣвающимъ увлеченіемъ слѣдить за судьбой главныхъ дѣйствующихъ лицъ, несмотря на несомнѣнную слабость художественнаго дарованія автора. Само собою разумѣется, что легко вынести уничтожающій приговоръ роману „Что дѣлать?“, сравнивъ его, скажемъ, съ „Анной Карениной“. Но плохъ тотъ критикъ, который сравниваетъ одно съ другимъ два совершенно несоизмѣримыхъ литературныхъ произведенія. Романъ „Что дѣлать?“ умѣстнѣе было бы сравнить, напримѣръ, съ тѣмъ или другимъ философскимъ романомъ Вольтэра. И если мы подойдемъ къ нему съ такимъ мѣриломъ въ рукахъ, то мы немедленно увидимъ, какъ неудачно судили о немъ строгіе судьи, обскуранты и декаденты.

Въ чемъ заключалась тайна необычайнаго успѣха „Что дѣлать?“ Въ томъ же, въ чемъ вообще заключается тайна успѣха литературныхъ произведеній, въ томъ, что романъ этотъ давалъ живой и общепонятный отвѣтъ на вопросы, сильно интересовавшіе значительную часть читающей публики. Сами по себѣ мысли, высказанныя въ немъ, были не новы; Чернышевскій цѣликомъ взялъ ихъ изъ западно-европейской литературы. Проповѣдью свободныхъ, а главное искреннихъ, честныхъ отношеній въ любви мужчины къ женщинѣ гораздо раньше его занималась Жоржъ Зандъ во Франціи *). Лукреція Флоріани по нравственнымъ требованіямъ предъявляемымъ ею въ любви ничѣмъ не отличается отъ Вѣры Павловны Лопуховой-Кирсановой. А что касается романа „Жакъ“, то

*) Замѣтимъ, кстати, что Wahlverwandschaften Гете тоже представляетъ собой слово въ защиту такихъ отношеній. Это хорошо понимаютъ нѣкоторые нѣмецкіе историки нѣмецкой литературы, которые, не дерзая хулить такого авторитетнаго писателя, и въ то же время не смѣя согласиться съ нимъ по своему филистерскому благонравію, лепечутъ обыкновенно нѣчто совершенно непонятное на счетъ странныхъ, будто бы, парадоксовъ великаго нѣмца.

легко было бы сдѣлать изъ него довольно длинный рядъ выписокъ, показывающихъ, что въ романѣ „Что дѣлать“? почти цѣликомъ воспроизводятся подчасъ мысли и разсужденія свободолюбиваго и самоотверженнаго героя Жоржъ Зандъ *). Да и не одна Жоржъ Зандъ проповѣдывала свободу въ отношеніяхъ этого рода. Ихъ проповѣдывали, какъ извѣстно, также Робертъ Оуэнъ и Фурье, имѣвшіе рѣшающее вліяніе на міросозерцаніе Чернышевскаго **). И всѣ эти идеи еще въ 40-хъ годахъ встрѣчали у насъ горячее сочувствіе. Бѣлинскій не разъ съ жаромъ высказывался въ своихъ статьяхъ за свободу и искренность въ любовныхъ отношеніяхъ. Читатель помнитъ, конечно, какъ горько упрекалъ „неистовый Виссаріонъ“ пушкинскую Татьяну въ томъ, что любя Онѣгина, но въ то же время, будучи „другому“ отдана, она не послѣдовала влеченію своего сердца и продолжала жить съ нелюбимымъ старикомъ—мужемъ. Лучшіе изъ людей „40-хъ годовъ“ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ держались тѣхъ же принциповъ, какимъ слѣдовали Лопуховъ и Кирсановъ. Но до появленія романа „Что дѣлать?“ эти принципы раздѣлялись только горстью „избранныхъ“; масса читающей публики ихъ совсѣмъ не понимала. Даже Герценъ не рѣшился высказать ихъ во всей полнотѣ и ясности въ своемъ

---

*) Въ своемъ дневникѣ Чернышевскій записалъ 26 марта 1853 года слѣдующій разговоръ свой съ невѣстой: „Неужели вы думаете, что я измѣню вамъ?“—„Я этого не думаю, я этого не жду, но я обдумывалъ и этотъ случай“.—„Что жъ бы вы тогда сдѣлали?—Я разсказалъ ей Жака Жоржъ Занда. „Что жъ бы вы тоже застрѣлились?“—„Не думаю; и я сказалъ, что постараюсь достать ей Жоржъ Занда (она не читала его, или во всякомъ случаѣ не помнитъ его идей)“ (Сочиненія, т. X, ч. 2, отд. 3, стр. 78). Считаемъ не лишнимъ отмѣтить еще одно мѣсто изъ разговоровъ Чернышевскаго со своей невѣстой: „А каковы будутъ эти отношенія—она третьяго дня сказала: у насъ будутъ отдѣльныя половины, и вы ко мнѣ не должны являться безъ позволенія; это я и самъ хотѣлъ бы такъ устроить, можетъ быть, думаю объ этомъ серьезнѣе, чѣмъ она;—она понимаетъ, вѣроятно, только то, что не хочетъ, чтобы я надоѣдалъ ей, а я понимаю подъ этимъ то, что и вообще всякій мужъ долженъ быть чрезвычайно деликатенъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ къ женѣ“ (тамъ же стр. 82). Почти буквально такой же разговоръ ведетъ Вѣра Павловна съ Лопуховымъ въ романѣ „Что дѣлать?“

**) Едва ли нужно напоминать, какую энергичную проповѣдь велъ Робертъ Оуэнъ въ этомъ направленіи. Что касается Фурье, то мы приведемъ здѣсь слѣдующія его глубокомысленныя слова: „les coutumes en amour... ne sont que formes temporaires et variables, et non pas fond immuables“ (Oeuvres complètes de Ch. Fourier, t. IV, p. 84).

романѣ „Кто виноватъ?“ А. Дружининъ въ своей повѣсти „Поленька Саксъ“ *) рѣшаетъ вопросъ опредѣленнѣе. Но повѣсть эта слишкомъ блѣдна, при томъ же ея дѣйствующія лица, принадлежащія къ такъ называемому высшему,—чиновному и титулованному,—обществу, были совсѣмъ не интересны для „разночинцевъ“, составившихъ, послѣ паденія николаевскаго режима, лѣвое крыло читающей публики. Съ выходомъ „Что дѣлать?“ все измѣнилось, все стало ясно, рѣзко и опредѣленно. Никакія сомнѣнія не могли болѣе имѣть мѣсто. Мыслящимъ людямъ оставалось: или руководствоваться въ любви принципами Лопухова и Кирсанова, или, склоняясь передъ святостью брака, прибѣгать въ случаѣ появленія у нихъ новаго чувства, къ старому, испытанному средству тайныхъ амурныхъ похожденій, или, наконецъ, совершенно подавлять въ себѣ всякое любовное чувство, въ виду *принадлежности* своей другому, уже нелюбимому человѣку. И выборъ приходилось дѣлать совершенно сознательно. Чернышевскій такъ разъяснилъ этотъ вопросъ, что естественная прежде необдуманность и непосредственность любовныхъ отношеній сдѣлались совершенно невозможными. На любовь распространился контроль сознанія, сознательный взглядъ на отношенія мужчины къ женщинѣ сдѣлался достояніемъ широкой публики. И это было особенно важно у насъ въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Пережитыя Россіей реформы перевернули вверхъ дномъ не только наши общественныя, но и семейныя отношенія. Лучи свѣта проникли въ такіе закоулки, которые до того времени оставались совершенно темными. Русскіе люди вынуждены были оглянуться на себя, посмотрѣть трезвыми глазами на свои отношенія къ ближнимъ, къ обществу и семьѣ. Въ семейныхъ отношеніяхъ, въ любви и дружбѣ сталъ играть большую роль новый элементъ: *убѣжденія*, которыя имѣлись прежде лишь у самой маленькой кучки „идеалистовъ“. Различіе въ убѣжденіяхъ служило поводомъ къ неожиданнымъ разрывамъ. Женщина, „отданная“ извѣстному человѣку, нерѣдко съ ужасомъ открывала, что ея законный „обладатель“ есть обскурантъ, взяточникъ, низкопоклонный льстецъ передъ начальствомъ. Мужчина, съ наслажденіемъ „обладавшій“ прежде красавицей женою и неожиданно для него самого затронутый потокомъ новыхъ идей, часто съ отчаяніемъ видѣлъ, что его прелестная игрушка интересуется вовсе не „новыми людьми“ и не „новыми взглядами“, а новыми нарядами да танцами, да еще чи-

*) „Современникъ“ 1847 г., № 12.

нами и жалованьемъ мужа. Всѣ объясненія и увѣщанія оказываются напрасными, красавица превращается въ настоящую мегеру, какъ только мужъ попробуетъ заикнуться, что онъ „служить бы радъ", но что „прислуживаться тошно". Какъ быть? Что дѣлать? Знаменитый романъ показывалъ, какъ быть и что дѣлать. Подъ его вліяніемъ люди, считавшіе себя прежде законной собственностью другихъ, начинали повторять вмѣстѣ съ его авторомъ: о грязь, о грязь, кто смѣетъ обладать человѣкомъ!—и въ нихъ просыпалось сознаніе человѣческаго достоинства, и они, часто послѣ жесточайшихъ душевныхъ и семейныхъ бурь, становились на собственныя ноги, устраивали свою жизнь сообразно со своими убѣжденіями и сознательно шли къ разумной человѣческой цѣли. Уже въ виду одного этого можно сказать, что имя Чернышевскаго принадлежитъ исторіи, и будетъ оно мило людямъ, и будутъ вспоминать его съ благодарностью, когда уже не будетъ въ живыхъ никого изъ лично знавшихъ *великаго русскаго просвѣтителя*.

Обскуранты обвиняли Чернышевскаго въ томъ что, онъ проповѣдывалъ будто бы въ своемъ романѣ „эмансипацію плоти". Нѣтъ ничего нелѣпѣе и лицемѣрнѣе этого обвиненія! Возьмите любой романъ изъ великосвѣтской жизни, припомните любовныя похожденія дворянства и буржуазіи во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ—и вы увидите, что Чернышевскому не было никакой надобности проповѣдывать давно уже совершившуюся эмансипацію плоти. Его романъ проповѣдуетъ, наоборотъ, эмансипацію человѣческаго духа, человѣческаго разума. Никто изъ людей, проникшихся направленіемъ этого романа, не будетъ имѣть склонности къ будуарнымъ похожденіямъ, безъ которыхъ жизнь не въ жизнь „свѣтскимъ" людямъ, проникнутымъ лицемѣрнымъ уваженіемъ къ ходячей морали. Гг. обскуранты прекрасно понимаютъ строго-нравственный характеръ произведенія Чернышевскаго и сердятся на него именно за его нравственную строгость. Они чувствуютъ, что люди, подобные героямъ „Что дѣлать?", должны считать ихъ величайшими развратниками и испытывать къ нимъ глубочайшее презрѣніе.

Мы знаемъ,—распространеніе въ Россіи великихъ идей правды, науки, искусства составляло главную, можно сказать, единственную цѣль въ жизни нашего автора. Въ интересахъ такого распространенія написалъ онъ и романъ „Что дѣлать?". Ошибочно было бы разсматривать этотъ романъ исключительно только, какъ проповѣдь разумныхъ отношеній въ любви. Любовь Вѣры Павловны къ Лопу-

хову и Кирсанову—это только канва, по которой располагаются другія, болѣе важныя мысли автора. Въ снахъ Вѣры Павловны яркими красками рисуются соціалистическіе идеалы автора. Картина соціалистическаго общежитія нарисована имъ цѣликомъ по Фурье. Чернышевскій опять не предлагаетъ читателямъ ничего новаго. Онъ только знакомитъ ихъ съ тѣми выводами, къ которымъ давно уже пришла западно-европейская мысль. Здѣсь опять приходится замѣтить, что взгляды Фурье уже въ сороковыхъ годахъ извѣстны были въ Россіи. За фурьеризмъ судились и были осуждены „Петрашевцы". Но Чернышевскій придалъ идеямъ Фурье небывалое до тѣхъ поръ у насъ распространеніе. Онъ ознакомилъ съ ними широкую публику. Впослѣдствіи у насъ даже поклонники Чернышевскаго пожимали плечами, говоря о снахъ Вѣры Павловны. Снившіеся ей фаланстеры казались потомъ нѣкоторымъ довольно наивною мечтою. Говорили, что знаменитый писатель могъ бы побесѣдовать съ читателемъ о чемъ-нибудь болѣе къ намъ близкомъ и болѣе практичномъ. Такъ разсуждали даже люди, называвшіе себя соціалистами. Признаемся, мы совсѣмъ не такъ смотримъ на это дѣло. Въ снахъ Вѣры Павловны мы видимъ такую черту соціалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго, на которую, къ сожалѣнію, не обращали до послѣдняго времени достаточнаго вниманія русскіе соціалисты. Въ этихъ снахъ насъ привлекаетъ вполнѣ усвоенное Чернышевскимъ сознаніе того, что соціалистическій строй можетъ основываться только на широкомъ примѣненіи къ производству техническихъ силъ, развитыхъ буржуазнымъ періодомъ. Въ снахъ Вѣры Павловны огромныя арміи труда занимаются производствомъ сообща, переходя изъ Средней Азіи въ Россію, изъ странъ жаркаго климата въ холодныя страны. Все это, конечно, можно было вообразить и съ помощью Фурье, но что этого не знала русская читающая публика, видно даже изъ послѣдующей исторіи такъ называемаго русскаго соціализма. Въ своихъ представленіяхъ о соціалистическомъ обществѣ наши революціонеры нерѣдко доходили до того, что воображали его въ видѣ федераціи крестьянскихъ общинъ, обработывающихъ свои поля той же допотопной сохой, съ помощью которой они ковыряли землю еще при Василіи Темномъ. Но само собою разумѣется, что такой „соціализмъ" вовсе не можетъ быть признанъ соціализмомъ. Освобожденіе пролетаріата можетъ совершиться только въ силу освобожденія человѣка отъ „власти земли" и вообще природы. А для этого послѣдняго освобожденія безусловно необходимы тѣ

арміи труда и то широкое примѣненіе къ производству современныхъ производительныхъ силъ, о которыхъ говорилъ въ снахъ Вѣры Павловны Чернышевскій и о которыхъ мы, въ своемъ стремленіи къ „практичности“, совершенно позабыли.

Чернышевскій присутствовалъ при зарожденіи у насъ новаго типа „новыхъ людей“. Этотъ типъ выведенъ имъ въ лицѣ Рахметова. Нашъ авторъ радостно привѣтствовалъ появленіе этого новаго типа и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи нарисовать хотя бы неясный его профиль. Въ то же время онъ съ грустью предвидѣлъ, какъ много мукъ и страданій придется пережить русскому революціонеру, жизнь котораго должна быть жизнью суровой борьбы и тяжелаго самоотверженія. И вотъ Чернышевскій выставляетъ передъ нами въ Рахметовѣ настоящаго аскета. Рахметовъ положительно мучаетъ себя. Онъ совсѣмъ „безжалостный до себя“, по выраженію его квартирной хозяйки. Онъ рѣшается даже попробовать, сможетъ ли вынести пытку, и съ этой цѣлью лежитъ всю ночь на войлокѣ, утыканномъ гвоздями. Многіе, и въ томъ числѣ Писаревъ, видѣли въ этомъ простое чудачество. Мы согласны, что нѣкоторыя частности въ характерѣ Рахметова могли быть изображены иначе. Но вся совокупность характера остается все-таки вполнѣ вѣрной дѣйствительности: почти въ каждомъ изъ выдающихся нашихъ соціалистовъ 60-хъ и 70-хъ годовъ была не малая доля рахметовщины.

Заканчивая наше введеніе, мы скажемъ, что значеніе Чернышевскаго въ русской литературѣ до сихъ поръ не нашло себѣ надлежащей оцѣнки. Какъ плохо понимаютъ ее у насъ даже многіе изъ тѣхъ, которые относятся къ нему весьма благожелательно, показываетъ воспоминаніе о немъ В. Г. Короленко. Этотъ талантливый и умный авторъ изобразилъ его какимъ-то „раціоналистическимъ экономистомъ“, который при этомъ вѣритъ „въ силу устроительнаго разума по Конту“ *). Если слова насчетъ „устроительнаго разума“ имѣютъ какой-нибудь смыслъ, то они означаютъ, что Чернышевскій смотрѣлъ на общественныя явленія съ идеалистической точки зрѣнія, съ какой на нихъ смотрѣлъ и самъ Контъ. Но человѣкъ, смотрящій на общественныя явленія съ точки зрѣнія идеализма, не можетъ быть названъ экономистомъ по той простой причинѣ, что названіе это примѣняется,—хотя, впрочемъ, тоже не совсѣмъ правильно,—къ людямъ, которые, не вѣря

*) Короленко. „Отошедшіе“. Стр. 78.

въ силу устроительнаго разума, вѣрятъ въ устроительную силу экономики. „Экономистъ“, вѣрящій въ силу устроительнаго разума, былъ бы похожъ на дарвиниста, принимающаго моисееву космогонію. Но это не самое важное. Важнѣе всего здѣсь то, что „экономизму“ Чернышевскаго г. Короленко противопоставляетъ соціологическіе взгляды нашихъ „субъективистовъ“. „Переставъ быть „раціоналистическими экономистами“, мы тоже не остановились на мѣстѣ. Вмѣсто схемъ чисто экономическихъ, литературное направленіе, главнымъ представителемъ котораго является Н. К. Михайловскій, раскрыло передъ нами цѣлую перспективу законовъ и параллелей біологическаго характера, а игрѣ экономическихъ интересовъ отводилось подчиненное мѣсто“ *).

Дѣйствительно, „не остались на мѣстѣ“! Раскрытая Михайловскимъ „перспектива законовъ и параллелей біологическаго характера“ была огромнымъ шагомъ назадъ въ сравненіи съ общественными взглядами Чернышевскаго **). Н. К. Михайловскій былъ ученикомъ П. Л. Лаврова, который,—какъ это показано нами въ книгѣ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“,—былъ по своимъ взглядамъ на ходъ общественнаго развитія послѣдователемъ Бруно Бауэра. Поэтому, кто хочетъ выяснить себѣ, какъ относится міросозерцаніе Н. Г. Чернышевскаго къ міросозерцанію нашихъ „субъективистовъ“, долженъ прежде всего постараться понять, какъ относится ко взглядамъ Бруно Бауэра философія Фейербаха, которой держался Чернышевскій. А тутъ дѣло ясно и просто: Фейербахъ далеко опередилъ Бруно Бауэра.

Эпиграфомъ къ нашей первой статьѣ о Чернышевскомъ, написанной подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о его смерти и совершенно переработанной въ настоящемъ изданіи, мы взяли слѣдующія слова нашего автора изъ его письма къ своей женѣ: „Наша съ тобою жизнь принадлежитъ исторіи, пройдутъ сотни лѣтъ, а наши имена все будутъ милы людямъ, и будутъ вспоминать о нихъ съ благодарностью, когда уже не будетъ тѣхъ, кто жилъ съ нами“. Это письмо писано 5 октября 1862 года, т.-е. въ то время, когда его авторъ находился уже въ заключеніи. Его

*) Тамъ же, стр. 79—80.

**) Неудивительно, что Чернышевскій, по свидѣтельству того же г. Короленко, относился совершенно отрицательно къ этимъ „законамъ и параллелямъ“.

обвинители приводили ихъ потомъ, какъ доказательство его крайняго самомнѣнія. Онъ возражалъ имъ, что они берутъ въ серьезъ такія строки его письма, которыя написаны имъ совершенно не серьезно *).

Въ свою очередь, мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ: можетъ ли подходить самомнѣніе подъ какую бы то ни было статью какого бы то ни было уголовнаго кодекса. И мы вполнѣ вѣримъ, что цитированныя нами строки письма Чернышевскаго имѣли для ихъ автора значеніе простой шутки. Но мы находимъ, что онѣ имѣютъ теперь другое вполнѣ серьезное значеніе. Жизнь Н. Г. Чернышевскаго въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ исторіи, и его имя никогда не перестанутъ вспоминать съ благодарностью всѣ тѣ, которые интересуются судьбами русской литературы и которые умѣютъ цѣнить умъ, талантъ, знанія, мужество и самоотверженіе.

*) М. К. Лемке. „Былое", 1906 г., стр. 103.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФИЛОСОФСКІЕ, ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Философскіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая.

Чернышевскій и Фейербахъ.

Въ первомъ изданіи этого сочиненія,—первая статья котораго, говорившая, между прочимъ, о философскихъ взглядахъ Чернышевскаго, написана была въ концѣ 1899 года,—мы высказали то убѣжденіе, что по своимъ философскимъ взглядамъ нашъ авторъ былъ послѣдователемъ Фейербаха. Это наше убѣжденіе основывалось, разумѣется, прежде всего, на сравненіи со взглядами Фейербаха тѣхъ мыслей Чернышевскаго, которыя имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе къ философіи. Мы имѣли возможность опереться также на собственное свидѣтельство нашего автора. Правда, примѣняясь къ цензурнымъ условіямъ того времени, Чернышевскій всегда говорилъ объ этомъ предметѣ лишь намеками; но для человѣка, понимавшаго дѣло, его намеки были какъ нельзя болѣе ясны. Такъ, напримѣръ, въ спорѣ съ Дудышкинымъ (въ статьѣ „Полемическія красоты“) Чернышевскій говорилъ, что придерживается философской системы, „составляющей самое послѣднее звено въ ряду философскихъ системъ“ и „вышедшей изъ Гегелевской системы точно такъ же, какъ Гегелевская вышла изъ Шеллинговой“. Не трудно было догадаться, что эти слова намекаютъ на Фейербаха. Но Чернышевскій не разсчитывалъ на догадливость своего противника и потому хотѣлъ сдѣлать свой намекъ еще болѣе прозрачнымъ. „Но вамъ все-таки можетъ быть еще не ясно дѣло,—спрашиваетъ онъ,—вамъ, вѣроятно, хотѣлось бы узнать, кто же такой этотъ учитель, о которомъ я говорю? Чтобы облегчить вамъ поиски, я, пожалуй, скажу вамъ, что онъ не-русскій, не французъ, не англичанинъ; не Бюхнеръ, не Максъ Штирнеръ, не Бруно Бауеръ, не Молешотъ, не Фохтъ,—кто же онъ такой? Вы

начинаете догадываться: „должно быть Шопенгауэръ!“ восклицаете вы, начитавшись статей г. Лаврова.—Онъ самый и есть, угадали“. Эти строки не оставляли уже никакого сомнѣнія насчетъ того, что своимъ учителемъ въ философіи Чернышевскій считалъ именно Фейербаха.

Въ одной изъ статей, посвященныхъ „судьбамъ нашей критики“, мы доказывали, что знаменитая диссертація Чернышевскаго „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“ представляетъ собой интересную и единственную въ своемъ родѣ попытку построить эстетику на основѣ матеріалистической философіи Фейербаха *). Съ этимъ тоже трудно было не согласиться человѣку, имѣвшему понятіе о Фейербаховой философіи. Но, во-первыхъ, людей, имѣющихъ понятіе объ этой философіи, у насъ крайне мало, а во-вторыхъ, какъ ни основательны были наши соображенія о родствѣ философскихъ взглядовъ Чернышевскаго съ философскими взглядами автора „Сущности христіанства“, соображенія эти все-таки не опирались тогда ни на одно прямое, ничѣмъ не прикрытое показаніе самого Чернышевскаго. Теперь такое показаніе у насъ есть, и мы спѣшимъ обратить на него вниманіе читателя.

Въ уже упомянутомъ выше предисловіи къ 3-му изданію „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ Чернышевскій говоритъ: **)

„Авторъ брошюры, къ третьему изданію которой пишу я предисловіе (т. е. самъ Н. Г. Чернышевскій. Г. П.), получилъ возможность пользоваться хорошими библіотеками и употреблять нѣсколько денегъ на покупку книгъ въ 1846 году. До того времени онъ читалъ только такія книги, какія можно доставать въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ порядочныхъ библіотекъ. Онъ былъ знакомъ съ русскими изложеніями системы Гегеля, очень неполными. Когда явилась у него возможность ознакомиться съ Гегелемъ въ

*) Статья эта предназначалась для „Новаго Слова“, но „по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ“, напечатана была только одна ея половина. Полностью она появилась въ 1905 г. въ моемъ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“, гдѣ и перепечатывалась въ послѣдующихъ изданіяхъ.

**) Издатель сочиненій своего отца, М. Н. Чернышевскій, сообщаетъ: „Предисловіе это не было пропущено цензурою, такъ какъ о Фейербахѣ писать не полагалось. Третье изданіе „Эстетическихъ отношеній“ было рѣшено поэтому не печатать“. Предисловіе помѣчено 1888 годомъ.

подлинникѣ, онъ сталъ читать эти трактаты. Въ подлинникѣ Гегель понравился ему гораздо меньше, нежели ожидалъ онъ по русскимъ изложеніямъ. Причина состояла въ томъ, что русскіе послѣдователи Гегеля излагали его систему въ духѣ лѣвой стороны Гегелевской школы. Въ подлинникѣ Гегель оказывался болѣе похожъ на философовъ XVII вѣка и даже на схоластиковъ, чѣмъ на того Гегеля, какимъ онъ являлся въ русскихъ изложеніяхъ его системы. Чтеніе было утомительно по своей явной безполезности для сформированія научнаго образа мыслей. Въ это время случайнымъ образомъ попалось желавшему сформировать себѣ такой образъ мыслей, юношѣ одно изъ главныхъ сочиненій Фейербаха. Онъ сталъ послѣдователемъ этого мыслителя; и до того времени, когда житейскія надобности отвлекли его отъ ученыхъ занятій, онъ усердно читалъ и перечитывалъ сочиненія Фейербаха".

Эти строки, составляющія какъ бы философскій curriculum vitae Н. Г. Чернышевскаго, показываютъ намъ, какое огромное значеніе имѣла нѣмецкая философія вообще и философія Фейербаха въ частности въ исторіи развитія его міросозерцанія. А строки, непосредственно за ними слѣдующія, обнаруживаютъ передъ нами вліяніе Фейербаха на эстетическія воззрѣнія нашего автора.

Чернышевскій продолжаетъ, по прежнему говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: „Лѣтъ черезъ шесть послѣ начала его знакомства съ Фейербахомъ представилась ему житейская надобность написать ученый трактатъ. Ему казалось, что онъ можетъ примѣнять основныя идеи Фейербаха къ разрѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ по отраслямъ знаній, не входившимъ въ кругъ изслѣдованій его учителя.

„Предметомъ трактата, который нужно было ему написать, должно было быть что-нибудь относящееся къ литературѣ. Онъ вздумалъ удовлетворить этому условію изложеніемъ тѣхъ понятій объ искусствѣ и въ частности о поэзіи, которыя казались ему выводами изъ идеи Фейербаха. Такимъ образомъ, брошюра, предисловіе къ которой пишу я—попытка примѣнить идеи Фейербаха къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ эстетики.

„Авторъ не имѣетъ ни малѣйшихъ притязаній сказать что-нибудь новое, принадлежащее лично ему. Онъ желалъ только быть истолкователемъ идей Фейербаха въ примѣненіи къ эстетикѣ" *).

*) Сочиненія. Т. X-й; часть 2-я; стр. 192.

Читатель видитъ, что мы правильно поняли отношенія Чернышевскаго къ Фейербаху. Но какова точка зрѣнія самого Фейербаха? Выше мы назвали его матеріалистомъ. И матеріалистомъ же считали его тѣ люди, которые ополчались у насъ на Чернышевскаго за его проповѣдь философскихъ взглядовъ Фейербаха. Но въ настоящее время въ философской литературѣ очень распространено то мнѣніе, что Фейербахъ никогда не былъ „настоящимъ" матеріалистомъ. Это мнѣніе,—внѣшнимъ поводомъ для котораго послужили нѣкоторые „афоризмы" и нѣкоторые термины самого Фейербаха,—высказано было, между прочимъ, и въ извѣстной „Исторіи матеріализма" Ланге. Однако, оно совсѣмъ неосновательно. Мы сейчасъ увидимъ это.

Фейербахъ говоритъ въ своихъ „Grundsätze": „Новая (т.-е. его. Г. П.) философія дѣлаетъ человѣка, со включеніемъ природы, какъ базиса человѣка, единственнымъ всеобщимъ и высшимъ предметомъ философіи, — стало быть, антропологію, со включеніемъ физіологіи, универсальною наукою".

Въ этихъ словахъ Фейербаха Ланге видитъ черту, идущую отъ Гегелевской философіи и отдѣляющую Фейербаха отъ матеріалистовъ въ собственномъ смыслѣ слова. Онъ замѣчаетъ, что „природа человѣка для матеріалиста есть лишь частный случай въ цѣпи физическихъ процессовъ жизни". Кромѣ того, по мнѣнію Ланге, настоящій матеріалистъ будетъ мало склоненъ придавать,—какъ это дѣлаетъ Фейербахъ,—человѣческой природѣ божескіе аттрибуты *). Но что значатъ у Фейербаха эти божескіе аттрибуты? Онъ самъ говоритъ, что его „антропологія" представляетъ собой лишь указаніе на то, что человѣкъ принимаетъ за бога свою собственную сущность **). Въ виду этого „божественность" аттрибутовъ человѣческой природы утрачиваетъ всякій спиритуалистическій смыслъ: остается лишь извѣстное злоупотребленіе терминомъ, очень нежелательное въ интересахъ правильнаго развитія философскихъ понятій, но ни мало не измѣняющее истиннаго содержанія ученія Фейербаха. Фейербахъ никогда не отрицалъ того, что природа человѣка „есть лишь частный случай въ цѣпи физическихъ процессовъ". Это положеніе лежитъ въ основѣ всей его философіи. И если тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ взять

*) „Исторія матеріализма"; переводъ Н. Н. Страхова; т. II-ой, стр. 82-ая.
**) Feuerbach's Werke. VI, 249.

за свою точку исхода именно человѣческую природу, то это прекрасно объясняется его же собственными словами: „Въ спорѣ между матеріализмомъ и спиритуализмомъ рѣчь идетъ о человѣческой головѣ... разъ мы узнали, что представляетъ собою та матерія, изъ которой состоитъ мозгъ, мы скоро придемъ къ ясному взгляду и насчетъ всякой другой матеріи, насчетъ матеріи вообще“ *). Эти строки показываютъ, какъ плохо поняли Фейербаха тѣ люди, которые отказались признать его ученіе матеріализмомъ и окрестили его ничего не говорящимъ именемъ гуманизма. Правда, самъ Фейербахъ иногда отказывается признать себя матеріалистомъ. „Матеріализмъ,—говоритъ онъ,—есть совсѣмъ неподходящее названіе, которое ведетъ за собой неправильное представленіе и можетъ быть оправдано лишь желаніемъ противопоставить нематеріальности мысли ея матеріальность; но для насъ существуетъ только органическая жизнь, только органическое дѣйствіе, только органическое мышленіе. Поэтому правильнѣе было бы говорить организмъ. Послѣдовательный спиритуалистъ отрицаетъ, что для мышленія нуженъ органъ, между тѣмъ какъ при естественномъ взглядѣ на дѣло оказывается, что безъ органа нѣтъ и дѣятельности“ **). Въ тѣхъ же афоризмахъ, откуда мы взяли эти строки, Фейербахъ заявляетъ, что онъ лишь до извѣстнаго предѣла идетъ вмѣстѣ съ матеріалистами и что матеріализмъ составляетъ только основу человѣческой сущности и человѣческаго знанія, но еще не самое знаніе, какъ это думаютъ нѣкоторые естествоиспытатели, напр., Молешоттъ. Но тутъ нужно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ, терминъ „организмъ“, предлагаемый Фейербахомъ, выражаетъ совершенно тотъ же философскій взглядъ, какой выражается словомъ „матеріализмъ“. Естествоиспытатели „въ узкомъ смыслѣ этого слова“ потому не удовлетворяютъ Фейербаха, что они, по его мнѣнію, все сводятъ къ мозгу, а мозгъ есть не болѣе, какъ физіологическая абстракція; онъ лишь до тѣхъ поръ является органомъ мышленія, пока соединенъ съ головою и съ тѣломъ“ ***). Но кто же изъ естествоиспытателей отрицалъ когда-либо, что мозгъ перестаетъ мыслить, будучи отдѣленъ отъ головы и тѣла? Никто и никогда. Въ этомъ случаѣ Фейербахъ

*) Ueber Spiritualismus und Materialismus, Werke. X, 129.

**) „Nachgelassene Aphorismen“, напечатанные у Грюна: Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass. Zweiter Band, S. 307—308.

***) Werke; II, 362.

просто-на-просто несправедливъ къ естествоиспытателямъ *). Нельзя оспаривать то, что въ лицѣ такихъ естествоиспытателей, какъ Молешоттъ, Бюхнеръ и Фогтъ, матеріализмъ страдалъ подчасъ значительной узкостью и дѣлалъ серьезныя теоретическія ошибки. Но несправедливо было бы относить на счетъ матеріализма вообще—недостатки, свойственные одной изъ его школъ. Это понималъ, какъ видно, и самъ Фейербахъ, который въ своемъ сочиненіи: „Ueber Spiritualismus und Materialismus, besonders in Beziehung auf die Willensfreiheit" относитъ то, что представлялось ему слабой стороной матеріализма собственно на счетъ французской матеріалистической школы, противопоставляя ей нѣмецкій матеріализмъ, пользующійся полнымъ его сочувствіемъ. Въ дѣйствительности, упреки, дѣлаемые имъ тамъ французской школѣ матеріализма, совсѣмъ не заслужены этой послѣдней и съ гораздо большимъ основаніемъ могутъ быть направлены по адресу нѣмецкихъ матеріалистовъ въ родѣ Бюхнера или Фогта. Но это частность, объясняющаяся тѣмъ, что Фейербахъ, воспитанный на нѣмецкой философіи, былъ плохо знакомъ съ французскимъ матеріализмомъ. Частность эта не мѣшала Фейербаху стоять въ своей „антропологіи" на чисто-матеріалистической точкѣ зрѣнія. Въ только что цитированномъ нами сочиненіи „Ueber Spiritualismus und Materialismus" онъ, самъ того не сознавая, высказывается въ духѣ французскаго матеріализма, какъ тотъ выразился въ сочиненіяхъ Ламетри и Дидро **).

Глава вторая.

Антропологическій принципъ въ философіи.

Какъ бы тамъ ни было, а Н. Г. Чернышевскій понималъ Фейербаха въ матеріалистическомъ смыслѣ. На этотъ счетъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній его знаменитая философская

*) О томъ, какъ стоитъ этотъ вопросъ въ современномъ естествознаніи, даетъ понятіе небольшая, но интересная работа Феликса Ле-Дантека: „Le déterminisme biologique et la personnalité consciente. Esquisse d'une théorie chimique des épiphénomènes".

**) Подробнѣе объ этомъ см. у насъ въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ" (ст. Эстетическая теорія Н. Г. Чернышевскаго) и въ брошюрѣ „Основные вопросы марксизма", стр. 1—25.

статья, появившаяся въ №№ 4—5 „Современника“ за 1860 годъ. Вотъ какъ поясняетъ онъ здѣсь смыслъ заглавія своей статьи: „Антропологическій принципъ въ философіи“. Принципъ этотъ состоитъ въ томъ, что на человѣка надобно смотрѣть, какъ на одно существо, имѣющее только одну натуру, чтобы не разрѣзывать человѣческую жизнь на разныя половины, принадлежащія разнымъ натурамъ, чтобы разсматривать каждую сторону дѣятельности человѣка, какъ дѣятельность или всего его организма, отъ головы до ногъ включительно, или, если она оказывается спеціальнымъ отправленіемъ какого-нибудь особеннаго органа въ человѣческомъ организмѣ, то разсматривать этотъ органъ въ его натуральной связи со всѣмъ организмомъ.

Поясняя антропологическій принципъ, можно сказать, словами самого Фейербаха, Чернышевскій замѣчаетъ, что до сихъ поръ большинство мыслителей, занимающихся нравственными науками продолжаютъ работать „по прежнему фантастическому способу ненатуральнаго дробленія человѣка на разныя половины, происходящія изъ разныхъ натуръ“. Но именно потому, что ученые въ своемъ большинствѣ еще не сознали важнаго значенія антропологическаго принципа, ихъ труды лишаются всякаго серьезнаго значенія. „Пренебреженіе къ антропологическому принципу отнимаетъ у нихъ всякое достоинство,—говоритъ онъ; исключеніемъ служатъ творенія очень немногихъ прежнихъ мыслителей, слѣдовавшихъ антропологическому принципу, хотя еще и не употреблявшихъ этого термина для характеристики своихъ воззрѣній на человѣка: таковы, напримѣръ, Аристотель и Спиноза“.

Людямъ, держащимся вульгарнаго взгляда на сущность матеріалистическаго ученія, этотъ отзывъ нашего автора объ Аристотелѣ и Спинозѣ долженъ представляться совершенно неожиданнымъ и даже смѣшнымъ. Въ серединѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка, г. А. Волынскій въ своей книгѣ „Русскіе критики“ произнесъ по поводу этого отзыва слѣдующій величественный приговоръ: „Изъ всѣхъ мыслителей прошедшаго времени Чернышевскій, по какой-то странной ассоціаціи идей и, безъ сомнѣнія, ошибочныхъ воспоминаній, готовъ признать только Аристотеля и Спинозу. Въ своемъ фантастическомъ представленіи о системахъ этихъ двухъ дѣйствительно великихъ творцовъ въ области человѣческой мысли, онъ полагаетъ, что, слѣдуя вышеописанному антропологическому принципу, онъ является ихъ продолжателемъ при новыхъ данныхъ положительнаго знанія“ (стр. 271).

Этотъ величественный отзывъ о будто бы „фантастическихъ представленіяхъ Чернышевскаго свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что г. А. Волынскій ровно ничего не понялъ въ философскихъ взглядахъ Н. Г. Чернышевскаго.

Мы уже знаемъ, что этотъ послѣдній стоялъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха. Какъ же относился Фейербахъ къ Спинозѣ? Въ своей исторіи новой философіи онъ излагалъ ученіе Спинозы съ величайшимъ сочувствіемъ, а въ своихъ „Grundsätze",—относящихся къ 1843 году,—онъ высказалъ ту совершенно справедливую мысль, что пантеизмъ Спинозы есть теологическій матеріализмъ, т. е. такое отрицаніе теологіи, которое продолжаетъ стоять на теологической точкѣ зрѣнія. Въ этомъ смѣшеніи матеріализма съ теологіей заключалась, по мнѣнію Фейербаха, непослѣдовательность Спинозы; но эта его непослѣдовательность не помѣшала ему, однако, найти „правильное, по крайней мѣрѣ для своего времени, выраженіе для матеріалистическихъ понятій новѣйшей эпохи". Поэтому Фейербехъ называлъ Спинозу Моисеемъ новѣйшихъ свободныхъ мыслителей и матеріалистовъ *).

Послѣ этого понятно, почему Чернышевскій относилъ Спинозу къ числу тѣхъ, очень немногихъ, прежнихъ мыслителей, которые держались антропологическаго принципа, хотя еще не употребляли этого термина для характеристики своихъ философскихъ взгядовъ: поступая такъ, онъ слѣдовалъ примѣру своего учителя, справедливо считавшаго Спинозу Моисеемъ новѣйшаго матеріализма. Что касается Аристотеля, то Чернышевскій въ самомъ дѣлѣ ошибался, считая его философію родственной съ ученіемъ Фейербаха. Аристотель гораздо ближе къ идеалистамъ, нежели къ матеріалистамъ, но и тутъ не слѣдуетъ забывать, что между учениками Аристотеля были люди, истолковывавшіе его систему въ смыслѣ очень близкомъ къ матеріализму **). Таковы были Аристоксенъ, Дикеархъ и особенно Стратонъ. Вѣроятно, Чернышевскій считалъ ихъ толкованіе философіи Аристотеля правильнымъ и потому объявилъ ихъ учителя сторонникомъ антропологическаго принципа. Повторяемъ, это мнѣніе нельзя признать вѣрнымъ;

*) Werke, II, 291. Подробнѣе объ этомъ см. „Основные вопросы марксизма" стр. 9—13.

**) Объ этомъ см. Ed. Zeller, Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung, II Th., II Abtheilung, II Auflage, Tübingen 1862, ss. 717, 719—720, 732, 742. Сравни также Ueberweg.—Grundriss der Geschichte der Philosophie. I Theil, Berlin 1876, ss. 218—219.

но нужно все философское невѣжество г. Волынскаго, чтобъ увидѣть въ немъ доказательство того, что Чернышевскій совсѣмъ не зналъ философіи *).

Итакъ, въ основѣ философіи Чернышевскаго лежитъ идея единства человѣческаго организма. Чернышевскій—рѣшительный противникъ всякаго дуализма. По его словамъ, философія,—т. е., излагаемая и защищаемая имъ философія Фейербаха,—видитъ въ человѣческомъ организмѣ то, что видятъ въ немъ естественныя науки. „Эти науки доказываютъ,—говоритъ онъ,—что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что если бы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ-нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ". Но единство человѣческой природы не мѣшаетъ существованію въ организмѣ человѣка двухъ различныхъ родовъ явленій: явленій такъ называемаго матеріальнаго порядка и явленій такъ называемаго нравственнаго порядка. И вотъ передъ Чернышевскимъ встаетъ вопросъ: какъ относятся одинъ къ другому эти два порядка явленій? Не опровергается ли ихъ существованіемъ принципъ единства человѣческой природы? Чернышевскій категорически отвѣчаетъ, что нѣтъ: „дѣлать такую гипотезу мы не имѣемъ основанія, потому что нѣтъ предмета, который имѣлъ бы только одно качество, напротивъ, каждый предметъ обнаруживаетъ безчисленное множество разныхъ явленій, которыя мы для удобства сужденій о немъ подводимъ подъ разные разряды, давая каждому разряду имя качества, такъ что въ каждомъ предметѣ очень много разныхъ качествъ". Тутъ опять обнаруживается полное единство его философскихъ взглядовъ со взглядами Фейербаха. Извѣстно, что, по ученію этого послѣдняго, организмъ есть субъектъ, а мышленіе свойство („предикатъ") этого субъекта, такъ что мыслитъ не то отвлеченное существо, съ которымъ оперировала нѣкогда идеалистическая философія, а существо дѣйствительное,

*) Что въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка не одинъ Чернышевскій склоненъ былъ преуменьшать значеніе идеалистическаго элемента въ философіи Аристотеля показываетъ не лишенная интереса книга А. Леблэ: Matérialisme et Spiritualisme, входящая въ составъ Bibliothèque de philosophie contemporaine и снабженная предисловіемъ Литтрэ (см. стр. 48—54). Книга эта вышла въ 1865 году.

тѣло. Но что такое человѣческій организмъ? Это „очень многосложная химическая комбинація,—отвѣчаетъ Чернышевскій,—находящаяся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ, называемомъ жизнью". Нѣкоторыя части этого процесса до сихъ поръ остаются довольно плохо разъясненными. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, по замѣчанію Чернышевскаго, „чтобы мы уже не знали положительнымъ образомъ очень многаго и о тѣхъ частяхъ его, изслѣдованіе которыхъ находится теперь даже въ самомъ несовершенномъ видѣ". Знаніе нѣкоторыхъ сторонъ жизненнаго процесса позволяетъ намъ дѣлать, по крайней мѣрѣ, отрицательные выводы относительно тѣхъ сторонъ, которыя пока еще плохо изслѣдованы. Такіе отрицательные выводы имѣютъ, по словамъ Чернышевскаго, большую важность во всѣхъ наукахъ; но особенно важны они въ нравственныхъ наукахъ и въ метафизикѣ, потому что тамъ они устраняютъ много вредныхъ ошибокъ. Чтобы пояснить эту важную мысль, предоставимъ слово самому Чернышевскому. „Говорятъ: естественныя науки еще не достигли такого развитія, чтобы удовлетворительно объяснить всѣ важныя явленія природы,—пишетъ онъ.—Это совершенная правда; но противники научнаго направленія въ философіи дѣлаютъ изъ этой правды выводъ вовсе не логическій, когда говорятъ, что пробѣлы, остающіеся въ научномъ объясненіи натуральныхъ явленій, допускаютъ сохраненіе какихъ-нибудь остатковъ фантастическаго міросозерцанія. Дѣло въ томъ, что характеръ результатовъ, доставленныхъ анализомъ объясненныхъ наукою частей и явленій, уже достаточно свидѣтельствуетъ о характерѣ элементовъ, силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ остальныхъ частяхъ и явленіяхъ, которыя еще не вполнѣ объяснены: если бы въ этихъ необъясненныхъ частяхъ и явленіяхъ было что-нибудь иное, кромѣ того, что найдено въ объясненныхъ частяхъ, тогда и объясненныя части имѣли бы не такой характеръ, какой имѣютъ".

Это разсужденіе опять направляется противъ дуализма. Какъ ни мало изслѣдованы такъ называемыя психическія явленія, но мы уже теперь можемъ съ достовѣрностью сказать, что ошибались мыслители, относившіе ихъ на счетъ особой субстанціи. Такой особой субстанціи не существуетъ. Психическія явленія представляютъ собою не болѣе, какъ результатъ дѣятельности человѣческаго организма. Таково положеніе, красной нитью проходящее черезъ всю статью Чернышевскаго.

Но тутъ полезно будетъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Въ

статьѣ Чернышевскаго есть строки, которыя могли подать, — и дѣйствительно подали, — поводъ къ недоразумѣніямъ. Вотъ эти строки: „Мы знаемъ, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, питаніе; изъ этого мы уже знаемъ приблизительно, въ чемъ состоитъ, напримѣръ, ощущеніе: питаніе и ощущеніе такъ тѣсно связаны между собою, что характеромъ одного опредѣляется характеръ другого". Прочитавъ эти строки, можно, пожалуй, подумать, что Чернышевскій раздѣлялъ взглядъ тѣхъ будто бы матеріалистовъ, которые утверждали, что мысль, а, слѣдовательно, и ощущенія есть не болѣе, какъ движеніе вещества. Но на самомъ дѣлѣ онъ, какъ и Фейербахъ, былъ очень далекъ отъ такого матеріализма. Его матеріалистическій взглядъ лучше всего выражается словами Фейербаха: „Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематеріальный, нечувственный актъ, то само по себѣ, объективно, есть актъ матеріальный, чувственный" *). Чтобы читатели не заподозрили насъ въ намѣреніи приписать Чернышевскому такіе взгляды, какихъ у него не было, мы приведемъ слѣдующія слова самого Чернышевскаго: „Ощущеніе по самой натурѣ своей непремѣнно предполагаетъ существованіе двухъ элементовъ мысли, связанныхъ въ одну мысль: во-первыхъ, тутъ есть внѣшній предметъ, производящій ощущеніе, во-вторыхъ, существо, чувствующее, что въ немъ происходитъ ощущеніе". Вдумаемся въ эти слова. Существо, чувствующее, что въ немъ происходитъ ощущеніе, есть матеріальное существо, организмъ, испытывающій на себѣ дѣйствіе внѣшняго предмета. Дѣйствіе это состоитъ въ томъ, что такъ или иначе приходятъ въ движеніе тѣ или другія части организма. Это движеніе извѣстныхъ частей организма вызываетъ извѣстное ощущеніе, но оно не тождественно съ ощущеніемъ: оно представляетъ собою лишь объективную сторону того самаго явленія, которое съ субъективной стороны,—т.-е. тому существу, въ которомъ совершается этотъ процессъ движенія,—представляется, какъ ощущеніе. У Чернышевскаго, какъ и у Фейербаха, эти двѣ стороны явленія,—субъективная и объективная,—тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою; но онѣ не отождествляются одна съ другой. Напротивъ, Чернышевскій, подобно Фейербаху, возсталъ бы противъ такого отождествленія, потому что справедливо увидѣлъ бы въ немъ безсознательное повтореніе одной изъ коренныхъ ошибокъ идеализма,

*) Werke, II, 350.

мнимое разрѣшеніе антиноміи между субъектомъ и объектомъ, посредствомъ устраненія одного изъ ея элементовъ *).

Ниже мы увидимъ, что противники Чернышевскаго, обрушившіеся на него за статью „Антропологическій принципъ въ философіи", крайне плохо выяснили себѣ взглядъ его на отношенія между субъектомъ и объектомъ. Но сейчасъ мы вынуждены ограничиться указаніемъ на то, что Чернышевскій не одобрялъ свойственнаго позитивистамъ воздержанія отъ разсмотрѣнія вопроса о взаимномъ отношеніи между матеріей и духомъ. Такъ, напримѣръ, онъ отказывается признать Дж. Ст. Милля „представителемъ современной философіи" по той причинѣ, что Милль никогда не занимался указаннымъ вопросомъ: „онъ преднамѣренно отклоняется,—говоритъ о немъ Чернышевскій,—отъ высказыванія всякаго мнѣнія о подобныхъ предметахъ, какъ будто считая ихъ недоступными точному изслѣдованію". Послѣднія слова показываютъ, что, по мнѣнію Чернышевскаго, вопросы этого рода были вполнѣ доступны изслѣдованію.

Идемъ дальше. Мы знаемъ, что Чернышевскій смотрѣлъ на человѣческій организмъ, какъ на „очень многосложную химическую комбинацію, находящуюся въ очень многосложномъ химическомъ процессѣ, называемомъ жизнью". Сложность этого процесса такъ велика, что занимающаяся имъ отрасль химіи выдѣлилась въ особую науку, получившую названіе физіологіи. Но это обстоятельство ни мало не подрываетъ мысли, что человѣкъ составляетъ лишь часть природы. „Отношеніе физіологіи къ химіи можно сравнить,—говоритъ Чернышевскій,—съ отношеніемъ отечественной исторіи къ всеобщей исторіи. Разумѣется, русская исторія составляетъ только часть всеобщей; но предметъ этой части особенно близокъ намъ, потому она сдѣлана какъ будто особенною наукою: курсъ русской исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ читается отдѣльно отъ курса всеобщей, воспитанники получаютъ на экзаменахъ особенный баллъ изъ русской исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что эта внѣшняя раздѣльность служитъ только для практическаго удобства, а не основана на теоретическомъ различіи характера этой отрасли знанія отъ другихъ частей того же самаго знанія. Русская исторія понятна только въ связи съ всеобщею, объясняется ею и представляетъ только видоизмѣненіе тѣхъ же самыхъ силъ и явленій, о какихъ разсказывается во всеобщей исторіи. Такъ и

*) Ср. „Основные вопросы марксизма", стр. 9-ая.

физіологія только видоизмѣненіе химіи, а предметъ ея только видоизмѣненіе предметовъ, разсматриваемыхъ въ химіи". Къ этому надо прибавить, что и физіологія не ограничивается изслѣдованіемъ жизненнаго процесса, совершающагося въ человѣческомъ организмѣ. Физіологія человѣческаго организма есть лишь часть одного отдѣла физіологіи—физіологіи животныхъ. Между человѣкомъ и животнымъ существенной разницы нѣтъ ни со стороны матеріальныхъ процессовъ организма, ни даже со стороны такъ называемыхъ духовныхъ процессовъ. „Дѣйствительно научный анализъ, — поясняетъ Чернышевскій, — открываетъ несправедливость голословныхъ фразъ, будто животныя вовсе лишены разныхъ почетныхъ качествъ, какъ, напримѣръ, нѣкоторой способности къ прогрессу. Обыкновенно говорятъ: животное всю жизнь остается тѣмъ, чѣмъ родилось, ничему не научается, нейдетъ впередъ въ умственномъ развитіи. Такое мнѣніе разрушается фактами, извѣстными каждому: медвѣдя научаютъ плясать и выкидывать разныя штуки, собакъ—подавать поноску и танцовать; слоновъ даже выучиваютъ ходить по канату, даже рыбъ пріучаютъ собираться въ данное мѣсто по звонку,—этого всего обученныя животныя не дѣлали безъ ученья; ученье даетъ имъ качества, которыхъ безъ него не имѣли бы они. Не только человѣкъ учитъ животныхъ—сами животныя учатъ другъ друга; извѣстно, что хищныя птицы учатъ своихъ дѣтей летать". Не находя нужнымъ слишкомъ распространяться здѣсь объ этомъ вопросѣ, мы только прибавимъ, что въ своей статьѣ Чернышевскій высказалъ по его поводу много такихъ соображеній, которыя можно встрѣтить въ вышедшей значительно позже книгѣ Дарвина: „Происхожденіе человѣка".

Если человѣческій организмъ по существу ничѣмъ не отличается отъ организма животнаго, то этотъ послѣдній въ свою очередь ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ растительнаго организма. Чернышевскій говоритъ: „Въ наиболѣе развитыхъ формахъ своихъ животный организмъ чрезвычайно отличается отъ растенія; но читатель знаетъ, что млекопитающее и птица связаны съ растительнымъ царствомъ множествомъ переходныхъ формъ, по которымъ можно прослѣдить всѣ степени развитія такъ называемой животной жизни изъ растительной: есть растенія и животныя, почти ничѣмъ не отличающіяся другъ отъ друга, такъ что трудно сказать, къ какому царству отнести ихъ". Болѣе того. Въ первое время своего существованія всѣ животныя почти одинаковы съ растеніями въ первой порѣ ихъ роста. Чернышевскій указываетъ,

что зародышемъ животнаго, какъ зародышемъ растеній, служитъ „ячейка“, и, замѣтивъ, что зародышъ животнаго трудно отличить отъ зародыша растенія, онъ продолжаетъ: „Итакъ, мы видимъ, что всѣ животные организмы начинаютъ съ того же самаго, съ съ чего начинаетъ растеніе, и только впослѣдствіи нѣкоторые животные организмы пріобрѣтаютъ видъ очень различный отъ растеній и въ очень высокой степени проявляютъ такія качества, которыя въ растеніи такъ слабы, что открываются только при помощи научныхъ пособій. Такъ, напримѣръ, въ деревѣ есть зародышъ движенія: соки въ немъ движутся, какъ въ животныхъ; корни и вѣтви тянутся въ разныя стороны; правда, это перемѣщеніе происходитъ только въ частяхъ, а цѣлый организмъ растенія не перемѣняетъ мѣста; но и полипъ такъ же не перемѣняетъ мѣста: полипнякъ способностью перемѣщенія не превосходитъ дерево. Но есть даже и такія растенія, которыя перемѣняютъ свое мѣсто: сюда принадлежатъ нѣкоторые виды семейства Mimosa“.

Мы не скажемъ, что мысли, высказанныя въ этомъ случаѣ Чернышевскимъ, были совсѣмъ новы для своего времени: ихъ можно встрѣтить какъ у Гегеля, такъ и особенно у нѣкоторыхъ натурфилософовъ школы Шеллинга. Чернышевскій зналъ нѣмецкую идеалистическую философію; неудивительно, что ему были извѣстны и эти мысли. Но подъ его перомъ онѣ до такой степени освободились отъ всякихъ метафизическихъ примѣсей, до такой степени окрасились въ матеріалистическій цвѣтъ естествознанія, что самъ собою возникаетъ вопросъ: не былъ ли Чернышевскій уже въ то время знакомъ съ зоологическими теоріями Ламарка и Жоффруа Сэнтъ-Илэра? Прямыхъ указаній на это мы въ его сочиненіяхъ не находимъ, но не даромъ же онъ, выступивъ, по своемъ возвращеніи изъ Сибири, противъ „теоріи благотворности борьбы за жизнь“, подписался Старымъ трансформистомъ и не даромъ онъ называлъ тогда Ламарка геніальнымъ біологомъ. Очень вѣроятно, что уже и въ 60-хъ годахъ біологическая теорія трансформизма была хорошо знакома ему въ трудахъ нѣкоторыхъ предшественниковъ Дарвина.

Закончимъ изложеніе относящихся сюда взглядовъ Чернышевскаго напоминаніемъ о томъ, что въ его глазахъ органическая жизнь вообще есть лишь очень сложный химическій процессъ. Этимъ опредѣляется его отношеніе къ витализму. Никакой особой жизненной силы не существуетъ. Химическіе процессы, совершающіеся въ организмѣ, только своею сложностью отличаются

отъ химическихъ процессовъ, происходящихъ въ такъ называемой неорганической природѣ. „Еще не очень давно казалось,—замѣчаетъ Чернышевскій,—что такъ называемыя органическія вещества (напримѣръ, уксусная кислота) существуютъ только въ органическихъ тѣлахъ; но теперь извѣстно, что при извѣстныхъ условіяхъ они возникаютъ и внѣ органическихъ тѣлъ, такъ что разница между органическою и неорганическою комбинаціею элементовъ несущественна и такъ называемыя органическія комбинаціи возникаютъ и существуютъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, и всѣ они одинаково возникаютъ изъ неорганическихъ веществъ. Напримѣръ, дерево отличается отъ какой-нибудь неорганической кислоты собственно тѣмъ, что кислота—это комбинація немногосложная, а дерево—соединеніе многихъ многосложныхъ комбинацій. Это какъ-будто разница между 2 и 200,—разница количественная, не больше".

Чернышевскій мало писалъ собственно о философскихъ вопросахъ, хотя зналъ философію несравненно лучше, нежели огромнѣйшее большинство нашихъ передовыхъ писателей конца 60-хъ, 70-хъ и 80-ыхъ годовъ, напр. Н. К. Михайловскій. Философія интересовала его главнымъ образомъ, какъ теоретическая основа извѣстныхъ практическихъ требованій. Вотъ почему и въ своей статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи" онъ не упускаетъ изъ виду этихъ требованій, не разъ заговаривая о нихъ. И вотъ почему также онъ посвящаетъ въ ней много вниманія тѣмъ вопросамъ философской теоріи, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ задачамъ практической жизни. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о философской основѣ нравственности, а прежде всего о волѣ.

Чернышевскій доказываетъ, что первымъ слѣдствіемъ вступленія „нравственныхъ знаній" въ область точныхъ наукъ явилось устраненіе нѣкоторыхъ старыхъ взглядовъ на поступки людей. „Положительно извѣстно, напримѣръ,—говоритъ онъ,—что всѣ явленія нравственнаго міра проистекаютъ одно изъ другого или изъ внѣшнихъ обстоятельствъ по закону причинности, и на этомъ основаніи признано фальшивымъ всякое предположеніе о возникновеніи какого-нибудь явленія, не произведеннаго предыдущими явленіями и внѣшними обстоятельствами. Поэтому нынѣшняя психологія не допускаетъ, напримѣръ, такихъ предположеній: „человѣкъ поступилъ въ данномъ случаѣ дурно, потому что захотѣлъ поступить дурно, а въ другомъ случаѣ хорошо, потому что захотѣлъ поступить хорошо". Она говоритъ, что дурной поступокъ или хорошій

поступокъ былъ произведенъ непремѣнно какимъ-нибудь нравственнымъ или матеріальнымъ фактомъ, или сочетаніемъ фактовъ, а „хотѣніе“ было тутъ только субъективнымъ впечатлѣніемъ, которымъ сопровождается въ нашемъ сознаніи возникновеніе мыслей или поступковъ изъ предшествующихъ мыслей, поступковъ или внѣшнихъ фактовъ“. Иначе сказать, смотря на человѣка, какъ на невольный продуктъ окружающей среды, Чернышевскій относился съ величайшей гуманностью даже къ такимъ некрасивымъ сторонамъ человѣческаго характера, въ которыхъ идеалисты видѣли лишь злую волю, заслуживающую строгой кары. По мнѣнію Чернышевскаго, все зависитъ отъ общественныхъ привычекъ и обстоятельствъ, а такъ какъ общественныя привычки тоже складываются подъ вліяніемъ обстоятельствъ, то этими послѣдними въ концѣ концовъ и опредѣляются всѣ дѣйствія людей. „Вы вините человѣка,—писалъ онъ,—всмотритесь прежде, онъ ли въ томъ виноватъ, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества,—всмотритесь хорошенько, быть можетъ, тутъ вовсе не вина его, а только бѣда его“. „Охранители“ хотѣли видѣть въ подобныхъ словахъ Чернышевскаго защиту нравственной распущенности, но, разумѣется, только доказали этимъ свое собственное непониманіе дѣла. На самомъ дѣлѣ Чернышевскій и тутъ лишь излагалъ и развивалъ неимѣющіе ничего общаго съ распущенностью взгляды своего учителя Фейербаха. Извѣстны афоризмы этого послѣдняго вродѣ: „Во дворцѣ думается иначе, чѣмъ въ хижинѣ, низкій потолокъ которой какъ бы давитъ на мозгъ. На вольномъ воздухѣ мы иные люди, чѣмъ въ комнатѣ; тѣснота сдавливаетъ просторъ, расширяетъ сердце и голову. Гдѣ нѣтъ случая проявить талантъ, тамъ нѣтъ и талантовъ; гдѣ нѣтъ простора для дѣятельности, тамъ нѣтъ и стремленія, по крайней мѣрѣ, истиннаго стремленія къ дѣятельности“; или: „если вы хотите улучшить людей, то сдѣлайте ихъ счастливыми“. Но не всѣмъ извѣстно, что афоризмы и теоріи этого рода явились въ XIX вѣкѣ лишь повтореніемъ и отчасти примѣненіемъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ ученій матеріалистовъ 18-го вѣка. Марксъ еще въ 40-хъ годахъ указалъ на тѣсную связь между матеріалистическими ученіями съ одной стороны и соціалистическими—съ другой; „если человѣкъ,—писалъ онъ,—не свободенъ въ матеріалистическомъ смыслѣ этого слова, т. е., если его свобода заключается не въ отрицательной способности избѣгать тѣхъ или другихъ поступковъ, а въ положительной возможности проявленія своихъ

личныхъ свойствъ, то надо, стало быть, не карать отдѣльныхъ лицъ за ихъ преступленія, а уничтожить противообщественные источники преступленій и отвести въ обществѣ свободное мѣсто для дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Если человѣческій характеръ создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сдѣлать эти обстоятельства достойными человѣка".

Въ частности у Чернышевскаго взглядъ на характеръ человѣка, какъ на продуктъ обстоятельствъ, выработался не только подъ вліяніемъ Фейербаха, но также и подъ вліяніемъ современныхъ ему западноевропейскихъ соціалистовъ, особенно Роберта Оуэна, который, какъ извѣстно, написалъ цѣлое изслѣдованіе объ образованіи человѣческаго характера (A New View of Society or Essays on the Principle of the Formation of the Human character), и который во всей своей практической дѣятельности всегда исходилъ изъ того убѣжденія, что злые поступки людей составляютъ не вину ихъ, а ихъ бѣду.

Но если человѣческій характеръ есть продуктъ обстоятельствъ, то легко видѣть, какъ слѣдуетъ отвѣчать на вопросъ о томъ, добръ или золъ человѣкъ по своей природѣ. Ни добръ, ни золъ самъ по себѣ, а становится добрымъ или злымъ, смотря по обстоятельствамъ. Чернышевскій говоритъ: „можно находить что Иванъ добръ, а Петръ золъ; но эти сужденія прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще, какъ прилагаются только къ отдѣльнымъ людямъ, а не къ человѣку вообще, понятія о привычкѣ тесать доски, умѣть ковать и т. д. Иванъ плотникъ, но нельзя сказать, что такое человѣкъ вообще: плотникъ или не плотникъ. Петръ умѣетъ ковать желѣзо, но нельзя сказать о человѣкѣ вообще, кузнецъ онъ или не кузнецъ. Тотъ фактъ, что Иванъ сталъ плотникомъ, а Петръ кузнецомъ, показываетъ только, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Ивана, человѣкъ становится плотникомъ, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ жизни Петра, становится кузнецомъ. Точно такъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ человѣкъ становится добръ, при другихъ—золъ".

Отсюда разумѣется, совсѣмъ близко до практическихъ выводовъ въ направленіи, отмѣченномъ Марксомъ. Чернышевскій для примѣра ставитъ предъ собой вопросъ о томъ, какимъ образомъ люди могли бы стать добрыми, такъ чтобы недобрые люди сдѣлались на свѣтѣ чрезвычайной рѣдкостью, и отвѣчаетъ на него такъ: „Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ

обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то-есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишить ихъ чего-нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной". Если бы общество было организовано такъ, чтобы порядочнымъ образомъ удовлетворялась потребность человѣка въ пищѣ, то уже одно это привело бы къ устраненію, по крайней мѣрѣ, $^{9}/_{10}$ всего того зла, которое существуетъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Говорятъ, что это невозможно по несовершенству техническихъ искусствъ, но если этотъ доводъ и былъ когда-нибудь основательнымъ, то при нынѣшнемъ состояніи механики и химіи онъ утратилъ всякое значеніе: „земля могла бы производить въ каждой странѣ умѣреннаго пояса несравненно больше пищи, чѣмъ сколько нужно для изобильнаго продовольствія числа жителей, въ десять и двадцать разъ большаго, чѣмъ нынѣшнее населеніе этой страны". Чернышевскій не находитъ возможнымъ разбирать, почему до сихъ поръ ни одно человѣческое общество не позаботилось о надлежащемъ удовлетвореніи такой настоятельной потребности, какъ потребность въ пищѣ. Но ему казалось, что изложеннаго имъ было достаточно для разъясненія того, „въ какомъ положеніи находятся теперь нравственныя науки". И, дѣйствительно, этого было совершенно достаточно для того, чтобъ дать читателю понятіе о точкѣ зрѣнія нашего автора *).

Написанная,—въ силу необходимости, слишкомъ хорошо знакомой русскимъ писателямъ,—Езоповскимъ языкомъ, но все таки смѣлая и яркая по своему содержанію, статья „Антропологическій принципъ въ философіи" должна была произвести очень сильное впечатлѣніе какъ въ средѣ читателей, сочувствовавшихъ напра-

*) Здѣсь какъ и вездѣ, Чернышевскій вполнѣ вѣренъ Фейербаху. Для читателей, незнакомыхъ съ сочиненіями нѣмецкаго мыслителя, полезно будетъ привести слѣдующее мѣсто изъ предисловія, написаннаго Фейербахомъ, къ собранію своихъ сочиненій, первый томъ котораго вышелъ въ 1846 году: „Das Uebel sitzt nicht im Kopf oder Herzen, sondern im Magen der Menschheit... Ich fühlte es, sagte eine Verbrecherin, wie mir die bösen Gedanken aus dem Magen aufstiegen. Diese Verbrecherin ist das Bild der heutigen menschlichen Gesellschaft. Die einen haben Alles, was nur immer ihr lüsternder Gaumen begehrt, die Andern haben Nichts, selbst nicht das Nothwendige in ihrem Magen. Daher kommen alle Uebel und Leiden selbst der Kopf-und Herzenskrankheiten der Menschheit. (Vorwort, XV), изд. 1846 г.).

вленію Чернышевскаго, такъ и, можетъ быть еще болѣе, между людьми, возстававшими противъ него. Неудивительно, что она вызвала горячую полемику.

Глава третья.

Полемика съ Юркевичемъ и другими.

Изъ болѣе или менѣе видныхъ противниковъ взглядовъ Чернышевскаго прежде всего надо отмѣтить профессора кіевской духовной академіи, П. Юркевича, ополчившагося на него въ большой статьѣ „Изъ науки о человѣческомъ духѣ", напечатанной въ 4-ой книгѣ „Трудовъ Кіевской духовной академіи" за 1860-ый годъ. Статья эта тогда же вызвала горячее одобреніе со стороны Каткова въ „Русскомъ Вѣстникѣ", и даже П. Л. Лавровъ, который былъ весьма далекъ отъ послѣдовательнаго образа мыслей Чернышевскаго, какъ видно, находилъ доводы Юркевича довольно убѣдительными. Впослѣдствіи философскій походъ почтеннаго профессора духовной академіи противъ Чернышевскаго былъ воспѣтъ г. Волынскимъ въ его вышеназванномъ сочиненіи „Русскіе критики". Г. Волынскій твердо убѣжденъ въ томъ, что Чернышевскій былъ, какъ говорится, въ пухъ и прахъ разбитъ Юркевичемъ. А такъ какъ г. Волынскій является какъ бы предтечей всѣхъ тѣхъ, многочисленныхъ теперь въ нашей литературѣ, философскихъ недоучекъ, которые подъ самими разноцвѣтными идеалистическими знаменами ведутъ аттаку противъ матеріализма,—всѣхъ этихъ гг. Струве, Трубецкихъ, Ивановыхъ, Луначарскихъ, Базаровыхъ, Юшкевичей, Бермановъ, Валентиновыхъ, Философовыхъ и проч., и проч., и проч.,—то мы довольно подробно разсмотримъ, что собственно показалось убѣдительнымъ г. Волынскому въ доводахъ кіевскаго теолога.

Во-первыхъ, г. Волынскому очень нравится та мысль Юркевича, что между фактами внѣшняго и внутренняго опыта лежитъ цѣлая бездна, и что всякая попытка судить объ одномъ предметѣ съ точки зрѣнія другого должна быть изгнана изъ науки. Чернышевскій упустилъ это изъ виду и потому сдѣлалъ цѣлый рядъ ошибокъ. По его словамъ, философія видитъ въ человѣческомъ организмѣ то же, что видятъ въ немъ естественныя науки. Юркевичъ спрашивалъ по этому поводу, какая же въ такомъ случаѣ

надобность въ философіи, „которая еще разъ видитъ то, что уже прежде ея видѣли другія науки“? Со своей стороны, г. Волынскій съ совершенно удовлетвореннымъ видомъ прибавляетъ: „Такова первая ошибка автора „Антропологическаго принципа“ по простому и ясному объясненію Юркевича *).

Что объясненіе Юркевича было просто—это такъ. Но яснымъ оно можетъ казаться въ настоящее время только тому, кто не знакомъ съ вопросомъ.

Чернышевскій стоялъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха. А вопросъ объ отношеніи философіи къ естествознанію представлялся Фейербаху въ слѣдующемъ видѣ. Онъ считалъ, что философія должна уступить мѣсто естествознанію: „моя философія,—говорилъ онъ,—состоитъ въ томъ, что не нужно никакой философіи“. Но для того, чтобы философія могла съ пользой для дѣла уступить мѣсто естественнымъ наукамъ, необходимо, чтобы сами натуралисты усвоили тѣ выводы философіи, которые приводятъ ее къ своему собственному отрицанію. Иначе сказать, необходимо, чтобы естествоиспытатели перестали быть узкими спеціалистами. Но до этого еще далеко. Огромнѣйшее большинство естествоиспытателей не выходитъ въ своемъ мышленіи за предѣлы своей спеціальной науки, продолжая держаться отжившихъ философскихъ и общественныхъ понятій. Пока не устраненъ этотъ ихъ недостатокъ, философія не можетъ слиться съ естествознаніемъ. Въ этомъ смыслѣ Фейербахъ и говорилъ, что онъ идетъ съ натуралистами лишь до извѣстнаго предѣла. Онъ вѣрнѣе выразилъ бы свою мысль, если бы сказалъ, что современные ему естествоиспытатели не способны были итти за нимъ дальше извѣстнаго предѣла. Но какъ бы тамъ ни было, а мысль эта у него была, и въ ней заключался отвѣтъ на вопросъ Юркевича. Чернышевскому эта мысль была, разумѣется, хорошо извѣстна. Въ доказательство сошлюсь на слѣдующія его строки: „Тѣ натуралисты, которые воображаютъ себя строителями всеобъемлющихъ теорій, на самомъ дѣлѣ остаются учениками и обыкновенно слабыми учениками старинныхъ мыслителей, создавшихъ метафизическія системы, и обыкновенно мыслителей, системы которыхъ уже были разрушены отчасти Шеллингомъ и окончательно Гегелемъ... Когда натуралисты перестанутъ говорить этотъ и тому подобный метафизическій вздоръ, они сдѣлаются способны вырабатывать и, вѣроятно, выработаютъ, на основаніи естествознанія,

*) „Русскіе критики“. СПБ. 1896 г. Стр. 282.

систему понятій болѣе точныхъ и полныхъ, чѣмъ тѣ, которыя изложены Фейербахомъ. А пока лучшимъ изложеніемъ научныхъ понятій о такъ называемыхъ основныхъ вопросахъ человѣческой любознательности остается то, которое сдѣлано Фейербахомъ". Эти строки взяты нами изъ цитированнаго уже выше предисловія къ предполагавшемуся, но несостоявшемуся третьему изданію „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности". Предисловіе это написано въ 1888 году. Но въ приведенныхъ нами строкахъ рѣчь идетъ о взглядѣ, который высказанъ былъ Фейербахомъ еще въ 1845 году и который, конечно, былъ хорошо извѣстенъ Чернышевскому, когда онъ писалъ статью „Антропологическій принципъ въ философіи". Повторяемъ, въ этомъ взглядѣ заключается отвѣтъ на вопросъ о томъ, какая надобность въ философіи, еще разъ видящей то, что уже видѣли естественныя науки. Этотъ отвѣтъ могъ остаться неизвѣстнымъ Юркевичу, который былъ, такъ сказать, ex professo отсталымъ человѣкомъ. Но какимъ образомъ онъ могъ остаться неизвѣстнымъ г. Волынскому, который захотѣлъ выступить въ роли мыслителя самоновѣйшей чеканки? Въ томъ то и бѣда, что наши мыслители самоновѣйшей чеканки совсѣмъ не знаютъ тѣхъ, дѣйствительно передовыхъ, авторовъ, которыхъ они „критикуютъ". Они зовутъ читателя впередъ, а сами пятятся назадъ, разогрѣвая старыя философскія блюда. Такихъ людей не мало было и въ Германіи во время Фейербаха. Фейербахъ называлъ ихъ Wiederkäuer (жвачными). Но, къ сожалѣнію, у насъ въ настоящее время такихъ „жвачныхъ" несравненно больше; отъ нихъ буквально нѣтъ проходу въ нашей литературѣ. Это, вѣроятно, очень весело ихъ предтечѣ—г. Волынскому; но отъ этого должно тошнить людей, философской жвачкой не занимающихся.

Во-вторыхъ, г. Волынскій вслѣдъ за Юркевичемъ, находитъ, что „Чернышевскій плохо обрисовалъ вопросъ объ единствѣ человѣческой природы". Тутъ дѣло вотъ въ чемъ. Юркевичъ приписываетъ Чернышевскому ту мысль, что между матеріальными и психическими явленіями нѣтъ никакой разницы, и съ побѣдоноснымъ видомъ вопрошаетъ, какимъ образомъ ощущенія рождаются въ результатѣ движенія нерва. Это старый вздоръ, съ которымъ давно уже пристаютъ къ матеріалистамъ, и изъ котораго слѣдуетъ только то, что люди, желающіе „критиковать" матеріализмъ, не знаютъ даже его азбуки. Чернышевскій нигдѣ не говоритъ въ своей статьѣ, что нѣтъ никакой разницы между такъ называемыми

физическими явленіями съ одной стороны и явленіями психическими съ другой. Напротивъ, онъ категорически признаетъ существованіе этой разницы: но онъ думаетъ, что она не даетъ никакого права относить психическія явленія на счетъ особаго нематеріальнаго фактора. Намъ уже извѣстно его замѣчаніе, согласно которому въ каждомъ предметѣ очень много разныхъ качествъ. Теперь мы изложимъ его подробнѣе. „Напр.,—говоритъ Чернышевскій,—дерево растетъ, горитъ; мы говоримъ, что оно имѣетъ два качества: растительную силу и удобосгораемость. Въ чемъ сходство между этими качествами? Они совершенно различны; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба эти качества, кромѣ общаго понятія—качество; нѣтъ такого понятія, подъ которое можно было бы подвести оба ряда явленій, соотвѣтствующихъ этимъ качествамъ, кромѣ понятія— явленіе. Или, напримѣръ, ледъ твердъ и блестящъ; что общаго между твердостью и блескомъ? Логическое разстояніе отъ одного изъ этихъ качествъ до другого безмѣрно велико, или, лучше сказать, нѣтъ между ними никакого, близкаго или далекаго, логическаго разстоянія, потому что нѣтъ между ними никакого логическаго отношенія. Изъ этого мы видимъ, что соединеніе совершенно разнородныхъ качествъ въ одномъ предметѣ есть общій законъ вещей". То же и съ тѣмъ качествомъ, которое мы называемъ способностью къ ощущенію и мышленію. Его разстояніе отъ такъ называемыхъ физическихъ качествъ живого организма безмѣрно велико. Но это не мѣшаетъ ему быть качествомъ того же организма, который въ то же время обладаетъ протяженностью и способностью къ движенію. Тяжкій грѣхъ противъ логики совершаетъ тотъ, кто полагаетъ, что такъ какъ ощущеніе и мышленіе совсѣмъ не похожи на движеніе и протяженіе, то они должны быть отнесены на счетъ другой субстанціи (духа), совершенно отличной отъ той (матеріи), къ которой пріурочивается протяженіе и движеніе. Такова мысль Чернышевскаго, и если бы г. Волынскій имѣлъ „качество", необходимое для ея пониманія, то онъ сразу увидѣлъ бы, какъ несостоятельна—больше того, какъ жалка была та аргументація Юркевича, вся мнимая сила которой заключалась въ умышленномъ или неумышленномъ искаженіи взглядовъ русскаго сторонника антропологическаго принципа. Но въ томъ то и дѣло, что „качествъ", нужныхъ для пониманіи Чернышевскаго не было у г. Волынскаго, какъ не было и нѣтъ ихъ у нашихъ нынѣшнихъ „жвачныхъ" любомудровъ, наивно, но твердо убѣжденныхъ въ томъ, что философскіе взгляды Чернышевскаго давно уже „устарѣли".

Еще Дж. Пристлей говорилъ въ своихъ „Disquisitions", что была бы очень большимъ злоупотребленіемъ матеріалистическаго ученія та мысль, что вибраціи мозга тождественны съ воспріятіемъ. „Легко составить себѣ,—говорилъ онъ,—представленіе о вибраціяхъ, не сопровождающихся воспріятіемъ. Но мы предполагаемъ (it is supposed), что мозгъ, кромѣ своей способности къ вибраціямъ, имѣетъ также способность воспринимать или чувствовать; мы рѣшительно не знаемъ, почему онъ не могъ бы обладать такой способностью" *). Это и есть точка зрѣнія всѣхъ выдающихся матеріалистовъ новаго времени со включеніемъ, разумѣется, Фейербаха и Чернышевскаго. Противникамъ матеріализма,—послѣдовательнымъ и непослѣдовательнымъ, сознательнымъ и безсознательнымъ идеалистамъ,—слѣдовало бы, въ своей критикѣ этого ученія, прежде всего убѣдить насъ въ томъ, что они знаютъ на этотъ счетъ больше Пристлея и показать намъ, какія именно основанія мѣшаютъ имъ признать вмѣстѣ съ Пристлеемъ, что мозгъ, кромѣ способности къ вибраціямъ, можетъ обладать еще способностью къ воспріятію. Такія основанія у нихъ, несомнѣнно, существуютъ. Но они сводятся къ тому спиритуалистическому предразсудку, что, сама по себѣ,—т.-е. не будучи оживотворена духомъ,—матерія мертва и неспособна не только къ воспріятію, но даже и къ движенію. Ссылаться въ спорѣ съ матеріалистами на подобныя основанія значитъ совершать очевидную petitio principii, т.-е. опираться на то самое положеніе, какое именно и нужно доказать. Болѣе или менѣе смутно чувствуютъ это сами противники матеріализма. Поэтому они обыкновенно очень остерегаются выдвигать на видъ основанія, мѣшающія имъ признать способность къ воспріятію однимъ изъ свойствъ матеріи и предпочитаютъ опровергать то, чего ни одинъ видный матеріалистъ не говорилъ, по крайней мѣрѣ, въ новое время, т.-е., что воспріятіе есть то же, что движеніе**). Предоставляемъ судить читателю о подобной критикѣ, а эта критика у насъ теперь въ ходу болѣе, чѣмъ гдѣ бы и когда бы то ни было.

---

*) Disquisitions relating to Matter and Spirit. By Joseph Pristley. Vol. I. The second edition. Birmingham, MDCCLXXX, II; p. 121.

**) Мы допускаемъ, что у античныхъ матеріалистовъ, напр.,—у Демокрита и Эпикура,—могли быть извѣстныя неясности на этотъ счетъ, хотя это далеко еще не доказано: вѣдь надо помнить, что взгляды этихъ мыслителей дошли до насъ въ неполномъ видѣ.

Итакъ, еще разъ, Чернышевскій вовсе не отождествляетъ воспріятія съ движеніемъ, но считаетъ способность къ воспріятію такимъ же свойствомъ матеріи, какъ и способность ея къ движенію. Теперь спрашивается, какой характеръ имѣютъ тѣ условія, при наличности которыхъ матерія, имѣющая способность воспринимать, становится воспринимающей на самомъ дѣлѣ. Чернышевскій отвѣчаетъ, что эти условія до сихъ поръ плохо еще изучены, но что, во всякомъ случаѣ, мы теперь уже съ полной увѣренностью можемъ приписать имъ матеріальный характеръ. Способность къ воспріятію обнаруживается лишь въ организмахъ, а мы ужъ знаемъ, что, по мнѣнію Чернышевскаго, жизнь организма есть, прежде всего, извѣстный химическій процессъ. Этимъ и объясняется, по мнѣнію Чернышевскаго, то обстоятельство, что организмы обнаруживаютъ такую способность, какую мы не замѣчаемъ въ неорганизованной матеріи.

Это очень важный вопросъ, и мы приглашаемъ читателя отнестись къ нему съ полнымъ вниманіемъ. Чернышевскій пишетъ: „во время химическаго процесса тѣла обнаруживаютъ такія качества, какихъ совершенно незамѣтно въ нихъ при состояніи неподвижнаго соединенія. Напримѣръ, дерево само по себѣ не жжетъ; трутъ, кремень и огниво также не жгутъ; но если частичка стали, раскаленная треніемъ (ударомъ) о кремень и оторванная отъ огнива, попадаетъ въ трутъ и, чрезвычайно возвысивши температуру нѣкоторой частички этого трута, даетъ условіе, нужное для начала въ этой частичкѣ трута химическаго процесса, называемаго горѣніемъ, то постепенно весь кусокъ трута, вовлекаясь въ этотъ химическій процессъ, начинаетъ жечь, чего не дѣлалъ, когда въ немъ не было химическаго процесса; будучи подвинутъ къ дереву во время этого процесса, онъ также вовлекаетъ его въ свой химическій процессъ горѣнія и дерево во время этого процесса также жжетъ, свѣтитъ и обнаруживаетъ другія качества, какихъ не замѣчалось въ немъ до начала процесса. Возьмемъ, напримѣръ, процессъ броженія. Пивное сусло стоитъ спокойно въ своемъ чану; дрожжи также неподвижны въ своей кружкѣ. Положите дрожжи въ сусло, начинается химическій процессъ, называемый броженіемъ, сусло бурлитъ, пѣнится, бьется въ своемъ сосудѣ“.

Эти доводы Чернышевскаго напоминаютъ мнѣніе тѣхъ французскихъ и англійскихъ матеріалистовъ 18-го вѣка, которые полагали, что способность къ ощущенію и мышленію является, какъ результатъ извѣстнаго состоянія организованнаго

тѣла *). Но это мнѣніе не имѣетъ въ себѣ у Чернышевскаго ровно ничего исключительнаго. Чернышевскій прекрасно понимаетъ, что нѣтъ рѣзкой разницы между „химическимъ процессомъ“ съ одной стороны и „состояніемъ неподвижнаго соединенія“ съ другой. Въ виду огромной важности этого предмета, мы опять видимъ себя вынужденными сдѣлать длинную выписку изъ статьи „Антропологическій принципъ въ философіи“.

„Разумѣется,—признаетъ Чернышевскій,—когда мы говоримъ о различіи состоянія тѣлъ во время химическаго процесса и въ такое время, когда не находятся они въ процессѣ, мы говоримъ только о количественной разницѣ между сильнымъ, быстрымъ ходомъ процесса и очень медленнымъ, слабымъ ходомъ его. Собственно говоря, каждое тѣло постоянно находится въ состояніи химическаго процесса; напримѣръ бревно, если и не будетъ зажжено, не сгоритъ въ печи, а будетъ спокойно, какъ будто безъ всякихъ перемѣнъ, лежать въ стѣнѣ дома, все-таки когда-нибудь прійдетъ къ тому же концу, къ какому приводитъ его горѣніе: оно постепенно истлѣетъ и изъ него останется тоже только пепелъ (пыль гнилушки, которая наконецъ оставитъ отъ себя на прежнемъ мѣстѣ только минеральныя частицы пепла). Но если этотъ процессъ, какъ, напримѣръ, при обыкновенномъ тлѣніи бревна въ стѣнѣ дома, происходитъ чрезвычайно медленно и слабо, то и качества, свойственныя тѣлу, находящемуся въ процессѣ, обнаруживаются съ микроскопической слабостью, которая въ житейскомъ быту совершенно неуловима. Напримѣръ, при медленномъ истлѣваніи дерева, лежащаго въ стѣнѣ дома, также развивается теплота; но то количество ея, которое при горѣніи сосредоточилось бы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, тутъ разжижается (если можно такъ выразиться) на нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ что не достигаетъ никакого результата, удобоуловимаго на практикѣ: существованіе этой теплоты ничтожно для практическихъ сужденій. Это то же самое, какъ винный вкусъ въ цѣломъ прудѣ воды, въ который брошена одна капля вина: съ научной точки зрѣнія этотъ прудъ содержитъ въ себѣ смѣсь воды съ виномъ; но въ практикѣ надобно принимать, что вина въ немъ какъ будто вовсе нѣтъ“.

*) Къ этой мысли склонялся, напр., Гольбахъ, и ее же категорически высказывалъ Дж. Пристлей. Этотъ послѣдній говоритъ: my idea now is that sensation and thought do necessarily result from the organisation of the brain, when the powers of mere life are given to the system. Loc. cit. p. 150. Ср. весь вообще 13-ый отдѣлъ Disquisitions: „Of the Connection between Sensation and Organisation“.

Эти замѣчательныя строки позволяютъ думать, что для Чернышевскаго и съ этой стороны не было никакой пропасти между организованной матеріей съ одной стороны и неорганизованной—съ другой. Конечно, организмъ животнаго,—а въ особенности животнаго, стоящаго на самомъ верху зоологической лѣстницы,—человѣка,—обнаруживаетъ въ интересующемъ насъ отношеніи такія свойства, которыя совершенно чужды неорганизованной матеріи. Но вѣдь и процессъ горѣнія дерева сопровождается многими явленіями, несвойственными процессу его медленнаго тлѣнія. Однако, существенной разницы между этими двумя процессами нѣтъ. Напротивъ, въ сущности это одинъ и тотъ же процессъ; но только въ первомъ случаѣ онъ совершается очень скоро, а во второмъ—чрезвычайно медленно. Поэтому качества, свойственныя тѣлу, находящемуся въ этомъ процессѣ, въ первомъ случаѣ имѣютъ большую силу, а во второмъ отличаются „микроскопической слабостью, которая въ житейскомъ быту совершенно неуловима". Въ примѣненіи къ вопросу о психическихъ явленіяхъ это значитъ, что и въ неорганизованномъ видѣ матерія не лишена той основной способности къ „ощущенію", которая приноситъ такіе богатые „духовные" плоды у высшихъ животныхъ. Но въ неорганизованной матеріи эта способность существуетъ въ крайне слабой степени. Поэтому она совершенно неуловима для изслѣдователя, и мы можемъ, совершенно не рискуя впасть въ сколько-нибудь замѣтную ошибку, приравнивать ее къ нулю. Но все-таки не надо забывать, что способность эта вообще свойственна матеріи и что вслѣдствіе этого нѣтъ основаній смотрѣть на нее, какъ на что-нибудь чудесное тамъ, гдѣ она проявляется съ особой силой, какъ это мы видимъ, напр., у высшихъ животныхъ вообще, а преимущественно у человѣка. Высказывая,—съ осторожностью, необходимой при тогдашнихъ условіяхъ нашей печати,—такую мысль, Чернышевскій сближался съ такими матеріалистами, какъ Ламеттри и Дидро, которые въ свою очередь, стояли на точкѣ зрѣнія спинозизма, освобожденнаго отъ ненужныхъ теологическихъ привѣсокъ.

Г. Волынскій думаетъ, что Юркевичъ высказывалъ Богъ знаетъ какую мудреную мысль, говоря, что превращеніе движенія воздуха въ звукъ и вибраціи эфира въ свѣтъ непремѣнно предполагаютъ ощущающее существо, умѣющее превращать количественныя движенія въ качества звука и свѣта. Но Чернышевскій и самъ очень хорошо зналъ это; онъ только полагалъ, что такимъ ощущающимъ существомъ является извѣстнымъ образомъ организованная матерія,

противъ этого предположенія ни г. Волынскій, ни превозносимый имъ Юркевичъ не выдвинули ни одного разумнаго довода.

Юркевичъ утверждалъ также, что количественныя различія превращаются въ качественныя не въ самомъ предметѣ, а въ отношеніи его къ чувствующему субъекту. Но это очень грубая логическая ошибка. Чтобы измѣниться въ своемъ отношеніи къ чувствующему субъекту, объектъ долженъ предварительно измѣниться въ самомъ себѣ. Если ледъ имѣетъ для насъ не тѣ свойства, какими обладаетъ водяной паръ, то это объясняется тѣмъ, что взаимныя отношенія водяныхъ частицъ въ первомъ случаѣ совершенно не таковы, какъ во второмъ. Но довольно объ этомъ.

Въ-третьихъ, г. Волынскій находитъ, что Юркевичъ былъ правъ, упрекая Чернышевскаго въ забвеніи той главной черты, которой человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ и которая состоитъ въ томъ, что человѣкъ проявляетъ себя, „какъ личный духъ“. Объ этомъ мы совсѣмъ не считаемъ нужнымъ спорить съ г. Волынскимъ, отсылая читателя къ такимъ сочиненіямъ, какъ „Происхожденіе человѣка“ Дарвина или книгѣ Романеса, посвященной изслѣдованію умственнаго развитія у человѣка и животныхъ. Стоитъ только сравнить выводы Дарвина и Романеса съ выводами Чернышевскаго, чтобы видѣть, какъ твердо стоялъ нашъ защитникъ „антропологическаго принципа въ философіи“ на точкѣ зрѣнія естествознанія.

Извѣстно, какъ презрительно отнесся Чернышевскій къ доводамъ Юркевича. Онъ не сталъ,—да по цензурнымъ условіямъ и не имѣлъ возможности,—разбирать эти доводы, а просто объявилъ ихъ устарѣлыми и ни мало не убѣдительными.

„Я самъ семинаристъ,—писалъ онъ въ своихъ „Полемическихъ красотахъ“.—Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело: это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги, надъ совершенной безпомощностью въ дѣлѣ своего развитія, надъ положеніемъ, невообразимо стѣсненнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

„Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой человѣкъ, заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ располагаю“.

Г. Волынскій до сихъ поръ находитъ такой отвѣтъ до послѣдней

степени неудовлетворительнымъ. Ему кажется, что Чернышевскій отвѣчалъ такъ единственно вслѣдствіе неспособности своей обстоятельно опровергнуть Юркевича. Такъ же, какъ видно, разсуждали и нѣкоторые журналисты начала 60-хъ годовъ. Вотъ, напримѣръ, Дудышкинъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", перечисливъ по пунктамъ будто бы неопровержимые доводы Юркевича, писалъ, обращаясь къ Чернышевскому:

„Кажется, ясно; дѣло идетъ уже не о комъ-либо другомъ, а о васъ, не о философіи и физіологіи вообще, а о вашемъ незнаніи этихъ наукъ. Къ чему же тутъ громоотводъ о семинарской философіи? Зачѣмъ смѣшивать вещи, совершенно разныя, и говорить, что вы все это знали уже въ семинаріи, и даже теперь помните наизусть?"

На это Чернышевскій отвѣчалъ, что незнакомство Дудышкина съ семинарскими тетрадками не позволило ему понять, въ чемъ дѣло. „Если бы потрудились вы просмотрѣть эти тетрадки,—продолжаетъ онъ,—вы увидѣли бы, что всѣ недостатки, которые г. Юркевичъ открываетъ во мнѣ, открываютъ эти тетрадки въ Аристотелѣ, Бэконѣ, Гассенди, Локкѣ и т. д. и т. д., во всѣхъ философахъ, которые не были идеалисты. Слѣдовательно, ко мнѣ, какъ отдѣльному писателю, эти упреки вовсе не относятся; они относятся собственно къ теоріи, которую популяризировать я считаю полезнымъ дѣломъ. Если вы не вѣрите, загляните въ принадлежащій тому же, какъ г. Юркевичъ, направленію „Философскій словарь", издаваемый г. С. Г.—вы увидите, что тамъ про каждаго не-идеалиста говорится то же самое: и психологіи-то онъ не знаетъ, и естественныя-то науки ему неизвѣстны, и внутренній-то опытъ онъ отвергаетъ, и передъ фактами-то онъ падаетъ во прахъ, и метафизику-то онъ съ естественными науками смѣшиваетъ, и человѣка-то онъ унижаетъ, и т. д., и т. д.—Скажите же, какая мнѣ надобность серьезно смотрѣть на автора-ли извѣстной статьи, на людей-ли его хвалящихъ, когда я вижу, что лично противъ меня они повторяютъ вещи, испоконъ вѣка повторяемыя про каждаго мыслителя школы, которой я держусь? Я долженъ судить такъ: или они не знаютъ, или они притворяются незнающими, что эти упреки не противъ меня, а противъ цѣлой школы; слѣдовательно, они люди или плохо знакомые съ исторіей философіи, или только дѣйствуютъ по тактикѣ, фальшивость которой сами знаютъ. Въ томъ или другомъ случаѣ такіе противники недостойны серьезнаго спора". Это было вполнѣ справедливо.

Не менѣе правъ былъ Чернышевскій, когда писалъ въ той же статьѣ, что теорія, которую онъ считалъ справедливой, составляла самое послѣднее звено въ ряду философскихъ системъ и что она вышла изъ Гегелевской теоріи такъ же, какъ Гегелевская вышла изъ Шеллинговой. Онъ съ гордостью говорилъ, что считаетъ свою философскую теорію не только самой новой, но также самой полной и самой справедливой.

Нужно быть г. Волынскимъ или однимъ изъ его нынѣшнихъ многочисленныхъ „жвачныхъ“ послѣдователей, чтобы считать доводы Юркевича неопровержимыми. На самомъ дѣлѣ эти доводы даже не поколебали,—объ опроверженіи нечего уже и говорить,—ни одного изъ основныхъ положеній Чернышевскаго—Фейербаха. Но надо признать, что нѣкоторые выводы, сдѣланные Чернышевскимъ изъ основныхъ положеній своей матеріалистической философіи, были недостаточно разработаны, а потому односторонни и,—въ силу своей односторонности,—не вполнѣ правильны. Таковы были выводы, относившіеся къ ученію о нравственности.

Глава четвертая.

Ученіе о нравственности.

„При внимательномъ изслѣдованіи побужденій, руководящихъ людьми, оказывается, что всѣ дѣла, хорошія и дурныя, благородныя и низкія, геройскія и малодушныя, происходятъ во всѣхъ людяхъ изъ одного источника: человѣкъ поступаетъ такъ, какъ пріятнѣе ему поступать, руководится расчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды, или меньшаго удовольствія для полученія большей выгоды, большаго удовольствія“. Въ подтвержденіе этой своей мысли Чернышевскій приводитъ нѣсколько примѣровъ. Когда жена оплакиваетъ смерть любимаго мужа, то мысль о себѣ составляетъ основу ея печали: что я буду безъ тебя дѣлать, безъ тебя мнѣ тошно жить на свѣтѣ и т. д. То же мы видимъ и въ скорби матери, потерявшей ребенка: „погибла въ тебѣ моя надежда, отнята у меня всякая радость“ и т. д. Тутъ очень ясна, по словамъ Чернышевскаго, эгоистическая основа чувства. Нѣсколько затруднительнѣе случаи такъ называемаго самопожертвованія. Жители Сагунта перерѣзались, чтобы не сдаться Аннибалу. Это былъ геройскій поступокъ; но этотъ геройскій поступокъ не противорѣчитъ эгоистическому расчету: „они все равно были бы

истреблены, если не своими, то карѳагенскими руками, но карѳагеняне стали бы долго мучить ихъ варварскими пытками, и здравый расчетъ ихъ справедливо предпочелъ легкую и быструю смерть медленной и тяжелой". Или возьмемъ Лукрецію, которая закололась, подвергшись насилію со стороны Секста Тарквинія. Чернышевскій находитъ, что и она поступила очень расчетливо: „Мужъ могъ бы наговорить ей много успокоительныхъ и ласковыхъ словъ, но вѣдь всѣ подобныя слова чистый вздоръ, свидѣтельствующій о благородствѣ говорящаго ихъ, но нисколько не измѣняющій непремѣнныхъ послѣдствій дѣла. Коллатинъ могъ сказать женѣ: я считаю тебя чистой и люблю тебя попрежнему; но при тогдашнихъ понятіяхъ, слишкомъ мало измѣнившихся до сихъ поръ, онъ не въ силахъ былъ оправдать своихъ словъ дѣломъ: волею или неволею, но онъ уже потерялъ очень значительную часть прежняго уваженія, прежней любви къ женѣ; онъ могъ прикрывать эту потерю преднамѣреннымъ увеличеніемъ нѣжности въ обращеніи съ нею; но такого рода нѣжность обиднѣе холодности, горьче побоевъ и ругательствъ. Лукреція справедливо нашла, что лишиться жизни составляетъ гораздо меньшую непріятность, чѣмъ жить въ положеніи унизительномъ, по сравненію съ тѣмъ, къ какому она привыкла. Чистоплотный человѣкъ охотнѣе будетъ терпѣть голодъ, чѣмъ прикоснется къ пищѣ, оскверненной какой-нибудь гадостью; для человѣка, привыкшаго уважать себя, смерть гораздо легче униженія" *).

Приведя эти доводы, Чернышевскій оговаривается. Онъ вовсе не стремится къ уменьшенію той великой похвалы, какой заслуживаютъ жители Сагунта и Лукреція. Онъ только доказываетъ, что ихъ геройскіе поступки были также и умными поступками. А доказывать это вовсе еще не значитъ, по его мнѣнію, отнимать цѣну у геройства и благородства. Это совершенно вѣрно, и когда люди, подобные Юркевичу, упрекали его въ томъ, что онъ не умѣетъ цѣнить эти чувства, они обнаруживали только свою собственную неспособность понять взгляды нашего автора. Ученіе Чернышевскаго о нравственности совсѣмъ не отнимало цѣны у геройства и благородства; наоборотъ, оно хотѣло поднять эту цѣну указаніемъ на то, что путь, избираемый героемъ, есть именно тотъ путь, который предписывается правильнымъ расчетомъ. Но это не устраняетъ изъ соображеній Чернышевскаго свойственной имъ логиче-

*) Сочиненія, VI, стр. 230—231.

ской ошибки. Въ самомъ дѣлѣ, примѣрами жителей Сагунта и Лукреціи Чернышевскій хочетъ убѣдить насъ въ томъ, что благородные поступки совсѣмъ не безразсудны. Мы ни мало не сомнѣваемся въ этомъ. Но мы утверждаемъ, что иное дѣло поступокъ, основанный на расчетѣ, а иное дѣло тотъ поступокъ, послѣдствія котораго такъ же благопріятны для лица его совершившаго, какъ и послѣдствія такого поступка, который былъ бы основанъ исключительно на расчетѣ. Мы допускаемъ, что для Лукреціи въ самомъ дѣлѣ было выгоднѣе лишить себя жизни, но мы очень сомнѣваемся въ томъ, что она могла передъ своимъ самоубійствомъ предаваться сколько-нибудь основательнымъ расчетамъ выгоды. Для такихъ расчетовъ необходимо хладнокровіе, а хладновровной Лукреція быть не могла. Не вѣрнѣе-ли предположить, что въ ея поступкѣ расчетъ, т.-е. р а з с у д о к ъ, игралъ гораздо меньшую роль, нежели чувство, сложившееся подъ вліяніемъ современныхъ ей отношеній, привычекъ и взглядовъ? Человѣческія чувства и привычки такъ приспособляются обыкновенно къ существующимъ общественнымъ,—а также, конечно, и семейнымъ,—отношеніямъ, что совершаемые подъ ихъ вліяніемъ поступки могутъ показаться подчасъ плодомъ самыхъ основательныхъ расчетовъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности они вовсе не были вызваны расчетливостью. Это до такой степени вѣрно, что Чернышевскій самъ подтверждаетъ это своими соображеніями: онъ говоритъ, какъ мы видѣли, что для человѣка, привыкшаго уважать себя, смерть гораздо легче униженія. И это опять вѣрно. Но вѣдь нельзя же отождествлять привычку съ расчетомъ, и нельзя сказать, что человѣкъ, поступающій въ силу извѣстной похвальной привычки, „руководится расчетомъ, велящимъ отказываться отъ меньшей выгоды или меньшаго удовольствія для полученія большей выгоды или большаго удовольствія“. Вообще, во взглядѣ Чернышевскаго на разумный эгоизмъ очень замѣтно свойственное всѣмъ „просвѣтительнымъ періодамъ“ (Aufklärungsperioden) стремленіе искать въ разсудкѣ опоры для нравственности, а въ болѣе или менѣе основательной расчетливости отдѣльнаго лица объясненіе его характера и его поступковъ. Иногда относящіяся сюда разсужденія Чернышевскаго, какъ двѣ капли воды, похожи на разсужденія Гельвеція и его единомышленниковъ. Почти также сильно напоминаютъ они собою разсужденія типичнаго представителя эпохи просвѣщенія въ древней Греціи, Сократа, который, выступая защитникомъ дружбы, доказывалъ, что друзей имѣть в ы г о д н о, такъ какъ они могутъ при-

годиться въ несчастіи. Подобныя крайности разсудочности объясняются тѣмъ, что просвѣтители обыкновенно не умѣли стать на точку зрѣнія развитія *).

Мы знаемъ, что, согласно теоріи Чернышевскаго, человѣкъ по своей природѣ ни добръ, ни золъ, а дѣлается добрымъ или злымъ, смотря по обстоятельствамъ **). Еслибъ мы признали, что человѣкъ въ своихъ поступкахъ всегда руководится расчетомъ, то мы должны были бы иначе формулировать взглядъ Чернышевскаго на человѣческую природу: мы должны были бы сказать, что человѣкъ по своей природѣ ни добръ и ни золъ, а только расчетливъ, причемъ это его свойство достигаетъ большей или меньшей силы въ зависимости отъ обстоятельствъ. Но подобная формулировка врядъ ли понравилась бы нашему автору.

Что такое добро, что такое зло, по его теоріи? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ та же,—какъ видитъ читатель, весьма содержательная,—статья „Антропологическій принципъ въ философіи". Отдѣльный человѣкъ,—говоритъ тамъ Чернышевскій,—называетъ добрыми поступками тѣ дѣла другихъ людей, которыя полезны для него; въ мнѣніи общества добромъ признается то, что полезно для всего общества или для большинства его членовъ; наконецъ, люди вообще безъ различія націй и сословій называютъ добромъ то, что полезно для человѣка вообще". Нерѣдко случается, что интересы разныхъ націй и сословій противорѣчатъ другъ другу или общечеловѣческимъ интересамъ; такъ же нерѣдко случается, что интересы одного сословія противоположны интересамъ цѣлой націи. Какъ же рѣшить здѣсь, гдѣ добро и гдѣ зло? Теоретически рѣшить этотъ вопросъ очень не трудно: „общечеловѣческій интересъ

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашей книгѣ: „Beiträge zur Geschichte des Materialismus—Holbach, Helvetius und Karl Marx". Stuttgart, 1896.

**) Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что прежде нашъ авторъ высказывалъ другой взглядъ на человѣческую природу. Согласно этому взгляду, человѣкъ есть „существо по натурѣ своей наклонное уважать и любить правду и добро и гнушаться всѣмъ дурнымъ, существо, могущее нарушать законы добра и правды только по незнанію, заблужденію или по вліянію обстоятельствъ сильнѣйшихъ, нежели его характеръ и разумъ, но никогда не могущее добровольно и свободно предпочесть зло добру" (см. статью о „Губернскихъ очеркахъ" Щедрина, Современникъ, 1857 г., № 6, перепечатано въ „Полномъ собраніи сочиненій" т. III. Цитированныя строки находятся на стр. 221—222 этого тома). Это ближе къ Сократу, нежели къ нынѣшнему ученію о развитіи.

стоитъ выше выгодъ отдѣльной націи, общій интересъ цѣлой націи стоитъ выше выгодъ отдѣльнаго сословія, интересъ многочисленнаго сословія выше выгодъ малочисленнаго". А какъ бываетъ на практикѣ? На практикѣ люди называютъ полезный для нихъ поступокъ добрымъ, а вредный дурнымъ, рѣдко справляясь о томъ, какъ относится онъ къ болѣе широкимъ интересамъ цѣлаго. Но Чернышевскій убѣжденъ, что люди, сословія или націи, предпочитающія свои частные интересы интересамъ общимъ, въ концѣ-концовъ сами же и страдаютъ отъ этой „теоретической лжи". Онъ говоритъ: „тѣ случаи, въ которыхъ отдѣльная нація попираетъ для своей выгоды общечеловѣческіе интересы, или отдѣльное сословіе интересы цѣлой націи, всегда оказываются въ результатѣ вредными не только для стороны, интересы которой были нарушены, но и для той стороны, которая думала доставить себѣ выгоды ихъ нарушеніемъ: всегда оказывается, что нація губитъ сама себя, порабощая человѣчество, что отдѣльное сословіе приводитъ себя къ дурному концу, принося въ жертву себѣ цѣлый народъ". Мы не станемъ разбирать здѣсь тѣ историческіе и экономическіе примѣры, съ помощью которыхъ онъ хочетъ подтвердить это свое положеніе: мы коснемся этого предмета ниже, когда рѣчь пойдетъ у насъ объ историческихъ взглядахъ Чернышевскаго. Теперь же мы ограничимся тѣмъ замѣчаніемъ, что какъ бы ни было вѣрно или ошибочно это его положеніе, несомнѣнно, что сказанное имъ объ отношеніи интересовъ части къ интересамъ цѣлаго даетъ намъ возможность поставить вопросъ объ эгоизмѣ болѣе правильно, нежели это сдѣлано въ его статьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ обществомъ, не раздѣленнымъ на сословія или классы. Въ такомъ обществѣ добрыми будутъ считаться тѣ поступки отдѣльныхъ лицъ, которые совпадаютъ съ интересами цѣлаго, а дурными тѣ, которые противорѣчатъ этимъ интересамъ. Стало быть, въ основѣ сужденій о добрѣ и злѣ будетъ лежать то, что можно назвать эгоизмомъ цѣлаго, общественнымъ эгоизмомъ. Но эгоизмъ цѣлаго отнюдь не исключаетъ альтруизма отдѣльнаго лица, индивидуальнаго альтруизма. Напротивъ, онъ является его источникомъ: общество стремится воспитать отдѣльныхъ своихъ членовъ такъ, чтобы они ставили общественный интересъ выше своего частнаго; чѣмъ болѣе поступки данной личности будутъ удовлетворять этому требованію общества, тѣмъ самоотверженнѣе, нравственнѣе, альтруистичнѣе будетъ эта личность. А чѣмъ болѣе ея поступки будутъ нарушать это требованіе,

тѣмъ болѣе своекорыстной, безнравственной, эгоистичной она окажется. Это и есть тотъ критерій, который всегда,—съ большей или меньшей сознательностью,—примѣнялся и примѣняется людьми при сужденіи о томъ, альтруистиченъ или эгоистиченъ данный поступокъ даннаго лица: вся возможная здѣсь разница сводится къ тому, что именно представляетъ собою то цѣлое, интересы котораго ставятся въ данномъ случаѣ выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ.

Но когда общество примѣняетъ свой, основанный на интересахъ цѣлаго, критерій къ оцѣнкѣ поступковъ отдѣльныхъ лицъ, оно хочетъ, чтобы выгодное для него дѣйствіе было продиктовано внутреннимъ влеченіемъ лица, его совершившаго, а не соображеніями этого лица о своей собственной пользѣ. Пока лицо, служащее интересамъ цѣлаго, руководствуется своей личною пользой, оно обнаруживаетъ большую или меньшую смѣтливость, большую или меньшую предусмотрительность, но не большій или меньшій альтруизмъ. Воспитаніе человѣка въ духѣ нравственности состоитъ именно въ томъ, что поступки, полезные обществу, становятся для него инстинктивной потребностью („категорическій императивъ“ Канта). И чѣмъ сильнѣе эта потребность, тѣмъ нравственнѣе отдѣльное лицо. Героями называются такіе люди, которые не могутъ не повиноваться этой своей потребности даже тогда, когда ея удовлетвореніе рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ ихъ самыми существенными интересами, грозя имъ, напримѣръ, смертью. Это обыкновенно упускалось изъ виду „просвѣтителями“ и въ ихъ числѣ Чернышевскимъ. Можно, впрочемъ, прибавить, что не менѣе „просвѣтителей“ ошибался и Кантъ, утверждавшій, что нравственныя побужденія не имѣютъ никакого отношенія къ пользѣ. Онъ тоже не умѣлъ стать въ этомъ случаѣ на точку зрѣнія развитія и вывести индивидуальный альтруизмъ изъ общественнаго эгоизма.

Замѣчательно, что Чернышевскій, утверждавшій, что человѣкъ всегда руководствуется соображеніями выгоды, въ послѣднемъ счетѣ думалъ совершенно то же, что говоримъ мы, но плохо формулировалъ свою мысль вслѣдствіе указанной неправильности своихъ логическихъ посылокъ. Вотъ посмотрите, какъ характеризуютъ себя Лопуховъ и Кирсановъ въ романѣ „Что дѣлать?“ Вѣра Павловна, познакомившись съ Кирсановымъ, спрашиваетъ его, очень ли онъ любитъ Лопухова. По этому поводу между ними завязывается слѣдующій разговоръ:

— Я? я никого, кромѣ себя, не люблю, Вѣра Павловна.

— И его не любите?

— Жили—не ссорились, и того довольно.

— И онъ васъ не любилъ?

— Не замѣчалъ что-то. Впрочемъ, спросимъ у него: ты любилъ что ли меня, Дмитрій?

— Особенной ненависти къ тебѣ не имѣлъ *).

Кирсановъ „никого, кромѣ себя“ не любитъ, а Лопуховъ ограничивается тѣмъ, что не чувствуетъ къ своему лучшему другу „особенной ненависти“. Какъ видите, они эгоисты до конца ногтей. И такими же „эгоистами“ они остаются... во всѣхъ своихъ разговорахъ и заявленіяхъ. Лопуховъ, рѣшившійся отказаться отъ предстоящей ему ученой карьеры для того, чтобы женитьбой на Вѣрѣ Павловнѣ избавить ее отъ родительской власти, убѣждаетъ самого себя въ томъ, что онъ никакой жертвы не приноситъ: „И не думалъ жертвовать. Не былъ до сихъ поръ такъ глупъ, чтобы приносить жертвы,—надѣюсь, и никогда не буду. Какъ для меня лучше, такъ и сдѣлалъ. Не такой человѣкъ, чтобы приносить жертвы. Да ихъ и не бываетъ, никто не приноситъ; это фальшивое понятіе: жертва—сапоги въ смятку. Какъ пріятнѣе, такъ и поступаешь. Такъ вотъ поди ты, растолкуй это. Въ теоріи то оно понятно; а какъ видитъ предъ собою фактъ, человѣкъ-то и умиляется: вы, говоритъ, мой благодѣтель“ **).

Какъ пріятнѣе, такъ и поступаешь. Кто слѣдуетъ этому правилу? Всѣ люди. Но каждый человѣкъ есть „я“, и у каждаго человѣка каждое соображеніе о томъ или другомъ своемъ поступкѣ неотдѣлимо отъ сознанія этимъ человѣкомъ своего „я“. Это неоспоримое обстоятельство истолковывается Чернышевскимъ,—какъ всегда истолковывалось оно „просвѣтителями“ разныхъ странъ,—въ пользу своей теоріи разумнаго эгоизма. Убѣдивъ себя въ томъ, что ему даже выгодно будетъ отказаться отъ ученой карьеры и жениться на Вѣрѣ Павловнѣ, Лопуховъ заканчиваетъ свои размышленія на этотъ счетъ слѣдующимъ торжествующимъ замѣчаніемъ: „ вѣдь какъ вѣрно, что Я всегда на первомъ планѣ—и началъ съ себя, и кончилъ собою. И съ чего началъ: „жертва“—какое плутовство; будто я отъ ученой извѣстности отказываюсь, и отъ каѳедры—какой вздоръ! не все ли равно, буду такъ же работать, и такъ же получу каѳедру и такъ же послужу медицинѣ.

*) Сочиненія, т. IX; 2-ой отдѣлъ, стр. 92.

**) Тамъ же, стр. 85.

Пріятно человѣку, какъ теоретику, замѣчать, какъ играетъ эгоизмъ съ его мыслями на практикѣ“ *).

Здѣсь весьма выпукло обнаруживается логическая ошибка Чернышевскаго. Изъ того, что сознаніе своего „я“ никогда не покидаетъ человѣка въ его соображеніяхъ о своихъ дѣйствіяхъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что всѣ его дѣйствія эгоистичны. Если данное „я“ видитъ свое счастье въ счастьѣ другихъ; если оно имѣетъ „пристрастіе“ къ этому счастью, то такое „я“ называется альтруистичнымъ, а не эгоистичнымъ. И стремиться затушевать глубокое различіе между эгоизмомъ и альтруизмомъ только на томъ основаніи, что альтруистическія дѣйствія также сопровождаются у людей сознаніемъ ими своего „я“, значитъ желать внести логическую неясность туда, гдѣ безусловно необходима полная ясность. А до какой степени она необходима, показываетъ собственный примѣръ Чернышевскаго. Приравнявъ альтруизмъ къ эгоизму, онъ видитъ себя вынужденнымъ искать другого критерія для различенія тѣхъ поступковъ, которые обыкновенно называются эгоистичными, отъ тѣхъ, которымъ присвоено названіе альтруистичныхъ. И что же онъ находитъ?

Въ своихъ „Замѣткахъ о журналахъ“ (январь, 1857 г.) онъ говоритъ, опредѣляя разницу между Печоринымъ и Рудинымъ: „одинъ эгоистъ, не думающій ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ наслажденій; другой—энтузіастъ, совершенно забывающій о себѣ и весь поглощаемый общими интересами; одинъ живетъ для своихъ страстей, а другой для своихъ идей. Это люди, составляющіе совершенный контрастъ одинъ другому“ **). Совершенно справедливо! Но именно въ виду возможности подобныхъ

*) Тамъ же, стр. 86-я. Подобнымъ же образомъ Вѣра Павловна, объясняя швеямъ свое намѣреніе устроить кооперативную мастерскую, говоритъ: „Это потому, что у меня нѣтъ большого пристрастія къ деньгамъ; вѣдь, вы знаете, что у разныхъ людей разныя пристрастія, не у всѣхъ же только къ деньгамъ: у иныхъ пристрастіе къ баламъ, у другихъ—къ нарядамъ или картамъ, и всѣ такіе люди готовы даже разориться для своего пристрастія,—и многіе разоряются, и никто этому не дивится, что ихъ пристрастіе имъ дороже денегъ. А у меня пристрастіе вотъ къ тому, чѣмъ заняться я съ вами пробую“. (Тамъ же, стр. 117). У нея тоже дѣло изображается такъ, что она всегда будто бы ставитъ свое „я“ на первомъ планѣ.

**) Сочиненія, III, стр. 66.

контрастовъ и ошибочно было бы говорить, что всѣ люди эгоисты, и что они отличаются между собою лишь большею или меньшею расчетливостью. Не по расчету Рудинъ жилъ для своихъ идей, и точно также не по расчету Печоринъ жилъ для своихъ страстей.

Другой примѣръ. Выйдя замужъ за Лопухова, Вѣра Павловна цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ не видала своихъ родителей; потомъ она навѣстила ихъ, и вотъ какъ описываетъ нашъ авторъ впечатлѣніе, вынесенное ею изъ этого визита: „Полгода Вѣра Павловна дышала чистымъ воздухомъ, грудь ея уже совершенно отвыкла отъ тяжелой атмосферы хитрыхъ словъ, изъ которыхъ каждое произносится по корыстному расчету, отъ слушанія мошенническихъ мыслей, низкихъ плановъ, и страшное впечатлѣніе произвелъ на нее ея подвалъ. Грязь, пошлость, цинизмъ всякаго рода—все это бросалось теперь ей съ рѣзкостью новизны.

„Какъ у меня доставало силы жить въ такихъ гадкихъ стѣсненіяхъ? Какъ я могла дышать въ этомъ подвалѣ? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно, непостижимо. Какъ я могла тутъ вырости съ любовью къ добру? Непонятно, невѣроятно“, думала Вѣра Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхающей послѣ удушья *).

Прежде Вѣра Павловна жила въ „атмосферѣ хитрыхъ словъ, изъ которыхъ каждое произносится по корыстному расчету“. Теперь ей тяжело дышется въ этой атмосферѣ. Почему же тяжело, если люди вообще ничѣмъ не руководствуются, кромѣ расчета? Ей тяжело потому, что расчетъ, которымъ руководятся люди, подобные ея родителямъ, есть нехорошій „корыстный“ расчетъ, совершенно чуждый „любви къ добру“. Оказывается, стало быть, что, сведя все къ расчету, Чернышевскій принужденъ различать корыстный расчетъ, чуждый „любви къ добру“, отъ безкорыстнаго, пропитаннаго этой любовью **). Иначе сказать: онъ возвращается къ старому различенію эгоизма отъ альтруизма. Съ нимъ случилось то же, что гораздо раньше произошло съ

*) Тамъ же стр. 108.

**) Въ другомъ мѣстѣ того же романа онъ обнаруживаетъ большое недовольство людьми, „привыкшими понимать слово „интересъ“ въ слишкомъ узкомъ смыслѣ обыденнаго расчета“ (Соч. IX, 169). Теперь оказывается, стало быть, что, кромѣ обыденнаго расчета, есть какой-то необыденный. Чѣмъ же отличается онъ отъ обыденнаго? Тѣмъ, что люди, руководствующіеся имъ, принимаютъ между прочимъ въ соображеніе интересы своей „совѣсти“. (Тамъ же, та же страница).

Гольбахомъ и другими просвѣтителями 18-го вѣка, тоже сводившими все къ расчету и тоже оказавшимися въ логической необходимости противопоставить корыстному расчету безкорыстный.

Въ цитированной уже выше статьѣ Чернышевскаго о „Губернскихъ очеркахъ“ мы находимъ слѣдующую, какъ нельзя болѣе вѣрную мысль: „привычки и правила, руководящія обществомъ возникаютъ и сохраняются вслѣдствіе какихъ-нибудь фактовъ, независимыхъ отъ воли человѣка, имъ слѣдующаго: на нихъ надобно смотрѣть непремѣнно съ исторической точки зрѣнія“ *). Но если привычки и правила, руководящія обществомъ возникаютъ независимо отъ воли его членовъ, и если на нихъ непремѣнно надо смотрѣть съ исторической, а не съ раціоналистической точки зрѣнія, то совершенно такъ же надо смотрѣть и на привычки и правила, обусловливающія собою поступки отдѣльныхъ лицъ: они, въ свою очередь, складываются независимо отъ воли,—а слѣдовательно, и отъ расчета,—человѣка, и человѣкъ нерѣдко повинуется имъ, несмотря на то, что этимъ нарушаются его личные интересы.

Но въ сущности Чернышевскій именно это и хочетъ сказать, заставляя своихъ героевъ увѣрять насъ въ томъ, что они никогда никого не любили, кромѣ себя. Этому увѣренію его героевъ какъ будто противорѣчитъ то, что воображаемая невѣста Лопухова,—о которой онъ говоритъ съ Вѣрой Павловной, танцуя съ ней въ день ея рожденія,—называетъ себя „любовью къ людямъ“ **). Но въ дѣйствительности тутъ нѣтъ никакого противорѣчія: Чернышевскій просто хочетъ сказать, что любовь къ людямъ совершенно пропитала собою все нравственное существо его героевъ, вслѣдствіе чего поступки, подсказываемые этою любовью составляютъ настоятельную потребность ихъ „я“. Стремленіе къ безкорыстнымъ дѣйствіямъ до такой степени свойственно Лопухову и Кирсанову, что, уступая этому стремленію, они не переживаютъ никакой внутренней борьбы, а просто слѣдуютъ своему хорошему инстинкту, вслѣдствіе чего и воображаютъ себя людьми, думающими только о самихъ себѣ ***).

*) Сочиненія, III, стр. 214.

**) Тамъ же, стр. 70. „Первый сонъ Вѣрочки“.

***) Обдумывая свое отношеніе къ Вѣрѣ Павловнѣ, Кирсановъ такъ разсуждаетъ самъ съ собою: „Если я разъ поступлю противъ всей своей человѣческой натуры, я навсегда утрачу возможность спокойствія, воз-

Ихъ логическая ошибка причиняется именно тѣмъ, что они въ своихъ поступкахъ руководствуются не логикой, а чувствомъ. И у нихъ такая ошибка, можно сказать, неизбѣжна. Но, берясь за оцѣнку ихъ характера, мы вовсе не обязаны повторять ихъ логическую ошибку. Мы должны понимать, что на самомъ дѣлѣ эти люди вовсе не эгоисты, и что тотъ, кто вѣритъ имъ и считаетъ ихъ эгоистами, смѣшиваетъ такія понятія, безъ различенія которыхъ невозможно правильное ученіе о нравственности.

Тотъ процессъ, благодаря которому индивидуальный альтруизмъ выростаетъ на почвѣ общественнаго эгоизма, есть діалектическій процессъ, обыкновенно ускользающій отъ вниманія „просвѣтителей“. Какъ люди, преслѣдующіе прежде всего практическія цѣли, „просвѣтители“ вообще мало интересуются діалектикой явленій и понятій. Мы сейчасъ увидимъ это на примѣрѣ нашего автора. Теперь же, разставаясь съ его ученіемъ о нравственности, мы скажемъ, что какова бы ни была логическая ошибка, свойственная этому ученію, оно все-таки, какъ небо отъ земли, далеко отъ проповѣди практическаго эгоизма. Этого не поняли люди, подобные Юркевичу въ то время, когда появилась статья „Антропологическій принципъ въ философіи“. Этого не понимаютъ теперь люди подобные предтечѣ нашихъ „жвачныхъ“ любомудровъ,—г. Волынскому. И, обнаруживая это свое непониманіе, люди этого разряда сами выдаютъ себѣ свидѣтельство объ умственной бѣдности. Чернышевскій имѣлъ полное право презирать ихъ. И онъ широко пользовался этимъ правомъ. Насмѣшкамъ надъ этими людьми отведены цѣлыя страницы въ его романѣ „Что дѣлать?“, и эти страницы можно безъ всякаго преувеличенія назвать блестящими. Намъ хочется отчасти воспроизвести одну изъ нихъ.

Характеризуя отношенія Лопухова къ Вѣрѣ Павловнѣ въ періодъ, предшествовавшій его браку съ ней, Чернышевскій притворяется возмущеннымъ его безсердечностью и говоритъ, что не только нельзя оправдать его, но нехорошо даже пытаться его оправдывать. Иные могли бы сказать въ его извиненіе, что онъ

можность довольства собою, отравлю всю свою жизнь“. (Тамъ же стр. 151). Кирсановъ забываетъ только прибавить, что, обладая такой „натурой“, нѣтъ надобности прибѣгать къ расчету выгоды; такая „натура“ не нуждается въ расчетѣ для того, чтобы рѣшиться на хорошій поступокъ.

былъ медикъ и занимался естественными науками, которыя располагаютъ, какъ извѣстно, къ матеріализму. На это Чернышевскій иронически возражаетъ, что къ матеріализму ведутъ всѣ науки, но что къ счастью далеко не всѣ ученые матеріалисты. „Стало быть,—заключаетъ онъ,—Лопуховъ не избавляется отъ своей вины. Сострадательные люди, не оправдывающіе его, могли бы также сказать ему въ извиненіе, что онъ не совершенно лишенъ нѣкоторыхъ похвальныхъ признаковъ: сознательно и твердо рѣшился отказаться отъ всякихъ житейскихъ выгодъ и почетовъ для работы на пользу другимъ, находя, что наслажденіе такою работою—лучшая выгода для него; на дѣвушку, которая была такъ хороша, что онъ влюбился въ нее, онъ смотрѣлъ такимъ чистымъ взглядомъ, какимъ не всякій братъ глядитъ на сестру; но противъ этого извиненія его матеріализму надобно сказать, что вѣдь вообще нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы совершенно безъ всякихъ признаковъ чего-нибудь хорошаго, и что матеріалисты, каковы бы тамъ они ни были, все-таки матеріалисты, а этимъ самымъ ужъ рѣшено и доказано, что они люди низкіе и безнравственные, которыхъ извинять нельзя, потому что извинять ихъ значило бы потворствовать матеріализму. Итакъ, не оправдывая Лопухова,—извинить его нельзя. А оправдать его тоже не годится, потому что любители прекрасныхъ идей и защитники возвышеннылъ стремленій, объявившіе матеріалистовъ людьми низкими и безнравственными, въ послѣднее время такъ отлично зарекомендовали себя со стороны ума, да и со стороны характера, въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, матеріалистовъли, не-матеріалистовъ, что защищать кого-нибудь отъ ихъ порицаній стало дѣломъ излишнимъ, а обращать вниманіе на ихъ слова стало дѣломъ неприличнымъ“ *).

Глава пятая.

Чернышевскій и діалектика.

Въ своей работѣ о Лессингѣ Чернышевскій говоритъ:

„Если былъ когда-нибудь человѣкъ, по устройству головы предназначенный для философіи, то это былъ Лессингъ. А между тѣмъ онъ почти ни одного слова не написалъ собственно о философіи, ни одной страницы не посвятилъ ей въ своихъ сочиненіяхъ и въ письмахъ своихъ говоритъ о ней почти только

*) Сочиненія, IX, стр. 63.

съ Мендельсономъ, ограничиваясь тѣмъ, что нужно было для Мендельсона. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лично онъ самъ, наперекоръ своей натурѣ, такъ мало интересовался философіей? Напротивъ: онъ выдалъ намъ, чѣмъ была занята лично его мысль, когда чертилъ на дачѣ Глейма классическое „hen kai pân (единое и все)—а между тѣмъ онъ толковалъ съ Глеймомъ о его „пѣснѣхъ Гренадера" и его поэмѣ „Халладатъ". Дѣло въ томъ, что не время еще было чистой философіи стать средоточіемъ нѣмецкой умственной жизни,—и Лессингъ молчалъ о философіи; умы современниковъ были готовы оживиться поэзіею, а не были еще готовы къ философіи,—и Лесингъ писалъ драмы и толковалъ о поэзіи" *).

Эти слова почти цѣликомъ могутъ быть примѣнены къ самому Чернышевскому. Правда, по своей способности проникать въ самую глубину философскихъ вопросовъ онъ уступалъ геніальному Бѣлинскому **). Но все таки „по устройству головы" онъ имѣлъ много данныхъ для чрезвычайно плодотворнаго занятія философіей, и ужъ, конечно, онъ сдѣлалъ бы въ этомъ отношеніи несравненно больше, нежели удалось сдѣлать, напримѣръ, П. Лаврову. И онъ, какъ видно, любилъ философію: не даромъ онъ говорилъ, что въ комъ есть философскій духъ, кто разъ заинтересовался философіей, тому уже трудно оторваться отъ ея великихъ вопросовъ для мелочныхъ сравнительно съ ними вопросовъ частныхъ наукъ. Но при составленіи программы своихъ занятій этотъ „эгоистъ", такъ часто говорившій о „расчетѣ", руководился, подобно Лессингу, не своими личными вкусами, а потребностями общественнаго развитія. Современное ему общество очень мало интересовалось философіей и сравнительно много интересовалось литературой. Вотъ почему первые свои труды онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, литературнымъ вопросамъ, пользуясь своими философскими выводами для освѣщенія вопросовъ именно этого рода. Такъ возникли его „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности". Потомъ на сцену выступили экономическіе и отчасти—особенно въ томъ, что касалось иностранныхъ дѣлъ,—политическіе вопросы. И Чернышевскій перешелъ къ этимъ вопросамъ, взявшимъ у него даже значительно больше времени, нежели вопросы литературные. Такимъ образомъ, онъ не имѣлъ

*) Сочиненія, III, стр. 755.

**) Чернышевскій и самъ писалъ, что Бѣлинскаго „невозможно не признать геніальнымъ" (Сочиненія, томъ II, стр. 122).

фактической возможности посвящать много времени философіи. Памятникомъ его тогдашняго интереса къ ней остается лишь статья „Антропологическій принципъ". Но и въ другихъ статьяхъ его встрѣчаются страницы, показывающія, что интересъ къ философіи никогда не умиралъ въ немъ и что онъ хорошо зналъ этотъ предметъ. Въ этомъ отношеніи съ нимъ не могутъ выдержать даже отдаленнаго сравненія наши „передовые" писатели послѣдующаго времени, напримѣръ, Н. Михайловскій и его „субъективные" единомышленники *).

Н. Михайловскій и его „субъективные" единомышленники умѣли только презрительно пожимать плечами по поводу „метафизики" Гегеля, о которой они, кстати сказать, не имѣли ровно никакого понятія. А Чернышевскій зналъ Гегеля и очень высоко цѣнилъ его философію. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ свое и своего учителя Фейербаха отношеніе къ Гегелю:

„Часто мы видимъ, что продолжатели ученаго труда возстаютъ противъ своихъ предшественниковъ, труды которыхъ служили исходною точкою для ихъ собственныхъ трудовъ. Такъ Аристотель враждебно смотрѣлъ на Платона, такъ Сократъ безгранично унижалъ софистовъ, продолжателемъ которыхъ былъ. Въ новое время этому также найдется много примѣровъ. Но бываютъ иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимаютъ ясно связь своихъ мнѣній съ мыслями, которыя находятся у ихъ предшественниковъ, и скромно называютъ себя ихъ учениками; что, обнаруживая недостаточность понятій своихъ предшественниковъ, они съ тѣмъ вмѣстѣ ясно выказываютъ, какъ много содѣйствовали эти понятія развитію ихъ собственной мысли. Таково было, напримѣръ, отношеніе Спинозы къ Декарту. Къ чести основателей современной науки должно сказать, что они съ уваженіемъ и почти сыновнею любовью смотрятъ на своихъ предше-

*) Интересъ къ философіи, столь сильный у насъ въ 30-ыхъ и 40-хъ годахъ, былъ совершенно ничтоженъ въ теченіе четырехъ послѣдующихъ десятилѣтій. Какъ относился къ этому упадку самъ Чернышевскій, показываютъ слѣдующія его строки: „Философскія стремленія теперь почти забыты нашею литературою и критикою. Мы не хотимъ рѣшать, на сколько литература и критика выиграли отъ этой забывчивости, — кажется, не выиграли ровно ничего, потерявъ очень много". (Сочиненія, II, 183). Теперь у насъ опять ожилъ интересъ къ философскимъ вопросамъ. Но наша предыдущая и продолжительная беззаботность насчетъ философіи привела къ тому, что каждая философская ветошь встрѣчается у насъ, какъ важная философская новость.

ственниковъ, вполнѣ признаютъ величіе ихъ генія и благородный характеръ ихъ ученія, въ которомъ показываютъ зародыши собственныхъ воззрѣній. Г. Чернышевскій понимаетъ это и слѣдуетъ примѣру людей, мысли которыхъ примѣняетъ къ эстетическимъ вопросамъ“ *).

Послѣ всего сказаннаго нами выше едва ли нужно повторять, что подъ основателями современной науки нашъ авторъ понимаетъ именно Фейербаха, примѣру котораго онъ и слѣдуетъ не только въ смыслѣ глубочайшаго уваженія къ Гегелю, но также и въ смыслѣ критическаго отношенія къ его системѣ.

То, что онъ говоритъ о Гегелѣ въ своихъ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы“, не всегда правильно, но всегда умно и интересно. Мы находимъ тамъ, напримѣръ, вотъ эти строки, очень напоминающія отзывъ Энгельса о двойственномъ характерѣ философіи Гегеля: „Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы—узки и ничтожны: несмотря на всю колоссальность его генія, у великаго мыслителя достало силы только на то, чтобы высказать общія идеи, но недостало уже силы неуклонно держаться этихъ основаній и логически развить изъ нихъ всѣ необходимыя слѣдствія. И не только выводовъ изъ своихъ принциповъ не могъ онъ сдѣлать—самые принципы представлялись ему еще не во всей своей ясности, были для него туманны. Слѣдующее поколѣніе мыслителей сдѣлало еще шагъ впередъ, и принципы, неопредѣленно, односторонне и отвлеченно высказанные Гегелемъ, явились во всей своей полнотѣ и ясности: тогда колебаніямъ не осталось мѣста, двойственность исчезла, фальшивые выводы, внесенные въ науку непослѣдовательностью Гегеля въ развитіи основныхъ положеній, были отстранены, и содержаніе приведено въ гармонію съ основными истинами“ **).

Тутъ можно только рукоплескать обнаруживаемой нашимъ авторомъ ясности взглядовъ. Но когда онъ начинаетъ характеризовать діалектическій методъ Гегеля, то мы, къ сожалѣнію,

---

*) Мы беремъ эту выписку изъ критической статьи, посвященной Чернышевскимъ въ 5-омъ номерѣ „Современника“, за 1855 годъ, своей собственной дисертаціи „Объ эстетическихъ отношеніяхъ“ (Сочиненія X, ч. 2-ая, 175).

**) Сочиненія, II, стр. 184—185.— Ср. первую главу переведенной нами на русскій языкъ и изданной г. Львовичемъ брошюры Энгельса „Людвигъ Фейербахъ“.

остаемся неудовлетворенными. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ методѣ.

„Сущность его состоитъ въ томъ, что мыслитель не долженъ успокаиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а долженъ искать, нѣтъ ли въ предметѣ, о которомъ онъ мыслитъ, качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется этимъ предметомъ на первый взглядъ: такимъ образомъ, мыслитель былъ принужденъ обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ, и истина являлась ему не иначе, какъ слѣдствіемъ борьбы всевозможныхъ противоположныхъ мнѣній. Этимъ способомъ, вмѣсто прежнихъ односторонних понятій о предметѣ, мало-по-малу являлось полное, всестороннее изслѣдованіе и составлялось живое понятіе о всѣхъ дѣйствительныхъ качествахъ предмета. Объяснить дѣйствительность стало существенною обязанностью философскаго мышленія. Отсюда явилось чрезвычайное вниманіе къ дѣйствительности, надъ которою прежде не задумывались, безъ всякой церемоніи искажая ее въ угодность собственнымъ одностороннимъ предубѣжденіямъ. Такимъ образомъ, добросовѣстное, неутомимое изысканіе истины стало на мѣстѣ прежнихъ произвольныхъ толкованій. Но въ дѣйствительности, все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени,—и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе,—что эти общія, отвлеченныя изреченія неудовлетворительны: каждый предметъ, каждое явленіе имѣетъ свое собственное значеніе, и судить о немъ должно по соображенію той обстановки, среди которой оно существуетъ; это правило выражалось формулою: отвлеченной истины нѣтъ; истина конкретна, т.-е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ“ *).

*) Сочиненія, т. II, стр. 187.—Въ примѣчаніи цитируемой страницы Чернышевскій поясняетъ свою мысль слѣдующимъ примѣромъ: „Напримѣръ: „благо или зло дождь?“—Это вопросъ отвлеченный; опредѣлительно отвѣчать на него нельзя: иногда дождь приноситъ пользу, иногда, хотя рѣже, приноситъ вредъ; надобно спрашивать опредѣлительно: „послѣ того, какъ посѣвъ хлѣба оконченъ, въ продолженіе пяти часовъ шелъ сильный дождь,—полезенъ ли былъ онъ для хлѣба?“—только тутъ отвѣтъ ясенъ и имѣетъ смыслъ: „этотъ дождь былъ очень полезенъ“.—„Но въ то же лѣто, когда настала пора уборки хлѣба, цѣлую недѣлю шелъ

Тутъ очень много справедливаго. Діалектическій методъ въ самомъ дѣлѣ совершенно непримиримъ съ „общими отвлеченными изреченіями“, опираясь на которыя люди судили,—да къ сожалѣнію до сихъ поръ слишкомъ часто судятъ,—объ явленіяхъ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ они возникаютъ. И Чернышевскій, разумѣется, совершенно правъ, видя въ этомъ огромное преимущество діалектическаго метода. Но именно потому, что онъ правъ въ этомъ случаѣ, надо признать, что онъ былъ неправъ, видя главную отличительную черту діалектическаго метода во внимательномъ отношеніи къ дѣйствительности, принуждающемъ мыслителя обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ. Внимательное отношеніе къ дѣйствительности составляетъ, конечно, необходимое условіе правильнаго мышленія. Но діалектическій методъ характеризуется прежде всего и главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ въ самомъ явленіи, а не въ тѣхъ или другихъ симпатіяхъ или антипатіяхъ изслѣдователя ищетъ силъ, обусловливающихъ собой развитіе этого явленія. Къ этому сводятся всѣ главныя преимущества діалектическаго метода, а между ними и то, что онъ не оставляетъ мѣста „для общихъ, отвлеченныхъ изреченій, опирающихся на субъективное пристрастіе изслѣдователя“. Діалектическій методъ матеріалистиченъ по своей природѣ, и подъ его вліяніемъ даже изслѣдователи, стоящіе на идеалистической точкѣ зрѣнія, въ своихъ разсужденіяхъ являются подчасъ несомнѣнными матеріалистами. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить самъ Гегель, который, въ своей философіи исторіи,

---

проливной дождь,- хорошо ли было это для хлѣба?“ Отвѣтъ также ясенъ и также справедливъ: „нѣтъ, этотъ дождь былъ вреденъ“. Точно также рѣшаются въ гегелевой философіи всѣ вопросы. „Пагубна или благотворна война?“ „Вообще, нельзя отвѣчать на это рѣшительнымъ образомъ; надобно знать, о какой войнѣ идетъ дѣло, все зависитъ отъ обстоятельствъ, времени и мѣста. Для дикихъ народовъ вредъ войны менѣе чувствителенъ, польза ощутительнѣе; для образованныхъ народовъ война приноситъ обыкновенно менѣе пользы и болѣе вреда. Но, напримѣръ, война 1812 года была спасительна для русскаго народа; маравонская битва была благодѣтельнѣйшимъ событіемъ въ исторіи человѣчества. Таковъ смыслъ аксіомы: „отвлеченной истины нѣтъ; истина конкретна“— конкретно понятіе о предметѣ тогда, когда онъ представляется со всѣми качествами и особенностями и въ той обстановкѣ, среди которой существуетъ, а не въ отвлеченіи отъ этой обстановки и живыхъ своихъ особенностей (какъ представляетъ его отвлеченное мышленіе, сужденія котораго поэтому не имѣютъ смысла для дѣйствительной жизни)“.

нерѣдко покидаетъ почву идеализма и становится, какъ выразились бы теперь люди, злоупотребляющіе терминологіей Маркса, экономическимъ матеріалистомъ *). Но для того, чтобы понять во всей ея полнотѣ матеріалистическую природу діалектическаго метода, нужно выяснить себѣ, что его сила заключается въ сознаніи того, что ходъ идей опредѣляется ходомъ вещей и что поэтому субъективная логика мыслителя должна слѣдовать за объективной логикой изслѣдуемаго явленія. Бѣлинскій чувствовалъ это, когда писалъ свою статью о Бородинской годовщинѣ и когда,—не умѣя „развить идею отрицанія", т.-е. не умѣя найти для этой идеи теоретическое оправданіе въ объективномъ ходѣ общественнаго развитія,—рѣзко осудилъ оторванныя отъ дѣйствительности субъективныя стремленія. Но именно потому, что Бѣлинскій не сумѣлъ „развить идею отрицанія", онъ самъ въ своей критикѣ общественныхъ отношеній руководствовался больше своими субъективными,—разумѣется, вполнѣ законными и достойными всякаго уваженія, но все-таки лишь субъективными,—пристрастіями. При этомъ у него не могла не исчезать изъ виду указанная нами главная особенность діалектическаго метода: сознаніе зависимости хода идей отъ хода вещей. Исчезала она изъ виду,—и, какъ мы пояснимъ ниже, по той же причинѣ,—и у Чернышевскаго, который въ своей характеристикѣ этого метода сводитъ его къ канону,—какъ выразился бы Кантъ,—заставляющему мыслителя обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ. Но сознаніе необходимости обозрѣвать предметъ со всѣхъ сторонъ еще далеко не равносильно сознанію того, что ходъ такого обозрѣнія долженъ всецѣло опредѣляться логикой развитія самого предмета. А тотъ изслѣдователь, который не вполнѣ созналъ эту вторую истину, легко можетъ остаться идеалистомъ даже при самомъ внимательномъ отношеніи къ предмету и при всестороннемъ его изученіи. И мы увидимъ ниже, что Чернышевскій, бывшій въ философіи рѣшительнымъ матеріалистомъ, оставался идеалистомъ въ своихъ историческихъ и общественныхъ взглядахъ. Въ философіи главное его вниманіе привлекъ къ себѣ вопросъ объ отношеніи субъекта къ объекту. И этотъ вопросъ онъ рѣшилъ въ матеріалистическомъ смыслѣ. Но его сравнительно мало интересовалъ вопросъ о томъ методѣ, котораго долженъ держаться изслѣдователь, про-

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей статьѣ, посвященной философіи исторіи Гегеля и напечатанной въ книгѣ „Критика нашихъ критиковъ".

никшійся матеріалистическимъ взглядомъ на отношеніе субъекта къ объекту. Поэтому онъ, сознавая важное значеніе діалектическаго метода, все-таки далекъ былъ отъ пониманія его главнаго преимущества и потому не сумѣлъ подвергнуть его той переработкѣ, какую онъ получилъ у Маркса и Энгельса. Чернышевскій былъ матеріалистомъ; но въ его философскихъ взглядахъ замѣчается лишь зародышъ,—правда, вполнѣ жизнеспособный зародышъ,—матеріалистической діалектики. Это не удивитъ насъ, если мы припомнимъ, что такимъ же недостаткомъ страдало и міросозерцаніе его учителя Фейербаха. Только Марксу и Энгельсу, тоже прошедшимъ въ свое время школу Фейербаха, удалось устранить этотъ недостатокъ и сдѣлать новѣйшій матеріализмъ ученіемъ діалектическимъ по преимуществу.

Но скажемъ еще разъ: въ философскихъ взглядахъ Чернышевскаго уже есть жизнеспособный зародышъ матеріалистической діалектики. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ, слѣдующія краснорѣчивыя строки въ статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“: „Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія,—кто понялъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію,—о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab' mein' Sach'—auf Nichts gestellt
Und mir gehört die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ“ *).

Въ своей статьѣ о „Піитикѣ“ Аристотеля Чернышевскій, отдавъ полную справедливость проницательности и многосторонности Аристотелева ума, дѣлаетъ слѣдующую знаменательную оговорку: „но, при всей своей геніальности, часто онъ впадаетъ въ мелочность отъ всегдашняго своего стремленія найти глубокое философское объясненіе не только главнымъ явленіямъ, но и всѣмъ ихъ подробностямъ. Это стремленіе, выразившееся въ

*) Сочиненія, IV, стр. 332—333.

аксіомѣ одного новѣйшаго философа, соперника Аристотелева: „все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно“, часто заставляло обоихъ мыслителей придавать важное значеніе мелочнымъ фактамъ только потому, что эти факты хорошо подходили подъ ихъ систему“ *). Новѣйшій философъ, Аристотелевъ соперникъ, есть не кто иной, какъ Гегель. Выходитъ, стало быть, что знаменитое положеніе Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго и о дѣйствительности всего разумнаго представлялось Чернышевскому результатомъ „мелочности“ великаго германскаго мыслителя, заставлявшей его искать глубокаго объясненія даже для незначительныхъ частностей. Это лучше всего показываетъ, что Чернышевскій былъ дальше отъ пониманія Гегеля, нежели Бѣлинскій, инстинктомъ почуявшій въ Гегелевомъ ученіи о разумности всего дѣйствительнаго единственно возможную основу общественной науки.

Въ статьѣ „Критика философскихъ предубѣжденій“ Чернышевскій выступаетъ блестящимъ діалектикомъ. Но и здѣсь его діалектика не вполнѣ матеріалистична. И только потому, что она не была вполнѣ матеріалистична; только потому, что Чернышевскій считаетъ здѣсь возможнымъ разсматривать вопросъ объ общинномъ землевладѣніи съ точки зрѣнія какого-то развитія вообще, независимаго отъ условій времени и мѣста, его блестящая статья была понята читателями, какъ защита русскаго общиннаго землевладѣнія, на которое нашъ авторъ въ то время (конецъ 1858-го года), повидимому, ужъ совершенно махнулъ рукой. Но объ этомъ ниже.

Глава шестая.

Теорія познанія.

Мы сказали, что различные практическіе вопросы отвлекали Чернышевскаго отъ занятій философіей. Попавши въ ссылку, онъ уже не имѣлъ возможности посвящать свое время такъ называемымъ вопросамъ дня. Тутъ онъ, какъ видно, отдался теоріи, насколько можно было отдаться ей при неизбѣжныхъ въ его положеніи препятствіяхъ, и поскольку его силъ не привлекала къ себѣ беллетристика. Очерки, приложенные имъ ко многимъ

*) Сочиненія, I, 38.

томамъ переведенной имъ „Всеобщей исторіи“ Вебера, показываютъ, что онъ много занимался въ Сибири исторіей и такъ называемымъ доисторическимъ бытомъ человѣчества. Но у насъ есть прямыя указанія также на то, что онъ не переставалъ заниматься философіей и слѣдить за распространеніемъ философскихъ взглядовъ въ средѣ современныхъ ученыхъ. Такими указаніями являются: во-первыхъ, статья „Характеръ человѣческаго знанія“, напечатанная въ 1885-омъ году въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ №№ 63, 64, а во-вторыхъ, уже знакомое намъ предисловіе къ предполагавшемуся, но несостоявшемуся третьему изданію „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“.

Первую изъ названныхъ статей Чернышевскій начинаетъ приведеніемъ къ абсурду того „критическаго“ взгляда, согласно которому мы знаемъ только наши представленія о предметахъ, а не самые предметы, вслѣдствіе чего намъ остается неизвѣстнымъ, сходны ли съ этими предметами наши представленія о нихъ. Онъ доказываетъ, что этотъ взглядъ долженъ вести къ отрицанію реальности человѣческаго организма. Мы имѣемъ извѣстное представленіе о рукѣ; поэтому надо думать, что существуетъ нѣчто, возбуждающее въ насъ это представленіе. Но сходно ли это неизвѣстное нѣчто съ нашими представленіями о немъ? Достовѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможенъ. Можетъ быть сходно, а можетъ быть нѣтъ. Если сходно, то нѣчто, представляющееся намъ въ видѣ руки, есть дѣйствительно рука, и въ такомъ случаѣ мы въ самомъ дѣлѣ имѣемъ руки. Если же не сходно, то, собственно, рукъ у насъ не существуетъ: „вмѣсто рукъ у насъ есть какія-то группы чего-то, какія-то, не похожія на руки, группы чего-то невѣдомаго намъ, но рукъ у насъ нѣтъ; и достовѣрно объ этихъ группахъ чего-то лишь то, что ихъ двѣ. То, что ихъ двѣ, достовѣрно потому, что для каждаго изъ двухъ нашихъ представленій, каждое изъ которыхъ—особое представленіе объ особой рукѣ, должно быть особое основаніе: слѣдовательно, существованіе двухъ группъ чего-то не подлежитъ сомнѣнію.—Итакъ, есть у насъ руки, или нѣтъ,—вопросъ неразрѣшимый; мы знаемъ только, что если у насъ есть руки, то у насъ, дѣйствительно, двѣ руки, а если у насъ нѣтъ рукъ, то число группъ чего-то, существующихъ у насъ вмѣсто рукъ, тоже не какое-нибудь иное число, а число два“.

Чернышевскій называетъ иллюзіонизмомъ ту теорію познанія, которая въ логическомъ развитіи должна привести къ отрицанію

реальности человѣческаго организма. Онъ называетъ ее новой формой средневѣковой схоластики и утверждаетъ, что она разсказываетъ ту же самую фантастическую сказку, какую разсказывала нѣкогда схоластика. Съ логической стороны происхожденіе этой теоріи объясняется у него—совершенно въ духѣ Фейербаха,—тѣмъ, что вмѣсто человѣка, т. е. матеріальнаго организма, берется отвлеченное существо, „Я", о которомъ намъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что оно имѣетъ представленіе, составляющее содержаніе нашего мышленія. А если мы знаемъ объ этомъ отвлеченномъ существѣ только то, что оно имѣетъ представленія, то ясно, что намъ вовсе неизвѣстно, имѣетъ ли оно реальный организмъ со свойственной ему реальною жизнью. Но защитники этой теоріи познанія не рѣшаются категорически сказать: мы не имѣемъ организма. Поэтому они ограничиваются двусмысленнымъ опредѣленіемъ, въ которомъ черезъ схоластическій туманъ проглядываетъ лишь логическая возможность усомниться въ существованіи человѣческаго организма. И этимъ характеризуется вся эта теорія познанія. Вся она сводится къ уловкамъ схоластической силлогистики, къ софизмамъ, къ обозначенію однимъ и тѣмъ же терминомъ разныхъ понятій. Въ краткомъ изложеніи Чернышевскаго ученіе иллюзіонизма пріобрѣтаетъ такой видъ:

„Анализируя наши представленія о предметахъ, кажущихся намъ существующими внѣ нашей мысли, мы открываемъ, что въ составѣ каждаго изъ этихъ представленій находятся представленія о пространствѣ, о времени, о матеріи. Анализируя представленіе о пространствѣ, мы находимъ, что понятіе о пространствѣ противорѣчитъ самому себѣ. То же самое показываетъ намъ анализъ представленій о времени и о матеріи: каждое изъ нихъ противорѣчитъ самому себѣ. Ничего противорѣчащаго самому себѣ не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ. Потому не можетъ существовать ничего подобнаго нашимъ представленіямъ о внѣшнихъ предметахъ. То, что представляется намъ, какъ внѣшній міръ,—галлюцинація нашей мысли, ничего подобнаго этому призраку не существуетъ внѣ нашей мысли и не можетъ существовать. Намъ кажется, что мы имѣемъ организмъ—мы ошибаемся, какъ теперь видимъ. Наше представленіе о существованіи нашего организма галлюцинація, ничего подобнаго которой нѣтъ на самомъ дѣлѣ и не можетъ быть".

Но если это такъ, если эта теорія познанія есть просто нелѣпая сказка о несообразной съ дѣйствительностью умственной

жизни небывалаго существа, то естественно возникаетъ вопросъ: почему же многіе естествоиспытатели склоняются въ настоящее время именно къ этой теоріи? Это объясняется вліяніемъ на нихъ ученыхъ, занимающихся спеціально философіей. „Масса образованныхъ людей, — говоритъ Чернышевскій,—вообще расположена считать наиболѣе соотвѣтствующими научной истинѣ тѣ рѣшенія вопросовъ, какія приняты за истинныя большинствомъ спеціалистовъ по наукѣ, въ составъ которой входитъ изслѣдованіе этихъ вопросовъ. И натуралистамъ, какъ всѣмъ другимъ образованнымъ людямъ, мудрено не поддаваться вліянію господствующихъ между спеціалистами по философіи философскихъ системъ".

Большинство спеціалистовъ по философіи держится иллюзіонизма. Чернышевскій не хочетъ винить ихъ за это. Характеръ философіи, господствующей въ каждое данное время, опредѣляется общимъ характеромъ умственной и нравственной жизни передовыхъ націй. Другими словами: спеціалисты по философіи въ свою очередь испытываютъ на себѣ вліяніе окружающей ихъ общественной среды. Тутъ позволительно спросить себя, почему же умственная жизнь передовыхъ націй складывается въ настоящее время такъ, что въ нихъ подъ видомъ философіи все болѣе и болѣе распространяется нелѣпая сказка иллюзіонизма? На этотъ вопросъ Чернышевскій не даетъ въ своей статьѣ отвѣта. А такъ какъ онъ чрезвычайно интересенъ, и такъ какъ найти хотя бы только возможный отвѣтъ на него нашего автора значитъ содѣйствовать опредѣленію міросозерцанія этого послѣдняго, то мы вернемся къ статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи".

Въ началѣ этой статьи Чернышевскій, разбирая ту мысль Жюля Симона, что политическія теоріи создаются теперь подъ вліяніемъ общественной борьбы, говоритъ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ не только политическія теоріи, но даже философскія системы всегда создавались подъ преобладающимъ вліяніемъ общественныхъ отношеній, и что каждый философъ былъ представителемъ какой-нибудь изъ политическихъ партій, боровшихся между собою за преобладаніе надъ современнымъ ему обществомъ. Нашъ авторъ не считаетъ нужнымъ указывать на мыслителей, занимавшихся преимущественно философіей политики, такъ какъ ихъ принадлежность къ политическимъ партіямъ очевидна и безъ указанія. Гоббсъ былъ абсолютистъ; Локкъ—вигъ; Мильтонъ—республиканецъ; Монтескьё—либералъ въ англійскомъ

вкусѣ и т. д. Онъ обращается къ философамъ, собственно такъ-называемымъ, и утверждаетъ, что они подчинялись тѣмъ же вліяніямъ: „Кантъ,—говоритъ онъ,—принадлежалъ къ той партіи, которая хотѣла водворить въ Германіи свободу революціоннымъ путемъ, но гнушалась террористическими средствами. Фихте пошелъ нѣсколькими шагами дальше: онъ не боится и террористическихъ средствъ. Шеллингъ—представитель партіи, запуганной революціею, искавшей спокойствія въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, желавшей возстановить феодальное государство, разрушенное въ Германіи Наполеономъ I и прусскими патріотами, ораторомъ которыхъ былъ Фихте. Гегель умѣренный либералъ, чрезвычайно консервативный въ своихъ выводахъ, но принимающій для борьбы противъ крайней реакціи революціонные принципы, въ надеждѣ не допустить до развитія революціонный духъ, служащій ему орудіемъ къ ниспроверженію слишкомъ ветхой старины. Мы говоримъ не то одно, чтобы эти люди держались такихъ убѣжденій, какъ частные люди,—это было бы еще не очень важно, но ихъ философскія системы насквозь проникнуты духомъ тѣхъ политическихъ партій, къ которымъ принадлежали авторы системъ. Говорить, будто бы не было и прежде всего того же, что теперь, говорить, будто бы только теперь философы стали писать свои системы подъ вліяніемъ политическихъ убѣжденій—это чрезвычайная наивность“... *).

Оставляя въ сторонѣ содержащіяся здѣсь характеристики отдѣльныхъ философовъ, къ тому, что сказалъ здѣсь Чернышевскій, можно сдѣлать только одно добавленіе: сама политическая борьба, опредѣлявшая собой направленіе философской мысли, велась не въ силу какихъ-нибудь отвлеченныхъ принциповъ, а подъ непосредственнымъ вліяніемъ нуждъ и стремленій тѣхъ слоевъ обще-

*) Сочиненія, т. VI, стр. 180. Въ статьѣ „Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь“, о которой у насъ рѣчь будетъ ниже, Чернышевскій даже развитіе естественно-научныхъ теорій ставитъ въ связь съ развитіемъ общественныхъ отношеній и стремленій. Въ послѣдніе годы 18-го и въ первые десятилѣтія 19-го вѣка большинство естествоиспытателей отворачивалось отъ ученія объ измѣняемости видовъ, „подчиняясь духу времени, стремившемуся возстановить преданія. Главный тогдашній противникъ теоріи трансформизма, Кювье, былъ въ естествознаніи представителемъ того направленія мыслей, которому желалъ дать господство въ умственной жизни Наполеонъ и которое получило владычество надъ нею при Реставраціи“. (Сочиненія, т. X, ч. 2-ая, стр. 23 и 21).

ства, къ которымъ принадлежали боровшіяся между собой политическія партіи. Но этого не сталъ бы оспаривать и Чернышевскій. Ниже, излагая его историческіе взгляды, мы убѣдимся, что онъ умѣлъ,—по крайней мѣрѣ, временами,—давать себѣ очень ясный отчетъ о вліяніи классоваго положенія мыслителей на ходъ ихъ мыслей. А въ виду этого мы имѣемъ право предположить, что и нынѣшнее состояніе философіи приводилось имъ въ связь съ классовымъ положеніемъ людей, спеціально ею занимающихся. Иначе сказать, очень вѣроятно, что Чернышевскій ставилъ широкое теперь распространеніе философскаго „иллюзіонизма“ въ причинную связь съ упадкомъ того общественнаго класса, идеологами котораго служатъ, въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ, философы нашего времени. А если это такъ, то выходитъ, что нашъ авторъ несравненно лучше понималъ зависимость философской мысли отъ общественной жизни, нежели тѣ наши нынѣшніе „критики Маркса“, которые не могутъ сообразить, что идеологія пролетаріата никакъ не можетъ сростись въ одно органическое цѣлое съ философскими доктринами, заимствуемыми изъ идеологіи падающей буржуазіи. То правда, что эти „критики“ сами принадлежатъ къ числу „иллюзіонистовъ“.

Какъ хорошо понималъ Чернышевскій нынѣшнее печальное положеніе философской мысли, видно изъ его предисловія къ 3-му изданію „Эстетическихъ отношеній“. Тамъ онъ, высказавъ сожалѣніе о томъ, что большинство нынѣшнихъ натуралистовъ повторяетъ „метафизическую теорію Канта о субъективности нашего знанія“, прибавляетъ:

„Когда натуралисты перестанутъ говорить этотъ и тому подобный метафизическій вздоръ, они сдѣлаются способны вырабатывать и, вѣроятно, выработаютъ, на основаніи естествознанія, систему понятій болѣе точныхъ и полныхъ, чѣмъ тѣ, которыя изложены Фейербахомъ. А пока лучшимъ изложеніемъ научныхъ понятій о такъ называемыхъ основныхъ вопросахъ человѣческой любознательности остается то, которое сдѣлано Фейербахомъ“ *).

Но когда же натуралисты перестанутъ говорить метафизическій вздоръ? Очевидно, только тогда, когда измѣнятся тѣ общественныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ „образованные классы“ боятся матеріализма, какъ философской истины, совершенно несовмѣстимой съ ихъ общественными интересами. Черны-

*) Сочиненія, т. X, ч. 2-я, 1-й отд., стр. 196

шевскій и самъ сознавалъ, что это будетъ еще не такъ скоро. Вотъ почему предпочиталъ онъ „пока“ оставаться на точкѣ зрѣнія Фейербаха. И по своему онъ былъ совершенно правъ: по сравненію съ разными Махами, Авенаріусами, Клиффордами и Бергсонами, Фейербахъ до сихъ поръ остается представителемъ самой глубокой и наиболѣе современной,—т.-е. наиболѣе соотвѣтствующей нынѣшнему состоянію естествознанія, — философской теоріей. Правда, философія Фейербаха была подвергнута дальнѣйшей и въ высшей степени плодотворной переработкѣ Марксомъ и Энгельсомъ. Съ этой стороны, она въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ является уже „превзойденною ступенью“ философскаго развитія. Но эта сторона дѣла осталась, какъ это по всему видно, неизвѣстной нашему автору. Винить за это нужно, разумѣется, не его, а тѣ условія, въ которыхъ онъ прожилъ вторую половину своей жизни.

Однако, вернемся къ статьѣ „О характерѣ человѣческаго знанія“. Чернышевскій спрашиваетъ въ ней: „но что же такое эта система превращенія нашихъ знаній о природѣ въ миражъ посредствомъ миражей схоластической силлогистики? Неужели же приверженцы иллюзіонизма считаютъ его системой серьезныхъ мыслей?“ На это онъ отвѣчаетъ, что, конечно, есть между иллюзіонистами и такіе чудаки, которые берутъ въ серьезъ свою будто бы философскую систему. Но въ большинствѣ случаевъ они и сами не придаютъ ей никакого серьезнаго значенія. Ихъ отношеніе къ своей собственной философской системѣ могло бы быть выражено приблизительно такими словами: „философская истина—истина собственно философская, а не какая-нибудь другая. Съ житейской точки зрѣнія она не истина, и съ научной точки зрѣнія тоже не истина. То-есть: имъ нравится фантазировать. Но они помнятъ, что они фантазируютъ“ *).

Это какъ нельзя болѣе мѣтко. Серьезные представители „иллюзіонизма“ въ самомъ дѣлѣ такъ относятся къ своимъ собственнымъ философскимъ воззрѣніямъ. Но „чудаковъ“, принимающихъ эти воззрѣнія въ серьезъ, существуетъ на свѣтѣ несравненно больше, нежели думалъ Чернышевскій. Кто же скажетъ, что наши Богдановы, Валентиновы, Юшкевичи, Берманы и tutti frutti не серьезно относятся къ тому, что представляется имъ самой передовой философской истиной нашихъ дней? Мы думаемъ, что они вполнѣ

*) Тамъ же, отд. 4-й, стр. 10.

искренно вѣрятъ въ то, что говорятъ. А какъ много ихъ теперь въ Россіи, да и не въ одной Россіи! Нѣтъ, чудаковъ на свѣтѣ гораздо больше, нежели думалъ даже Чернышевскій, преувеличивавшій, какъ мы знаемъ, роль расчета въ поведеніи людей.

Разставаясь съ „иллюзіонистами", Чернышевскій формулируетъ свой собственный взглядъ на характеръ человѣческаго знанія: „Наши знанія—человѣческія знанія. Познавательныя силы человѣка ограничены, какъ и всѣ его силы. Въ этомъ смыслѣ слова, характеръ нашего знанія обусловливается характеромъ нашихъ познавательныхъ силъ. Будь органы нашихъ чувствъ болѣе воспріимчивы и нашъ разумъ болѣе силенъ, мы знали бы больше, нежели знаемъ теперь, и, разумѣется, нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ нашихъ знаній видоизмѣнились бы, если бы наши знанія были обширнѣе нынѣшнихъ. Расширеніе знаній вообще сопровождается видоизмѣненіемъ нѣкотораго изъ прежняго запаса ихъ. Исторія наукъ говоритъ, что очень многія изъ прежнихъ знаній видоизмѣнились, благодаря тому, что теперь мы знаемъ больше, чѣмъ знали прежде" *).

Но хотя очень многія изъ нашихъ прежнихъ знаній видоизмѣнились, ихъ существенный характеръ остался неизмѣннымъ, поскольку они были собственно фактическими знаніями. Для примѣра Чернышевскій беретъ расширеніе знаній о водѣ.

Теперь мы знаемъ, благодаря термометру, при какой именно температурѣ вода закипаетъ, и при какой она замерзаетъ. Прежде люди не знали этого. Запасъ знаній о водѣ расширился. Но въ какомъ смыслѣ измѣнился онъ? Лишь въ томъ, что получилъ такую опредѣленность, какая прежде была ему не свойственна, такъ какъ прежде люди знали только то, что вода закипаетъ, нагрѣвшись до нѣкоторой степени, и замерзаетъ при охлажденіи. Далѣе химія открыла намъ, что вода есть соединеніе кислорода съ водородомъ, прежде это было неизвѣстно людямъ. Но вода не перестала быть водой оттого, что мы узнали ея химическій составъ. И всѣ тѣ знанія о водѣ, которыя были у людей до открытія ея химическаго состава, остались вѣрны и послѣ этого открытія. «Видоизмѣненіе ихъ ограничилось тѣмъ, что къ нимъ присоединилось опредѣленіе состава воды",—говоритъ Чернышевскій.

Мы—существа, способныя ошибаться. Поэтому каждый изъ насъ,—какъ въ житейскихъ дѣлахъ, такъ и въ наукѣ,—долженъ

*) Тамъ же, стр. 10—11.

внимательно всматриваться и вдумываться въ явленія, чтобъ не надѣлать ошибокъ. Осмотрительность необходима. Но Чернышевскій настаиваетъ на томъ, что и осмотрительности долженъ быть положенъ предѣлъ. „Разумъ подвергаетъ провѣркѣ все,—говоритъ онъ.—Но у каждаго образованнаго человѣка есть множество знаній, которыя уже провѣрены его разумомъ и оказались по провѣркѣ немогущими подлежать для него ни малѣйшему сомнѣнію, пока онъ останется человѣкомъ здраваго разсудка *).

Закончимъ изложеніе этой статьи указаніемъ на слѣдующее замѣчаніе, мимоходомъ сдѣланное въ ней нашимъ авторомъ: „схоластика, это по преимуществу—діалектика“ **). Это замѣчаніе очень характерно для мыслителя, въ философскихъ взглядахъ котораго былъ, какъ мы уже сказали, недостаточно разработанъ діалектическій элементъ. Можно подумать, что, по мнѣнію Чернышевскаго,—и вопреки тому, что говорилъ онъ о діалектическомъ методѣ въ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы“,—діалектика сводилась къ простой игрѣ логическими понятіями. Но если схоластика въ извѣстномъ смыслѣ,—т. е. въ смыслѣ анализа понятій,—и являлась діалектикой, то не нужно забывать, что эта діалектика была „служанкой теологіи“ и именно потому не могла и не хотѣла звать предъ свое судилище тѣ основныя положенія, на почвѣ которыхъ она совершала свои логическія операціи. Ея зависимое положеніе нерѣдко превращало ее въ софистику; но по своему существу,—какъ справедливо замѣтилъ еще Гегель, и какъ думалъ повидимому самъ Чернышевскій, когда писалъ свои „Очерки гоголевскаго періода“,—она не имѣетъ съ софистикой ничего общаго, такъ какъ она показываетъ недостаточность тѣхъ отвлеченныхъ разсудочныхъ опредѣленій, на неизбѣжной односторонности которыхъ опирается всякая софистика ***).

---

*) Тамъ же, стр. 15.

**) Тамъ же, стр. 9-ая.

***) Ср. Гегеля: „Die Dialektik ist nun ferner nicht mit der blossen Sophistik zu verwechseln, deren Wesen gerade darin besteht, einseitige und abstrakte Bestimmungen in ihrer Isolirung für sich geltend zu machen, je nachdem solches das jedesmalige Interesse des Individuums und seiner besondern Lage mit sich bringt... Die Dialektik ist von solchem Thun wesentlich verschieden, denn diese geht gerade darauf aus, die Dinge an und für sich zu betrachten, wobei sich sodann die Endlichkeit der einseitigen Verstandesbestimmungen ergiebt“. (G. Hegel, Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften, 1-er Theil. Berlin, 1843, S. 153).

Мы сейчасъ увидимъ, какъ невыгодно отразилось на нѣкоторыхъ сужденіяхъ самого Чернышевскаго это недостаточно вдумчивое отношеніе его къ природѣ діалектики.

Глава седьмая.

„Благотворность борьбы за жизнь".

Какъ уже сказано выше, Чернышевскій по возвращеніи своемъ изъ ссылки писалъ, между прочимъ, и по вопросу о трансформизмѣ. Его статья, подписанная: „старый трансформистъ" и озаглавленная: „Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь (Предисловіе къ нѣкоторымъ трактатамъ по ботаникѣ, зоологіи и наукамъ о человѣческой жизни)", не имѣетъ прямого отношенія къ тому, что называлось у него собственно философіей, т. е. къ „теоріи рѣшенія самыхъ общихъ вопросовъ науки обыкновенно называемыхъ метафизическими, напримѣръ, вопросовъ объ отношеніяхъ духа къ матеріи, о свободѣ человѣческой воли, о безсмертіи души и т. д." *). Авторъ посвятилъ ее критикѣ теоріи Дарвина, и мы могли бы предоставить спеціалистамъ по біологіи судить о томъ, насколько удачна эта критика. Но въ статьѣ, посвященной тому, что можно назвать философіей біологіи, не могутъ не встрѣтиться нѣкоторыя общія философскія понятія, имѣющія большой интересъ не для однихъ біологовъ. Такія понятія мы находимъ и въ названной статьѣ Чернышевскаго, а потому мы считаемъ нелишнимъ ея разсмотрѣніе въ этомъ отдѣлѣ.

Чернышевскій называетъ теорію Дарвина—теоріею благотворности борьбы за жизнь и относится къ ней съ самымъ рѣзкимъ отрицаніемъ. Это рѣзко отрицательное отношеніе сказывается уже въ самомъ началѣ статьи. Чернышевскій утверждаетъ тамъ, что названная теорія имѣетъ своимъ основаніемъ „блистательную въ логическомъ отношеніи мысль": вредное полезно. Такъ какъ мысль эта, по мнѣнію Чернышевскаго, совершенно нелѣпа, то нелѣпы и выводы, изъ нея вытекающіе. „Теорія благотворности борьбы за жизнь,—говоритъ нашъ авторъ,—противорѣчитъ всѣмъ фактамъ каждаго отдѣла науки, къ которому прилагается, и, въ частности, съ особенною рѣзкостью противорѣчитъ всѣмъ фактамъ

*) Сочиненія, VI, стр. 193, примѣчаніе.

тѣхъ отдѣловъ ботаники и зоологіи, для которыхъ была придумана и изъ которыхъ расползлась по наукамъ о человѣческой жизни.

„Она противорѣчитъ смыслу всѣхъ разумныхъ житейскихъ трудовъ человѣка и, въ частности, съ особенною рѣзкостью противорѣчитъ смыслу всѣхъ фактовъ сельскаго хозяйства, начиная съ первыхъ заботъ дикарей объ охраненіи прирученныхъ ими животныхъ отъ страданій голода и другихъ бѣдствій и съ первыхъ усилій ихъ разрыхлять заостренными палками почву для посѣва“ *).

Основываясь на нѣкоторыхъ словахъ Дарвина, Чернышевскій утверждаетъ, что теорія борьбы за жизнь заимствована была знаменитымъ англійскимъ натуралистомъ у Мальтуса, написавшаго свою пресловутую книгу „О народонаселеніи“ въ угоду высшимъ классамъ англійскаго общества. Однако, и Мальтуса плохо понялъ Дарвинъ. Мальтусъ въ своей книгѣ старался доказать, что бѣдствія людей составляютъ слѣдствіе ихъ чрезмѣрнаго размноженія. Но Мальтусу и въ голову не приходило называть происходящія отъ излишняго размноженія бѣдствія благотворными. Онъ считалъ ихъ бѣдствіями и только бѣдствіями. Дарвинъ же, примѣнивши идею Мальтуса къ біологіи, вообразилъ, что бѣдствія, причиняемыя въ средѣ живыхъ существъ ихъ взаимной борьбой за существованіе, становятся для нихъ источникомъ блага, т. е. прогресса, состоящаго въ усовершенствованіи ихъ организаціи. Дарвинъ вообще держался того образа мыслей, согласно которому бѣдствія считаются благами или, по крайней мѣрѣ, источниками благъ. „Такой способъ понимать вещи называется оптимистическимъ,—говоритъ Чернышевскій.—Держась этого образа мыслей и не предполагая возможности иного, Дарвинъ былъ убѣжденъ, что Мальтусъ думаетъ о бѣдствіяхъ подобно ему, считаетъ ихъ или благами, или источниками благъ. Тѣ бѣдствія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ,—голодъ, болѣзни и производимыя голодомъ драки изъ-за пищи, убійства, совершаемыя для утоленія голода, смерть отъ голода,—сами по себѣ, очевидно, не блага для подвергающихся имъ; а такъ какъ они, очевидно, не блага, то изъ этого, по понятіямъ Дарвина, слѣдовало, что ихъ должно считать источниками благъ. Такимъ образомъ, у него вышло, что бѣдствія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ, должны производить хорошіе

*) Сочиненія, т. X, ч. 2-ая.

результаты, а коренная причина этихъ бѣдствій, чрезмѣрность размноженія, должна считаться коренною причиною всего хорошаго въ исторіи органическихъ существъ, источникомъ совершенствованія организаціи, тою силой, которая произвела изъ одноклѣточныхъ организмовъ такія растенія, какъ роза, липа и дубъ, такихъ животныхъ, какъ ласточка, лебедь и орелъ, левъ, слонъ и горилла. На основаніи такой удачной догадки относительно смысла заимствованной у Мальтуса мысли построилась въ фантазіи Дарвина теорія благотворности борьбы за жизнь" *). Дарвинъ сдѣлалъ громадную научную ошибку, вообразивъ, что природа дѣйствуетъ подобно хозяину, который сохраняетъ животныхъ, имѣющихъ нужныя ему особенности, а уничтожаетъ особей, такими способностями не обладающихъ. На самомъ дѣлѣ, хозяинъ поступаетъ совсѣмъ не такъ, какъ поступаетъ природа: „если, напримѣръ, онъ бьетъ обухомъ по лбу тѣхъ коровъ, которыхъ убиваетъ, онъ не наноситъ такихъ же ударовъ обуха по лбу тѣмъ коровамъ, которыхъ сохраняетъ". А что мы видимъ въ природѣ? „Самая обыкновенная форма естественнаго отбора—вымираніе излишнихъ существъ отъ недостатка пищи; одни ли умирающія существа подвергаются въ этомъ случаѣ голоду? Нѣтъ, всѣ. Такъ ли поступаетъ хозяинъ со своимъ стадомъ? Улучшалось ли бы его стадо, еслибъ онъ сдерживалъ размноженіе, подвергая всѣхъ животныхъ голоду? Переживающія животныя слабѣли бы, портились бы, стадо ухудшалось бы" **).

Чернышевскій называетъ Дарвинову теорію борьбы за существованіе теоріей, достойной Торквемады, и говоритъ, что когда грубые, невѣжественные, злые мальчики мучатъ мышенка, они не думаютъ, что дѣйствуютъ на пользу мышамъ, а Дарвинъ учитъ ихъ думать это: „Изволите видѣть: мыши бѣгаютъ отъ этихъ мальчиковъ; благодаря тому, въ мышахъ развивается быстрота и ловкость движеній, развиваются мускулы, развивается энергія дыханія, совершенствуется вся организація. Да, злые мальчики, кошки, коршуны, совы—благодѣтели и благодѣтельницы мышей. Полно, такъ ли?" ***). Чернышевскій говоритъ, что это совсѣмъ не такъ: отъ чрезмѣрнаго бѣганья организмъ мышей слабѣетъ, какъ слабѣетъ онъ оттого, что мыши стараются избѣгнуть преслѣдованій

*) Тамъ же, стр. 43.
**) Тамъ же, стр. 35.
***) Тамъ же, стр. 43—44.

своихъ враговъ, прячась въ душныхъ норахъ. И такая порча организма, возрастающая изъ поколѣнія въ поколѣніе, ведетъ къ *вырожденію*. А такъ какъ вырожденіе есть несомнѣнное зло, то естественный отборъ также зло, а вовсе не благо. Насколько видоизмѣняются организмы дѣйствіемъ естественнаго отбора, настолько они вырождаются. Если бы этотъ отборъ имѣлъ преобладающее вліяніе въ исторіи органическихъ существъ, то не могло бы быть никакого повышенія организаціи, а такъ какъ это повышеніе все-таки имѣло мѣсто, то ясно, что была какая-то сила или комбинація какихъ-то силъ, противоположная дѣйствію естественнаго отбора и перевѣшивавшая его. Нѣкоторыя изъ этихъ силъ были открыты трансформистами, предшествовавшими Дарвину. Со временемъ будутъ открыты еще другія. Но каковы бы ни были сдѣланныя или предстоящія открытія на этотъ счетъ, Чернышевскій не сомнѣвается въ томъ, что силами, повышающими строеніе органическаго существа, могутъ быть только такія силы, которыя содѣйствуютъ „хорошему ходу функцій его организма и, если это существо имѣетъ способность ощущенія, возбуждаютъ въ немъ своимъ дѣйствіемъ ощущеніе физическаго и нравственнаго благосостоянія, довольства жизнью и радости“ *). Таковъ окончательный выводъ нашего автора. Дарвинъ замѣчателенъ былъ, по его мнѣнію, какъ „монографистъ“, а не какъ теоретикъ трансформизма. Изъ теоретиковъ же трансформизма Чернышевскій ставилъ на первое мѣсто, повидимому, Ламарка, сочиненіе котораго Philosophie zoologique онъ называетъ геніальнымъ трудомъ **). Въ числѣ упрековъ, выдвигаемыхъ Чернышевскимъ противъ Дарвина, не малую роль играетъ упрекъ въ томъ, что Дарвинъ не зналъ ученій предшествовавшихъ ему трансформистовъ, т.-е. стало быть между прочимъ и того же Ламарка ***).

Тутъ мы вынуждены сдѣлать прежде всего фактическую поправку. Дарвинъ говоритъ съ большой похвалой о сочиненіяхъ Ламарка въ исторической замѣткѣ, предшествующей введенію въ его книгу о происхожденіи видовъ. Тамъ же говоритъ онъ и о другихъ своихъ предшественникахъ. Мы не имѣемъ подъ рукой перваго изданія этой книги и потому не можемъ провѣрить, была ли уже въ этомъ изданіи названная замѣтка. Очень возможно,

*) Тамъ же, стр. 46.
**) Тамъ же, стр. 22.
***) Тамъ же, стр. 41.

что ея не было, и что ея отсутствіемъ объясняется упрекъ, дѣлаемый Чернышевскимъ Дарвину за игнорированіе имъ трудовъ прежнихъ трансформистовъ. Но, по нашему мнѣнію, отсутствіе этой замѣтки въ первомъ изданіи еще не доказывало бы, что до выхода этого изданія, т. е. до ноября 1859 года, Дарвину оставались неизвѣстными труды Ламарка и хотя бы нѣкоторыхъ другихъ прежнихъ трансформистовъ. Правда, въ своей замѣткѣ Дарвинъ ссылается на „превосходную исторію Изидора Жоффруа Сэнтъ-Иларе“ (Histoire naturelle générale), датированную 1859-ымъ годомъ. Но онъ не говоритъ, что ему только изъ нея стали извѣстны идеи Ламарка: онъ говоритъ только то, что изъ нея заимствовалъ онъ свѣдѣнія о времени выхода перваго сочиненія Ламарка. Это, конечно, не одно и то же: можно хорошо знать идеи даннаго писателя, не будучи освѣдомленнымъ насчетъ того, когда именно вышло первое его сочиненіе. Но допустимъ, что, работая надъ своей книгой, Дарвинъ оставался въ полной неизвѣстности по части своихъ предшественниковъ. Хорошаго тутъ, разумѣется, не было бы ничего; но нужно быть справедливымъ: въ подобномъ грѣхѣ, къ сожалѣнію, повинны очень многіе писатели. Такъ, напримѣръ, самъ Фейербахъ, котораго такъ высоко ставилъ Чернышевскій, плохо зналъ исторію матеріализма, т. е. того самаго ученія, на почву котораго онъ перешелъ, разорвавъ съ обсолютнымъ идеализмомъ Гегеля: онъ насмѣхался надъ „трюфельнымъ паштетомъ Ламеттри“ въ томъ самомъ сочиненіи, въ которомъ его матеріалистическіе взгляды приняли видъ, наиболѣе близкій къ французскому матеріализму. А межъ тѣмъ на этомъ основаніи Чернышевскій едва ли рѣшился бы обвинить своего любимаго учителя въ легкомысліи. И онъ былъ бы правъ, потому что какъ ни достойны сожалѣнія подобные пробѣлы въ знаніяхъ людей, занимающихся широкими теоретическими вопросами, но наличность ихъ все-таки еще не исключаетъ возможности серьезнаго отношенія къ дѣлу. Такимъ отношеніемъ отличался Фейербахъ, и такое же отношеніе было въ неменьшей мѣрѣ свойственно Дарвину, къ которому такъ несправедливъ Чернышевскій.

У Чернышевскаго вопросъ о значеніи естественнаго отбора въ исторіи развитія животныхъ и растительныхъ видовъ принимаетъ такую формулировку, какой онъ вовсе не имѣлъ у Дарвина. Дарвину и въ голову не приходило спрашивать себя, долженъ или не долженъ быть признанъ „з л о м ъ“ несомнѣнный естественно-историческій фактъ борьбы за жизнь между живыми существами.

И, вѣроятно, такъ же мало спрашивалъ онъ себя, слѣдуетъ или не слѣдуетъ признавать „благомъ“ послѣдствія такой борьбы. Для него вопросъ заключался въ томъ, содѣйствуетъ или препятствуетъ естественный отборъ приспособленію животныхъ къ условіямъ ихъ существованія. А на вопросъ, формулированный такимъ образомъ, можно было дать только утвердительный отвѣтъ: да, естественный отборъ необходимо долженъ содѣйствовать указанному приспособленію. Приводимый Чернышевскимъ примѣръ съ мышенкомъ очень мало убѣдителенъ. Разумѣется, вполнѣ возможны и даже неизбѣжны такіе случаи, когда данныя естественныя условія вообще совершенно неблагопріятны для существованія даннаго вида. Тогда начинается то, что Чернышевскій назвалъ вырожденіемъ, и что, пожалуй, вѣрнѣе было бы назвать исчезновеніемъ этого вида. Дарвинъ совсѣмъ не отрицаетъ возможности и неизбѣжности такихъ случаевъ. Но когда естественныя условія недостаточно неблагопріятны, чтобы повести къ исчезновенію всего вида, но вмѣстѣ съ тѣмъ невыносимы для особей, къ нимъ менѣе приспособленныхъ, тогда выживаютъ, очевидно, только болѣе приспособленныя особи. Будетъ ли процессъ такого приспособленія процессомъ усовершенствованія даннаго вида, т. е. усложненіемъ организаціи принадлежащихъ къ нему особей? Дарвинъ не говоритъ ни „да“, ни „нѣтъ“: для него тутъ все зависитъ отъ обстоятельствъ. Процессъ приспособленія паразитовъ къ спеціальнымъ условіямъ ихъ существованія чаще всего бываетъ процессомъ „пониженія“ организаціи, т. е. ея упрощенія. До сихъ поръ условія жизни на землѣ благопріятствовали появленію видовъ, отличавшихся все болѣе и болѣе „совершенною“ организаціею. Но это безспорное обстоятельство не измѣняетъ собой существеннаго содержанія Дарвиновой теоріи. Она по существу осталась бы той же, если бы условія жизни,—скажемъ, напримѣръ, вслѣдствіе все большаго и большаго охлажденія нашей планеты,—оказались бы неблагопріятными для сложныхъ организмовъ. Тогда процессъ приспособленія къ средѣ былъ бы процессомъ упрощенія организаціи живыхъ существъ. И только. Понятіе: „организмъ, наиболѣе приспособленный къ средѣ“, вовсе не покрывается у Дарвина понятіемъ: организмъ наиболѣе сложный.

Что Дарвинъ преувеличилъ роль естественнаго отбора въ развитіи видовъ, это теперь едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Но, возражая англійскому біологу, нашъ авторъ все-таки представлялъ себѣ эту роль гораздо проще, нежели она представля-

лась самому Дарвину. Чернышевскій говоритъ, что самой обыкновенной формой естественнаго отбора является вымираніе излишнихъ существъ отъ недостатка пищи. Но Дарвинъ такъ не думалъ. Онъ говорилъ: „само собой разумѣется, что количество пищи опредѣляетъ собой крайній предѣлъ размноженія всякаго вида, но среднее число индивидуумовъ даннаго вида чаще всего опредѣляется не трудностью добыванія пищи, а легкостью, съ которой эти индивидуумы становятся добычей другихъ животныхъ“ *). Если бы Чернышевскій обратилъ вниманіе на эти слова Дарвина, то значеніе естественнаго отбора, вѣроятно, представилось бы ему въ другомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ, что между особями даннаго вида, подвергающимися постояннымъ нападеніямъ хищниковъ, стали появляться такія, которыя по своей окраскѣ менѣе замѣтны для непріятельскаго взора. У этихъ особей будетъ больше шансовъ избѣжать когтей хищниковъ. Онѣ будутъ выживать, между тѣмъ какъ особи, отличающіяся болѣе замѣтной окраской, будутъ гибнуть. Наслѣдственность передастъ благопріятный признакъ потомкамъ сохранившихся особей, и такимъ образомъ придетъ такое время, когда всѣ особи даннаго вида получатъ окраску, благопріятную для ихъ сохраненія. Этотъ случай не похожъ на приводимый Чернышевскимъ примѣръ съ мышенкомъ: тутъ отборъ не „бьетъ обухомъ по головѣ“ всѣхъ особей вида, а между тѣмъ, случаямъ, подобнымъ указанному нами, Дарвинъ отводитъ весьма широкое мѣсто въ своей теоріи. Возьмемъ другой примѣръ. Уоллэсъ говоритъ, что на островѣ Мадейрѣ многія насѣкомыя совсѣмъ или почти совсѣмъ утратили крылья, между тѣмъ какъ насѣкомыя того же вида, живущія на материкѣ Европы, до сихъ поръ обладаютъ совершенно развитыми крыльями. Уоллэсъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что Мадейра, какъ и многіе океаническіе острова умѣреннаго пояса, часто испытываетъ на себѣ дѣйствіе внезапныхъ урагановъ, вслѣдствіе которыхъ насѣкомыя, обладающія крыльями и, конечно, пользующіяся ими для летанья, подвергались опасности быть унесенными въ море. „Такимъ образомъ,—говоритъ Уоллэсъ,—изъ года въ годъ особи, обладавшія короткими крыльями или рѣже пользовавшіяся ими для летанья, оказывались сохраненными, и такимъ образомъ возникъ видъ, лишенный крыльевъ или обладающій

*) L'origine des espèces. Trad. par E. Barbier, p. 74.

лишь несовершенными крыльями" *). Тутъ естественный отборъ опять не „бьетъ обухомъ по головѣ" всѣхъ особей даннаго вида, а между тѣмъ и тутъ онъ содѣйствуетъ ихъ приспособленію къ естественнымъ условіямъ ихъ существованія. Такихъ примѣровъ можно было бы привести великое множество. И если бъ Чернышевскій внимательно отнесся къ нимъ, то онъ врядъ ли рѣшился бы отстаивать ту свою мысль, что Дарвинова теорія борьбы за жизнь „противорѣчитъ всѣмъ фактамъ тѣхъ отдѣловъ ботаники и зоологіи, для которыхъ была придумана и изъ которыхъ расползлась по наукамъ о человѣческой жизни".

Совершенно вѣрно то, что теорія борьбы за существованіе „расползлась по наукамъ о человѣческой жизни" далеко не къ пользѣ этихъ наукъ. И позволительно думать, что явное раздраженіе Чернышевскаго противъ Дарвина,—сказавшееся между прочимъ въ замѣчаніи о томъ, что Дарвиновская теорія достойна Торквемады, — объясняется больше всего вреднымъ вліяніемъ такъ называемаго дарвинизма на развитіе общественной науки. Но нельзя дѣлать Дарвина отвѣтственнымъ за промахи дарвинистовъ. Его теорія борьбы за жизнь вовсе не можетъ служить оправданіемъ той „войны всѣхъ противъ всѣхъ", которую проповѣдывали нѣкоторые дарвинисты-соціологи. Дарвинъ находилъ, что развитіе общественныхъ инстинктовъ „крайне полезно" для сохраненія вида въ его борьбѣ за существованіе. Примѣните эту его мысль къ общественнымъ отношеніямъ, и вы получите нѣчто прямо противоположное тому крайнему индивидуализму, который составляетъ неизбѣжный логическій выводъ изъ ученій соціологовъ-дарвинистовъ. Конечно, самъ Дарвинъ плохо разбирался въ общественныхъ вопросахъ. Этимъ,—какъ замѣтилъ еще Энгельсъ въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ **), объясняется тотъ фактъ, что онъ безъ всякой критики принялъ ученіе Мальтуса о народонаселеніи. Но его огромный умъ предохранялъ его отъ тѣхъ крайностей, въ которыя впадали многіе изъ его учениковъ. Правда и то, что Дарвина можно, пожалуй, принять за обыкновеннаго манчестерца, когда онъ, разсуждая о жизни человѣческихъ обществъ, говоритъ: „Для человѣка должна существовать открытая конкурренція, и законъ и обычаи не должны мѣшать наиболѣе способ-

*) Le Darwinisme, par Alfred Russel Wallace. Paris, 1891, p. 138—139.

**) Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 5-ое изданіе, стр. 60.

нымъ имѣть рѣшительный успѣхъ въ жизни и оставлять наибольшее число потомковъ" *). И по всему видно, что онъ въ самомъ дѣлѣ склонялся къ манчестерству, которое, кажется, представлялось ему самой передовой общественной теоріей. Это было заблужденіе; но это заблужденіе ничего не говоритъ противъ того метода, которымъ пользовался Дарвинъ, изучая явленія органической жизни. И напрасно стали бы ссылаться на его слова о конкурренціи сторонники соціальной войны всѣхъ противъ всѣхъ. Есть конкурренція и конкурренція. Сэнъ-семонисты тоже стояли за конкурренцію, но именно ради конкурренціи они требовали коренного преобразованія отношеній собственности.

Мы не считаемъ нужнымъ вдаваться въ дальнѣйшій разборъ взгляда Чернышевскаго на теорію Дарвина. Послѣ того, что уже сказано нами по поводу этого взгляда, намъ достаточно будетъ обратить вниманіе читателя на ироническое отношеніе Чернышевскаго къ Дарвинову оптимизму. Онъ приписываетъ Дарвину убѣжденіе въ томъ, что всякое зло непремѣнно ведетъ ко благу. Этому оптимизму онъ противупоставляетъ ту свою мысль, что вредное всегда вредно, и никогда не полезно. Мы еще встрѣтимся съ этою мыслью, разсматривая историческіе взгляды Чернышевскаго. Тогда мы дольше остановимся на ней и постараемся между прочимъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ примирима она съ тѣмъ,—какъ мы видѣли выше очень одобряемымъ Чернышевскимъ,—положеніемъ Гегеля, что отвлеченной истины нѣтъ, что истина всегда конкретна и что все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Здѣсь же мы пока скажемъ, что самъ Чернышевскій не всегда разсуждалъ по формулѣ: „вредное всегда вредно; только полезное полезно". Во второмъ снѣ Вѣры Павловны онъ заставляетъ ея мать Марью Алексѣевну говорить: „Слушай-же ты, Вѣрка, что я скажу. Ты ученая—на мои воровскія деньги учена. Ты о добромъ думаешь, а какъ бы я не злая была, такъ бы ты и не знала, что такое добромъ называется. Понимаешь?" **). Изъ этихъ словъ выходитъ, что и злое порождаетъ иногда благія послѣдствія. А вѣдь Чернышевскій въ данномъ случаѣ вполнѣ согласенъ съ Маріею Алексѣевной. Продолжая свое объясненіе съ дочерью, Марья Алексѣевна повторяетъ: „Видишь у нея (Марья Алексѣевна го-

*) Собраніе сочиненій, т. 2-ой. Пер. Сѣченова. СПБ. 1899 г., стр. 420.
**) Сочиненія, т. IX, стр. 113.

воритъ здѣсь о себѣ въ третьемъ лицѣ. Г. П.) были дурныя мысли, но изъ нихъ выходитъ польза человѣку: вѣдь тебѣ вышла польза? А у другихъ злыхъ не такъ". *) Здѣсь устами Марьи Алексѣевны опять говоритъ самъ Чернышевскій. И если то, что онъ говоритъ—справедливо,—а оно на самомъ дѣлѣ справедливо—то и здѣсь выходитъ, что злое не всегда имѣетъ злыя послѣдствія. А это противорѣчитъ тому отвлеченному положенію, во имя котораго Чернышевскій критиковалъ Дарвина. Впрочемъ, мы считаемъ нелишнимъ повторить, что у самого Дарвина вопросъ объ естественномъ отборѣ никогда не переносился на почву соображеній о злѣ и о добрѣ. И это не было, конечно, ошибкой Дарвина.

Но каковы бы ни были въ этомъ частномъ случаѣ нѣкоторые промахи Чернышевскаго, и каковы бы ни были также нѣкоторые общіе недостатки, свойственные его методу, онъ все-таки былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ мыслителей, выступавшихъ въ нашей литературѣ. Слабой стороной его философскихъ взглядовъ была та недостаточная разработанность въ нихъ діалектическаго элемента, который составлялъ также слабую сторону системы его учителя Фейербаха. Чернышевскому не пришлось ознакомиться съ философіей Маркса и Энгельса, выросшей изъ Фейербаховой философіи. А такъ какъ философія Маркса и Энгельса представляла собою несомнѣнно большой шагъ впередъ сравнительно съ системой Фейербаха, то можно сказать, что послѣднее слово философской мысли осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ нашему автору. Но въ то время оно было и на Западѣ извѣстно лишь немногимъ. А если не сравнивать взглядовъ Чернышевскаго со взглядами Маркса и Энгельса, если сопоставлять съ ними лишь взгляды, напримѣръ, П. Л. Лаврова и другихъ болѣе или менѣе прогрессивныхъ его современниковъ, то нужно будетъ признать, что онъ далеко опередилъ ихъ, и что когда онъ сошелъ со сцены, въ нашей литературѣ начался въ философскомъ,—да, къ сожалѣнію, и не только въ философскомъ,—отношеніи *періодъ упадка*. Однимъ изъ проявленій этого упадка явился впослѣдствіи пресловутый субъективизмъ Николая Михайловскаго, котораго многіе до сихъ поръ пресерьезно ставятъ на одну доску съ Чернышевскимъ. На самомъ дѣлѣ Михайловскій, особенно въ философіи, былъ настоящимъ карликомъ по сравненію съ авторомъ статьи „Антропологическій принципъ".

*) Тамъ же, стр. 114.

Чернышевскаго знаютъ у насъ, какъ публициста, отчасти какъ историка литературы,—т. е. какъ автора „Очерковъ гоголевскаго періода“ и статей о Лессингѣ,—но его совсѣмъ не знаютъ, какъ философа. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ мало писалъ о философіи, а во-вторыхъ, его манерой изложенія своихъ мыслей. Онъ писалъ такъ просто и ясно, что нѣкоторые его читатели наивно отказывались именно по этой причинѣ признать за философію то, что онъ излагалъ въ статьѣ „Антропологическій принципъ“. Это не предположеніе, а фактъ, хотя и смѣшной фактъ. такіе читатели были въ то время. И вотъ доказательство. Когда появился въ 4-ой книжкѣ „Современника“ за 1861 годъ разборъ философіи Лаврова, сдѣланный Антоновичемъ, „Отечественныя Записки“ пренебрежительно замѣтили: „никакого умственнаго напряженія не надо, чтобы понять все, что говоритъ г. Антоновичъ. Ясность этой статьи, поразила всѣхъ“. Цитируя этотъ отзывъ полемизировавшаго съ нимъ журнала, Чернышевскій со своей стороны писалъ: „Вы наслушались, что философія—предметъ головоломный. Вы пробовали читать философскія статьи, въ родѣ произведеній г. Лаврова, и ровно ничего не понимали. А г. Лавровъ былъ по вашему мнѣнію хорошій философъ. Вотъ и состроился у васъ въ умѣ силлогизмъ такого рода: „философіи я не понимаю; слѣдовательно то, что я могу понимать—не философія“ *). Въ силу этого же силлогизма не считались философскими даже тѣ страницы Чернышевскаго, которыя имѣли самое прямое отношеніе къ философіи: страницы эти отличались слишкомъ яснымъ изложеніемъ. Нечего и прибавлять, что и до сихъ поръ не перевелись у насъ „проницательные читатели“, судящіе о философскихъ статьяхъ на основаніи указаннаго Чернышевскимъ силлогизма. Это приводитъ намъ на память анекдотъ о человѣкѣ, который страдалъ зубною болью, и у котораго столичный врачъ легко и скоро вырвалъ больной зубъ.—Сколько съ меня слѣдуетъ? спросилъ паціентъ. Рубль, отвѣчалъ зубной врачъ.—„Какъ рубль! возопилъ больной. Меня нашъ уѣздный дантистъ цѣлый часъ таскалъ по кабинету за больной зубъ, да и то взялъ только четвертакъ, а вы моментально вырвали, да просите рубль!“ Чернышевскій напрасно убѣждалъ наивныхъ читателей: „о какомъ бы предметѣ ни заговорилъ человѣкъ, образъ мыслей котораго туманенъ (здѣсь имѣется въ виду Лавровъ. Г. П.), рѣчь его будетъ

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 266—267.

туманная, головоломная. А сама по себѣ, философія быть можетъ и не-Богъ-знаетъ какая непонятная наука“ *). Наивные читатели этому не вѣрили и до сихъ поръ не вѣрятъ. И до сихъ поръ, если вы спросите средняго русскаго „интеллигента“, были ли философами Лавровъ и Владиміръ Соловьевъ, вы тотчасъ услышите: конечно, были. А если вы скажете такому „интеллигенту“, что Чернышевскій тоже былъ философъ и притомъ гораздо болѣе глубокій, нежели Лавровъ и Соловьевъ, то вы приведете его въ немалое изумленіе. Философія Чернышевскаго была недостаточно туманна...

*) Тамъ же, стр. 267.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Историческіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая.

Историческая наука и естествознаніе.

При разсмотрѣніи историческихъ взглядовъ Чернышевскаго полезно будетъ прежде всего выяснить себѣ, какъ представлялось ему состояніе современной ему исторической науки. Хорошее понятіе объ этомъ даетъ слѣдующій отрывокъ изъ его статьи о Грановскомъ:

„Чѣмъ ближе вникаемъ мы въ труды, совершенные понынѣ для исторіи, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что нынѣ мы имѣемъ только идею о томъ, чѣмъ должна быть эта наука, но едва еще видимъ первые односторонніе опыты осуществить эту идею. Не будемъ разсматривать причинъ, по которымъ практика такъ отстала въ этомъ случаѣ отъ теоріи: это завлекло-бы насъ слишкомъ далеко; скажемъ только, что, съ одной стороны, затрудненіемъ служатъ скудость и необработанность матеріаловъ для исторіи тѣхъ элементовъ жизни, которые до сихъ поръ упускались изъ виду. Съ другой стороны, едва-ли не важнѣйшимъ еще препятствіемъ надо считать узкость и отвлеченность обыкновеннаго взгляда на человѣческую жизнь. Антропологія только еще начинаетъ утверждать свое господство надъ отвлеченною моралью и одностороннею психологіею“ *).

---

*) Сочиненія, т. II, стр. 410.

Замѣтьте, что Чернышевскій и здѣсь стремится стать на точку зрѣнія „антропологіи“. Мы уже знаемъ, что провозгласившая „антропологическій“ принципъ философія Фейербаха-Чернышевскаго видѣла въ человѣкѣ то же самое, что видятъ въ немъ естественныя науки. Чернышевскій хочетъ, чтобъ исторія, въ свою очередь, взглянула на человѣка съ точки зрѣнія естествознанія. „При той чрезвычайной важности, какую играетъ въ жизни и должна пріобрѣсть въ исторіи натуральная сторона человѣческаго быта,—говоритъ онъ,—понятно что вліяніе естественныхъ наукъ на исторію должно со временемъ сдѣлаться неизмѣримо сильнымъ. Въ настоящее время еще очень немногіе историки предчувствуютъ это. Грановскій принадлежитъ къ числу ихъ“. Для поясненія своего взгляда на методъ изслѣдованія историческихъ явленій, Чернышевскій указываетъ на Гизо, который стоитъ, по его словамъ, выше другихъ историковъ нашего времени. Чтенія Гизо объ исторіи цивилизаціи страдали тѣмъ недостаткомъ, что предметомъ ихъ, кромѣ политической исторіи, являлась только умственная жизнь народа, да и то не во всей своей полнотѣ. О матеріальной же сторонѣ жизни программа этихъ чтеній совсѣмъ даже не упоминаетъ. Гизо хочетъ излагать исторію внутренней жизни человѣка и его отношеній къ другимъ людямъ. Онъ забываетъ объ отношеніи человѣка къ природѣ. „А между тѣмъ,—говоритъ Чернышевскій,—въ природѣ источники человѣческой жизни, и вся жизнь кореннымъ образомъ опредѣляется отношеніями къ природѣ“ *).

Тутъ Чернышевскій, какъ будто, неправъ въ своемъ отзывѣ о Гизо. Указанныя имъ чтенія Гизо по исторіи цивилизаціи въ самомъ дѣлѣ слишкомъ мало обращаютъ вниманія на матеріальную сторону жизни народовъ; но если бы Чернышевскій обратился къ другимъ сочиненіямъ того-же историка, напримѣръ, хотя бы къ его „Essais sur l'histoire de France“, то онъ увидѣлъ бы, что Гизо совсѣмъ не пренебрегалъ матеріальной стороной жизни народовъ, а напротивъ приписывалъ ей преобладающее вліяніе. Гизо говорилъ: „чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные слои, существующіе въ обществѣ, и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные слои, надо знать при-

*) Тамъ же, примѣчаніе.

роду поземельныхъ отношеній“ *). Изучать природу поземельныхъ отношеній не значитъ игнорировать матеріальную сторону общественной жизни. Но тутъ необходимо сдѣлать терминологическую оговорку.

У Чернышевскаго выраженіе „матеріальная сторона жизни“ употреблено здѣсь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляемъ его мы, говоря объ историческихъ взглядахъ Гизо. Существующій въ данной странѣ аграрный строй характеризуетъ собою не отношеніе людей къ природѣ, а ихъ собственныя взаимныя отношенія въ обществѣ. Между тѣмъ, Чернышевскій подъ матеріальной стороной жизни понимаетъ тѣ отношенія, которыя существуютъ между человѣкомъ и природой. Это очень большая и чрезвычайно существенная разница. Но мы сейчасъ увидимъ, что относящіяся къ этому предмету дальнѣйшія разсужденія нашего автора почти совсѣмъ сглаживаютъ эту разницу.

Почему Чернышевскій приписываетъ такую большую важность вопросу объ отношеніи между человѣкомъ и природой? Онъ поясняетъ это длинной цитатой изъ рѣчи Грановскаго „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“, произнесенной въ торжественномъ собраніи московскаго университета 12 января 1852 года. Такъ какъ эта цитата весьма важна для характеристики интересующаго насъ здѣсь взгляда Чернышевскаго, то мы со своей стороны воспроизведемъ по крайней мѣрѣ одну ея часть.

Грановскій говорилъ: „Географическіе обзоры, о которыхъ мы упомянули, рѣдко соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполнѣ удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное, какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распредѣленіе произведеній природы на

*) Essais, 2-e édition, Paris, 1860, p. p. 75—76. Объ этомъ см. подробнѣе во 2-ой главѣ моей книги „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.

поверхности земного шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ. Одно растеніе условливаетъ иногда цѣлый бытъ народа. Исторія Ирландіи была бы, безспорно, иная, если бы картофель не составлялъ главнаго пропитанія для ея жителей. То же можно сказать о нѣкоторыхъ животныхъ для другихъ странъ" *).

Далѣе у Грановскаго идетъ очень важная ссылка на статью академика Бера о вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества. Самое заглавіе этой статьи показываетъ, что Беръ хотѣлъ разсматривать связь между человѣкомъ и природой преимущественно со стороны вліянія естественныхъ условій на общественныя отношенія. Совершенно то же вліяніе имѣетъ въ виду самъ Грановскій, указывая, что вся исторія нѣкоторыхъ странъ зависитъ отъ ихъ флоры или фауны. Правда, онъ говоритъ еще о нѣкоторыхъ таинственныхъ нитяхъ, „привязывающихъ народъ къ землѣ" и даже опредѣляющихъ собою его нравственныя склонности.

Тутъ можно подумать, что Грановскій признаетъ непосредственное вліяніе природы на взаимныя отношенія людей въ обществѣ. И это тѣмъ болѣе, что на одной изъ предыдущихъ страницъ онъ не отказывается признать, какъ выводъ естествознанія, „историческое безсиліе цѣлыхъ породъ, не призванныхъ къ благороднѣйшимъ формамъ гражданской жизни". **) Но Чернышевскій, впослѣдствіи бывшій, какъ мы увидимъ ниже, самымъ рѣшительнымъ противникомъ теоріи расъ, врядъ ли и въ то время, когда писалъ свою статью о Грановскомъ,—т. е. въ 1856-омъ году,—хотя бы отчасти склонялся къ этой теоріи***). Всего вѣрнѣе, что рѣчь Грановскаго понравилась ему совсѣмъ не своей готовностью признать историческое безсиліе нѣкоторыхъ человѣческихъ породъ, а своимъ настойчивымъ указаніемъ на зависимость общественныхъ отношеній народовъ отъ естественныхъ условій ихъ существованія. А если это такъ, то мысль Чернышевскаго о вліяніи

---

*) Это мѣсто находится на 34-ой стр. I-го тома сочиненій Грановскаго изд. 1866-го года.

**) Тамъ-же, стр. 33.

***) Еще за годъ до того,—въ библіографической замѣткѣ объ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній" Н. Калачева,—онъ указывалъ на фальшивость „всевозможныхъ тевтономаній, галломаній, англоманій, чехоманій, булгароманій" (Сочин. I, 428). Отсюда, какъ говорится, рукой подать до отрицательнаго отношенія вообще ко всей теоріи расъ.

природы на человѣка совершенно сближается съ нашимъ взглядомъ на тотъ же предметъ: естественныя условія вліяютъ на людей, опредѣляя собою ихъ взаимныя отношенія въ обществѣ. Этотъ взглядъ былъ прекрасно формулированъ Марксомъ уже за нѣсколько лѣтъ до того, какъ Грановскій произнесъ въ московскомъ университетѣ свою рѣчь о состояніи и значеніи всеобщей исторіи. „Многоразличныя отношенія,—писалъ Марксъ въ своей брошюрѣ „Наемный трудъ и капиталъ“,—въ которыя становятся люди при производствѣ продуктовъ, не ограничиваются отношеніемъ ихъ къ природѣ. Производство возможно лишь при извѣстнаго рода совмѣстности и обоюдности дѣйствій—производителей. Чтобы производить, люди вступаютъ въ опредѣленныя взаимныя связи и отношенія, и только внутри и черезъ посредство этихъ общественныхъ связей и отношеній возникаютъ воздѣйствія людей на природу, необходимыя для производства“ *). Взаимныя же отношенія людей въ процессѣ производства опредѣляются состояніемъ ихъ производительныхъ силъ, которыя, въ свою очередь, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ естественныхъ условій существованія даннаго народа, т. е. отъ той географической среды, въ которой онъ живетъ. Таковъ выводъ, къ которому приходитъ наука, изслѣдуя вопросъ о вліяніи природы на „общественнаго человѣка“. Этотъ выводъ, повидимому, былъ не во всей своей полнотѣ ясенъ Грановскому. Были, неоспоримо, на счетъ его значительныя неясности и у Чернышевскаго въ ту пору, когда онъ началъ примѣнять къ исторіи „антропологическій“ принципъ. Но какъ бы то ни было, логическое развитіе взгляда Грановскаго и Чернышевскаго должно было бы вести къ только что указанному выводу Маркса. А такъ какъ Гизо со своей стороны приближался къ этому выводу, хотя далеко не сдѣлалъ его во всей полнотѣ, то Чернышевскій былъ неправъ, обвинивъ его въ игнорированіи матеріальной стороны жизни. Но для насъ здѣсь важно не то, правъ или неправъ былъ Чернышевскій въ своемъ взглядѣ на Гизо, а то, что его справедливый или несправедливый взглядъ на Гизо характеризуетъ собою его собственныя историческія воззрѣнія. Вотъ почему мы еще вернемся къ разсмотрѣнію этого взгляда. Теперь же мы еще разъ подчеркиваемъ то обстоятельство, что во имя своего „антропологическаго“ принципа нашъ авторъ уже въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности требовалъ отъ историковъ

*) См. „Наемный трудъ и капиталъ“. Изд. „Пролетаріатъ“; стр. 20.

внимательнаго отношенія къ „матеріальной сторонѣ жизни“ народовъ. Весь вопросъ о послѣдующемъ развитіи его историческихъ взглядовъ сводится къ вопросу о томъ, какой видъ приняло у него самого представленіе объ этой сторонѣ.

Глава вторая.

Матеріализмъ въ историческихъ взглядахъ Чернышевскаго.

Въ 1855-омъ году, въ большой критической статьѣ о третьей и четвертой книгахъ очень извѣстнаго въ свое время сборника Леонтьева „Пропилеи“, Чернышевскій, оспаривая мнѣніе Куторги, считавшаго земледѣльческій бытъ первоначальнымъ бытомъ человѣчества, писалъ:

„Преданія всѣхъ народовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде нежели узнали они земледѣліе и сдѣлались осѣдлыми, они бродили, существуя охотою и скотоводствомъ. Чтобы ограничиваться греческими преданіями и относящимися именно къ Аттикѣ, укажемъ на миѳъ о Церерѣ и Триптолемѣ, котораго научила она земледѣлію,—очевидно, что по воспоминаніямъ греческаго народа нищенское и грубое состояніе дикарей охотниковъ было первымъ, а съ благоденствіемъ осѣдлой земледѣльческой жизни познакомились люди уже впослѣдствіи. Такія общія всѣмъ народамъ преданія совершенно подтверждаются для всего европейскаго отдѣла индоевропейскихъ племенъ изслѣдованіями Гримма, которыя справедливо считаются безусловно вѣрными въ своихъ главныхъ выводахъ. То же самое прямымъ образомъ доказываютъ положительные факты, записанные въ историческихъ памятникахъ: мы не знаемъ ни одного народа, который, ставъ разъ на степень земледѣльческаго, ниспалъ потомъ въ состояніе одичалости, не знающей земледѣлія; напротивъ того, у многихъ изъ европейскихъ народовъ достовѣрная исторія записала почти съ самаго начала весь ходъ распространенія земледѣльческаго быта“ *). Европейскіе путешественники по Африкѣ не разъ встрѣчали негритянскія племена, которыя, будучи вытѣснены изъ своего стараго мѣстожительства и попавъ въ новую географическую среду, мало благопріятную для земледѣлія, покидали земледѣль-

*) Сочиненія, т. I, стр. 389.

ческій бытъ и становились пастухами или охотниками. Поэтому Чернышевскій ошибается, полагая, что, разъ достигнувъ ступени земледѣлія, ни одинъ народъ не можетъ спуститься на низшую ступень. Но онъ совершенно правъ, когда говоритъ, что невозможно считать земледѣліе первымъ шагомъ въ исторіи развитія производительныхъ силъ. Точно такъ же правъ онъ, когда объявляетъ экономическое развитіе общества причиной, вызывающей развитіе правовыхъ его учрежденій. „У пастушескихъ народовъ, безпрестанно перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто,—говоритъ онъ,—личная поземельная собственность недостаточна, стѣснительна и потому не нужна. У нихъ только община (племя, родъ, орда, улусъ, юрта) хранитъ границы своей области, которая остается въ нераздѣльномъ пользованіи у всѣхъ ея членовъ, отдѣльныя лица не имѣютъ отдѣльной собственности. Совершенно не то въ земледѣльческомъ бытѣ, который дѣлаетъ необходимостью личную поземельную собственность. Потому-то отъ кочевого состоянія ведетъ начало связь земли съ племенными, и, впослѣдствіи, съ государственными правами“ *). Тутъ какъ нельзя болѣе вѣрно указывается рѣшающее вліяніе матеріальной стороны жизни народовъ на другія стороны этой жизни. Но могутъ замѣтить, пожалуй, что здѣсь у Чернышевскаго рѣчь идетъ собственно только о связи между „экономикой“ и „политикой“. И это, конечно, такъ. Однако, когда выяснена эта связь, тогда понятно въ своихъ главныхъ чертахъ то, что называется общественнымъ строемъ. А когда понятъ общественный строй, какъ результатъ экономическаго развитія общества, то ужъ легко понять и вліяніе „экономики“ на мысли и чувства людей: вѣдь, еще съ начала 19-го вѣка было признано, что ихъ мысли и чувства находятся въ причинной зависимости отъ общественной среды, т.-е. отъ общественныхъ отношеній. И мы уже видѣли, что Чернышевскій умѣлъ объяснять развитіе философской мысли ходомъ политической борьбы, т.-е. опять таки развитіемъ общественной среды. Мы знаемъ также еще изъ статьи „Антропологическій принципъ въ философіи“, что всякое данное общество, равно какъ и всякая данная органическая часть общества, считаетъ полезнымъ и справедливымъ то, что полезно этому обществу или этой его части. Чернышевскому стоило только послѣдовательно примѣнить этотъ свой взглядъ къ исторіи идейнаго развитія человѣчества, чтобы ясно

*) Тамъ же, стр. 389. Ср. стр. 428-ую того же тома.

увидѣть, какимъ образомъ это развитіе обусловливается столкновеніемъ человѣческихъ интересовъ въ обществѣ, т.-е. „экономикой“ этого общества. И Чернышевскій въ самомъ дѣлѣ ясно видѣлъ это,— по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Вотъ что пишетъ онъ, напримѣръ, въ большой библіографической статьѣ о „Началахъ народнаго хозяйства“ В. Рошера, напечатанной въ 4-ой книжкѣ „Современника“ за 1861-ый годъ:

„Возьмите какую хотите группу людей, ея образъ мыслей бываетъ внушенъ (вѣрными или ошибочными, какъ мы замѣтили, все равно) представленіями объ ея интересахъ. Начнемъ хоть съ классификаціи людей по народностямъ. Масса французовъ полагаетъ, что Англія есть „коварный Альбіонъ“, погубившій Наполеона I-го изъ ненависти къ французскому благосостоянію. Масса французовъ находитъ, что рейнская граница—естественная и необходимая граница Франціи. Она также находитъ, что присоединеніе Савоіи съ Ниццею—дѣло прекрасное. Масса англичанъ находитъ, что Наполеонъ I хотѣлъ погубить Англію, ничѣмъ не виновную, что борьба съ нимъ была ведена Англіею лишь для собственнаго спасенія. Масса нѣмцевъ находитъ претензію французовъ на рейнскую границу несправедливою. Масса итальянцевъ считаетъ отторженіе Савоіи съ Ниццею отъ Италіи дѣломъ несправедливымъ. Отчего такое различіе взглядовъ? Просто отъ противоположности (конечно, мнимыхъ, фальшивыхъ, но считаемыхъ у той націи дѣйствительными) интересовъ націи. Или возьмемъ классификацію людей по экономическому положенію. Производители хлѣба въ каждой странѣ находятъ справедливымъ дѣломъ, чтобы другія страны допускали ввозъ хлѣба этой страны безпошлинно, и столь же справедливымъ, чтобы ввозъ хлѣба въ ихъ страну былъ запрещенъ. Производители мануфактурныхъ товаровъ въ каждой странѣ находятъ справедливымъ, чтобы иностранный хлѣбъ допускался въ ихъ страну безпошлинно. Источникъ этого противорѣчія опять-таки все тотъ же: выгода. Производителю хлѣба выгодно, чтобы хлѣбъ былъ дороже. Производителю мануфактурныхъ товаровъ выгодно, чтобы онъ былъ дешевле Увеличивать число такихъ примѣровъ было бы напрасно,—каждый можетъ самъ набрать ихъ тысячи и десятки тысячъ“ *).

Если у каждаго человѣка всегда оказывается хорошимъ, несомнѣннымъ и вѣчнымъ все то, что практически выгодно для

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 137.

группы людей, представителемъ которыхъ онъ служитъ, то этимъ же „психологическимъ закономъ“ нужно, по мнѣнію Чернышевскаго, объяснять и смѣну школъ въ политической экономіи. Писателямъ школы Адама Смита казались очень хорошими и достойными вѣчнаго господства тѣ формы экономическаго быта, которыми обусловливалось господство средняго класса. „Писатели этой школы были представители стремленій биржевого или коммерческаго сословія въ обширномъ смыслѣ слова: банкировъ, оптовыхъ торговцевъ, фабрикантовъ и всѣхъ вообще промышленныхъ людей. Нынѣшнія формы экономическаго устройства выгодны для коммерческаго сословія, выгоднѣе для него всякихъ иныхъ формъ; потому школа, бывшая представительницей его, и находила, что формы эти самыя лучшія по теоріи; натурально, что при господствѣ такого направленія являлись многіе писатели, высказывавшіе общую мысль еще съ большею рѣзкостью, называвшіе формы эти вѣчными, безусловными“ *).

Когда о вопросахъ политической экономіи начали задумываться люди, бывшіе представителями массы, тогда явилась въ наукѣ другая экономическая школа, которую зовутъ,—неизвѣстно на какомъ основаніи, какъ замѣчаетъ Чернышевскій,—школой утопистовъ. Съ появленіемъ этой школы, экономисты, представлявшіе интересы средняго класса, увидѣли себя въ положеніи консерваторовъ. Когда они выступали противъ средневѣковыхъ учрежденій, противорѣчащихъ интересамъ средняго класса**), они взывали къ разуму. А теперь къ разуму стали взывать въ свою очередь представители массы, не безъ основанія упрекавшіе представителей средняго класса въ непослѣдовательности. „Противъ средневѣковыхъ учрежденій,—говоритъ Чернышевскій,—разумъ былъ для школы Адама Смита превосходнымъ оружіемъ, а на борьбу съ новыми противниками это оружіе не годилось, потому что перешло въ ихъ руки и побивало послѣдователей школы Смита, которымъ прежде было такъ полезно“ ***). Вслѣдствіе этого ученые представители средняго класса перестали ссылаться на разумъ и начали ссылаться на исторію. Такъ возникла историческая школа въ

*) Тамъ же, стр. 138.

**) Имѣя въ виду общественные к л а с с ы, Чернышевскій всегда употребляетъ, однако, терминъ: с о с л о в і е.

***) Тамъ же, стр. 139.

***) Ср. тамъ же, стр. 140.

политической экономіи, однимъ изъ основателей которой былъ Вильгельмъ Рошеръ.

Чернышевскій утверждаетъ, что такое объясненіе исторіи экономической науки несравненно болѣе правильно, нежели обычное ея объясненіе съ помощью ссылокъ на большій или меньшій запасъ знаній у той или другой школы. Онъ насмѣшливо замѣчаетъ, что это второе объясненіе похоже на тотъ способъ, какимъ оцѣниваютъ учениковъ на экзаменахъ: такую-то науку данный ученикъ знаетъ хорошо, такую-то плохо. „Будто въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ Чернышевскій,—малое знакомство съ исторіей могло лишать политико-экономовъ знанія о томъ, что существовали иныя формы экономическаго быта, различныя отъ нынѣшнихъ, и будто черезъ это отнималась у такихъ людей возможность чувствовать потребность новыхъ, совершеннѣйшихъ формъ, отнималась возможность признавать нынѣшнія формы не безусловными?“ *). Дѣло не въ свѣдѣніяхъ, а въ томъ, каковы чувства даннаго мыслителя или той группы людей, которую онъ представляетъ. Фурье зналъ исторію не лучше, нежели Сей, а между тѣмъ пришелъ совсѣмъ къ другимъ, нежели онъ, выводамъ. „Нѣтъ—заключаетъ Чернышевскій,—кому хорошо настоящее, у того нѣтъ мысли о перемѣнахъ; кому оно дурно, у того она есть, независимо отъ обладанія историческими знаніями или хотя бы полнѣйшаго отсутствія ихъ“ **).

Нельзя говорить яснѣе. Не сознаніе опредѣляетъ собою бытіе, а бытіе опредѣляетъ собою сознаніе. Это положеніе, составляющее основу философіи Фейербаха, прилагается Чернышевскимъ къ объясненію исторіи экономической науки, политической теоріи и даже философіи. Чернышевскій видитъ, что въ общественномъ бытіи есть взаимно противоположные элементы; онъ видитъ также, какимъ образомъ борьба этихъ взаимнопротивоположныхъ, общественныхъ элементовъ вызываетъ и опредѣляетъ взаимную борьбу теоретическихъ идей. Но этого мало. Онъ видитъ не только то, что развитіе всякой данной науки опредѣляется развитіемъ соотвѣтствующей категоріи общественныхъ явленій. Онъ понимаетъ, что взаимная классовая борьба должна накладывать свою глубокую печать на всю внутреннюю исторію общества. Вотъ интересное доказательство этого.

---

*) Тамъ же, стр. 138.

**) Тамъ же, стр. 138.

Въ своихъ „Очеркахъ политической экономіи“ онъ, объяснивъ законы существующаго въ современныхъ передовыхъ странахъ „трехчленнаго распредѣленія продуктовъ“, и дѣлая изъ своихъ объясненій краткій заключительный выводъ, высказываетъ слѣдующій, чрезвычайно замѣчательный взглядъ на внутреннія пружины новѣйшей исторіи Европы: „Мы видѣли, что интересы ренты противоположны интересамъ прибыли и рабочей платы вмѣстѣ. Противъ сословія, которому выдѣляется рента, средній классъ и простой народъ всегда были союзниками. Мы видѣли, что интересъ прибыли противоположенъ интересу рабочей платы. Какъ только одерживаютъ въ своемъ союзѣ верхъ надъ получающимъ ренту классомъ сословіе капиталистовъ и работниковъ, исторія страны получаетъ главнымъ своимъ содержаніемъ борьбу средняго сословія съ народомъ“ *).

Тутъ взгляды нашего автора поразительно совпадаютъ со взглядами Маркса и Энгельса. Да оно и неудивительно. Чернышевскій прошелъ ту же школу, что Марксъ и Энгельсъ: отъ Гегеля онъ перешелъ къ Фейербаху. Но Марксъ и Энгельсъ подвергли философію Фейербаха коренной переработкѣ, а Чернышевскій на всю жизнь остался послѣдователемъ этой философіи въ томъ ея видѣ, какой она имѣла у самого Фейербаха. Фейербаху принадлежитъ извѣстное—въ свое время вызвавшее много шума и негодованія—выраженіе: Der Mensch ist, was er isst (человѣкъ есть то, чѣмъ онъ питается). Выше мы привели нѣкоторыя другія положенія Фейербаха насчетъ вліянія образа жизни людей на ихъ образъ мыслей. Все это совершенно матеріалистическія положенія. Однако, эти положенія остались у Фейербаха въ совершенно неразвитомъ видѣ даже въ его ученіи о религіи. Чернышевскій примѣнилъ взгляды Фейербаха къ эстетикѣ и тутъ онъ достигъ, какъ мы увидимъ ниже, результатовъ въ извѣстномъ смыслѣ весьма замѣчательныхъ. Но и здѣсь его выводы не были вполнѣ удовлетворительны, потому что совершенно правильное понятіе объ эстетическомъ развитіи человѣчества предполагаетъ предварительную выработку общаго пониманія исторіи. Что же касается этого общаго пониманія исторіи, то Чернышевскому удалось сдѣлать лишь нѣсколько,—правда очень вѣрныхъ шаговъ,—въ направленіи къ его выработкѣ. Примѣрами такихъ шаговъ могутъ служить только что сдѣланныя

*) Курсивъ нашъ. Сочиненія, т. VII, 415.

нами большія выписки изъ его сочиненій. Эти выписки ясно показываютъ, что Чернышевскій умѣлъ давать блестящее приложеніе матеріалистическимъ мыслямъ своего учителя. Но матеріалистическія мысли его учителя страдали отвлеченностью тамъ, гдѣ онѣ касались общественныхъ отношеній людей. И эта слабая сторона мыслей Фейербаха привела къ тому, что историческіе взгляды его русскаго ученика оказались недостаточно стройными и послѣдовательными. Главный недостатокъ этихъ историческихъ взглядовъ состоитъ въ томъ, что матеріализмъ чуть не на каждомъ шагу уступаетъ въ нихъ мѣсто идеализму и наоборотъ, причемъ окончательная побѣда все таки достается идеализму.

Намъ хорошо извѣстно, какъ объясняетъ исторію Чернышевскій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ остается вѣрнымъ своей матеріалистической философіи. Теперь посмотримъ, какъ объясняетъ онъ ее, переходя на идеалистическую точку зрѣнія.

Глава третья.

Идеализмъ въ историческихъ взглядахъ Чернышевскаго.

Вотъ что читаемъ мы у него въ статьѣ, посвященной извѣстной книгѣ В. П. Боткина: „Письма объ Испаніи“ (Современникъ 1857 г., кн. 2-ая):

„Раздѣленіе народа на враждебныя касты бываетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій улучшенію его будущности,—въ Испаніи нѣтъ этого пагубнаго раздѣленія, нѣтъ непримирной вражды между сословіями, изъ которыхъ каждое было бы готово пожертвовать самыми драгоцѣнными историческими пріобрѣтеніями, лишь бы только нанести вредъ другому сословію,—въ Испаніи вся нація чувствуетъ себя однимъ цѣлымъ. Эта особенность такъ необычайна среди народовъ Западной Европы, что заслуживаетъ величайшаго вниманія, и уже одна, сама по себѣ, можетъ считаться ручательствомъ за счастливую будущность страны“ *).

Это не описка, потому что нѣсколькими страницами ниже Чернышевскій въ той же статьѣ говоритъ: „Надъ большею частью цивилизованныхъ націй испанскій народъ имѣетъ безспорное преимущество въ одномъ, чрезвычайно важномъ отношеніи: испанскія

*) Сочиненія, т. III, стр. 38.

сословія не раздѣлены между собою ни закоренѣлою ненавистью, ни существенною противоположностью интересовъ; они не составляютъ кастъ, враждебныхъ одна другой, какъ его видимъ во многихъ другихъ западныхъ европейскихъ земляхъ; напротивъ, въ Испаніи всѣ сословія могутъ дружно стремиться къ одной цѣли" *).

Въ той же статьѣ Чернышевскій категорически утверждаетъ: „Невѣжество—вотъ коренная язва Испаніи" **), и сообразно съ этимъ вся надежда его на возможное въ будущемъ развитіе Испаніи пріурочивается къ успѣхамъ въ этой странѣ просвѣщенія.

Подъ этими его мнѣніями охотно подписался бы каждый „просвѣтитель" 18-го вѣка и каждый соціалистъ-утопистъ 19-го столѣтія, точно такъ же, какъ подъ вышеприведенными соображеніями его о причинной зависимости общественной мысли отъ общественной жизни охотно подписался бы каждый марксистъ нашихъ дней.

Соціалисты-утописты, а отчасти также и просвѣтители 18-го вѣка, не закрывали глазъ на фактъ борьбы классовъ въ цивилизованномъ обществѣ. Не закрываетъ глазъ на него и Чернышевскій. Но соціалисты-утописты, констатируя фактъ борьбы классовъ, не считали возможнымъ опираться на него для осуществленія своей программы. Имъ казалось, напротивъ, что борьба классовъ явится препятствіемъ на пути къ осуществленію ихъ программы, и что эта послѣдняя гораздо скорѣе и легче осуществится при дружномъ содѣйствіи всѣхъ общественныхъ классовъ. Поэтому они призывали всѣ классы къ объединенію подъ знаменемъ предстоящей соціальной реформы ***). Мы видимъ, что въ своемъ отзывѣ о взаимоотношеніи классовъ въ Испаніи Черны-

*) Тамъ же, стр. 44.

**) Тамъ же, стр. 45.

***) Буржэнъ въ своей интересной книгѣ: Fourier.—Contribution à l'étude du socialisme français. Paris 1905, говоритъ, что система Фурье заключаетъ въ себѣ теорію борьбы классовъ (стр. 596). Но Буржэнъ смѣшиваетъ признаніе факта борьбы классовъ съ отношеніемъ къ этому факту. Соціалисты-утописты видѣли фактъ борьбы классовъ, но не видѣли того, что „Der Widerspruch ist das Fortleitende (противорѣчіе ведетъ впередъ), какъ говорилъ Гегель. Они не понимали, что классовая борьба есть именно тотъ факторъ, съ помощью котораго осуществляется весь прогрессъ во внутреннихъ отношеніяхъ общества, раздѣленнаго на классы. Только Бланки понималъ историческое значеніе борьбы классовъ; но соціализмъ Бланки составляетъ въ этомъ отношеніи переходъ къ научному соціализму.

шевскій очень приближается къ точкѣ зрѣнія соціалистовъ-утопистовъ.

Въ своемъ „Манифестѣ“ Марксъ и Энгельсъ очень мѣтко характеризовали эту точку зрѣнія. „Собственно соціалистическія и коммунистическія системы, системы Сэнъ-Симона, Фурье, Оуэна и т. д., появились въ первый, неразвитый періодъ борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей, о которомъ мы говорили выше. „Творцы этихъ системъ видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ, внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣятельности, никакого, свойственнаго ему, политическаго движенія“.

Именно потому, что соціалисты-утописты не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣятельности, они обращались безразлично ко всѣмъ классамъ современнаго общества. И именно потому, что они обращались ко всѣмъ классамъ общества, они въ пропагандѣ своихъ практическихъ плановъ указывали не на то, что разъединяетъ эти классы, а на то, что могло бы ихъ объединить. А такъ какъ современное общество построено на антагонизмѣ классовъ, то главныя усилія пропагандистовъ-утопистовъ естественно направлялись на изображеніе преимуществъ б у д у щ а г о общественнаго порядка, въ которомъ исчезнетъ классовой антагонизмъ, уступивъ мѣсто всеобщей солидарности. Чтобы понять преимущества этого будущаго общественнаго порядка, нужно только вдуматься въ соціальные законы, открытые даннымъ соціальнымъ реформаторомъ. Соціалистамъ-утопистамъ казалось, какъ говоритъ уже цитированный нами „Манифестъ“, „что достаточно было понять ихъ системы, чтобы немедленно признать ихъ наилучшими планами наилучшаго общественнаго устройства“. Но если вся дальнѣйшая исторія общества сводилась для соціалистовъ-утопистовъ къ пропагандѣ и практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ, то она по необходимости представлялась имъ въ свѣтѣ идеализма. C'est l'opinion qui gouverne le monde (мнѣнія правятъ міромъ), говорили французскіе просвѣтители 18-го вѣка. Соціалисты-утописты охотно повторяли это ихъ положеніе. Такъ напримѣръ, даже Луи Бланъ, котораго покойный Михайловскій расположенъ былъ считать „экономическимъ матеріалистомъ“, писалъ въ своей „Исторіи десяти лѣтъ“: „Истинная исторія нашего вѣка заключается въ исторіи его идей. Дипломатическіе подвохи,

придворныя интриги, шумные споры, уличная борьба,—все это не болѣе, какъ волненія обществъ (l'agitation des sociétés). Ихъ жизнь не тамъ. Она находится въ таинственномъ развитіи общихъ стремленій, она состоитъ въ этой глухой выработкѣ ученій, приготовляющихъ революціи. Ибо всегда есть глубокая причина для всѣхъ этихъ событій, которыя, разъ совершившись, кажутся намъ порожденными случайностью" *). Въ другомъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что исторія дѣлается книгами (L'histoire est faite par des livres). Въ виду этого не удивительно, что соціалисты-утописты смотрѣли съ идеалистической точки зрѣнія на всю дальнѣйшую судьбу современнаго имъ общества. Они были убѣждены, что судьба этого общества будетъ рѣшена „мнѣніемъ", т. е. взглядомъ его членовъ на планъ общественнаго переустройства, предлагаемый тѣмъ или другимъ реформаторомъ. Они не спрашивали себя, отчего же зависитъ то, что въ данномъ обществѣ господствуютъ тѣ, а не другіе взгляды. Поэтому у нихъ не было и охоты подвергать дальнѣйшей разработкѣ тѣ элементы матеріалистическаго объясненія исторіи, которые, несомнѣнно, въ большемъ количествѣ заключались въ ихъ ученіяхъ. Напротивъ, у нихъ являлось предрасположеніе смотрѣть съ идеалистической точки зрѣнія и на прошлую исторію человѣчества. Вслѣдствіе этого мы въ ихъ разсужденіяхъ объ этой исторіи очень нерѣдко наталкиваемся на самыя несомнѣнныя и, казалось бы, самыя очевидныя противорѣчія: факты, которые истолковывались, повидимому, въ совершенно матеріалистическомъ смыслѣ, вдругъ получаютъ совершенно идеалистическое объясненіе; и наоборотъ, идеалистическія объясненія сплошь да рядомъ прорываются вполнѣ матеріалистическими отступленіями. Эта неустойчивость, этотъ постоянный, замѣтный для современнаго читателя, но незамѣтный для автора переходъ отъ матеріализма къ идеализму и отъ идеализма къ матеріализму даютъ себя чувствовать и въ историческихъ разсужденіяхъ Чернышевскаго, который въ этомъ отношеніи очень напоминаетъ великихъ утопистовъ Запада. Въ послѣднемъ счетѣ онъ, подобно имъ, склоняется, повторяемъ, къ идеализму.

Это хорошо видно изъ его интересной статьи „О причинахъ паденія Рима (подраженіе Монтескье)", напечатанной въ „Современникѣ" 1861 г. (5-я книга). Въ ней онъ энергически возстаетъ противъ того, очень распространеннаго мнѣнія, что Западная

*) Histoire de dix ans. T. III. Paris, 1844 p. 89.

Римская Исторія погибла вслѣдствіе своей внутренней неспособности къ дальнѣйшему развитію, между тѣмъ какъ варвары, положившіе конецъ ея существованію, принесли съ собою новыя сѣмена прогресса. „Да подумайте только, что такое значитъ прогрессъ и что такое значитъ варваръ"—восклицаетъ Чернышевскій.—„Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній... Развивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д... Разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ, всякій умственный трудъ развиваетъ умственныя силы человѣка, и чѣмъ больше людей выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги, тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было,—значитъ, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ—результатъ знанія. Что же такое варваръ? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ; человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ сколько-нибудь развитого ума... Какая польза для общественной жизни, если учрежденія дурныя или хорошія, но все-таки человѣческія, все-таки имѣющія въ себѣ хоть что-нибудь, хоть нѣсколько разумное, --- замѣняются животными обычаями?" *)

Здѣсь и рѣчи нѣтъ ни о внутреннихъ соціальныхъ отношеніяхъ Рима, причинившихъ его слабость и указанныхъ еще тѣмъ же Гизо въ первой статьѣ его „Essais sur l'histoire de France", ни о тѣхъ формахъ общежитія, которыми обусловливалась сила германскихъ варваровъ въ эпоху паденія Западной Римской Имперіи. Чернышевскій забылъ даже знаменитыя, имъ же самимъ цитируемыя въ другомъ мѣстѣ, слова Плинія: latifundia perdidere Italiam (латифундіи погубили Италію). Въ его „формулѣ прогресса",—какъ стали выражаться у насъ впослѣдствіи,—не

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 158.

оказывается мѣста для внутреннихъ отношеній данной страны. Все дѣло сводится къ умственному развитію. Чернышевскій рѣшительно заявляетъ, что прогрессъ основывается на умственномъ развитіи, и что „коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній". Ему даже и въ голову не приходитъ, что „успѣхи и развитіе знаній" могутъ зависѣть отъ соціальныхъ отношеній, въ иныхъ случаяхъ способствующихъ этому успѣху и этому развитію, а въ другихъ—препятствующихъ имъ. Соціальныя отношенія изображаются у него, какъ простое послѣдствіе распространенія извѣстныхъ мнѣній. Мы только что прочли это: „разрабатывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устраивать свою общественную жизнь, и она устраивается успѣшнѣе прежняго". Это очень непохоже на то, что говорилъ нашъ авторъ въ статьѣ о книгѣ Рошера. Тамъ у него выходило, кромѣ того, что невозможно и даже смѣшно судить объ ученыхъ, какъ о школьникахъ: не зналъ такой-то науки и потому составилъ себѣ ошибочный взглядъ. Тамъ у него выходило, кромѣ того, что дѣло не въ количествѣ знаній у даннаго ученаго, а въ томъ, каковы интересы той группы, которую онъ представляетъ. Словомъ, тамъ выходило, что общественные взгляды опредѣляются общественными интересами, общественная мысль—общественною жизнью. Теперь выходитъ наоборотъ. Теперь оказывается, что общественная жизнь опредѣляется общественною мыслью, и что если общественный строй имѣетъ извѣстные недостатки, то это происходитъ оттого, что общество, подобно школьнику, плохо или мало училось и потому составило себѣ ошибочныя понятія. Нельзя придумать болѣе поразительнаго противорѣчія.

И замѣчательно, что статья „О паденіи Рима" появилась въ 5-ой, а статья о книгѣ Рошера въ 4-ой книжкѣ „Современника" за 1861 годъ. Такъ что здѣсь нельзя сказать, что Чернышевскій въ разное время держался разныхъ взглядовъ на интересующій насъ здѣсь вопросъ. Нѣтъ! Онъ держался разныхъ взглядовъ въ одно и то же время, и это характерно для него, какъ для человѣка, еще не успѣвшаго свести къ одному принципу свои историческіе взгляды и потому, такъ сказать, одновременно державшагося и матеріализма, и идеализма въ своихъ разсужденіяхъ о ходѣ исторіи.

„Говорятъ, обществу стѣснительны были укоренившіяся формы,—разсуждаетъ Чернышевскій далѣе,—значитъ, въ обществѣ была

прогрессивная сила, была надобность въ прогрессѣ" *). На это можно возразить,—и, конечно, возражали люди, не раздѣлявшіе въ этомъ случаѣ идеалистическаго взгляда Чернышевскаго,—что иное дѣло надобность въ прогрессѣ, а иное дѣло наличность въ обществѣ силы, способной дать удовлетвореніе этой надобности. Нельзя смѣшивать эти два понятія, совершенно различныя по своему содержанію: одно изъ нихъ есть чисто отрицательное („надобность въ прогрессѣ" указываетъ лишь на стѣснительность существующихъ формъ), другое—положительное, такъ какъ присутствіе въ обществѣ прогрессивной силы, способной совершить необходимую передѣлку формъ общежитія, предполагаетъ извѣстную степень умственнаго, нравственнаго и политическаго развитія того класса или тѣхъ классовъ, на которыхъ формы эти обрушиваются своими невыгодными сторонами. Если бы эти понятія были тождественны, то дѣло человѣческаго прогресса упрощалось бы до крайности, и мы не встрѣчали бы въ исторіи печальнаго зрѣлища народовъ, падающихъ подъ тяжестью такихъ формъ общежитія, которыя при всей своей несомнѣнной вредоносности, не могли быть устранены, потому что не было въ народѣ живыхъ силъ, способныхъ совершить это дѣло. Само собою разумѣется, что мы не говоримъ здѣсь о формахъ, вредныхъ рѣшительно для всѣхъ классовъ даннаго общества. Подобныя формы устраняются, можно сказать, сами собою. Но чаще всего особенно вредными для дальнѣйшихъ успѣховъ общества оказываются иныя формы, невыгодныя для большинства и очень выгодныя для привилегированнаго меньшинства. Устранить подобныя формы можно только въ томъ случаѣ, если страдающее большинство обладаетъ хоть нѣкоторою способностью къ политической самодѣятельности. А оно не всегда обладаетъ ею. Способность эта вовсе не есть необходимое свойство угнетеннаго большинства. Она сама создается экономіей даннаго общества. Казалось бы не было ничего выгоднѣе для римскихъ пролетаріевъ, какъ поддержать законопроекты Гракховъ. Но они не поддержали и не могли поддержать ихъ, потому что соціальная обстановка, въ какую ставило ихъ экономическое развитіе Рима, не только не содѣйствовала ихъ политическому развитію, но, напротивъ, постоянно понижала его уровень. Что же касается высшихъ классовъ, то, во-первыхъ, смѣшно было бы ожидать отъ нихъ политическихъ дѣйствій, враждебныхъ ихъ эконо-

*) Тамъ же, стр. 160.

мическимъ интересамъ, а, во-вторыхъ, и сами они развращались все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ того же хода экономическаго развитія, который, создавая римскій пролетаріатъ, превращалъ его въ кровожадную и тупую чернь. Въ концѣ концовъ дѣло пришло къ тому, что римляне, эти всемірные завоеватели, стали мало способны къ военной службѣ, и легіоны пополнялись тѣми самыми варварами, которые и положили, наконецъ, предѣлъ существованію заживо разложившейся имперіи *). Такимъ образомъ, въ паденіи Рима, вопреки объясненіямъ Чернышевскаго, нѣтъ ничего случайнаго, такъ какъ оно представляло собою естественный конецъ давно уже начавшагося историко-экономическаго движенія.

Но Чернышевскій совершенно иначе смотритъ на вопросъ о тѣхъ силахъ, съ помощью которыхъ могла бы быть удовлетворена общественная потребность въ прогрессѣ. По его мнѣнію, такія силы всегда находятся на лицо тамъ, гдѣ онѣ нужны.

Наличность ихъ обезпечивается всякому данному обществу, во первыхъ, законами физіологіи. „Отживаетъ свою жизнь организмъ отдѣльнаго человѣка; но съ каждымъ вновь родившимся человѣкомъ является новый организмъ съ новыми свѣжими силами, и при каждой смѣнѣ поколѣній возобновляются силы народа... Пожалуйста, не противорѣчьте физіологіи, не утверждайте, что бываютъ народы, состоящіе изъ людей безголовыхъ или не имѣющихъ желудка, или исключительно изъ однихъ стариковъ, или исключительно изъ однихъ молодыхъ людей,—вѣдь каждая изъ этихъ четырехъ фразъ одинаково нелѣпа. Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ“ **).

Во вторыхъ, Чернышевскій доказываетъ свою мысль еще

---

*) Эдуардъ Мейеръ говоритъ совершенно справедливо: Erst als das Reich innerlich bereits völlig zersetzt war, haben die Barbaren, die es selbst hereingerufen, denen es das Schwert in die Hand gegeben hatte, ihm die westlichen Provinzen entrissen. (Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums, Jena, 1895; S. 50). Ср. также стр. 52—63. По тому же вопросу см. небольшую, но интересную работу А. Ф. Секретана La Dépopulation de l'empire romain et les invasions germaniques. Lausanne, 1908. Ср. также Родбертуса: Zur Geschichte der agrarischen Entwickelung Roms (Hildebrandts Jahrbücher für Nationalökonomie, II); Въ русской литературѣ вопросъ о паденіи римской имперіи разсматривается у професс. Д. Петрушевскаго: „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства“, второе изданіе, Москва 1908, стр. 1—189

**) Сочиненія, т. VIII, стр. 159.

съ помощью слѣдующаго логическаго соображенія. Онъ спрашиваетъ себя, чьею силою были созданы тѣ формы общежитія, которыя стоятъ на пути прогресса? На этотъ вопросъ онъ съ увѣренностью отвѣчаетъ: силою общества. А отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что такъ какъ количество силъ въ обществѣ не уменьшается, то оно не можетъ стать безсильнымъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ прежде оно было сильно: „Развѣ разрушать труднѣе, чѣмъ создавать? Подумайте, что вы говорите: каменьщики, построившіе домъ, не въ силахъ разломать его; столяръ, сдѣлавшій столъ, кузнецъ, сковавшій якорь, не въ силахъ разрушить его“ *).

Не всѣ силы, существующія въ данномъ обществѣ, дѣйствуютъ въ одномъ направленіи. Исторія показываетъ, что „каменьщики“, „столяры“ и т. д., принимающіеся за передѣлку „домовъ“, „столовъ“ и пр., должны преодолѣть сопротивленіе тѣхъ общественныхъ группъ, которыя заинтересованы въ томъ, чтобъ „дома“ и „столы“ сохраняли свой прежній видъ. Въ другихъ случаяхъ,— т. е. когда онъ былъ вѣренъ матеріалистической точкѣ зрѣнія,— Чернышевскій самъ хорошо сознавалъ и удачно оттѣнялъ это обстоятельство. Но „подражаніе Монтескье“ увлекло его на точку зрѣнія 18-вѣка, и онъ сталъ разсуждать какъ самый чистокровный идеалистъ.

Окончательный выводъ Чернышевскаго тотъ, что древній міръ былъ убитъ исключительно волненіемъ, овладѣвшимъ всѣми кочевниками отъ Рейна до Амура. „Тутъ было ни больше, ни меньше какъ погибель страны отъ наводненія. Никакой внутренней необходимости въ смерти не было. Напротивъ, жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель Римской имперіи—такая же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи, какъ погибель страны, по которой гуляютъ теперь волны Зейдеръ-зе **).

Обыкновенно считаютъ, что статья Чернышевскаго „О причинахъ паденія Рима“ была направлена противъ Герцена, который послѣ неудачи революціи 1848—49 годовъ разочаровался въ Западной Европѣ и ждалъ осуществленія соціализма преимущественно отъ Россіи съ ея крестьянскою общиною. Въ своей недавно вышедшей книгѣ о Герценѣ г. Ч. Вѣтринскій съ увѣрен-

*) Тамъ же, стр. 160.

**) Тамъ же, стр. 167—168.

ностью говоритъ, что въ статьѣ Чернышевскаго нельзя не признать Герцена въ воображаемомъ противникѣ, котораго авторъ затрудняется какъ назвать глупцомъ или лгуномъ *). Г. Вѣтринскій не совсѣмъ точно характеризуетъ полемическій пріемъ Чернышевскаго. Этотъ послѣдній не говоритъ, что его воображаемый противникъ—или дуракъ, или лгунъ. Онъ только совѣтуетъ ему не признавать извѣстныхъ положеній, признать которыя можетъ только глупецъ или лгунъ... Это, конечно, тоже крайне рѣзко; но эта крайняя рѣзкость не имѣетъ того характера личнаго оскорбленія, который она пріобрѣтаетъ въ изложеніи г. Ч. Вѣтринскаго. Впрочемъ, само по себѣ то предложеніе, что въ своей статьѣ Чернышевскій оспаривалъ именно Герцена и намъ кажется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ **). Правда въ виду того, что Чернышевскій ополчается въ своей статьѣ противъ хвастовства россійской самобытностью и ликованія по ея поводу, можно было бы подумать, что онъ мѣтитъ въ славянофиловъ. Но у него на этотъ счетъ есть оговорка, заставляющая рѣшительно отвергнуть эту мысль. Вотъ эта оговорка: „Мы тутъ говоримъ, разумѣется, не о славянофилахъ: у славянофиловъ зрѣніе такого особеннаго устройства, что на какую у насъ дрянь ни посмотрятъ они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживленія умирающей Европы... Мы говоримъ не о такихъ людяхъ: ихъ мало, и спорить съ ними не стоитъ, мы говоримъ не про чудаковъ, а про людей, разсуждающихъ по обыкновенному человѣческому смыслу“ ***). Уже отсюда видно, что Чернышевскій не имѣлъ о своемъ воображаемомъ противникѣ такого низкаго мнѣнія, какое приписываетъ ему г. Вѣтринскій. Но это мимоходомъ. Важно здѣсь то, что по словамъ Чернышевскаго его „воображаемый противникъ“, кромѣ общиннаго землевладѣнія не видитъ въ Россіи ничего такого, чему полезно было-бы распро-

*) Ч. Вѣтринскій. Герценъ. Спб. 1908; стр. 355.

**) Герценъ принялъ статью „о паденіи Рима“ на свой счетъ, равно какъ и Огаревъ, который въ одномъ изъ своихъ писемъ, говорилъ по ея поводу, что „это стыдно продавать такъ Христа, т. е. правду и дѣло, непозволительно. Это то, что христіане называли преступленіемъ противъ духа“. (См. стр. М. К. Лемке: „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго“ Былое“, 1906 г., № 3). Съ этимъ, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться. Возставать противъ полуславянофильства Герцена и Огарева еще совсѣмъ не значило „грѣшить противъ духа“.

***) Сочиненія, т. VIII, стр. 173.

страниться отъ насъ на передовыя страны и чѣмъ мы могли бы содѣйствовать ихъ оживленію. Это позволяетъ почти съ полною увѣренностью сказать, что статья Чернышевскаго направлялась противъ извѣстнаго взгляда Герцена объ отношеніи Россіи къ „старому міру". Чернышевскій рѣшительно отвергаетъ этотъ взглядъ: Европѣ нечему учиться у насъ, „потому что сама она гораздо лучше насъ понимаетъ, какіе новые порядки ей нужны, какъ ихъ устроить и какими способами вводить. Значитъ оживлять намъ ее ровно ужъ нечѣмъ" *).

Это было совершенно правильно, какъ правильно было и то, что у насъ нѣтъ никакого основанія хвастаться нашей самобытностью, сводящейся къ страшной отсталости. За Чернышевскимъ навсегда останется заслуга борьбы съ такимъ хвастовствомъ, отъ кого бы оно ни исходило. Взглядъ Герцена на отношеніе Россіи къ „старому міру" составился подъ сильнымъ вліяніемъ славянофиловъ и былъ ошибочнымъ. Но и къ ошибочному взгляду можно прійти, держась болѣе или менѣе правильнаго метода, точно такъ же, какъ правильный взглядъ можетъ получиться въ результатѣ употребленія болѣе или менѣе ошибочнаго метода. Поэтому позволительно спросить себя, какъ относился тотъ методъ, съ помощью котораго Герценъ выработалъ свой ошибочный взглядъ, къ тому методу, который привелъ Чернышевскаго къ совершенно заслуженному отрицанію и осмѣиванію этого взгляда.

Половина отвѣта на этотъ вопросъ у насъ уже готова: мы видѣли, что въ своихъ разсужденіяхъ о причинахъ паденія Рима Чернышевскій держался чисто-идеалистическаго метода. А такъ какъ мы считаемъ этотъ методъ ошибочнымъ по существу, то мы скажемъ, что хотя Чернышевскій былъ правъ въ своемъ рѣзко отрицательномъ отношеніи къ полуславянофильскому взгляду Герцена на судьбы, ожидающія Западную Европу, но этотъ правильный результатъ былъ все-таки полученъ у него съ помощью ошибочнаго метода. А что можно сказать въ этомъ случаѣ о Герценѣ?

Ходъ его мыслей былъ таковъ: западные народы живутъ при однихъ экономическихъ условіяхъ; русскій народъ при совершенно другихъ. На Западѣ господствуетъ мелко-буржуазная собственности; русскій народъ склоняется къ общинной собственности. Поэтому западные народы насквозь пропитаны мѣщанскимъ духомъ,

*) Тамъ же, та же страница.

непримиримо враждебнымъ соціализму, между тѣмъ, какъ русскій народъ есть едва ли не наиболѣе антимѣщанскій народъ въ мірѣ и, вслѣдствіе этого, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ народовъ способенъ къ осуществленію соціалистическаго идеала.

Въ этихъ разсужденіяхъ Герцена было очень много фактическихъ ошибокъ и очень немало логическихъ промаховъ. Поэтому они и привели его къ ошибочнымъ результатамъ. Но какъ бы ни были ошибочны тѣ результаты, къ которому они привели Герцена, нельзя все-таки не признать, что они отчасти опирались на ту вѣрную, хотя и не продуманную до конца мысль, что сознаніе опредѣляется бытіемъ. И поскольку Герценъ держался этой совершенно правильной мысли—повторяемъ, она далеко не достигла у него полной ясности, и далеко не была продумана до конца,—постольку онъ былъ ближе, нежели Чернышевскій, къ тому матеріалистическому объясненію исторіи, которое одно только и можетъ открыть намъ истинныя пружины общественнаго развитія *).

Глава четвертая.

Ходъ общественнаго развитія.

Мы сейчасъ видѣли, что статья „О причинахъ паденія Рима“ была направлена противъ полуславянофильскаго хвастовства россійскою самобытностью. Теперь пора прибавить, что она направлялась не только противъ него. Чернышевскій возставалъ въ ней также противъ того, что онъ считалъ неосновательнымъ и вреднымъ оптимизмомъ въ теоріяхъ западно-европейскихъ историковъ школы Гизо. Не мѣшаетъ напомнить читателю, что внѣшнимъ поводомъ для появленія названной статьи послужилъ выходъ, въ русскомъ переводѣ г. М. Стасюлевича, первой части „Исто-

*) Герценъ писалъ, что судьба Запада зависитъ отъ того, побѣдитъ или же будетъ побѣжденъ народъ въ своей борьбѣ съ высшими классами. „Если народъ сломится, Новый Китай (Англія, Г. П.) и Новая Персія (Франція, Г. П.) неминуемы. Но если народъ сломитъ, неминуемъ соціальный переворотъ (Колоколъ, №№ 40 и 41, 15 апр. 1859, ст. Дж. Ст. Милль и его книга on Liberty)“. Противъ такихъ положеній нельзя возражать ссылками на „физіологію“, тутъ необходимо аппелировать къ общественной экономіи, чего именно здѣсь-то и не дѣлаетъ Чернышевскій.

ріи цивилизаціи во Франціи отъ паденія Западной Римской Имперіи" Гизо. Оспаривая взглядъ Герцена, Чернышевскій выступаетъ въ то же время рѣшительнымъ противникомъ историческаго оптимизма. Высказавъ твердое убѣжденіе въ томъ, что погибель Римской Имперіи была „геологической катастрофой" въ родѣ той, отъ которой погибли Геркуланъ и Помпея, онъ говоритъ:

„Подобные случаи погибели предмета, погибели дѣла отъ внѣшнихъ разрушительныхъ силъ, какъ бы ни здорово было дѣло, какъ бы ни исполненъ былъ жизни предметъ, встрѣчаются ежедневно въ частномъ быту, встрѣчаются безчисленное число разъ въ исторіи, только никогда не происходила эта гибель въ извѣстной намъ исторіи въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ при погибели всего древняго цивилизованнаго міра. Не толкуйте же о разумности, о благотворности этихъ катастрофъ. Лошадь ударила человѣка подковою по виску, и онъ умеръ,—какая тутъ разумность, какія тутъ внутреннія причины смерти? Лиссабонъ разрушенъ землетрясеніемъ, виноваты ли въ томъ достоинства или недостатки португальской цивилизаціи? Поднимается самумъ, заноситъ пескомъ караванъ въ сахарской степи,—не доказывайте, что верблюды и лошади были плохи, люди глупы, товары не хороши" *).

Въ историческомъ оптимизмѣ Гизо Чернышевскаго возмущала склонность находить, что побѣдители всегда правы, а побѣжденные виноваты. Чернышевскій называетъ эту склонность пошлостью и говоритъ, что на свѣтѣ всяко бываетъ: иногда побѣждаютъ правые, а иногда и виноватые. Онъ примѣняетъ къ исторіи слова Шиллера „Въ торжествѣ побѣдителей":

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

Германскіе варвары, разрушившіе Западную Римскую Имперію, остаются въ изображеніи Чернышевскаго чѣмъ-то въ родѣ „презрительнаго Терсита" по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока они не покидаютъ своихъ варварскихъ порядковъ. Онъ такъ характеризуетъ общественный порядокъ, водворившійся послѣ кру-

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 168.

шенія римскаго государства: „По завоеваніи римскихъ провинцій каждый человѣкъ изъ племени завоевателей разбойничаетъ, грабитъ и рѣжетъ, кого ему вздумается, изъ завоеваннаго ли населенія, изъ своихъ ли товарищей, пока кто-нибудь зарѣжетъ его, а вождь между тѣмъ рубитъ головы у всѣхъ, кто попадется ему въ лапы“ *). Изъ этого разбоя, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ, вышелъ, наконецъ, феодализмъ. Но и феодальный порядокъ вовсе не былъ прогрессомъ сравнительно съ тѣмъ общественнымъ бытомъ, какой существовалъ въ Римской Имперіи. Въ Римѣ все-таки была нѣкоторая законность, а феодализмъ былъ грабежомъ, возведеннымъ въ систему, междоусобицей, подчиненной извѣстнымъ правиламъ. Конечно, даже и феодализмъ былъ шагомъ впередъ по сравненію съ VI-ымъ и VII-ымъ столѣтіями. Но по замѣчанію Чернышевскаго, онъ былъ шагомъ впередъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ старинные итальянскіе разбойники, бравшіе выкупъ, были лучше прежнихъ разбойниковъ, рѣзавшихъ безъ выкупа. Когда феодализмъ уступилъ свое мѣсто централизованной бюрократіи, что случилось не раньше 17-го вѣка, въ новой Европѣ утвердилась та форма, которая господствовала въ Римѣ уже въ третьемъ вѣкѣ.

„Вотъ теперь и разсуждайте о благодѣтельномъ вліяніи завоеванія римскихъ провинцій варварами,—заключаетъ Чернышевскій.—Вся благотворность этого событія состояла въ томъ, что передовыя части человѣческаго рода низвергнуты были въ глубочайшую бездну одичалости, изъ которой едва успѣли вылѣзть до прежняго положенія послѣ неимовѣрныхъ 14-вѣковыхъ усилій“ **). Эти строки показываютъ, что въ историческихъ взглядахъ нашего автора отводится чрезвычайно широкое мѣсто *случайности*. Можно сказать, что все направленіе западно-европейской исторіи въ продолженіе 14 вѣковъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ Римской Имперіи, опредѣлилось, по его мнѣнію, одной колоссальной случайностью или, какъ выражается онъ въ другомъ мѣстѣ, геологическою катастрофою: нашествіемъ варваровъ. Выраженіе „геологическая катастрофа“ приводитъ намъ на память Кювье, у котораго геологическими катастрофами объяснялись судьбы фауны и флоры земного шара. Мы уже знаемъ, что Чернышевскій отвергалъ теорію Кювье, держась точки зрѣнія трансформизма.

---

*) Тамъ же, стр. 169.

**) Тамъ же, стр. 171.

И вотъ спрашивается, какимъ образомъ трансформизмъ уживался въ его историческихъ взглядахъ съ ученіемъ о случайностяхъ и катастрофахъ, на цѣлыя столѣтія опредѣляющихъ собой историческія судьбы народовъ?

Ставя этотъ вопросъ, мы вовсе не хотимъ намекнуть на то, что трансформизмъ не согласимъ съ понятіемъ о катастрофахъ. Если подъ катастрофами понимать перерывы въ постепенности развитія,—такъ называемые скачки въ природѣ или въ исторіи,—то непростительно было бы забывать, что еще Гегель очень ясно показалъ въ своей „Логикѣ“ полную неизбѣжность „катастрофъ“ во всякой сколько-нибудь стройной теоріи развитія. Намъ много разъ случалось высказываться объ этомъ предметѣ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, и мы не считаемъ нужнымъ возвращаться къ нему теперь. Но если „катастрофы“ логически неизбѣжны во всякой сколько-нибудь стройной теоріи развитія, то этимъ безспорнымъ обстоятельствомъ вовсе еще не опредѣляется, въ какой мѣрѣ можетъ быть признана стройной данная теорія, отводящая мѣсто „катастрофамъ“. Когда мы спрашиваемъ, какъ уживался трансформизмъ Чернышевскаго съ его ученіемъ о „катастрофахъ“, мы хотимъ выяснить себѣ, умѣлъ ли онъ взглянуть на „катастрофы“, какъ на одинъ изъ моментовъ развитія. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, возникающихъ при оцѣнкѣ всякой данной общественной или исторической теоріи.

Отвѣта на этотъ вопросъ надо искать въ библіографической замѣткѣ Чернышевскаго о другомъ сочиненіи Гизо, тоже посвященномъ исторіи цивилизаціи, но уже не спеціально во Франціи, а во всей Европѣ. Русскій переводъ этого сочиненія вышелъ въ 1861-мъ году, и въ 9-ой книжкѣ „Современника“ за тотъ же годъ Чернышевскій далъ о немъ свой отзывъ.

Гизо характеризуется въ этой замѣткѣ, какъ серьезный ученый, глубоко изучившій тѣ предметы, о которыхъ онъ говоритъ. Если у него много несправедливыхъ мыслей, то каждую изъ этихъ мыслей Чернышевскій все-таки считаетъ заслуживающей внимательнаго разбора. Главная особенность и главное достоинство историческихъ трудовъ Гизо состоятъ въ томъ, что ихъ авторъ устраняетъ изъ своего плана разсказъ объ отдѣльныхъ событіяхъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на характеристикѣ общаго духа событій, учрежденій и понятій въ каждую данную эпоху. Главнымъ же недостаткомъ этихъ трудовъ, въ глазахъ Чернышевскаго, является, какъ мы уже знаемъ, излишній оптимизмъ въ

сужденіяхъ объ историческихъ событіяхъ *). Ученымъ основаніемъ излишняго оптимизма послужило у Гизо одностороннее понятіе о прогрессѣ. Какова бы ни была Западная Европа въ 13-мъ вѣкѣ, но все-таки ея положеніе было тогда лучше, нежели въ 10-омъ вѣкѣ. То же можно сказать о 17-омъ столѣтіи: положеніе Европы было тогда лучше, нежели 400 лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, въ нынѣшнее время, каково бы оно ни было само по себѣ, все-таки лучше 17-го столѣтія. Судьбы европейскаго человѣчества постоянно, хотя и медленно улучшаются. Это неоспоримо. Но изъ этого неоспоримаго факта оптимисты, подобные Гизо, дѣлаютъ неправильные выводы.

Причина постоянныхъ, хотя и медленныхъ улучшеній въ бытѣ европейскаго человѣчества, лежитъ, по словамъ Чернышевскаго, „въ натурѣ самихъ европейскихъ народовъ, которые, подобно всѣмъ другимъ народамъ, не лишены стремленій къ просвѣщенію, къ правдѣ и ко всему другому хорошему“ **). Къ числу хорошихъ свойствъ человѣческой природы относится также врожденная способность и охота трудиться. Всѣми этими хорошими качествами человѣческой природы и объясняется постепенное улучшеніе судебъ человѣчества. „Масса трудится и понемногу совершенствуются производительныя искусства. Она одарена любознательностью или по крайней мѣрѣ любопытствомъ и постепенно развивается просвѣщеніе, благодаря развитію земледѣлія, промышленности и отвлеченныхъ знаній, смягчаются нравы, улучшаются обычаи, потомъ и учрежденія; всему этому причина одна— внутреннее стремленіе массы къ улучшенію своего матеріальнаго и нравственнаго быта“ ***).

Но это внутреннее стремленіе массы къ улучшенію своего быта осуществляется при условіяхъ,—Чернышевскій говоритъ: подъ вліяніемъ формъ,—не всегда для него благопріятныхъ. Условія эти, по словамъ нашего автора, „происходятъ изъ совершенно другихъ началъ и поддерживаются совершенно иными средствами“. Для примѣра Чернышевскій беретъ феодализмъ: „Что общаго имѣлъ онъ съ трудолюбіемъ или любознательностью? Произошелъ онъ изъ завоеванія, цѣлью его было присвоеніе плодовъ чужого труда, поддерживался онъ насиліемъ, ученыхъ стре-

*) Сочиненія, т. VI, стр. 347.
**) Тамъ же, стр. 348.
***) Тамъ же, та же страница.

мленій феодалы не имѣли: они хотѣли проводить въ лѣности все время, остававшееся у нихъ отъ войнъ, турнировъ и тому подобныхъ занятій" *). Поэтому нельзя утверждать, что феодализмъ былъ полезенъ труду въ какомъ бы то ни было отношеніи. Если трудъ достигалъ какихъ-либо результатовъ, то это происходило наперекоръ феодализму, а не благодаря ему. То же надо сказать и объ успѣхахъ знаній. Если эти успѣхи имѣли мѣсто, то опять таки не благодаря феодализму, а вопреки ему. Этимъ объясняется медленность прогресса; этимъ объясняется то, что цивилизація до сихъ поръ остается неудовлетворительною. Чернышевскій говоритъ: „Ни въ чемъ, кромѣ натуры человѣка, не находила себѣ цивилизація поддержки, а люди, трудомъ и любознательностью которыхъ вырабатывалась она, находилась въ положеніи чрезвычайно стѣсненномъ, такъ что дѣятельность ихъ была очень слаба и безпрестанно подвергалась помѣхамъ, уничтожавшимъ большую часть даже того немногаго, что успѣвала она произвести. Едва пріобрѣтаетъ она нѣкоторые успѣхи въ городахъ верхней Италіи, какъ идутъ на нее полчища нѣмцевъ, и результатомъ борьбы императоровъ съ папами оказывается подчиненіе ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ игу кондотьеровъ; едва начинаетъ расцвѣтать трудолюбіе и наука въ южной Франціи, какъ Иннокентій III указываетъ полчищамъ сѣверной Франціи эти цвѣтущія области, провозглашая истребленіе альбигойцевъ. Такъ или иначе, та же самая исторія постоянно повторялась повсюду въ Западной Европѣ" **).

Хотя прогрессъ совершался б л а г о д а р я человѣческой природѣ и в о п р е к и тѣмъ формамъ, при которыхъ ей приходилось осуществлять свои стремленія, однако историки, склонные къ оптимизму, относили его именно на счетъ этихъ формъ, повторяя логическую ошибку, выражающуюся въ формулѣ: post hoc, ergo propter hoc. Они говорили: „прогрессъ совершился при этой формѣ, значитъ онъ былъ вызванъ ею". Чернышевскій замѣчаетъ, что, слѣдуя такой логикѣ, нужно было считать зиму причиной теплоты, сохраняющейся въ жилищахъ наперекоръ вліянію внѣшняго холода. И онъ находитъ, что Гизо болѣе всѣхъ другихъ историковъ повиненъ въ такомъ грѣхѣ противъ логики: у него каждый

*) Тамъ же, та же страница.
**) Тамъ же, та же страница.

значительный фактъ непремѣнно оказывается содѣйствовавшимъ прогрессу *).

Не касаясь тѣхъ причинъ, которыми Чернышевскій объясняетъ оптимизмъ Гизо, мы постараемся анализировать его собственныя разсужденія.

Прежде всего мы замѣтимъ, что въ основѣ всѣхъ его, относящихся сюда, разсужденій лежитъ мысль, противорѣчащая тому, что мы узнали изъ статьи „Антропологическій принципъ въ философіи". Тамъ онъ говорилъ, что человѣкъ по своей природѣ не добръ, не золъ, а дѣлается добрымъ или злымъ, смотря по обстоятельствамъ. Теперь оказывается, что человѣческая природа стремится „къ просвѣщенію, къ правдѣ, ко всему хорошему", и что она настойчиво осуществляетъ это стремленіе, вопреки неблагопріятнымъ для нея обстоятельствамъ. А въ чемъ состоятъ эти обстоятельства? Въ поступкахъ людей, которые убиваютъ своихъ ближнихъ, грабятъ ихъ, и прерываютъ ихъ полезный трудъ всяческими насиліями. Но если поступки такого рода въ свою очередь объясняются природой человѣка, то неполна дѣлаемая здѣсь Чернышевскимъ характеристика человѣческой природы: тогда надобно сказать, что въ природѣ человѣка лежитъ стремленіе не только ко всему хорошему, но также и ко всему дурному. А разъ мы дополнили такимъ образомъ характеристику природы человѣка, передъ нами неизбѣжно возникаетъ вопросъ: почему же въ однихъ случаяхъ брали верхъ свойственныя этой природѣ хорошія стремленія, а въ другихъ—дурныя? Если мы скажемъ,—какъ это говоритъ нашъ авторъ въ статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи,"—что тутъ все зависѣло отъ обстоятельствъ, то это будетъ справедливо. Но тогда передъ нами немедленно возникнетъ вопросъ о томъ, каковы же были обстоятельства, позволившія проявиться тѣмъ злымъ началамъ человѣческой природы, которыя привели, напримѣръ, къ возникновенію феодализма. На этотъ вопросъ въ разсужденіяхъ Чернышевскаго вовсе нѣтъ отвѣта; но зато въ нихъ встрѣчаются замѣчанія, дающія намъ поводъ думать, что онъ врядъ ли согласился бы отнести на счетъ человѣческой природы злые поступки въ родѣ рѣзни, завоеваній, эксплоатаціи чужого труда и т. п. Онъ утверждаетъ, какъ мы видѣли, что формы быта, при неблагопріятномъ вліяніи которыхъ „вырабатывается прогрессъ", происходятъ изъ

*) Тамъ же, стр. 448—349.

совершенно другихъ началъ. Откуда берутся эти начала, остается неизвѣстнымъ. Но откуда бы ни выводилъ ихъ здѣсь нашъ авторъ, ясно, что только покинувъ ту точку зрѣнія, которая защищалась имъ въ статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи", могъ онъ отказаться выводить ихъ изъ человѣческой природы.

Пойдемъ далѣе. Формы, при которыхъ совершается прогрессъ, не всегда благопріятны для него. Хорошо. Какія же это формы? Чернышевскій указываетъ на феодализмъ. Но феодализмъ представляетъ собою цѣлую и довольно сложную совокупность общественныхъ отношеній. Какую же сторону этихъ отношеній имѣетъ въ виду Чернышевскій? Онъ больше всего останавливается на войнахъ, грабежахъ, завоеваніяхъ и т. п. Всмотримся и мы въ эту сторону феодальныхъ отношеній.

Конечно, война до извѣстной степени опредѣляетъ собою общественный строй, но прежде, чѣмъ опредѣлять его, она сама опредѣляется имъ. Поэтому,—и только поэтому,—она имѣетъ различный характеръ на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія: дикари воюютъ между собою иначе, нежели варварскія племена, а варварскія племена иначе, нежели цивилизованные народы. Послѣдствія завоеванія также не одинаковы на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Когда норманны завоевали Англію, то послѣдствія получились одни, а когда нѣмцы завоевали Эльзасъ-Лотарингію, то послѣдствія получились совершенно иныя. Общественныя послѣдствія завоеванія всегда зависѣли отъ общественныхъ отношеній, господствовавшихъ въ средѣ завоевателей съ одной стороны и въ средѣ завоеванныхъ съ другой. Что касается собственно феодализма, разсматриваемаго съ интересующей насъ здѣсь стороны, то нужно помнить, что появленіе особаго сословія, на обязанности котораго лежало занятіе военнымъ дѣломъ, предполагало длинный процессъ соціальнаго развитія, состоявшій въ измѣненіи имущественныхъ, главнымъ образомъ поземельныхъ, отношеній и въ обусловленномъ этимъ измѣненіемъ раздѣленіи общественнаго труда *). И этотъ процессъ совершался на извѣстной экономической основѣ, которая страннымъ образомъ совершенно упускается изъ виду нашимъ авторомъ. Онъ говоритъ, что, слѣдуя своему хорошему стремленію, средневѣковые люди трудились, и что ихъ труду мѣшали

*) Ср. названное выше соч. Д. Петрушевскаго „Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства", стр. 234—256 и 290—309.

такія „формы“, какъ феодализмъ. Но положимъ, что не было бы феодализма и другихъ подобныхъ ему неблагопріятныхъ для труда „формъ“. Спрашивается, какой видъ приняла бы тогда общественная группировка? Какія „формы“ сложились бы подъ вліяніемъ невстрѣчающаго препятствія стремленія къ труду? Чернышевскій, вѣроятно, отвѣтилъ бы, что тогда процвѣли бы тѣ или другія разновидности общиннаго быта. Но каковы были бы предѣлы общинъ, развивающихся при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ. И нѣтъ ли основанія предполагать, что возникли бы тренія между общинами? А если есть такія основанія, то не имѣемъ ли мы право думать, что эти тренія привели бы къ войнамъ, къ угнетенію слабыхъ сильными и ко всѣмъ тѣмъ явленіямъ, наличностью которыхъ Чернышевскій объяснялъ медленное развитіе цивилизаціи?

Отводя насилію преувеличенную роль въ средневѣковой исторіи западно-европейскихъ обществъ, Чернышевскій слѣдовалъ примѣру своихъ учителей—соціалистовъ утопическаго періода, со своей стороны слѣдовавшихъ примѣру французскихъ историковъ временъ реставраціи.

Эти историки очень хорошо умѣли цѣнить роль борьбы классовъ въ развитіи европейскаго общества. Гизо говорилъ, что вся исторія Франціи сдѣлана борьбою классовъ *). На великую французскую революцію французскіе историки названной эпохи тоже смотрѣли, какъ на результатъ борьбы „третьяго сословія“ со свѣтской и духовной аристократіей. Такъ какъ они были идеологами буржуазіи, то естественно, что всѣ ихъ симпатіи были на сторонѣ „третьяго сословія“. Какъ ни склоненъ былъ, напримѣръ, Гизо къ оптимизму, но и его оптимизмъ сводился въ сущности къ тому убѣжденію, что вся исторія Европы со времени паденія Западной Римской Имперіи такъ или иначе подготовляла торжество „третьяго сословія“ или,—какъ точнѣе выражался Гизо,—среднихъ классовъ. И поскольку эти ученые смотрѣли на эту исторію, какъ на закономѣрный процессъ, постольку они видѣли въ ней именно процессъ, подготовляющій торжество буржуазіи. Достаточно напомнить Огюстэна Тьерри съ его превосходной для этого времени „Исторіей третьяго сословія“. Стоя на точкѣ зрѣнія среднихъ классовъ, Огюстэнъ Тьерри и другіе современные

*) Интересно, что эту сторону взглядовъ Гизо Чернышевскій оставилъ безъ вниманія.

ему великіе французскіе историки не питали никакой симпатіи къ феодализму. И хотя они вполнѣ готовы были признать закономѣрность его историческаго появленія, однако оно было изучено ими плохо и объяснялось преимущественно завоеваніемъ. Одни изъ нихъ, напримѣръ, Гизо, очень легко мирились съ фактомъ завоеванія и весьма охотно распространялись объ его благихъ послѣдствіяхъ, которыя, впрочемъ, какъ уже сказано, состояли преимущественно въ томъ, что подготовляли болѣе или менѣе отдаленное торжество средняго класса. Другіе, напримѣръ, Огюстэнъ Тьерри, относились къ факту завоеванія съ большой и даже почти страстной антипатіей. Но какъ бы тамъ ни было, всѣ они объясняли возникновеніе феодализма именно завоеваніемъ, въ противность буржуазному порядку, развитіе котораго объяснялось у нихъ преимущественно экономическими причинами. Съ точки зрѣнія современной экономической науки, открывшей экономическія причины возникновенія феодализма, эта особенность, свойственная взглядамъ французскихъ историковъ временъ реставраціи, конечно, должна быть признана слабой стороной этихъ взглядовъ. Но соціалисты-утописты смотрѣли на этотъ вопросъ иначе. Слабая сторона взглядовъ французскихъ историковъ представлялась имъ, наоборотъ, сильною ихъ стороною, доставлявшей имъ новые доводы противъ основъ существующаго общественнаго порядка: собственность, оказывающаяся послѣдствіемъ завоеванія, лишалась того священнаго вида, какой старались придать ей консерваторы. Поэтому соціалисты-утописты вовсе не расположены были пополнять указанный пробѣлъ во взглядахъ историковъ. Не расположенъ былъ къ этому—какъ мы только что видѣли,—и Чернышевскій. Онъ, подобно всѣмъ соціалистамъ-утопистамъ, приписывалъ завоеванію преувеличенное значеніе. Онъ не замѣчалъ, до какой степени несогласимъ его взглядъ на „формы“, подобныя феодализму и будто бы противныя природѣ человѣка, съ тѣмъ, что говорилось въ очень одобренной имъ рѣчи Грановскаго о значеніи исторіи. Читатель помнитъ, что въ этой рѣчи историческія судьбы народовъ и даже ихъ соціальный бытъ ставились въ причинную зависимость отъ свойствъ географической среды. И мы уже отмѣтили, что вліяніе этой среды самимъ Чернышевскимъ принималось въ смыслѣ облегченія или затрудненія э к о н о м и ч е с к а г о развитія общества, какъ главнѣйшей основы его строя.

Глава пятая.

Чернышевскій и Марксъ.

Мы уже не разъ говорили, что Чернышевскій, подобно Марксу, прошелъ школу Фейербаха. Мы говорили также, что между тѣмъ какъ Чернышевскій продолжалъ держаться взглядовъ Фейербаха, примѣняя ихъ къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ отраслямъ знанія,—напримѣръ, къ эстетикѣ,—Марксъ, въ сотрудничествѣ съ Энгельсомъ, подвергъ эти взгляды коренной переработкѣ въ особенности съ той ихъ стороны, которая имѣла отношеніе къ исторіи. Интересно сравнить результаты, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ въ своемъ объясненіи исторіи, съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ въ той же области нашъ авторъ. Матеріалъ для весьма нагляднаго сравненія можетъ дать большая и чрезвычайная содержательная рецензія Маркса на сочиненіе Гизо: Pourquoi la révolution d'Angleterre a-t-elle réussi? Discours sur l'histoire de la révolution d'Angletere, Paris 1850, появившаяся первоначально въ журналѣ Маркса „Neue Rheinische Zeitung“ и переизданная Рингомъ въ 3-ьемъ томѣ „Литературнаго наслѣдства“ Маркса, Энгельса и Лассаля.

Главный упрекъ, дѣлаемый Марксомъ Гизо въ этой рецензіи, состоитъ въ томъ, что французскій ученый примѣняетъ къ объясненію исторіи Англіи обычныя фразы, употребляющіяся во французскихъ парламентскихъ спорахъ, упуская изъ вида экономическое развитіе этой страны и обусловленную его ходомъ борьбу классовъ внутри англійскаго общества. Говоря о вліяніи религіозныхъ ученій на ходъ англійской революціи, Гизо забываетъ, что ученія эти стояли въ тѣсной причинной связи съ развитіемъ гражданскаго общества. Изгнаніе Стюартовъ изъ Англіи тоже изображается безъ всякой связи даже съ его ближайшими экономическими причинами, напримѣръ, съ опасеніями поземельной аристократіи за тѣ земли, которыя достались ей вслѣдствіе секуляризаціи церковныхъ имѣній и которыя, разумѣется, были бы отобраны у нея, если бы восторжествовалъ католицизмъ, пользовавшійся поддержкой Стюартовъ, и т. д. *). О человѣческой при-

*) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale. Dritter Band, Stuttgart 1902. S. 412—413.

родѣ, о томъ, какъ относятся къ ней нѣкоторыя формы общественнаго быта, въ этой рецензіи Маркса нѣтъ и рѣчи: очевидно, онъ уже въ то время, къ которому она относится, твердо держался принципа, высказаннаго имъ потомъ въ „Капиталѣ“ и гласящаго, что благодаря воздѣйствію человѣка на внѣшнюю природу въ процессѣ производства, измѣняется его собственная природа. Короче, Марксъ уже въ 1850-омъ году,—когда была написана имъ эта рецензія,—судитъ о Гизо, какъ матеріалистъ, между тѣмъ какъ Чернышевскій въ замѣткахъ, написанныхъ 10 лѣтъ спустя, противопоставляетъ разсужденіямъ французскаго историка лишь чисто идеалистическія соображенія.

Замѣтимъ мимоходомъ, что Марксъ былъ не совсѣмъ правъ въ своемъ отношеніи къ Гизо. Этотъ послѣдній далеко не такъ чуждъ пріемовъ матеріалистическаго объясненія историческихъ событій, какъ это можно подумать на основаніи рецензіи Маркса. Впослѣдствіи Энгельсъ гораздо справедливѣе высказывался о французскихъ историкахъ временъ реставраціи. Но для Маркса характерно въ указанной рецензіи даже его слишкомъ строгое отношеніе къ Гизо: оно вызвано было ничѣмъ инымъ, какъ раздраженіемъ при видѣ элементовъ идеализма, несомнѣнно занимавшихъ очень большое мѣсто въ историческихъ взглядахъ французскаго историка. Чернышевскій тоже раздражается противъ Гизо, но онъ раздражается не тѣмъ, что Гизо все-таки оставался въ концѣ концовъ идеалистомъ, а тѣмъ, что сужденія этого ученаго не всегда были достаточно пропитаны той разновидностью идеализма, которой придерживались соціалисты утопическаго періода и въ силу которой они не о б ъ я с н я л и исторіи, а только порицали или одобряли тѣ или другія историческія явленія.

Характеризуя діалектическій методъ, Чернышевскій говорилъ, что въ дѣйствительности все зависитъ отъ условій мѣста и времени, и что поэтому неудовлетворительны тѣ общія, отвлеченныя положенія, съ помощью которыхъ люди судили прежде (до Гегеля) о добрѣ и злѣ. Критикуя взгляды Гизо, онъ самъ начинаетъ судить объ историческихъ событіяхъ съ точки зрѣнія этихъ отвлеченныхъ положеній. Но въ томъ то и дѣло, что ему рѣдко случалось смотрѣть на исторію съ діалектической точки зрѣнія.

Марксъ и Энгельсъ никогда не отрицали историческаго значенія развитія идей вообще и научныхъ понятій въ частности. Однако, они твердо помнили, что не бытіе опредѣляется сознаніемъ, а сознаніе бытіемъ, и что, слѣдовательно, не исторія идео-

ологій объясняетъ собою исторію общества, а наоборотъ, исторія общества объясняетъ собою исторію идеологій. Чернышевскій также хорошо видѣлъ это въ отдѣльныхъ случаяхъ. Мы уже знаемъ тому блестящіе примѣры. Но когда онъ сводилъ въ одно цѣлое свои отдѣльные историческіе взгляды, онъ какъ будто совсѣмъ забывалъ свои матеріалистическія мысли и ставилъ развитіе бытія въ причинную зависимость отъ развитія сознанія. Самыя замѣчательныя въ этомъ отношеніи страницы его находятся въ его рецензіи на книгу Новицкаго „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій". („Современникъ" 1860-ый годъ, № 6, перепечатана въ пол. собр. сочин.).

Въ этой рецензіи Чернышевскій сравниваетъ исторію человѣчества съ военными походами. При военныхъ походахъ появляются обыкновенно отсталые, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе подвигается впередъ армія со своимъ генеральнымъ штабомъ. При быстрыхъ наступленіяхъ бываетъ иногда такъ, что большинство солдатъ остается назади. Эти отсталые уже не участвуютъ въ битвахъ и только обременяютъ собою своихъ, находящихся въ строю, товарищей, на плечи которыхъ и падаетъ вся тяжесть борьбы. Но когда ихъ борьба оканчивается побѣдой; когда враги приводятся къ покорности, а побѣдители получаютъ возможность отдохнуть, тогда отсталые мало-по-малу нагоняютъ передовыхъ, и въ концѣ концовъ вся армія опять соединяется подъ своими знаменами, какъ это было въ началѣ похода. То же самое замѣчается и въ умственномъ движеніи человѣчества. Сначала всѣ народы идутъ наравнѣ: древніе греки имѣли нѣкогда такія понятія, какія теперь свойственны готтентотамъ. Потомъ нѣкоторые народы стали уходить впередъ, а другіе отставать отъ нихъ. Греки, изображенные Гомеромъ, были уже передовымъ народомъ сравнительно съ какими-нибудь троглодитами или лестригонами. Далѣе и между греками стали появляться отсталые и передовые. Такъ, напримѣръ, уже въ эпоху Солона спартанцы далеко отставали отъ аѳинянъ. Потомъ и въ средѣ самихъ аѳинянъ возникло раздѣленіе. „Мудрость Солона,—говоритъ Чернышевскій,—была понятна и доступна каждому аѳинскому гражданину, а Сократъ кажется уже вольнодумцемъ большинству своихъ соотечественниковъ" *).

*) Сочиненія, VI, 265.

То же видимъ мы и въ новой исторіи. Первоначально вся масса людей, населявшая провинціи бывшей Западной Римской Имперіи имѣла одинаковый взглядъ на вещи: „папа въ 7-омъ или 8-омъ вѣкѣ отличается отъ самаго необразованнаго французскаго или ирландскаго поселянина только тѣмъ, что больше его помнитъ текстовъ и молитвъ, а не тѣмъ, чтобы иначе разумѣлъ смыслъ ихъ". Черезъ нѣсколько времени дѣло измѣняется: различіе сословій по матеріальному положенію производитъ разницу и въ ихъ умственной жизни" *). Церковныя богатства даютъ возможность образоваться теологамъ, между которыми самые даровитые принимаются уже за передѣлку старыхъ понятій. Вмѣстѣ съ этимъ идетъ впередъ и наука, которая тоже развиваетъ въ себѣ содержаніе, понятное лишь для спеціалистовъ и потому недоступное массѣ. Эти успѣхи знаній „основаны на матеріальныхъ средствахъ, которыми располагаетъ духовенство и среднее сословіе; горожане участвуютъ и въ произведеніи новой поэзіи, уже недоступной всему народу, остающемуся при прежнихъ сказкахъ и пѣсняхъ: въ городскихъ цехахъ составляются компаніи мастеровъ поэзіи, мейстерзингеровъ; но еще больше содѣйствуютъ этой перемѣнѣ богатства феодальныхъ бароновъ, у которыхъ являются придворные поэты-трубадуры" **). Но въ средніе вѣка разстояніе между передовыми людьми и массой было все-таки меньше, нежели оно стало въ новое время, когда наука начала развиваться съ замѣчательною быстротою, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія продолжало оставаться въ невѣжествѣ, очень близкомъ къ тому, въ какомъ оно находилось въ 9-мъ или 10-мъ вѣкѣ. Не менѣе быстро развивалась и поэзія образованныхъ сословій, между тѣмъ какъ масса оставалась при искаженныхъ клочкахъ общенародной поэзіи среднихъ вѣковъ. Подобное же отношеніе существуетъ даже въ средѣ образованныхъ людей. Чернышевскій приводитъ примѣръ Шекспира. „Мы видимъ,—говоритъ онъ,—что очень немногіе англійскіе поэты прошлаго вѣка понимали Шекспира и очень немногіе люди въ образованной публикѣ умѣли цѣнить этихъ поэтовъ. Остальные очень долго продолжали держаться надутой реторики или холодной прилизанности, которая принадлежала степени поэтическаго развитія несравненно низшей, чѣмъ Шекспировская натуральность. То же самое происходило и продолжаетъ

*) Тамъ же, стр. 266.
**) Тамъ же, та же стр.

происходить повсюду во всѣхъ направленіяхъ умственной жизни" *).

Отсталость всегда была до сихъ поръ участью большинства. Такъ продолжаетъ быть и теперь. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что такъ всегда будетъ. Завоеванная истина такъ проста, такъ понятна каждому, что принять ее гораздо легче, нежели открыть. И она будетъ принята массой, когда дойдетъ до ея свѣдѣнія.

Чернышевскій такъ резюмируетъ свой взглядъ на ходъ умственнаго развитія человѣчества: „Дѣло начинается постепеннымъ выдѣленіемъ людей высшаго умственнаго развитія изъ толпы, которая все дальше и дальше отстаетъ отъ ихъ быстраго движенія. Но по достиженіи очень высокихъ степеней развитія умственная жизнь передовыхъ людей получаетъ характеръ все болѣе и болѣе доступный простымъ людямъ, все больше и больше соотвѣтствующій простымъ потребностямъ массы, и вторая, высшая половина исторической умственной жизни состоитъ по своему отношенію къ умственной жизни простолюдиновъ въ постепенномъ возвращеніи того единства народной жизни, которое было при самомъ началѣ и которое разрушалось въ первой половинѣ движенія".

По словамъ Чернышевскаго, завоеванная истина сообразна съ потребностями массы. Какая же это истина? Это, очевидно, не математическая и не естественно-научная истина. Математическія и естественно-научныя истины не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ интересамъ массы. А если бы и было у нихъ такое отношеніе, то все-таки для ихъ пониманія нужна была бы извѣстная, болѣе или менѣе значительная спеціальная подготовка. Чернышевскій намекаетъ на истину, касающуюся взаимныхъ отношеній людей въ обществѣ. Онъ считалъ, что эта истина уже открыта его западно-европейскими учителями—Фейербахомъ и великими представителями утопическаго соціализма: Робертомъ Оуэномъ, Фурье и другими. Поэтому онъ полагалъ, что уже началась или скоро начнется вторая половина исторической умственной жизни человѣчества, та высшая его половина, въ теченіе которой откроется, наконецъ, истина и распространится въ массѣ, вслѣдствіе чего масса сблизится въ своихъ понятіяхъ съ самыми передовыми людьми. Ручательствомъ за возможность усвоенія массой открытой, наконецъ, истины служитъ, во-первыхъ, ея про-

*) Тамъ же, 267.

стота, а во-вторыхъ, ея соотвѣтствіе съ интересами массы. Тотъ самый расчетъ, которымъ обыкновенно руководствуются люди въ своихъ поступкахъ, заставитъ массу не только усвоить истину, но и воплотить ее въ своей общественной жизни. Такъ представляется Чернышевскому дальнѣйшій ходъ общественнаго развитія. Сознаніе опредѣлитъ собою бытіе, и поэтому нѣтъ надобности изслѣдовать, въ какой мѣрѣ и какое именно общественное бытіе можетъ содѣйствовать усвоенію массой соціальной истины. Истина эта такъ проста, что ее пойметъ всякій человѣкъ, способный къ самому элементарному расчету. Это представленіе о дальнѣйшемъ ходѣ общественнаго развитія прямо противуположно тому, который мы находимъ у основателей научнаго соціализма. Когда Марксъ и Энгельсъ дѣлали свой извѣстный „прогнозъ“, они аппеллировали ко внутреннимъ противорѣчіямъ капиталистическаго общества и доказывали, что неизбѣжное и неотвратимое развитіе этихъ противорѣчій капитализма приведетъ огромное большинство производителей къ усвоенію новыхъ общественныхъ идеаловъ. Ходъ развитія сознанія разсматривался здѣсь, какъ необходимое слѣдствіе опредѣленнаго хода развитія бытія. Чернышевскій не анализируетъ внутреннихъ противорѣчій, свойственныхъ общественному бытію. Онъ довольствуется констатированіемъ того факта, что „форма“ этого бытія повсюду неблагопріятна теперь для огромной массы населенія. Этого факта достаточно, по его мнѣнію, для того, чтобы масса усвоила соціальную истину. Крайняя простота этой истины дѣлаетъ ее доступной для пониманія „простолюдиновъ“, живущихъ при самыхъ различныхъ отношеніяхъ производства. Дальнѣйшій ходъ развитія бытія представляется Чернышевскому простымъ слѣдствіемъ извѣстнаго завоеванія сознанія. Марксъ и Энгельсъ смотрѣли на вопросъ съ точки зрѣнія матеріализма. Чернышевскій разсматривалъ этотъ же вопросъ съ идеалистической точки зрѣнія. Историческіе взгляды Маркса и Энгельса были вѣрны митеріалистическому духу Фейербаховой философіи. Историческіе взгляды Чернышевкаго противорѣчили этому духу. Конечно, тутъ безусловно необходимо помнить, что въ своихъ историческихъ взглядахъ учитель Чернышевскаго самъ былъ невѣренъ основнымъ положеніямъ своей философіи, какъ это показано Энгельсомъ въ брошюрѣ „Людвигъ Фейербахъ“.

Слишкомъ прямолинейный характеръ понятія Чернышевскаго о прогрессѣ ясно обнаруживается въ томъ, что говорится у него о Шекспирѣ. Правда, что только очень немногіе образованные

англичане 18-го вѣка умѣли цѣнить великое достоинство сочиненій геніальнаго драматурга, большинство же англійской публики того времени смотрѣло на него довольно пренебрежительно. Но это объясняется вовсе не отсутствіемъ знаній у этого большинства. Фактъ тотъ, что въ то время, когда огромнѣйшая часть такъ называемой образованной публики смотрѣла на Шекспира сверху внизъ, городскіе „простолюдины", имѣвшіе, конечно, меньше литературныхъ знаній, чѣмъ тогдашніе „образованные" люди, относились къ нему съ большою и нерѣдко довольно бурно выражаемой симпатіей. Объясненіе этого факта заключается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ классовой психологіи въ англійскомъ обществѣ 18-го, а также и 17-го вѣка. Со времени реставраціи англійская аристократія стремилась перенести къ себѣ на родину вкусы блестящаго французскаго дворянства, которымъ очень мало соотвѣтствовалъ грубоватый и подчасъ прямо „простонародный" реализмъ Шекспира. Но за этотъ-то реализмъ его и любили „простолюдины". Какъ видимъ, исторія взгляда англичанъ на Шекспира была на самомъ дѣлѣ много сложнѣе, нежели думалъ Чернышевскій, на этотъ разъ опять позабывшій свои собственныя прекрасныя слова о томъ, что на исторію мнѣній нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія экзамена: люди знали одно, а не знали другого и т. д.

Только что изложенная рецензія еще разъ показываетъ намъ, что въ своихъ историческихъ разсужденіяхъ нашъ авторъ часто переходилъ съ идеалистической точки зрѣнія на матеріалистическую и наоборотъ. Заключающееся въ ней пониманіе исторіи пропитано духомъ идеализма. Но когда Чернышевскій разсматриваетъ отдѣльныя историческія явленія, обусловливавшія собою успѣхи умственной жизни человѣчества, онъ нерѣдко разсуждаетъ, какъ матеріалистъ. „Различіе сословій по матеріальному положенію производитъ разницу и въ ихъ умственной жизни",—говоритъ онъ. „Успѣхи средневѣковаго просвѣщенія основывались, по его словамъ, на матеріальныхъ средствахъ, находившихся въ распоряженіи духовенства, средняго сословія и феодальныхъ барововъ. Такимъ образомъ выходитъ, что развитіе мысли отнюдь не было наиболѣе глубокой причиной историческаго движенія. Напротивъ, оно само опредѣлялось экономическимъ развитіемъ общества. Всякій видитъ, что матеріалистическіе взгляды этого рода находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ историческимъ идеализмомъ Чернышевскаго.

Мы уже знаемъ, что Чернышевскій считалъ феодализмъ одной изъ тѣхъ „формъ“, которыя своимъ возникновеніемъ и существованіемъ задерживали поступательное движеніе народовъ. Этой идеалистической оцѣнкѣ феодализма противорѣчитъ только что указанная нами матеріалистическая его оцѣнка, согласно которой феодализмъ былъ „формой“, способствующей накопленію знаній, а, слѣдовательно, и прогрессивному движенію человѣчества. Чтобы устранить это противорѣчіе, Чернышевскому нужно было бы послѣдовательно держаться или матеріализма, или идеализма. Но такая послѣдовательность была недостижима для него, какъ для представителя переходной эпохи въ развитіи научнаго пониманія исторіи: той эпохи, когда матеріализмъ уже велъ борьбу съ идеализмомъ въ этой области, но когда онъ еще былъ далекъ отъ побѣды и когда послѣднее слово все еще принадлежало идеализму.

Намъ могутъ напомнить, что, согласно нашему замѣчанію, разобранныя нами рецензіи Чернышевскаго появились уже послѣ того, какъ историческіе взгляды Маркса и Энгельса сложились въ стройное цѣлое. Мы и не забываемъ этого. Но мы думаемъ, что дѣло не рѣшается здѣсь простыми хронологическими справками. Главныя сочиненія Лассаля тоже явились уже послѣ того, какъ историческіе взгляды Маркса и Энгельса приняли стройный видъ, а между тѣмъ, по своему идейному содержанію, сочиненія эти тоже принадлежатъ къ эпохѣ перехода отъ историческаго идеализма къ историческому матеріализму. Дѣло не въ томъ, когда вышло данное сочиненіе, а въ томъ каково было его содержаніе.

Если въ предыдущія историческія эпохи прогрессъ знаній обусловливался складомъ экономическихъ отношеній, то, переходя къ нашей эпохѣ, Чернышевскому нужно было спросить себя, каковы тѣ ея экономическія особенности, которыя повели къ открытію соціальной истины и обезпечивали ея будущее осуществленіе въ жизни. Но для того, чтобы задаться этимъ вопросомъ, нужно было рѣшительно порвать съ идеализмомъ и обѣими ногами встать на почву матеріалистическаго объясненія исторіи. Мы не станемъ повторять, что Чернышевскій былъ еще далекъ отъ разрыва съ идеализмомъ, и что его представленіе о дальнѣйшемъ ходѣ общественнаго развитія было совершенно идеалистическимъ. Мы только попросимъ читателя замѣтить, что историческій идеализмъ Чернышевскаго заставлялъ его отводить въ своихъ соображеніяхъ о будущемъ первое мѣсто „передовымъ“ людямъ,—интеллигентамъ, какъ выражаются у насъ те-

перь,—которые должны распространить въ массѣ открытую, наконецъ, соціальную истину. Массѣ отводится у него роль отсталыхъ солдатъ подвигающейся впередъ арміи. Конечно, ни одинъ толковый матеріалистъ не станетъ утверждать, будто средній „простолюдинъ“ только потому, что онъ простолюдинъ, т.-е. „человѣкъ массы“, знаетъ не меньше средняго „интеллигента“. Онъ знаетъ, конечно, меньше его. Но, вѣдь, рѣчь идетъ не о знаніяхъ „простолюдина“, а объ его поступкахъ. Поступки же людей не всегда опредѣляются ихъ знаніями и всегда опредѣляются *не только* ихъ знаніями, а также—и самымъ главнымъ образомъ,—ихъ положеніемъ, которое только освѣщается и осмысливается свойственными имъ знаніями. Тутъ опять приходится вспомнить основное положеніе матеріализма вообще и матеріалистическаго объясненія исторіи въ частности: не бытіе опредѣляется сознаніемъ, а сознаніе бытіемъ. „Сознаніе“ человѣка изъ „интеллигенціи“ болѣе развито, нежели сознаніе человѣка изъ „массы“. Но „бытіе“ человѣка изъ массы предписываетъ ему гораздо болѣе опредѣленный способъ дѣйствія, нежели тотъ, который предписывается интеллигенту его общественнымъ положеніемъ. Вотъ почему матеріалистическій взглядъ на исторію позволяетъ лишь въ извѣстномъ и притомъ очень ограниченномъ смыслѣ говорить объ отсталости человѣка изъ „массы“ сравнительно съ человѣкомъ изъ интеллигенціи: въ извѣстномъ смыслѣ „простолюдинъ“, несомнѣнно, отстаетъ отъ „интеллигента“, а въ другомъ смыслѣ онъ, несомнѣнно, опережаетъ его. И именно потому, что это такъ, сторонникъ матеріалистическаго объясненія исторіи, отнюдь не повторяя нелѣпыхъ нападокъ на интеллигенцію, идущихъ изъ черносотеннаго и синдикалистскаго лагеря, въ то же время никогда не согласится отвести интеллигенціи ту роль Деміурга исторіи, которую отводятъ ей обыкновенно идеалисты. Есть разные роды аристократизма. Историческій идеализмъ грѣшитъ „аристократизмомъ знанія“.

То, что въ историческихъ взглядахъ Чернышевскаго было недостаткомъ, вызваннымъ неразработанностью Фейербаховскаго матеріализма, стало впослѣдствіи основою нашего субъективизма, не имѣвшаго ничего общаго съ матеріализмомъ и рѣшительно возставшимъ противъ него не только въ области исторіи, но также и въ области философіи. Субъективисты хвастливо называли себя продолжателями лучшихъ традицій 60-ыхъ годовъ. На самомъ дѣлѣ они продолжали только слабыя стороны свойствен-

наго этой эпохѣ міросозерцанія. Сильныя стороны міросозерцанія той же эпохи легли въ основу взглядовъ матеріалистическихъ противниковъ „субъективизма“. На этомъ основаніи не трудно рѣшить вопросъ, кто собственно былъ болѣе вѣренъ лучшимъ традиціямъ 60-ыхъ годовъ.

Заговоривъ о „субъективистахъ“, мы невольно вспоминаемъ ихъ нѣкогда частыя и многорѣчивыя разсужденія о „роли личности въ исторіи“. Правы ли были „субъективисты“, утверждая, что въ этихъ разсужденіяхъ повторяются и развиваются взгляды нашихъ великихъ „просвѣтителей?“ И да, и нѣтъ. Идеалистическій взглядъ на исторію, какъ мы уже видѣли, по необходимости отводитъ „передовымъ личностямъ“ страшно преувеличенную роль. И поскольку, напримѣръ, Чернышескій держался этого идеализма, постольку его взглядъ на роль личности въ исторіи былъ близокъ ко взгляду „субъективистовъ“. Но мы уже знаемъ, что въ его міросозерцаніи существовали также зародыши матеріалистическаго объясненія исторіи. И поскольку они существовали, постольку взглядъ Чернышевскаго на интересующій насъ здѣсь предметъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ „субъективнаго“ взгляда.

Въ рѣчи Грановскаго „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“, о которой съ такой безусловной похвалой отзывается Чернышевскій, приводятся между прочимъ слѣдующія слова академика Бера: „Ходъ всемірной исторіи опредѣляется внѣшними физическими условіями. Вліяніе отдѣльныхъ личностей въ сравненіи съ ними ничтожно. Онѣ всегда почти приводили только въ исполненіе то, что уже было подготовлено, и такъ или иначе, а должно было совершиться. Стремленіе установить что-нибудь совершенно новое и неподготовленное остается безуспѣшно или влечетъ за собой только разрушеніе“ *). Грановскій ничего не возражаетъ противъ этого взгляда. Не возражаетъ противъ него и Чернышевскій въ своей статьѣ о Грановскомъ. Но какъ же относится этотъ взглядъ ко взгляду сторонниковъ матеріалистическаго объясненія исторіи? Онъ является намекомъ на него, первымъ шагомъ научной мысли въ томъ направленіи, по которому съ такимъ успѣхомъ пошли впослѣдствіи Марксъ и Энгельсъ. „Личности“, въ самомъ дѣлѣ, всегда приводили въ исполненіе только то, что уже было подготовлено. Тутъ Беръ правъ. Но онъ дѣлаетъ большую ошибку, когда сравниваетъ вліяніе отдѣльныхъ

*) Соч. Грановскаго стр. 34—35.

личностей съ вліяніемъ внѣшнихъ физическихъ условій. Это послѣднее вліяніе рѣдко бывало непосредственнымъ. Чаще всего физическія условія вліяли на исторію лишь косвенно, лишь черезъ посредство тѣхъ соціальныхъ отношеній, которыя ими вызывались. Поэтому вліяніе отдѣльныхъ личностей нужно было бы сравнивать не съ вліяніемъ внѣшнихъ физическихъ условій, а съ вліяніемъ соціальныхъ отношеній. Однако, методологически и это сравненіе рискуетъ быть очень неправильнымъ, потому что соціальныя отношенія суть отношенія людей, а не какихъ-то метафизическихъ сущностей, хотя и касающихся людей, но все-таки какъ будто имъ противостоящихъ. Въ дѣйствительности исторію дѣлаютъ люди, но дѣлаютъ они ее такъ, а не иначе не потому, что они сознательно хотятъ сдѣлать ее именно такъ и именно не иначе, а потому, что ихъ дѣйствія опредѣляются независящими отъ ихъ воли условіями. Въ числѣ этихъ условій нужно, разумѣется, отмѣтить и внѣшнія физическія условія; но главное мѣсто нужно отвести тѣмъ отношеніямъ производства, которыя возникаютъ на почвѣ данныхъ производительныхъ силъ, въ свою очередь немало зависящихъ отъ географической среды. У Бера есть ясные намеки на все это: не даромъ же онъ говоритъ о вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ. Но то, что было справедливо въ этихъ ясныхъ намекахъ, получило надлежащее развитіе лишь въ историческомъ матеріализмѣ Маркса-Энгельса.

Въ своемъ сочиненіи о Лессингѣ Чернышевскій слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой взглядъ на возможную роль отдѣльныхъ личностей въ исторіи.

„Ходъ великихъ міровыхъ событій неизбѣженъ и неотвратимъ, какъ теченіе великой рѣки: никакая скала, никакая пропасть не удержитъ ея, не говоря уже о плотинахъ, произвольно устраиваемыхъ: плотиною ничья сила не пересыплетъ Рейна или Волги, и всесильная рѣка однимъ напоромъ выброситъ на берегъ всѣ сваи и весь мусоръ, которымъ дерзкая рука безумца хотѣла преградить ея теченіе; единственнымъ результатомъ безразсудной политики будетъ только то, что берегъ, который спокойно напоялся бы рѣкой и зеленѣлъ роскошнымъ лугомъ, будетъ на время истерзанъ и обезображенъ гнѣвомъ оскорбленной волны,—а рѣка пойдетъ-таки своимъ путемъ, зальетъ всѣ пропасти, прорветъ хребты горъ и достигнетъ океана, къ которому стремится. Совершеніе великихъ міровыхъ событій не зависитъ ни отъ чьей

воли, ни отъ какой личности. Онѣ совершаются по закону столько же непреложному, какъ законъ тяготѣнія или органическаго возрастанія. Но скорѣе или медленнѣе совершается міровое событіе, тѣмъ или другимъ способомъ совершится оно—это зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть и опредѣлить напередъ. Важнѣйшее изъ этихъ обстоятельствъ—появленіе сильныхъ личностей, которыя характеромъ своей дѣятельности даютъ тотъ или другой характеръ неизмѣнному направленію событій, ускоряютъ или замедляютъ его ходъ и сообщаютъ своею преобладающей силою правильность хаотическому волненію силъ, приводящихъ въ движеніе массы“ *).

Къ этимъ мыслямъ можно прибавить только два замѣчанія.

Во-первыхъ, появленіе сильныхъ личностей тоже не случайно. Давно уже было замѣчено, что сильныя личности часто появляются въ исторіи именно тогда, когда есть большой спросъ на нихъ. Чѣмъ это объясняется? Просто-на-просто тѣмъ, что сильныя личности даннаго разряда не при всякомъ общественномъ строѣ могутъ найти приложеніе для своихъ способностей. Вотъ, напримѣръ, никто не станетъ оспаривать, что сильная личность Наполеона положила чрезвычайно глубокую печать на извѣстную историческую эпоху. Но нужны были особыя историческія условія для того, чтобы сила Наполеона могла развернуться во всей своей полнотѣ. Продержись старый порядокъ 30-ю годами дольше, и мы не знаемъ, какъ сложилась бы жизнь Наполеона. Говорятъ, что за нѣсколько лѣтъ до революціи онъ хотѣлъ уѣхать въ Россію, чтобы служить въ русской арміи. Нечего и говорить, что карьера, которая ждала бы его тамъ, ни въ какомъ случаѣ не привела бы его къ міровому господству. А Наполеоновы маршалы? Въ 1789 году Ней, Мюратъ и Сультъ были унтеръ-офицерами. Не случись революціи, они можетъ быть никогда не увидѣли бы офицерскихъ эполетъ. Въ томъ же году, т. е. въ томъ году, когда началась революція, Ожэро былъ простымъ учителемъ фехтованія, Ланнъ—красильщикомъ, Гувіонъ Сэн-Сиръ актеромъ, Мармонъ—наборщикомъ, Жюно—студентомъ юридическаго факультета и т. д. Всѣ эти люди имѣли очень большія военныя способности. Но старый порядокъ не позволилъ бы этимъ способностямъ развернуться; извѣстно, что при Людовикѣ XV только одно лицо не дворянскаго сословія дослужилось до чина генералъ-

*) Соч. III, 644—645.

лейтенанта, а при Людовикѣ XVI еще болѣе была затруднена военная карьера для лицъ не дворянскаго происхожденія *). Выходитъ, стало быть, что общественныя отношенія, существующія въ данное время у даннаго народа, опредѣляютъ собою, будетъ или не будетъ открыта въ данной области дорога для извѣстной категоріи сильныхъ личностей. А такъ какъ всякій данный складъ общественныхъ отношеній представляетъ собою нѣчто вполнѣ закономѣрное, то ясно, что и въ появленіи сильныхъ личностей на аренѣ исторіи есть своя закономѣрность.

Во-вторыхъ, справедливо то, что, разъ появившись на исторической аренѣ, сильная личность ускоряетъ своею дѣятельностью ходъ событій. Но и тутъ очевидно, что величина ускоренія зависитъ отъ свойствъ той соціальной среды, въ которой приходится дѣйствовать сильной личности.

Съ этими оговорками взглядъ Чернышевскаго вполнѣ пріемлемъ для сторонниковъ современнаго матеріалистическаго объясненія исторіи. Не нужно много проницательности, чтобы видѣть, какъ далекъ этотъ взглядъ отъ ученія нашихъ субъективныхъ соціологовъ. Эти господа имѣли пріятное обыкновеніе обвинять „учениковъ“ Маркса въ томъ, что тѣ отказывались будто бы отъ наслѣдства 60-ыхъ годовъ. Но если сопоставить ихъ іереміады съ тѣмъ, что говоритъ о роли личности Чернышевскій въ только что приведенной нами выпискѣ, то будетъ ясно, что эти іереміады съ такимъ же основаніемъ, вѣрнѣе съ такимъ же полнымъ отсутствіемъ логическаго основанія могли бы быть направлены по адресу Чернышевскаго, съ какимъ они направлялись по адресу марксистовъ. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, только марксисты оставались вѣрны лучшимъ завѣтамъ нашихъ великихъ „просвѣтителей“ 60-ыхъ годовъ.

Глава шестая.

Послѣднія историческія сочиненія Чернышевскаго.

Какъ уже сказано, Чернышевскій по возвращеніи изъ Сибири занимался между прочимъ переводомъ всеобщей исторіи Вебера и къ нѣкоторымъ томамъ своего перевода сдѣлалъ приложенія,

*) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей статьѣ. „Къ вопросу о личности въ исторіи“ въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“.

весьма важныя для характеристики его историческихъ воззрѣній. Мы разсмотримъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Всѣ эти приложенія посвящаются изложенію „научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи". По весьма понятной причинѣ наибольшій интересъ имѣетъ для насъ приложеніе, разсматривающее тѣ элементы, которыми производится по мнѣнію Чернышевскаго, прогрессъ.

Для Чернышевскаго прогрессъ заключается въ улучшеніи человѣческихъ понятій и привычекъ. Поэтому и вопросъ о причинахъ, производящихъ прогрессъ, сводится для него къ вопросу о томъ, чѣмъ вызывается названное улучшеніе.

Чернышевскій говоритъ, что всѣ тѣ преимущества, какія имѣетъ человѣческая жизнь надъ жизнью животныхъ, представляетъ собою результаты умственнаго превосходства человѣка. Поэтому основной силой, возвышавшей человѣческій бытъ, Чернышевскій признаетъ умственное развитіе людей. Конечно, умственная сила можетъ производить и часто въ самомъ дѣлѣ производитъ вредные результаты; но она производитъ ихъ, по замѣчанію Чернышевскаго, лишь подъ вліяніемъ силъ и обстоятельствъ, искажающихъ природный характеръ ея. „Само по себѣ умственное развитіе,—говоритъ онъ,—имѣетъ тенденцію улучшать понятіе человѣка о его обязанностяхъ относительно другихъ людей, дѣлать его болѣе добрымъ, развивать въ немъ понятіе о справедливости и честности" *).

Это, какъ видимъ, тотъ самый взглядъ, который Чернышевскій излагалъ когда-то въ своихъ замѣткахъ о книгахъ Гизо. Нѣтъ надобности пояснять, что взглядъ, согласно которому умственное развитіе является главной движущей силой прогресса, есть идеалистическій взглядъ.

Утвердившись на своей идеалистической точкѣ зрѣнія, Чернышевскій разсуждаетъ по своему очень логично, говоря, что такъ какъ всякая перемѣна въ народной жизни есть сумма перемѣнъ въ жизни отдѣльныхъ людей, составляющихъ націю, то при разсмотрѣніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя благопріятны или неблагопріятны улучшенію умственной и нравственной жизни народовъ, нужно выяснить себѣ, отъ какихъ причинъ улучшается или портится отдѣльный человѣкъ въ умственномъ или нравственномъ отношеніи.

„Политическая экономія,—которая раньше другихъ обществен-

*) Сочиненія, X, ч. 2-я, отд. IV-ый, стр. 170.

ныхъ наукъ выработала точныя понятія объ условіяхъ прогресса,— установила какъ незыблемый принципъ, что только добровольная дѣятельность человѣка производитъ хорошіе результаты, между тѣмъ какъ все, дѣлаемое человѣкомъ по внѣшнему принужденію, выходитъ очень плохо. Примѣняя эту истину къ вопросу объ успѣшности матеріальнаго человѣческаго труда, мы получаемъ тотъ выводъ, что „всѣ формы не добровольной работы не производительны и что матеріальнымъ благосостояніемъ можетъ пользоваться только то общество, въ которомъ люди пашутъ землю, изготовляютъ одежду, строятъ жилища, каждый по собственному убѣжденію въ возможности для него заниматься той же работой, надъ которой онъ трудится“ *).

Примѣняя тотъ же принципъ къ вопросу о пріобрѣтеніи и сохраненіи умственныхъ и нравственныхъ благъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что „никакое внѣшнее принужденіе не можетъ поддержать человѣка ни на умственной, ни на нравственной высотѣ, когда онъ самъ не желаетъ держаться на ней“ **).

Эти выводы, подкрѣпляемые у Чернышевскаго рядомъ педагогическихъ соображеній, имѣютъ въ его глазахъ не только теоретическую, но и практическую важность. Образованныя націи обыкновенно смотрятъ на дикія племена, какъ на дѣтей, воспитаніе которыхъ можетъ и должно насильственно направляться къ опредѣленной благой цѣли. Такъ же смотритъ образованное сословіе цивилизованныхъ націй на невѣжественныя массы своихъ собственныхъ странъ. Чернышевскій энергично возстаетъ противъ этого взгляда. Онъ говоритъ, что даже самые грубые изъ дикарей вовсе не дѣти, а такіе же взрослые люди, какъ и мы. Но если бы мы даже и признали вѣрнымъ невѣрное сравненіе дикихъ и необразованныхъ людей съ дѣтьми, то мы все-таки не имѣли бы ни малѣйшаго права примѣнять насиліе къ воспитанію дикарей или „простолюдиновъ“, потому что, какъ мы уже знаемъ, насиліе ни къ чему хорошему никогда не приводитъ. „Если мы, просвѣщенные люди какого-нибудь народа,—говоритъ нашъ авторъ,— желаемъ добра массѣ нашихъ соплеменниковъ, имѣющей дурныя, вредныя для нея привычки, наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы знакомить ее съ хорошимъ и заботиться о доставленіи ей возможности усвоить его. Прибѣгать къ насилію—дѣло совер-

*) Тамъ же, 171.
**) Тамъ же, 171.

шенно неумѣстное... Тѣ ученые, которые желаютъ, чтобы правительство какой-нибудь цивилизованной страны принимало насильственныя мѣры для преобразованія жизни своего народа,— люди менѣе просвѣщенныхъ понятій, чѣмъ правители турецкаго государства" *).

Тутъ мы сдѣлаемъ сравненіе, которое можно сказать напрашивается само собой. Написанный Марксомъ уставъ Интернаціонала начинается тѣмъ замѣнитымъ положеніемъ, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ". Это, если хотите, та же самая мысль, которую защищаетъ Чернышевскій. Но, формулируя эту мысль, Марксъ обращается непосредственно къ пролетаріату, тогда какъ Чернышевскій имѣетъ въ виду тѣхъ болѣе или менѣе благовоспитанныхъ людей, которые захотѣли бы заняться улучшеніемъ участи рабочаго класса. Это коренное различіе вполнѣ соотвѣтствуетъ той, указанной выше, особенности историческихъ взглядовъ Чернышевскаго, въ силу которой настоящимъ дѣйствующимъ отрядомъ въ исторіи ему представлялась собственно интеллигенція, а масса „простолюдиновъ" напоминала ему отсталые элементы арміи. Мы уже сказали, что эта особенность находится въ тѣсной причинной связи съ идеалистическимъ характеромъ историческихъ воззрѣній нашего автора.

Вопросъ о насиліи логически приводитъ его къ вопросу о томъ, „въ какихъ случаяхъ разумъ и совѣсть могутъ оправдывать завоеваніе" **). Чернышевскій говоритъ, что всѣ такіе случаи подходятъ подъ понятіе самообороны. Болѣе сильный народъ всегда имѣетъ возможность устроить свои отношенія къ менѣе сильному такъ, чтобы жить съ нимъ въ мирѣ. Завоеваніе народа всегда является нарушеніемъ справедливости. Но это относится собственно къ осѣдлымъ народамъ. На номадовъ Чернышевскій смотритъ иначе. Нѣкоторые номады отличаются миролюбіемъ; завоеваніе ихъ несправедливо. Но многіе номады занимаются грабежомъ своихъ сосѣдей; ихъ завоеваніе оправдывается разумомъ и совѣстью. И вотъ тутъ-то возникаетъ вопросъ, имѣютъ ли цивилизованные завоеватели право принуждать завоеванныхъ номадовъ къ перемѣнѣ ихъ обычаевъ. Чернышевскій отвѣчаетъ, что имѣютъ, насколько это необходимо для предотвращенія разбоевъ. Бѣда лишь въ томъ, что цивилизованные завоеватели

*) Тамъ же, 175—176.
**) Тамъ же, 176.

думаютъ обыкновенно лишь о своей собственной пользѣ, а не о пользѣ завоеванныхъ. Поэтому они и прибѣгали къ насилію; а если бы они думали о пользѣ завоеванныхъ, то они помнили бы, что всѣ хорошіе результаты производятся не насильемъ, а кротостью и уменьшеніемъ насилія.

Однако, существуетъ множество будто бы достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ въ пользу того, что насиліе улучшало нравы дикарей. Что думать объ этихъ будто бы достовѣрныхъ свидѣтельствахъ? Чернышевскій отвѣчаетъ: „Для историка, знакомаго съ законами человѣческой природы, не можетъ быть сомнѣнія, что всякіе разсказы подобнаго рода—вздорныя сказки; задача его относительно ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить, какъ возникли онѣ, найти источники ошибокъ или мотивы преднамѣренной лжи, которыми онѣ порождены *).

Просвѣтители 18-го вѣка, равно какъ и соціалисты-утописты 19-го столѣтія, охотно апеллировали къ человѣческой природѣ въ своихъ историческихъ разсужденіяхъ. Но апелляція къ человѣческой природѣ, иногда, можетъ быть, полезная въ агитаціонномъ смыслѣ, никогда не была благотворна для исторіи, какъ для науки. Если человѣческая природа неизмѣнна, то она ничего не объясняетъ въ исторіи, процессъ которой сводится къ безпрерывнымъ перемѣнамъ. Если же человѣческая природа сама измѣняется подъ вліяніемъ историческихъ перемѣнъ, то очевидно, что эти послѣднія не могутъ быть объяснены ею. Эти общія соображенія вполнѣ примѣнимы и къ только что изложеннымъ разсужденіямъ Чернышевскаго. Онъ говоритъ, что всякое насиліе ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ. Но какой же народъ не повиненъ въ насиліи? Славянофилы говорили когда-то, что русское государство, въ отличіе отъ государствъ Западной Европы, основано было на договорѣ, а не на завоеваніи. Но эту теорію, вѣроятно, самъ Чернышевскій считалъ не болѣе, какъ фантастической сказкой. Ни одинъ народъ не отказывался прибѣгнуть къ насилію въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда оно обѣщало принести ему пользу. А между тѣмъ историческія судьбы народовъ далеко не одинаковы. Чѣмъ же объясняется ихъ различіе? Тотъ же вопросъ можно поставить и по отношенію къ внутреннему развитію каждаго общества. Нѣтъ такого народа, во внутреннемъ развитіи котораго не играло бы роль насиліе. А между тѣмъ и внутреннее

*) Тамъ же, 178.

развитіе тоже различно у различныхъ народовъ. Чтобы объяснить это, очевидно недостаточно сослаться на насиліе. Наконецъ, самая возможность злоупотребленія силой создается такими условіями, которыя насиліемъ вовсе не объясняются. Мы уже говорили, что такъ называемое военное дѣло имѣетъ на разныхъ стадіяхъ историческаго развитія различный характеръ, обусловливаемый въ послѣднемъ счетѣ экономическими отношеніями общества. Чернышевскій и самъ высказываетъ иногда подобныя соображенія. Такъ, напримѣръ, въ приложеніи къ 9-му тому Вебера, озаглавленномъ „О различіяхъ между народами по національному характеру", онъ указываетъ на тѣ обстоятельства, которыя по его мнѣнію преобразовали составъ римскаго войска и тѣмъ ослабили его силу, подготовивъ такимъ образомъ паденіе Римской имперіи. По его словамъ, по мѣрѣ того, какъ расширялись предѣлы римскаго государства, народъ все болѣе раздѣлялся на два класса: большинство гражданъ покидало военную службу, такъ какъ далекіе военные походы мѣшали ему заниматься хозяйствомъ, а меньшинство совсѣмъ покинуло всякое хозяйство и стало заниматься военнымъ дѣломъ, какъ ремесломъ. Это вызвало глубокія измѣненія въ политическомъ строѣ Рима, ослабившія силу его сопротивленія и т. д. Тутъ военная сила ставится въ тѣсную причинную зависимость отъ извѣстныхъ экономическихъ условій. И Чернышевскій подчеркиваетъ эту зависимость. „Съ той поры, какъ историки считаютъ надобнымъ изучать политическую экономію и толковать о раздѣленіи труда,—говоритъ онъ,—они въ книгахъ о послѣднихъ временахъ римской республики и о римской имперіи сами разъясняютъ, какими экономическими силами была произведена замѣна войска, состоящая изъ гражданъ домохозяевъ, войскомъ солдатъ по ремеслу и потомъ замѣна итальянцевъ на военной службѣ уроженцами областей, менѣе цивилизованныхъ, и иноземными варварами. Потому давно пора было бы бросить фантазію о вырожденіи римлянъ, слѣдовало бы говорить лишь о томъ, что масса итальянскаго населенія перестала образовать главную массу войска, непрерывно ведущаго войны на отдаленныхъ границахъ и живущаго тамъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Такимъ образомъ, паденіе римской имперіи, завоеваніе Италіи варварами достаточно объясняется ужъ одной той перемѣной, которую произвели въ составѣ войска громадныя завоеванія римлянъ" *).

*) Сочиненія т. X, ч. 2-я, отд. IV-ый, стр. 143.

Если бы Чернышевскій послѣдовательно развилъ высказанную здѣсь мысль, то ему пришлось бы совершенно отказаться отъ идеалистическаго взгляда, выраженнаго имъ въ знакомой уже намъ статьѣ о причинахъ паденія Рима. Но въ томъ-то и дѣло, что подобныя мысли выказываются у него лишь мимоходомъ и не получаютъ дальнѣйшаго развитія. Высказывая ихъ, онъ вовсе не видитъ надобности отказаться отъ историческаго идеализма, и это происходитъ не отъ пристрастія къ идеализму, какъ философской теоріи. Къ этой теоріи Чернышевскій вообще относится крайне отрицательно. Высказывая идеалистическій взглядъ на ходъ историческаго развитія, онъ продолжаетъ считать себя послѣдовательнымъ матеріалистомъ. Онъ ошибается. Но его ошибка коренится въ одномъ изъ главныхъ недостатковъ матеріалистической системы Фейербаха. Марксъ очень хорошо замѣтилъ: Фейербахъ хочетъ имѣть дѣло съ конкретными объектами, дѣйствительно отличными отъ объектовъ, существующихъ лишь въ нашихъ мысляхъ. Но онъ не доходитъ до взгляда на человѣческую дѣятельность, какъ на предметную дѣятельность. Вотъ почему, въ „Сущности христіанства“, онъ разсматриваетъ, какъ истинно человѣческую дѣятельность, только дѣятельность теоретическую“ *)... Подобно своему учителю, Чернышевскій тоже сосредоточиваетъ свое вниманіе почти исключительно на „теоретической“ дѣятельности человѣчества, вслѣдствіе чего умственное развитіе и становится въ его глазахъ самой глубокой причиной историческаго движенія. Читая его разсужденіе о вредѣ насилія, можно подумать подчасъ, что онъ просто хочетъ дать нѣсколько хорошихъ совѣтовъ человѣчеству. И онъ, конечно, не прочь отъ того, чтобы дать хорошій совѣтъ. Но то, что говорится, имъ о насиліи имѣетъ для него также и большое теоретическое значеніе. Онъ видитъ въ насиліи факторъ, искажающій человѣческую природу. А мы уже знаемъ, что человѣческая природа была для него главной инстанціей, къ которой онъ апеллировалъ въ своемъ объясненіи исторіи.

На человѣческую природу, какъ и на все на свѣтѣ, можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія. Чернышевскій смотрѣлъ на нее глазами матеріалиста. Но когда онъ пытался примѣнить свое матеріалистическое пониманіе человѣческой природы къ объясненію исторіи, онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не-

*) См. его тезисы о Фейербахѣ, написанные еще весной 1845 г.

замѣтно для себя приходилъ къ идеалистическимъ выводамъ. Впрочемъ, это и раньше его нерѣдко случалось съ людьми, державшимися того матеріализма, который мы назовемъ до-марксовскимъ. Матеріалисты 18-го вѣка тоже были идеалистами въ исторіи.

Въ своихъ историческихъ соображеніяхъ Чернышевскій исходитъ изъ той, несомнѣнно матеріалистической, мысли, что человѣкъ есть животное, организмъ котораго подчиняется извѣстнымъ законамъ физіологіи. Физіологія говоритъ, что для нормальнаго хода жизни животнаго необходимо нормальное удовлетвореніе потребностей его организма: „она строго различаетъ хорошій ходъ функцій организма отъ дурного; аппетитъ и результатъ его, своевременное принятіе пищи въ количествѣ, соотвѣтствующемъ надобностямъ организма, она относитъ къ разряду фактовъ жизни, полезныхъ для организма; голодъ и его результаты къ разряду фактовъ, вредящихъ организму“ *). Вотъ это-то различеніе хорошаго хода функцій организма отъ дурного и примѣняется Чернышевскимъ къ исторіи. Насиліе осуждается имъ какъ одинъ изъ тѣхъ факторовъ, которые мѣшаютъ хорошему ходу функцій человѣческаго организма. Но какимъ же образомъ хорошій или дурной ходъ функцій человѣческаго организма можетъ объяснить намъ фактъ человѣческаго прогресса? Вотъ какимъ.

„Физіологія доказываетъ, что если организація человѣка не понизилась, а повысилась сравнительно съ первоначальнымъ своимъ состояніемъ, то ходъ жизни человѣческаго рода имѣлъ больше элементовъ, благопріятствовавшихъ улучшенію его организаціи, чѣмъ имѣвшихъ тенденцію понижать ее. Исключительно этимъ преобладаніемъ благопріятныхъ для организма обстоятельствъ жизни надъ вредными для него, объясняетъ физіологія прогрессъ человѣка отъ первобытнаго состоянія до того, сравнительно очень высокаго развитія умственныхъ силъ, когда онъ ужъ умѣлъ раскалывать кремни для пріобрѣтенія себѣ орудій работы. Безъ сомнѣнія, людямъ приходилось во времена этого прогресса много страдать отъ голода, отъ вредныхъ явленій внѣшней природы, отъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и змѣй, отъ сильныхъ хищныхъ звѣрей, отъ собственныхъ неразсудительныхъ поступковъ и отъ взаимныхъ дурныхъ отношеній. Но какъ бы ни была велика сумма этихъ бѣдствій, она была меньше суммы фактовъ, полезныхъ для

*) Тамъ же, 217.

человѣческаго организма. Если бы было иначе, то организація человѣка не повышалась бы, а портилась бы, онъ подвергался бы тому, что въ зоологіи называется деградаціей, пониженіемъ организаціи" *).

Ужъ эти строки ясно показываютъ намъ, какимъ образомъ Чернышевскій примѣнялъ физіологическія соображенія къ объясненію фактовъ человѣческаго прогресса. Но въ этихъ строкахъ соображенія эти примѣняются лишь къ тому періоду, который можно назвать доисторическимъ, или вѣрнѣе докультурнымъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. періода, заканчивающагося тѣмъ, что человѣкъ пріобрѣтаетъ умѣніе дѣлать себѣ каменное орудіе работы. И тутъ Чернышевскій продолжаетъ оставаться на матеріалистической точкѣ зрѣнія, хотя и тутъ матеріализмъ его обнаруживаетъ метафизическій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, опираясь на законы физіологіи, Чернышевскій повторяетъ уже раньше,—при разборѣ его статьи о теоріи Дарвина,—встрѣчавшееся намъ разужденіе о томъ, что вредное всегда вредно и никогда не можетъ быть полезно **). Эти соображенія, теоретическую слабость которыхъ мы обнаружили выше, состоятъ въ тѣсномъ родствѣ съ историческимъ идеализмомъ; но въ нихъ свойственный этому идеализму характеръ сказывается лишь косвенно и притомъ преимущественно съ методологической стороны. Чтобы понять, какимъ путемъ переходитъ Чернышевскій со своей физіологической точки зрѣнія на точку историческаго идеализма, нужно принять въ соображаніе ту его мысль, что „хорошій ходъ функцій" человѣческаго организма велъ къ развитію мозга, который увеличивалъ умственныя силы человѣка и тѣмъ ускорялъ прогрессъ его знаній. Дарвинъ говоритъ: „человѣкъ никогда не достигъ бы господствующаго положенія въ мірѣ безъ употребленія рукъ, этихъ орудій, столь удивительно послушныхъ его волѣ" ***). Ту же мысль высказывалъ еще Гельвецій. Встрѣчается она и у Чернышевскаго. Но у него она сразу пріобрѣтаетъ своеобразный характеръ. „Говорятъ, и по всей вѣроятности справедливо,—замѣчаетъ онъ,—что умѣніе взять въ руку камень или толстую палку и бить этимъ оружіемъ по врагу увеличило безопасность людей, дало имъ возможность улучшить свою матеріальную жизнь, и

*) Тамъ же, 224.

**) Тамъ же, стр. 217 и слѣд.

***) La descendance de l'homme etc. Paris, 1881, p. 5.

благодаря ея улучшенію, получить большое развитіе умственныхъ способностей" *). Умѣніе взять въ руку извѣстное оружіе увеличиваетъ безопасность человѣка, даетъ ему возможность лучше удовлетворять свои матеріальныя потребности и тѣмъ обезпечивать развитіе органа мысли—мозга. Все дѣло въ томъ, что у человѣка, благодаря какимъ-то особенностямъ исторіи его предковъ, головной мозгъ пріобрѣлъ такое развитіе, какого онъ не достигъ ни у одного изъ человѣкоподобныхъ существъ. Въ чемъ именно состояли эти особенности, остается неизвѣстнымъ. Но очень правдоподобно, по мнѣнію Чернышевскаго, что предки людей по какому-то счастливому обстоятельству пріобрѣли больше безопасности отъ враговъ, чѣмъ какую имѣли другія существа, сходныя или одинаковыя съ нимъ. „Но какимъ бы то ни было путемъ предки людей, по вліянію какихъ-то благопріятныхъ обстоятельствъ своей жизни, пріобрѣли такое высокое умственное развитіе, что сдѣлались людьми. Только съ этого времени начинается та исторія ихъ жизни, относительно которой возникаютъ вопросы не общаго физіологическаго содержанія, а спеціально относящіеся къ человѣческой жизни" **). Что же касается вопросовъ этого послѣдняго рода, то они рѣшаются въ исторіи человѣчества развитіемъ ума и знаній. „Собственно превосходствомъ ума и объясняется,—говоритъ Чернышевскій,—весь дальнѣйшій прогрессъ человѣческой жизни" ***). Здѣсь мы съ поразительной ясностью видимъ, какимъ образомъ Чернышевскій, такъ или иначе державшійся матеріалистической точки зрѣнія въ своихъ разсужденіяхъ о человѣческомъ организмѣ, немедленно становится идеалистомъ, какъ только рѣчь заходитъ объ исторіи человѣчества.

Ходъ его разсужденій таковъ. Онъ начинаетъ съ того положенія Фейербаха, что человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ. Когда питаніе человѣческаго организма совершается надлежащимъ образомъ,—когда внѣшнія условія обезпечиваютъ ему хорошій ходъ функцій,—увеличивается сила мозга, а съ увеличеніемъ силы мозга растетъ способность человѣка къ умственному развитію, къ выработкѣ правильныхъ понятій. А эта способность и есть главная пружина историческаго движенія. Такимъ образомъ Чернышевскій

*) Соч., т. X, ч. 2, отд. IV, стр. 183.
**) Тамъ же, 182.
***) Тамъ же, 182—183.

остается послѣдовательнымъ матеріалистомъ до тѣхъ поръ, пока не уходитъ изъ области вопросовъ „общаго физіологическаго содержанія“. А какъ только передъ нимъ встаютъ вопросы „спеціально относящіеся къ человѣческой жизни“, его физіологическій матеріализмъ настежь открываетъ дверь для историческаго идеализма. Примѣръ Чернышевскаго едва ли не лучше, нежели какой-либо другой показываетъ, какъ мало еще годился матеріализмъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ у Фейербаха, для объясненія историческаго развитія.

Мы уже не разъ говорили, что идеалистическій характеръ историческихъ взглядовъ Чернышевскаго отнюдь не мѣшалъ ему давать матеріалистическое объясненіе нѣкоторымъ отдѣльнымъ историческимъ явленіямъ. И мы не стали бы повторять это здѣсь, если бы не видѣли себя вынужденными сдѣлать нѣкоторую, весьма естественную, по нашему мнѣнію, оговорку. Тотъ, кто сталъ бы искать въ сочиненіяхъ нашего автора матеріалистическаго объясненія отдѣльныхъ историческихъ событій, долженъ остерегаться ошибки, въ которую очень легко бываетъ иногда впасть вслѣдствіе извѣстнаго в н ѣ ш н я г о сходства идеалистическихъ пріемовъ Чернышевскаго съ пріемами матеріалистическаго объясненія исторіи.

Дѣло въ томъ, что сообразно съ преувеличеннымъ значеніемъ, придаваемымъ Чернышевскимъ человѣческой расчетливости, онъ и историческія событія объясняетъ иногда сознательнымъ расчетомъ пользы тамъ, гдѣ для объясненія ихъ нужно обращаться къ неподчиненнымъ контролю человѣка силамъ экономическаго развитія. Съ перваго взгляда подобныя объясненія Чернышевскаго могутъ иногда навести на мысль о томъ, что онъ въ своихъ историческихъ теоріяхъ совершенно сталъ на точку зрѣнія новѣйшаго матеріализма. Но при внимательномъ отношеніи къ дѣлу оказывается совершенно противное. Кто видитъ въ исторической дѣятельности людей лишь вліяніе сознательнаго расчета, тотъ еще остается чистымъ идеалистомъ и тотъ еще очень далекъ отъ пониманія всей силы и всего значенія „экономики“. Въ дѣйствительности ея вліяніе распространяется даже на такіе поступки людей и на такія привычки различныхъ общественныхъ классовъ, по поводу которыхъ нельзя и заикаться о сознательномъ расчетѣ. Главнѣйшіе и наиболѣе вліятельные факторы экономическаго развитія до сихъ поръ стоятъ внѣ всякаго контроля сознательнаго расчета. Всѣ общественныя отношенія, всѣ нрав-

ственныя привычки и всѣ умственныя склонности людей складываются подъ посредственнымъ или непосредственнымъ дѣйствіемъ этихъ слѣпыхъ силъ экономическаго развитія. Ими опредѣляются, между прочимъ, и всѣ виды человѣческой расчетливости, всѣ проявленія человѣческаго эгоизма. Слѣдовательно, нельзя говорить о сознательномъ расчетѣ пользы, какъ о первичномъ двигателѣ общественнаго развитія. Подобный взглядъ на исторію противорѣчитъ ученію новѣйшаго матеріализма. Въ немъ сказывается основная черта историческаго идеализма: убѣжденіе въ томъ, что „мнѣнія правятъ міромъ“ *).

Этого убѣжденія Чернышевскій держался въ послѣднемъ счетѣ до конца жизни. Поэтому мы и относимъ его къ представителямъ историческаго идеализма. И кто знакомъ съ его сочиненіями, тотъ врядъ ли откажется признать, что въ исторіи всемірной литературы не много было писателей, у которыхъ историческій идеализмъ имѣлъ бы такую яркую окраску, какую онъ пріобрѣлъ у Чернышевскаго. Но интересно, что именно у Чернышевскаго, возставшаго противъ оптимизма Гизо, историческій идеализмъ въ свою очередь принялъ оригинальный оттѣнокъ оптимизма. Это хорошо видно въ его разсужденіяхъ объ исторической роли насилія.

Насиліе, какъ мы знаемъ, сильно вредитъ тѣмъ племенамъ и народамъ, которые ему подвергаются. Но онъ вредитъ не только имъ: не менѣе сильно вредитъ оно и самимъ насильникамъ. Исторія показываетъ, по словамъ Чернышевскаго, что совершенно ошибоченъ былъ расчетъ тѣхъ націй, которыя думали извлечь себѣ пользу изъ нанесенія вреда человѣчеству. „Завоевательные народы всегда кончали тѣмъ, что истреблялись и порабощались сами“ **).

Мы могли бы спросить, много ли надежды на то, что „истребятся и поработятся сами“, напримѣръ, тѣ англичане, которые поселились на Австралійскомъ материкѣ, почти совсѣмъ истребивъ чернокожихъ туземцевъ? Намъ кажется, что этимъ англичанамъ пока еще не грозитъ ни истребленіе, ни порабощеніе. А если и придется имъ когда-нибудь испытать участь истребляемыхъ и порабощаемыхъ народовъ, то ихъ несчастье врядъ ли

*) Кто знаетъ взгляды Р. Оуэна, тотъ знаетъ, что онъ тоже приписывалъ преувеличенное значеніе расчету пользы.

**) Соч. VI, 233.

будетъ имѣть какую-нибудь связь съ тѣми несправедливыми дѣйствіями, какія они позволили себѣ по отношенію къ австралійскимъ туземцамъ. Это такъ очевидно, что нѣтъ нужды распространяться объ этомъ. У Чернышевсваго выходитъ, что въ исторіи порокъ всегда несетъ заслуженное имъ наказаніе. На самомъ дѣлѣ, извѣстные намъ историческіе факты не даютъ никакого основанія для этого, можетъ быть, отраднаго, но во всякомъ случаѣ наивнаго взгляда. Насъ можетъ интересовать только вопросъ о томъ, какъ могъ онъ возникнуть у нашего автора. А на этотъ вопросъ можно отвѣтить указаніемъ на ту эпоху, когда жилъ Чернышевскій. Это была эпоха общественнаго подъема, имѣвшая, можно сказать, нравственную потребность въ такихъ взглядахъ, которые подкрѣпляли бы вѣру въ неминуемое пораженіе зла.

Въ сочиненіяхъ, написанныхъ Чернышевскимъ по возвращеніи изъ Сибири, тоже встрѣчаются поразительно мѣткія замѣчанія, насквозь пропитанныя духомъ матеріалистическаго объясненія исторіи. Не мало такихъ замѣчаній найдетъ читатель, напримѣръ, въ приложеніи къ 7-му тому Вебера („О расахъ"), къ 8-му („О классификаціи людей по языку") и наконецъ,—и особенно,—въ уже цитированномъ нами приложеніи къ 9-му тому („О различіяхъ между народами по національному характеру").

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Литературные взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая.

Значеніе литературы и искусства.

I.

Умственный прогрессъ человѣчества служитъ, по мнѣнію Чернышевскаго, самой глубокой пружиной историческаго движенія. Литература является выраженіемъ умственной жизни народовъ. Поэтому можно было бы, пожалуй, ожидать, что Чернышевскій припишетъ литературѣ главную роль въ исторіи цивилизаціи. На самомъ дѣлѣ это было не такъ. Главную роль въ исторіи цивилизаціи Чернышевскій отводилъ не литературѣ, а наукѣ. Онъ говорилъ объ этой послѣдней: „творя тихо и медленно, она творитъ все; создаваемое ею знаніе ложится въ основаніе всѣхъ понятій и потомъ всей дѣятельности человѣчества, даетъ направленіе всѣмъ его стремленіямъ, силу всѣмъ его способностямъ“ *). Не то съ литературой. Ея роль въ историческомъ процессѣ никогда не бывала совершенно маловажна, но она почти всегда бывала второстепенна.

„Такъ напримѣръ,—говоритъ Чернышевскій,—въ древнемъ мірѣ мы не замѣчаемъ ни одной эпохи, въ которой историческое движеніе совершалось бы подъ преобладающимъ вліяніемъ литературы. Несмотря на все пристрастіе грековъ къ поэзіи, ходъ ихъ

---

*) См. его работу: „Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность“. Сочиненія, т. III, стр. 585.

жизни обусловливался не литературными вліяніями, а религіозными, племенными и военными стремленіями, впослѣдствіи, кромѣ того, политическими и экономическими вопросами. Литература была подобно искусству лучшимъ украшеніемъ, но только украшеніемъ, а не основною пружиною, не главною двигательницею ихъ жизни. Римская жизнь развивалась военною и политическою борьбою и опредѣленіемъ юридическихъ отношеній; литература была для римлянъ только благороднымъ отдыхомъ отъ политической дѣятельности. Въ блестящій вѣкъ Италіи, когда она имѣла Данте, Аріосто и Тассо, также не литература была основнымъ началомъ жизни, а борьба политическихъ партій и экономическія отношенія: эти интересы, а не вліяніе Данте, рѣшали судьбу его родины и при немъ, и послѣ него. Въ Англіи, гордящейся величайшимъ поэтомъ христіанскаго міра и такимъ числомъ первостепенныхъ писателей, какого не найдется, быть можетъ, въ литературахъ всей остальной Европы, вмѣстѣ взятыхъ,—въ Англіи отъ литературы никогда не зависѣла судьба націи, опредѣлявшаяся религіозными, политическими и экономическими отношеніями, парламентскими преніями и газетною полемикою: собственно такъ называемая литература всегда имѣла только второстепенное вліяніе на историческое развитіе этой страны. Таково же было положеніе литературы почти всегда, почти у всѣхъ историческихъ народовъ“ *).

Чернышевскій знаетъ лишь очень немного случаевъ, составляющихъ исключеніе изъ указаннаго имъ общаго порядка. Между этими немногими случаями одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ занимаетъ нѣмецкая литература второй половины 18-го и первыхъ годовъ 19-го вѣка: „Отъ начала дѣятельности Лессинга до смерти Шиллера, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, развитіе одной изъ величайшихъ между европейскими націями, будущность странъ отъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, отъ Рейна до Одера, опредѣлялась литературнымъ движеніемъ. Участіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ силъ и событій въ національномъ развитіи должно назвать незначительнымъ сравнительно съ вліяніемъ литературы. Ничто не помогало въ то время ея благотворному дѣйствію на судьбу нѣмецкой націи; напротивъ, почти всѣ другія отношенія и условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь, не благопріятствовали разви-

*) Тамъ же, стр. 586.

тію народа. Литература одна вела его впередъ, борясь съ безчисленными препятствіями" *).

Такой же исключительно важной представлялась, повидимому, Чернышевскому и роль русской литературы со времени Гоголя. До Гоголя литература эта находилась еще въ тѣхъ періодахъ своего развитія, которые можно назвать подготовительными: каждый предыдущій періодъ имѣлъ въ ней значеніе не столько по безусловному достоинству ознаменовавшихъ его литературныхъ явленій, сколько по тому, что подготовлялъ собою слѣдующій періодъ. Чтобы пояснить эту его мысль, достаточно будетъ указать, какъ понималъ онъ отношеніе пушкинскаго періода нашей литературы къ гоголевскому. На Пушкина онъ смотрѣлъ совершенно такъ, какъ смотрѣлъ на него Бѣлинскій въ послѣдній періодъ своей дѣятельности. Онъ очень высоко ставилъ его поэзію, но считалъ ее преимущественно поэзіей формы. Выработка совершенной формы и была той исторической задачей, которая выпала на долю пушкинскаго періода нашей литературы. Когда задача эта была рѣшена, въ нашей литературѣ начался новый періодъ, ознаменовавшійся тѣмъ, что главнымъ дѣломъ стало содержаніе, а не форма, какъ это было прежде. Этотъ періодъ связывается съ именемъ Гоголя. Въ теченіе Гоголевскаго періода наша литература начала становиться тѣмъ, чѣмъ она должна быть, т. е. выраженіемъ народнаго самосознанія. Въ томъ же направленіи она развивалась и потомъ, когда подъ вліяніемъ Гоголя у насъ возникла такъ называемая натуральная школа. Чернышевскій очень высоко цѣнилъ это новое направленіе въ нашей литературѣ. Однако, оно далеко не вполнѣ удовлетворяло его. Въ своихъ „Очеркахъ Гоголевскаго періода русской литературы" онъ оговаривается:

„Чтобы не подать повода къ недоразумѣнію, будто мы безъ мѣры превозносимъ новое насчетъ стараго, скажемъ здѣсь кстати, что и настоящій періодъ русской литературы, несмотря на всѣ свои неотъемлемыя достоинства, имѣетъ существенное значеніе болѣе всего только потому, что служитъ приготовленіемъ къ дальнѣйшему будущему развитію нашей словесности. Мы настолько вѣримъ въ будущее лучшее, что даже о Гоголѣ, не сомнѣваясь, говоримъ: будутъ у насъ писатели, которые станутъ настолько же выше его, насколько выше своихъ предшественниковъ сталъ

*) Тамъ же, стр. 586—587.

онъ. Вопросъ только въ томъ, скоро ли прійдетъ это время. Хорошо было бы, еслибъ нашему поколѣнію суждено было дождаться этого лучшаго будущаго" *).

Утверждая, что литература должна быть выраженіемъ общественнаго самосознанія, Чернышевскій высказываетъ ту мысль, которая, перейдя къ намъ изъ Германіи, уже со временъ Надеждина и Бѣлинскаго играла большую роль въ нашей литературной критикѣ. Но у него она сразу принимаетъ свойственный всѣмъ „просвѣтительнымъ" періодамъ разсудочный характеръ. Собственно говоря, нѣтъ такой литературы, которая не служила бы выраженіемъ самосознанія общества или даннаго слоя общества, ее породившаго. Даже въ тѣ эпохи, когда безраздѣльно владычествуетъ такъ называемая теорія искусства для искусства, и когда художники, повидимому, поворачиваются спиною ко всему тому, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ общественнымъ интересамъ, литература не перестаетъ выражать вкусы, взгляды и стремленія господствующаго въ обществѣ класса. Тотъ фактъ, что въ ней получаетъ преобладаніе названная теорія, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ господствующемъ классѣ или, по крайней мѣрѣ, въ той части его, къ которой обращаются художники, царствуетъ индифферентизмъ по отношенію къ великимъ общественнымъ вопросамъ. Но и такой индифферентизмъ представляетъ собою лишь одну изъ разновидностей общественнаго (или классоваго, или группового) настроенія, т. е. сознанія. Въ этомъ смыслѣ несомнѣнно, что наша литература Пушкинскаго или даже Карамзинскаго періода выражала собою наше общественное сознаніе. Но, по Чернышевскому, она начинаетъ выражать его лишь со временъ Гоголя. Только съ этихъ поръ наши художники перестаютъ, по его словамъ, заниматься исключительно формою своихъ произведеній и начинаютъ придавать значеніе ихъ содержанію. Это кажется несправедливымъ, потому что вѣдь нельзя же думать, что Пушкинъ былъ равнодушенъ къ содержанію, напримѣръ, своего „Евгенія Онѣгина". Но между „Евгеніемъ Онѣгинымъ" съ одной стороны, и „Ревизоромъ" или „Мертвыми душами"—съ другой, есть огромная разница въ отношеніи художника къ изображаемымъ явленіямъ. Пушкинъ не прочь пожурить своихъ героевъ за ихъ свѣтскую пустоту, ограниченность, эгоизмъ и т. д.; но въ его „Онѣгинѣ" нѣтъ даже намека на то коренное отрицаніе изобра-

*) Сочиненія, т. II, стр. 172, примѣчаніе.

жаемаго имъ общественнаго быта, какое находится, хотя и безъ вѣдома автора, въ названныхъ произведеніяхъ Гоголя. Вотъ этотъ-то элементъ отрицанія старыхъ общественныхъ порядковъ и называется у Чернышевскаго началомъ общественнаго самосознанія. Если онъ ожидалъ въ будущемъ, какъ мы только что видѣли, появленія такихъ писателей, которые станутъ настолько же выше Гоголя, насколько Гоголь былъ выше своихъ предшественниковъ, то это было у него равносильно убѣжденію въ томъ, что со временемъ наши великіе художники далеко превзойдутъ автора „Мертвыхъ душъ“ сознательностью своего отрицательнаго отношенія къ устарѣлымъ общественнымъ и семейнымъ порядкамъ. Самой главной обязанностью литературной критики являлось, въ его глазахъ, распространеніе въ средѣ художниковъ этой сознательности. Чѣмъ больше стала бы эта сознательность распространяться между русскими художниками, тѣмъ болѣе созрѣвала бы наша литература для той великой роли, которую она должна была, по мнѣнію Чернышевскаго, сыграть въ тогдашнее переходное время.

Впослѣдствіи Писаревъ приписалъ Чернышевскому намѣреніе разрушить эстетику. Онъ ошибся. Какъ далекъ былъ отъ такого намѣренія Чернышевскій, показываютъ слѣдующія строки изъ его статьи о „Піитикѣ“ Аристотеля, вышедшей въ 1854-омъ году въ русскомъ переводѣ Ордынскаго (Отечественныя Записки 1854-ый годъ, № 9) „Эстетика наука мертвая! Мы не говоримъ, чтобъ не было наукъ живѣй ея; но хорошо было бы, еслибъ мы думали объ этихъ наукахъ. Нѣтъ, мы превозносимъ другія науки, представляющія гораздо менѣе живого интереса. Эстетика наука безплодная! Въ отвѣтъ на это спросимъ: помнимъ-ли мы еще о Лессингѣ, Гете и Шиллерѣ, или ужъ они потеряли право на наше воспоминаніе съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ Теккереемъ? Признаемъ-ли мы достоинство нѣмецкой поэзіи второй половины прошедшаго вѣка?“ *).

Задавая порицателямъ эстетики ироническій вопросъ о томъ, признаемъ ли мы достоинство нѣмецкой поэзіи второй половины 18-го столѣтія, Чернышевскій какъ бы напоминаетъ имъ, что бываютъ эпохи, когда литература играетъ великую общественную роль. Но нѣмецкая литература указаннаго періода вовсе не была равнодушна къ эстетическимъ вопросамъ. Напротивъ,

*) Сочиненія, т. 1, стр. 28—29.

она очень много занималась ими въ то время, и только потому, что она много занималась ими, она могла съ успѣхомъ исполнить великую роль, выпавшую на ея долю. Не надо забывать, что самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ нѣмецкой литературѣ этого времени былъ, по мнѣнію Чернышевскаго, Лессингъ: „Всѣ значительнѣйшіе изъ послѣдующихъ нѣмецкихъ писателей, даже Шиллеръ, даже самъ Гете въ лучшую эпоху своей дѣятельности были учениками его“ *). А Лессингъ былъ главнымъ образомъ теоретикомъ литературы и искусства; область, въ которой онъ сдѣлалъ больше всего, была областью эстетики.

Чернышевскій говоритъ, что если поэзія, литература, искусство признаются предметами большой важности, то и общіе вопросы теоріи литературы должны имѣть огромный интересъ. „Словомъ,—прибавляетъ онъ,—намъ кажется, что весь споръ противъ эстетики основывается на недоразумѣніи, на ошибочности понятій о томъ, что такое эстетика и что такое всякая теоретическая наука вообще“ **).

Чернышевскій спрашиваетъ читателя: „кто по вашему мнѣнію выше: Пушкинъ или Гоголь?“ Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, по его словамъ, отъ понятія о сущности и значеніи искусства. И эти понятія получаютъ правильный видъ еще въ сочиненіяхъ Аристотеля и Платона. Вотъ почему Чернышевскій и находитъ нужнымъ ознакомить читателя съ эстетическими теоріями этихъ мыслителей. Въ качествѣ рѣшительнаго противника философскаго идеализма, нашъ авторъ, разумѣется, не могъ сочувствовать философіи Платона, взятой во всей ея совокупности. Но это не мѣшало ему съ горячимъ сочувствіемъ относиться къ той точкѣ зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на искусство великій греческій идеалистъ.

Чернышевскій говоритъ: „не съ ученой или артистической, а съ общественой и нравственной точки смотрѣлъ онъ на науку и искусство, какъ и на все. Не человѣкъ живетъ для того, чтобы быть артистомъ или ученымъ (какъ думали многіе великіе философы, между прочимъ, Аристотель), а наука и искусство должны служить для блага человѣка“ ***).

И эта точка зрѣнія должна была, по словамъ нашего автора,

---

*) Сочиненія, т. III, стр. 589.
**) Сочиненія, т. I, стр. 28.
***) Тамъ же, стр. 31.

привести Платона къ отрицательному взгляду на искусство, которое въ его время почти исключительно служило забавою, прекрасною и благородною, но все-таки забавою для людей, которые отъ нечего дѣлать любовались на болѣе или менѣе сладострастныя картины или статуи и упивались болѣе или менѣе сладострастными стихами. Вопросъ объ искусствѣ рѣшался для Платона именно тѣмъ фактомъ, что оно было не болѣе, какъ забава. И когда Платонъ видѣлъ въ немъ простую забаву, онъ не клеветалъ на него. Въ доказательство этого Чернышевскій ссылается на „одного изъ серьезнѣйшихъ поэтовъ", Шиллера, который, конечно, не враждебно относился къ искусству. По мнѣнію Шиллера, Кантъ совершенно справедливо называетъ искусство игрою (das Spiel), потому что только, играя, человѣкъ вполнѣ человѣкъ.

Чернышевскій находитъ полемику Платона противъ искусства чрезвычайно суровою; но онъ видитъ въ ней много вѣрнаго. „И легко было-бы показать,—замѣчаетъ онъ,—что многія изъ строгихъ обличеній Платоновыхъ продолжаютъ быть справедливыми и въ отношеніи къ современному искусству" *). Едва ли нужно прибавлять, что этимъ обстоятельствомъ въ весьма значительной степени объясняется его горячее сочувствіе къ строгимъ Платоновымъ обличеніямъ.

Платонъ возставалъ противъ искусства за его безполезность для человѣка. Нашъ авторъ не менѣе Платона готовъ порицать безполезное для человѣка искусство. По его мнѣнію, та мысль, что искусство и не должно быть полезнымъ, что оно существуетъ само для себя, „есть такая же странная мысль, какъ „богатство для богатства", „наука для науки" и т. д. „Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотятъ быть непустымъ и праздникомъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобъ имъ пользовался человѣкъ, наука для того, чтобъ быть руководительницею человѣка; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе" **).

Въ чемъ же заключается польза, приносимая человѣку искусствомъ? Обыкновенно говорятъ, что эстетическія наслажденія смягчаютъ сердце и возвышаютъ душу человѣка. Чернышевскій счи-

*) Тамъ же, стр. 32.
**) Тамъ же, стр. 33.

таетъ эту мысль справедливою, но онъ не хочетъ выводить изъ нея серьезное значеніе искусства. Конечно, онъ согласенъ съ тѣмъ, что, выходя изъ картинной галлереи или изъ театра, человѣкъ чувствуетъ себя добрѣе и лучше, по крайней мѣрѣ, на то непродолжительное время, пока не изглаживаются полученныя имъ эстетическія впечатлѣнія; но онъ напоминаетъ, что вѣдь сытый человѣкъ добрѣе голоднаго. Стало быть, съ этой стороны нѣтъ разницы между вліяніемъ искусства и тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ на человѣка удовлетвореніе его физическихъ потребностей. „Благодѣтельное вліяніе искусства, какъ искусства (независимо отъ такого или иного содержанія его произведеній),—говоритъ Чернышевскій,—состоитъ почти исключительно въ томъ, что искусство—вещь пріятная; подобное же благодѣтельное качество принадлежитъ всѣмъ другимъ пріятнымъ занятіямъ, отношеніямъ, предметамъ, отъ которыхъ зависитъ „хорошее расположеніе духа“. Здоровый человѣкъ гораздо менѣе эгоистъ, гораздо добрѣе, нежели больной, всегда болѣе или менѣе раздражительный и недовольный, хорошая квартира также больше располагаетъ человѣка къ добротѣ, нежели сырая, мрачная, холодная; спокойный человѣкъ (т.-е. находящійся не въ непріятномъ положеніи) добрѣе, нежели раздосадованный и т. д.“ *). При внимательномъ отношеніи къ дѣлу не трудно убѣдиться, что польза, приносимая искусствомъ, какъ однимъ изъ источниковъ довольства, хотя и несомнѣнна, но все-таки ничтожна въ сравненіи съ пользою, приносимою другими благопріятными отношеніями и условіями жизни. И не въ этомъ заключается великое значеніе искусства. Оно заключается въ томъ, что искусство распространяетъ въ массѣ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ имъ, большое количество свѣдѣній; что оно знакомитъ ихъ съ понятіями, вырабатываемыми наукой. Впрочемъ, говоря это, Чернышевскій имѣетъ въ виду собственно поэзію,—которую онъ называетъ самымъ серьезнымъ изъ искусствъ,—потому что другія искусства очень мало дѣлаютъ, по его замѣчанію, въ указанномъ смыслѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, только очень немногіе беллетристы задаются цѣлью распространять знаніе между своими читателями. Но такъ какъ они по своему образованію все-таки стоятъ выше, нежели большинство ихъ читателей, то эти послѣдніе все таки узнаютъ многое изъ ихъ произведеній. Чернышевскій убѣжденъ въ томъ, что даже самыя пошлыя бел-

*) Тамъ же, стр. 33.

летристическія произведенія значительно расширяютъ у своихъ читателей кругъ свойственныхъ имъ знаній. „Забавляя“ читающую публику“, поэзія приноситъ пользу ея умственному развитію. Вотъ почему она пріобрѣтаетъ серьезное значеніе въ глазахъ мыслителя. И вотъ почему она, вопреки Платону, имѣетъ это значеніе даже тогда, когда не заботится о немъ.

Итакъ, Чернышевскій вовсе не разрушаетъ эстетики. Напротивъ онъ опирается на нее для того, чтобы выяснить художникамъ великое значеніе искусства, заключающееся въ распространеніи тѣхъ понятій, которыя вырабатываются наукою. Другими словами: нашъ авторъ не разрушаетъ эстетики, а только подвергаетъ коренному пересмотру ея теорію. Послѣ того, что мы отъ него слышали о Платоновомъ взглядѣ на искусство, мы безъ труда поймемъ, почему онъ нашелъ нужнымъ и полезнымъ сослаться на своихъ „великихъ учителей въ дѣлѣ эстетическаго суда“,—Платона и Аристотеля,—при рѣшеніи вопроса, кто выше: Пушкинъ, или Гоголь. И насъ уже совсѣмъ не удивятъ слѣдующія строки: „Если сущность искусства дѣйствительно состоитъ, какъ нынче говорятъ, въ идеализаціи; если цѣль его—доставлять сладостное и возвышенное ощущеніе прекраснаго“, то въ русской литературѣ нѣтъ поэта равнаго автору „Полтавы“, „Бориса Годунова“, „Мѣднаго Всадника“, „Каменнаго Гостя“ и всѣхъ этихъ безчисленныхъ, благоуханныхъ стихотвореній; если-же отъ искусства требуется еще нѣчто другое, тогда“..—Чернышевскій прерываетъ эту свою фразу недоумѣвающимъ вопросомъ отъ имени читателя, предубѣжденнаго въ пользу старыхъ эстетическихъ понятій: „Но въ чемъ-же, кромѣ этого, можетъ состоять сущность и значеніе искусства?“ *). Мы знаемъ въ чемъ состоятъ они, по мнѣнію Чернышевскаго, и мы сами можемъ дополнить прерванную фразу: Если цѣль искусства состоитъ не только въ томъ, чтобы доставлять сладостныя и возвышенныя ощущенія прекраснаго, то „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“ выше „Каменнаго гостя“ и „Полтавы“, и Гоголь выше Пушкина, а тѣ писатели, которые превзойдутъ Гоголя сознательностью своего отношенія къ жизни, будутъ еще выше Гоголя. По поводу изложеннаго здѣсь взгляда, г. Скабичевскій писалъ впослѣдствіи въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы“:

---

*) Тамъ же, стр. 29.

„Это отождествленіе искусства съ наукой и приданіе искусству служебной роли иллюстрированія научныхъ, философскихъ и публицистическихъ изысканій было роковою ошибкою, которая повела за собою весьма крупныя послѣдствія. Первымъ дѣломъ она вывела критику изъ той роли, которая наиболѣе ей свойственна, какъ цѣнительницѣ художественныхъ произведеній, и которую критика исполнила съ такимъ блестящимъ успѣхомъ въ эпоху Бѣлинскаго... Но затѣмъ теорія тождества науки и искусства и служебной роли послѣдняго по отношенію къ первой,—воспринятая молодыми и незрѣлыми умами, послѣдовательно, по наклонной плоскости, должна была дойти до полнаго отрицанія искусства, что мы и видѣли въ публицистахъ Русскаго Слова, съ Писаревымъ во главѣ“ *).

Приписавъ Чернышевскому „теорію тождества науки и искусства“, г. Скабичевскій съ изумленіемъ спрашиваетъ: „въ такомъ-же случаѣ, какую-же роль должна играть такъ называемая творческая фантазія?“ **). И нельзя не согласиться, что „въ такомъ случаѣ“ для творческой фантазіи въ самомъ дѣлѣ не было бы мѣста. Но „такой случай“ придуманъ самимъ г. Скабичевскимъ. Чернышевскій вовсе не „отождествляетъ“ искусства съ наукою. Какъ человѣкъ, знакомый съ эстетикою Гегеля, онъ, подобно Бѣлинскому, прекрасно понимаетъ, что ученый излагаетъ свою мысль съ помощью логическихъ доводовъ, между тѣмъ какъ художникъ воплощаетъ ее въ образахъ, т. е. прибѣгаетъ къ „творческой фантазіи“. И г. Скабичевскій не сдѣлалъ бы своей ошибки, если бы онъ въ свою очередь лучше зналъ тѣ философскіе источники, изъ которыхъ почерпали свои эстетическіе взгляды Бѣлинскій и Чернышевскій.

Возьмемъ примѣръ. Романъ „Что дѣлать“ болѣе чѣмъ на цѣлой половинѣ своихъ страницъ проповѣдуетъ тѣ же самыя мысли, какія излагаетъ статья „Антропологическій принципъ въ философіи“. Но въ романѣ мысли эти воплощаются въ образахъ, а въ статьѣ онѣ доказываются съ помощью логическихъ доводовъ. Ясно, стало быть, что когда Чернышевскій взялся за романъ, онъ долженъ былъ обратиться къ своей творческой фантазіи. Мы знаемъ, что,

*) Стр. 65—66.
**) Тамъ же, стр. 65.

по мнѣнію многихъ, Чернышевскій обнаружилъ въ своемъ романѣ мало творческой силы, но это ужъ вопросъ другой, насъ здѣсь не касающійся и рѣшаемый, мимоходомъ сказать, большинствомъ читателей крайне легкомысленно: Чернышевскій самъ заявилъ, что у него совсѣмъ нѣтъ никакого художественнаго таланта, и этому повѣрили слишкомъ охотно. Въ дѣйствительности, его романъ не лишенъ нѣкоторыхъ, правда небольшихъ, художественныхъ достоинствъ; въ немъ много юмора и наблюдательности; наконецъ, онъ пропитанъ такимъ горячимъ энтузіазмомъ къ истинѣ, что онъ и до сихъ поръ читается съ большимъ интересомъ. Нужно много предубѣжденія, основывающагося на распространенныхъ у насъ теперь и въ корнѣ ошибочныхъ эстетическихъ теоріяхъ, чтобы презрительно пожимать плечами по поводу этого романа, какъ это дѣлаютъ многіе изъ нынѣшнихъ, даже „передовыхъ“ читателей. Но, повторяемъ, это вопросъ другой. Несомнѣнно то, что въ романѣ Чернышевскій апеллировалъ къ своей творческой силѣ, а въ статьѣ къ своей логикѣ. Этого достаточно, чтобы обнаружить передъ нами, какъ грубо ошибся г. Скабичевскій.

А впрочемъ приведемъ еще примѣръ. Толстой въ такихъ своихъ произведеніяхъ, какъ „Смерть Ивана Ильича“ или „Хозяинъ и работникъ“ безъ всякаго сомнѣнія хотѣлъ изложить тѣ самые взгляды, къ которымъ онъ пришелъ, размышляя надъ „смысломъ жизни“. Но излагая эти взгляды, онъ,—подобно тому, какъ это сдѣлалъ Чернышевскій въ своемъ романѣ,—прибѣгалъ къ своей творческой фантазіи, а не къ тѣмъ или другимъ теоретическимъ доводамъ. Ну, и что же? Кто скажетъ, что Толстой не далъ развернуться своей творческой силѣ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ? Кто откажется отнести ихъ къ числу самыхъ выдающихся художественныхъ произведеній? Г. Скабичевскій видитъ отождествленіе тамъ, гдѣ отождествленія не было и въ поминѣ.

Совершенно неудовлетворительна, по своей крайней неопредѣленности, и та мысль г. Скабичевскаго, что мнимая ошибка Чернышевскаго вывела критику изъ той роли, которую она играла въ эпоху Бѣлинскаго. Этотъ послѣдній въ самомъ дѣлѣ былъ „цѣнителемъ художественныхъ произведеній“. Но эстетическая теорія Чернышевскаго,—*какъ таковая*,—отнюдь не исключаетъ ихъ оцѣнки. Справедливо то, что критики, ея державшіеся, склонны были забывать вопросъ о художественныхъ достоинствахъ разбираемыхъ ими произведеній, сосредоточивая главное свое вниманіе на идеяхъ этихъ произведеній. Справедливо и то,

что, напримѣръ, у Писарева эстетическая теорія Чернышевскаго получила каррикатурный видъ. Но это объясняется общественными условіями того времени, въ которыхъ Чернышевскій, разумѣется, совершенно неповиненъ. Сама по себѣ, его эстетическая теорія не исключала интереса къ эстетическимъ достоинствамъ художественныхъ произведеній. Этого достаточно для того, чтобы показать намъ, какъ неловко подошелъ г. Скабичевскій къ ея критикѣ.

Одной изъ главныхъ отличительныхъ чертъ эстетической теоріи Чернышевскаго является та мысль, что „прекрасное" не исчерпываетъ собою содержанія искусства. Эту мысль онъ подробно развиваетъ въ своей диссертаціи объ „Эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности" и къ ней же не разъ возвращается онъ въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы".

„Въ каждомъ человѣческомъ дѣйствіи,—говоритъ онъ тамъ,—принимаютъ участіе всѣ стремленія человѣческой натуры, хотя бы одно изъ нихъ и являлось преимущественно заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Потому и искусство производится не отвлеченнымъ стремленіемъ къ прекрасному (идеею прекраснаго), а совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ и способностей живого человѣка. А такъ какъ въ человѣческой жизни потребности, напримѣръ, правды, любви и улучшенія быта гораздо сильнѣе, нежели стремленіе къ изящному, то искусство не только всегда служитъ до нѣкоторой степени выраженіемъ этихъ потребностей (а не одной идеи прекраснаго), но почти всегда произведенія его (произведенія человѣческой жизни, этого нельзя забывать) создаются подъ преобладающими вліяніями потребностей правды (теоретической и практической), любви и улучшенія быта, такъ что стремленіе къ прекрасному, по натуральному закону человѣческаго дѣйствованія, является служителемъ этихъ и другихъ сильныхъ потребностей человѣческой натуры. Такъ всегда производились всѣ созданія искусства, замѣчательныя по своему достоинству. Стремленія, отвлеченныя отъ дѣйствительной жизни, безсильны; потому, если когда стремленіе къ прекрасному и усиливалось дѣйствовать отвлеченнымъ образомъ (разрывая свою связь съ другими стремленіями человѣческой природы), то не могло произвесть ничего замѣчательнаго даже и въ художественномъ отношеніи. Исторія не знаетъ произведеній искусства, которыя были бы созданы исключительно идеею прекраснаго: если и бываютъ и бывали такія произведенія, то не обращаютъ на себя никакого вниманія совре-

менниковъ и забываются исторіею, какъ слишкомъ слабыя,—слабыя даже и въ художественномъ отношеніи" *).

Эта мысль Чернышевскаго тоже справедлива, хотя она и страдаетъ нѣкоторою отвлеченностью. Исторія дѣйствительно не знаетъ такихъ художественныхъ произведеній, которыя выражали бы исключительно идею прекраснаго. Этимъ,—кстати сказать,—опровергается также и та мысль, что пушкинскій періодъ нашей литературы характеризуется стремленіемъ поэзіи къ одной только совершенной формѣ. Но дѣло не въ этомъ. Задача научной эстетики не ограничивается констатированіемъ того факта, что искусство всегда выражаетъ не только „идею" прекраснаго, но также и другія стремленія человѣка (къ правдѣ, любви и т. д.). Ея задача состоитъ главнымъ образомъ въ обнаруженіи того, какимъ образомъ эти другія стремленія человѣка находятъ свое выраженіе въ его понятіи о прекрасномъ; и какимъ образомъ онѣ, сами видоизмѣняясь въ процессѣ общественнаго развитія, видоизмѣняютъ также „идею" прекраснаго. Такъ, напримѣръ, свойственная среднимъ вѣкамъ идея прекраснаго,—воплощавшаяся, скажемъ, въ образѣ Мадонны,—сама сложилась подъ вліяніемъ тѣхъ идеаловъ, которые господствовали въ духовенствѣ, какъ извѣстно, игравшемъ огромную роль въ тогдашнемъ обществѣ. Въ эпоху Возрожденія „идея" прекраснаго, воплощаемая въ томъ же образѣ, пріобрѣтаетъ совершенно другой характеръ, потому что она выражаетъ тогда стремленія новыхъ общественныхъ слоевъ, имѣющихъ совершенно другіе идеалы. Это теперь общеизвѣстно. И Чернышевскій, несомнѣнно, принималъ во вниманіе этотъ фактъ, когда, въ своей диссертаціи, опредѣлялъ прекрасное, какъ „жизнь". Онъ писалъ: „прекрасно то существо, въ которомъ мы видимъ жизнь такою, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ" **). Но если это вѣрно,—а это совершенно вѣрно,—то какъ же происходитъ дѣло? Такъ ли, что искусство съ одной стороны воплощаетъ нашу идею прекраснаго, а съ другой,—и даже, какъ это утверждаетъ Чернышевскій, главнымъ образомъ—выражаетъ наши стремленія къ правдѣ, къ добру, къ улучшенію своего быта и т. п.? Нѣтъ, чаще всего бываетъ наоборотъ. Наше понятіе о прекрасномъ само проникается этими стремленіями и само выражаетъ ихъ.

*) Сочиненія, т. II, стр. 213—214.

**) Сочиненія, т. X, ч. II, стр. 88.

Поэтому и не слѣдуетъ разлагать на отдѣльные элементы то, что въ дѣйствительности представляетъ собою нѣчто органически цѣлое. А Чернышевскій въ силу свойственной всѣмъ „просвѣтителямъ“ разсудочности, иногда разлагаетъ это органическое цѣлое на его отдѣльные составные элементы *). Поступая такъ, онъ дѣлаетъ теоретическую ошибку. И эта его теоретическая ошибка дѣйствительно могла придать и иногда придавала его критикѣ односторонній видъ. Если произведеніе искусства рядомъ съ идеей прекраснаго,—и стало быть независимо отъ нея,—выражаетъ также извѣстныя нравственныя или практическія стремленія, то критикъ имѣетъ право сосредоточить свое главное вниманіе именно на этихъ стремленіяхъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ они получили въ разбираемомъ произведеніи свое художественное выраженіе. Когда критика поступаетъ такъ, она по необходимости принимаетъ морализирующій характеръ. Такимъ грѣхомъ она много грѣшила у насъ въ лицѣ Д. И. Писарева, да и не его одного. По ироніи судьбы въ томъ же грѣхѣ не разъ жестоко провинялся самъ г. Скабичевскій. Впрочемъ, это обыкновенно случается съ критикой въ „просвѣтительные“ періоды, характеризующіеся преобладаніемъ разсудочности. Въ ея оправданіе надо сказать, что въ такіе періоды разсудочность свойственна не только критикамъ, но даже и художникамъ **).

Что въ отзывахъ Чернышевскаго о произведеніяхъ искусства иногда бывало слишкомъ много разсудочности, этого нельзя оспа-

---

*) 17-й тезисъ его „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ гласитъ: „Воспроизведеніе жизни—общій характеристическій признакъ искусства, составляющій сущность его; часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе—объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни“. (Сочиненія, т. X, ч. 2-я, 1-й отд., стр. 164). Но весь вопросъ заключается въ томъ, какъ выражается этотъ приговоръ и въ какомъ видѣ дается это объясненіе: въ видѣ художественныхъ образовъ, или же въ видѣ отвлеченныхъ положеній? Какъ бы ни были правильны тѣ или другія отвлеченныя положенія, они не относятся къ области искусства. Въ нашей литературѣ это хорошо выяснилъ Бѣлинскій.

**) Давидъ говорилъ о себѣ: je n'aime ni je ne sens le merveilleux: je ne puis marcher à l'aise qu'avec le secours d'un fait réel (Delecluze, L. David, sen école et con temps. Paris, 1895, p. 338. Ср. сборникъ „За двадцать лѣтъ“ стр. 145 и слѣдующ.). Это чрезвычайно характерно для французскаго „просвѣтителя“ XVIII вѣка, какимъ былъ Давидъ.

ривать. И когда мы читаемъ его похвалы Платоновымъ обличеніямъ искусства, мы видимъ предъ собою „просвѣтителя“ одной эпохи, естественно склоннаго сочувствовать тому отношенію къ искусству, которыми отличаются представители всѣхъ другихъ „просвѣтительныхъ“ эпохъ *). Въ сущности отзывъ Чернышевскаго о современномъ Платону греческомъ искусствѣ былъ не совсѣмъ справедливъ. Хотя греческое искусство IV вѣка уже не выражаетъ собою мужественнаго гражданскаго идеала, вдохновлявшаго Поликлета и Фидія, однако все-таки Чернышевскій слишкомъ преувеличивалъ, говоря, что тогдашніе художники не давали ничего, кромѣ болѣе или менѣе сладострастныхъ картинъ, стиховъ и статуй.

Мы не можемъ согласиться съ Чернышевскимъ и тогда, когда онъ отвергаетъ ту, усвоенную Шиллеромъ, идею Канта, что искусство есть игра. Для Чернышевскаго понятіе „игры“ покрывается понятіемъ пустой забавы. Но это совсѣмъ не такъ. На самомъ дѣлѣ, игра становится пустой забавой только при извѣстныхъ условіяхъ. „Играетъ“ не только человѣкъ, „играетъ“ также и животное. Еще Спенсеръ справедливо говорилъ, что, напримѣръ, игра хищныхъ животныхъ состоитъ изъ притворной охоты и притворной драки. Это значитъ, что у животныхъ содержаніе игры опредѣляется той дѣятельностью, съ помощью которой поддерживается ихъ существованіе. То же мы видимъ и у дѣтей. По справедливому замѣчанію того же Спенсера, дѣтскія игры суть не болѣе, какъ театральныя представленія разнаго рода дѣятельности взрослыхъ. Это особенно хорошо видно на играхъ маленькихъ дикарей. Словомъ, игра есть дитя труда, какъ прекрасно выразился В. Вундтъ въ своей „Этикѣ“ **). И именно потому, что она есть дитя труда, она далеко не всегда является пустою забавою. Она становится ею только у тѣхъ общественныхъ классовъ или слоевъ, которые живутъ безъ всякаго труда и которые поэтому даже въ своей „дѣятельности“ являются бездѣльными. Однако, даже и въ такихъ случаяхъ игра есть въ нѣкоторомъ родѣ побочное „дитя труда“, потому что только при

*) Что въ своихъ сужденіяхъ объ искусствѣ ученикъ Сократа, Платонъ, показалъ себя типичнымъ „просвѣтителемъ“,—это врядъ ли нуждается въ доказательствахъ.

**) Ср. нашу статью „Еще объ искусствѣ у первобытныхъ народовъ“ въ сборникѣ „Критика нашихъ критиковъ“. Стр. 380—399.

наличности извѣстныхъ отношеній производства возможно существованіе въ обществѣ класса или слоя, предающагося бездѣлью.

Если,—какъ это говоритъ Чернышевскій, — существеннымъ признакомъ искусства является воспроизведеніе жизни, то искусство безусловно должно быть признано родственнымъ игрѣ, которая тоже воспроизводитъ жизнь не только у человѣка, но и у животнаго. Воспроизведеніе жизни въ игрѣ или въ искусствѣ имѣетъ большое соціологическое значеніе. Воспроизводя свою жизнь въ созданіяхъ искусства, люди воспитываютъ себя для своей общественной жизни, приспособляютъ себя къ ней. Различные общественные классы имѣютъ неодинаковыя потребности, они живутъ неодинаковою жизнью; поэтому неодинаковы и ихъ эстетическіе вкусы. Классы, предающіеся бездѣлью, выражаютъ пустоту своей жизни и въ своихъ произведеніяхъ искусства. Ихъ искусство есть въ самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ пустая забава; но оно является пустою забавою не потому, что оно есть совершенно подобное игрѣ воспроизведеніе жизни, а только потому, что оно воспроизводитъ пустую жизнь. Дѣло не въ „игрѣ", а въ томъ, каково содержаніе игры.

Взглядъ на искусство, какъ на игру, дополняемый взглядомъ на игру, какъ на „дитя труда", проливаетъ чрезвычайно яркій свѣтъ на сущность и исторіи искусства. Онъ впервые позволяетъ взглянуть на нихъ съ матеріалистической точки зрѣнія. Мы знаемъ, что, при самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, Чернышевскій сдѣлалъ очень удачную, по своему, попытку примѣнить матеріалистическую философію Фейербаха къ эстетикѣ. Этой его попыткѣ нами посвященна особая работа *). Поэтому здѣсь мы только скажемъ, что хотя и очень удалась, по своему, эта попытка, на ней, точно такъ же, какъ и на историческихъ взглядахъ Чернышевскаго, отразился основной недостатокъ философіи Фейербаха: неразработанность ея исторической, или точнѣе сказать, діалектической стороны. И только потому, что не разработана была эта сторона въ усвоенной имъ философіи, Чернышевскій могъ не обратить вниманія на то, какъ важно понятіе игры для матеріалистическаго объясненія искусства.

Но зато въ эстетикѣ Чернышевскаго,—опять, какъ и въ его историческихъ взглядахъ,—мы находимъ много зачатковъ совер-

*) См. статью „Эстетическая теорія Чернышевскаго" въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ".

шенно правильнаго пониманія предмета. Вотъ, напримѣръ, посмотрите, какъ удачно выясняетъ онъ зависимость понятія о красотѣ отъ условій жизни различныхъ общественныхъ классовъ. Приводимъ цѣликомъ относящееся сюда и въ полномъ смыслѣ слова замѣчательное мѣсто его диссертаціи:

„Хорошая жизнь, жизнь, какъ она должна быть, у простого народа состоитъ въ томъ, чтобы сытно ѣсть, жить въ хорошей избѣ, спать вдоволь; но вмѣстѣ съ этимъ у поселянина понятіе „жизнь“ всегда заключается въ понятіи о работѣ: жить безъ работы нельзя; да и скучно было-бы. Слѣдствіемъ жизни въ довольствѣ, при большой работѣ, не доходящей, однако, до изнуренія силъ, у молодого поселянина или сельской дѣвушки будетъ чрезвычайно свѣжій цвѣтъ лица и румянецъ во всю щеку—первое условіе красоты по простонароднымъ понятіямъ. Работая много, поэтому будучи крѣпка сложеніемъ, сельская дѣвушка при сытной пищѣ будетъ довольно плотна,—это также необходимое условіе красавицы сельской; свѣтская „полувоздушная красавица“ кажется поселянину рѣшительно „невзрачной“, даже производитъ на него непріятное впечатлѣніе; потому что онъ привыкъ считать „худобу“ слѣдствіемъ болѣзненности или „горькой доли“. Но работа не даетъ разжирѣть; если сельская дѣвушка толста, это родъ болѣзненности, знакъ „рыхлаго“ сложенія и народъ считаетъ большую полноту недостаткомъ; у сельской красавицы не можетъ быть маленькихъ ручекъ и ножекъ, потому что она много работаетъ—объ этихъ принадлежностяхъ красоты и не упоминается въ нашихъ пѣсняхъ. Однимъ словомъ, въ описаніяхъ красавицы въ народныхъ пѣсняхъ не найдется ни одного признака красоты, который не былъ бы выраженіемъ цвѣтущаго здоровья и равновѣсія силъ въ организмѣ, всегдашняго слѣдствія жизни въ довольствѣ при постоянной нешуточной, но не чрезмѣрной работѣ. Совершенно другое дѣло свѣтская красавица; уже нѣсколько поколѣній предки ея жили не работая руками; при бездѣйственномъ образѣ жизни, крови льется въ оконечности мало; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ мускулы рукъ и ногъ слабѣютъ, кости дѣлаются тоньше; необходимымъ слѣдствіемъ всего этого должны быть маленькія ручки и ножки; онѣ—признакъ такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высшихъ классовъ общества, жизни безъ физической работы; если у свѣтской женщины большія руки и ноги, это признакъ или того, что она дурно сложена, или того, что она не изъ старинной хорошей фамиліи. По этому же

самому у свѣтской красавицы должны быть маленькія ушки. Мигрень, какъ извѣстно, интересная болѣзнь—и не безъ причины: отъ бездѣйствія кровь остается вся въ среднихъ органахъ, приливаетъ къ мозгу; нервная система и безъ того уже раздражительна отъ всеобщаго ослабленія въ организмѣ; неизбѣжное слѣдствіе всего этого—продолжительныя головныя боли и разнаго рода нервическія разстройства; что дѣлать, и болѣзнь интересна, чуть не завидна, когда она слѣдствіе того образа жизни, который намъ нравится. Здоровье, правда, никогда не можетъ потерять своей цѣны въ глазахъ человѣка, потому что и въ довольствѣ, и въ роскоши плохо жить безъ здоровья; вслѣдствіе того румянецъ на щекахъ и цвѣтущая здоровьемъ свѣжесть продолжаютъ быть привлекательными и для свѣтскихъ людей; но болѣзненность, слабость, вялость, томность также имѣютъ въ глазахъ ихъ достоинство красоты, какъ скоро кажутся слѣдствіемъ роскошно-бездѣйственнаго образа жизни. Блѣдность, томность, болѣзненность имѣютъ еще другое значеніе для свѣтскихъ людей: если поселянинъ ищетъ отдыха, спокойствія, то люди образованнаго общества, у которыхъ матеріальной нужды и физической усталости не бываетъ, но которымъ зато часто бываетъ скучно отъ бездѣлья и отсутствія матеріальныхъ заботъ, ищутъ „сильныхъ ощущеній, волненій страстей“, которыми придается цвѣтъ, разнообразіе, увлекательность свѣтской жизни, безъ того монотонной и безцвѣтной. А отъ сильныхъ ощущеній, отъ пылкихъ страстей человѣкъ скоро изнашивается: какъ же не очароваться томностью, блѣдностью красавицы, если онѣ служатъ признакомъ, что она „много жила?“ *).

Понятія людей о красотѣ выражаются въ произведеніяхъ искусства. Понятіе о ней различныхъ общественныхъ классовъ, какъ мы видѣли, очень различны, иногда даже противоположны. Тотъ классъ, который господствуетъ въ данное время въ обществѣ, господствуетъ также въ литературѣ и въ искусствѣ. Онъ вноситъ въ нихъ свои взгляды и понятія. Но въ развивающемся обществѣ въ разное время господствуютъ разные классы. Притомъ же всякій данный классъ имѣетъ свою исторію: онъ развивается, доходитъ до процвѣтанія и господства и, наконецъ, клонится къ упадку. Сообразно съ этимъ измѣняются и его литературные взгляды, и его эстетическія понятія. Поэтому въ исторіи мы встрѣчаемся съ

*) Сочиненія, т. X, ч. 2-ая, отд. I, стр. 89—90.

различными эстетическими понятіями людей: понятія и взгляды, господствовавшіе въ одну эпоху, оказываются устарѣвшими въ другую. Чернышевскій подмѣтилъ, что эстетическія понятія людей опредѣляются въ послѣдней инстанціи ихъ экономическимъ бытомъ. Это свидѣтельствуетъ объ огромной проницательности его взгляда. Чтобы поставить свою эстетическую теорію на прочную матеріалистическую основу, ему нужно было подробнѣе изучить подмѣченную имъ причинную связь эстетики съ экономикой и прослѣдить эту связь по крайней мѣрѣ черезъ главнѣйшія фазы историческаго развитія человѣчества. Этимъ онъ сдѣлалъ бы величайшій переворотъ въ исторіи эстетики. Но, во-первыхъ, методъ, котораго онъ держался въ своихъ изслѣдованіяхъ, былъ недостаточно разработанъ для такого теоретическаго предпріятія. А во-вторыхъ, онъ, какъ „просвѣтитель“, интересовался не столько самой теоріей, сколько нѣкоторыми ея выводами, имѣющими непосредственное отношеніе къ житейской практикѣ. Поэтому онъ, бросивъ чрезвычайно проницательный взглядъ на вопросъ объ отношеніи сознанія къ бытію въ области эстетики, тотчасъ же отворачивается отъ этого теоретическаго вопроса и спѣшитъ дать своему читателю разумный практическій совѣтъ. Онъ говоритъ:

„Мила живая свѣжесть цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй“.

„Но если увлеченіе блѣдною, болѣзненною красотою признакъ искусственной испорченности вкуса, то всякій истинно образованный человѣкъ чувствуетъ, что истинная жизнь—жизнь ума и сердца. Она отпечатывается въ выраженіи лица, всего яснѣе въ глазахъ; потому выраженіе лица, о которомъ такъ мало говорится въ народныхъ пѣсняхъ, получаетъ огромное значеніе въ понятіяхъ о красотѣ, господствующихъ между образованными людьми; и часто бываетъ, что человѣкъ кажется намъ прекрасенъ, только потому, что у него прекрасные, выразительные глаза!“ *).

Это опять вѣрно. Но въ этомъ вѣрномъ замѣчаніи рѣчь идетъ уже не столько объ эстетикѣ, какой она бываетъ въ зависи-

*) Тамъ же, стр. 90.

мости отъ экономическаго положенія различныхъ классовъ, сколько объ эстетикѣ, какой она *должна быть* у „образованныхъ людей". Забота о томъ, что *должно быть* преобладаетъ въ диссертаціи Чернышевскаго надъ теоретическимъ интересомъ къ тому, отчего иногда *бываетъ* совершенно иначе. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ повидимому странный фактъ, что въ диссертаціи этого матеріалиста встрѣчается меньше истинно-матеріалистическихъ замѣчаній объ исторіи искусства, чѣмъ, напримѣръ, въ „Эстетикѣ" абсолютнаго идеалиста Гегеля *).

Но вернемся къ статьѣ „О піитикѣ" Аристотеля: она составляетъ какъ бы дополненіе къ изслѣдованію объ „эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности". По мнѣнію Чернышевскаго, Аристотель уступаетъ Платону въ возвышенности требованій, предъявляемыхъ имъ къ искусству; его понятія о значеніи музыки, поэзіи не такъ поучительны, какъ Платоновы, и даже,—какъ мы это объяснили мимоходомъ выше, говоря объ отношеніяхъ Чернышевскаго къ Гегелевой діалектикѣ,—иногда страдаютъ мелочностью. Нашъ авторъ не соглашается съ Аристотелемъ, когда тотъ объясняетъ происхожденіе искусства стремленіемъ человѣка къ подражанію. Однако, ему очень нравится взглядъ Аристотеля на отношеніе философіи къ поэзіи. Онъ говоритъ: „поэзія, изображающая человѣческую жизнь съ общей точки зрѣнія, представляющая не случайныя и ничтожныя мелочи ея, а то, что есть въ жизни существеннаго и характеристическаго чрезвычайно много имѣетъ, какъ думаетъ Аристотель, философскаго достоинства. Она въ этомъ отношеніи даже гораздо выше, по его мнѣнію, нежели исторія, которая безъ разбора должна описывать и важное и неважное, и существенное, характеристическое, и случайные, не имѣющіе никакого внутренняго значенія факты; поэзія гораздо выше исторіи также и потому, что представляетъ все во внутренней связи, между тѣмъ, какъ исторія безъ всякой внутренней связи, по хронологическому порядку разсказываетъ разнородные факты, не имѣющіе между собою ничего общаго" **).

---

*) См. замѣчанія Гегеля объ исторіи голландской живописи, съ которыми почти безусловно можетъ согласиться любой изъ современныхъ матеріалистовъ-діалектиковъ (Aesthetik, I-er Band, p. 217, 218; B. II, p. 217—223). Подобныхъ замѣчаній много разсѣяно въ его „Эстетикѣ".

**) Сочиненія, т. I, стр. 36—37.

Какъ извѣстно, этотъ взглядъ Аристотеля нравился также и Лессингу и по той же причинѣ: онъ давалъ теоретическую возможность предъявить къ поэзіи столь дорогое обоимъ „просвѣтителямъ“ требованіе „объясненія жизни“ или,—чтобы выразиться съ полною точностью,—произнесенія надъ нею „приговора“. Конечно, на самомъ дѣлѣ, взглядъ Аристотеля могъ быть объясненъ въ томъ чисто теоретическомъ смыслѣ, какой придалъ ему Гегель въ своей „Эстетикѣ“ и какой мы чаще всего встрѣчаемъ въ касающихся этого предмета разсужденіяхъ Бѣлинскаго. Но Чернышевскій, подобно Лессингу, истолковываетъ его въ дорогомъ для „просвѣтителей“ практическомъ направленіи *).

Въ качествѣ „просвѣтителя“, озабоченнаго главнымъ образомъ практическими выводами и потому не очень расположеннаго ко всестороннему разсмотрѣнію теоретической основы такихъ выводовъ, Чернышевскій далеко не всегда отдаетъ историческую справедливость отвергаемымъ имъ эстетическимъ теоріямъ.

Чернышевскій, подобно Лессингу, не любилъ „теоретиковъ псевдо-классической школы“ по причинамъ, которыя сами по себѣ совершенно понятны,—и, что касается Лессинга, хорошо разъяснены Ф. Мерингомъ въ его извѣстной книгѣ „Lessings-Legende“,—но разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ здѣсь слишкомъ далеко. Онъ приписываетъ этимъ теоретикамъ подчасъ такіе грѣхи, въ какихъ они, говоря по правдѣ, совсѣмъ неповинны, въ чемъ онъ и самъ могъ бы легко убѣдиться при нѣсколько большемъ вниманіи къ исторической сторонѣ занимавшихъ его эстетическихъ вопросовъ. Вотъ яркій примѣръ. У Платона и Аристотеля изящныя искусства называются подражательными. По этому поводу Чернышевскій считаетъ нужнымъ оттѣнить, что то „подражаніе“, о которомъ говорятъ эти философы, имѣетъ очень мало общаго съ тѣмъ „подражаніемъ природѣ“, въ которомъ псевдо-классическая школа видѣла сущность искусства. „Неужели Платонъ и особенно Аристотель, учитель всѣхъ Батте, Буало и Горэціевъ,—говоритъ онъ,—поставляютъ сущность искусства не въ подражаніи природѣ, какъ привыкли всѣ мы дополнять

*) Не лишнимъ будетъ, пожалуй, напомнить слѣдующую оговорку Чернышевскаго насчетъ исторіи: „Но мнѣніе Аристотеля объ исторіи требуетъ объясненія: оно приложимо только къ тому виду исторіи, который былъ извѣстенъ въ его время—это была не собственно исторія, а лѣтопись“ (Сочиненія, т. I, стр. 37).

фразу, говоря о теоріи подражанія? Дѣйствительно, и Платонъ, и Аристотель считаютъ истиннымъ содержаніемъ искусства, въ особенности поэзіи, вовсе не природу, а человѣческую жизнь. Имъ принадлежитъ великая честь думать о главномъ содержаніи искусства именно то самое, что послѣ нихъ высказалъ уже только Лессингъ, и чего не могли понять всѣ ихъ послѣдователи. У Аристотеля въ „Піитикѣ“ нѣтъ ни слова о природѣ: онъ говоритъ о людяхъ, ихъ дѣйствіяхъ, событіяхъ съ людьми, какъ о предметахъ, которымъ подражаетъ поэзія. Дополненіе: „природѣ“ могло быть принято въ піитикахъ только тогда, когда процвѣтала вялая и фальшивая описательная поэзія... и неразлучная съ нею дидактическая поэзія—роды, изгоняемые Аристотелемъ изъ поэзіи. Подражаніе природѣ чуждо истинному поэту, главный предметъ котораго—человѣкъ. „Природа“ выступаетъ на первый планъ только въ пейзажной живописи, и фраза „подражаніе природѣ“ послышалась въ первый разъ изъ устъ живописца“ *).

Далѣе Чернышевскій поясняетъ, со словъ Плинія, при какихъ обстоятельствахъ произнесена была эта фраза: когда Лизиппъ спросилъ у живописца Эвпомпа, кому изъ великихъ художниковъ надо подражать, тотъ отвѣтилъ, что подражать надо не художникамъ, а самой природѣ. Изъ этихъ словъ нашъ авторъ справедливо заключаетъ, что образцомъ для художника должна служить живая дѣйствительность вообще, а не природа въ узкомъ смыслѣ того слова. Но дѣло въ томъ, что слова: „подражаніе природѣ“ понимались въ томъ-же смыслѣ и „теоретиками псевдоклассической школы“. Въ доказательство мы сошлемся на Буало, котораго Чернышевскій называетъ въ числѣ писателей, будто бы забывавшихъ о человѣкѣ. Въ третьей пѣснѣ своего „Art poétique“ Буало даетъ слѣдующій совѣтъ авторамъ:

„Que la nature donc soit votre étude unique,
Auteurs qui prétendez aux honneurs du comique.
Quiconque voit bien l'homme, et, d'un esprit profond,
De tant de coeurs cachés a pénétré le fond;
Qui sait bien ce que c'est qu'un prodigue, un avare,
Un honnête homme, un fat, un jaloux, un bizare,
Sur une scéne heureuse il peut les étaler,
Et les faire à nos yeux vivre, agir et parler.
Présentez en partout les images naïves;

*) Сочиненія, т. I, стр. 38—39.

Que chacun y soit peint des couleurs les plus vives
La nature, féconde en bizarres portraits,
Dans chaque âme est marquée à de différents traits,
Un geste la découvre, un rien la fait paraître.
Mais tout esprit n'a pas des yeux pour les connaitre."

Здѣсь какъ нельзя болѣе ясно, что подъ „природой" Буало понимаетъ именно человѣка. Не менѣе ясно это и въ слѣдующемъ отрывкѣ:

„Aux dépens du bon sens garder de plaisanter:
Jamais de la nature il ne faut s'écarter.
Contemplez de quel air un père dans Térence
Vient d'un fils amoureux gourmander l'imprudence;
De quel air cet amant écoute ses leçons,
Et court chez sa maîtresse oublier ces chansons.
Ce n'est pas un portrait une image semblable,
C'est un amant, un fils, un père véritable."

Когда Буало говорилъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ уклоняться отъ природы, его слова имѣли, очевидно, тотъ смыслъ, что человѣческая природа должна быть изображена съ возможно большею вѣрностью. Буало ставитъ въ примѣръ Теренція; но Теренцій достоинъ подражанія, по его мнѣнію, именно, какъ художникъ мастерски воспроизводившій природу человѣка: отца, сына, любовника и т. д. Да и не могъ XVII-ый вѣкъ предпочитать изображеніе природы изображенію человѣческой жизни. Онъ слишкомъ интересовался этой послѣдней. Она сосредоточивала на себѣ почти все его вниманіе, и даже пейзажная живопись этого столѣтія отодвигаетъ природу на задній планъ. Вниманіе пейзажиста обращается во Франціи отъ человѣка къ природѣ только уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія; да и этотъ поворотъ означаетъ собственно не то, что художники начали интересоваться природой больше, нежели человѣкомъ, а то, что ихъ стали теперь интересовать другія, прежде мало интересныя для нихъ, стороны душевной жизни человѣка *). Но, повторяемъ, для Чернышевскаго, какъ для „просвѣтителя", не имѣли особеннаго значенія эти

*) См. статьи, посвященныя французскому пейзажу въ сборникѣ „Histoire du paysage en France". Paris, 1908; тамъ же лекціи Л. Розенталя: „Le paysage au temps du romantisme" и статью Шарля Соньо: Jean-François Millet. Ср. также Фромантэна: „Les maîtres d'autreforis. Belgique-Hollande". 8-e edit. Paris, 1896; стр. 271 и слѣд.

историческія подробности. Ему важенъ былъ тотъ, имѣвшій въ его глазахъ огромное практическое значеніе, выводъ, что „называть искусство воспроизведеніемъ дѣйствительности (замѣняя современнымъ терминомъ неудачно передающее смыслъ греческаго mimêsis слово „подражаніе") было бы вѣрнѣе, нежели думать, что искусство осуществляетъ въ своихъ произведеніяхъ нашу идею совершенной красоты, которой будто бы нѣтъ въ дѣйствительности" *). Развивая эту свою мысль, Чернышевскій утверждаетъ, что напрасно думаютъ, будто бы, признавъ своимъ верховнымъ началомъ воспроизведеніе человѣческой жизни, искусство тѣмъ самымъ вынуждено было бы дѣлать грубые и пошлые снимки съ дѣйствительности и отказаться отъ всякой идеализаціи. Чернышевскій признаетъ идеализацію, но онъ даетъ свое опредѣленіе этому понятію. Идеализація, состоящая въ такъ называемомъ облагороженіи изображаемыхъ предметовъ и характеровъ, равносильна чопорности, надутости и фальши: „единственная необходимая идеализація должна состоять въ исключеніи изъ поэтическаго произведенія ненужныхъ для полноты картины подробностей, каковы бы ни были эти подробности". И это, разумѣется, безусловно справедливо.

Не касаясь,—какъ уже разобранныхъ нами въ другомъ мѣстѣ,—другихъ эстетическихъ взглядовъ, высказанныхъ Чернышевскимъ по поводу „Піитики" Аристотеля и повторенныхъ имъ въ своей диссертаціи, мы остановимся еще только на одномъ. Чернышевскій отмѣчаетъ, что Аристотель ставилъ трагиковъ выше Гомера и находилъ, что поэмы этого послѣдняго много уступаютъ трагедіямъ Софокла и Эврипида въ смыслѣ художественной формы. Нашъ авторъ вполнѣ согласенъ съ этимъ взглядомъ греческаго философа и со своей стороны считаетъ нужнымъ дополнить его только однимъ замѣчаніемъ: онъ находитъ, что трагедіи Софокла и Эврипида несравненно художественнѣе поэмъ Гомера не только по формѣ, но также и по содержанію. И онъ спрашиваетъ, не пора ли и намъ послѣдовать примѣру Аристотеля и взглянуть безъ ложнаго подобострастія на Шекспира. Лессингу, находитъ онъ, было естественно ставить великаго англійскаго драматурга выше всѣхъ поэтовъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ; но теперь, когда ужъ нѣтъ надобности возставать противъ слишкомъ усерднаго подражанія французскимъ псевдо-классическимъ писателямъ, и когда у насъ есть Лессингъ, Гете, Шиллеръ, Байронъ, вполнѣ

*) Сочиненія, т. I. стр. 39.

позволительно критическое отношеніе къ Шекспиру. „Вѣдь Гете признаетъ же „Гамлета“ нуждающимся въ передѣлкѣ? И, можетъ быть, Шиллеръ не выказалъ неразборчивости вкуса, передѣлавъ наравнѣ съ Шекспировымъ „Макбетомъ“ и Расинову „Федру“. Мы безпристрастны къ давно прошедшему: зачѣмъ-же такъ долго медлить признавать и недавно прошедшее вѣкомъ высшаго, нежели прежнее, развитія поэзіи? Развѣ ея развитіе не идетъ рядомъ съ развитіемъ образованности и жизни“ *).

Само собою разумѣется, что можно и должно относиться съ критикою къ Шекспиру, какъ можно и должно относиться съ нею, напримѣръ, къ Гете и Толстому или Гегелю и Спинозѣ. Но можно-ли поставить Лессинга и Шиллера или Байрона выше Шекспира, это другой вопросъ. Мы не имѣемъ возможности разбирать его здѣсь, но мы все-таки позволимъ себѣ сказать, что, какъ драматургъ, Шекспиръ значительно выше названныхъ Чернышевскимъ писателей. Безпристрастіе, конечно, необходимо во всѣхъ литературныхъ сужденіяхъ; однако оно еще не обязываетъ насъ къ признанію той мысли, что успѣхи поэзіи всегда идутъ рядомъ съ успѣхами жизни и образованности. Нѣтъ, далеко не всегда. Какъ художники, Корнель и Расинъ несравненно выше Вольтэра, а между тѣмъ французская образованность и французская жизнь XVIII вѣка далеко опередили образованность и жизнь Франціи предыдущаго столѣтія. Или,—чтобы взять примѣръ, который показался бы болѣе убѣдительнымъ Чернышевскому, какъ рѣшительному противнику французской псевдо-классической школы,—развѣ не очевидно, что въ эпоху того-же Шекспира англійскій театръ стоялъ несравненно выше, нежели въ XVIII-омъ вѣкѣ? А вѣдь англійская образованность и жизнь очень далеко подвинулись впередъ въ промежутокъ, отдѣляющій одну отъ другой эти двѣ эпохи. „Просвѣтители“ всѣхъ странъ очень склонны были думать, что успѣхамъ просвѣщенія („образованности“) всегда прямо пропорціональны были успѣхи всѣхъ другихъ сторонъ умственной и общественной жизни народовъ. Это не такъ. Въ дѣйствительности, историческое движеніе человѣчества представляетъ собою такой процессъ, въ которомъ успѣхи одной изъ сторонъ не только не предполагаютъ пропорціональныхъ успѣховъ всѣхъ другихъ его сторонъ, но иногда прямо обусловливаютъ собою отсталость или даже упадокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ

*) Тамъ же, стр. 43.

напримѣръ, колоссальное развитіе западно-европейской экономической жизни, опредѣливъ собою взаимное отношеніе между классомъ производителей и классомъ присвоителей общественнаго богатства, привело во второй половинѣ XIX столѣтія къ духовному упадку буржуазіи и всѣхъ тѣхъ искусствъ и наукъ, въ которыхъ выражаются нравственныя понятія и общественныя стремленія этого класса. Во Франціи конца XVIII-го столѣтія буржуазія выступала еще, какъ классъ, исполненный умственной и нравственной энергіи; но это обстоятельство не помѣшало поэзіи, созданной ею въ то время, пойти назадъ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она была прежде, когда менѣе развита была общественная жизнь. Поэзія вообще плохо уживается съ разсудочностью, а разсудочность очень нерѣдко является необходимымъ слѣдствіемъ и вѣрнымъ показателемъ образованности. Но Чернышевскому, какъ типичному „просвѣтителю", были совершенно чужды соображенія этого рода.

Глава вторая.

Бѣлинскій, Чернышевскій и Писаревъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы сказали, что если Бѣлинскій былъ родоначальникомъ нашихъ „просвѣтителей", то Чернышевскій является самымъ крупнымъ ихъ представителемъ*). Чтобы сдѣлать это понятнымъ, нужно сперва напомнить, въ какомъ смыслѣ мы считаемъ Бѣлинскаго родоначальникомъ нашихъ „просвѣтителей".

Въ эпоху своего знаменитаго „примиренія съ дѣйствительностью", онъ задался цѣлью понять ее, какъ продуктъ опредѣленнаго хода историческаго развитія. Онъ держался тогда того мнѣнія, что идеалъ, не оправдываемый самимъ ходомъ развитія „дѣйствительности", т. е. оторванный отъ нея, представляетъ собою нѣчто вродѣ субъективнаго каприза, не заслуживающаго ни вниманія, ни интереса. Его „примиреніе съ дѣйствительностью" означало лишь пренебреженіе къ такому идеалу. Впослѣдствіи, когда онъ уже проклиналъ свою статью о Бородинской битвѣ, какъ недостойную честнаго писателя, онъ, продолжая оставаться вѣрнымъ духу Гегелевой философіи, возмущался въ этой статьѣ

*) „За двадцать лѣтъ"; 3-ье изданіе; стр. 260-ая.

собственно ея выводами, а не ея основными положеніями. „Идея которую я силился развить въ статьѣ по случаю книги Глинки „Очерки Бородинскаго сраженія“, — говорилъ онъ,—вѣрна въ своихъ основаніяхъ“. Но онъ находилъ теперь, что ему не удалось, какъ слѣдуетъ, воспользоваться этими вѣрными основаніями. „Должно было-бы развить и идею отрицанія, какъ историческаго права, не менѣе перваго священнаго, безъ котораго человѣчество превратилось-бы въ стоячее и вонючее болото“. Гегель, поскольку онъ оставался вѣренъ своей діалектикѣ, вполнѣ признавалъ „историческое право отрицанія“. Это хорошо видно изъ его чтеній по исторіи философіи, въ которыхъ онъ съ такимъ рѣшительнымъ одобреніемъ говоритъ объ отрицателяхъ, подобныхъ Сократу Но у Гегеля,—опять таки поскольку онъ не измѣнялъ своему діалектическому методу,—отрицаніе данной „дѣйствительности“ является закономѣрнымъ продуктомъ ея собственнаго діалектическаго развитія, т. е. развитія свойственныхъ ей внутреннихъ противорѣчій. Чтобы обосновать „идею отрицанія“ въ Россіи, нужно было открыть и показать, какимъ образомъ историческое развитіе общественныхъ отношеній, составляющихъ данную россійскую „дѣйствительность“, должно своей собственной, внутренней логикой привести современнемъ къ отрицанію той-же дѣйствительности“, т. е. къ ея замѣнѣ новой „дѣйствительностью“, болѣе или менѣе соотвѣтствующей идеаламъ передовыхъ личностей. Страшная отсталость нашей тогдашней общественной жизни не дала Бѣлинскому возможности рѣшить эту чрезвычайно важную теоретическую задачу. А такъ какъ онъ по всему своему нравственному складу все таки не могъ жить въ мирѣ съ дѣйствительностью“, такъ какъ его миръ съ нею былъ лишь перемиріемъ, то ему пришлось обосновывать свою „идею отрицанія“ другимъ и уже совсѣмъ не діалектическимъ путемъ: онъ сталъ выводить ее изъ отвлеченнаго понятія о человѣческой личности, которую онъ считалъ нужнымъ освободить „отъ гнусныхъ оковъ неразумной дѣйствительности, мнѣнія черни и преданія варварскихъ временъ“. Но поскольку онъ искалъ опоры въ этомъ отвлеченномъ понятіи, постольку онъ изъ діалектика превращался въ „просвѣтителя“.

Просвѣтители,—какъ мы это видимъ въ каждомъ извѣстномъ намъ періодѣ „просвѣщенія“,—въ своей критикѣ современныхъ имъ отношеній исходили обыкновенно изъ тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ принциповъ.

Со стороны соціально-политической это новое направленіе мысли Бѣлинскаго,—это исканіе имъ опоры въ отвлеченномъ понятіи личности,—привело его къ утопическому соціализму, а со стороны литературной—къ реабилитаціи Шиллера, котораго онъ объявилъ теперь благороднымъ адвокатомъ человѣчества. Но все таки онъ не даромъ прошелъ школу Гегеля: у него навсегда осталось отвращеніе отъ „натянутаго, на ходуляхъ стоящаго идеализма, махающаго мечемъ картоннымъ, подобно разрумяненному актеру". Если въ своей юности, въ первый періодъ своего увлеченія Шиллеромъ, Бѣлинскій увлекался его „Разбойниками"; то теперь онъ уже съ пренебреженіемъ относится къ тѣмъ писателямъ, которые съ легкой руки Марлинскаго „принялись рисовать то Карловъ Мооровъ въ черкесской буркѣ, то Лировъ и Чайльдъ-Гарольдовъ въ канцелярскомъ вицъ-мундирѣ". Уже въ началѣ 1844 года, онъ,—въ статьѣ: „Русская литература въ 1843-ьемъ году",—съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что теперь и „великіе и малые таланты, и посредственность и бездарность—всѣ стремятся изображать дѣйствительныхъ, невоображаемыхъ людей, но такъ какъ дѣйствительные люди обитаютъ на землѣ и въ обществѣ, а не на воздухѣ, не въ облакахъ, гдѣ живутъ одни призраки, то, естественно, писатели нашего времени вмѣстѣ съ людьми изображаютъ и общество. Общество также—нѣчто дѣйствительное, а не воображаемое и потому его сущность составляютъ не одни костюмы и прически, но и нравы, обычаи, понятія, отношенія и т. д." *). Въ послѣдующіе годы своей жизни Бѣлинскій, умственное развитіе котораго шло въ томъ же направленіи, въ какомъ развивалась западно-европейская философская мысль, перешелъ отъ Гегеля къ Фейербаху. Это особенно замѣтно въ его статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846-го года", гдѣ онъ изглагаетъ нѣкоторыя основныя положенія Фейербаховой философіи. И въ той же статьѣ онъ въ полномъ согласіи со своими новыми философскими убѣжденіями говоритъ: „Если бы насъ спросили, въ чемъ состоитъ отличительный характеръ современной русской литературы, мы отвѣчали бы: въ болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи съ жизнью, съ дѣйствительностью, въ большей и большей близости къ зрѣлости и возмужалости" **). Въ литературномъ обозрѣніи

*) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго; Москва, 1880 г.; ч. 8-ая, стр. 63.
**) Тамъ же, стр. 9—10.

слѣдующаго года, написанномъ имъ совсѣмъ уже незадолго до своей смерти, онъ такими словами опредѣляетъ состояніе и задачи нашей литературы:

„Литература наша была плодомъ сознательной мысли, явилась какъ нововведеніе, началась подражательностью. Но она не остановилась на этомъ, а постоянно стремилась къ самобытности, народности, изъ риторической стремилась сдѣлаться естественною, натуральною. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ смыслъ и душу исторіи нашей литературы. И мы не обинуясь скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только черезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя... Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на самое искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и ветхое опредѣленіе поэзіи, какъ „украшенной природы“; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого ужъ невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства, какъ воспроизведенія дѣйствительности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ типахъ, а идеалъ тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя авторъ становитъ другъ къ другу созданные имъ типы, сообразно съ мыслію, которую онъ хочетъ развить своимъ произведеніемъ“ *).

Со всѣмъ, что высказывалъ въ этихъ строкахъ Бѣлинскій, Чернышевскій былъ безусловно согласенъ, и эти мысли Бѣлинскаго легли въ основу его взглядовъ на общія задачи русской литературы и на ея состояніе въ различныя эпохи ея развитія. Авторъ „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы“ имѣлъ полное право считать себя продолжателемъ дѣла Бѣлинскаго. Когда Тургеневъ и другіе образованные „люди 40-ыхъ годовъ“ утверждали, что проповѣдь Чернышевскаго и его единомышленниковъ измѣняетъ завѣтамъ критики Бѣлинскаго, они упускали изъ виду, что самъ „неистовый Виссаріонъ“ не-

*) Соч. Бѣлинскаго; тамъ же; стр. 344—345.

рѣдко высказывался, въ послѣдній періодъ своей жизни, въ духѣ этой проповѣди. Однако, это ихъ мнѣніе не было и полной ошибкою. Они были правы въ томъ смыслѣ, что Чернышевскій и его единомышленники дѣлали изъ „просвѣтительныхъ“ идей Бѣлинскаго подчасъ такіе выводы, которые, при всей своей логической правильности, врядъ ли пришлись бы по душѣ Бѣлинскому, до конца жизни сохранившему, въ своихъ взглядахъ, многое изъ того, что Писаревъ окрестилъ впослѣдствіи „шелухой гегелизма“.

Что такое та „дѣйствительность“, о которой говорилъ Бѣлинскій въ приведенныхъ нами выпискахъ изъ его годовыхъ обзоровъ русской литературы? Совпадаетъ ли понятіе о ней съ понятіемъ о той „дѣйствительности“, съ которой онъ нѣкогда „мирился“.

Съ удовольствіемъ указывая на то, что наши журналы теперь больше всего толкуютъ о дѣйствительности. Бѣлинскій замѣчаетъ: „Понятіе о дѣйствительности совершенно новое“ *). Чернышевскій, приводящій это его замѣчаніе въ 7-ой главѣ своихъ „Очерковъ гоголевскаго періода“,—находитъ его вполнѣ правильнымъ. Онъ говоритъ, что понятіе о дѣйствительности „опредѣлилось и вошло въ науку очень недавно, именно съ того времени, какъ объяснены были современными намъ мыслителями темные намеки трансцендентальной философіи, признававшей истину только въ конкретномъ осуществленіи **). И онъ считаетъ нужнымъ подробно изложить этотъ новый и простой, но чрезвычайно плодотворный взглядъ на дѣйствительность.

„Были времена,—говоритъ онъ,—когда мечты фантазіи ставились гораздо выше того, что представляетъ жизнь, и когда сила фантазіи считалась безпредѣльною. Но современные мыслители внимательнѣе прежняго разсмотрѣли этотъ вопросъ и дошли до результатовъ, совершенно противоположныхъ прежнимъ мнѣніямъ, которыя оказались рѣшительно не выдерживающими критики. Сила нашей фантазіи чрезвычайно ограничена, и созданія ея очень блѣдны и слабы въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ дѣйствительность. Самое пылкое воображеніе подавляется представленіемъ о милліонахъ миль, отдѣляющихъ землю отъ солнца, о чрезвычайной быстротѣ свѣта и электрическаго тока;

*) Тамъ же, стр. 33.

**) Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго. Т. II, стр. 205.

самыя идеальныя фигуры Рафаэля оказались портретами съ живыхъ людей; самыя уродливыя созданія миѳологіи и народныхъ суевѣрій оказались далеко не столь непохожими на окружающихъ насъ животныхъ, какъ чудовища, открытыя естествоиспытателями; исторіею и внимательнымъ наблюденіемъ современнаго быта доказано было, что живые люди, даже вовсе не принадлежащіе къ числу отъявленныхъ изверговъ или героевъ добродѣтели, совершаютъ преступленія, гораздо ужаснѣйшія, и подвиги, гораздо болѣе возвышенные, нежели все, что было выдумано поэтами. Фантазія должна была смириться передъ дѣйствительностью; мало того: принуждена была сознаться, что мнимыя созданія ея только копіи съ того, что представляется явленіями дѣйствительности“ *).

Это совершенно то же самое, что говорится въ его диссертаціи. Далѣе онъ разъясняетъ, что явленія дѣйствительности очень разнообразны. Въ ней много такого, что соотвѣтствуетъ потребностямъ человѣка, и много такого, что противорѣчитъ имъ.

Прежде, когда пренебрегали дѣйствительностью, думали, что очень легко передѣлать ее сообразно фантастическимъ мечтамъ. Потомъ увидѣли, что это не такъ. Человѣкъ очень слабъ. Вся его сила зависитъ отъ знанія дѣйствительной жизни и отъ умѣнья пользоваться для своей цѣли законами природы. Дѣйствуя сообразно съ этими законами и со свойствами своей собственной природы, человѣкъ можетъ постепенно видоизмѣнить дѣйствительность и приспособить ее къ своимъ стремленіямъ. Иначе онъ ничего не добьется. Однако, не всѣ стремленія человѣка сообразны съ законами природы, нѣкоторыя изъ нихъ являются ихъ нарушеніемъ. И человѣку въ сущности нѣтъ никакой надобности въ осуществленіи такихъ стремленій: оно не привело бы ни къ чему, кромѣ недовольства и страданій. Все, противорѣчащее законамъ природы вообще и человѣческой природѣ въ частности, вредно и тяжело для человѣка. Поэтому у нравственно здоровыхъ людей и нѣтъ стремленій противорѣчащихъ указаннымъ законамъ. Подобными стремленіями дорожатъ лишь люди, подчиняющіеся праздным фантазіямъ. „Прочное наслажденіе дается человѣку только дѣйствительностью; серьезное значеніе имѣютъ только тѣ желанія, которыя основаніемъ своимъ имѣютъ дѣйствительность; успѣха можно ожи-

*) Тамъ же, стр. 265.

дать только въ тѣхъ надеждахъ, которыя возбуждаются дѣйствительностью, и только въ тѣхъ дѣлахъ, которыя совершаются при помощи силъ и обстоятельствъ, представляемыхъ ею" *).

Таково было новое понятіе о „дѣйствительности". Говоря, что оно было выработано современными мыслителями, изъ темныхъ намековъ трансцендентальной философіи, Чернышевскій имѣлъ въ виду Фейербаха. И онъ вполнѣ правильно изложилъ Фейербахово понятіе о дѣйствительности. Фейербахъ говорилъ, что чувственность или дѣйствительность тождественна съ истиною, т. е. что предметъ въ его истинномъ смыслѣ дается лишь ощущеніемъ. Умозрительная философія полагала, что представленія о предметахъ, основанныя лишь на чувственномъ опытѣ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительной природѣ предметовъ и должны провѣряться съ помощью чистаго мышленія, т. е. мышленія, не основаннаго на чувственномъ опытѣ. Фейербахъ рѣшительно возсталъ противъ этого идеалистическаго взгляда. Онъ утверждалъ, что основанныя на нашемъ чувственномъ опытѣ представленія о предметахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ природѣ этихъ послѣднихъ. Бѣда лишь въ томъ, что наша фантазія часто искажаетъ эти представленія, которыя приходятъ, поэтому, въ противорѣчіе съ нашимъ чувственнымъ опытомъ. Философія должна изгнать изъ нашихъ представленій искажающій ихъ фантастическій элементъ; она должна привести ихъ въ согласіе съ чувственнымъ опытомъ. Она должна вернуть человѣчество къ преобладавшему въ древней Греціи неискаженному фантазіей созерцанію дѣйствительныхъ предметовъ. И поскольку человѣчество переходитъ къ такому созерцанію, оно возвращается къ самому себѣ, потому что люди, подчиняющіеся вымысламъ, сами могутъ быть только фантастическими, а не дѣйствительными существами. По словамъ Фейербаха, сущность человѣка есть чувственность, т. е. дѣйствительность, а не вымыселъ и не абстракція. Задача философіи и науки вообще заключается въ реабилитаціи дѣйствительности. Но если это такъ, то отсюда само собою слѣдуетъ выводъ, что и задачи эстетики, какъ отрасли науки, тоже заключаются въ реабилитаціи дѣйствительности и въ борьбѣ съ фантастическимъ элементомъ человѣческихъ представленій. На этомъ выводѣ изъ философіи Фейербаха и были построены эстетическіе взгляды Чернышевскаго; онъ составилъ главную мысль его диссертаціи. И несомнѣнно, что тотъ же самый выводъ имѣлъ въ виду Бѣлинскій, называя въ своемъ пред-

*) Тамъ же, стр. 206.

послѣднемъ годовомъ обзорѣ литературы понятіе о „дѣйствительности“ новымъ понятіемъ.

Нужно отдать полную справедливость какъ Бѣлинскому, такъ и Чернышевскому: выводъ, сдѣланный ими изъ философіи Фейербаха, былъ совершенно правиленъ. Но какъ относился онъ къ „темнымъ намекамъ трансцендентальной философіи“?

У Гегеля „дѣйствительнымъ“ признавалось только то, что было „разумно“. У Фейербаха „разумно“ только то, что „дѣйствительно“. На первый взглядъ кажется, что оба мыслителя говорятъ одно и то же, и тогда представляется страннымъ, почему же Чернышевскій видитъ лишь темный намекъ въ той Гегелевой мысли, которую онъ находитъ совершенно ясною, встрѣтивъ ее у Фейербаха. Но дѣло вотъ въ чемъ.

„Разумъ“ Гегеля есть не что иное, какъ закономѣрность объективнаго развитія. Эта закономѣрность разсматривается Гегелемъ черезъ идеалистическую призму. Призма эта очень сильно извращаетъ подчасъ истинное соотношеніе явленій,—ставитъ его вверхъ ногами, по выраженію Маркса; но при всемъ томъ критеріемъ разумности субъективныхъ стремленій являлось въ глазахъ Гегеля соотвѣтствіе этихъ стремленій съ закономѣрнымъ ходомъ объективнаго развитія общества. И въ этомъ заключалась великая сила его философіи, которую инстиктивно чувствовалъ Бѣлинскій, отвращаясь отъ „абстрактнаго идеала“ во имя „разумной дѣйствительности“. Когда Фейербахъ требовалъ отъ изслѣдователя внимательнаго отношенія къ чувственности, освобожденной отъ фантастическихъ вымысловъ, онъ только переводилъ на матеріалистическій языкъ, правильную по существу и чрезвычайно глубокую, мысль Гегеля. И когда, впослѣдствіи, эта, переведенная Фейербахомъ на матеріалистическій языкъ, глубокая мысль Гегеля была надлежащимъ образомъ разработана Марксомъ, она легла въ основу матеріалистическаго объясненія исторіи. Но у самого Фейербаха и у его непосредственныхъ послѣдователей, а въ томъ числѣ у Бѣлинскаго и у Чернышевскаго, переводъ на матеріалистическій языкъ этой мысли Гегеля вышелъ очень сокращеннымъ; мысль эта оставалась у нихъ неразработанной. И въ своемъ неразработанномъ видѣ она,—несмотря на свою матеріалистическую сущность,—стала источникомъ идеалистическаго отношенія къ явленіямъ. Произошло это потому, что требованіе, предъявленное Фейербахомъ изслѣдователямъ, имѣло двойственный характеръ: оно, во-первыхъ, предписывало имъ внимательное отношеніе къ дѣйствительности, а во-вторыхъ, и во имя

того же внимательнаго отношенія, оно настойчиво рекомендовало имъ энергичную борьбу съ фантастическими вымыслами. Предположите, что изслѣдователь, въ силу данныхъ условій времени и мѣста, сосредоточитъ свое главное вниманіе на борьбѣ съ фантастическими вымыслами, и передъ вами окажется не теоретикъ, старающійся найти матеріалистическую основу явленій, а „просвѣтитель", ведущій войну съ устарѣлыми предразсудками во имя своего субъективнаго разума. Необходимыя для этого условія времени и мѣста были въ Россіи на лицо какъ въ то время, когда Бѣлинскій, не сумѣвъ обосновать идею отрицанія, вынужденъ былъ удовольствоваться борьбою съ дѣйствительностью во имя отвлеченныхъ правъ личности, такъ,—и еще болѣе,—въ то время, когда складывалось міросозерцаніе Чернышевскаго. Поэтому у Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его литературной дѣятельности, а у Чернышевскаго съ самаго ея начала, публицистическіе, а въ значительной степени и литературные взгляды были проникнуты свойственнымъ „просвѣтителямъ" идеализмомъ. И въ этомъ смыслѣ Бѣлинскій былъ совершенно правъ, когда въ цитированномъ выше обозрѣніи литературы называлъ свое „понятіе о дѣйствительности" новымъ. Оно, въ самомъ дѣлѣ, было новымъ сравнительно съ тѣмъ, что понималъ подъ дѣйствительностью тотъ же Бѣлинскій, когда онъ писалъ свою статью о Бородинской битвѣ. Тогда это слово означало у него совокупность существовавшихъ въ Россіи общественныхъ отношеній и онъ счелъ себя обязаннымъ преклониться передъ нею по той простой причинѣ, что не сумѣлъ обнаружить свойственныхъ ей внутреннихъ противорѣчій. Теперь у Бѣлинскаго, а послѣ него и у Чернышевскаго, понятіе дѣйствительности уже не совпадало съ понятіемъ совокупности того, что существуетъ: мы вѣдь уже слышали отъ Чернышевскаго, что существующее нерѣдко является продуктомъ ложно направленной и несогласной съ дѣйствительностью фантазіи. Стало быть, вниманіе къ дѣйствительности означало у нихъ,—поскольку они были „просвѣтителями",—прежде всего вниманіе къ тому, что можетъ и должно существовать тогда, когда люди освободятся отъ фантастическихъ вымысловъ и станутъ подчиняться законамъ своей собственной природы. А если, тѣмъ не менѣе, какъ Бѣлинскій, такъ и Чернышевскій, настоятельно рекомендуютъ художественной литературѣ точное изображеніе того, что есть, то они дѣлаютъ это, будучи твердо убѣждены, что чѣмъ точнѣе изобразитъ художественная литература взаимныя отношенія между людьми, тѣмъ скорѣе увидятъ люди ненормальность этихъ отноше-

ній и тѣмъ скорѣе сумѣютъ они исправить ихъ сообразно требованіямъ своей собственной природы, т. е., точнѣе говоря, сообразно указаніямъ субъективнаго разума „просвѣтителей“. Неудивительно поэтому, что первой задачей литературной критики, какъ въ глазахъ Чернышевскаго, такъ и въ глазахъ Бѣлинскаго, являлось разъясненіе людямъ того, что было ненормальнаго въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, изображаемыхъ художественной литературой. Въ другомъ мѣстѣ мы, характеризуя взгляды Бѣлинскаго въ послѣдній періодъ его литературной дѣятельности, подчеркивали то, что онъ становился „просвѣтителемъ“ въ сущности лишь тогда, когда покидалъ точку зрѣнія діалектики, которая не переставала привлекать его до конца его жизни. Тамъ же мы указывали на то, какъ удачно подчасъ давалъ Бѣлинскій діалектическое объясненіе литературнымъ явленіямъ*). Мы напоминаемъ теперь объ этомъ, такъ какъ не хотимъ, чтобъ сказанное нами о Бѣлинскомъ получило одностороннее истолкованіе. Повторяемъ: у Бѣлинскаго очень сильна была діалектическая закваска,—сильнѣе, чѣмъ у самого Фейербаха,—и онъ даже въ послѣдній періодъ своей дѣятельности далеко не всегда разсуждалъ, какъ „просвѣтитель“. Но когда онъ переходилъ на точку зрѣнія „просвѣтителя“, онъ съ обычнымъ своимъ талантомъ высказывалъ взгляды, послѣдовательно развитые потомъ нашей критикой 60-ыхъ годовъ, т. е., главнымъ образомъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. Вотъ почему мы и назвали его родоначальникомъ нашихъ „просвѣтителей“.

Характеризуя и развивая свое „новое“ понятіе о дѣйствительности“, Бѣлинскій высказывался какъ „просвѣтитель“; Чернышевскому оставалось только дальше идти въ томъ-же направленіи. Чтобы показать, какъ послѣдовательно держался Чернышевскій этого направленія, и какъ вѣренъ былъ онъ „просвѣтительскому“ завѣту своего великаго предшественника, мы приведемъ его взглядъ на Шиллера, заимствуемый нами изъ его библіографической замѣтки о сочиненіяхъ Шиллера въ переводѣ русскихъ поэтовъ. (Современникъ, 1857-ой годъ, № 1).

Онъ говоритъ тамъ: „Его поэзія никогда не умретъ,—это не какой-нибудь Соути или Геббель. Люди, гордящіеся своею мнимою положительностью, между тѣмъ, какъ имѣютъ только сухость сердца,—своимъ знаніемъ жизни, между тѣмъ, какъ пріобрѣли

*) См. конецъ нашей статьи „Литературные взгляды В. Г. Бѣлинскаго“ въ сборникѣ „За двадцать лѣтъ“.

только знаніе мелочныхъ интригъ, говорятъ иногда о Шиллерѣ свысока, какъ объ идеалистѣ-мечтателѣ,—иногда рѣшаются даже намекать, что у него больше было сантиментальности, нежели таланта. Все это можетъ быть справедливо относительно иныхъ поэтовъ, которыхъ считаютъ у насъ сходными, по направленію, съ Шиллеромъ, но не относительно Шиллера. Характеръ своей поэзіи онъ самъ объяснилъ намъ въ „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣческаго рода", излагая свои понятія о существенномъ значеніи поэзіи вообще. Это сочиненіе написано въ 1795 г. въ эпоху французскихъ войнъ, отъ результата которыхъ зависѣла не только политическая самостоятельность или подчиненность Германіи, но также рѣшеніе вопросовъ внутренняго быта нѣмецкихъ племенъ. Шиллеръ хотѣлъ доказать въ немъ, что путь къ разрѣшенію общественныхъ вопросовъ—эстетическая дѣятельность. По его мнѣнію, необходимо нравственное возрожденіе человѣка для того, чтобы измѣнить къ лучшему существующія отношенія: устройство ихъ можетъ быть усовершенствовано только тогда, когда облагородится человѣческое сердце. Средствомъ такого возрожденія должна быть эстетическая дѣятельность. Она должна давать благородное и твердое настроеніе умственной жизни. Суровые принципы душевнаго благородства пугаютъ людей, когда излагаются строгою наукою. Искусство незамѣтно внушаетъ человѣку понятія, достоинство которыхъ не хочетъ онъ оцѣнить, когда онѣ являются ему безъ поэтической одежды. Своими идеалами приводитъ поэзія лучшую дѣйствительность: внушая благородные порывы юношѣ, готовитъ она его къ благородной практической дѣятельности.

„Такова дѣйствительно поэзія Шиллера. Это вовсе не сантиментализмъ, не игра мечтательной фантазіи,—паѳосъ этой поэзіи—пламенное сочувствіе всему, чѣмъ благороденъ и силенъ человѣкъ" *).

Поэзія должна быть средствомъ нравственнаго возрожденія людей Поэтическая одежда нужна для того, чтобы внушить людямъ понятія, достоинство которыхъ они не сумѣли бы оцѣнить, если бъ увидѣли ихъ безъ поэтической одежды. Вотъ основная мысль Чернышевскаго. Съ точки зрѣнія этой мысли онъ оцѣниваетъ Шиллера. Шиллеръ дорогъ ему какъ человѣкъ, стремившійся къ нравственному воспитанію людей съ помощью художественныхъ произведеній. Замѣчательнѣе всего въ приведенномъ отрывкѣ слова: „своими идеалами приводитъ поэзія лучшую дѣйствительность". Тутъ съ

*) Сочиненія, т. III, стр. 5.

особенною выпуклостью выражается новое, свойственное просвѣтителямъ понятіе дѣйствительности. Лучшая дѣйствительность создается идеаломъ. Этотъ взглядъ составляетъ прямую противоположность тому, согласно которому идеалы вліяютъ на дѣйствительность только въ томъ случаѣ, когда они выражаютъ собою объективныя тенденціи ея развитія. Поэзія внушаетъ юношамъ благородные порывы и тѣмъ готовитъ ихъ къ благородной дѣятельности. Критика со своей стороны помогаетъ въ этомъ поэзіи и такимъ образомъ становится тѣмъ, что называлось иногда у насъ публицистической критикой.

Что критика 60-ыхъ годовъ, напримѣръ, критика Добролюбова, не разъ переходила въ публицистику, это всѣмъ извѣстно. Поэтому, говоря о Чернышевскомъ, мы будемъ приводить не столько доказательства этой мысли, сколько ея иллюстраціи. Въ 1858-омъ году въ № 3 „Атенея“ появилась въ отдѣлѣ критики статья Чернышевскаго: „Русскій человѣкъ на rendez-vous. Размышленія по поводу повѣсти Тургенева „Ася“. Статья эта представляетъ собою одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ публицистической критики. О самой повѣсти Тургенева, которую Чернышевскій называетъ „едва ли не единственною хорошею новою повѣстью“, въ статьѣ говорится очень немного, почти ничего. Авторъ обращаетъ вниманіе только на сцену любовнаго объясненія героя повѣсти съ Асей и по поводу этой сцены предается „размышленіямъ“. Читатели помнятъ, конечно, что въ рѣшительную минуту тургеневскій герой струсилъ и пошелъ на попятную. Вотъ это-то обстоятельство и наводитъ Чернышевскаго на его „размышленія“. Онъ замѣчаетъ, что нерѣшительность и трусость составляютъ отличительное свойство не одного только этого героя, но и большинства героевъ нашихъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній. Онъ вспоминаетъ о Рудинѣ, о Бельтовѣ, о развивателѣ некрасовской Саши и во всѣхъ видитъ тоже самое свойство. Онъ не винитъ за него беллетристовъ, такъ какъ они отмѣчали лишь то, что на каждомъ шагу встрѣчается въ дѣйствительности. Мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, поэтому не имѣютъ его и дѣйствующія лица беллетристическихъ произведеній. А мужества нѣтъ въ русскихъ людяхъ, потому что нѣтъ у нихъ привычки къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. „Когда мы входимъ въ общество, мы видимъ вокругъ себя людей въ форменныхъ и неформенныхъ сюртукахъ или фракахъ; эти люди имѣютъ пять съ половиною или шесть, а иные и больше футовъ роста; они отращиваютъ или брѣютъ волоса на щекахъ, верхней губѣ и

бородѣ; и мы воображаемъ, что видимъ передъ собою мущинъ. Это совершенное заблужденіе, оптическій обманъ, галлюцинація, не больше. Безъ пріобрѣтенія привычки къ самобытному участію въ гражданскихъ дѣлахъ, безъ пріобрѣтенія чувствъ гражданина, ребенокъ мужескаго пола, выростая, дѣлается существомъ мужескаго пола, среднихъ, а потомъ пожилыхъ лѣтъ, но мущиною онъ не становится, или по крайней мѣрѣ не становится мущиною благороднаго характера.“ *) У людей гуманныхъ и образованныхъ недостатокъ благороднаго мужества бросается въ глаза еще больше чѣмъ у людей темныхъ, потому что гуманный и образованный человѣкъ любитъ поговорить о матеріяхъ важныхъ. Онъ говоритъ съ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока не начнется рѣчь о переходѣ отъ словъ къ дѣлу. „Пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только наполнить праздное время, праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ: подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства,—большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать уже неповоротливость въ языкѣ. Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и коснѣющимъ языкомъ выразить что-то, дающее смутное понятіе о ихъ мысляхъ. Но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія, сказать: вы хотите того-то; мы очень рады; начинайте-же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ,—при такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что какъ это можно такъ скоро, и при томъ они же честные люди, и не только честные, но очень смирные, и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ, и что вообще развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать, и что лучше всего—ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами, и хорошаго ничего пока не можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они никакъ не ждали и не ожидали и проч. **).

Портретъ, написанный, можно сказать, рукой мастера. Но мастеръ, писавшій его, былъ не критикомъ, а публицистомъ. И

*) Сочиненія, т. I, стр. 97—98.

**) Тамъ-же, стр. 90—91.

точно также публицисту принадлежатъ дальнѣйшія „размышленія“ нашего автора по поводу повѣсти Тургенева. Случай, изображенный Тургеневымъ, заставляетъ его вспоминать о томъ, что все зависитъ исключительно отъ обстоятельствъ, и что то, въ чемъ мы видимъ вину людей, на самомъ дѣлѣ есть ихъ бѣда, требующая помощи черезъ устраненіе обстоятельствъ, ее вызвавшихъ. „Нужно не наказаніе отдѣльнаго лица, а измѣненіе условій быта для цѣлаго сословія“. Герой повѣсти „Ася“ не только не дуракъ, но прямо человѣкъ умный, много испытавшій и наблюдавшій въ жизни. Если онъ, тѣмъ не менѣе, ведетъ себя очень глупо, то въ этомъ виноваты два обстоятельства, одно изъ которыхъ обусловливается другимъ: „Онъ не привыкъ понимать ничего великаго и живого, потому что слишкомъ мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были всѣ отношенія и дѣла, къ которымъ онъ привыкъ. Это первое. Второе—онъ робѣетъ, онъ безсильно отступаетъ отъ всего, на что нужна широкая рѣшимость и благородный рискъ, опять-таки потому, что жизнь пріучила его только къ блѣдной мелочности во всемъ“ *). Чтобы измѣнить человѣческій характеръ, необходимо измѣнить тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ складывается. Эта справедливая мысль, занимавшая такое важное мѣсто въ проповѣди французскихъ просвѣтителей 18-го столѣтія, а потомъ соціалистовъ-утопистовъ 19-го столѣтія, логически ведетъ въ вопросу: каковы же будутъ и откуда возьмутся тѣ причины, которыя измѣнятъ къ лучшему обстоятельства, опредѣляющія собою человѣческій характеръ? Этотъ вопросъ Марксъ разрѣшилъ указаніемъ на экономическое развитіе общества и тѣмъ произвелъ цѣлый переворотъ въ общественной наукѣ. Чернышевскій, который, подобно всѣмъ соціалистамъ-утопистамъ, обыкновенно не занимается этимъ вопросомъ, подходитъ, однако, очень близко къ нему въ статьѣ „Русскій человѣкъ на rendez-vous“. Въ самомъ дѣлѣ, если огромное большинство нашихъ „гуманныхъ“ и „образованныхъ“ людей, какъ двѣ капли воды, похожи на героя Тургеневской повѣсти; если всѣ они ведутъ себя неумно и нерѣшительно, потому что они и неспособны къ умнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, то какъ будто выходитъ, что призывать ихъ къ такимъ дѣйствіямъ и безполезно, и неразсчетливо: если ужъ интересоваться ими, то слѣдуетъ измѣнить къ лучшему тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ складъ ихъ характера. Чернышевскій и

*) Тамъ же, стр. 97.

самъ чувствуетъ, что это такъ; но ему не хочется рѣшительно признать, что иначе и быть не можетъ. „Мы,—говоритъ онъ,—все еще не хотимъ сказать себѣ: въ настоящее время не способны они понять свое положеніе; не способны поступить благоразумно и вмѣстѣ великодушно,—только ихъ дѣти и внуки, воспитанные въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, будутъ умѣть дѣйствовать, какъ честные благородные граждане... нѣтъ, мы все еще хотимъ полагать ихъ способными къ пониманію совершающагося вокругъ нихъ и надъ ними..." *)

Въ чемъ же дѣло? Отчего не хотѣлось Чернышевскому признать тотъ выводъ, теоретическая правильность котораго была для него несомнѣнной? Это тоже зависѣло отъ „обстоятельствъ",—и именно отъ того сочетанія „обстоятельствъ", которое характеризуетъ годы, непосредственно предшествовавшіе у насъ уничтоженію крѣпостного права.

Въ героѣ „Аси" Чернышевскій увидѣлъ типичнаго представителя образованной части нашего дворянства. Никакого сословнаго предубѣжденія въ пользу дворянства онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть. „Мы не имѣемъ чести быть его родственниками,—говоритъ онъ о героѣ „Аси", намекая на свое не-дворянское происхожденіе;—между нашими семьями существовала даже нелюбовь, потому что его семья презирала всѣхъ намъ близкихъ" **). Но онъ признается, что имѣетъ нѣкоторыя культурныя предубѣжденія въ пользу дворянства; ему кажется,—„пустая мечта, но все еще неотразимая для насъ мечта", замѣчаетъ онъ,—будто бы изображенный въ повѣсти Тургенева дворянинъ оказалъ какія-то услуги нашему обществу, будто онъ является представителемъ нашего просвѣщенія. Поэтому Чернышевскій все еще желаетъ добра „нашему герою и его собратамъ" и хочетъ дать имъ хорошій совѣтъ. Въ ихъ историческомъ положеніи готовится рѣшительная перемѣна и отъ ихъ собственной воли зависитъ, какъ сложится ихъ дальнѣйшая судьба. „Поймете ли вы требованіе времени, сумѣете ли воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое вы поставлены теперь,—говоритъ Чернышевскій, обращаясь къ „этимъ достопочтеннымъ людямъ",—вотъ въ чемъ теперь для васъ вопросъ о счастьи или несчастьи навѣки" ***). Требованія же времени заключались, по его мнѣнію,

*) Тамъ же, стр. 100—101.
**) Тамъ же, стр. 100.
***) Тамъ же, стр. 101.

въ уступкахъ крестьянству. Чернышевскій усовѣщеваетъ „достопочтенныхъ“ господъ словами евангелія: „Старайся примириться съ твоимъ противникомъ, пока еще не дошли вы съ нимъ до суда, а иначе отдастъ тебя противникъ судьѣ, а судья отдастъ тебя исполнителю приговоровъ, и будешь ты ввергнутъ въ темницу и не выйдешь изъ нея, пока не расплатишься за все до послѣдней мелочи“. (Матѳ. глава V, стих. 25 и 26) *).

Ясно и безъ поясненій, что всякій теоретическій выводъ относительно способности даннаго общественнаго класса или слоя къ опредѣленному практическому дѣйствію всегда нуждается до извѣстной степени въ провѣркѣ путемъ опыта, и что, вслѣдствіе этого, онъ можетъ считаться достовѣрнымъ a priori лишь въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе широкихъ, предѣлахъ. Такъ, напримѣръ, можно было съ полною достовѣрностью предсказывать, что даже и болѣе образованная часть дворянства не согласится принести свои интересы въ жертву крестьянамъ. Такое предсказаніе совсѣмъ не нуждалось въ практической провѣркѣ. Но когда нужно было опредѣлить, въ какой мѣрѣ способно образованное дворянство сдѣлать крестьянамъ уступки въ своихъ собственныхъ интересахъ, тогда ужъ никто не могъ съ полною достовѣрностью сказать напередъ: оно не перейдетъ въ этомъ направленіи такого-то предѣла. Тутъ всегда можно было предположить, что оно при извѣстныхъ обстоятельствахъ пойдетъ нѣсколько дальше его, обнаруживъ нѣсколько болѣе правильное пониманіе своихъ собственныхъ выгодъ. Практику, какимъ является въ интересующемъ насъ случаѣ Чернышевскій, не только можно, но и должно было попытаться убѣдить дворянъ въ томъ, что ихъ собственныя выгоды требуютъ нѣкоторыхъ уступокъ освобождаемымъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, то, что могло показаться въ его статьѣ противорѣчіемъ,—требованіе благоразумнаго и рѣшительнаго шага отъ людей, неспособность которыхъ къ рѣшительности и благоразумію тутъ же признается и объясняется, какъ необходимый продуктъ обстоятельствъ,—на самомъ дѣлѣ противорѣчія въ себѣ не заключало. Подобныя мнимыя противорѣчія можно найти также и въ политической практикѣ людей, стоящихъ на твердой почвѣ матеріалистическаго объясненія исторіи. Однако, тутъ приходится сдѣлать весьма существенную оговорку. Когда матеріалистъ съ извѣстной осмотрительностью примѣняетъ свои теоретическіе вы-

*) Тамъ же, стр. 102.

воды на практикѣ, онъ все-таки можетъ поручиться за то, что въ этихъ его выводахъ есть нѣкоторый элементъ самой неоспоримой достовѣрности. И это потому, что, когда онъ говоритъ: „все зависитъ отъ обстоятельствъ“, онъ знаетъ, съ какой стороны надо ждать появленія тѣхъ новыхъ обстоятельствъ, которыя измѣнятъ волю людей въ желательномъ для него направленіи; ему хорошо извѣстно, что ихъ, въ послѣднемъ счетѣ, надо ждать со стороны „экономики“, и что чѣмъ вѣрнѣе его анализъ общественно-экономической жизни общества, тѣмъ достовѣрнѣе его предсказаніе насчетъ будущаго развитія общества. Не то съ идеалистомъ, который убѣжденъ въ томъ, что „міромъ правятъ мнѣнія“. Если „мнѣнія“ представляютъ собою наиболѣе глубокую причину общественнаго движенія, то обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ дальнѣйшее развитіе общества, пріурочиваются главнымъ образомъ къ сознательной дѣятельности людей, а возможность практическаго вліянія на эту дѣятельность обусловливается большею или меньшею способностью людей къ логическому мышленію и къ усвоенію новыхъ истинъ, открываемыхъ философіей или наукой. Но эта способность сама зависитъ отъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ, идеалистъ, признавшій матеріалистическую истину о томъ, что характеръ, а также, конечно, и взгляды человѣка зависятъ отъ обстоятельствъ, попадаетъ въ заколдованный кругъ: взгляды зависятъ отъ обстоятельствъ; обстоятельства—отъ взглядовъ. Изъ этого заколдованнаго круга никогда не вырывалась мысль „просвѣтителя“ въ теоріи. На практикѣ же противорѣчіе разрѣшалось обыкновенно усиленнымъ призывомъ ко всѣмъ мыслящимъ людямъ, независимо отъ того, при какихъ обстоятельствахъ такіе люди жили и дѣйствовали. То, что мы говоримъ теперь, можетъ показаться ненужнымъ, а потому скучнымъ отступленіемъ. Но на самомъ дѣлѣ это отступленіе было для насъ необходимо. Оно поможетъ намъ понять характеръ публицистической критики 60-ыхъ годовъ.

Если практическія упованія „просвѣтителя“ пріурочиваются къ уму и доброй волѣ мыслящихъ людей, т. е., въ сущности, тѣхъ же „просвѣтителей“, то очевидно, что критика, желающая поддержать этихъ людей потребуетъ отъ художественной литературы прежде всего точнаго изображенія общественной жизни со всѣми ея достоинствами и недостатками, „положительными“ и „отрицательными“ явленіями. Только точное изображеніе всѣхъ сторонъ жизни можетъ дать „просвѣтителю“ необходимый фактическій матеріалъ для его приговоровъ надъ этою жизнью. Но это не все. Извѣстно,

что критика 60-ыхъ годовъ требовала отъ художественной литературы болѣе внимательнаго отношенія къ „отрицательнымъ“, „нежели къ „положительнымъ“ сторонамъ жизни. Она обосновывала это свое требованіе тѣмъ соображеніемъ, что въ нашей общественной жизни „отрицательныя“ явленія преобладаютъ надъ „положительными“. Само по себѣ это соображеніе было, конечно, вѣрно. Однако, оно еще ровно ничего не объясняло. Въ 70-ыхъ годахъ „отрицательныя явленія также преобладали у насъ надъ „положительными“, какъ и въ 60-ыхъ; а между тѣмъ наши народники уже не довольствовались изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ нашей общественной жизни, находя, что художники обязаны изображать также положительныя стороны ея. Это относилось, по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ художникамъ, которые ставили себѣ цѣлью изображеніе народной жизни, къ такъ называемымъ беллетристамъ-народникамъ. Многіе читатели 70-ыхъ годовъ предпочитали Н. Златовратскаго Г. Успенскому только потому, что Златовратскій, какъ имъ казалось, отводилъ въ своихъ сочиненіяхъ много мѣста отраднымъ для народниковъ явленіямъ въ крестьянской жизни (изображенію общинныхъ инстинктовъ крестьянина), между тѣмъ, какъ Г. Успенскій останавливался больше на печальныхъ явленіяхъ (на изображеніи развивающагося въ крестьянствѣ индивидуализма). Поэтому какъ читатели, такъ и „передовые“ критики 70-ыхъ годовъ были,— какъ мы сейчасъ увидимъ это на одномъ очень яркомъ примѣрѣ,—несправедливы къ той нашей беллетристикѣ предшествовавшаго десятилѣтія, которая занималась народною жизнью. Они находили, что эта беллетристика не только не уважала народа, но даже презирала его. Это было не такъ, тутъ было явное недоразумѣніе. Но это недоразумѣніе въ высшей степени характерно, и мы должны раскрыть его психологическую причину.

Если народники семидесятыхъ годовъ требовали отъ беллетристики изображенія отрадныхъ явленій крестьянской жизни, то это можно назвать, выражаясь отчасти языкомъ Писанія, началомъ матеріалистической премудрости. Народники уже сознавали,—очень смутно, но все-таки уже сознавали, по крайней мѣрѣ, начинали сознавать,— что міромъ правятъ только тѣ мнѣнія, въ которыхъ выражается объективный ходъ развитія этого міра. Этимъ и объясняется усиленный интересъ народниковъ къ „отраднымъ“ явленіямъ крестьянской жизни: они надѣялись найти въ этихъ явленіяхъ объективное ручательство за будущее торжество своихъ идеаловъ. Потому-то и огорчалъ ихъ Г. Успенскій, показывавшій имъ, что это объективное

ручательство далеко не такъ прочно, какъ они хотѣли бы думать. А „просвѣтитель“ 60-ыхъ годовъ не искалъ никакихъ объективныхъ ручательствъ за торжество идеала: въ его глазахъ совершенно достаточнымъ ручательствомъ за это торжество являлась сила истины, отвлеченная правильность „мнѣнія“. И чѣмъ безпощаднѣе обнажала современная ему беллетристика недостатки народной жизни и народнаго характера, тѣмъ охотнѣе онъ рукоплескалъ ей, потому что тѣмъ больше видѣлъ онъ въ ней указаній на то, что должно быть исправлено имъ, „просвѣтителемъ“. Эта черта „просвѣтительской“ психологіи нашла свое выраженіе и въ критикѣ.

Въ 1861-омъ году вышло отдѣльное изданіе разсказовъ Н. В. Успенскаго, о которыхъ Чернышевскій написалъ статью „Не начало-ли перемѣны?“, помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ за тотъ-же годъ. Онъ хвалилъ разсказы Н. В. Успенскаго за то, что въ нихъ не было никакого „прикрашиванья народныхъ нравовъ и понятій“. Такимъ прикрашиваньемъ грѣшили, по его словамъ, Тургеневъ и Григоровичъ въ своихъ повѣстяхъ изъ народнаго быта. Онъ сравнивалъ отношеніе этихъ писателей къ народу съ отношеніемъ Гоголя къ Акакію Акакіевичу. Гоголь умалчиваетъ о недостаткахъ своего героя, потому что считаетъ его недостатки совершенно непоправимыми. „Акакій Акакіевичъ былъ смѣшной идіотъ... Но говорить всю правду объ Акакіѣ Акакіевичѣ безполезно и безсовѣстно... Самъ для себя онъ ничего не можетъ сдѣлать, будемъ-же склонять другихъ въ его пользу. Но если говорить другимъ о немъ все, что можно бы сказать, ихъ состраданіе къ нему будетъ ослабляться знаніемъ его недостатковъ. Будемъ-же молчать о его недостаткахъ“ *). Совершенно такъ же относились къ народу Григоровичъ, Тургеневъ и всѣ ихъ подражатели. Народъ являлся у нихъ въ видѣ Акакія Акакіевича, о которомъ можно только сожалѣть и порицать котораго было бы жестоко. Говорится только объ его несчастіяхъ: „Посмотрите, какъ онъ кротокъ и безотвѣтенъ, какъ безропотно переноситъ онъ обиды и страданія! Какъ онъ долженъ отказывать себѣ во всемъ, на что имѣетъ право человѣкъ! Какія у него скромныя желанія! Какія ничтожныя пособія были бы достаточны, чтобы удовлетворить и осчастливить это забытое существо, съ такимъ благоговѣніемъ смотрящее на насъ, столь готовое проникаться безпредѣльною признательностью къ намъ за малѣйшую помощь, за ничтожнѣйшее вниманіе, за одно

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 342.

ласковое слово отъ насъ! Читайте повѣсти изъ народнаго быта г. Григоровича и г. Тургенева со всѣми ихъ подражателями—все это насквозь пропитано запахомъ „шинели“ Акакія Акакіевича“ *). И все это до чрезвычайности благородно. Но народу пользы отъ этого не было никакой. Польза была только для насъ, наслаждавшихся сознаніемъ своей доброты. Въ лицѣ Н. В. Успенскаго Чернышевскій привѣтствовалъ появленіе новаго слоя образованныхъ русскихъ людей, умѣющихъ относиться къ народу уже не такъ, какъ относилось къ нему чувствительное и снисходительное барство. Чернышевскій многаго ждалъ отъ этого слоя вообще и отъ литературы, которую онъ могъ бы создать въ частности. Эта литература будетъ смотрѣть на крестьянина такими же трезвыми глазами, какъ и на людей другихъ званій и состояній. Чернышевскій старается убѣдить своихъ читателей, что такъ и должно быть. „Забудемте-же,—говоритъ онъ,—кто свѣтскій человѣкъ, кто купецъ или мѣщанинъ, кто мужикъ, будемте всѣхъ считать просто людьми, и судить о каждомъ по человѣческой психологіи, не дозволяя себѣ утаивать передъ самими собою истину ради мужицкаго званія“ **).

Чернышевскій признаетъ, что Н. Успенскій „выставилъ русскаго простолюдина простофилею“, которому трудно связать въ головѣ двѣ отдѣльныя мысли. „Но какой-же мужикъ превосходитъ нашего быстротою пониманія?—спрашиваетъ онъ,—О нѣмецкомъ поселянинѣ всѣ говорятъ тоже самое, о французскомъ то же, англійскій едва ли не стоитъ еще ниже ихъ. Французскіе поселяне заслужили всесвѣтную репутацію дикою неповоротливостью ума. Итальянскіе поселяне прославились совершеннымъ равнодушіемъ къ итальянскому дѣлу“ ***). Но о крестьянахъ излишне и говорить: имъ, по словамъ Чернышевскаго, „натурально играть въ исторіи дикую роль“, такъ какъ они еще „не вышли изъ того историческаго періода, отъ котораго сохранились Гомеровы поэмы, Эдда и наши богатырскія пѣсни“ ****). Огромное большинство людей всѣхъ сословій и всѣхъ странъ живетъ рутиною и обнаруживаетъ крайнюю несообразительность, едва только случится ему выйти изъ круга обычныхъ своихъ представленій: „Послѣ каждаго спора

*) Тамъ же, стр. 342.

**) Тамъ же, стр. 345.

***) Тамъ же, стр. 356.

****) Тамъ же, стр. 356. Предлагаемъ эти слова просвѣщенному вниманію г. Иванова-Разумника, который считаетъ Чернышевскаго однимъ изъ родоначальниковъ русскаго народничества.

спросите у кого хотите изъ спорившихъ, умныя-ли вещи говорили его противники и понятливы-ли, воспріимчивы-ли были они къ его мыслямъ. Изъ тысячи случаевъ только въ одномъ скажетъ вамъ человѣкъ, что противъ его мнѣній говорили умно, съ толкомъ. Значитъ въ остальныхъ случаяхъ непремѣнно одно изъ двухъ: или дѣйствительно безтолковы люди, съ которыми спорилъ спрошенный человѣкъ, или самъ онъ безтолковъ. А вѣдь эта дилемма захватываетъ всю тысячу, за исключеніемъ одного" *).

Тутъ передъ нами тотъ же самый взглядъ на массу, какъ на отсталую часть дѣйствующей арміи, съ которымъ мы подробно ознакомились въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ. Дѣйствительное участіе въ движеніи принимаетъ лишь мыслящее меньшинство,—интеллигенція, согласно позднѣйшей терминологіи,—которому необходимо знать всѣ свойственные массѣ недостатки, чтобы современемъ устранить ихъ. Чернышевскій ошибался, думая, что въ подобномъ отношеніи къ массѣ не было ничего высокомѣрнаго. Въ немъ несомнѣнно былъ свой и даже очень сильный элементъ высокомѣрія, совершенно, впрочемъ, неизбѣжный для всѣхъ тѣхъ, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія историческаго идеализма.

Но какъ бы то ни было, чрезвычайно интересно то, что одинъ изъ самыхъ выдающихся критиковъ послѣдующаго десятилѣтія уже цитированный нами выше, г. Скабичевскій, кореннымъ образомъ разошелся съ Чернышевскимъ въ оцѣнкѣ разсказовъ Н. Успенскаго. Г. Скабичевскій находитъ, что въ нихъ народъ представляется въ невообразимо безобразномъ видѣ. „Забитость, тупоуміе, отсутствіе всякаго человѣческаго образа и подобія въ герояхъ Н. Успенскаго одуряютъ васъ,—говоритъ онъ,—когда вы читаете его очерки. Вы видите передъ собою людей, которые въ жизни своей ничѣмъ болѣе не руководствуются, какъ только грубою, скотскою чувственностью, ни къ чему не стремятся, какъ лишь нажить копѣйку или спустить ее въ кабакъ; да и въ этихъ стремленіяхъ что шагъ ступятъ, то сдѣлаютъ какую-нибудь невообразимую глупость" **).

Этотъ отзывъ г. Скабичевскаго,—подобно очень и очень многимъ другимъ его отзывамъ,—совсѣмъ неправиленъ. Произведенія Н. Успенскаго не свободны отъ нѣкоторыхъ преувеличеній. Это такъ.

*) Тамъ же, стр. 356.

**) Скабичевскій. Цитированное сочиненіе, стр. 227.

Но отсюда еще далеко до того взгляда на крестьянъ, какой приписалъ ему г. Скабичевскій. Мы спросили бы его, напримѣръ, въ самомъ ли дѣлѣ очень глупа, груба и скотоподобна крестьянка-мать, выведенная Н. Успенскимъ въ разсказѣ „Старуха“ *). Мы спросили-бы его, дѣйствительно ли „невыразимо безобразна“ баба, фигурирующая въ разсказѣ „Катерина“ **). Удивительно, что г. Скабичевскій не замѣтилъ нѣкоторыхъ потрясающихъ и по истинѣ превосходныхъ сценъ въ длинномъ разсказѣ „Саша“ ***). Н. Успенскій, конечно, не занимаетъ въ нашей литературѣ того мѣста, которое принадлежитъ въ исторіи голландской живописи Теньеру и Остаду (какъ это думалъ П. В. Анненковъ). Во-первыхъ, онъ не былъ равенъ имъ по таланту, а во вторыхъ, онъ совсѣмъ иначе, нежели они, относился къ изображаемой имъ дѣйствительности. Это былъ типичный представитель эпохи 60-ыхъ годовъ, взявшійся за изображеніе народнаго быта. Онъ отнюдь не задавался цѣлью издѣваться въ своихъ произведеніяхъ надъ русскимъ крестьяниномъ. Что онъ по своему сильно сочувствовалъ ему, въ этомъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ внимательно прочитать его сочиненія. Но онъ сочувствовалъ народу, именно по своему, т. е. какъ „просвѣтитель“, т. е. какъ человѣкъ, не чувствующій никакой надобности въ идеализаціи отсталой массы. Если онъ видѣлъ безобразныя черты въ характерѣ крестьянина, то онъ, нисколько не смущаясь, передавалъ ихъ въ своей картинѣ, относя ихъ насчетъ „обстоятельствъ“, рѣчь о которыхъ такъ часто идетъ у Чернышевскаго. „Понятно,—говоритъ онъ въ своихъ „Запискахъ сельскаго хозяина“,—что крестьянинъ, воспитанный въ рабствѣ, не могъ вдругъ сдѣлаться свободнымъ въ настоящемъ значеніи этого слова; лишь только крѣпостной туманъ и чадъ разсѣялись, мы увидѣли нашего мужика обезображеннымъ... крестьянинъ попрежнему бѣденъ—и ему долго, долго еще нужно поправляться послѣ крѣпостного разгрома... Да и какъ поправляться? Начинать съ ничего—дѣло крайне мудрое“ ****). Высказать такое мнѣніе вовсе не значитъ издѣваться надъ народомъ. Но это мнѣніе не могло быть симпатичнымъ народнику,—или „субъективисту“, зараженному всѣми предразсудками народниковъ,—который былъ твердо убѣжденъ въ томъ

*) Соч. Н. В. Успенскаго. Москва, 1881 г., т. I.
**) Тамъ же, т. II.
***) Тамъ же, т. I, стр. 417, 512.
****) Сочиненія, т. II, стр. 201.

что крестьянинъ начинаетъ не „съ ничего“, а съ общины, ждущей только благодѣтельнаго толчка со стороны народолюбивой интеллигенціи, чтобъ начать быстро развиваться въ направленіи соціалистическаго идеала. Но Н. Успенскому случалось высказываться еще рѣшительнѣе. Онъ писалъ, напримѣръ: „отъ теперешнихъ крестьянъ, недавно бывшихъ жертвами крѣпостного состоянія, ждать нечего:— не воскреснуть имъ!... атрофію едва ли когда-нибудь будетъ лѣчить медицина, потому эта болѣзнь основывается на органическомъ поврежденіи...“ *) Съ этимъ уже совсѣмъ трудно было согласиться „людямъ 70-ыхъ годовъ.“ Отсюда и происходило главнымъ образомъ недоброжелательное отношеніе критики этой эпохи къ Н. В. Успенскому.

Читатель спросить, пожалуй: а легко-ли было согласиться съ совершенно безнадежнымъ взглядомъ Н. В. Успенскаго на „теперешнихъ крестьянъ“ самому Чернышевскому, который, повидимому, считалъ тогда возможнымъ широкое движеніе въ народѣ, недовольномъ условіями отмѣны крѣпостного права. На это мы отвѣтимъ, что, разумѣется, это было бы нелегко для него, если бъ онъ счелъ себя обязаннымъ безусловно согласиться съ Н. В. Успенскимъ. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ съ нимъ не безусловно соглашался. Онъ считалъ совершенно правдивыми очерки Н. В. Успенскаго, но онъ не дѣлалъ изъ нихъ безнадежнаго вывода. Онъ говорилъ: „Рутина господствуетъ надъ обыкновеннымъ ходомъ жизни дюжинныхъ людей и въ простомъ народѣ, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ, въ простомъ народѣ рутина такъ же тупа, пошла, какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Заслуга г. Успенскаго состоитъ въ томъ, что онъ отважился безъ всякихъ утаекъ и прикрасъ изобразить намъ рутинныя мысли и поступки, чувства и обычаи простолюдиновъ. Картина выходитъ вовсе непривлекательная: на каждомъ шагу вздоръ и грязь, мелочность и тупость.

„Но не спѣшите выводить изъ этого никакихъ заключеній о состоятельности или несостоятельности вашихъ надеждъ, если вы желаете улучшенія судьбы народа, или вашихъ описаній, если вы до сихъ поръ находили себѣ интересъ въ народной тупости и вялости. Возьмите самаго дюжиннаго, самаго безцвѣтнаго, слабохарактернаго, пошлаго человѣка: какъ бы апатично и мелочно ни шла его жизнь, бываютъ въ ней минуты совершенно другого от-

*) Сочиненія, т. II, стр. 202.

тѣнка, минуты энергическихъ усилій, отважныхъ рѣшеній. То-же самое встрѣчается и въ исторіи каждаго даннаго народа“ *).

Обстоятельства, отъ которыхъ въ послѣдней инстанціи все зависитъ, могутъ сложиться такъ, что даже апатичная масса станетъ способна къ энергичнымъ усиліямъ и отважнымъ рѣшеніямъ. А въ ожиданіи того момента, когда эти обстоятельства примутъ благопріятный оборотъ, нужно внимательно изучать отсталую массу. Инициатива отважныхъ рѣшеній никогда не будетъ принадлежать массѣ простонародья; но необходимо знать свойства людей, составляющихъ эту массу, „чтобы знать, какими побужденіями можетъ дѣйствовать на нихъ инициатива“ *). И чѣмъ точнѣе будетъ беллетристика воспроизводить свойства народной массы, тѣмъ болѣе она облегчитъ дѣло тѣхъ людей, которымъ придется при благопріятныхъ обстоятельствахъ взять на себя инициативу великихъ рѣшеній.

Теперь мы попросимъ читателя вспомнить, что въ одномъ изъ тезисовъ своей диссертаціи Чернышевскій, указавъ на воспроизведеніе жизни, какъ на главный признакъ искусства, прибавляетъ: „часто произведенія искусства имѣютъ и другое значеніе—объясненіе жизни; часто имѣютъ они и значеніе приговора о явленіяхъ жизни“. То, что приведено нами, хотя бы только изъ одной статьи „Не начало ли перемѣны“, ясно показываетъ, до какой степени литературная критика въ лицѣ Чернышевскаго склонна была дорожить воспроизведеніемъ жизни преимущественно какъ матеріаломъ для ея объясненія и для сужденія о ней (для составленія приговора объ явленіяхъ жизни). И та же склонность Чернышевскаго обнаруживается рѣшительно во всѣхъ другихъ его литературныхъ статьяхъ. Вотъ что говоритъ онъ, напримѣръ, въ рецензіи на сборникъ стихотвореній А. Н. Плещеева (Современникъ 1861 г., № 3).

Онъ съ неудовольствіемъ вспоминаетъ то время, когда наша критика относилась къ Плещееву съ пренебреженіемъ и даже недоброжелательствомъ. „Дико вспомнить теперь объ этомъ,—говоритъ онъ.—Неужто благородныя чувства, благородныя мысли, которыми вѣяло отъ каждой страницы небольшой книжки г. Плещеева, были такимъ ежедневнымъ явленіемъ въ тогдашней русской поэзіи, чтобы можно было съ пренебреженіемъ отвернуться отъ нихъ? Да и когда же бываетъ это можно и позволительно?“ У Плещеева, по его словамъ, не было большой поэтической силы и его стремленія

*) Соч. Н. Г. Чернышевскаго, т. VII, стр. 357.
**) Тамъ же, стр. 346.

и надежды отличались порядочною неопредѣленностью. Но въ немъ было много искренности, а выражать свои надежды съ большею точностью онъ не могъ по независящимъ отъ него условіямъ. Наконецъ, всѣ мы вовсе не такъ высоко и безукоризненно развиты, чтобы можно было назвать безполезнымъ искренній голосъ, заступающійся, хотя бы въ общихъ чертахъ за лучшую сторону человѣческой природы. „Есть много самыхъ обыкновенныхъ понятій, врожденныхъ человѣку—чувствъ,—заключаетъ нашъ авторъ,—о которыхъ тѣмъ не менѣе надо безпрестанно напоминать, чтобы они не забывались. Это и вездѣ нужно, не говоря уже о нашемъ не сформировавшемся обществѣ. Поэты съ такимъ благороднымъ и чистымъ направленіемъ, какъ направленіе г. Плещеева, всегда будутъ полезными для общественнаго воспитанія и найдутъ путь къ молодымъ сердцамъ. Трудно употребить лучше его въ дѣло тѣ поэтическія способности, которыми онъ обладаетъ“ *).

Поэзія должна воспитывать людей для лучшаго будущаго; она должна будить въ нихъ бодрость и вѣру въ свои силы. Такъ смотрѣлъ Чернышевскій. Въ виду этого неудивительно, что онъ, по его словамъ, въ книжкѣ Плещеева съ особеннымъ удовольствіемъ перечиталъ прекрасный гимнъ, начинающійся знаменитыми словами:

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Такая поэзія не могла не нравиться „просвѣтителямъ“. Извѣстно, что ихъ пристрастіе къ ней вызывало насмѣшку со стороны людей, считавшихъ себя тонкими цѣнителями художественныхъ произведеній. Теперь у насъ, повидимому, опять наступаетъ эпоха пренебрежительнаго отношенія къ тѣмъ чувствамъ, которыя выражались, между прочимъ, въ гимнѣ Плещеева.

Поэтому мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу обвиненій, выдвигавшихся сторонниками чистаго искусства противъ „просвѣтительскихъ“ тенденцій въ нашей литературной критикѣ. Гг.. сторонники чистаго искусства утверждали,—и теперь, кажется, не прочь повторять это,—что наши „просвѣтители“ пренебрегали духовными интересами человѣчества и выше всего ставили интересы желудка. Это, какъ мы уже сказали въ другомъ мѣстѣ, просто нелѣпая неправда. „Просвѣтители“ думали, что искусство,

*) Тамъ же, стр. 121.

содѣйствуя распространенію здравыхъ понятій въ обществѣ, принесетъ прежде всего умственную пользу людямъ. И этой пользой они дорожили больше всего. Матеріальная выгода была въ ихъ глазахъ простымъ результатомъ умственнаго развитія народа: извѣстно, что щукѣ не такъ-то легко проглотить карася, когда онъ не „дремлетъ“. Чтобы приблизить время пробужденія карасей, „просвѣтители“ готовы были на всякія самопожертвованія, а ихъ обвиняли въ томъ, что они дорожатъ только „печными горшками“. Эту нелѣпую неправду могли высказывать только люди, испытывавшіе болѣе или менѣе смутное опасеніе насчетъ того, что содержимое ихъ собственныхъ печныхъ горшковъ будетъ ужъ не такъ вкусно и обильно, когда проснувшіеся карасы начнутъ принимать свои мѣры противъ щучьихъ подвиговъ. Такъ было въ эпоху Чернышевскаго; такъ остается и до сихъ поръ. Люди, осмѣивающіе теперь гражданскіе мотивы поэзіи, чаще всего,—не говоримъ всегда: есть исключенія, вызываемыя простымъ недомысліемъ,—облекаютъ въ „сверхчеловѣческій“ костюмъ самыя вульгарныя эксплоататорскія стремленія.

Говоря это, мы совсѣмъ не хотимъ, однако, отрицать, что принципы, лежавшіе въ основѣ литературной критики 60-ыхъ годовъ и разработанные преимущественно Чернышевскимъ, могли въ своемъ крайнемъ развитіи привести къ весьма одностороннимъ выводамъ. Къ такимъ выводамъ критика 60-ыхъ годовъ не разъ приходила въ лицѣ Д. И. Писарева. Но, во-первыхъ, нельзя дѣлать Чернышевскаго отвѣтственнымъ за Писарева; а во-вторыхъ, даже Писаревъ былъ очень далекъ отъ того сугубаго вздора, который нерѣдко приписывали ему его „эстетическіе“ противники.

Заканчивая первую изъ своихъ двухъ, такъ много нашумѣвшихъ, статей, озаглавленныхъ „Пушкинъ и Бѣлинскій“, Писаревъ говорилъ: „Расходясь съ Бѣлинскимъ въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ фактовъ, замѣчая въ немъ излишнюю довѣрчивость и слишкомъ сильную впечатлительность, мы въ то же время гораздо ближе нашихъ противниковъ подходимъ къ его основнымъ убѣжденіямъ *)“.

Въ началѣ второй изъ этихъ статей онъ повторялъ: „Критика Бѣлинскаго, критика Добролюбова и критика „Русскаго Слова“ оказываются развитіемъ одной и той же идеи, которая съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе очищается отъ всякихъ постороннихъ примѣсей **)“.

---

*) Сочиненія Д. И. Писарева. Т. V-ый, стр. 63.

**) Тамъ же, стр. 66.

Какія „основныя убѣжденія“ Бѣлинскаго и какія „постороннія примѣси“ къ нимъ имѣлъ онъ въ виду, говоря это? Чтобъ отвѣтить на это, необходимо сдѣлать небольшую историческую справку.

Въ своей статьѣ о Державинѣ Бѣлинскій говорилъ: „Задача истинной эстетики состоитъ не въ томъ, чтобы рѣшить, чѣмъ должно быть искусство, а въ томъ, чтобы опредѣлить, что такое искусство. Другими словами: эстетика не должна разсуждать объ искусствѣ, какъ о чемъ-то предполагаемомъ, какъ о какомъ-то идеалѣ, который можетъ осуществиться только по ея теоріи, нѣтъ, она должна разсматривать искусство, какъ предметъ, который существовалъ давно прежде и существованію котораго она сама обязана своимъ существованіемъ“. Это была поистинѣ геніальная мысль, вполнѣ достойная человѣка, воспитавшагося на Гегелевой діалектикѣ. Однако, иное дѣло мысль, а иное дѣло ея осуществленіе. Чтобы рѣшить ту задачу, которую Бѣлинскій задавалъ эстетикѣ, нужно было со всѣхъ сторонъ обнаружить связь искусства съ общественной жизнью и умѣть объяснять эту послѣднюю съ научной, т. е. съ матеріалистической точки зрѣнія. А этого не могъ сдѣлать и самъ Гегель. Иронически раскланявшись съ Гегелевскимъ колпакомъ, Бѣлинскій въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ сталъ иногда отклоняться отъ золотого правила, высказаннаго имъ въ статьѣ о Державинѣ; онъ сталъ подчасъ разсуждать ужъ не столько о томъ, что такое искусство, сколько о томъ, чѣмъ оно должно быть. Короче: онъ сталъ по временамъ высказываться, какъ „просвѣтитель“. И съ этой стороны Чернышевскій явился самымъ замѣчательнымъ продолжателемъ его дѣла. Въ качествѣ „просвѣтителя“, Чернышевскій интересовался гораздо меньше теоріей искусства, нежели тѣми практическими выводами, которые изъ нея могутъ быть сдѣланы. Но философія Фейербаха давала, какъ ему казалось, возможность примирить практику съ теоріей; поставить практическія соображенія о томъ, чѣмъ должно быть искусство, на прочную основу теоріи, открывающей его истинную сущность. Практическая задача эстетики заключается въ реабилитаціи дѣйствительности. Это положеніе, обоснованное Чернышевскимъ съ помощью философіи Фейербаха, руководило имъ во всѣхъ его критическихъ отзывахъ. Это положеніе само по себѣ,—т. е. если отвлечься отъ той чисто теоретической задачи, которую Бѣлинскій задавалъ когда-то эстетикѣ,—не заключаетъ въ себѣ ровно ничего ошибочнаго. Но, разъ признавъ это положеніе, позволительно, не грѣша противъ логики, спросить себя: да нужна ли для реабилитаціи дѣйствительности

именно эстетика, т. е. наука о прекрасномъ? Нельзя ли достигнуть той же цѣли съ помощью другихъ наукъ, напримѣръ, естествознанія? И возможна ли эстетика, какъ наука?

Этими вопросами и задался Д. И. Писаревъ. И онъ рѣшилъ ихъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не въ пользу эстетики. Онъ объявилъ, что существованіе эстетики какъ науки, невозможно, и что если Чернышевскій посвятилъ свою диссертацію именно эстетикѣ, то онъ сдѣлалъ это „только для того, чтобы радикально уничтожить ее и навсегда отрезвить тѣхъ людей, которыхъ морочитъ философствующее и тунеядствующее филистерство“ *).

Противъ возможности эстетики, какъ науки, Писаревъ выставилъ слѣдующее соображеніе, казавшееся ему непоколебимымъ. „Эстетика или наука о прекрасномъ имѣетъ разумное право существовать только въ томъ случаѣ, если прекрасное имѣетъ какое-нибудь самостоятельное значеніе, независимое отъ безконечнаго разнообразія личныхъ вкусовъ. Если же прекрасно только то, что нравится намъ, и если вслѣдствіе этого всѣ разнообразнѣйшія понятія о красотѣ оказываются одинаково законными, тогда эстетика разсыпается въ прахъ. У каждаго отдѣльнаго человѣка образуется своя собственная эстетика, и слѣдовательно общая эстетика, приводящая личные вкусы, къ обязательному единству, становится невозможной. Авторъ „Эстетическихъ Отношеній“ ведетъ своихъ читателей именно къ этому выводу, хотя и не высказываетъ его совершенно открыто“ **). Идеалисту это соображеніе въ самомъ дѣлѣ должно казаться непоколебимымъ. Если искусство своими произведеніями только напоминаетъ намъ о томъ, что интересно для насъ въ жизни; если прекраснымъ существомъ кажется человѣку то существо, въ которомъ онъ видитъ жизнь, какъ онъ ее понимаетъ, то совершенно законнымъ представляется идеалисту тотъ выводъ, что понятіе о прекрасномъ зависитъ въ послѣднемъ счетѣ только отъ личныхъ вкусовъ, безконечное разнообразіе которыхъ не даетъ возможности взглянуть на нихъ съ научной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія закономѣрности ихъ развитія. Писаревъ, разсуждавшій въ этомъ случаѣ, какъ чистокровный идеалистъ, упустилъ изъ виду только то, что Чернышевскій задался цѣлью примѣнить къ эстетикѣ матеріалистическую философію Фейербаха. А для матеріалиста,— поскольку онъ остается матеріалистомъ и не дѣлаетъ въ своихъ

*) Сочиненія Д. И. Писарева. СПБ. 1894. т. IV-ый стр. 499.
**) Тамъ же, та же стр.

взглядахъ уступокъ идеализму,—„мнѣніе“ не есть самая глубокая причина перемѣнъ, совершающихся въ общественной жизни. Перемѣна и разнообразіе „мнѣній“ сами опредѣляются извѣстными перемѣнами въ ней. А это даетъ возможность взглянуть и на развитіе мнѣній съ точки зрѣнія закономѣрности. Какъ ни разнообразны вообще человѣческія мнѣнія, но ошибочно было бы утверждать, что у каждаго человѣка есть свое особое міросозерцаніе и свои различные взгляды на всѣ общественныя явленія. Нѣтъ, въ каждое данное время люди даннаго класса имѣютъ одинаковое,—въ извѣстныхъ предѣлахъ,—міросозерцаніе и, опять таки въ извѣстныхъ предѣлахъ, одинаково смотрятъ на общественныя явленія. А если внутри даннаго класса данной эпохи и замѣчается неодинаковость мнѣній; если въ его собственной средѣ наблюдаются разные оттѣнки міросозерцаніи или происходитъ борьба стараго міросозерцанія съ новымъ, то и это обстоятельство, очень нерѣдкое въ исторіи, отнюдь не мѣшаетъ намъ смотрѣть на развитіе мнѣній съ точки зрѣнія науки, т. е. закономѣрности, т. е. необходимости. Сознаніе людей опредѣляется ихъ бытіемъ; ихъ мнѣнія—ихъ общественными отношеніями. Признавая въ качествѣ послѣдователя матеріалистической философіи причинную зависимость сознанія отъ бытія, Чернышевскій и доказываетъ въ своей диссертаціи, что представленіе о „хорошей жизни“, представленіе о жизни какъ она должна быть, лежащее въ основѣ понятія о прекрасномъ, измѣняется у людей сообразно съ ихъ классовымъ положеніемъ въ обществѣ. Этимъ онъ не только не разрушаетъ эстетики, какъ науки, а, напротивъ, ставитъ ее на прочное матеріалистическое основаніе и, по крайней мѣрѣ, намѣчаетъ въ общихъ чертахъ, гдѣ надо искать рѣшенія той задачи, которую еще Бѣлинскій поставилъ передъ людьми, интересовавшимися теоріей эстетики. Правда, Чернышевскій намѣтилъ рѣшеніе этой задачи именно только въ самыхъ общихъ чертахъ и въ своей литературной критикѣ онъ уже къ нему не возвращался, занимаясь борьбою съ „фантастическими мечтами“ во имя „дѣйствительности“. Въ своей литературной критикѣ онъ до конца ногтей былъ „просвѣтителемъ“ или,—какъ выражается Писаревъ,—говоря о французскихъ „просвѣтителяхъ“ 18-го вѣка,—популяризаторомъ отрицательныхъ доктринъ. И тутъ онъ, какъ и въ историческихъ своихъ разсужденіяхъ, покидалъ матеріализмъ и переходилъ на идеалистическую точку зрѣнія. Писаревъ, желавшій отстаивать и далѣе развивать его взгляды, видѣлъ въ немъ *только* „просвѣтителя“, т. е. только идеалиста. И

потому онъ въ самомъ дѣлѣ не могъ увидѣть въ его диссертаціи ничего, кромѣ разрушенія эстетики. Онъ не подозрѣвалъ, да и не могъ подозрѣвать, что во взглядѣ Чернышевскаго на эстетическія отношенія исскуства къ дѣйствительности есть своя матеріалистическая сторона, говорящая въ пользу возможности эстетики, какъ науки. Если бы кто-нибудь указалъ ему на это, то онъ, вѣроятно, сказалъ бы, презрительно пожавъ плечами, что въ этомъ случаѣ Чернышевскій еще не успѣлъ отдѣлаться отъ шелухи гегелизма, какъ не умѣлъ, въ свое время, отдѣлаться отъ нея Бѣлинскій *).

Писаревъ несомнѣнно развивалъ дальше взгляды Чернышевскаго равно какъ и Бѣлинскаго; но онъ развивалъ ихъ исключительно съ той ихъ стороны, съ какой они больше всего грѣшили идеализмомъ. Вотъ примѣръ.

Мы уже знаемъ, что Чернышевскій въ своихъ сужденіяхъ о жизни общества очень охотно становился на точку зрѣнія человѣческой природы. На такъ какъ природа человѣка еще ничего не объясняетъ въ общественныхъ явленіяхъ, то Чернышевскій, державшійся матеріалистическаго взгляда на человѣческую природу, обыкновенно вынужденъ былъ переходить на почву идеализма и разсуждать, руководствуясь тѣмъ принципомъ, что „мнѣнія правятъ міромъ“. А когда онъ разсуждалъ, руководствуясь этимъ идеалистическимъ принципомъ, ему ужъ не хотѣлось вспоминать, что сознаніе общественнаго человѣка опредѣляется его бытіемъ, и онъ находилъ нужнымъ настаивать на томъ, что всѣ люди совершенно одинаковы по своей природѣ. Въ своей статьѣ о сочиненіяхъ Н. В. Успенскаго, онъ приводитъ сцену, къ которой Успенскій заставляетъ дворовую дѣвушку Алену Герасимовну вести съ конторщикомъ Семеномъ Петровичемъ такой разговоръ:

— Ну, а что у человѣка внутрѣ есть, Семенъ Петровичъ?

— Внутрѣ-съ бываетъ различно. Это, смотря по тому, кто чѣмъ питается: иной продовольствуется мякиной, такъ у него внутрѣ мякина. А у одного сапожника, говоритъ, даже нашли при вскрытіи подошву съ лучиной.

— Страсти какія!.. Объясните мнѣ, пожалуйста, что—у штатскихъ и у военныхъ внутрѣ одинаково?

— Ну, на счетъ этого пункта, Алена Герасимовна, можно вамъ доложить матерію. Во первыхъ, надобно сказать, ничего одинаковаго нѣтъ.

---

*) См. статью „Пушкинъ и Бѣлинскій“. Соч. т. V-ый стр. 78—79.

Конторщикъ подсѣлъ къ дѣвкѣ и началъ свое объясненіе" *).

Чернышевскій со своей стороны доказываетъ въ той же статьѣ, что „внутрѣ у человѣка одинаково" и приглашаетъ, какъ мы уже видѣли, своихъ читателей забыть, кто свѣтскій человѣкъ, кто купецъ, кто мужикъ, и о каждомъ судить по человѣческой психологіи.

Писаревъ охотно откликается на это приглашеніе, но дѣлаетъ изъ него вотъ какой выводъ:

„Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать голосомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчитъ изящная словесность, обладающая большимъ тактомъ, наша критика сдѣлала бы очень хорошо, если бы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній. Въ уясненіи этихъ вопросовъ нуждается всякій; эти вопросы затемнены и запутаны разнымъ старымъ хламомъ, который не мѣшало бы отодвинуть въ сторону, чтобы всѣмъ и каждому можно было непредубѣжденными глазами взглянуть на свѣтъ Божій и на добрыхъ людей" **).

Это уже чистая „писаревщина", отличительная черта которой состоитъ въ томъ, что вопросы „частной нравственности" ее интересуютъ несравненно больше, нежели вопросы „гражданской жизни". „Писаревщину" считаютъ иногда умственнымъ теченіемъ, не имѣющимъ ровно ничего общаго съ направленіемъ Чернышевскаго и Добролюбова. Это большая ошибка ***). На самомъ дѣлѣ, она пред-

---

*) Сочиненія, VIII, 346.

**) Соч. Д. И. Писарева, т. 1-ый, стр. 347.

***) По обыкновенію, въ дѣлѣ высказыванія ошибочныхъ взглядовъ на исторію нашей мысли, рекордъ побиваетъ нашъ историкъ новѣйшей русской литературы г. Скабичевскій. Онъ изображаетъ „писаревщину", какъ сенсуализмъ, очень похожій на сенсуализмъ 18-го вѣка. „Подобно тому, какъ во Франціи въ эпоху регентства версальскіе щеголи, маркизы и виконты взапуски щеголяли другъ передъ другомъ новизною своихъ идей, зачитываясь Вольтеромъ и энциклопедистами и находя въ ихъ сочиненіяхъ полное оправданіе своего легкомысленнаго поведенія, ведшаго ихъ къ крайнему разоренію, а затѣмъ и подъ ножъ гильотины—нѣчто подобное видимъ мы и у насъ въ шестидесятые годы, съ той разницей, что Вольтера замѣняли Фейербахъ и Бюхнеръ, а энциклопедистовъ—Бокль, Льюисъ, Фохтъ, Молешоттъ и пр. Точно также, масса барскихъ сынковъ, заявляя себя новыми людьми, все новаторство свое высказывала въ цитатахъ изъ любимыхъ авторовъ, эффектномъ отрицаніи такъ называемыхъ „авторитетовъ", пренебреженія къ свѣтскимъ обы-

ставляетъ собою не что иное, какъ рядъ вполнѣ правильныхъ, хотя и очень крайнихъ, выводовъ изъ нѣкоторыхъ неправильныхъ посылокъ, выдвигавшихся Чернышевскимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему измѣнялъ его недостаточно разработанный матеріализмъ,—или, если вамъ угодно, когда онъ измѣнялъ этому матеріализму,—и онъ незамѣтно для себя переходилъ на идеалистическую точку зрѣнія. Писаревъ обладалъ огромнымъ литературнымъ талантомъ. Но какъ ни велико удовольствіе, доставляемое не предубѣжденному читателю литературнымъ блескомъ его статей, все-таки приходится признать, что „писаревщина“ была чѣмъ-то вродѣ приведенія къ абсурду идеализма нашихъ „просвѣтителей“.

Это лучше всего видно на его отношеніи къ вопросу о томъ, чѣмъ отличается поэтъ отъ мыслителя.

Бѣлинскій говорилъ: „Каждое поэтическое произведеніе есть плодъ могучей мысли, овладѣвшей поэтомъ. Если бы мы допустили, что эта мысль есть только результатъ дѣятельности его разсудка, мы убили бы этимъ не только искусство, но и самую возможность искусства. Въ самомъ дѣлѣ, что мудренаго было бы сдѣлаться поэтомъ, и кто бы не въ состояніи былъ сдѣлаться поэтомъ по нуждѣ, по выгодѣ или по прихоти, если бы для этого стоило только придумать какую-нибудь мысль, да и втискать ее въ придуманную же форму? Нѣтъ, не такъ это дѣлается поэтами по натурѣ и по призванію! У того, кто не поэтъ по натурѣ, пусть придуманная имъ мысль глубока, истинна, даже свята,—произведеніе все-таки выйдетъ мелочное, ложное, фальшивое, уродливое, мертвое, и никого не убѣдитъ оно, а скорѣе разочаруетъ каждаго въ выраженной имъ мысли, не смотря на всю ея правдивость! Но между тѣмъ, такъ-то именно и понимаетъ толпа искусство, этого-то именно и требуетъ она отъ поэтовъ! Придумайте ей, на досугѣ, мысль получше, да потомъ и обдѣлайте ее въ какой-нибудь вымыселъ, словно брильянтъ въ золото. Вотъ и дѣло съ концомъ!“

Это его разсужденіе представляетъ собою лишь новую варіацію

чаямъ и приличіямъ и въ полной разнузданности какихъ бы то ни было похотей и прихотей“. (Цитированное сочиненіе, стр. 88). Само собой разумѣется, что бывшій присяжный критикъ „Отечественныхъ записокъ“ не имѣетъ ровнехонько никакого понятія о томъ, какъ близка была къ „сенсуализму 18-го вѣка“ матеріалистическая философія самого Чернышевскаго. Но спорить съ нимъ безполезно. Достаточно подчеркнуть его ошибку только для того, чтобы показать, какъ не слѣдуетъ писать исторію нашей литературы.

той основной его темы, по совершенно вѣрному смыслу которой художникъ мыслитъ образами, а не силлогизмами. Но Писаревъ, утверждающій, что онъ лишь развиваетъ дальше основныя убѣжденія Бѣлинскаго, видитъ въ этомъ различеніи между поэтомъ и мыслителемъ лишь „очень богатую дань тому эстетическому мистицизму, который проходитъ рѣзкую раздѣлительную черту между поэтами и простыми смертными“ *). Онъ находитъ Бѣлинскаго глубоко зараженнымъ эстетическимъ мистицизмомъ, отъ котораго, по его словамъ, не совсѣмъ уберегся даже Добролюбовъ. Но онъ думаетъ, что достаточно одного прикосновенія трезвой критики, чтобы разсѣять этотъ „мистическій туманъ“. У него выходитъ, что всякій умный человѣкъ, который захочетъ дать себѣ трудъ пріобрѣтенія извѣстной технической сноровки, можетъ стать поэтомъ, какъ можетъ онъ стать критикомъ или „вообще словесныхъ дѣлъ мастеромъ“. Онъ прямо говоритъ это: „Такой человѣкъ, къ которому заходятъ въ голову умныя мысли, который умѣетъ задерживать и разрабатывать эти мысли въ своей головѣ и который, посредствомъ упражненія, сдѣлался мастеромъ словесныхъ дѣлъ, такой человѣкъ, говорю я, можетъ, если только пожелаетъ, сдѣлаться поэтомъ, то-есть создать нѣсколько произведеній, которыя подѣйствуютъ на читателей такъ точно, какъ дѣйствуютъ на нихъ произведенія, созданныя настоящими, патентованными поэтами“ **). Что это не такъ, что не всякій умный человѣкъ можетъ сдѣлаться поэтомъ, этого не нужно доказывать, это очевидно само собой. Но почему же, высказывая эту ошибочную мысль, Писаревъ думалъ, что онъ лишь развиваетъ дальше „основное убѣжденіе“ Бѣлинскаго? Потому что самъ Бѣлинскій смотрѣлъ иногда на искусство съ отвлеченной точки зрѣнія „просвѣтителя“. Онъ говорилъ, напримѣръ, что „Шекспиръ все передаетъ черезъ поэзію, но передаваемое имъ далеко отъ того, чтобы принадлежать одной поэзіи“. Это давало поводъ думать, что есть какая-то особая область, принадлежащая исключительно поэзіи и могущая быть противопоставленной другимъ областямъ, которыя къ поэзіи не принадлежатъ, но могутъ быть „передаваемы черезъ поэзію“. Вотъ это собственно и думалъ Писаревъ, увѣряя своихъ читателей въ томъ, что каждый умный человѣкъ можетъ сдѣлаться поэтомъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что если не каждый умный человѣкъ можетъ стать мастеромъ въ

*) Д. И. Писарева. Т. V-ый; стр. 69.

**) Тамъ же, стр. 71.

собственно поэтической области, то это не бѣда, такъ какъ, выработавъ изъ себя словесныхъ дѣлъ мастера, умный человѣкъ способенъ многое „передать черезъ поэзію“. Если же при этомъ онъ все-таки не обнаружитъ большой силы въ собственно поэтической области, то это ему могутъ поставить въ упрекъ развѣ лишь филистеры, воспитавшіеся въ старыхъ эстетическихъ понятіяхъ, или „полуэстетики“ въ родѣ Бѣлинскаго, еще не окончательно отдѣлавшіеся отъ „шелухи гегелизма“. Развивая и доказывая эту мысль со свойственнымъ ему жаромъ и талантомъ, Писаревъ имѣлъ кажущееся основаніе думать, что онъ остается вполнѣ вѣрнымъ критикѣ Бѣлинскаго. А на самомъ дѣлѣ, онъ былъ, повторяемъ, вѣренъ только слабымъ сторонамъ этой критики, только тѣмъ ея недостаткамъ, которые вызывались неразработанностью нѣкоторыхъ ея положеній. Такъ, логическая ошибка, сдѣланная Бѣлинскимъ въ разборѣ теоріи чистаго искусства, породила то, что представлялось Писареву послѣднимъ словомъ отрицательной доктрины.

Если бы Бѣлинскій въ пылу полемики не измѣнилъ своей собственной теоріи; если бы онъ помнилъ, что содержаніе поэзіи—то же, что и содержаніе философіи, и что между поэтомъ и мыслителемъ разница лишь въ томъ, что одинъ мыслитъ образомъ, а другой силлогизмами, то весь вопросъ о теоріи „чистаго искусства“ представился бы ему совершенно въ другомъ свѣтѣ. Онъ сказалъ бы тогда, что нѣтъ никакой спеціально поэтической области; что поэзія всегда является отраженіемъ общественной жизни и что поэзія, желающая оставаться „чистой“, отражаетъ лишь общественный индифферентизмъ создавшаго ее общественнаго слоя. А еслибъ онъ пошелъ дальше и постарался уяснить себѣ, чѣмъ же вызывается подобный индифферентизмъ, то онъ увидѣлъ бы, что въ разныя историческія эпохи индифферентизмъ этотъ вызывается весьма различными, и даже прямо противоположными причинами, но что всѣ онѣ коренятся въ общественныхъ отношеніяхъ и совсѣмъ не имѣютъ непосредственнаго касательства ни къ сущности искусства, ни къ его „законамъ“, ни къ его техникѣ. Чтобы выяснить все это, Бѣлинскому нужно было бы послѣдовательно примѣнить матеріалистическую діалектику къ изученію эстетическаго развитія человѣчества. Но при тогдашнихъ русскихъ условіяхъ онъ не могъ сдѣлать это, не смотря на всю свою геніальность. Поэтому мы находимъ у него лишь элементы матеріалистическаго взгляда на искусство. Не будучи въ состояніи дать надлежащее развитіе этимъ матеріалистическимъ элементамъ, онъ въ

споръ съ защитниками чистаго искусства поневолѣ хватался за то оружіе, какое обыкновенно находится въ арсеналѣ „просвѣтителей“. А въ ихъ арсеналѣ находятся обыкновенно только чисто идеалистическіе доводы. И эти-то идеалистическіе доводы, грѣшившіе прежде всего своею отвлеченностью, и легли въ основу тѣхъ разсужденій Писарева, которыя, будучи доведены до своего логическаго конца, „разрушали“ эстетику. Мы сказали выше, что нельзя дѣлать Чернышевскаго отвѣтственнымъ за Писарева. Теперь мы повторимъ это въ примѣненіи къ Бѣлинскому: его тоже нельзя винить за поправки, сдѣланныя Писаревымъ въ его литературныхъ взглядахъ. Но мы пойдемъ еще дальше и скажемъ, что не виноватъ былъ и самъ Писаревъ, если ему случалось доходить до абсурда (говоримъ: случалось, потому что онъ тоже не всегда „разрушалъ“ эстетику): виновата была въ этомъ несостоятельность идеалистическаго взгляда на искусство, которая въ самомъ дѣлѣ приводитъ или къ „мистическому туману“ теоретиковъ „чистаго искусства“ или къ болѣе или менѣе „разрушительнымъ“ для эстетики выводамъ „просвѣтителей“. Еще одно слово. Именно потому, что Писаревъ довелъ до абсурда нѣкоторыя идеалистическія посылки нашихъ „просвѣтителей“ 60-ыхъ годовъ, онъ явился отцомъ нашего пресловутаго „субъективнаго“ метода. Въ статьѣ „Процессъ жизни“, написанной по поводу книги Карла Фогта „Physiologische Briefe“, онъ говорилъ:

„Естественныя науки не то, что исторія, совсѣмъ не то, хоть Бокль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ... Исторія есть осмысленіе событія съ личной точки зрѣнія автора; каждая политическая партія можетъ имѣть свою всемірную исторію и дѣйствительно имѣетъ ее, хотя, конечно, не всѣ эти исторіи записаны, точно такъ же, какъ всякая философская школа имѣетъ свой философскій лексиконъ. Исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практическихъ убѣжденій, составившихся путемъ жизни и имѣющихъ свое положительное значеніе въ настоящемъ. Объ естественныхъ наукахъ этого, конечно, нельзя сказать; природѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ вы о ней думаете; если вы ошиблись, она васъ помнетъ или совсѣмъ раздавитъ, какъ помнетъ или раздавитъ васъ колесо огромной машины, къ которой вы подошли слишкомъ близко во время ея полнаго хода“ *).

*) Тамъ же, стр. 310—311.

Поставьте въ этой выпискѣ слово „соціологія“ вмѣсто слова „исторія“ и вы получите теоретическое обоснованіе пресловутаго „субъективнаго“ метода. Въ своемъ противопоставленіи исторіи естествознанію Писаревъ повторялъ ту же теоретическую ошибку, которая привела его къ „разрушенію эстетики“. Онъ упускалъ изъ виду, что сознаніе опредѣляется бытіемъ, и что если исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практическихъ убѣжденій, то практическія убѣжденія не падаютъ съ неба, а обусловливаются извѣстными общественными отношеніями, развитіе которыхъ такъ же закономѣрно, какъ развитіе животныхъ и растительныхъ видовъ. На этой же теоретической ошибкѣ основывалась вся мнимая соціологическая премудрость нашихъ субъективистовъ во главѣ съ Н. Михайловскимъ. Г. Скабичевскій этого, какъ водится у него, не замѣтилъ и потому, относясь отрицательно къ „разрушительнымъ“ подвигамъ Писарева въ области эстетики, онъ съ восторгомъ отзывался о „субъективныхъ“ открытіяхъ Михайловскаго. „Его статьи о Спенсерѣ, о Дарвинѣ и вообще по соціологіи,—говоритъ онъ,—имѣютъ не одно только публицистическое значеніе, а представляютъ цѣлый вкладъ въ науку, и если бы ихъ перевести на одинъ изъ иностранныхъ языковъ, онѣ не замедлили бы доставить автору ихъ общеевропейскую извѣстность“ *).

Нѣкоторыя соціологическія статьи Михайловскаго переведены теперь на французскій и, если не ошибаемся, на нѣмецкій языкъ. Большой европейской извѣстности онѣ его имени, надо думать, никогда не доставятъ. Но очень возможно, что онѣ удостоятся похвалъ со стороны того или другого изъ тѣхъ европейскихъ мыслителей, которые пятятся „назадъ къ Канту!“ изъ ненависти къ марксизму. Въ такихъ похвалахъ, вопреки мнѣнію нашего новѣйшаго историка литературы, не можетъ быть ничего лестнаго. Но въ высшей степени достойна замѣчанія эта иронія исторіи, превращающей въ теоретическое орудіе реакціи то, что было невинною теоретическою ошибкою въ болѣе или менѣе прогрессивномъ утопизмѣ.

Въ заключеніе мы считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующую, весьма существенную, какъ намъ кажется, оговорку.

Если „люди 60-ыхъ годовъ“ смотрѣли на художественную литературу глазами „просвѣтителей“, т. е. требовали отъ нея прежде всего „приговоровъ о явленіяхъ жизни“, то это еще не значитъ,

*) Цитированное сочиненіе, стр. 120.

что они были лишены художественнаго чутья. Этого нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, объ ихъ наиболѣе выдающихся и наиболѣе блестящихъ представителяхъ, какими были Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ. Въ сочиненіяхъ каждаго изъ нихъ,—и иногда именно тамъ, гдѣ они дальше всего заходятъ въ своей разсудочности,—можно встрѣтить самыя несомнѣнныя свидѣтельства о тонкости ихъ литературнаго вкуса. Возьмемъ хотя бы Писарева. Въ той же самой статьѣ, гдѣ онъ доходитъ, можно сказать, до Геркулесовыхъ столбовъ разсудочности, онъ бросаетъ мимоходомъ слѣдующій отзывъ: „Подводный камень“ романъ, стоящій по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имѣетъ громкій успѣхъ, а „Дѣтство, отрочество и юность“ графа Л. Толстого, вещь замѣчательно хорошая по тонкости и вѣрности психологическаго анализа, читается холодно и проходитъ почти незамѣченной“ *).

Этотъ отзывъ о художественномъ произведеніи Толстого, т. е. человѣка совершенно чуждаго всѣхъ тѣхъ общественныхъ и личныхъ вопросовъ, которые такъ сильно волновали „людей 60-хъ годовъ“, показываетъ, что Писаревъ могъ бы быть хорошимъ „эстетическимъ“ критикомъ. Подобные отзывы мы могли бы найти даже въ тѣхъ его статьяхъ, въ которыхъ онъ такъ старательно развѣнчиваетъ Пушкина. Даже и въ этихъ статьяхъ видно, что, рѣшительно возставая противъ „филистерскихъ“ взглядовъ „нашего маленькаго и миленькаго Пушкина“, Писаревъ сознавалъ прелесть формы его произведеній.

Что „публицистическая критика“ Добролюбова была весьма чутка къ художественнымъ достоинствамъ разбираемыхъ произведеній, это признаютъ теперь, если мы не ошибаемся, даже люди, очень мало расположенные къ нашимъ „шестидесятникамъ“. Но нѣкоторые изъ этихъ людей, отдавая эту справедливость Добролюбову, не видятъ, однако, даже признаковъ художественнаго чутья въ критическихъ статьяхъ Чернышевскаго. Да что говорить о людяхъ, мало расположенныхъ къ нашимъ „шестидесятникамъ“. Даже г. Скабичевскій, который въ качествѣ присяжнаго критика „Отечественныхъ Записокъ“ склоненъ былъ смотрѣть на себя, какъ на писателя, всей душой преданнаго тому, что называлось у насъ лучшими завѣтами 60-ыхъ годовъ, такъ судитъ о критикѣ Чернышевскаго:

„Что касается до Чернышевскаго, то онъ первый подалъ при-

*) Соч. Писарева. Т. III-й, стр. 270.

мѣръ той публицистической критикѣ, которая вытекала изъ его теоріи. По правдѣ сказать, критическія статьи его далеко уступаютъ статьямъ Добролюбова. Прежде всего вы видите въ нихъ отсутствіе того же, чѣмъ хромаетъ и диссертація, т. е. эстетическаго, а слѣдовательно, и критическаго чутья, и этотъ недостатокъ повелъ за собою рядъ вопіющихъ промаховъ. Такъ, напримѣръ, Чернышевскій очень пренебрежительно и враждебно отнесся къ драмѣ Островскаго „Бѣдность не порокъ“ изъ чисто партійной вражды, и въ то же время съ большимъ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе разсказовъ Николая Успенскаго, усмотрѣвъ въ нихъ конецъ сантиментальной идеализаціи народа и начало реальнаго и трезваго отношенія къ нему, не замѣтивши въ то же время всей поверхностности и грубости шаржей Николая Успенскаго“ *).

Мы уже говорили, что „шаржи“ Николая Успенскаго далеко не такъ плохи, какъ это думаетъ г. Скабичевскій. Теперь мы скажемъ, что пренебрежительный отзывъ Чернышевскаго о драмѣ „Бѣдность не порокъ“ не помѣшалъ ему отдать должное „прекрасному дарованію“ (подлинныя его слова) Островскаго и отнестись съ большой похвалой къ комедіи „Свои люди — сочтемся“. Если въ отзывѣ о драмѣ „Бѣдность не порокъ“ слышится „партійная вражда“, то слѣдуетъ помнить, что Чернышевскій враждовалъ въ данномъ случаѣ съ тѣмъ, что отнюдь не заслуживало сочувствія. Онъ съ насмѣшкою отнесся къ тѣмъ критикамъ, которые ставили „Бѣдность не порокъ“ выше „Гамлета“ и „Отелло“. Развѣ жъ не заслуживало насмѣшки это нелѣпое увлеченіе? Онъ иронизировалъ надъ тою славянофильски настроенною частью публики, которая увидѣла въ Любимѣ Торцовѣ прекрасное выраженіе „русскаго духа“ и воображала, что, создавъ этотъ типъ, Островскій сказалъ новое слово. Правда, Чернышевскій заходилъ слишкомъ далеко, говоря, что „Бѣдность не порокъ“ относится къ тому же роду произведеній, какъ „Мельникъ“ Аблесимова, и есть простой сборникъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ“ **). Но онъ, въ концѣ концовъ, былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что въ названной драмѣ Островскій впалъ въ приторное прикрашиваніе того, что не можетъ и не должно быть прикрашено ***). Критика и теперь должна признать это. Точно также она и теперь должна

*) Цитир. сочин., стр. 66.
**) Соч., т. 1-ый, стр. 129.
***) Тамъ же, стр. 130.

признать, что Чернышевскій сразу и очень вѣрно оцѣнилъ великое художественное значеніе произведеній Л. Толстого. Но мало того, что онъ сразу и вѣрно оцѣнилъ это значеніе. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Чернышевскій сразу же опредѣлилъ главную отличительную черту художественнаго таланта Л. Толстого. Въ библіографической замѣткѣ, посвященной „Дѣтству и отрочеству“ и „Военнымъ разсказамъ“ Л. Толстого, мы находимъ слѣдующія строки:

„Вниманіе графа Толстого болѣе всего обращено на то, какъ одни чувства и мысли развиваются изъ другихъ; ему интересно наблюдать, какъ чувство, непосредственно возникающее изъ даннаго положенія или впечатлѣнія, подчиняясь вліянію воспоминаній и силѣ сочетаній, представляемыхъ воображеніемъ, переходитъ въ другія чувства, снова возвращается къ прежней исходной точкѣ и опять и опять странствуетъ, измѣняясь по всей цѣпи воспоминаній; какъ мысль, рожденная первымъ ощущеніемъ, ведетъ къ другимъ мыслямъ, увлекается дальше и дальше, сливаетъ грезы съ дѣйствительными ощущеніями, мечты о будущемъ съ рефлексіею о настоящемъ. Психологическій анализъ можетъ принимать различныя направленія: одного поэта занимаютъ всего болѣе очертанія характеровъ; другого—вліянія общественныхъ отношеній и житейскихъ столкновеній на характеры; третьяго—связь чувствъ съ дѣйствіями; четвертаго анализъ страстей; графа Толстого всего болѣе—самъ психическій процессъ, его формы, его законы, діалектика души, чтобы выразиться опредѣлительнымъ терминомъ“ *).

Это до послѣдней степени тонкое критическое замѣчаніе. И оно не мимоходомъ высказывается у нашего автора, а получаетъ у него довольно обстоятельное развитіе. Чернышевскій говоритъ, что изъ другихъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ указанная имъ сторона психологическаго анализа болѣе всего развита у Лермонтова, но что и у него она все-таки играетъ слишкомъ второстепенную роль и рѣдко обнаруживается. Очень рѣдко встрѣчается она и у великихъ иностранныхъ художниковъ, которые по большей части представляютъ намъ не діалектику мыслей и чувствъ, не переходъ одного чувства въ другое и одной мысли въ другую мысль, а только два крайнія звена этого психическаго процесса: только его начало и конецъ. „Это потому,—опять чрез-

*) Сочиненія, II. стр. 639.

вычайно тонко замѣчаетъ Чернышевскій,—что большинство поэтовъ, имѣющихъ драматическій элементъ въ своемъ талантѣ, заботятся преимущественно о результатахъ проявленія внутренней жизни, о столкновеніяхъ внутренней жизни, о столкновеніяхъ между людьми, о дѣйствіяхъ, а не о таинственномъ процессѣ, посредствомъ котораго вырабатывается мысль или чувство; даже въ монологахъ, которые, повидимому, чаще всего должны бы служить выраженіемъ этого процесса, почти всегда выражается борьба чувствъ, и шумъ этой борьбы отвлекаетъ наше вниманіе отъ законовъ и переходовъ, по которымъ совершается ассоціація представленій,—мы заняты ихъ контрастомъ, а не формами ихъ возникновенія,—почти всегда монологи, если содержатъ не простое анатомированіе неподвижнаго чувства, только внѣшностью отличаются отъ діалоговъ: въ знаменитыхъ своихъ рефлексіяхъ Гамлетъ какъ бы раздвояется и споритъ самъ съ собой; его монологи въ сущности принадлежатъ къ тому же роду сценъ, какъ и діалоги Фауста съ Мефистофелемъ, или споры маркиза Позы съ Донъ-Карлосомъ“ *). Толстой не ограничивается изображеніемъ результатовъ психическаго процесса, готовыхъ чувствъ; его, какъ сказано, интересуетъ самый процессъ; онъ является несомнѣннымъ мастеромъ въ его изображеніи. Въ этомъ состоитъ, по мнѣнію Чернышевскаго, оригинальная черта таланта Толстого. Чернышевскій говоритъ, что, вѣроятно, Толстой напишетъ много такого, что будетъ поражать каждаго читателя другими, болѣе эффектными качествами: глубиною идеи, яркими картинами быта и т. д.; но для истиннаго знатока всегда будетъ видно, что истинно силенъ и проченъ его талантъ именно указаннымъ качествомъ.

Это какъ нельзя болѣе справедливо. И весьма достойно замѣчанія то обстоятельство, что между тѣмъ, какъ Толстой—что хорошо видно изъ недавно опубликованной П. Бирюковымъ біографіи его,— относился къ Чернышевскому и его единомышленникамъ съ полнымъ отрицаніемъ и столь же полнымъ непониманіемъ, Чернышевскій, со своей стороны, сумѣлъ не только оцѣнить талантъ Толстого, но и тонко подмѣтить самую замѣчательную его черту. Это поистинѣ большая литературная заслуга. Намъ кажется, что совершить ее помогла Чернышевскому та самая разсудочность, которая вообще свойственна „просвѣтительнымъ“ эпохамъ и благодаря которой критика 60-ыхъ годовъ иногда бывала

*) Тамъ же, стр. 642.

недостаточно внимательна къ эстетической сторонѣ разбираемыхъ его произведеній. Какъ ни чужды были Толстому всѣ взгляды и стремленія „людей шестидесятыхъ годовъ“, но и онъ не ушелъ отъ вліянія своего времени. Въ немъ тоже была чрезвычайно сильно развита разсудочность, но только она приняла у него другое направленіе: вмѣсто того, чтобы анализировать взаимныя отношенія людей, Толстой, который былъ въ сущности совершенно равнодушенъ къ этимъ отношеніямъ и интересовался исключительно собою, анализировалъ свою собственную психическую жизнь и тѣмъ развивалъ ту свою способность, которая въ самомъ дѣлѣ составляетъ главную отличительную черту его художественнаго таланта.

Чернышевскій защищаетъ далѣе Толстого отъ упрековъ въ томъ, что въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“ нѣтъ картинъ общественной жизни. Онъ иронически замѣчаетъ, что въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ и многаго другого, напримѣръ, военныхъ сценъ, историческихъ воспоминаній, картинъ итальянской природы и т. п. „Авторъ хочетъ перенесть насъ въ жизнь ребенка,—справедливо замѣчаетъ онъ,—а развѣ ребенокъ понимаетъ общественные вопросы, развѣ онъ имѣетъ понятіе о жизни общества? Весь этотъ элементъ столь же чуждъ дѣтской жизни, какъ лагерная жизнь, и условія художественности были бы точно такъ же нарушены, если бы въ „Дѣтствѣ“ была изображена общественная жизнь, какъ и тогда, еслибъ изображена была въ этой повѣсти военная или историческая жизнь. Мы любимъ не менѣе кого другого, чтобы въ повѣстяхъ изображалась общественная жизнь; но, вѣдь, надобно же понимать, что не всякая поэтическая идея допускаетъ внесеніе общественныхъ вопросовъ въ произведеніе; не должно забывать, что первый законъ художественности—единство произведенія, и что потому, изображая „Дѣтство“, надобно изображать именно дѣтство, а не что-либо другое, не общественные вопросы, не военныя сцены, не Петра Великаго, и не Фауста, не Индіану, не Рудина, а дитя съ его чувствами и понятіями“ *).

Чернышевскій повторяетъ, что у Толстого истинный талантъ, и по этому поводу даетъ намъ понять, какія произведенія считаетъ онъ истинно-художественными. Сочиненія Толстого художественны; это значитъ, что „въ каждомъ изъ нихъ очень полно осуществляется именно та идея, которую онъ хотѣлъ осуществить

*) Тамъ же, стр. 645—646.

въ этомъ произведеніи. Никогда не говоритъ онъ ничего лишняго, потому что это было бы противно условіямъ художественности, никогда не обезобразилъ онъ свои произведенія примѣсью сценъ и фигуръ, чуждыхъ идеѣ произведенія. Именно въ этомъ и состоитъ одно изъ главныхъ требованій художественности" *).

Все это показываетъ, что въ лицѣ Чернышевскаго критика 60-ыхъ годовъ хотя и отличалась, вообще говоря, преобладаніемъ разсудочности, но все-таки была чрезвычайно далека отъ той нелѣпой односторонности, въ которой ее уличали ея враги и которую не прочь навязать ей даже ея странный и непонятливый полу-другъ г. Скабичевскій **). Мы съ твердымъ убѣжденіемъ говоримъ, что Чернышевскій, ждавшій отъ Толстого въ будущемъ много великихъ произведеній, не написалъ бы о „Войнѣ и Мирѣ" такихъ дѣйствительно и непростительно односторонніхъ страницъ,—односторонніхъ до высокаго комизма, — какія вышли изъ-подъ пера г. Скабичевскаго. Иной читатель скажетъ намъ, можетъ быть, что это само собой понятно въ виду той „дистанціи", которая отдѣляетъ Чернышевскаго отъ г. Скабичевскаго. Мы спорить и прекословить не станемъ. Между ними въ самомъ дѣлѣ „дистанція огромнаго размѣра". Но, вѣдь, вообразилъ же г. Скабичевскій, что способенъ критиковать Чернышевскаго!

---

*) Тамъ же, стр. 647.

**) Надо замѣтить къ тому же, что Чернышевскій очень рѣшительно и даже ѣдко оспаривалъ при этомъ общественные взгляды гр. Л. Толстого. См. его рецензію о „Ясной Полянѣ", Соч. т. IX, стр. 117 и слѣд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ
И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Политическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая.

Утопическій соціализмъ.

Въ нашемъ предыдущемъ изложеніи мы уже не разъ замѣчали, что Чернышевскій въ своихъ общественныхъ взглядахъ стоялъ на точкѣ зрѣнія утопическаго соціализма. Теперь намъ нужно подробнѣе обосновать это замѣчаніе.

Въ философіи Чернышевскій былъ послѣдователемъ Фейербаха. Черезъ философію Фейербаха прошелъ также и Марксъ, который подвергъ ее коренной переработкѣ. Взгляды Маркса,—правда, въ тотъ періодъ ихъ развитія, когда они еще почти ничѣмъ не отличались отъ взглядовъ Фейербаха,—были отчасти извѣстны Бѣлинскому, которому, какъ это видно изъ его переписки, доставило огромное удовольствіе знакомство со знаменитыми теперь Deutsch-Französische Jahrbücher. Но вліяніе зарождавшагося марксизма на русскую читающую публику было тогда еще слишкомъ слабо для того, чтобы опредѣлить собой направленіе зарождавшейся русской соціалистической мысли. Она еще долго, къ сожалѣнію слишкомъ долго, не поддавалась рѣшительному вліянію трудовъ Маркса и Энгельса. При выработкѣ своихъ соціалистическихъ воззрѣній Чернышевскій совсѣмъ не принималъ въ разсчетъ научнаго соціализма, который уже въ концѣ 40-хъ годовъ игралъ значительную роль въ исторіи нѣмецкаго рабочаго движенія, а въ 60-хъ годахъ, — со времени основанія Международнаго Товарищества Рабочихъ,—сталъ мало-по-малу пріобрѣтать прочное вліяніе на весь европейскій пролетаріатъ. Во всѣхъ его сочиненіяхъ мы не находимъ рѣшительно ни одного указанія на какое-нибудь,

хотя бы самое отрывочное, его знакомство съ сочиненіями Маркса и Энгельса. Его мысль еще не вышла за предѣлы утопическаго соціализма, хотя въ этихъ предѣлахъ она обнаруживала огромную ясность, смѣлость и критическую силу.

Сказавъ это, мы спѣшимъ напомнить читателю то, что было сказано нами въ предисловіи, то есть, что эпитетъ: „утопическій", прилагаемый нами къ соціализму въ извѣстной фазѣ его развитія, совсѣмъ не имѣетъ у насъ смысла порицанія. Онъ просто на просто характеризуетъ подъ нашимъ перомъ ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на общественную жизнь соціализмъ въ первой фазѣ своего развитія. Эта точка зрѣнія стала неудовлетворительной съ тѣхъ поръ, какъ соціализмъ перешелъ, благодаря Марксу и Энгельсу, на точку зрѣнія науки. Но въ свое время утопическій соціализмъ оказалъ огромныя услуги дѣлу развитія общественной мысли: въ числѣ его представителей мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ по истинѣ геніальныхъ людей, и относиться къ нему съ пренебреженіемъ могутъ только самодовольные филистеры, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ развивается человѣческая мысль. Но той же самой причинѣ нелѣпо было обижаться на насъ,—какъ обидѣлись нѣкоторые, не по разуму усердные поклонники Чернышевскаго,—за то, что мы отнесли нашего великаго „просвѣтителя" къ числу утопистовъ. Утопистами были также Сэнъ-Симонъ, Фурье, Р. Оуэнъ, а мы смѣемъ думать, что находиться въ ихъ компаніи значитъ быть въ очень и очень хорошемъ обществѣ.

Въ своей книгѣ „Исторія русской общественной мысли" г. Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ, что утопическимъ соціалистомъ Чернышевскій не былъ никогда". *). Г. Ивановъ-Разумникъ подкрѣпляетъ это свое мнѣніе ссылками на 6-ю главу „Очерковъ Гоголевскаго періода русской литературы" и на библіографическую замѣтку Чернышевскаго объ извѣстной книгѣ Гакстгаузена. И онъ приходитъ къ тому выводу, что Чернышевскій считалъ утопическій соціализмъ, „пережившимъ самого себя", вслѣдствіе чего находилъ лишнимъ сражаться съ нимъ.

Разбирая книгу г. Иванова-Разумника, мы разобрали и этотъ его взглядъ **); однако здѣсь мы вынуждены вернуться къ нему.

Г. Ивановъ-Разумникъ не понимаетъ, что означаютъ слова: уто-

*) „Исторія русской общественной мысли". Т. II-й; изд. 2-е; стр. 8-я.

**) См. нашу статью „Идеологія мѣщанина нашего времени" въ іюльской книжкѣ „Современнаго міра" за 1908 годъ.

ническій соціализмъ. И это его непониманіе гармонически дополняется въ его книгѣ непониманіемъ того, что именно говорилъ объ утопическомъ соціализмѣ Чернышевскій.

Въ 6-ой главѣ „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“ Чернышевскій утверждаетъ, что въ то время, когда складывалось міросозерцаніе Огарева и Герцена, т. е. въ тридцатыхъ годахъ, во Франціи возникла новая наука (подчеркнутое нами выраженіе принадлежитъ самому Чернышевскому. Г. П.), положенія которой высказывались еще въ фантастическихъ формахъ, но на самомъ дѣлѣ скрывали въ себѣ „истины и глубокія и благодѣтельныя“. И онъ съ большою похвалою указываетъ на то, что Герценъ и Огаревъ обратили свое вниманіе на эти истины, не повѣривъ пристрастнымъ и поверхностнымъ отзывамъ экономистовъ, которые, не понявъ ихъ смысла, осмѣивали ихъ, какъ несбыточную утопію *). Уже отсюда ясно, что Чернышевскій считалъ отжившими только тѣ формы, въ которыя облекали свои мысли соціалисты-утописты. Содержаніе же этихъ мыслей не вызываетъ возраженій съ его стороны. Напротивъ, онъ считаетъ его „новой наукой“, и онъ не замѣчаетъ того коренного недостатка, которымъ отличались самыя глубокія изъ утопическихъ системъ и который мѣшалъ имъ, въ самомъ дѣлѣ, перейти на почву науки.

Такъ же неудачна ссылка г. Иванова-Разумника на замѣтку о книгѣ Гакстгаузена. Въ этой замѣткѣ Чернышевскій писалъ, что Гакстгаузенъ очень ошибся, вообразивъ, будто бы въ 1847 году, когда была издана его книга, еще находились во Франціи серьезные люди, державшіеся системы Сэнъ-Симона. Въ дѣйствительности, времена этой системы, „дѣйствительно мечтательной и неосуществимой, прошли за долго до 1847 года, и что въ этомъ году развѣ какая-нибудь невинная старая дѣвушка держалась во Франціи системы Сэнъ-Симона“ **).

Этотъ отзывъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Чернышевскій не былъ послѣдователемъ Сэнъ-Симона. Это такъ.

Но вѣдь утопическій соціализмъ еще не исчерпывается сэнъ-симонизмомъ. Отвергая сэнъ-симонизмъ, Чернышевскій могъ быть послѣдователемъ какой-нибудь другой, французской, англійской или нѣмецкой утопической системы. Наконецъ, отвергая всѣ существовавшія до него утопическія системы, онъ могъ придумать

*) Сочиненія, II, 194.
**) Сочиненія, III, 293.

свою собственную. Слѣдовательно, для понимающаго дѣло человѣка главный вопросъ заключается не въ томъ, одобрялъ или не одобрялъ Чернышевскій ученія того или иного соціалиста-утописта, а въ томъ, видѣлъ ли онъ коренную ошибку, свойственную всѣмъ безъ различія системамъ утопическаго соціализма. Но чтобы поставить вопросъ такимъ образомъ, нужно быть именно понимающимъ дѣло человѣкомъ, т. е. знать, въ чемъ же заключается слабая сторона утопическаго соціализма. Г. Ивановъ-Разумникъ этого не знаетъ. Не удивительно, что ничего, кромѣ путаницы, не вышло изъ его попытки дать намъ характеристику соціалистическихъ взглядовъ Чернышевскаго.

Отношеніе Чернышевскаго къ Сэнъ-Симону и сэнъ-симонизму лучше всего видно изъ его статьи „Процессъ Менильмонтанскаго семейства“ („Современникъ“, 1860 г., № 5-ый). Въ этой статьѣ Чернышевскій отзывается о Сэнъ-Симонѣ, какъ о человѣкѣ необыкновеннаго ума, рѣдкаго благородства и исполненнаго самаго глубокаго сочувствія къ народу *). Основной идеей, выкупающей всѣ ошибки и странности теоріи Сэнъ-Симона, онъ считаетъ слѣдующую, „простую и чистую“ идею: „для успокоенія общества необходимо наискорѣйшее возможное улучшеніе матеріальной и нравственной жизни многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса. Обязанность каждаго хорошаго гражданина, каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы посвятить всѣ силы этому дѣлу“. Главная же ошибка Сэнъ-Симона состояла, по мнѣнію Чернышевскаго, въ томъ, что онъ, составивъ себѣ неправильное понятіе объ исторической роли католицизма, въ идеяхъ котораго онъ былъ воспитанъ, плохо выяснилъ себѣ значеніе авторитета. „Авторитетъ существуетъ въ рутинѣ, т. е. въ дѣлахъ, въ которыхъ не участвуетъ разсудокъ,—говоритъ Чернышевскій,—разсудокъ знаетъ факты, убѣждается доказательствами, но ничего не принимаетъ по авторитету. Въ человѣческихъ дѣйствіяхъ часто можетъ не бывать смысла, но если они совершаются съ участіемъ смысла, они бываютъ результатомъ собственнаго самостоятельнаго соображенія обстоятельствъ и доказательствъ, а не внушеніемъ авторитетовъ. Думать иначе, вѣрить въ возможность авторитета, которому свободно подчинялся бы развитый разумъ, могъ только энтузіастъ, экзальтированный фальшивыми разсказами о прежней благотворительности папизма“ **). Но какъ ни

*) Сочиненія, VI, 128.
**) Тамъ же, 134.

велика эта ошибка Сэнъ-Симона, Чернышевскій не считаетъ позволительнымъ насмѣхаться надъ его наивностью; онъ думаетъ, что серьезный человѣкъ не долженъ останавливаться на частныхъ промахахъ Сэнъ-Симона, а скорѣе обратить вниманіе на его правильную основную идею.

Что касается сэнъ-симонистовъ, то нашъ авторъ приводитъ слѣдующія „три формулы", въ которыхъ они выражали результаты своихъ историческихъ изслѣдованій.

„Человѣчество идетъ къ учрежденію всеобщей ассоціаціи, основанной на любви. Оно идетъ къ тому, чтобы каждый получалъ по своей способности, а каждая способность по своимъ дѣламъ. Оно идетъ къ организаціи промышленности *).

Чернышевскій думаетъ, что въ этихъ формулахъ основная мысль сэнъ-симонизма выражается не вполнѣ удачно, и онъ такъ критикуетъ ихъ.

Человѣчество, дѣйствительно, идетъ къ замѣнѣ товариществомъ или союзомъ той вражды, которая принимаетъ въ промышленности видъ конкурренціи. Но не любовь ляжетъ въ основу такого союза, а выгода, разсчетъ: „Любовь только въ рѣдкія минуты, и только въ немногихъ, особенно способныхъ къ экзальтаціи, людяхъ беретъ верхъ надъ расчетомъ, да и то можетъ побѣждать его только въ одномъ, въ двухъ отдѣльныхъ фактахъ, а общій характеръ дѣйствій все таки остается подъ властью расчета или рутины, обычая, т. е. того же расчета, только сдѣланнаго не лично нами, а цѣлымъ обществомъ и сдѣланнаго не въ эту минуту, а давнымъ - давно и усвоившагося намъ по воспитанію **). Сэнъ-симонисты, которые, подобно своему учителю, сами были энтузіастами, думали, что и надъ всѣми людьми энтузіазмъ можетъ имѣть такую же власть, какую онъ имѣлъ надъ ними.

Ослѣпленные энтузіазмомъ, они не замѣтили и того, что ихъ вторая формула крайне односторонняя. Они хотѣли, чтобы каждый человѣкъ пользовался житейскими благами сообразно своимъ способностямъ. Это несправедливо. Въ такомъ случаѣ Ньютонъ долженъ былъ бы получить сотни милліоновъ, а какой - нибудь учитель ариѳметики въ приходской школѣ, имѣющій лишь самыя ограниченныя дарованія, долженъ оставаться нищимъ. „А что же будетъ,—спрашиваетъ Чернышевскій,—съ большинствомъ людей

*) Тамъ же, 137.

**) Тамъ же, таже стр.

всякаго сословія, въ которыхъ не обнаруживается способности ни къ чему кромѣ механическаго исполненія рутины, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ умственныхъ правъ? *). Но это еще не все. Такъ какъ у сэнъ-симонистовъ каждая способность получаетъ по своимъ дѣламъ, то Чернышевскій спрашиваетъ кромѣ того, что же было бы при осуществленіи ихъ плановъ съ больными или вообще такъ или иначе лишенными способности къ труду. Въ противоположность сэнъ-симонистамъ, онъ выставляетъ другой принципъ, говоря: „Если общество располагаетъ такими средствами, что за достаточнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ законныхъ потребностей каждаго человѣка остается у него излишекъ, пусть оно распредѣляетъ этотъ излишекъ на какомъ ему угодно основаніи: раздаетъ ли его по способностямъ, или по результатамъ дѣятельности, или, можетъ быть, по другимъ расчетамъ, болѣе выгоднымъ для общественнаго благосостоянія; но прежде всего каждый человѣкъ имѣетъ право на удовлетвореніе своихъ человѣческихъ потребностей; общество только потому и существуетъ, что предполагается надобность его для обезпеченія каждому изъ его членовъ полнѣйшаго удовлетворенія человѣческихъ нуждъ **).

Не удовлетворяетъ его и третья формула сэнъ-симонистовъ— организація промышленности. Такая организація, по его мнѣнію, необходима и даже неизбѣжна. Весь вопросъ въ томъ, какъ прійти къ ней и какъ ее поддерживать. Сэнъ-симонисты хотѣли дѣйствовать авторитетомъ. Они думали, что люди, облеченные властью, будутъ стоять выше всякихъ правилъ, подобно тому, какъ воля папы была, по ихъ мнѣнію, верховнымъ закономъ для католиковъ въ Средніе Вѣка. Послѣ того, что сказано имъ о Сэнъ-Симонѣ, Чернышевскій не считаетъ нужнымъ дѣлать какія бы то ни было новыя замѣчанія объ этой „очевидной нелѣпости“ ***).

Далѣе въ его статьѣ идетъ разсказъ о томъ, до какихъ странныхъ и подчасъ смѣшныхъ поступковъ доходили сэнъ-симонисты въ своей крайней экзальтаціи. Онъ называетъ ихъ салонными героями, подвергшимися припадку филантропизма. Но, произнося надъ ними этотъ суровый приговоръ, онъ оговаривается. Сэнъ-симонистское движеніе было первымъ проявленіемъ мысли о преобразованіи общества, и это первое ея проявленіе имѣетъ большую исто-

*) Тамъ же. 38.
**) Тамъ же, та же стр.
***) Тамъ же, 138—139.

рическую важность. Оно показываетъ, что пора уже обществу заняться тѣми реформаторскими идеями, которыя на первый разъ явились въ неудовлетворительной формѣ сэнъ-симонизма.

Въ заключеніе Чернышевскій говоритъ о реформаторскихъ идеяхъ: „Скоро мы увидимъ, что онѣ стали проявляться въ формахъ болѣе разсудительныхъ и доходить до людей, у которыхъ бываютъ уже не восторженною забавою, а дѣломъ собственной надобности, а когда станетъ разсудительно заботиться о своемъ благосостояніи тотъ классъ, съ которымъ хотѣли играть кукольную комедію сэнъ-симонисты, тогда, вѣроятно, будетъ лучше ему жить на свѣтѣ, чѣмъ теперь“ *). Это—въ высшей степени важное замѣчаніе. Оно показываетъ, что въ своихъ разсужденіяхъ о будущности западно-европейскаго соціализма, Чернышевскій очень близко подошелъ къ теоріи борьбы классовъ. Однако, мы уже знаемъ, какую роль играла эта теорія въ его историческихъ взглядахъ. Иногда она помогала ему очень удачно объяснять нѣкоторыя отдѣльныя историческія явленія; но онъ смотрѣлъ на нее скорѣй, какъ на весьма важное препятствіе для прогресса, нежели на необходимое его условіе въ обществѣ, раздѣленномъ на классы. Читатель помнитъ, что въ слабомъ развитіи классовой борьбы въ Испаніи Чернышевскій видѣлъ одно изъ ручательствъ за прогрессивное развитіе этой страны въ будущемъ. Въ своихъ разсужденіяхъ о французскихъ событіяхъ 1848 года, равно какъ и въ только что приведенныхъ нами строкахъ, онъ какъ будто склоняется къ той мысли, что освободительное движеніе пролетаріата дѣлается теперь главнымъ двигателемъ общественнаго прогресса въ Западной Европѣ. Но эта мысль остается у него однимъ изъ тѣхъ зачатковъ матеріалистическаго объясненія исторіи, на которые мы не разъ обращали вниманіе читателя, говоря объ историческихъ взглядахъ нашего автора. Въ томъ же году, въ какомъ появилась статья „Процессъ Менильмонтанскаго семейства“, Чернышевскій, въ хорошо знакомой намъ статьѣ „Антропологическій принципъ въ философіи“, такъ формулировалъ свой взглядъ на трудящіеся классы западно-европейскаго общества:

„Благодаря своей здоровой натурѣ, своей суровой житейской опытности, западно-европейскій простолюдинъ въ сущности понимаетъ вещи несравненно лучше, вѣрнѣе и глубже, чѣмъ люди болѣе счастливыхъ классовъ. Но до него не дошли еще тѣ на-

*) Тамъ же, 150.

учныя понятія, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его положенію, наклонностямъ, потребностямъ и сообразны съ нынѣшнимъ положеніемъ знаній. При незнакомствѣ съ этими понятіями онъ принужденъ учиться по книгамъ или положительно дурнымъ, или устарѣлымъ, оставаться подъ вліяніемъ ошибочныхъ мнѣній, господствующихъ въ такъ называемой образованной публикѣ, въ которой достигаетъ господства только то, что уже отжило свое время въ наукѣ, принужденъ истощать свои силы на борьбу съ предразсудками, уже разоблаченными истинно-современной наукой, еще не дошедшей до него, или подчиняться этимъ предразсудкамъ, переходить отъ гнѣва на нихъ къ покорности имъ, вмѣсто того чтобы холодно отстранить ихъ, какъ разоблаченную ложь, которая стала бы для него неопасна, какъ скоро онъ понялъ бы, что она чистѣйшій вздоръ" *).

О какихъ „простолюдинахъ"—говоритъ здѣсь Чернышевскій? Имѣетъ ли онъ въ виду крестьянъ, мелкихъ независимыхъ ремесленниковъ, или же пролетаріевъ въ собственномъ смыслѣ слова? Онъ говоритъ и о тѣхъ, и о другихъ, и о третьихъ. Онъ говоритъ о всѣхъ вообще, не дѣлая никакого различія между различными классами трудящагося населенія. И это потому, что зачатки матеріалистическаго объясненія исторіи остаются у него зачатками, и онъ продолжаетъ, въ цѣломъ, смотрѣть на исторію съ той точки зрѣнія, которая характеризуется словами: „міромъ правятъ мнѣнія". Отсталость европейскаго „простолюдина" объясняется у него тѣмъ, что до народа не дошли еще извѣстныя научныя понятія. Когда они дойдутъ до него; когда „простолюдины" ознакомятся съ философскими воззрѣніями, „соотвѣтствующими ихъ потребностямъ", тогда уже не далеко будетъ торжество новыхъ началъ въ общественной жизни Запада. **) Чернышевскій не ставитъ себѣ вопроса о томъ, существуютъ ли въ этой жизни такія явленія, которыя могли бы послужить объективнымъ ручательствомъ за то, что до „простолюдина" въ самомъ дѣлѣ дойдутъ, наконецъ, новыя философскія идеи. Ему нѣтъ надобности въ такомъ ручательствѣ, потому что совершенно достаточнымъ залогомъ торжества новыхъ началъ является въ его глазахъ сама природа этихъ началъ, а также и природа человѣка. Въ мартовской книгѣ „Современника" за 1861 годъ напечатана рецензія

*) Тамъ же, 193.
**) Тамъ же, 205—206.

на книгу Бруно Гильдебранда „Политическая экономія настоящаго и будущаго“. Въ этой рецензіи говорится: „То, что истинно человѣчно, истинно разумно, найдетъ себѣ симпатію во всѣхъ народахъ... Разумъ одинъ и тотъ же подъ всѣми широтами и долготами, у всѣхъ чернокожихъ и свѣтлорусыхъ людей. Конечно, въ американскихъ степяхъ живутъ другіе люди, чѣмъ въ русскихъ деревняхъ, и на Сандвичевыхъ островахъ обитаютъ господа, непохожіе на англійскихъ джентльменовъ; но вѣдь и русскому мужику и дикарю такъ же, какъ и высокопочтенному римскому кардиналу, хочется, думаемъ мы, ѣсть, а затѣмъ, чтобы ѣсть, хочется что нибудь имѣть. Стремленіе къ улучшенію своего положенія составляетъ существенное свойство всего человѣчества. Если бы новыя теоріи были противны природѣ человѣка, онѣ и не пошли бы дальше той страны и тѣхъ людей, которымъ угодно было выдумать ихъ, не стремились бы къ нимъ всѣ народы образованнаго міра“.

Когда мы писали свою первую статью о Чернышевскомъ осенью 1889 года, мы цитировали эту рецензію, какъ, несомнѣнно, ему принадлежащую, но мы не находимъ ея въ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ М. И. Чернышевскимъ. Можно предположить, конечно, что она не вошла туда просто по какой-нибудь случайности. Но мы охотно признаемъ болѣе вѣроятнымъ, что мы ошиблись, приписавъ рецензію, о которой идетъ рѣчь, Н. Г. Чернышевскому. Тѣмъ не менѣе выраженная въ ней мысль не перестаетъ быть очень характерной для тогдашнихъ взглядовъ „Современника“, между сотрудниками котораго Чернышевскій игралъ такую блестящую и такую вліятельную роль. Притомъ рецензія en question только повторяетъ въ болѣе яркой формѣ то, что сказано насчетъ безусловной общедоступности разъ завоеванной истины въ рецензіи на книгу Новицкаго, цитированной нами выше и вошедшей въ 6-й томъ полнаго собранія сочиненій Чернышевскаго.

Мы предполагаемъ, что въ 60-хъ годахъ, когда Чернышевскій уже обладалъ репутаціей чрезвычайно выдающагося экономиста, всякая такая статья, которая противорѣчила бы его экономическимъ и соціальнымъ взглядамъ, могла бы быть напечатана въ „Современникѣ“ развѣ только съ критическими примѣчаніями отъ редакціи. Поэтому мы процитируемъ еще другую статью, тоже, какъ видно, не принадлежащую Чернышевскому, но очень характерную для взгляда на соціальный вопросъ кружка „Современника“ вообще, а, слѣдовательно, и для Чернышевскаго въ частно-

сти. Статья эта напечатана въ майской книжкѣ названнаго журнала за 1861 годъ, въ отдѣлѣ иностранной литературы.

Въ началѣ ея высказываются очень дѣльныя замѣчанія о томъ, что пролетаріатъ представляетъ собою явленіе, свойственное исключительно новой исторіи. „Только въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ явился,—говоритъ авторъ, — на Западѣ Европы въ видѣ сознательнаго, самостоятельнаго цѣлаго. До XIX столѣтія бѣдныхъ, нуждавшихся въ общей помощи, было, можетъ быть, больше чѣмъ теперь, но о пролетаріатѣ не было рѣчи. Онъ плодъ новой исторіи". Далѣе авторъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе о томъ, что женскій промышленный трудъ послужитъ залогомъ семейнаго освобожденія женщины. Читая это, можно подумать, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, вполнѣ стоящимъ на точкѣ зрѣнія современнаго научнаго соціализма. Но какъ только рѣчь заходитъ о практическихъ способахъ улучшенія участи пролетаріата, тотчасъ становится очевиднымъ, что это совсѣмъ не такъ. Именно, говоря о ліонскихъ ткачахъ шелковыхъ издѣлій, авторъ видитъ спасеніе ихъ въ „децентрализаціи производства", въ заведеніи мастерскихъ внѣ города, въ соединеніи ткацкаго труда съ сельскимъ хозяйствомъ. По мнѣнію автора, соединеніе занятій ткацкимъ ремесломъ съ сельскимъ хозяйствомъ сильно увеличитъ благосостояніе рабочаго. Другой источникъ возможнаго увеличенія благосостоянія ткачей видитъ онъ въ дешевизнѣ сырыхъ припасовъ въ деревняхъ. Вотъ подлинныя слова его. „Для ліонскаго рабочаго начало освобожденія его отъ хозяина заключается въ устройствѣ своей собственной мастерской внѣ города. Но какъ завести ее? На чьи деньги? На хозяевъ и на фабрикантовъ можно надѣяться въ видѣ исключенія, и вотъ почему нужно искать поддержки въ правительствѣ, его деньгахъ. Только при кредитѣ, открытомъ правительствомъ ліонскому пролетарію, онъ освободится отъ эксплоатаціи его труда капиталистомъ и получитъ возможность встать на свои ноги". Авторъ опасается, однако, что рабочіе не захотятъ переселиться въ деревни. „Городская жизнь для многихъ изъ нихъ представляетъ пріятныя особенности, которыхъ они не найдутъ въ сельской жизни... Но это зло переходное. Нельзя ожидать, разумѣется, чтобы всѣ рабочіе сразу переселились изъ Ліона въ его окрестности, но и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы польза такого переселенія не входила все болѣе и болѣе въ общее сознаніе рабочихъ. Нѣсколько удачныхъ примѣровъ, и рабочій увидитъ выходъ изъ своего настоящаго печальнаго положенія. Для начала

будетъ достаточно, если образуются маленькія хозяйства и мастерскія отдѣльныхъ семействъ, а тамъ уже не труденъ переходъ къ товариществу и къ устройству на общій счетъ фабрикъ съ механическими двигателями".

Мы совсѣмъ не удивились бы, если бы встрѣтили подобный планъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" того времени, когда г. В. В. излагалъ въ нихъ, съ благословенія Н. Михайловскаго, свои соображенія насчетъ „судебъ капитализма въ Россіи". Но въ журналѣ Н. Г. Чернышевскаго онъ производитъ неожиданное и,— надо говорить правду, — даже тяжелое впечатлѣніе. Видно, что человѣку, придумавшему такой планъ, равно какъ и людямъ, отъ которыхъ зависѣло напечатать или не напечатать его въ „Современникѣ", совсѣмъ еще не ясно было, отъ наличности какихъ политическихъ условій зависитъ возможность экономическаго освобожденія пролетаріата. Автору плана кажется, что экономическое освобожденіе ліонскихъ ткачей могло бы совершиться по почину правительства Наполеона Ш. Авторъ плана и одобрившіе этотъ планъ соредакторы „Современника" какъ будто еще не знали, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса. А если и извѣстна имъ была эта истина, то она получила у нихъ такое истолкованіе, съ какимъ совершенно нельзя согласиться въ настоящее время.

Впрочемъ, это не удивительно. Тѣ года, въ теченіе которыхъ складывалось міросозерцаніе Чернышевскаго, относятся къ тому мрачному періоду исторіи Европы, когда пролетаріатъ, подавленный послѣ 1848—49 гг., не подавалъ никакихъ признаковъ сознательной жизни *). Поэтому у Чернышевскаго и не могло быть высокаго мнѣнія о способности этого класса къ политической инициативѣ. А вѣдь на пролетаріатъ онъ все-таки смотрѣлъ, какъ на самый передовой слой въ массѣ „простолюдиновъ". Мы уже знаемъ, что о крестьянахъ всей Европы онъ отзывался, какъ о настоящихъ варварахъ. И отъ этого своего взгляда онъ, насколько мы знаемъ, не отказался до самаго конца своей жизни. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что онъ твердо держался его въ шестидесятыхъ годахъ. Это видно, между прочимъ, изъ его статьи „Іюльская монархія" („Современникъ", 1860 г. кн. 1 и 2-я).

Чернышевскій тамъ обращается къ тѣмъ „лучшимъ людямъ", которые, увидѣвъ, что введеніемъ всеобщаго избирательнаго права

*) Напоминаемъ читателю, что Чернышевскій родился въ 1829 году.

во Франціи воспользовались реакціонеры и обскуранты, перестали придавать ему значеніе. Онъ успокаиваетъ ихъ не тѣмъ соображеніемъ, что реакціонеры и обскуранты могли воспользоваться результатомъ всеобщаго избирательнаго права только послѣ избіенія іюньскихъ инсургентовъ. Онъ не говоритъ имъ, что всеобщее избирательное право безусловно необходимо для политическаго самовоспитанія рабочаго класса. Онъ просто указываетъ на неразвитость „поселянъ“. Прямой результатъ декрета (вводившаго названное право во Франціи), говоритъ онъ, противорѣчилъ ожиданіямъ всѣхъ честныхъ французовъ. Но что же изъ этого? Развѣ все таки не послужилъ этотъ фактъ на нѣкоторую пользу французскому обществу? Теперь увидѣли, что невѣжество поселянъ губитъ Францію. Пока не имѣли они голоса, никому не было заботы объ этой страшной бѣдѣ. Никто не замѣчалъ, что въ основѣ всѣхъ событій французской исторіи всегда лежало невѣжество поселянъ. Болѣзнь была тайная и оставшаяся безъ леченія; но все-таки она изнуряла весь организмъ. Когда поселяне явились на выборы, тогда замѣчено было, наконецъ, въ чемъ сущность дѣла. Увидѣли, что ничего истинно полезнаго не можетъ быть осуществлено во Франціи, пока честные люди не займутся воспитаніемъ поселянъ. Теперь это дѣлается, и усилія все же не остаются совершенно безплодными. Раньше или позже поселяне станутъ разсудительнѣе, и тогда прогрессъ для Франціи станетъ легче. Успокоимся же: хотя бы всеобщее избирательство и не удержалось при возстановленіи законныхъ учрежденій во Франціи, хотя бы горькіе плоды, принесенные декретомъ о немъ, и заставили общественное мнѣніе на время отвергнуть всеобщее избирательство, все-таки декретъ о немъ при великомъ прямомъ вредѣ, принесъ косвеннымъ образомъ несравненно большую пользу *).

Мы видимъ: вся надежда Чернышевскаго возлагается на „лучшихъ людей“, которые займутся воспитаніемъ поселянъ, вслѣдствіе чего „прогрессъ для Франціи станетъ легче“. Это опять тотъ чисто идеалистическій взглядъ, въ силу котораго интеллигенція является какъ бы Деміургомъ исторіи, и который, не помѣшавъ нашему автору подмѣтить нѣкоторыя слабыя стороны ученія Сэнъ-Симона и сэнъ-симонистовъ, не далъ ему, однако, возможности обнаружить коренной недостатокъ этого ученія, свойственный ему

*) Сочиненіе, VI, 182.

вмѣстѣ со всѣми другими утопическими системами и состоявшій въ томъ, что данный идеалъ общественнаго устройства разсматривался съ точки зрѣнія его желательности для данной группы интеллигенціи, а не съ точки зрѣнія отношенія его къ объективному ходу общественнаго развитія и не съ точки зрѣнія народной самодѣятельности, въ большей или меньшей степени поощряемой этимъ развитіемъ. Критикуя идеалъ сэнъ-симонистовъ, Чернышевскій не спрашиваетъ себя о томъ, обезпечивается ли осуществленіе этого идеала объективнымъ ходомъ общественнаго развитія. Его интересъ ограничивается разсмотрѣніемъ того, насколько хорошъ этотъ идеалъ самъ по себѣ, насколько онъ удовлетворителенъ съ точки зрѣнія понятія (данной группы интеллигенціи) объ общественной пользѣ, справедливости и т. д. Эта черта свойственна ему со всѣми соціалистами-утопистами. И,—повторяемъ, — при обстоятельствахъ его времени эта черта его критическихъ пріемовъ являлась совершенно неизбѣжной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, посмотрите, напримѣръ, какъ характеризуетъ онъ положеніе дѣлъ въ современной ему Западной Европѣ. „Масса народа и въ Западной Европѣ еще погрязаетъ въ невѣжествѣ и нищетѣ; поэтому она еще не принимаетъ разумнаго и постояннаго участія ни въ успѣхахъ, дѣлаемыхъ жизнью достаточнаго класса людей, ни въ умственныхъ его интересахъ. Не опираясь на неизмѣнное сочувствіе народной массы, зажиточный и развитой классъ населенія, поставленный между страхомъ вулканическихъ силъ ея и происками интригановъ, пользующихся рутиною и невѣжествомъ, предается своекорыстнымъ стремленіямъ, по невозможности осуществить свой идеалъ, или бросается въ излишества всякаго рода, чтобы заглушить свою тоску. Многіе изъ лучшихъ людей въ Европѣ до того опечалены этимъ зломъ, что отказываются отъ всякихъ надеждъ на будущее". Самъ Чернышевскій, конечно, не принадлежалъ къ лучшимъ людямъ этого разряда: онъ совсѣмъ не отказывался отъ всякихъ надеждъ на будущее. Но довольно естественно было то обстоятельство, что онъ пріурочивалъ всѣ свои упованія къ другому разряду лучшихъ людей, къ тому разряду, который, сохранивъ вѣру въ лучшее будущее, занимался разработкою „новой науки" и посильнымъ распространеніемъ ея выводовъ въ массѣ. Вся сила людей этого разряда заключалась въ силѣ отвлеченной истины, въ правильности тѣхъ или другихъ предлагавшихся ими „формулъ". Поэтому вниманіе Чернышевскаго и сосредоточивалось на критикѣ этихъ по-

слѣднихъ, какъ это ясно показываетъ сдѣланный имъ разборъ ученія Сенъ-Симона и сэнъ-симонистовъ.

Когда Чернышевскій защищалъ русскую общину, то въ числѣ выгодныхъ сторонъ этой формы землевладѣнія онъ указывалъ на то, что она спасаетъ насъ отъ „болѣзни проталеріатства“ *). Подобное указаніе могло быть сдѣлано только такимъ человѣкомъ, который видѣлъ въ „пролетаріатствѣ“ только болѣзнь и еще не научился смотрѣть на него, какъ на источникъ самаго великаго изо всѣхъ историческихъ движеній, какія только знаетъ исторія. Очень возможно, правда, что когда онъ заговаривалъ объ этой болѣзни, то ему вспоминались иногда мнѣнія реакціонеровъ вродѣ Тенгоборскаго или барона Гакстгаузена, тоже опасавшихся „пролетаріатства“, но опасавшихся его главнымъ образомъ потому, что онъ дѣлаетъ непрочнымъ дорогой имъ старый порядокъ. И, можетъ быть, ему приходили подчасъ сомнѣнія на счетъ тѣхъ выгодъ, которыя будто бы приносило съ собою отсутствіе у насъ названной болѣзни. Намъ кажется вѣроятнымъ, что именно, на подобныя сомнѣнія отвѣчалъ онъ самому себѣ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Землевладѣльческій классъ, хотя и всегда пользовался у насъ землею по общинному порядку, не всегда являлся въ русской исторіи съ тѣмъ неподвижнымъ характеромъ, какой воображаетъ видѣть въ немъ Тенгоборскій, слишкомъ довѣрившись общей обычной фразѣ о неподвижности, свойственной землевладѣльцу въ Западной Европѣ, и примѣнивъ эту бездоказательную фразу къ русскому поселянину. Намъ здѣсь нѣтъ нужны толковать, каковъ характеръ западно-европейскаго поселянина. Напомнимъ только о томъ, что казаки были большей частью изъ поселянъ и что съ начала XVII вѣка почти всѣ драматическіе эпизоды въ исторіи русскаго народа были совершены энергіей земледѣльческаго населенія“. Здѣсь крестьянскія войны ставятся по своему значенію на одну доску съ движеніями новѣйшаго пролетаріата—смѣшеніе совершенно невозможное для настоящаго времени. И кто же не видитъ теперь, что историческая роль казачества не имѣетъ ничего общаго съ историческою ролью рабочаго класса.

---

*) Сочиненія, III, 151 (Статья, изъ которой мы дѣламъ эту выписку, относится къ 1857 году).

Глава вторая.

Утопическій соціализмъ. (Продолженіе).

Чернышевскій смотритъ на вопросъ о соціализмѣ, какъ и на всѣ другіе общіе вопросы историческаго развитія, съ точки зрѣнія идеализма. И это идеалистическое отношеніе къ важнѣйшимъ историческимъ явленіямъ свойственно было соціализму всѣхъ странъ въ утопическій періодъ его развитія. Эта черта утопическаго соціализма имѣетъ такую огромную важность, что на ней необходимо остановиться, не опасаясь нѣкоторыхъ, вполнѣ возможныхъ въ этомъ случаѣ, повтореній.

Главнымъ признакомъ научнаго отношенія къ явленіямъ природы и общественной жизни служитъ понятіе о законосообразности этихъ явленій. Исторія мысли показываетъ, что понятіе о законосообразности явленій природы усваивается людьми раньше и легче, чѣмъ понятіе о законосообразности общественныхъ явленій. Просвѣтители 18 вѣка вполнѣ усвоили себѣ первое изъ этихъ понятій. Оно лежало въ основѣ всего ихъ міросозерцанія, было главнымъ доводомъ въ ихъ спорахъ съ людьми стараго образа мыслей. Но достаточно припомнить историческіе взгляды огромнаго большинства просвѣтителей, чтобы видѣть, какъ далеки они были отъ правильнаго понятія о законосообразности общественнаго развитія. Общественная дѣятельность человѣка казалась имъ областью свободнаго выбора, областью рѣшеній, основанныхъ на приговорѣ разсудка, который подчиняется лишь законамъ формальной логики. Если въ теченіе всей исторіи человѣчество жило въ бѣдности и угнетеніи, то это происходило оттого, что оно, по своему невѣжеству, не знало, какъ должны быть устроены нормальныя общественныя отношенія. Исторія оказывалась, такимъ образомъ, простой ошибкой разсудка. Мы уже знаемъ, что буржуазные экономисты,—частью сами принадлежавшіе къ числу просвѣтителей, частью унаслѣдовавшіе ихъ взгляды на исторію,—точно такъ же смотрѣли на экономическую жизнь человѣчества: люди жили прежде при ненормальныхъ экономическихъ условіяхъ, потому что не имѣли правильнаго понятія объ естественныхъ законахъ народнаго хо-

зяйства. И точно тотъ же взглядъ на происхожденіе общественныхъ отношеній встрѣчаемъ мы у соціалистовъ первой половины нашего вѣка. Считая буржуазный строй несправедливымъ и неразумнымъ, они объясняли себѣ его историческое возникновеніе промахомъ мысли, ошибочнымъ разсчетомъ человѣчества. На вопросъ:—почему ошибалось человѣчество?—у нихъ всегда былъ готовъ отвѣтъ: по своему невѣжеству, простому или ученому. Вопросъ же о томъ, почему оно ошибалось именно въ эту, а не въ какую-нибудь другую сторону?—или вовсе не приходилъ въ голову соціалистамъ, или рѣшался ими съ помощью ссылокъ на разнаго рода историческія случайности.

Такова была ихъ точка зрѣнія на общественную жизнь. Они твердо держались ея, хотя въ ихъ теоріяхъ было уже много элементовъ правильнаго, научнаго объясненія историческаго движенія человѣчества. Эти элементы не сложились еще въ стройную систему и потому сами являлись чѣмъ-то отрывочнымъ и случайнымъ въ міросозерцаніи соціалистовъ. Такъ, напримѣръ, Фурье говорилъ, что человѣчество необходимо должно было пройти извѣстные фазисы въ своемъ экономическомъ развитіи. (По Фурье ихъ было четыре: дикое состояніе, варварство, патріархатъ и цивилизація. Слѣдующіе періоды будутъ различными степенями примѣненія принципа ассоціаціи). А между тѣмъ, посмотрите, до какой степени случайнымъ кажется Фурье происхожденіе его собственной соціальной теоріи. „Мнѣ возразятъ, пишетъ онъ:—итакъ, всѣ и каждый ошибались до сихъ поръ, а вы одинъ знаете больше, чѣмъ всѣ ученые всѣхъ вѣковъ? Всѣ и каждый ошибались! А почему бы и нѣтъ? Развѣ это было бы въ первый разъ? И развѣ не то же возражали Колумбу и всѣмъ изобрѣтателямъ, которые, однако, доказали, что дѣйствительно всѣ ошибались до нихъ. „Всѣмъ и каждому“ свойственно было ошибаться въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій относительно такихъ простыхъ и необходимыхъ вещей, какъ напримѣръ, стремя. Кажется, всякому легко было сдѣлать это столь простое и вмѣстѣ съ тѣмъ столь драгоцѣнное изобрѣтеніе, и, однако, его забывали, на счетъ его ошибались вплоть до XII вѣка. Одного этого примѣра было бы довольно, чтобы показать, что „всѣ и каждый“ могутъ быть глупы и слѣпы, какъ относительно мелочей, такъ и относительно великихъ вещей. Но еще убѣдительнѣе показываетъ это примѣръ ассоціаціи. Если бы ея принципа не сумѣли открыть, не смотря на усердныя изслѣдованія, то одно это обстоятельство свидѣтельствовало

бы уже о человѣческой неловкости, потому что къ открытію этого принципа можно было придти, какъ я показалъ, шестнадцатью различными путями. Но что сказать объ ослѣпленіи людей, когда никто изъ нихъ даже не подумалъ выступить на одинъ изъ этихъ путей, никто не позаботился объ открытіи принципа, отъ котораго зависѣло ихъ счастье?... Нечего удивляться тому, что „всѣ и каждый“ ошибались относительно судебъ общества... Не будучи геніемъ, легко можно знать больше, чѣмъ „всѣ и каждый“, въ особенности въ областяхъ знаніи, въ родѣ той, къ которой относится ассоціація и которой никогда не занимались. Въ этой области всякій, кто вздумаетъ, наконецъ, взяться за изслѣдованія, находится въ положеніи первыхъ европейцевъ, пріѣхавшихъ въ Перу: онъ легко откроетъ золотыя розсыпи“. Далѣе Фурье разсказываетъ, какъ въ 1799 году въ Лондонѣ одному заѣхавшему туда изъ Египта негру удалось объѣздить дикую лошадь, приводившую въ отчаяніе лучшихъ наѣздниковъ Англіи, и говоритъ, что этотъ случай является какъ бы эмблемою того положенія, въ которомъ оказались патентованные ученые послѣ его открытія. „Природная способность можетъ превзойти всѣ ухищренія науки,—прибавляетъ онъ,—и привести вовсе неученаго человѣка къ драгоцѣнному открытію, ускользавшему до тѣхъ поръ отъ опытнаго глаза ученыхъ. Природа распредѣляетъ какъ попало изобрѣтательный геній, научные и художественные инстинкты. Неудивительно потому, что въ средѣ темныхъ людей нашелся человѣкъ, обладающій способностью къ открытіямъ въ соціальной механикѣ“ *).

Правда, по наивному признанію Фурье, эти „фамильярныя наставленія“ предназначались для того, чтобы вызвать довѣріе къ нему въ „благожелательныхъ читателяхъ“, непосвященныхъ въ науки. Поэтому можно было бы подумать, что онъ умышленно изображаетъ здѣсь дѣло въ слишкомъ ужъ простомъ видѣ. Но это не такъ. Хотя въ своихъ „фамильярныхъ наставленіяхъ“ Фурье и приспособляетъ свое изложеніе къ умственному уровню необразованныхъ читателей, но онъ высказываетъ въ нихъ тотъ самый взглядъ, какого онъ всегда держался. Его открытія всегда казались ему дѣломъ случая, независимымъ отъ опредѣленныхъ историческихъ условій. Ему было непонятно, почему люди не пришли къ такимъ открытіямъ многими вѣками раньше. Это

*) Oeuvres complètes de Ch. Fourier, † 4. Théorie de l'unité universelle. I edition p.p. 3-4-5.

обстоятельство онъ объясняетъ, какъ мы видѣли, просто ослѣпленіемъ людей. Не легко согласить подобный взглядъ съ вышеупомянутымъ ученіемъ Фурье о различныхъ фазисахъ историческаго движенія человѣчества. Но разсудокъ обладаетъ удивительною способностью устанавливать прочный и продолжительный миръ между самыми непримиримыми понятіями. „Если люди такъ долго упорствовали въ своемъ восхищеніи передъ цивилизаціей,—говоритъ Фурье,—то это было потому, что никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона и не сдѣлалъ критическаго анализа пороковъ каждой профессіи и недостатковъ каждаго учрежденія“ *). Здѣсь долгое пребываніе человѣчества въ фазисѣ цивилизаціи выставляется простымъ слѣдствіемъ его недогадливости и какъ бы наказаніемъ за нее. Такимъ же слѣдствіемъ случайныхъ промаховъ и ошибокъ мысли могло представиться Фурье и все историческое скитаніе человѣчества по различнымъ фазисамъ развитія. Скитаніе это стало неизбѣжнымъ лишь благодаря недогадливости людей, какъ сорокалѣтнее скитаніе въ пустынѣ стало обязательнымъ для сыновъ Израиля лишь потому, что они согрѣшили. Исторія приняла бы совершенно другой и гораздо болѣе отрадный видъ, если бы люди догадались взяться за изученіе принципа ассоціаціи нѣсколькими столѣтіями раньше. Имъ очень легко было сдѣлать это, но случилось такъ, что они этого не сдѣлали, а потому исторія и пошла извѣстной намъ дорогой. Такъ или приблизительно такъ соглашались въ міросозерцаніи Фурье зачатки научной философіи исторіи съ понятіемъ о случайности.

Цивилизованное человѣчество держится за существующія общественныя учрежденія лишь потому, что никто не потрудился показать нелѣпость этихъ учрежденій и возможность замѣнить ихъ лучшими. Если это такъ, то задача всякаго искренняго друга человѣчества, открывшаго или усвоившаго истинные принципы общежитія, опредѣляется сама собой. Она естественно раздѣляется на двѣ части: во-первыхъ, слѣдуетъ показать людямъ, въ чемъ именно заключается ихъ ошибка, а во-вторыхъ—научить ихъ, какъ можно ее поправить. Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей, надо сдѣлать „критическій анализъ недостатковъ каждаго учрежденія“, существующаго въ современномъ обществѣ. Но такъ какъ недостатки общественныхъ учрежденій отражаются на характерѣ человѣка въ видѣ его пороковъ,—что выяснили еще просвѣтители

*) Ibid. p. 121.

восемнадцатаго вѣка,—то критическій анализъ названныхъ недостатковъ надо дополнить анализомъ пороковъ, свойственныхъ каждой изъ тѣхъ профессій, которымъ предаются люди въ существующемъ обществѣ. За критикой общественнаго строя должна слѣдовать картина и критика нравовъ, создаваемыхъ этимъ строемъ. Сдѣлавъ это, необходимо перейти ко второй части задачи, т. е. показать, какими именно общественными учрежденіями слѣдуетъ замѣнить существующія нынѣ. Къ этому нужно подходить съ большой осмотрительностью и осторожностью; проектъ будущей общественной организаціи долженъ быть разработанъ во всѣхъ подробностяхъ; исторія показала, что въ этомъ отношеніи на догадливость людей полагаться совершенно невозможно: они навѣрное надѣлаютъ много важныхъ ошибокъ, а между тѣмъ, каждая, даже вовсе незначительная, повидимому, ошибка можетъ повести за собой коренную порчу всего общественнаго механизма. Реформаторъ ничего не долженъ упускать изъ виду: организація производства и распредѣленіе продуктовъ, пища и одежда, семейныя отношенія и воспитаніе, увеселенія и пріемъ гостей, архитектура зданій,—однимъ словомъ все, рѣшительно все, должно быть предусмотрѣно имъ, до утѣшенія несчастныхъ любовниковъ включительно. Общественныя отношенія зависятъ отъ взглядовъ людей. Люди выбираютъ такіе общественные порядки, которые справедливо или ошибочно кажутся имъ наиболѣе разумными и выгодными. Поэтому не можетъ встрѣтиться никакихъ непреодолимыхъ препятствій къ осуществленію подробно разработаннаго проекта общественной реформы, если онъ только самъ по себѣ разуменъ и сообразенъ съ человѣческими интересами. Конечно, по своей косности и непонятливости „цивилизованные“ не сразу оцѣнятъ преимущества предлагаемаго имъ общественнаго порядка, они будутъ осмѣивать и даже преслѣдовать реформаторовъ. Не легко бороться съ подобными препятствіями, но побороть ихъ, въ концѣ концовъ, вполнѣ возможно: нужно только энергически отстаивать свое дѣло и не упускать случая оттѣнить передъ людьми выгодныя и пріятныя стороны предлагаемаго имъ общественнаго устройства. А такъ какъ люди подчиняются не только голосу разсудка, но и соблазнамъ воображенія, то не слѣдуетъ щадить красокъ, рисуя передъ ними картину будущаго общества. Она непремѣнно должна быть блестящей и увлекательной. Но и это еще не все. Трудно предвидѣть, какого характера люди скорѣе и болѣе всего соблазнятся этой картиной. Надо, слѣдовательно, позаботиться о

томъ, чтобы она по возможности соотвѣтствовала всѣмъ мельчайшимъ оттѣнкамъ вкусовъ и наклонностей. Вы скупы или даже, съ позволенія сказать, жадны; вы не прочь бы заняться ростовщичествомъ, — это не бѣда, содѣйствуйте скорѣйшему осуществленію новаго строя: онъ дастъ вамъ возможность безъ вреда для другихъ получать такіе проценты на вашъ капиталъ, какихъ вы никогда не получите въ современномъ обществѣ; въ доказательство этого вотъ вамъ небольшой примѣрный расчетъ. Вы непостоянны въ любви, вы склонны часто мѣнять предметы своего любовнаго обожанія,—и это не бѣда: въ будущемъ обществѣ самые прихотливые любовные вкусы получатъ полнѣйшее удовлетвореніе; помогите только намъ устроить это общество,—вы, навѣрное, не останетесь въ накладѣ. Или, можетъ быть, вы любите поѣсть сытно и вкусно? У насъ будетъ такая кухня, о какой не имѣютъ понятія самые тонкіе гастрономы „цивилизаціи“. Переходите же на нашу сторону, это какъ разъ лежитъ въ вашихъ интересахъ. Наконецъ, вы большой охотникъ до плодовъ или до овощей, положимъ, до артишоковъ, или до дынь. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ достать хорошую дыню въ современной Западной Европѣ, тогда, наоборотъ, прекраснѣйшія дыни будутъ всякому доступны въ будущемъ обществѣ. Такимъ образомъ, торжество нашихъ идей сулитъ вамъ много пріятнаго *).

Это смѣшно. Но мы не затѣмъ упоминаемъ объ этомъ, чтобы смѣяться надъ людьми, достойными всякаго уваженія. Мы хотимъ показать, какимъ образомъ отсутствіе строго выработаннаго понятія о законосообразности общественнаго развитія дѣлало соціалистовъ стараго времени утопистами. Но не у однихъ только соціалистовъ недоставало этого понятія. Его недоставало и у просвѣтителей восемнадцатаго вѣка, и у буржуазныхъ экономистовъ. Если просвѣтители и буржуазные экономисты не отличались склонностью къ утопіямъ, то на это были свои особыя причины, не имѣющія ничего общаго съ большею или меньшею степенью научности ихъ міросозерцанія. Ни просвѣтителямъ, ни экономистамъ въ утопіяхъ не было надобности, такъ какъ совсѣмъ или почти совсѣмъ готовый буржуазный порядокъ казался имъ нормальнымъ порядкомъ вещей. Соціалистамъ же были утопіи

*) См. въ цитированномъ уже томѣ соч. Фурье, стр. 43—46, Note B. sur le triplement special de richesse effective. Application au Melon et à l'Artichaut.

необходимы, потому что они стали въ отрицательное отношеніе къ окружающему ихъ общественному порядку. Но отрицаніе буржуазнаго строя является не ошибкой, а огромной заслугой съ ихъ стороны. Поэтому несправедливо и неразумно смѣяться и надъ ихъ утопіями. Филистеры, которые осыпали насмѣшками соціалистовъ-утопистовъ, доказали этимъ свою буржуазную ограниченность, а вовсе не трезвость или научность своихъ воззрѣній. Нельзя винить соціалистовъ-утопистовъ за тѣ недостатки ихъ міросозерцанія, которые были свойственны не имъ однимъ, а всѣмъ ихъ современникамъ, за самыми рѣдкими исключеніями. Пока понятіе о законосообразности общественнаго развитія не сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ общественной науки, до тѣхъ поръ всякій реформаторъ необходимо долженъ былъ становиться утопистомъ, если только предлагаемыя имъ реформы не ограничивались частностями существующаго строя, а распространялись на всѣ его основанія. Доказательствомъ этому служитъ вся исторія политическихъ и соціальныхъ ученій. Что такое утопія? Это идеальный общественный строй, который предполагается годнымъ для всѣхъ народовъ, независимо отъ историческихъ условій ихъ существованія. Но съ историческими условіями существованія народовъ вообще очень мало считались въ тѣ времена, когда разгадки всѣхъ соціальныхъ явленій искали въ понятіяхъ и чувствахъ людей.

Мы уже видѣли, что, по Чернышевскому, разъ открытая истина становится доступной всѣмъ людямъ, имѣющимъ матеріальную выгоду въ ея пониманіи. Это—уже очень хорошо знакомый намъ теперь утопическій взглядъ на вопросъ. И этотъ утопическій взглядъ совершенно не совмѣстимъ съ тѣмъ отношеніемъ къ любому вопросу изслѣдованія, которое, по словамъ самого Чернышевскаго, завѣщано намъ діалектическою философіею Гегеля и составляетъ главное теоретическое завоеваніе этой философіи. „Въ дѣйствительности все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ условій мѣста и времени,—и потому Гегель призналъ, что прежнія общія фразы, которыми судили о добрѣ и злѣ, не разсматривая обстоятельствъ и причинъ, по которымъ возникало данное явленіе, что эти общія, отвлеченныя изреченія неудовлетворительны. Отвлеченной истины нѣтъ, истина конкретна, т. е. опредѣлительное сужденіе можно произносить только объ опредѣленномъ фактѣ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, отъ которыхъ онъ зависитъ“. Это такъ, но такое отношеніе къ дѣйствительности безповоротно

осуждало всякія произвольныя построенія плановъ идеальнаго общественнаго устройства. Окружающая насъ дѣйствительность существуетъ въ силу опредѣленныхъ условій мѣста и времени. Въ ней совершаются и имѣютъ совершиться не тѣ перемѣны, которыя кажутся намъ наиболѣе полезными или наиболѣе согласными съ нашими „идеалами“, а тѣ, которыя вызываются данными, совершенно опредѣленными условіями времени и мѣста. Зная эти условія, мы можемъ предвидѣть и зависящія отъ нихъ измѣненія окружающей насъ дѣйствительности, а предвидя эти измѣненія, мы можемъ и должны сообразно съ ними направлять свою общественную дѣятельность. Но наша дѣятельность будетъ цѣлесообразна только въ томъ случаѣ, если мы не ошиблись въ оцѣнкѣ окружающей насъ дѣйствительности. И нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ не о той поверхностной оцѣнкѣ дѣйствительности, которая заключается въ сравненіи ея съ нашими „идеалами“. Что дѣйствительность не удовлетворяетъ требованіямъ идеала,— это понятно само собой, иначе идеалъ не былъ бы идеаломъ. Весь вопросъ въ томъ, куда идетъ дѣйствительность по условіямъ мѣста и времени: въ ту сторону, гдѣ лежатъ наши идеалы, или въ какую-нибудь другую сторону? Если она идетъ въ сторону нашихъ идеаловъ, другими словами, если наши идеалы совпадаютъ съ историческимъ ходомъ дѣйствительности, то мы будемъ полезными историческими работниками; если—нѣтъ, то намъ суждено быть Донъ-Кихотами. Да и это еще не все. Общественный дѣятель можетъ всю жизнь оставаться Донъ-Кихотомъ даже въ томъ случаѣ, если дѣйствительность идетъ какъ разъ туда, гдѣ находятся его идеалы. Это бываетъ всякій разъ, когда человѣкъ, правильно опредѣливъ свою цѣль, не умѣетъ найти вѣрное средство ея достиженія. Тогда его дѣятельность является мнимой величиной, и хотя жизнь придетъ туда, куда ему хотѣлось привести ее, но придетъ совершенно независимо отъ его усилій. Наши крестьяне служатъ молебны во время засухи и заставляютъ священниковъ читать молитвы, предохраняющія отъ „червя“ капусту. Послѣ молебновъ идетъ иногда дождь; послѣ прочтенія священникомъ молитвы „червь“ иногда исчезаетъ. Но оттого ли идетъ дождь, что крестьяне отслужили молебенъ? Оттого ли пропадаетъ червь, что священникъ прочиталъ молитву? Все это происходитъ по причинамъ, ни мало не зависящимъ ни отъ священниковъ, ни отъ молебновъ. То же самое и съ общественнымъ развитіемъ. Ему случается осуществлять „завѣтныя думы,

вожделѣнныя грезы" общественнаго дѣятеля. Но если его думы не опирались на внимательное изученіе дѣйствительности; если его грезы обязаны были своимъ происхожденіемъ только тому, что ему хотѣлось грезить, то онъ могъ бы спокойно сидѣть, сложа руки: дѣло и безъ него пришло бы къ тому же концу. Чтобы вліять на дѣйствительность, нужно относиться къ ней такъ же, какъ естествоиспытатель относится къ природѣ: изучать ея законы и, вполнѣ подчиняясь имъ, заставлять ихъ служить своимъ цѣлямъ.

Но гдѣ же коренятся законы окружающей насъ общественной жизни? Въ ней самой и только въ ней самой, въ условіяхъ мѣста и времени и только въ условіяхъ мѣста и времени. А эти условія имѣютъ свою особую, внутреннюю логику, независимую отъ логики и воли человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы экономическія отношенія. Дурно или хорошо то, что на извѣстной степени развитія товарнаго производства сама рабочая сила человѣка становится товаромъ, но такъ было и будетъ, пока будетъ существовать товарное производство. Дурно или хорошо то, что въ капитализмѣ подъемы промышленной дѣятельности смѣняются кризисами, но такъ было и будетъ до самаго паденія капитализма. Дурно или хорошо то, что крупные капиталисты побиваютъ мелкихъ, но они побивали и будутъ побивать ихъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ нынѣшній экономическій строй. А исчезнетъ онъ опять-таки не потому, что мы убѣдились въ его негодности, а потому, что ему присущи особые законы развитія, неотвратимое дѣйствіе которыхъ и приведетъ къ его устраненію. Наше убѣжденіе въ его негодности само является лишь результатомъ дѣйствія этихъ внутреннихъ законовъ развитія капитализма.

Все вообще діалектическое (если хотите, въ извѣстномъ смыслѣ—прогрессивное) движеніе понятій и явленій совершается въ силу противорѣчій, возникающихъ въ этихъ понятіяхъ или явленіяхъ по законамъ ихъ внутренняго развитія. Взаимное противорѣчіе составныхъ элементовъ даннаго понятія, взаимный антагонизмъ внутреннихъ силъ даннаго явленія составляютъ главнѣйшую пружину всякаго развитія, гдѣ бы мы его ни наблюдали: въ природѣ, въ логикѣ или въ исторіи. Классовая борьба гонитъ цивилизованное общество впередъ, спасая его отъ застоя. Еще Гизо говорилъ, какъ мы знаемъ, что вся Франція создана войною классовъ. Но соціалисты-утописты не понимали историческаго значенія борьбы классовъ. И это вполнѣ понятно.

Со своей идеалистической точки зрѣнія они могли оправдывать только одинъ родъ борьбы: борьбу „истины“ съ „заблужденіемъ“. Мы знаемъ теперь, что „отвлеченной истины нѣтъ“, что „истина конкретна“, что истинное для одного времени становится ложнымъ для другого. Намъ разъяснила это нѣмецкая философія, которая, ставши на эту новую, конкретную точку зрѣнія, вызвала цѣлый переворотъ въ наукѣ. Ж. Б. Сэй находилъ, что безполезно изучать исторію предшествовавшихъ Адаму Смиту экономическихъ ученій, такъ какъ всѣ они ошибочны. Гегель же придавалъ огромное значеніе исторіи философіи, потому что для него каждая философская система была законнымъ дѣтищемъ своего времени. Стоило только распространить этотъ взглядъ на исторію общественной науки, чтобы прійти къ тому простому и ясному заключенію, что различныя соціальныя и политическія системы являлись лишь теоретическимъ выраженіемъ фактическихъ отношеній и нуждъ современнаго имъ общества, или хотя бы только одного класса, одного слоя общества. А отсюда не далеко уже было и до пониманія того, что борьба „истины“ съ „заблужденіемъ“ является въ исторіи лишь теоретическимъ выраженіемъ развитія общественныхъ отношеній и связанной съ нимъ борьбы классовъ, стремящихся къ господству или просто къ болѣе полному удовлетворенію своихъ нуждъ и потребностей. Разъ взглянувши на общественныя отношенія съ точки зрѣнія развитія, нельзя уже было оцѣнивать ихъ съ помощью одного неизмѣннаго масштаба: отношенія, хорошія для одной ступени развитія, оказывались негодными для другой, все дѣло и здѣсь зависѣло отъ данныхъ условій времени и мѣста.

Но все это стало ясно только послѣ того, какъ Марксъ и Энгельсъ сдѣлали соціализмъ наукою, поставивъ его на твердую почву матеріалистическаго объясненія исторіи. А когда соціализмъ еще оставался утопіей, когда его послѣдователи еще продолжали стоять на точкѣ зрѣнія историческаго идеализма; тогда имъ были еще совершенно неясны всѣ эти, теперь такія простыя для насъ истины. Н. Г. Чернышевскій не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Подобно всѣмъ другимъ соціалистамъ-утопистамъ, онъ тоже склоненъ былъ забывать объ условіяхъ времени и мѣста. И хотя онъ совсѣмъ не оправдывалъ фантастическихъ увлеченій различныхъ основателей утопическихъ системъ; хотя онъ старался все пріурочить къ разсчету пользы, но самый этотъ разсчетъ дѣлался имъ по большей части въ полусвѣтѣ утопической абстракціи.

Поэтому и онъ, какъ мы это увидимъ ниже, не могъ не придавать преувеличеннаго значенія разсужденіямъ о томъ, каково должно быть будущее, правильно устроенное общество.

Глава третья.

„Собственный" планъ Чернышевскаго и вопросъ о поземельной общинѣ.

Мы закончили предыдущую главу указаніемъ на то, что Чернышевскій, подобно всѣмъ прочимъ соціалистамъ-утопистамъ, разсматривалъ вопросъ общественнаго переустойства въ полусвѣтѣ абстракціи независимо отъ условій времени и мѣста. Если эти наши строки прочтетъ какой-нибудь новый г. Ивановъ-Разумникъ, отличающійся отъ автора „Исторіи русской общественной мысли" лучшимъ знаніемъ сочиненій Чернышевскаго, но похожій на него упорнымъ непониманіемъ содержанія этихъ сочиненій, то онъ укажетъ намъ, пожалуй, на статью „Капиталъ и трудъ" и предложитъ нашему вниманію слѣдующія, взятыя изъ нея строки.

„Идеи, предписывающія что-нибудь дѣлать, стремиться къ чему-нибудь, словомъ, имѣющія практическій характеръ, по обширности своего примѣненія раздѣляются на два разные рода. Однѣ имѣютъ значеніе общее, требуютъ примѣненія ко всякому данному случаю, всегда и вездѣ. Таковы, напримѣръ, принципы: человѣкъ обязанъ искать истины, поступать честно; общество обязано стремиться къ водворенію въ себѣ справедливости, законности. Цѣль дѣйствія указывается такими принципами; но говорятъ ли они о способѣ, которымъ надобно стремиться къ ней? Нѣтъ, способъ исполненія задачи нимало не опредѣляется ими. Какъ скоро мысль указываетъ способъ исполненія, она теряетъ характеръ всеобщей, безъисключительной примѣнимости... Цѣль практической дѣятельности постановляется природою человѣка, то-есть элементомъ, присутствующимъ постоянно. Способъ дѣйствія есть элементъ, зависящій отъ обстоятельствъ, а обстоятельства имѣютъ характеръ временный и мѣстный, разнородный и перемѣнчивый" *).

Посмотрите, скажетъ намъ нашъ воображаемый, значительно улучшенный, но не окончательно исправленный, г. Ивановъ-Ра-

*) Сочиненія, VI, 8.

зумникъ: Чернышевскій очень хорошо зналъ, что способъ дѣйствія зависитъ отъ обстоятельствъ, а обстоятельства перемѣнчивы. Но мы отвѣтимъ, что весь вопросъ здѣсь въ томъ, по какому поводу заговариваетъ здѣсь Чернышевскій о перемѣнчивости обстоятельствъ. Онъ заговариваетъ о нихъ по поводу идей, „имѣющихъ значеніе общее, абсолютное, требующихъ примѣненія по всякому данному случаю всегда и вездѣ". Въ этихъ общихъ истинахъ и заключается у него вся сущность соціализма. „Лучшіе люди" даннаго общества,—группа или группы его интеллигенціи,—открываютъ эти истины и принимаются сначала за ихъ распространеніе, а потомъ за ихъ осуществленіе. Въ процессѣ этого осуществленія они, разумѣется, считаются съ условіями времени и мѣста. Но не говоря уже о томъ, что осуществляемая ими истина остается безусловною, сама историческая возможность ея осуществленія зависитъ въ концѣ-концовъ отъ ея собственной безусловной и отвлеченной природы. Чернышевскій категорически отказывается выбрать какой-нибудь одинъ способъ осуществленія соціалистическаго идеала. Но почему же собственно отказывается? Отвѣтъ: „Способъ зависитъ отъ нравовъ народа и обстоятельствъ государственной жизни его. Англичанину кажется удобнымъ расположеніе квартиры въ два или три этажа, о чемъ и не думаютъ другіе народы. Строить его домъ по одному плану съ русскимъ или французскимъ значило бы напрасно тревожить его привычки. Можно сказать вообще только то, что каждый домъ долженъ быть опрятенъ, сухъ и тепелъ" *). И этимъ отвѣтомъ рѣшается весь нашъ споръ съ воображаемымъ г. Ивановымъ-Разумникомъ: планъ дома зависитъ отъ обстоятельствъ; но самое намѣреніе его построить возникаетъ не въ зависимости отъ нихъ, а просто потому, что этого требуетъ безусловная природа разъ завоеванной истины. Общая историческая возможность постройки дома тоже очень мало зависитъ отъ перемѣнчивыхъ обстоятельствъ: она опредѣляется, какъ намъ уже хорошо извѣстно, той же природой отвлеченной истины, да еще общей природой человѣка. Марксъ не даромъ говорилъ (см. его 3-ю тезу о Фейербахѣ), что соціалистъ-утопистъ считаетъ себя стоящимъ надъ обществомъ. И тоже недаромъ Чернышевскій заканчиваетъ свое разсужденіе о способахъ осуществленія соціалистическаго идеала такой фразой: „Различныхъ плановъ для исполненія требованій новой теоріи на-

*) Тамъ же, 44.

ходится много, и который изъ нихъ вы захотите предпочитать другому, почти все равно, потому что каждый изъ нихъ въ существенныхъ чертахъ своихъ сходенъ съ другими и удовлетворителенъ, и изъ каждаго легко могутъ быть удалены тѣ подробности, которыя составляютъ причину споровъ между его приверженцами и защитниками другихъ плановъ" *).

Не подумайте, что Чернышевскій разсуждаетъ здѣсь, какъ эклектикъ, выбирающій изъ каждой утопической системы то, что онъ находитъ въ ней хорошаго, но не умѣющій подвести подъ одинъ всеохватывающій принципъ то, что заимствуется имъ изъ различныхъ системъ. У Чернышевскаго, несомнѣнно, есть свой объединяющій принципъ; но принципъ этотъ заключается именно въ томъ, что главное дѣло вовсе не въ перемѣнчивыхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, а въ отвлеченныхъ достоинствахъ извѣстныхъ отвлеченныхъ истинъ. Онъ разсуждаетъ какъ „просвѣтитель", обратившійся къ изученію „соціальнаго вопроса", а мы уже знаемъ, что „просвѣтители" всегда разсуждали отвлеченно. Чернышевскій самъ подтверждаетъ это въ той же статьѣ, говоря, что просвѣщеніе имѣетъ въ виду субъективное развитіе истины въ индивидуумахъ **). Когда человѣкъ задается цѣлью субъективнаго развитія истины въ индивидуумахъ, онъ по необходимости отвлекается отъ того объективнаго процесса, который подготовляетъ индивидуумовъ къ усвоенію извѣстныхъ истинъ или, иначе говоря, обусловливаетъ собою приспособленіе общественнаго сознанія къ данному виду общественнаго бытія.

Чѣмъ отвлеченнѣе была точка зрѣнія Чернышевскаго въ вопросахъ соціализма, тѣмъ легче ему было отвлекаться отъ индивидуальныхъ особенностей каждой данной соціалистической системы и безпристрастно защищать только то, что составляло, по его мнѣнію, общую душу всѣхъ этихъ системъ, т.-е. отвлеченныя положенія въ родѣ того, что наука должна заботиться объ интересахъ трудящейся массы, а не объ интересахъ людей, эксплуатирующихъ эту массу и т. п. И тѣмъ естественнѣе было для

*) Тамъ же, 45.

**) Тамъ же, 11. Въ другомъ мѣстѣ необходимость этого субъективнаго развитія истины въ индивидуумахъ доказывается у него такъ: „Полнота, теоретическое изложеніе системы извѣстнаго быта, основаннаго на извѣстномъ принципѣ,—вещь необходимая: нужно же знать, что въ самомъ дѣлѣ хорошо и справедливо"... („Основанія политической экономіи Д. С. Милля". Примѣчанія. Т. VII; стр. 634).

него, нисколько не противорѣча себѣ, излагать, подъ видомъ своего собственнаго плана общественнаго переустройства, планъ того или другого, болѣе или менѣе случайно выбраннаго соціалиста-утописта. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Капиталъ и трудъ“ онъ изложилъ планъ Луи Блана, придавъ своему изложенію,—какъ этого и надо было ожидать,—до послѣдней степени отвлеченный характеръ *). А въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ, почему ему вздумалось взять въ примѣръ тогда Луи Блана. Онъ говоритъ: „мы хотѣли только сказать, что по особенному историческому случаю его мысли пріобрѣли историческую важность, которой иначе бы и не имѣли, потому что оригинальнаго въ нихъ мало **)“. Такимъ образомъ, „собственнымъ“ планомъ Чернышевскаго на самомъ дѣлѣ, вовсе не былъ планъ Луи Блана. При другихъ обстоятельствахъ онъ назвалъ бы своимъ собственнымъ планомъ планъ какого-нибудь другого соціалиста. Ему, какъ уже сказано, важно было бы не то, что составляло особенность того или другого изъ этихъ плановъ, а то, что составляло основу, общую имъ всѣмъ: отрицательное отношеніе къ существующему экономическому порядку и убѣжденіе въ томъ, что возможенъ экономическій строй, основанный на союзномъ, товарищескомъ, трудѣ работниковъ. Эти основныя черты, общія всѣмъ соціалистическимъ системамъ, онъ горячо отстаивалъ въ спорахъ съ экономистами „отсталой школы“, о которыхъ онъ говорилъ, что каждый изъ нихъ „скорѣе согласится пойти въ негры и всѣхъ своихъ соотечественниковъ тоже отдать въ негры“, нежели сказать, что въ томъ или другомъ соціалистическомъ планѣ нѣтъ ничего слишкомъ дурного или неудобоисполнимаго. Къ этому можно прибавить, правда, что по характеру своего ума, преобладающей чертой котораго являлась разсудочность, онъ болѣе склоненъ былъ сочувствовать тѣмъ изъ великихъ основателей соціалистическихъ системъ, которые меньше поддавались увлеченіямъ фантазіи. Такъ,

*) Главною особенностью этого плана является у Чернышевскаго то, что его осуществленіе не стѣснило бы ничьей свободы: обязательности нигдѣ нѣтъ никакой, „кто чѣмъ хочетъ, тотъ тѣмъ и занимается“. (Тамъ же, стр. 47); „живи гдѣ хочешь, живи, какъ хочешь, только предлагаются тебѣ средства жить удобно и дешево, и кромѣ обыкновенной платы получать дивидендъ. Если и это стѣснительно, никто не запрещаетъ отказываться отъ дивиденда. (Тамъ же, стр. 49).

**) Сочиненія, VII, 640.

напримѣръ, Робертъ Оуэнъ былъ, несомнѣнно, ближе къ нему, нежели Фурье.

Спѣшимъ, однако, замѣтить, что, несмотря на отвлеченный характеръ своей соціалистической мысли, Чернышевскій при своемъ трезвомъ умѣ и при своемъ всегдашнемъ стремленіи къ практической дѣятельности, не могъ принадлежать къ числу тѣхъ утопистовъ, которые требуютъ, чтобы человѣчество цѣликомъ приняло ихъ утопіи, и считаютъ безплодными или даже вредными всѣ частныя экономическія реформы. Таковы, напримѣръ, анархисты. Чернышевскій ѣдко смѣется надъ подобными фантазерами. „Во имя высшихъ идеаловъ отвергать какое-нибудь, хотя бы и не вполнѣ совершенное улучшеніе дѣйствительности—значитъ слишкомъ уже идеализировать и потѣшаться безплодными теоріями". По его мнѣнію, у людей, склонныхъ къ такимъ потѣхамъ, „дѣло кончается большей частью тѣмъ, что послѣ напряженныхъ усилій подняться до своего идеала, они опускаются такъ, что уже вовсе не имѣютъ предъ собою никакого идеала". Это уже не въ бровь, а прямо въ глазъ анархистамъ, да, если говорить правду, и не однимъ анархистамъ...

Послѣ всего сказаннаго понятно, что программа желательныхъ для Чернышевскаго частныхъ реформъ не могла отличаться опредѣленностью: она до такой степени зависѣла въ его представленіи отъ перемѣнчивыхъ условій времени и мѣста, что по необходимости лишена была той тѣсной и органической связи съ конечною цѣлью, какую мы наблюдаемъ въ программахъ современныхъ намъ рабочихъ партій Запада. Въ общемъ можно, однако, сказать, что такъ какъ идеаломъ Чернышевскаго былъ товарищескій трудъ производителей, то онъ готовъ былъ поддерживать все, въ чемъ видѣлъ малѣйшій намекъ на принципъ ассоціаціи. Устройствомъ ассоціацій занимается и героиня его романа „Что дѣлать?", Вѣра Павловна, которую Лопуховъ горячо хвалитъ за это: „мы всѣ говоримъ и ничего не дѣлаемъ. А ты позже насъ всѣхъ стала думать объ этомъ, и раньше всѣхъ рѣшилась приняться за дѣло" *).

Очень интересенъ тотъ историческій фактъ, что проповѣдь ассоціаціи велась тогда одновременно въ Россіи и въ Германіи. Въ 1863 году появился романъ Чернышевскаго, съ выходомъ котораго начинается у насъ цѣлый рядъ попытокъ устройства про-

*) Сочиненія, IX, 103.

изводительныхъ ассоціацій. Въ томъ же году Лассаль рекомендуетъ нѣмецкимъ рабочимъ ассоціаціи, какъ единственное средство хоть нѣкотораго улучшенія ихъ быта. Но какая разница въ постановкѣ этого вопроса у насъ и въ Германіи! Въ романѣ Чернышевскаго, ставшемъ на время программой русскихъ соціалистовъ, устройствомъ ассоціацій занимаются отдѣльныя, гуманныя и образованныя личности: Вѣра Павловна и ея друзья. Къ этому дѣлу привлекается даже просвѣщенный священникъ Мерцаловъ, играющій, по его собственному выраженію, роль „щита“ въ устроенныхъ Вѣрой Павловной мастерскихъ. О политической самодѣятельности класса, заинтересованнаго въ устройствѣ такихъ ассоціацій, романъ не говоритъ ни слова. Не говорили о ней ни слова и тѣ люди 60-хъ годовъ, которые пытались осуществить предложенную Чернышевскимъ программу. И наоборотъ, первымъ словомъ Лассалевской агитаціи было указаніе рабочимъ на необходимость для нихъ политической самодѣятельности. Лассаль требовалъ, чтобы рабочіе, сплотившись въ особую политическую партію и пріобрѣтя вліяніе на ходъ дѣлъ въ странѣ, заставили правительство дать имъ необходимыя для обзаведенія ассоціаціи деньги. Въ проектѣ Лассаля дѣло заведенія ассоціацій имѣетъ широкій общественный характеръ. Ассоціаціямъ, вводимымъ усиліями отдѣльныхъ просвѣщенныхъ лицъ Лассаль не придавалъ ровно никакого значенія. По сравненію съ Лассалемъ Чернышевскій является въ своемъ романѣ настоящимъ утопистомъ. По сравненію съ Чернышевскимъ Лассаль является въ своей агитаціи истиннымъ представителемъ новѣйшаго соціализма. Это различіе происходитъ не отъ того, чтобы Лассаль былъ въ умственномъ отношеніи выше Чернышевскаго. Можно съ увѣренностью сказать, что по своимъ умственнымъ силамъ Чернышевскій нимало не уступалъ Лассалю. Но великій русскій соціалистъ былъ сыномъ своей страны, политическая и экономическая отсталость которой придавала всѣмъ его практическимъ планамъ и даже многимъ теоретическимъ взглядамъ характеръ утопій. Въ своихъ практическихъ планахъ заведенія ассоціацій онъ былъ гораздо ближе къ Шульце-Деличу, чѣмъ къ Лассалю. Но съ другой стороны, замѣтимъ, что и Лассаль въ своихъ практическихъ планахъ является истиннымъ представителемъ новѣйшаго соціализма только по сравненію съ Чернышевскимъ. Тѣ люди, которые на самомъ дѣлѣ были истинными представителями и основателями новѣйшаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, находили,

что и Лассалевскіе планы представляютъ собою не болѣе какъ утопію. Они отказались поддержать знаменитаго агитатора именно потому, что не хотѣли питать въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ склонность къ экономическимъ утопіямъ.

Съ точки зрѣнія большей легкости устройства ассоціацій отстаивалъ Чернышевскій и русское общинное землевладѣніе. Онъ не разъ говорилъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго желанія приносить нынѣшніе экономическіе интересы народной массы въ жертву будущимъ ея интересамъ. И онъ, конечно, говорилъ это совершенно искренно. Если бъ онъ не думалъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени,—впослѣдствіи онъ, какъ мы увидимъ, пересталъ это думать,—что разрушеніе общины было бы вредно для интересовъ крестьянства, то онъ не ополчился бы на ея защиту. Но что навело его на мысль о той пользѣ, которую сможетъ принести поземельная община нашей народной массѣ? На этотъ вопросъ мы, не колеблясь, отвѣчаемъ: то психологическое соображеніе, что община поддерживаетъ и воспитываетъ духъ ассоціаціи, необходимый для раціональной экономіи будущаго. Это какъ нельзя болѣе ясно показываютъ, напримѣръ, слѣдующія слова нашего автора: „Введеніе лучшаго порядка дѣлъ чрезвычайно затрудняется въ Западной Европѣ безграничнымъ расширеніемъ правъ отдѣльной личности... Не легко отказываться хотя бы отъ незначительной части того, чѣмъ привыкъ уже пользоваться, а на Западѣ отдѣльная личность привыкла уже къ безграничности частныхъ правъ. Пользѣ и необходимости взаимныхъ уступокъ можетъ научить только горькій опытъ и продолжительное размышленіе. На Западѣ лучшій порядокъ экономическихъ отношеній соединенъ съ пожертвованіями, и потому его учрежденіе очень затруднено. Онъ противенъ привычкамъ англійскаго и французскаго поселянина“ *).

Взглядъ на общину какъ на учрежденіе, воспитывающее духъ ассоціаціи, привелъ Чернышевскаго къ сближенію со славянофилами, которые, какъ это всѣмъ извѣстно, тоже были убѣжденными ея защитниками. Сочувственное отношеніе славянофиловъ къ общинѣ ставило ихъ, въ глазахъ Чернышевскаго, „выше многихъ изъ самыхъ серьезныхъ западниковъ“ **). Такъ было, по крайней

*) Сочиненія, т. III, стр. 183.
**) Тамъ же, стр. 181.

мѣрѣ, въ первые года его литературной дѣятельности *). Интересно прослѣдить тотъ логическій путь, который привелъ его въ данномъ случаѣ къ предпочтенію славянофиловъ нѣкоторой части западниковъ.

Исходнымъ пунктомъ его разсужденій являются слѣдующія положенія, очень напоминающія извѣстную теорію Кавелина о развитіи личнаго права въ Западной Европѣ.

Обезпеченіе частныхъ правъ отдѣльной личности было существеннымъ содержаніемъ западно-европейской исторіи въ послѣднія столѣтія. Теперь цѣль эта въ высокой степени достигнута. Право собственности почти исключительно перешло на Западѣ въ руки отдѣльныхъ лицъ и ограждено прочными гарантіями. Не менѣе прочными гарантіями ограждены тамъ юридическая независимость и неприкосновенность отдѣльнаго лица. Но это исключительное развитіе личнаго права имѣетъ свои невыгоды, особенно замѣтныя въ земледѣліи и промышленности. Явилось экономическое неравенство, возникло „пролетаріатство“, капиталы сосредоточились въ рукахъ предпринимателей. Наконецъ, всѣ отрасли экономической дѣятельности находятся подъ властью безграничнаго взаимнаго соперничества отдѣльныхъ предпринимателей. Это тяжелое и, какъ выражается Чернышевскій, противоестественное положеніе дѣлъ вызвало появленіе новыхъ стремленій, которыми устранялись слабыя стороны прежняго односторонняго идеала. Возникла идея о союзномъ пользованіи средствами производства и о союзной его организаціи. Въ земледѣліи союзное пользованіе средствами производства равносильно общинному землевладѣнію. Чернышевскій доказываетъ, что это стремленіе къ союзному пользованію и производству является не болѣе, какъ дополненіемъ прежняго стремленія къ обезпеченію правъ отдѣльной личности. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—не надобно забывать, что человѣкъ не отвлеченная юридическая личность, но живое существо, въ жизни и счастьи котораго матеріальная сторона (экономическій бытъ) имѣютъ великую важность; и что потому, если должны быть для его счастья обезпечены его юридическія права, то не менѣе нужно обезпеченіе и матеріальной стороны его быта. Даже юридическія права, на самомъ дѣлѣ, обезпечиваются только исполненіемъ этого послѣдняго условія, потому что человѣкъ,

*) Выписки, сдѣланныя нами сейчасъ, взяты изъ его „Замѣтокъ о журналахъ“, напечатанныхъ въ „Современникѣ“, въ апрѣлѣ 1857 года.

зависимый въ матеріальныхъ средствахъ существованія, не можетъ быть независимымъ человѣкомъ на дѣлѣ, хотя бы по буквѣ закона и провозглашалась его независимость" *).

До сихъ поръ все разсужденіе Чернышевскаго ведется въ духѣ послѣдовательнаго западничества. Болѣе того, можно подумать даже, что въ этомъ своемъ разсужденіи онъ вполнѣ переходитъ на точку зрѣнія матеріалистическаго объясненія исторіи, онъ указываетъ, какимъ образомъ новый общественный идеалъ возникъ на Западѣ подъ вліяніемъ новыхъ условій экономической жизни **). Но дальше начинается сближеніе Чернышевскаго со славянофилами, и тутъ становится очевиднымъ, что онъ въ сущности не переставалъ держаться идеалистическаго принципа „просвѣтителей": „міромъ правятъ мнѣнія".

„То, что представляется утопіей въ одной странѣ, существуетъ въ другой, какъ фактъ...—говоритъ онъ.—У насъ есть землевладѣльцы съ юридическимъ полновластіемъ англійскаго и французскаго землевладѣльца... но они составляютъ, сравнительно съ массой народа, еще очень немногочисленный классъ, понятія котораго о полновластной собственности отдѣльнаго лица надъ землею еще не проникли въ сознаніе массы нашего племени... Масса народа до сихъ поръ понимаетъ землю, какъ общинное достояніе, и количество земли, находящейся въ общинномъ владѣніи, или пользованіе ими подъ общинною обработкою, такъ велико, что масса участковъ, совершенно выдѣлившихся изъ него въ полновластную собственность отдѣльныхъ лицъ, по сравненію съ нимъ,

---

*) Тамъ же, стр. 183.

**) У Чернышевскаго мы встрѣчаемъ тутъ даже знаменитую теперь „теорію обнищанія". Онъ пишетъ: „съ одной стороны возникли въ Англіи и Франціи тысячи богачей, съ другой—милліоны бѣдняковъ. По роковому закону безграничнаго соперничества, богатство первыхъ должно все возрастать, сосредоточиваясь все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ,—а положеніе бѣдняковъ должно становиться все тяжеле и тяжеле". (Соч. III, 182). Эта теорія встрѣчается почти у всѣхъ выдающихся соціалистовъ-утопистовъ, обращавшихъ нѣкоторое вниманіе на экономическіе вопросы. Марксъ нашелъ ее готовою и передѣлалъ такъ, что она совершенно перестала быть теоріею обнищанія въ старомъ смыслѣ этого слова. (См. нашу 3-ю статью противъ г. Струве въ сборникѣ „Критика нашихъ критиковъ"). Но гг. „критикамъ" Маркса выгодно теперь приписывать ему въ политическихъ цѣляхъ именно теорію обнищанія, какъ она существовала въ литературѣ утопическаго соціализма.

незначительна. Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта" *).

Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что такъ какъ „мы видимъ печальныя послѣдствія разрушенія общины на Западѣ, то мы должны сохранить общину въ Россіи. Примѣръ Запада не долженъ быть потерянъ для насъ" **).

„Мы видимъ"... Кто м ы? Опять все та же интеллигенція, все та же единственная дѣйствующая армія человѣческаго прогресса, которая изучаетъ исторію и пользуется ея уроками. Но русская интеллигенція не имѣетъ власти. Какъ же можетъ она воспользоваться примѣромъ Запада? Она можетъ воспользоваться имъ, е с л и ей удастся повліять на людей, власть имѣющихъ. Поэтому Чернышевскій и старается показать этимъ людямъ, какія большія выгоды извлечетъ Россія изъ сохраненія поземельной общины.

Это уже совсѣмъ идеалистическій взглядъ на дѣло. Но самъ по себѣ этотъ взглядъ пока еще не заключаетъ въ себѣ ровно ничего славянофильскаго. Сильный славянофильскій оттѣнокъ придается ему лишь тѣмъ соображеніемъ Чернышевскаго, что у насъ уже существуетъ, какъ фактъ, то учрежденіе, къ которому только еще стремится Западъ и которое представляется многимъ западнымъ людямъ просто утопіею. Въ этомъ соображеніи почти дословно повторяется тотъ доводъ, который нѣкогда выдвинутъ былъ славянофиломъ Самаринымъ противъ западника Кавелина и который сводится къ тому, что „западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы—требованіе о б щ и н ы (авторъ разумѣлъ новѣйшія соціальныя движенія) и что это требованіе „совпадаетъ съ нашей субстанціей", что „въ оправданіе формулы мы приносимъ бытъ" и что въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западной ***).

Какъ мы уже видѣли, этотъ славянофильскій взглядъ до такой степени нравился Чернышевскому, что онъ въ виду его готовъ былъ поставить славянофиловъ выше многихъ серьезныхъ

*) Тамъ же, стр. 184.

**) Тамъ же, стр. 185.

***) Не имѣя подъ рукой сочиненій Ю. Самарина, мы цитируемъ этотъ его взглядъ по книгѣ Пыпина: „Характеристика литературныхъ мнѣній", стр. 298.

западниковъ. Надо думать, что ему не было извѣстно мнѣніе Бѣлинскаго, который подъ конецъ своей жизни рѣшительно возсталъ противъ уступокъ, дѣлавшихся его друзьями славянофиламъ въ вопросѣ объ общинѣ. Если бы это мнѣніе Бѣлинскаго было извѣстно нашему автору, то онъ, навѣрно, не сталъ бы выражаться такъ рѣшительно о превосходствѣ славянофиловъ надъ тѣми западниками, которые не возлагали на общину никакихъ надеждъ.

Однако, оставляя область болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, надо признать тотъ историческій фактъ, что Чернышевскій, никогда не бывшій народникомъ*), былъ однимъ изъ тѣхъ писателей, у которыхъ народники заимствовали сильнѣйшіе свои доводы. Охотнѣе всего ссылались они,—по крайней мѣрѣ въ періодъ выработки ихъ ученія,—на знаменитую статью „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“, появившуюся первоначально въ 12-ой книжкѣ „Современника“ за 1858 годъ. Мы сейчасъ увидимъ, что собственно на эту статью они сослались только по недоразумѣнію: она была написана Чернышевскимъ уже въ то время, когда онъ уже совершенно махнулъ рукой на русскую общину. Тѣмъ не менѣе мы все-таки находимъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этой во многихъ отношеніяхъ замѣчательной статьѣ.

Чернышевскій споритъ въ ней съ „экономистами отсталой школы“, находившими, что общинное владѣніе землею достойно лишь дикихъ или варварскихъ племенъ. Онъ опровергаетъ это мнѣніе, ссылаясь на знаменитую мысль Гегеля о томъ, что третья и конечная фаза въ развитіи всякаго даннаго явленія по своей формѣ похожа на первую. Народы начали съ общиннаго землевладѣнія и они снова вернутся къ нему въ своемъ дальнѣйшемъ

*) Аристовъ, въ своей книгѣ о Щаповѣ, разсказываетъ, что Чернышевскій, заинтересовавшись сочиненіями Щапова, искалъ знакомства съ нимъ и, встрѣтивъ его у одного общаго пріятеля, велъ съ нимъ длинный споръ. Споръ этотъ показалъ Чернышевскому, что сотрудникомъ „Современника“ Щаповъ быть не можетъ: такъ сильно расходились ихъ взгляды. Но какъ относились къ Щапову впослѣдствіи тѣ самые люди, которые считали себя горячими поклонниками Чернышевскаго? Щаповскіе взгляды на русскую исторію явились составною частью народническаго ученія, и наши народники, продолжая „уважать“ Чернышевскаго, даже не потрудились спросить себя,—не существуетъ ли противорѣчія между его взглядами и Щаповской идеализаціей старинной народной жизни.

развитіи. На это можно замѣтить, что Чернышевскій пошелъ здѣсь гораздо дальше Гегеля. Гегель говоритъ о формальномъ сходствѣ третьей фазы развитія съ первою, но онъ не говорилъ о полномъ тожествѣ этихъ фазъ. Чернышевскій же какъ будто предполагаетъ полное тожество. Слѣдуя Гегелю, дѣйствительно можно предположить, что народы, начавъ съ общественной собственности, возвратятся къ ней впослѣдствіи, но нельзя сказать, что народы возвратятся именно къ тѣмъ формамъ общиннаго владѣнія, съ которыхъ они начали свое развитіе. А если можно ожидать этого, то зачѣмъ останавливаться на сельской общинѣ съ передѣлами? Надо предполагать въ такомъ случаѣ, что народы вернутся къ первобытнымъ родовымъ учрежденіямъ, такъ какъ первобытный коммунизмъ былъ коммунизмомъ кровнаго союза. Но на такое предположеніе едва ли кто отважится въ настоящее время. Ссылаясь на Гегеля, Чернышевскій упустилъ изъ виду двѣ важнѣйшія особенности гегелевской философіи. Во-первыхъ, у Гегеля всякое развитіе,—и въ логикѣ, и въ природѣ, и въ общественныхъ отношеніяхъ, — совершается само изъ себя, силой внутренней, „имманентной“ діалектики. Чернышевскому слѣдовало показать, что въ русской общинѣ есть именно та внутренняя логика отношеній, которая со временемъ должна привести ее отъ общиннаго владѣнія землею къ общинной ея обработкѣ и къ общинному пользованію ея продуктами. Вѣдь именно въ интересахъ такой формы общественной собственности и отстаивалъ онъ общинное землевладѣніе: ему казалось, что община облегчитъ переходъ къ ней. Но Чернышевскій не сдѣлалъ этого, такъ какъ, вообще, онъ пріурочивалъ свои ожиданія къ субъективнымъ, а не къ объективнымъ факторамъ развитія, къ распространенію знаній, а не ко внутренней логикѣ общественныхъ отношеній. Но этимъ онъ измѣнялъ духу той самой философіи, на которую ссылался въ своей полемикѣ съ противниками общины.

Справедливо считая частную собственность лишь промежуточной формой въ историческомъ развитіи экономическихъ отношеній, Чернышевскій сильно напиралъ на то обстоятельство, что, по мнѣнію Гегеля, промежуточныя фазы развитія могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ значительно сократиться или даже совсѣмъ не имѣть мѣста. За это въ особенности ухватились впослѣдствіи наши народники, вся программа которыхъ основывалась именно на томъ предположеніи, что капитализмъ,—эта про-

межуточная фаза въ развитіи экономики цивилизованнаго общества,—не будетъ имѣть мѣста въ Россіи.

Отвлеченно говоря, подобныя сокращенія промежуточныхъ фазъ вполнѣ возможны. Но, во-первыхъ, что касается сокращенія извѣстныхъ фазъ развитія, то самъ Чернышевскій прекрасно понималъ, что не всегда данная фаза, при своемъ сокращеніи, приводитъ къ такимъ же результатамъ, къ какимъ приводитъ она при большей продолжительности. Въ „Полемическихъ Красотахъ“ онъ указываетъ на сигары, которыя пріобрѣтаютъ особенно цѣнныя для курильщиковъ качества, подвергаясь медленному процессу высыханія и связаннымъ съ нимъ химическимъ измѣненіямъ. Но попробуйте сократить продолжительность этого процесса высыханія и сразу искусственно высушить свѣжія сигары. По словамъ нашего автора, хорошаго въ такихъ сигарахъ будетъ немного. Что же это значитъ? Это значитъ, что иной ходъ процесса ведетъ за собою иные химическіе результаты. Не то ли же и въ общественной жизни? Нѣтъ ли основанія думать, что болѣе или менѣе продолжительный процессъ капиталистическаго развитія создаетъ такія политическія, умственныя и нравственныя качества трудящагося класса, какихъ мы вовсе не найдемъ въ народѣ, не покидавшемъ въ теченіе всей своей исторіи допотопныхъ „устоевъ“ своего быта? И нѣтъ ли основанія опасаться, что народъ, не усвоившій себѣ культурныхъ пріобрѣтеній капиталистической фазы, окажется совершенно неспособнымъ къ организаціи общественнаго производства въ тѣхъ размѣрахъ, которые предполагаются огромнымъ развитіемъ современныхъ производительныхъ силъ. Но народники, ухватившіеся за аргументацію Чернышевскаго, совсѣмъ даже и не подозрѣвали ея слабыхъ сторонъ.

Во-вторыхъ, отъ возможности извѣстнаго явленія еще очень далеко до его дѣйствительности. Чтобы то или иное, возможное въ теоріи, явленіе совершилось въ дѣйствительности, необходимы извѣстныя конкретныя условія. Спрашивается, были ли на лицо въ тогдашней Россіи такія конкретныя условія, которыя позволили бы русскому народу миновать капитализмъ и отъ общины сразу перейти къ соціалистической формѣ общежитія? Мы задаемъ этотъ вопросъ не потому, что на него давно отвѣтила уже сама жизнь, безпощадно осмѣявъ народническія упованія, а потому, что на него отвѣчалъ въ той же самой статьѣ самъ Чернышевскій, проливая этимъ очень яркій свѣтъ на чисто гипотетическій характеръ своихъ доводовъ въ пользу общины.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ началѣ этой статьи читателя поражаютъ,—вѣрнѣе должны были бы поражать, хотя народники ухитрились ихъ не замѣтить,—слѣдующія знаменательныя строки. „Возобновляя мою рѣчь объ общинномъ владѣніи, я долженъ начать признаніемъ совершенной справедливости тѣхъ словъ моего перваго противника, г. Вернадскаго, которыми онъ объявлялъ въ самомъ возникновеніи спора, что напрасно взялся я за этотъ предметъ, что не доставилъ я тѣмъ чести своему здравому смыслу. Я раскаиваюсь въ своемъ прошломъ благоразуміи, и если бы цѣною униженной просьбы объ извиненіи могло покупаться забвеніе совершившихся фактовъ, я не колеблясь сталъ бы просить прощенія у противниковъ, лишь бы этимъ моимъ униженіемъ былъ прекращенъ споръ, начатый мною столь неудачно“ *).

Что же это такое? Въ чемъ дѣло? Вѣдь, не доводы же противниковъ смутили Чернышевскаго? Конечно, нѣтъ. Онъ говоритъ: „Слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія, такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно опровергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу“ **). Его смущало обстоятельство совершенно другого рода, не имѣвшее никакого касательства къ отвлеченному принципу общиннаго землевладѣнія. „Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго землевладѣнія,—заявляетъ Чернышевскій,—но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, къ которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія, низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствію простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во-первыхъ, принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно такъ же замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія... Когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту, чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязатель-

*) Сочиненія, т. IV, стр. 304—305.

**) Тамъ же, стр. 306.

ствамъ не очень велика по сравненію съ рентою... Только при соблюденіи этого второго условія люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты" *). Но это условіе не могло быть соблюдено въ дѣлѣ освобождаемыхъ крестьянъ, поэтому Чернышевскій и считалъ безполезнымъ защищать не только общинное землевладѣніе, но и самое надѣленіе крестьянъ землею. У кого оставалось бы какое-нибудь сомнѣніе на этотъ счетъ, того совершенно убѣдитъ слѣдующій примѣръ, приводимый нашимъ авторомъ. „Предположимъ,—говоритъ онъ,—обращаясь къ своему любимому способу объясненія посредствомъ „параболъ"—предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ собственно изъ расположенія къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ?.. Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?.. Лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! Лучше пропадай все дѣло, которое приноситъ вамъ только раззореніе! Досада за васъ, стыдъ за свою глупость,—вотъ мои чувства" **).

Укажемъ еще на разговоры Волгина съ Нивельзинымъ и Соколовскимъ, въ „Прологѣ Пролога". Они касаются освобожденія крестьянъ: „Пусть дѣло освобожденія крестьянъ будетъ передано въ руки помѣщичьей партіи. Разница не велика,—говоритъ Волгинъ Соколовскому, и на замѣчаніе его собесѣдника о томъ, что, напротивъ, разница колоссальная, такъ какъ помѣщичья партія противъ надѣленія крестьянъ землею, онъ рѣшительно отвѣчаетъ:

*) Тамъ же, стр. 306.

**) Тамъ же, стр. 307.

нѣтъ, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю безъ выкупа. Взять у человѣка вещь или оставить ее человѣку—разница, но взять съ него плату за нее—все равно. Планъ помѣщичьей партіи разнится отъ плана прогрессистовъ только тѣмъ, что проще, короче. Поэтому онъ даже лучше. Меньше проволочекъ, вѣроятно, меньше и обремененія для крестьянъ *). У кого изъ крестьянъ есть деньги—тотъ купитъ себѣ землю. У кого нѣтъ—тѣхъ нечего обязывать и покупать ее. Это будетъ только раззорять ихъ. Выкупъ тоже покупка. Если сказать правду, лучше пусть будутъ освобождены безъ земли... Вопросъ поставленъ такъ, что я не нахожу причинъ горячиться даже изъ-за того, будутъ или не будутъ освобождены крестьяне; тѣмъ меньше изъ-за того, кто станетъ освобождать ихъ, либералы или помѣщики. По моему все равно. Или помѣщики даже лучше“ **).

Въ разговорѣ съ Нивельзинымъ Волгинъ выставляетъ другую сторону своего отношенія къ тогдашней постановкѣ крестьянскаго дѣла. „Толкуютъ: освободить крестьянъ—восклицаетъ онъ. Гдѣ силы на такое дѣло? Еще нѣтъ силъ. Нелѣпо приниматься за дѣло, когда нѣтъ силъ на него. А видите къ чему идетъ: станутъ освобождать. Что выйдетъ,—сами судите, что выходитъ, когда берешься за дѣло, котораго не можешь сдѣлать... Испортишь дѣло, выйдетъ мерзость. Ахъ, наши господа эмансипаторы, всѣ эти ваши Рязанцевы съ компаніею! вотъ хвастуны-то; вотъ болтуны-то; вотъ дурачье-то“... ***).

Эти разговоры Волгина, а также и длинныя выписки, приведенныя нами изъ статьи „Критика философскихъ предубѣжденій“, заключаютъ въ себѣ драгоцѣнный матеріалъ для сужденія о томъ, какъ отвѣчалъ Чернышевскій самому себѣ на вопросы: были ли на лицо въ тогдашней Россіи конкретныя условія, необходимыя для того, чтобы поземельная община могла сразу перейти въ соціалистическую форму производства. Ихъ не было, и Чернышевскій увидѣлъ это уже къ концу 1858 года. Увидѣвъ это, онъ показалъ себя несравненно болѣе проницательнымъ, нежели народники, которые еще въ серединѣ 90-хъ годовъ старательно разводили свои рацеи насчетъ того, что Россія можетъ избѣжать

*) Курсивъ повсюду въ этой выпискѣ нашъ.
**) Сочиненія, т. X, ч. 1-ая, стр. 164-ая.
***) Тамъ же, стр. 91.

капитализма. Вполнѣ естественно, что очень большой человѣкъ гораздо больше людей очень маленькихъ: странно было бы удивляться тому, что Чернышевскій оказался несравненно проницательнѣе г. В. В. Но все-таки позволительно удивиться тому, что Чернышевскій могъ въ теченіе нѣкотораго времени питать иллюзіи на счетъ вѣроятной судьбы общины. И это можно объяснить только тѣмъ, что для него, какъ для человѣка, стоявшаго на точкѣ зрѣнія утопическаго соціализма, главный вопросъ всегда заключался въ отвлеченной правильности принципа, а не въ тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, при которыхъ могло бы совершиться его осуществленіе. Ошибка, сдѣланная имъ въ этомъ случаѣ, повторялась весьма значительною частью русскихъ соціалистовъ вплоть до конца прошлаго вѣка, а отчасти и до нашихъ дней. И въ виду этого неоспоримаго факта необходимо отдать Чернышевскому ту справедливость, что онъ уже при самомъ началѣ своей литературной дѣятельности обнаружилъ въ разсужденіяхъ объ общинѣ гораздо больше вдумчивости, нежели многіе и многіе „русскіе соціалисты“ даже въ серединѣ 90-ыхъ годовъ, когда уже, казалось бы, только слѣпой могъ не видѣть, что наши пресловутые „вѣковые устои“ разлѣзаются по всѣмъ швамъ. Уже въ апрѣлѣ 1857 года онъ писалъ: но „нельзя скрывать отъ себя, что Россія, доселѣ мало участвовавшая въ экономическомъ движеніи, быстро вовлекается въ него, и нашъ бытъ, доселѣ оставшійся почти чуждымъ вліянію тѣхъ экономическихъ законовъ, которые обнаруживаютъ свое могущество только при усиленіи экономической и торговой дѣятельности, начинаетъ быстро подчиняться ихъ силѣ. Скоро и мы, можетъ быть, вовлечемся въ сферу полнаго дѣйствія закона конкурренціи“ *).

Это какъ разъ то, что послѣ него такъ долго и старательно скрывали отъ себя и своихъ читателей теоретики нашего народничества. Правду говоритъ Писаніе: звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ... Убѣдившись въ томъ, что у насъ нѣтъ на лицо тѣхъ условій, которыя сдѣлали бы общинное землевладѣліе источникомъ благосостоянія народа, Чернышевскій долженъ былъ увидѣть, что его сочувственное отношеніе къ общинѣ въ дѣйствительности очень мало походитъ на симпатію къ ней славянофиловъ. Въ статьѣ „О причинахъ паденія Рима“ онъ говоритъ, что хотя община могла бы принести извѣстную долю пользы въ дальнѣйшемъ развитіи Россіи, однако, гордиться ею все-таки смѣшно, потому что

*) Сочиненія, III, 185.

она все-таки есть признакъ нашей экономической отсталости. Онъ беретъ примѣръ: европейскіе инженеры, говоритъ онъ, пользуются теперь прикладной механикой для постройки висячихъ мостовъ. Но вотъ оказывается, что въ какой-то, онъ самъ хорошенько не помнитъ въ какой, отсталой азіатской странѣ туземные инженеры давно уже строили висячіе мосты въ подходящихъ для этого мѣстностяхъ. Значитъ ли это, что азіатскую прикладную механику можно поставить на одинъ уровень съ европейской? Мостъ мосту—рознь, и висячій мостъ азіатскихъ инженеровъ безконечно далеко отстоитъ отъ европейскаго висячаго моста. Конечно, когда въ азіатской странѣ, издавна знакомой съ висячими мостами, явятся европейскіе техники, то имъ легче будетъ убѣдить иного мандарина въ томъ, что новѣйшіе висячіе мосты не представляютъ собою безбожной затѣи. Но и только. Не смотря на свои висячіе мосты, азіатская страна все-таки останется отсталой страной, а Европа все-таки будетъ ея учительницей. То же съ русской общиной. Она, можетъ быть, облегчитъ дѣло развитія нашей родины; но главный толчекъ для него все-таки придетъ съ запада, и обновлять человѣчество намъ, даже съ помощью общины, все-таки не пристало.

Это уже совсѣмъ не по славянофильски. Но теперь Чернышевскій уже не щадитъ славянофиловъ. Онъ прямо говоритъ, что съ такими чудаками, какъ они, не стоитъ и спорить о судьбахъ Запада. А когда все-таки онъ вступаетъ въ разсужденія съ ними, то выражается уже совсѣмъ непочтительно. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Народная безтолковость“, напечатанной въ X книжкѣ „Современника“ за 1851-ый годъ, онъ читаетъ имъ нотацію за ихъ отношеніе къ славянамъ. Грубость выбраннаго имъ заглавія онъ объясняетъ тѣмъ, что, проникшись славянофильскими доводами, онъ рѣшился избѣгать употребленія иностранныхъ словъ, которыя могли бы, не измѣняя названія статьи по существу, придать ему болѣе вѣжливую форму. По мнѣнію славянофильской газеты Ивана Аксакова „День“, Россія должна была преподнести славянамъ „даръ самостоятельнаго бытія подъ сѣнью крылъ русскаго орла“. Чернышевскій доказываетъ, что у русскаго орла много своихъ собственныхъ дѣлъ. „Если вы хотите войны,—говоритъ онъ,—то разсудите-же, дозволяютъ-ли намъ думать о войнѣ наши обстоятельства“ *). Кромѣ того, онъ полагалъ, что если бы славянофилы дѣйствительно желали добра турецкимъ славянамъ, то они

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 328.

постарались бы внушить западнымъ державамъ увѣренность, что паденіе турецкой власти въ Европѣ не послужитъ къ поглощенію Дунайскихъ княжествъ Россіей и не поведетъ къ обращенію Константинополя въ русскій губернскій городъ. Если бы славянофилы сдѣлали это, то турецкіе славяне освободились бы и безъ нашей помощи. То же и относительно австрійскихъ славянъ: „Какъ ваши слова о прикрытіи турецкихъ славянъ могущественными крыльями русскаго орла возбуждаютъ Англію и Францію поддерживать турокъ, точно такъ же подобныя ваши рѣчи объ австрійскихъ славянахъ возбуждаютъ Германію поддерживать австрійцевъ. Неужели вы думаете, что при нынѣшнихъ стремленіяхъ нѣмцевъ къ политическому единству было бы мило для нѣмцевъ существованіе нынѣшней Австрійской имперіи, являющейся сильнѣйшимъ препятствіемъ къ достиженію нѣмецкаго единства,—было бы мило нѣмцамъ поддерживать Австрію, если бъ не опасались они, что при паденіи этой имперіи восточная половина ея подпадетъ подъ власть Россіи? Вы возстановляете нѣмцевъ противъ освобожденія австрійскихъ славянъ“ *). Далѣе Чернышевскій прибавляетъ и показываетъ, что военный задоръ славянофильской газеты И. Аксакова вызывается не сочувствіемъ къ славянамъ, а стремленіемъ подчинить славянскія племена русской власти. Мимоходомъ онъ опровергаетъ также и славянофильскія разглагольствованія о будто бы коварномъ и злостномъ отношеніи Запада къ Россіи. Онъ говоритъ, что всѣ серьезные органы европейской печати отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ важнѣйшимъ реформамъ въ Россіи, и что сочувствовать успѣхамъ общественной жизни какой-либо страны совсѣмъ не значитъ желать ей зла.

Все это было какъ нельзя болѣе справедливо и показывало, что, несмотря на временныя иллюзіи на счетъ возможной судьбы общины, Чернышевскій, подобно Бѣлинскому, остался убѣжденнымъ и дальновиднымъ западникомъ.

Глава четвертая.

Соціализмъ и политика.

Тотъ, кто на основаніи сочиненій Чернышевскаго старается составить себѣ понятіе объ его политическихъ взглядахъ, сначала испытываетъ нѣкоторое смущеніе, если только онъ самъ не равно-

*) Тамъ же, стр. 328—329.

душенъ къ политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, который былъ послѣ Бѣлинскаго наиболѣе яркимъ представителемъ передовыхъ стремленій въ нашей литературѣ, кажется сначала политическимъ индифферентистомъ. И не потому, что изъ-подъ его пера выходитъ нѣсколько неудачнымъ выраженій; не вслѣдствіе какой-нибудь описки, а въ силу тѣхъ общихъ принциповъ, на основаніи которыхъ онъ судитъ иногда о важнѣйшихъ явленіяхъ западно-европейской жизни. Въ доказательство мы сошлемся на статью „Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X“ („Современникъ“ 1858 г. №№ 8 и 9). Мы тамъ читаемъ:

„У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудности равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно, къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному—аристократіи; либералъ почти всегда находитъ, что при только извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы“ *).

Тутъ прежде всего бросается въ глаза, что слово: демократы употреблено Чернышевскимъ не въ его настоящемъ смыслѣ. Демократъ стремится къ „народоправству“, а для человѣка, стремящагося къ „народоправству“, вопросъ о политическомъ строѣ всякой данной страны отнюдь не можетъ быть второстепеннымъ вопросомъ. Да и можно ли уничтожить преобладаніе высшихъ

*) Сочиненія, т. IV, стр. 157.

классовъ надъ низшими въ „государственномъ устройствѣ“ иначе какъ съ помощью извѣстныхъ политическихъ реформъ. Наконецъ, невѣрно то, что изъ всѣхъ политическихъ учрежденій демократъ непримиримо враждебенъ только аристократіи. Трудно представить себѣ демократа, который уживался бы съ абсолютизмомъ. Чернышевскій былъ слишкомъ образованнымъ человѣкомъ для того, чтобы все это могло остаться ему неизвѣстнымъ. Поэтому приходится вспомнить, какъ часто вынуждаемы были русскіе писатели пользоваться эзоповскимъ языкомъ. Если мы въ только что сдѣланной нами выпискѣ замѣнимъ слова: „демократъ“, „демократы“,—словами: „соціалистъ“, „соціалисты“, и если мы къ этимъ словамъ прибавимъ эпитетъ: утопическій, утопическіе, то все станетъ яснымъ и понятнымъ. Соціалисты-утописты въ самомъ дѣлѣ были за немногими исключеніями совсѣмъ, или почти совсѣмъ, равнодушны къ политикѣ, и имъ въ самомъ дѣлѣ было „почти все равно“, при какихъ политическихъ условіяхъ начнется введеніе новаго общественнаго строя. Понятно поэтому, что Чернышевскій, который самъ стоялъ на точкѣ зрѣнія утопическаго соціализма, могъ, нисколько не измѣняя своимъ передовымъ стремленіямъ, отодвигать вопросы политическаго строя на самый задній планъ и даже находить, что наша Сибирь гораздо выше Англіи.

Далѣе Чернышевскій разъясняетъ свою мысль съ помощью такихъ доводовъ, которые еще больше подтверждаютъ наше предположеніе о томъ, что подъ демократами онъ понимаетъ соціалистовъ. Онъ говоритъ: „Съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбою отъ матеріальной нужды: свобода—вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ *). Народъ не имѣетъ матеріальной возможности пользоваться политической свободой. Почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно. Съ какой же стати станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество осуждаютъ его на полное не-

*) Тамъ же, та же стр.

пониманіе государственныхъ дѣлъ. Съ какой же стати будетъ онъ интересоваться парламентскими преніями? Чернышевскій категорически говоритъ, что „нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правиламъ, составляющимъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма“ *). Этимъ объясняется то, что либерализмъ вездѣ безсиленъ. „Изъ теоретической узкости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практическое слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, не дорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ“ **).

Масса не только не дорожитъ, но и не можетъ дорожить политическими правами. Ея бѣдственное матеріальное положеніе совершенно лишаетъ ее возможности обнаружить сколько-нибудь серьезную политическую самодѣятельность. Таковы тѣ основныя положенія, опираясь на которыя, Чернышевскій судитъ о современной ему политической жизни Европы. Это тѣ самыя положенія, съ которыми почти на каждомъ шагу встрѣчается человѣкъ, изучающій исторію утопическаго соціализма. Утопическій соціализмъ никогда не могъ разрѣшить той антимоніи, первая половина которой гласитъ, что масса не можетъ интересоваться политикой, а вторая утверждаетъ, что серьезныя политическія преобразованія могутъ быть совершены только при энергичной поддержкѣ со стороны массъ. Поэтому практическіе планы соціалистовъ-утопистовъ никогда не имѣли широкаго,—національнаго, какъ говорятъ на Западѣ,—характера: они всегда сводились къ основанію частными средствами земледѣльческихъ колоній, производительныхъ ассоціацій и т. п. Спустя какой-нибудь десятокъ лѣтъ,—даже менѣе того,—послѣ появленія статьи „Борьба партій во Франціи“ европейскій пролетаріатъ въ лицѣ наиболѣе сознательныхъ своихъ элементовъ разрѣшилъ указанную антимонію, заявивъ, что смотритъ на политическое движеніе, какъ на средство достиженій своихъ экономическихъ цѣлей. Первый же манифестъ Международнаго Товарищества Рабочихъ говорилъ, что „первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи политическаго могущества“. Интересно, что къ тому времени, когда началась литературная дѣятельность Чернышевскаго, даже нѣко-

*) Тамъ же, стр. 158.

**) Тамъ же, та же стр.

торые изъ соціалистовъ-утопистовъ начали принимать болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ политической жизни. Это можно сказать, напримѣръ, о многихъ французскихъ фурьеристахъ. Но Чернышевскій, какъ видно, еще не далъ себѣ яснаго отчета въ этомъ, правда, тогда еще мало замѣтномъ, поворотѣ соціалистической мысли. Политическимъ индифферентистомъ онъ, на самомъ дѣлѣ, не былъ никогда; напротивъ, онъ всегда живо интересовался политикой. Но, не вѣря въ способность „простонародья" къ политической иниціативѣ, онъ не могъ задумываться о выработкѣ для него сколько-нибудь опредѣленной политической программы. Этимъ и объясняется заключеніе его статьи, въ которомъ такъ характеризуется періодъ внутренней жизни Франціи, простиравшійся отъ возстановленія Бурбоновъ до іюльской революціи. „Напрасная борьба династіи противъ новыхъ интересовъ, нимало не враждебныхъ выгодамъ королевской власти; напрасный союзъ ея съ партіею, отъ торжества которой не могла она желать никакой пользы для себя, противъ партіи, искренно желавшей союза съ династіею, выгоднаго для династіи; оставленіе народа беззащитнымъ и безнадежнымъ вслѣдствіе противоестественнаго союза династіи съ феодалами; увлеченіе народа отчаяніемъ къ возстанію,—гибель династіи безъ пользы для народа,—вотъ въ короткихъ словахъ исторія Реставраціи. Реакціонеры понесли наказаніе, котораго заслуживалъ ихъ эгоизмъ; но грустно то, что династія ради удовольствія этихъ бездушныхъ эгоистовъ готовила себѣ ненужную погибель" *).

Неужели Чернышевскій въ самомъ дѣлѣ могъ въ концѣ 1858 г. грустить о томъ, что династія Бурбоновъ погибла ради удовольствія французской аристократіи? Въ этомъ, конечно, очень позволительно усомниться. Всего естественнѣе предположить, что это заключеніе статьи Чернышевскаго было написано со спеціальною цѣлью показать русскому правительству, что оно сдѣлаетъ большую ошибку, если отождествитъ интересы монархіи съ интересами дворянства, упорно защищавшаго свои классовые интересы при отмѣнѣ крѣпостного права. Точно такъ же, отмѣченное выше разсужденіе о томъ, въ какомъ смыслѣ для „демократа" Сибирь выше Англіи, должно было повидимому намекнуть кому слѣдовало на то, что наша крайняя партія готова будетъ энергично поддер-

*) Тамъ же, стр. 219.

живать правительство, если только оно сумѣетъ избѣжать указанной ошибки. Подобныя же заявленія дѣлались въ то время, какъ извѣстно, М. А. Бакунинымъ и А. И. Герценомъ. Пусть не подумаетъ читатель, что мы обвиняемъ нашего автора въ политическомъ іезуитизмѣ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы именно доказываемъ, что Чернышевскому не было никакой надобности кривить душою, чтобы высказывать подобныя соображенія.

До какой степени тѣсно и крѣпко связаны были соображенія этого рода съ его основными общественными взглядами показываетъ слѣдующій фактъ. Уже въ 1860-мъ году, т. е. въ то время, когда онъ и самъ твердо убѣдился въ томъ, что совѣты, дававшіеся нашей радикальной интеллигенціей правительству, не имѣли ровно никакого вліянія на политику этого послѣдняго въ крестьянскомъ вопросѣ, Чернышевскій счелъ нужнымъ подробно доказывать въ октябрьской книжкѣ „Современника", что вожаки крайней партіи въ Италіи не настолько дорожатъ республиканскою формою правленія, чтобъ не сдѣлать уступокъ монархіи, если только она станетъ серьезно защищать интересы народа. „Въ теоріи они дѣйствительно республиканцы,—говорилъ онъ,—но въ практикѣ всегда были готовы всѣми силами поддерживать государей, проникнутые національнымъ чувствомъ. Имъ кажется, что вопросъ о формѣ правленія въ Италіи далеко не имѣетъ того значенія, какъ вопросъ о національномъ единствѣ. Не только теперь имъ кажется это, но и всегда они такъ думали, всегда они готовы были быть ревностнѣйшими приверженцами монархическаго правительства, посредствомъ котораго могла бы получить государственное единство Италія. Такъ дѣйствовалъ и самъ Маццини, глава такъ называемыхъ итальянскихъ республиканцевъ" *).

Мы не говоримъ, что Мадзини дѣйствовалъ или стремился дѣйствовать иначе. Мы только утверждаемъ, что частыя у нашего автора указанія на возможность союза крайнихъ партій съ тою или другою династіей даютъ весьма важный матеріалъ для характеристики его собственныхъ политическихъ взглядовъ. Если ему „грустно", что французскіе Бурбоны приготовили себѣ „ненужную" погибель, то единственно потому, что участіе французской народной массы въ іюльскихъ событіяхъ 1830 года кажется ему совершенно безполезнымъ для ея интересовъ. Онъ какъ будто даже

*) Сочиненія, т. VI, стр. 691.

сожалѣетъ о томъ, что она выказала готовность поддержать либерала. И по этому поводу онъ дѣлаетъ интересное тактическое замѣчаніе уже не частнаго, а общаго характера. „Врагъ нашихъ враговъ другъ намъ“ — это заключеніе, говоритъ онъ, слишкомъ часто ведетъ къ самымъ горькимъ разочарованіямъ; очень часто случается людямъ, руководясь имъ, попадать изъ Сциллы въ Харибду, или, по русской поговоркѣ, изъ огня въ полымя; но тѣмъ не менѣе рѣдко успѣваютъ оберечь себя отъ него даже такіе опытные въ политическихъ дѣлахъ, такіе осторожные и недовѣрчивые люди, какъ дипломаты. Что-же удивительнаго, если простой народъ мало по малу поддался этой мысли? Феодалы нападали на новыя учрежденія, дорогія народу—либералы защищали эти учрежденія,—чего же больше? Масса стала довѣрчива къ нимъ. Правда, защищались эти учрежденія либералами вовсе не въ томъ духѣ, не съ тѣми цѣлями, съ какими вводились; смыслъ однихъ и тѣхъ-же словъ не былъ въ 1820-ыхъ годахъ таковъ, каковъ былъ тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Но гдѣ же было народу разбирать такія тонкости? Не у него однако, а у большинства людей образованныхъ, сильнѣйшій элементъ въ умственной жизни—рутина; народъ привыкъ любить извѣстныя слова и не имѣть симпатій къ защищавшимъ эти слова“ *).

Итакъ, только въ силу рутины парижскій народъ поддержалъ либераловъ въ 1830 году? А какъ поступилъ бы онъ, если бы не находился подъ властью рутины? Отвѣтъ мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ Чернышевскаго: „Простой народъ сражался безъ всякихъ опредѣленныхъ собственныхъ требованій; онъ увлекся тяжестью своего положенія къ участію въ вопросахъ, чуждыхъ его интересамъ; онъ не озаботился продать свое содѣйствіе, не выторговалъ себѣ никакихъ условій прежде, чѣмъ примкнуть къ той или другой сторонѣ. Разумѣется, онъ не получилъ ничего“ **).

Отсюда прежде всего слѣдуетъ, что парижскій народъ долженъ былъ лишь на извѣстныхъ условіяхъ оказать свою поддержку либераламъ въ іюлѣ 1830 года. Противъ этого спорить невозможно: когда два дѣятеля соединяютъ свои усилія противъ третьяго, то они очевидно должны предварительно сговориться насчетъ того, на какихъ взаимныхъ условіяхъ они это дѣлаютъ. Но Чернышев-

---

*) Сочиненія, т. VI, стр. 206—206.

**) Тамъ-же, стр. 219.

скій говоритъ не только это. Онъ утверждаетъ, что политическіе вопросы вообще были „чужды интересамъ“ парижскаго народа. Стало быть, этотъ народъ долженъ былъ, по мнѣнію Чернышевскаго, предъявить либераламъ требованія чисто экономическаго характера. Тутъ мы опять видимъ тотъ своеобразный „экономизмъ“,—какъ выразились бы у насъ лѣтъ 10 или 8 тому назадъ,—которымъ отличались всѣ соціалисты-утописты, и ошибка котораго становится ясною лишь съ точки зрѣнія научнаго соціализма. Марксъ еще въ своемъ спорѣ съ Карломъ Гейнценомъ наканунѣ революціи 1848 года, писалъ: „Рабочіе прекрасно знаютъ не только то, что буржуазія должна будетъ сдѣлать имъ болѣе значительныя уступки, чѣмъ абсолютизмъ, но и то, что она противъ своей воли создаетъ въ интересахъ собственной промышленности и торговли почву для сплоченія рабочаго класса; сплоченіе же рабочихъ есть первое условіе ихъ побѣды. Рабочіе знаютъ, что уничтоженіе буржуазныхъ имущественныхъ отношеній не достигается сохраненіемъ феодальныхъ. Они знаютъ, что революціонное движеніе буржуазіи противъ феодальныхъ сословій и абсолютной монархіи можетъ начаться лишь въ тотъ день, когда побѣдитъ буржуазія“.

Основатели научнаго соціализма хорошо знали, что рабочему классу не разъ приходилось выступать на историческую арену подъ предводительствомъ буржуазіи и бороться съ врагами своихъ враговъ. Но они не видѣли въ этомъ достойной сожалѣнія ошибки пролетаріата, объясняемой лишь его неразвитостью, лишь преобладаніемъ „рутины“ въ его умственной жизни. Они считали напротивъ, что, борясь съ врагами своихъ враговъ, пролетаріатъ совершалъ свое собственное политическое воспитаніе. Они писали въ манифестѣ: „Несогласія внутри стараго общества всегда способствуютъ, такъ или иначе, развитію пролетаріата. Буржуазія ведетъ постоянную борьбу; сначала—противъ аристократіи, потомъ—противъ тѣхъ слоевъ своего класса, интересамъ которыхъ противорѣчитъ развитіе крупной промышленности; борьба ея противъ буржуазіи другихъ государствъ не прекращается никогда. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкать его такимъ образомъ на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, слѣдовательно, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е. вручаетъ ему оружіе противъ самой себя“.

Ошибку Чернышевскаго можно характеризовать кратко словами:

ему не ясна была связь экономическихъ интересовъ пролетаріата съ его политическими задачами. Эта ошибка, свойственная, какъ мы уже не разъ говорили, всему утопическому соціализму*), имѣетъ не только историческій интересъ. Она до сихъ поръ, то здѣсь, то тамъ, повторяется тѣми идеологами пролетаріата, — а иногда и цѣлыми, болѣе или менѣе обширными, рабочими организаціями,— которымъ по той или другой причинѣ не удается постигнуть связь политики съ экономикой. Въ послѣдніе годы самымъ яркимъ примѣромъ этой теоретической неясности могла бы служить теорія такъ называемаго революціоннаго синдикализма, распространяющагося преимущественно во Франціи и въ Италіи. Такъ какъ Чернышевскій считалъ, что политическіе вопросы чужды интересамъ массы, то онъ могъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, не только ставить Сибирь выше Англіи, но и удивляться тому, что на самомъ дѣлѣ вовсе не удивительно, т. е. тому, что ни одна изъ политическихъ партій во Франціи не попыталась опереться на соціализмъ для упроченія своего господства. „Какова бы ни была,—говоритъ онъ,—форма политическаго устройства, предпочитаемая извѣстною партіею, все равно, эта форма могла получить прочность только отъ разрѣшенія вопросовъ, составлявшихъ предметъ изслѣдованія для тѣхъ мыслителей, которые заботились пріискать средства къ удовлетворенію потребностей массы. Но всѣ политическія партіи— абсолютисты, конституціоналисты, республиканцы—одинаково возставали противъ этихъ попытокъ, которыми пролагался единственный путь къ успокоенію общества. Республиканцы сдѣлали такую ошибку въ 1848 году; теперь при іюльской монархіи, дѣлали ее консерваторы и умѣренные либералы“ **).

Недоумѣніе нашего автора разрѣшилось бы очень скоро, если бъ онъ принялъ во вниманіе, что всѣ старыя политическія партіи

---

*) Напомнимъ читателю, что Р. Оуэнъ предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ увлеченія политической агитаціей. Онъ находилъ, что завоеваніе всеобщаго избирательнаго права отнюдь не подвинетъ впередъ дѣла созданія трудовыхъ ассоціацій (ср. E. Dolléans, R. Owen Paris 1905, pp. 208—209). Его мечты о патріархальномъ режимѣ подъ управленіемъ выборнаго „соціальнаго отца“ недурно характеризованы г. Еленой Симонъ (R. Owen, Jena, 1905, S. 255). Извѣстно, какъ часто обращается Р. Оуэнъ къ современнымъ ему правительствамъ съ просьбой содѣйствовать ему въ осуществленіи его соціалистическихъ плановъ.

**) Сочиненія, т. VI, стр. 126.

были партіями, выражавшими стремленія такихъ классовъ или слоевъ французскаго общества, интересы которыхъ были противоположны интересамъ пролетаріата или, по крайней мѣрѣ, очень сильно расходились съ ними, между тѣмъ, какъ соціализмъ даже въ своей утопической фазѣ былъ, правда иногда довольно фантастическимъ, выраженіемъ именно пролетарскихъ интересовъ. Всѣ старыя партіи прекрасно понимали это и потому всѣ онѣ возстали противъ соціализма. Изъ этого положенія былъ только одинъ выходъ: возникновеніе самостоятельной политической партіи, служащей интересамъ пролетаріата. И этотъ выходъ былъ найденъ исторіей: мало по малу рабочія партіи возникли во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы. Но Чернышевскій, какъ видно, еще не терялъ надежды на то, что выходъ найдется въ примиреніи съ соціализмомъ одной изъ старыхъ политическихъ партій.

Напоминаемъ читателю, что мы указываемъ на ошибки Чернышевскаго вовсе не для того, чтобы нападать на этого въ высшей степени замѣчательнаго человѣка, а единственно для того, чтобы какъ можно лучше выяснить себѣ сильныя и слабыя стороны его міросозерцанія. Ошибки Чернышевскаго были не его личными ошибками; онѣ объясняются не отсутствіемъ у него вниманія къ предмету или логической послѣдовательности, а общими недостатками той точки зрѣнія, на которой во всѣхъ странахъ стояли даже самые геніальные соціалисты утопическаго періода. Въ сочиненіяхъ Чернышевскаго эта неудовлетворительность обнаруживается подчасъ съ особенною силою именно потому, что онъ былъ человѣкъ чрезвычайно выдающагося ума. Построивъ свою философію исторіи на томъ идеалистическомъ принципѣ, что міромъ правятъ мнѣнія, онъ не могъ не примѣнять этого принципа и къ политикѣ. И только тотъ пойметъ во всей ихъ полнотѣ его политическіе взгляды, кто будетъ помнить, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который, не смотря на свою матеріалистическую философію, держался въ общемъ идеалистическаго объясненія исторіи. Вотъ очень наглядный образчикъ, показывающій, какимъ образомъ историческій идеализъ Чернышевскаго проникалъ собою его политическія разсужденія.

„Все на свѣтѣ,—говоритъ онъ,—требуетъ для своего осуществленія силы. Дурное и хорошее одинаково ничтожно, когда безсильно. Что же такое сила? Въ теоріи сила дается логикою. Кто имѣетъ совершенно опредѣленные принципы, кто развиваетъ ихъ послѣдовательно, тотъ всегда одерживаетъ въ теоретическомъ

спорѣ верхъ надъ людьми непослѣдовательными, говорящими въ одно время объ одномъ и томъ-же и „да“ и „нѣтъ“. Всѣ великіе теоретики были люди крайнихъ мнѣній. Но другое дѣло—практическая жизнь. Въ ней важно то, на чьей сторонѣ большинство. А у большинства господствующій принципъ—рутина. Рѣдки бываютъ минуты, когда овладѣваетъ обществомъ сильная идея, и оно скоро утомляется непривычнымъ для него напряженіемъ умственныхъ силъ и снова впадаетъ въ рутину; а рутина—это вовсе не логическая смѣсь стараго и новаго, смѣсь мыслей, принадлежащихъ совершенно разнороднымъ принципамъ, которымъ никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ въ послѣдовательной теоріи, но которыя очень ладно набиваются рядомъ въ головы, мало способныя мыслить. Силенъ въ обществѣ тотъ, кто имѣетъ за себя большинство. Вотъ причина тому, что въ конституціонныхъ государствахъ власть принадлежитъ обыкновенно партіи такъ называемыхъ умѣренныхъ людей,—людей непослѣдовательнаго образа мыслей, желающихъ лишь на половину все то, къ чему стремятся“ *).

Самъ Чернышевскій дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ, что люди крайнихъ мнѣній всегда работаютъ не въ свою пользу, а въ пользу умѣренной партіи, не смотря на то, что истинными двигателями исторіи являются именно они, люди крайнихъ мнѣній. Но для насъ важна здѣсь другая сторона вопроса. Для насъ имѣетъ существенную важность указаніе на то, что въ этихъ, такъ сказать, „пролегоменахъ“ ко всѣмъ политическимъ разсужденіямъ Чернышевскаго, весь его матеріализмъ сводится лишь къ тому положенію, что все на свѣтѣ осуществляется силой. А какъ только возникаетъ вопросъ о томъ, что такое сила, нашъ авторъ сразу переходитъ на точку зрѣнія идеализма. Силенъ тотъ, за кѣмъ большинство, а большинство всегда поддается рутинѣ, всегда держится умѣренныхъ и отсталыхъ мнѣній. Вотъ почему въ конституціонныхъ государствахъ власть принадлежитъ умѣренныхъ людямъ. „Міромъ правятъ мнѣнія“, а масса плохо разбирается во мнѣніяхъ—въ этомъ разгадка хода всемірной исторіи, и въ этомъ-же объясненіе современныхъ намъ политическихъ событій. Послѣдняя наша выписка сдѣлана нами изъ статьи „Графъ Кавуръ“. Посмотрите же, какъ примѣняются заключающіяся въ этой вы-

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 208.

пискѣ общія положенія къ тому, что происходило въ Италіи во время ея послѣдней борьбы за свое освобожденіе.

„Въ Италіи по національнымъ дѣламъ есть, какъ и вездѣ, два противоположные образа мыслей, очень послѣдовательные каждый своему принципу. Представителями одного надобно назвать покойнаго короля неаполитанскаго Фердинанда и нынѣшняго правителя римскихъ дѣлъ Антонелли; извѣстнѣйшій представитель другого— Маццини. Котораго изъ нихъ вы ни захотите послушать, онъ разсуждаетъ гораздо логичнѣе Кавура и его сотоварищей. Но одинъ принципъ уже не удовлетворяетъ рутинному образу мыслей большинства, другой еще не вошелъ въ рутину. Отъ этого при обыкновенномъ настроеніи итальянскаго общества ни тотъ, ни другой не могутъ удовлетворить ему. Удовлетворительна только та смѣсь, которая составляетъ рутину, образовавшуюся изъ клочковъ прежняго принципа, еще уцѣлѣвшихъ, и клочковъ новаго принципа, уже успѣвшихъ сдѣлаться общими мѣстами... Фердинандъ неаполитанскій и Антонелли, а на противоположномъ концѣ Гарибальди и Маццини одинаково трудились въ пользу Кавура, потому что масса общества нерасположена итти далеко ни по какому правленію: она рада останавливаться подлѣ тѣхъ, которые въ дурномъ-ли, въ хорошемъ-ли одинаково говорятъ: „остановимся; мы уже далеко ушли; отдохнемъ, успокоимся“ *).

Нѣсколько ниже Чернышевскій говоритъ, что если-бы Кавуръ и другіе предводители умѣренной партіи въ Италіи взяли на себя иниціативу движенія, а не были-бы подталкиваемы крайней партіей, то масса отбросила-бы ихъ отъ себя, какъ людей, не соотвѣтствующихъ неопредѣленности ея тенденцій и вялости ея желаній. „Имѣть обдуманную, ясную программу!—восклицаетъ онъ.— Можетъ быть это и хорошо само по себѣ, можетъ быть это и полезно для націи, но масса общества никогда не поставитъ, не будетъ имѣть своими представителя такихъ людей. Стало быть, нечего порицать Кавура за то, что былъ онъ такимъ, какимъ былъ, занимая мѣсто, какое занималъ: такіе люди требуются этимъ мѣстомъ; другіе не годятся для него“ **).

Здѣсь у Чернышевскаго понятіе „нація“ не совпадаетъ съ понятіемъ: „масса общества“. А въ виду того, что подъ обществомъ понимались и до сихъ поръ иногда понимаются у насъ такъ назы-

*) Тамъ же, стр. 208.

**) Тамъ же, стр. 210.

ваемые образованные классы, то можно подумать, что вышеприведенная, весьма нелестная характеристика массы относится только къ этой части населенія. Мысль эту можно было-бы подтвердить выписками изъ другихъ его статей *). Но неправильно было-бы заключать отсюда, что Чернышевскій, подобно нашимъ народникамъ, ставилъ „простолюдиновъ“ выше интеллигенціи. Мы уже знаемъ, какимъ низкимъ представлялся ему умственный уровень „простонародья“ даже въ самыхъ передовыхъ странахъ Европы; мы видѣли, что поддержка, оказанная французскимъ народомъ либеральной буржуазіи въ 1830 году, объяснялась у него тѣмъ соображеніемъ, что масса вездѣ живетъ рутиною. Значитъ, если онъ въ своихъ отзывахъ о массѣ дѣлаетъ иногда молчаливо подразумѣваемое исключеніе для „простолюдиновъ“, то это происходитъ по какой-нибудь особенной причинѣ, а вовсе не потому, что онъ ставитъ ихъ выше общества. Какая-же это причина? Та, что „простолюдины“, вообще говоря, не занимаются, по его мнѣнію, политикою, а потому и не имѣютъ случая обнаружить свою склонность къ рутинѣ. Въ политическомъ обозрѣніи 6-ой книжки „Современника“ за 1859 годъ, онъ, сообщивъ о томъ, что въ Германіи усиливается движеніе, требующее вмѣшательства Нѣмецкаго

---

*) Удовольствуемся одной. „До февраля 1848 г. Викторъ Гюго не зналъ, какой у него образъ мыслей въ политикѣ, ему не приходилось думать объ этомъ; а впрочемъ онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и отличный семьянинъ, добрый, честный гражданинъ, и сочувствовалъ всему хорошему, въ томъ числѣ, славѣ Наполеона I и рыцарскому великодушію Александра I, доброму сердцу герцогини Орлеанской, матери наслѣдника тогдашняго короля Луи-Филиппа, и несчастіямъ благородной герцогини Беррійской, матери соперника этому королю и этому наслѣднику, сочувствовалъ прекрасному таланту Тьера, соперника Гизо, геніально простому краснорѣчію Гизо (едва-ли не величайшаго изъ тогдашнихъ ораторовъ), честности Одилона Барро, противника Гизо и Тьера, генію и честности Араго, знаменитаго астронома, главнаго представителя республиканцевъ въ тогдашней палатѣ, благородству фурьеристовъ, добродушію Луи-Блана, великолѣпной діалектикѣ Прудона, любилъ монархическія учрежденія, и, кромѣ того, все остальное хорошее, въ томъ числѣ и Спартанскую республику, и Вильгельма Телля,—образъ мыслей извѣстный и заслуживающій всякаго почтенія уже и по одному тому, что изъ сотни честныхъ, образованныхъ людей чуть-ли не 99 человѣкъ во всѣхъ странахъ свѣта имѣютъ навѣрно такой образъ мыслей“. (т. X, ч. 2-ая, отд. 2-ой, стр. 95—96). Тутъ уже Чернышевскій самъ говоритъ, что, характеризуя „массу общества“, онъ имѣетъ въ виду собственно образованные классы.

Союза въ пользу Австріи, замѣчаетъ: „мы говорили не о простолюдинахъ, а собственно о классахъ, въ которыхъ сосредоточивается общественное мнѣніе, которые заняты политическими дѣлами, читаютъ газеты и обнаруживаютъ вліяніе на ходъ дѣлъ,—эта толпа, повсюду служащая игрушкою своекорыстія и интриги“ *).

„Простолюдины“ не читаютъ газетъ, не занимаются политическими дѣлами и не имѣютъ вліянія на ихъ ходъ. Такъ обстоитъ дѣло теперь, пока еще глубоко спитъ ихъ сознаніе. А когда оно пробудится подъ вліяніемъ передового отряда дѣйствующей исторической арміи, состоящаго изъ „лучшихъ людей“, усвоившихъ себѣ выводы современной науки, тогда „простолюдины“ поймутъ, что ихъ задача состоитъ въ коренномъ переустройствѣ общества, и тогда они возьмутся за дѣло этого переустройства, не имѣющее прямого отношенія къ вопросамъ о формахъ политическаго устройства. Таковъ былъ преобладавшій взглядъ Чернышевскаго, который и обнаруживается въ большинствѣ его многочисленныхъ политическихъ обозрѣній **). Если иногда этотъ, по существу своему идеалистическій, взглядъ на политику уступаетъ мѣсто другому взгляду, являющемуся какъ бы зачаткомъ матеріалистическаго пониманія, то это есть лишь исключеніе, совершенно подобное тому, съ которымъ мы встрѣчались при изученіи историческихъ взглядовъ Чернышевскаго: читатель помнитъ, что въ этихъ взглядахъ, тоже идеалистическихъ по своему существу, тоже встрѣчались зачатки матеріалистическаго взгляда на исторію. Пояснимъ же теперь двумя примѣрами, какой характеръ должны были принимать политическія обозрѣнія Чернышевскаго подъ вліяніемъ только что указаннаго нами и преобладавшаго у него взгляда на отношеніе политики къ главнымъ задачамъ рабочаго класса.

Первый примѣръ. Въ январѣ 1862 года онъ въ своемъ политическомъ обозрѣніи вступаетъ въ споръ съ прусской либеральной „National Zeitung“ по поводу внутренней политики Австріи. „National Zeitung“ писала: „судьба Австріи да послужитъ для другихъ государствъ урокомъ, чтобы они не дѣлали расходовъ, превышающихъ финансовую ихъ силу. Причиною разоренія Австріи служитъ безмѣрность расходовъ ея на войско“. Чернышевскому не нравится это размышленіе „National Zeitung“. Онъ

*) Сочиненія, т. V, стр. 249.

**) Эти обозрѣнія составляютъ по объему, по крайней мѣрѣ, два тома полнаго собранія его сочиненій.

сознается, что не имѣетъ возможности опровергнуть данныя, на которыхъ оно построено. Эти данныя засвидѣтельствованы „къ сожалѣнію“ самимъ австрійскимъ правительствомъ, которое имѣло неосторожность „объявить цифру своего дефицита“. Но „къ счастью“ споръ можно перевести въ область принциповъ и на почву исторической необходимости. При такомъ его оборотѣ окажется, что австрійское правительство право. Чернышевскій разсуждаетъ такъ.

Расходы на войско въ Австріи дѣйствительно очень велики. Но, вѣдь, иначе и быть не можетъ: австрійская армія многочисленнѣе французской, а ея содержаніе обходится почти вдвое дешевле. Стало быть нельзя обвинять австрійское правительство въ излишней расточительности. Правда, можно сказать, что Австрія могла бы уменьшить свою армію. Но Чернышевскій утверждаетъ, что австрійское правительство рѣшительно не въ состояніи сдѣлать это. Чтобъ имѣть возможность уменьшить армію, оно должно было бы отказаться отъ Венеціи и удовлетворить требованія венгровъ. Но какое же правительство отказывалось когда-нибудь добровольно отъ обладанія какою-нибудь землею? Англія никогда не отказывалась отъ господства надъ Ирландіею; Пруссія—отъ господства надъ Познанью. „Значитъ,—заключаетъ Чернышевскій,—обскурантизмъ и деспотизмъ австрійскаго правительства остается тутъ не причемъ: либеральное правительство точно такъ же старалось бы сохранить власть надъ Венеціею“ *). То же и насчетъ Венгріи. Совѣтовать австрійскому правительству удовлетворить ея желаніямъ это все равно, какъ если бы совѣтовать купцу, чтобъ онъ не бралъ торговой прибыли, или совѣтовать землевладѣльцу, чтобы онъ не бралъ дохода со своей земли, или совѣтовать „National Zeitung“, чтобы она отказывалась отъ подписчиковъ. Даже болѣе того: Чернышевскій находитъ, что даже эти нелѣпые совѣты менѣе странны, чѣмъ совѣты, даваемые австрійскому правительству либералами. Австрійское правительство не можетъ послѣдовать этимъ совѣтамъ **).

Подобные доводы, приводившіе къ тому заключенію, что деспотическое австрійское правительство поступаетъ совершенно правильно, должны были поражать и въ самомъ дѣлѣ поражали очень многихъ читателей „Современника“. Они производили

*) Сочиненія, т. IX, стр. 205.

**) Тамъ же, стр. 206.

впечатлѣніе даже не равнодушія къ вопросамъ политической свободы, а прямого сочувствія обскурантамъ. Противники не разъ обвиняли Чернышевскаго въ такомъ сочувствіи. Именно въ виду подобныхъ обвиненій онъ въ концѣ своего мартовскаго политическаго обозрѣнія 1862 года дѣлаетъ ироническое признаніе: „для насъ нѣтъ лучшей забавы, какъ либерализмъ,—такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ-нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними". Но на самомъ дѣлѣ онъ писалъ свои парадоксальныя обозрѣнія, разумѣется, не за тѣмъ, чтобы „потѣшиться" надъ либералами, и не за тѣмъ, чтобы защищать деспотическія правительства. Въ ихъ основѣ лежала та мысль, что при наличности данныхъ общественныхъ отношеній дѣла не могутъ итти иначе, чѣмъ они идутъ, и что тотъ, кто желаетъ, чтобы они шли иначе, долженъ направить свои усилія на коренную передѣлку общественныхъ отношеній. Поступать иначе значитъ только даромъ тратить свое время. Либералы вызывали насмѣшки Чернышевскаго именно тѣмъ, что они предлагали палліативы тамъ, гдѣ нужно было радикальное лѣченіе *).

Второй примѣръ. Въ апрѣлѣ того же года по поводу столкновенія прусскаго правительства съ прусскою палатою депутатовъ, Чернышевскій опять какъ будто беретъ сторону абсолютизма въ его борьбѣ съ либерализмомъ. По его словамъ, либералы напрасно удивлялись тому, что прусское правительство не сдѣлало имъ добровольной уступки, а предпочло волновать страну распущеніемъ палаты. „Мы находимъ,—говоритъ онъ,—что прусскому правительству такъ и слѣдовало поступить" **). Это опять должно было поразить наивнаго читателя и показаться ему измѣною дѣлу свободы. Само собою понятно, однако, что и тутъ нашъ авторъ вовсе не ополчался на защиту деспотизма, а только хотѣлъ вос-

*) Въ своихъ „очеркахъ политической экономіи" Чернышевскій указывая на несоотвѣтствіе существующаго экономическаго порядка съ „требованіями здравой теоріи", прерываетъ иногда свое изложеніе вопросомъ: „долженъ ли оставаться такой бытъ, при которомъ возможна подобная несоотвѣтственность?" (См., напримѣръ, Соч., т. VII, стр. 513) На такой же вопросъ должны были наводить его читателей и политическія его обозрѣнія--особенно тѣ, изъ которыхъ слѣдовалъ тотъ „несообразный" выводъ, что правы не враги деспотизма, а его защитники. Такой выводъ являлся у Чернышевскаго только лишнимъ доводомъ противъ нынѣшняго „быта". Но либералы часто не понимали этого.

**) Тамъ же, стр. 236.

пользоваться прусскими событіями для сообщенія наиболѣе догадливымъ изъ своихъ читателей правильнаго взгляда на то главное условіе, отъ котораго зависитъ въ послѣднемъ счетѣ исходъ всѣхъ крупныхъ общественныхъ столкновеній. И вотъ что говоритъ онъ на этотъ счетъ:

„Какъ споры между различными государствами ведутся сначала дипломатическимъ путемъ, точно такъ же борьба изъ-за принциповъ внутри самого государства ведется сначала средствами гражданскаго вліянія или такъ называемымъ законнымъ путемъ. Но какъ между различными государствами споръ, если имѣетъ достаточную важность, всегда приходитъ къ военнымъ угрозамъ, точно такъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, если дѣло немаловажно. Если спорящія государства слишкомъ неравносильны, дѣло обыкновенно рѣшается уже однѣми военными угрозами: слабое государство исполняетъ волю сильнаго, и этимъ отвращается дѣйствительная война. Точно такъ же и въ важныхъ внутреннихъ дѣлахъ война отвращается только тѣмъ, если одна изъ спорящихъ сторонъ чувствуетъ себя слишкомъ слабою, сравнительно съ другой: тогда она смиряется, лишь только увидитъ, что противная партія дѣйствительно рѣшилась прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Но если два спорящія государства не такъ неравносильны, чтобы слабѣйшее изъ нихъ не могло надѣяться отразить нападеніе, то отъ угрозъ доходитъ дѣло и до войны. Обороняющійся имѣетъ на своей сторонѣ очень большую выгоду, и потому, если онъ уже не слишкомъ слабъ, то не падаетъ духомъ отъ рѣшимости болѣе сильнаго противника напасть на него“ *).

Съ этой точки зрѣнія онъ и смотрѣлъ на то, что происходило тогда въ Пруссіи. Онъ защищалъ и хвалилъ прусское правительство,—необходимо замѣтить это,—единственно потому, что оно „дѣйствовало какъ нельзя лучше въ пользу національнаго прогресса“, разрушая политическія иллюзіи тѣхъ наивныхъ пруссаковъ, которые, неизвѣстно на какомъ основаніи, воображали, что система истинно конституціоннаго правленія водворится у нихъ сама собою, безъ борьбы со старымъ порядкомъ. И если онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго сочувствія къ прусскимъ либераламъ и даже потѣшался надъ ними, то это объясняется тѣмъ, что и они, по его справедливому мнѣнію, хотѣли добиться своихъ цѣлей

*) Тамъ же, стр. 241.

безъ рѣшительной борьбы со своими политическими врагами. Говоря о возможномъ исходѣ столкновенія между палатою и правительствомъ, онъ съ большою проницательностью замѣчаетъ, что „судя по нынѣшнему настроенію общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, надобно полагать, что противники нынѣшней системы находятъ себя слишкомъ слабыми для военной борьбы и готовы смириться при первой рѣшительной угрозѣ правительства, что оно прибѣгнетъ къ военнымъ мѣрамъ“ *). Такъ оно и вышло. Чернышевскій былъ правъ въ своемъ презрѣніи къ прусскимъ либераламъ. Они дѣйствительно хотѣли, чтобы конституціонный порядокъ утвердился въ Пруссіи самъ собою. Они не только не прибѣгли къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ,—за это ихъ нельзя было бы винить, такъ какъ при тогдашнемъ соотношеніи общественныхъ силъ это было невозможно,—но въ принципѣ осуждали всякую мысль о такихъ дѣйствіяхъ, т.-е. препятствовали, насколько это зависѣло отъ нихъ, такому измѣненію общественныхъ силъ, которое позволило бы прибѣгнуть къ такимъ дѣйствіямъ въ будущемъ. Чернышевскій не могъ простить имъ это, какъ не простилъ и Лассаль. Замѣчательно, что именно въ то время, когда Чернышевскій осмѣивалъ прусскихъ либераловъ въ своихъ политическихъ обозрѣніяхъ, Лассаль громилъ ихъ въ своихъ рѣчахъ. И еще болѣе замѣчательно, что въ этихъ рѣчахъ германскій агитаторъ иногда тѣми же словами, какъ и Чернышевскій, говорилъ о соотношеніи общественныхъ силъ, какъ объ основѣ политическаго строя каждой данной страны. Лассаль имѣлъ во многихъ отношеніяхъ тѣхъ же учителей, что и Чернышевскій. Естественно, что политическая мысль обоихъ работала въ одномъ и томъ же направленіи и приходила къ результатамъ, отчасти совпадающимъ между собою. Мы потому говоримъ: „отчасти“, что отмѣчая большое сходство между взглядами Лассаля, съ одной стороны, и Чернышевскаго съ другой, не слѣдуетъ закрывать глаза и на различіе между ними. Лассаль не ограничивается тѣмъ выводомъ, что конституція каждой данной страны служитъ юридическимъ выраженіемъ существующаго въ ней соотношенія общественныхъ силъ. Онъ старается найти тѣ причины, которыми опредѣляется это соотношеніе, и находитъ ихъ въ общественной экономикѣ. Относящіяся къ этому вопросу рѣчи Лассаля проникнуты матеріалистическимъ духомъ, чего совсѣмъ нельзя сказать, напримѣръ, объ его рѣчи

*) Тамъ же, стр. 241.

о философіи Фихте или объ его „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“. Чернышевскій тоже не игнорируетъ вопроса о причинахъ, обусловливающихъ собою соотношеніе общественныхъ силъ, но въ своемъ анализѣ онъ останавливается, дойдя до общественнаго самосознанія, т.-е. не переступаетъ той границы, которая отдѣляетъ историческій идеализмъ отъ историческаго матеріализма. Въ противоположность Лассалю, онъ въ своихъ разсужденіяхъ о прусскихъ дѣлахъ выступаетъ гораздо болѣе послѣдовательнымъ идеалистомъ, чѣмъ во многихъ другихъ своихъ статьяхъ политическаго или историческаго содержанія. Эта разница тоже должна быть цѣликомъ отнесена на счетъ „соотношенія общественныхъ силъ“. Въ Пруссіи, какъ ни слабъ былъ прусскій капитализмъ сравнительно съ тѣмъ, что онъ представляетъ собою въ настоящее время, все таки уже начиналось рабочее движеніе въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова; а въ Россіи только начинало расцвѣтать то движеніе разночинцевъ, которое называется обыкновенно движеніемъ интеллигенціи. Подъ вліяніемъ нуждъ рабочаго движенія даже идеалисты не рѣдко оказываются вынужденными разсуждать по матеріалистически. Примѣровъ такого вліянія нуждъ рабочаго движенія можно не мало насчитать въ современной Франціи. Движеніе интеллигенціи, наоборотъ, даже матеріалистовъ толкаетъ иногда на путь чисто идеалистическихъ разсужденій. Это особенно хорошо наблюдается въ нынѣшней Россіи.

Политическія обозрѣнія Чернышевскаго предназначались для „лучшихъ людей“, которымъ нужно было знать, чему они должны учить отсталую массу. Дѣло „лучшихъ людей“ сводилось главнымъ образомъ къ пропагандѣ. Однако, не исключительно къ ней. „Простонародье“, вообще говоря, не фигурируетъ на политической сценѣ. И то, что происходитъ на этой сценѣ,—тоже говоря вообще,—мало касается его интересовъ. Но бываютъ исключительныя эпохи, въ теченіе которыхъ народная масса пробуждается отъ своей обычной спячки и дѣлаетъ энергичныя, хотя нерѣдко малосознательныя попытки къ улучшенію своей судьбы. Въ такія исключительныя эпохи дѣятельность „лучшихъ людей“ болѣе или менѣе утрачиваетъ свой преимущественно пропагандистскій характеръ и становится агитаціонной. Вотъ что говоритъ Чернышевскій о подобныхъ эпохахъ:

„Историческій прогрессъ совершается медленно и тяжело...

такъ медленно, что если мы будемъ ограничиваться слишкомъ короткими періодами, то колебанія, производимыя въ поступательномъ ходѣ исторіи случайностями обстоятельствъ, могутъ затемнить въ нашихъ глазахъ дѣйствіе общаго закона. Чтобы убѣдиться въ его неизмѣнности, надобно сообразить ходъ событій за довольно продолжительное время... Сравните состояніе общественныхъ учрежденій и законовъ Франціи въ 1700 году и нынѣ,— разница чрезвычайная, и вся она въ выгоду настоящаго; а между тѣмъ почти всѣ эти полтора вѣка были очень тяжелы и мрачны. То же самое и въ Англіи. Откуда же разница? Она постоянно подготовлялась тѣмъ, что лучшіе люди каждаго поколѣнія находили жизнь своего времени чрезвычайно тяжелою; мало-по-малу хотя немногія изъ ихъ желаній становились понятны обществу, и потомъ, когда-нибудь, чрезъ много лѣтъ, при счастливомъ случаѣ, общество полгода, годъ, много три или четыре года, работало надъ исполненіемъ хотя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ немногихъ желаній, которыя проникли въ него отъ лучшихъ людей. Работа никогда не была успѣшна: на половинѣ дѣла уже истощалось усердіе, изнемогала сила общества и снова практическая жизнь общества впадала въ долгій застой, и по-прежнему лучшіе люди, если переживали внушенную ими работу, видѣли свои желанія далеко не осуществленными и по-прежнему должны были скорбѣть о тяжести жизни. Но въ короткій періодъ благороднаго порыва многое было передѣлано. Конечно, переработка шла наскоро, не было времени думать объ изяществѣ новыхъ пристроекъ, которыя оставались не отдѣланы на-чисто, некогда было заботиться о субтильныхъ требованіяхъ архитектурной гармоніи новыхъ частей съ уцѣлѣвшими остатками, и періодъ застоя принималъ перестроенное зданіе со множествомъ мелкихъ несообразностей и некрасивостей. Но этому лѣнивому времени былъ досугъ внимательно всматриваться въ каждую мелочь, и такъ какъ исправленіе не нравившихся ему мелочей не требовало особенныхъ усилій, то по немногу онѣ исправлялись; а пока изнеможенное общество занималось мелочами, лучшіе люди говорили, что перестройка не докончена, доказывали, что старыя части зданія все больше и больше ветшаютъ, доказывали необходимость вновь приняться за дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Сначала ихъ голосъ отвергался уставшимъ обществомъ, какъ безпокойный крикъ мѣшающій отдыху; потомъ, по возстановленіи своихъ силъ, общество начинало все больше и больше прислушиваться къ мнѣнію, на которое негодо-

вало прежде, по-немногу убѣждалось, что въ немъ есть доля правды, съ каждымъ годомъ признавало эту долю все въ большемъ размѣрѣ, наконецъ, готово было согласиться съ передовыми людьми въ необходимости новой перестройки, и при первомъ благопріятномъ обстоятельствѣ съ новымъ жаромъ принималось за работу, и опять бросало ее, не кончивъ, и опять дремало, и потомъ опять работало" *).

Политическія обозрѣнія Чернышевскаго имѣли цѣлью именно показать „лучшимъ людямъ", что старое зданіе современнаго общественнаго порядка все болѣе и болѣе ветшаетъ, и что необходимо „вновь приняться за дѣло въ широкихъ размѣрахъ". И, какъ это по всему видно, ему къ концу перваго,—т. е. до-сибирскаго,—періода его литературной дѣятельности стало казаться, что общество все больше и больше прислушивается къ его мнѣнію и все больше и больше соглашается съ нимъ. Другими словами, онъ сталъ думать, что и въ русской исторіи приближается одинъ изъ тѣхъ благодѣтельныхъ скачковъ, которые рѣдко совершаются въ исторіи, но зато далеко подвигаютъ впередъ процессъ общественнаго развитія. Настроеніе передовыхъ слоевъ русскаго общества въ самомъ дѣлѣ быстро поднималось, а вмѣстѣ съ нимъ поднималось и настроеніе Чернышевскаго. Онъ, находившій когда-то возможнымъ и полезнымъ разъяснять правительству его собственныя выгоды въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, теперь уже и не думаетъ обращаться къ правительству. Всякіе расчеты на него кажутся ему вреднымъ самообольщеніемъ. Въ статьѣ „Русскій реформаторъ" („Современникъ", 1861 года, октябрь), написанной по поводу выхода книги Н. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго", Чернышевскій подробно доказываетъ, что никакой реформаторъ не долженъ обольщаться у насъ подобными расчетами. Враги называли Сперанскаго революціонеромъ. Этотъ отзывъ смѣшитъ Чернышевскаго. У Сперанскаго, дѣйствительно, были очень широкіе планы преобразованія, но смѣшно называть его революціонеромъ по размѣру средствъ, какими онъ думалъ воспользоваться для исполненія своихъ намѣреній. Онъ держался только тѣмъ, что успѣлъ пріобрѣсть довѣріе имп. Александра I. Опираясь на это довѣріе, онъ и думалъ осуществить эти планы. И именно поэтому Чернышевскій называетъ его мечтателемъ. Онъ былъ человѣкомъ очень тонкаго ума, но горячность его стремленій ввела

*) Сочиненія, т. V, стр. 490—491.

его въ ошибку. Мечтатели часто бываютъ смѣшны; но они становятся вредны обществу, когда обольщаются въ серьезныхъ дѣлахъ. „Въ своей восторженной хлопотливости на ложномъ пути,—говоритъ Чернышевскій,—они какъ будто добиваются нѣкотораго успѣха и тѣмъ сбиваютъ съ толку многихъ, заимствующихъ изъ этого мнимаго успѣха мысль итти тѣмъ же ложнымъ путемъ. Съ этой стороны дѣятельность Сперанскаго можно назвать вредною“ *).

Не поддается вреднымъ увлеченіямъ въ политикѣ только тотъ, кто постоянно помнитъ, что ходъ общественной жизни опредѣляется соотношеніемъ общественныхъ силъ. Тому, кто хочетъ дѣйствовать сообразно съ этимъ основнымъ положеніемъ, приходится иногда переживать тяжелую нравственную борьбу. Чернышевскій старается предупредить на этотъ счетъ „лучшихъ людей“ своего времени въ виду приближавшагося, какъ онъ думалъ, скачка. Такъ, еще въ январѣ 1861 года, разбирая одну книгу извѣстнаго американскаго экономиста Кери, ничтожество котораго, мимоходомъ сказать, разоблачается у него самымъ лучшимъ образомъ, онъ неожиданно переходитъ къ извѣстной еврейской героинѣ Юдиѳи и горячо оправдываетъ ея поступокъ. Онъ говоритъ: „Историческій путь не тротуаръ Невскаго проспекта; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не примайся за общественную дѣятельность: она занятіе благородное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному, можетъ быть, кажется, что, напримѣръ, Юдиѳь не запятнала себя... Расширьте кругъ вашихъ соображеній, и у васъ по многимъ частнымъ вопросамъ явятся обязанности, различныя отъ тѣхъ, какія слѣдовали бы изъ изолированнаго поставленія тѣхъ же вопросовъ“ **).

Въ началѣ 60-хъ годовъ правительство вознамѣрилось нѣсколько ослабить цензурныя стѣсненія. Рѣшено было написать новый цензурный уставъ, и печати позволили высказаться по вопросу объ ея собственномъ обузданіи. Чернышевскій не замедлилъ выразить по этому поводу свой собственный взглядъ, по обыкновенію сильно расходившійся съ обычнымъ либеральнымъ взгля-

*) Сочиненія, т. VIII, стр. 319.

**) Сочиненія, т. VIII, стр. 37—38.

домъ. Правда, Чернышевскій самъ ѣдко смѣется надъ тѣми людьми, которые полагаютъ, что типографскій станокъ имѣетъ какую-то специфическую силу въ родѣ белладоны, сѣрной кислоты, гремучаго серебра и т. п. „Наше личное мнѣніе не расположено къ ожиданію ненатурально вредоносныхъ результатовъ отъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ силы производить такія бѣдствія. Мы думаемъ, что для произведенія общественныхъ бѣдъ типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Вѣдь нѣтъ на немъ столько чернилъ, чтобы, прорвавшись какъ-нибудь, затопили они страну, и нѣтъ въ немъ такихъ пружинъ, чтобы, сорвавшись какъ-нибудь и хлопнувъ по литерамъ, стрѣльнули онѣ ими, какъ картечью". Однако, Чернышевскій признаетъ, что бываютъ такія эпохи, когда печать можетъ оказаться опасною для правительства данной страны не менѣе картечи. Это именно такія эпохи, когда интересы правительства расходятся съ интересами общества и приближается революціонный взрывъ. Находясь въ подобномъ положеніи, правительство имѣетъ всѣ основанія стѣснять печать, потому что печать, наравнѣ съ другими общественными силами готовитъ его паденіе. Въ такомъ положеніи постоянно находились почти всѣ часто стѣснявшіяся французскія правительства нынѣшняго вѣка. Все это очень обстоятельно и спокойно изложено Чернышевскимъ. О русскомъ правительствѣ до самаго конца статьи нѣтъ и рѣчи. Но въ заключеніе Чернышевскій неожиданно спрашиваетъ читателя,—а что если бы оказалось, что законы о печати дѣйствительно нужны у насъ? „Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантовъ, враговъ прогресса, ненавистниковъ свободы, панегиристовъ деспотизма и т. д., какъ уже много разъ подвергали себя такому нареканію". Поэтому онъ и не хочетъ изслѣдовать вопроса о надобности или ненадобности спеціальныхъ законовъ о печати у насъ. „Мы опасаемся,—говоритъ онъ,—что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: да, они нужны" *). Выводъ ясенъ: нужны потому, что и въ Россіи приближается время „скачка".

Въ той-же мартовской книжкѣ „Современника", въ которой была напечатана только что цитированная нами статья, появилась также полемическая замѣтка: „Научились-ли"? по поводу извѣстныхъ студенческихъ безпорядковъ 1861 года. Чернышевскій защищаетъ въ ней студентовъ отъ упрека въ нежеланіи учиться, ко-

*) Сочиненія, т. IX, стр. 130, 155—156.

торый дѣлали имъ наши „охранители“, и по пути высказываетъ также много горькихъ истинъ правительству. Ближайшимъ поводомъ къ этой полемикѣ послужила статья неизвѣстнаго автора въ „С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ: „Учиться или не учиться“? Чернышевскій отвѣчаетъ, что по отношенію къ студентамъ такой вопросъ не имѣетъ смысла, такъ какъ они всегда хотѣли учиться, но имъ мѣшали стѣснительныя университетскія правила. Студентовъ, — людей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда по нашимъ законамъ мужчина можетъ жениться, принимается на государственную службу и „можетъ быть командиромъ военнаго отряда“,—университетскія правила хотѣли поставить въ положеніе маленькихъ ребятъ. Неудивительно, что они протестовали. Имъ запрещали даже такія совершенно безвредныя организаціи, какъ товарищества взаимной помощи, безусловно необходимыя при матеріальной необезпеченности большинства учащихся. Студенты не могли не возстать противъ такихъ порядковъ, такъ какъ тутъ дѣло шло о „кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались“. Чернышевскій прямо заявляетъ, что составители университетскихъ правилъ именно хотѣли отнять возможность учиться у большинства людей, поступающихъ въ студенты университета. „Если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли правила“. Безъименный авторъ статьи „Учиться или не учиться?“ направилъ свой упрекъ въ нежеланіи учиться не только противъ студентовъ, но и противъ всего русскаго общества. Этимъ и воспользовался Чернышевскій, чтобы свести споръ о безпорядкахъ въ университетѣ на болѣе общую почву. Противникъ его допускалъ ,что существуютъ нѣкоторые признаки желанія русскаго общества учиться. Доказательствомъ этому служили по его мнѣнію „сотни“ возникающихъ у насъ новыхъ журналовъ, „десятки“ воскресныхъ школъ. „Сотни новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? восклицаетъ Чернышевскій. А нужны были бы дѣйствительно сотни, и хочетъ ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ, какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько-нибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно

нѣсколько хотя маленькихъ газетъ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть... Десятки воскресныхъ школъ... Вотъ это не преувеличено, не то что сотни новыхъ журналовъ: воскресныя школы въ Имперіи, имѣющей болѣе 60 милліоновъ населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, пеленаются, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать".

Сославшись на существованіе „сотенъ" новыхъ журналовъ и „десятковъ" воскресныхъ школъ, какъ на кажущіеся признаки желанія общества учиться, авторъ разобранной Чернышевскимъ статьи поспѣшилъ прибавить, что признаки эти обманчивы. „Послушаешь крики на улицахъ,—меланхолически повѣствовалъ онъ—скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься"... „Позвольте, г. авторъ статьи,—возражаетъ Чернышевскій, какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городовыхъ и квартальныхъ, — эти крики и мы слышимъ. Про нихъ-ли вы говорите? Скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то...—что же такое напримѣръ? Тамъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлано притѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному,—объ этомъ безпрестанно говорятъ. Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ поневолѣ повѣсишь голову и разочаруешься".

Обвинитель студентовъ нападалъ на ихъ мнимую нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, на то, что они въ своихъ протестахъ, прибѣгаютъ къ свисткамъ, моченымъ яблокамъ и тому подобнымъ „уличнымъ орудіямъ". Чернышевскій возражаетъ ему, что „свистки и моченыя яблоки употребляются не какъ уличныя орудія: уличными орудіями служатъ штыки, приклады, палаши". Онъ предлагаетъ своему противнику вспомнить, „студентами ли употреблялись эти уличныя орудія противъ кого-нибудь, или употреблялись они противъ студентовъ... и была-ли нужда употреблять ихъ противъ студентовъ".

Понятно, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя статьи Чернышевскаго на русское студенчество. Когда вно-

слѣдствіи студенческіе безпорядки повторились въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, то статейка „Научились-ли“ читалась на сходкахъ студентовъ, какъ лучшая защита ихъ требованій. Понятно также, какъ должны были встрѣчать подобныя вызывающія статьи гг. „охранители“. „Опасное“ вліяніе великаго писателя на учащуюся молодежь все болѣе и болѣе становилось для нихъ несомнѣннымъ. Мы уже знаемъ, какъ было устранено это вліяніе.

Стоя на точкѣ зрѣнія утопическаго соціализма, Чернышевскій находилъ, что тѣ планы, къ осуществленію которыхъ стремились его западные единомышленники, могли осуществиться при самыхъ различныхъ политическихъ формахъ. Такъ говорила теорія. И пока Чернышевскій не уходилъ изъ ея области, онъ не обинуясь высказывалъ этотъ свой взглядъ. Въ началѣ его литературной дѣятельности наша общественая жизнь какъ будто обѣщала дать нѣкоторое, хотя бы только косвенное, подтвержденіе справедливости этого взгляда: у нашихъ передовыхъ людей явилась тогда надежда на то, что правительство возьметъ на себя починъ безпристрастнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Это была несбыточная надежда, отъ которой Чернышевскій отказался едва-ли не ранѣе, чѣмъ кто-либо другой. И если въ теоріи онъ и впослѣдствіи неясно видѣлъ связь экономики съ политикой, то въ своей практической дѣятельности,—говоря это, мы имѣемъ въ виду его дѣятельность, какъ п у б л и ц и с т а — онъ выступалъ непримиримымъ врагомъ нашего стараго порядка, хотя его своеобразная иронія продолжала вводить многихъ либеральныхъ читателей въ заблужденіе на этотъ счетъ. На дѣлѣ,—если не въ теоріи,—онъ сталъ человѣкомъ непримиримой политической борьбы, и жажда борьбы сказывается едва ли не въ каждой строкѣ каждой изъ его статей, относящихся къ 1861 г. и, въ особенности, къ роковому для него 1862 году.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Политико - экономическіе взгляды Н. Г. Чернышевскаго.

Глава первая.

Общія замѣчанія. — Гипотетическій методъ.

Въ историческихъ взглядахъ нашего автора случайности отводится вообще очень широкое мѣсто. Это мы видѣли въ одномъ изъ предыдущихъ отдѣловъ.

Теперь мы скажемъ, что даже современный намъ экономическій строй представлялся Чернышевскому продуктомъ историческихъ случайностей. „По исторіи оказалось,—говоритъ онъ въ цитированной уже рецензіи на книгу Рошера,—что нынѣшнія экономическія формы возникли подъ вліяніемъ отношеній, противорѣчащихъ требованіямъ экономической науки, несовмѣстимыхъ ни съ успѣхами труда, ни съ расчетливостью потребленія, словомъ сказать, представляютъ собою результатъ причинъ, враждебныхъ и труду и благосостоянію. Напримѣръ, въ Западной Европѣ экономическій бытъ основался на завоеваніи, на конфискаціи и монополіи". Никто не скажетъ, разумѣется, что завоеванія, конфискаціи, монополіи не имѣли мѣсто въ Западной Европѣ. Но въ виду рѣшающаго значенія, приписываемаго Чернышевскимъ завоеванію, намъ невольно припоминаются слова Энгельса: „Даже въ томъ случаѣ, если мы исключимъ всякую возможность грабежа насилія и обмана, если мы допустимъ, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личномъ трудѣ ея обладателя и затѣмъ во все дальнѣйшее время только равныя стоимости обмѣнивались на равныя, то тѣмъ не менѣе, съ дальнѣйшимъ развитіемъ производства и обмѣна, мы необходимо при-

демъ къ современному капиталистическому способу производства, къ монополизированію средствъ производства и существованія въ рукахъ одного малочисленнаго класса, къ пригнетенію другого, составляющаго огромнѣйшее большинство, класса до положенія лишенныхъ всякой собственности пролетаріевъ, къ періодической смѣнѣ производительной горячки и торговыхъ кризисовъ и ко всей современной анархіи въ производствѣ. Относя различныя историческія формы экономическаго быта насчетъ завоеванія и считая ихъ противорѣчащими „требованіямъ экономической науки", нашъ авторъ естественно не могъ придавать большой цѣны ихъ изученію. Знакомясь съ такъ называемымъ историческимъ методомъ въ экономической наукѣ лишь по трудамъ такихъ его представителей, какъ Вильгельмъ Рошеръ и проч. Citaten-Professoren, онъ относился къ нему очень пренебрежительно и считалъ его плодомъ реакціи противъ освободительныхъ стремленій рабочаго класса *).

Отрицая историческій методъ, нашъ авторъ пользовался въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ другимъ методомъ, который онъ называлъ гипотетическимъ. Мы характеризуемъ его собственными словами Чернышевскаго. „Этотъ методъ состоитъ

---

*) Опираясь на исторію, Рошеръ и его единомышленники были принципіальными противниками „скачковъ"; они держались того мнѣнія, что эволюція не оставляетъ для нихъ мѣста. Это взглядъ столь же ошибочный, какъ и взглядъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, возстающихъ, — теперь уже, пожалуй, вѣрнѣе будетъ сказать нѣкогда возставшихъ,— противъ эволюціи. Обѣ эти крайности совершенно исключаютъ правильное пониманіе исторіи. На самомъ дѣлѣ „скачки" составляютъ необходимый моментъ эволюціи. Медленныя измѣненія подготовляютъ „скачки", скачки расчищаютъ путь для дальнѣйшихъ медленныхъ измѣненій. Принятый въ особенности германскими учеными историческій методъ совершенно произвольно ограничивалъ свое поле зрѣнія однимъ изъ моментовъ эволюціи: моментомъ медленныхъ постепенныхъ измѣненій. О представителяхъ *такого* историческаго метода Марксъ съ полнымъ правомъ писалъ еще въ 1844 году: „они оправдываютъ низости, совершаемыя сегодня низостями вчерашняго дня; объявляютъ мятежомъ всякій протестъ крѣпостного противъ кнута, если только этотъ кнутъ историческій; при всякомъ кускѣ, вырѣзываемомъ изъ народнаго сердца, эти вѣрноподданные Шейлоки ссылаются на историческій вексель" и проч. Однако, самъ Марксъ, въ такихъ сильныхъ и мѣткихъ выраженіяхъ разоблачавшій сервилизмъ оффиціальныхъ представителей „историческаго метода" не только не игнорировалъ исторической эволюціи, но первый обнаружилъ ея наиболѣе глубокія пружины.

въ томъ—говоритъ онъ въ своихъ замѣчаніяхъ на первую книгу Политической Экономіи Милля—что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи и пріискивать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаруживалъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, пріискивать задачи самаго простѣйшаго свойства. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какую играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами на время. Напримѣръ, вмѣсто многосложной задачи: были ли войны съ Франціей въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи, берется простѣйшій вопросъ: можетъ ли война быть полезна не для какой-нибудь шайки, а для многочисленной націи? Теперь, какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Дѣло идетъ о выгодѣ, то-есть о количествѣ благосостоянія или богатствъ, объ уменьшеніи или объ увеличеніи его, то-есть о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же возьмемъ мы цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, то-есть въ простѣйшемъ видѣ, такъ, чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны... Итакъ, изъ области историческихъ событій мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіею дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно и которыя назначаются просто по удобству. Напримѣръ (отвлеченное мышленіе) поступаетъ такъ. Предположимъ, что общество имѣетъ 5.000 человѣкъ населенія, въ томъ числѣ 1.000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество. Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества? Лишь только мы произвели такое простѣйшее построеніе вопроса, рѣшеніе становится столь просто и безспорно, что можетъ быть очень легко отыскано каждымъ, и не можетъ быть опровегнуто никѣмъ и ничѣмъ... По термину „предположеніе“, „гипотеза“, самый методъ называется гипотетическимъ“ *). Такого метода Чернышевскій держится во всѣхъ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ, которыя принимаютъ, благодаря этому, совершенно особенный, до крайности

*) Сочиненія, т. VII, стр. 56—57.

отвлеченный характеръ. Извѣстно, что главное экономическое сочиненіе нашего автора представляетъ собою частью переводъ, частью изложеніе политической экономіи Милля, сопровождаемое очень обширными замѣчаніями и самостоятельными дополненіями. Читая это сочиненіе, интересно слѣдить за тѣмъ, какъ принятый авторомъ методъ изслѣдованія постоянно увлекаетъ его изъ области дѣйствительныхъ, существующихъ экономическихъ отношеній въ область отвлеченнаго мышленія. Въ томъ, что касается существующихъ отношеній Чернышевскій рѣдко оспариваетъ Милля. Онъ большею частью довольствуется его анализомъ, который, какъ извѣстно, оставляетъ желать очень многаго по своей неясности и непослѣдовательности. Онъ не расходится съ Миллемъ даже въ такихъ существенныхъ вопросахъ, какъ вопросы о стоимости, о цѣнѣ, о деньгахъ, о законѣ рабочей платы и т. п. Милль совершенно правъ въ томъ, что касается существующаго, говоритъ обыкновенно Чернышевскій, но посмотримъ, такъ ли должно быть, того ли требуетъ здравая экономическая теорія? „Предположимъ“ и т. д.—слѣдуетъ обыкновенно блестящая критика существующихъ отношеній, критика, опирающаяся, однако, исключительно только на совершенно отвлеченныя соображенія и предположенія. Недостатки метода кидаются, такимъ образомъ, въ глаза, и его, конечно, не одобритъ ни одинъ изъ современныхъ научныхъ противниковъ капитализма, такъ какъ противники эти опираются теперь не на требованія отвлеченной „теоріи“, а на тѣ внутреннія противорѣчія существующаго нынѣ строя, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, необходимо должны повести къ его устраненію.

Современная соціалистическая литература чуждается утопіи. Иногда приходится слышать, что въ этомъ заключается важный недостатокъ ея. Но это не такъ. Утопіи имѣли смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока соціалисты стояли на идеалистической точкѣ зрѣнія, пока они считали понятія и чувства людей главнымъ источникомъ существующихъ общественныхъ отношеній. Тогда подробно разработанный и привлекательно раскрашенный планъ „нормальнаго“ общественнаго устройства, способный убѣдить людей въ выгодахъ предлагаемой имъ реформы и подѣйствовать на ихъ воображеніе, казался необходимымъ средствомъ соціалистической пропаганды. Теперь, когда соціалисты знаютъ, что „идеальное“ есть отраженіе въ человѣческихъ головахъ „матеріальнаго“, они не вѣрятъ болѣе въ магическую силу утопій. Люди будутъ поступать не такъ, какъ приглашаютъ ихъ поступать утопіи, а такъ,

какъ заставитъ ихъ поступать суровая экономическая необходимость. Чтобы принимать полезное и дѣятельное участіе въ ходѣ общественно-историческаго развитія, надо не соблазнять людей блестящими картинами „справедливыхъ“ общественныхъ отношеній, а понимать и разъяснять характеръ современныхъ намъ матеріальныхъ условій человѣческаго существованія. Если мы изучили эти условія, если мы умѣемъ предсказать дальнѣйшій ходъ ихъ развитія, то мы можемъ также предвидѣть, въ какую сторону будутъ измѣняться понятія и чувства нашихъ современниковъ. А сообразно съ этимъ мы можемъ направить и нашу практическую дѣятельность. Сила нашего вліянія на дальнѣйшій ходъ событій будетъ прямо пропорціональна ясности нашего пониманія сущности современныхъ намъ экономическихъ отношеній. Наша „программа“ должна быть особаго рода философіей, той философіей, которая въ понятіяхъ и практическихъ требованіяхъ выражаетъ предстоящій ходъ общественно-экономическаго движенія. Соціалисты должны быть акушерами новаго общества, элементы котораго развиваются внутри существующаго буржуазнаго порядка. Но акушеръ представляетъ собою прямую противоположность утописту. Онъ не разсуждаетъ о томъ, какъ должно было бы рождаться человѣчество. Онъ наблюдаетъ то, что есть въ дѣйствительности; онъ изучаетъ механизмъ родовъ и, вполнѣ подчиняясь его законамъ, пользуется ими для своей практической цѣли.

Такимъ образомъ, соціализмъ изъ утопическаго дѣлается критическимъ. Соціалистическое отрицаніе буржуазнаго общества становится въ тѣснѣйшую связь съ пониманіемъ этого общества, т. е. съ выясненіемъ его историческаго значенія. Сообразно съ этимъ классическая буржуазная экономія (т. е. та экономія, которая одна заслуживаетъ названія науки) получаетъ совсѣмъ другой смыслъ въ глазахъ соціалистовъ. Она представляется имъ тѣмъ, чѣмъ она была въ дѣйствительности, т. е. не сплетеніемъ лжи и софизмовъ, сбившихъ съ толку человѣчество, а ученіемъ о законахъ, управляющихъ экономической жизнью общества на извѣстной ступени его развитія. Теоріи буржуазныхъ экономистовъ служатъ соціалистамъ необходимымъ пособіемъ при изученіи того общественнаго порядка, который подготовляетъ условія соціалистической революціи. Не довольствуясь утопіями, Марксъ начинаетъ въ сороковыхъ годахъ свою критическую работу внимательнымъ изученіемъ буржуазной экономіи. И съ этихъ поръ въ исторіи экономической науки начинается новая эпоха. Діалектическая критика

Маркса устранила односторонніе, метафизическіе взгляды буржуазныхъ экономистовъ, пополнила пробѣлы и исправила ошибки ихъ теорій и поставила политическую экономію на совершенно новое основаніе. Быстрые теоретическіе успѣхи соціализма были въ то же время теоретическими успѣхами экономической науки. Теперь политическая экономія стала наукой объ экономическомъ развитіи общества. Что касается буржуазнаго порядка, то она изучаетъ его исторію, его законы и показываетъ, какъ постоянное и неотвратимое ихъ дѣйствіе подрываетъ этотъ порядокъ и подготовляетъ матеріальныя условія для новаго общественнаго устройства. Иначе сказать, буржуазная политическая экономія изучала буржуазный порядокъ въ его готовомъ законченномъ видѣ, который она считала неизмѣннымъ. Современная намъ политическая экономія изучаетъ буржуазный порядокъ съ точки зрѣнія развитія, съ точки зрѣнія его возникновенія и уничтоженія.

Чернышевскій не оставилъ ни одного описанія соціалистическаго общества; только въ одномъ изъ сновъ Вѣры Павловны, въ романѣ „Что дѣлать“ передъ нами проходятъ роскошныя картины будущей общественной жизни. Наивный г. Ивановъ-Разумникъ сдѣлалъ изъ этого обстоятельства тотъ архикомическій выводъ, что Чернышевскій только въ названномъ романѣ да и то изъ презрѣнія къ читающей публикѣ перешелъ на точку зрѣнія утопическаго соціализма. Оспаривать этотъ выводъ здѣсь безполезно. Мы уже знаемъ, что, если Чернышевскій готовъ былъ признать своимъ „собственнымъ“ планомъ планъ то одного, то другого выдающагося соціалиста-утописта, то это происходило единственно потому, что всѣ планы этого рода казались ему тожественными въ своихъ общихъ чертахъ. Намъ извѣстно также, что онъ смотрѣлъ на соціальную науку вообще и на политическую экономію въ частности глазами соціалиста-утописта. А это значитъ, что для него, какъ и для всѣхъ другихъ соціалистовъ-утопистовъ, главная задача науки заключалась не въ изученіи объективнаго хода развитія нынѣшняго общества, а въ изслѣдованіи того, какимъ должно быть будущее общество. Онъ прямо высказываетъ это въ заключительныхъ строкахъ своихъ „Очерковъ изъ политической экономіи. „Не успѣла войти въ наши очерки та часть теоріи, которая, по нашему мнѣнію, наиболѣе важна въ наукѣ. Критикою господствующихъ понятій намъ удавалось приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства наиболѣе выгоднаго для людей. Но мы не успѣли изложить, въ какихъ главныхъ подробностяхъ

должны нѣкогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могутъ уже теперь люди приближаться къ наилучшему устройству своихъ матеріальныхъ отношеній. Намъ пришлось въ этомъ отношеніи довольствоваться неопредѣленными очерками, представленными у Милля въ главѣ о вѣроятной будущности рабочихъ сословій. Мысли его вѣрны, но слишкомъ блѣдны. И мы очень жалѣемъ, что не успѣли дополнить ихъ очерками, болѣе точными. Но что же дѣлать!“ *) Анализъ экономическихъ явленій въ современномъ обществѣ, изложеніе законовъ буржуазнаго хозяйства имѣли для Чернышевскаго второстепенное значеніе, обусловленное преимущественно полемическими цѣлями: „критика господствующихъ понятій“ должна была „приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства наиболѣе выгоднаго для людей“, оттѣнять эти принципы. Сообразно съ этимъ, Чернышевскій равнодушно относится къ тѣмъ противорѣчіямъ, въ которыя впадаетъ Милль при изложеніи важнѣйшихъ политико-экономическихъ теорій. Трудно представить себѣ, чтобы онъ при своемъ ясномъ умѣ могъ не замѣтить этихъ противорѣчій, обративъ на нихъ нѣкоторое вниманіе. Но ему до нихъ было мало дѣла. Его досадовало не то, что Милль плохо понимаетъ современную экономическую жизнь цивилизованныхъ обществъ, а то, что онъ слишкомъ много занимается этой жизнью и слишкомъ мало думаетъ о требованіяхъ „здравой теоріи“, т. е. о принципахъ будущаго общественнаго устройства. Чернышевскій сравниваетъ Милля съ человѣкомъ, который, рѣшившись покинуть Петербургъ, не знаетъ, куда ему слѣдуетъ направиться, въ Берлинъ или въ Казань, и даже признавъ, наконецъ, что въ Берлинъ ѣхать было бы разумнѣе, все-таки сво-

*) Сочиненія Н. Чернышевскаго т. VII, стр. 616. Въ другомъ мѣстѣ того же тома Чернышевскій опредѣляетъ задачу „экономической теоріи“ такъ: разложивъ продуктъ на доли, соотвѣтствующія разнымъ „элементамъ производства, она должна искать, какое сочетаніе этихъ элементовъ и долей даетъ наивыгоднѣйшій практическій результатъ. Въ чемъ тутъ состоитъ задача, понятно каждому: надобно отыскать, при какомъ сочетаніи элементовъ производства данное количество производительныхъ силъ даетъ наибольшій продуктъ. Когда теорія найдетъ такую форму сочетанія, то само собою будетъ разумѣться, что безусловнаго совершенства въ осуществленіи этой формы достичь невозможно человѣку не только теперь, но и рѣшительно никогда; таково уже общее свойство всѣхъ требованій всякой науки; ни одно изъ нихъ не можетъ быть осуществлено въ безусловномъ совершенствѣ, потому что безусловнаго совершенства вообще никогда ни въ чемъ не бывало и не можетъ быть“ и т. д. Тамъ же, стр. 364.

рачиваетъ на Казань. Это очень остроумное сравненіе. Но оно характеризуетъ только практическое отношеніе Милля къ великому спору между пролетаріатомъ и буржуазіей. Теоретическихъ ошибокъ англійскаго экономиста оно вовсе не указываетъ, да не имѣетъ ихъ въ виду. Несмотря на всю неясность своихъ экономическихъ понятій, Милль все-таки кажется Чернышевскому „достойнымъ ученикомъ Рикардо".

Подъ вліяніемъ современнаго ему рабочаго движенія, Милль уже не смотрѣлъ на буржуазное общество, какъ на вѣчное и неизмѣнное. Онъ допускалъ, что буржуазный общественный порядокъ можетъ быть, пожалуй, замѣненъ другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ интересамъ массы. О будущности „рабочихъ сословій" онъ высказывалъ даже мысли, которыя казались вѣрными соціалисту Чернышевскому. Поэтому нашъ авторъ и выбралъ его книгу для перевода на русскій языкъ. Но „вѣрныя" мысли Милля были, во-первыхъ, слишкомъ „блѣдны", а во-вторыхъ, онъ высказывалъ ихъ только мимоходомъ, занимаясь почти исключительно „условіями быта и прогресса, принадлежащими обществу, основанному на частной собственности" (слова Милля). Поэтому Чернышевскій рѣшилъ снабдить переводъ его книги дополненіями и примѣчаніями, излагающими болѣе правильные принципы общежитія. Таково было происхожденіе главнаго экономическаго труда нашего автора.

Типическимъ образчикомъ отношенія Чернышевскаго къ спорнымъ теоріямъ буржуазныхъ экономистовъ можетъ служить слѣдующее замѣчаніе его о государственныхъ займахъ: „Разумѣется, бываютъ разные роды займа, какъ бываютъ разные роды налога, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе обременительны для націи, чѣмъ другіе. Но мѣсто не дозволяетъ намъ здѣсь вдаваться въ эти подробности, которыя, впрочемъ, теряютъ значительную часть своей важности для теоретическаго изслѣдованія, если мы твердо убѣдимся въ общей невыгодности самаго принципа замѣнять налогъ займами. Теорія говоритъ, что займовъ не слѣдуетъ заключать; послѣ этого, какую степень серьезности могли бы имѣть разсужденія о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ размѣрѣ можно заключать займы? *) Разсуждая такимъ образомъ, можно

*) Соч., т. VII, стр. 585. Примѣчаніе къ настоящему изданію. Подобно этому, онъ нерѣдко разсуждалъ, какъ мы видѣли, и въ своихъ политическихъ обозрѣніяхъ; теорія говоритъ, что нынѣшній порядокъ вообще никуда не годится. Послѣ этого какой смыслъ имѣютъ разсужденія и споры о подробностяхъ этого порядка?

было равнодушно проходить мимо важнѣйшихъ вопросовъ буржуазнаго хозяйства. Какую степень серьезности могутъ имѣть наши разсужденія о стоимости, если мы твердо убѣдимся въ общей несостоятельности современнаго обмѣна? Какую степень серьезности могутъ имѣть споры о законѣ заработной платы, если теорія говоритъ, что рабочая сила не должна быть продаваема на рынкѣ? Читатель уже знаетъ, что именно такъ разсуждали соціалисты-утописты, и что такое отношеніе ихъ къ теоріямъ буржуазной экономіи было одной изъ главныхъ ошибокъ утопическаго соціализма, препятствовавшихъ дальнѣйшему развитію общественной науки.

Въ 1866 году въ англійскомъ журналѣ „Common Wealth" началось печатаніе ряда статей рабочаго Георга Эккаріуса, который задался цѣлью подробно разобрать экономическія ученія Милля. Статьи Эккаріуса появились въ видѣ отдѣльной брошюры на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Eines Arbeiters Widerlegung der national-ökonomischen Ansichten John Stuart Mill's". Эккаріусъ былъ дѣятельнымъ членомъ Международнаго Общества Рабочихъ и долгое время находился подъ сильнымъ вліяніемъ Маркса *). По его отношенію къ Миллю можно судить о томъ, какъ относятся къ этому писателю современные намъ соціалисты, т. е. послѣдователи Маркса. Эккаріусъ нападалъ на Милля со стороны совершенно противоположной той, съ которой нападалъ на него Чернышевскій. Его возмущало не то, что Милль слишкомъ мало говорилъ о будущемъ обществѣ, а то, что англійскій экономистъ слишкомъ плохо понималъ законы современнаго буржуазнаго порядка. Главный недостатокъ книги Милля заключается, по мнѣнію Эккаріуса, въ томъ, что авторъ ея не сумѣлъ стать на историческую точку зрѣнія, съ которой всѣ категоріи буржуазной экономіи представляются преходящими, историческими категоріями. Эккаріусъ старался освѣтить „реакціонныя стремленія Миллевской экономіи съ рабочей точки зрѣнія". Онъ могъ относиться къ Миллю только полемически. Излагать свои собственные взгляды въ видѣ дополненія къ теоріямъ Милля было бы для Эккаріуса невозможно и въ логическомъ и въ психологическомъ смыслѣ: онъ слишкомъ далеко, слишкомъ рѣзко съ нимъ расходился. Откуда же эта разница въ отношеніи къ Миллю двухъ соціалистовъ,

*) Впослѣдствіи онъ разошелся съ нимъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ переписки Маркса и Энгельса съ Зорге.

писавшихъ о немъ почти въ одно и то же время? Эти соціалисты-современники по взглядамъ своимъ принадлежали къ различнымъ періодамъ исторіи соціализма. Эккаріусъ былъ марксистъ; Чернышевскій держался взглядовъ до-марксовой, утопической эпохи.

Предпринятая Чернышевскимъ „критика господствующихъ понятій“ по своимъ пріемамъ и по своимъ результатамъ совершенно сходится съ той критикой общественныхъ „учрежденій“, которой такъ дѣятельно занимался, напримѣръ, Фурье. Но что такое общественныя учрежденія? Это юридическая надстройка, возвышающаяся на данномъ экономическомъ базисѣ, характеръ котораго опредѣляется степенью развитія общественныхъ производительныхъ силъ. При данной степени развитія производительныхъ силъ люди, занимающіеся производствомъ, необходимо должны становиться въ извѣстныя, опредѣленныя взаимныя отношенія. А этими взаимными отношеніями производителей въ процессѣ производства опредѣляются, какъ мы знаемъ, всѣ ихъ общественныя отношенія, т. е., слѣдовательно, и всѣ общественныя учрежденія. Критиковать данное учрежденіе, значитъ, стараться понять, какая степень развитія производительныхъ силъ вызвала его къ жизни, какая степень его упрочила и какая — приведетъ къ его паденію. Такъ смотрятъ на задачи своей критики современные соціалисты. Даже въ агитаціонныхъ рѣчахъ главными доводами противъ того или другого учрежденія является у нихъ указаніе его несоотвѣтствія съ нынѣшними экономическими нуждами человѣчества. Но современные соціалисты смотрятъ такъ потому, что теперь уже выяснена зависимость общественныхъ учрежденій отъ хода экономическаго развитія. Для соціалистовъ утопическаго періода зависимость эта была совсѣмъ еще неясной, а чаще всего они вовсе ея не подозрѣвали. Поэтому они смотрѣли на „учрежденія“, какъ на нѣчто, вполнѣ зависящее отъ воли людей, опредѣленное болѣе или менѣе разумнымъ выборомъ со стороны членовъ даннаго общества. Поэтому же критика общественныхъ учрежденій сводилась для нихъ къ выясненію тѣхъ невыгодныхъ сторонъ данныхъ учрежденій, которыя въ дѣйствительности являются только на извѣстныхъ ступеняхъ экономическаго развитія, а имъ казались совершенно безусловными. Въ утопической критикѣ отсутствуетъ самый важный, т. е. историческій элементъ. Совершенно то же видимъ мы и у Н. Г. Чернышевскаго.

Въ первыхъ двухъ главахъ второй книги своей „Политической

экономіи" Милль вдается въ пространныя разсужденія о частной собственности. Изложивъ взгляды англійскаго экономиста, Чернышевскій, по своему обыкновенію, дополняетъ ихъ собственными замѣчаніями. Но у него нѣтъ ни слова объ историческомъ значеніи частной собственности. Онъ старается только показать, что частная собственность и связанный съ нею принципъ наслѣдственности невыгодны, потому что ведутъ къ неравенству имуществъ. По его справедливому замѣчанію, частная собственность дѣйствуетъ, какъ разрушительная, революціонная сила, обогащая немногихъ счастливцевъ и ведя къ матеріальному порабощенію большинства. Но если частная собственность и принципъ наслѣдственности дѣйствуютъ такъ всегда, „неотступно, каждый день и каждый часъ"; если невыгоды ихъ такъ осязательны, то спрашивается, какимъ же образомъ возникли они въ исторіи? На это Чернышевскій отвѣчаетъ такъ же, какъ отвѣчали всѣ соціалисты-утописты: по недостатку у людей здраваго экономическаго расчета.

Недостаткомъ расчета или вліяніемъ злой воли, — насилія, завоеваній,—объясняетъ нашъ авторъ все вообще современное. несправедливое распредѣленіе продуктовъ. „Рутинные политико-экономы выставляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково независящими въ своихъ чертахъ отъ соображеній человѣка о лучшемъ устройствѣ человѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производство, налагаются на человѣка съ необходимостью физическихъ законовъ, остальные же элементы экономическаго быта устраиваются уже самимъ человѣкомъ и вполнѣ подлежатъ его власти" *). Если люди плохо распредѣляли до сихъ поръ продукты своего производства, то это происходило потому, что они не знали истинныхъ экономическихъ принциповъ, или сами у себя отнимали фактическую возможность соображаться съ ними. „Развѣ политико-экономическими принципами былъ устроенъ общественный бытъ при завоеваніи Римской имперіи варварами, или во времена феодализма, или даже въ позднѣйшія, хотя бы въ наши времена? спрашиваетъ Чернышевскій. Развѣ онъ еще не подчиненъ господству вліяній, гораздо сильнѣйшихъ, чѣмъ здравый экономическій расчетъ? Развѣ изъ здраваго экономическаго расчета велись войны при Наполеонѣ I,—войны, развязкой которыхъ рѣшенъ былъ экономическій бытъ Европы? Развѣ по экономическому рас-

*) Тамъ же, стр. 617, ср. стр. 307.

чету завладѣла и хочетъ продолжать владѣть Алжиріею Франція? Развѣ по здравому экономическому расчету упрочились и сохраняются поземельныя отношенія Англіи?“ *) Матеріальная, объективная возможность нормальнаго устройства человѣческихъ отношеній существуетъ съ давнихъ временъ, а можетъ быть существовала даже съ самаго начала исторіи. „Въ обществахъ не то, что цивилизованныхъ,—говоритъ Чернышевскій,—а даже во всѣхъ тѣхъ, которыя успѣли выйти хотя изъ грубѣйшаго дикарства, стали осѣдлыми, земледѣльческими,—не только въ нынѣшней Англіи или въ Германіи, а даже въ Англіи IX вѣка, въ Германіи X вѣка, въ нынѣшней Персіи, въ нынѣшней Малой Азіи трудъ по своей внутренней успѣшности уже могъ бы содержать общество въ благосостояніи. А человѣческая натура опять-таки невиновата, если дѣло выходитъ плохо, когда человѣкъ дѣйствуетъ безрасчетно, на удачу: тутъ виноватъ только недостатокъ расчета“ **). Такимъ образомъ, вся экономическая исторія человѣчества объясняется, по мнѣнію Чернышевскаго, какъ и всѣхъ соціалистовъ-утопистовъ, простыми ошибками въ „расчетѣ“.

Такой взглядъ велъ за собою то, что Чернышевскій, какъ и Милль, считалъ возможнымъ разсматривать законы производства совершенно независимо отъ распредѣленія и отъ обмѣна. Изучать законы производства значило,—на языкѣ Милля и Чернышевскаго—разсматривать его независимо отъ его общественныхъ условій, т. е. независимо отъ тѣхъ взаимныхъ отношеній, въ которыхъ стоятъ производители продуктовъ. Поэтому весь вопросъ о производствѣ сводится у нихъ къ вопросу объ отношеніи человѣка къ силамъ природы, т. е. къ вопросу о болѣе или менѣе цѣлесообразномъ примѣненіи силъ природы къ нуждамъ человѣка, да еще къ вопросу о нѣкоторыхъ технологическихъ условіяхъ успѣшности труда. А такъ какъ всѣ важнѣйшія категоріи политической экономіи—„капиталъ“, „трудъ“ и т. д.—выражаютъ собою лишь взаимныя отношенія производителей,—и при томъ не въ мастерской, а въ общественномъ процессѣ производства,—то разсматривать производство независимо отъ его общественныхъ условій значитъ добровольно затруднять себѣ путь къ пониманію названныхъ категорій. Ниже мы увидимъ это яснѣе. Мы увидимъ также, что по отношенію ко многимъ кате-

*) Тамъ же, стр. 309—310.

**) Тамъ, стр. 333.

горіямъ политической экономіи нашъ авторъ раздѣлялъ взгляды буржуазныхъ экономистовъ *).

Такъ какъ законы распредѣленія, въ противоположность законамъ производства, вполнѣ зависятъ отъ воли людей, то въ особенности въ ученіи о распредѣленіи экономисты должны были бы, по мнѣнію Чернышевскаго, излагать требованія здравой теоріи. Школа Смита поступала иначе. Она довольствовалась изслѣдованіемъ существующихъ нынѣ законовъ распредѣленія. Это и мѣшало успѣхамъ экономической науки. Благодаря этому теорія распредѣленія выходитъ у школы Смита „не результатомъ строгаго научнаго анализа, а просто изложеніемъ довольно безобразной рутины, матеріальнымъ основаніемъ которой служитъ фактъ завоеванія, донынѣ владычествующей своими послѣдствіями надъ экономическою сферою того положенія вещей, нравственною поддержкою которому служитъ невѣжество массы“ **); чтобы стать научной теоріей, теорія распредѣленія должна была бы превратиться въ ученіе о распредѣленіи продуктовъ сообразно требованіямъ разума и справедливости.

Методъ изслѣдованія явленій вообще подсказывается тою точкой зрѣнія, съ которой смотритъ на нихъ изслѣдователь. Марксъ смотрѣлъ на общественныя явленія съ точки зрѣнія ихъ внутренняго развитія, съ точки зрѣнія присущей имъ діалектики. Поэтому онъ и держался конкретнаго, діалектическаго метода. Соціалисты-утописты смотрѣли на общественную жизнь съ отвлеченной точки зрѣнія „здравой теоріи“, т. е. съ точки зрѣнія того общественнаго устройства, которое казалось имъ нормальнымъ. Поэтому они въ своихъ изслѣдованіяхъ придерживались отвлеченнаго метода сравненія дѣйствительности съ идеаломъ. Именно таковъ тотъ методъ, который называется у Чернышевскаго гипотетическимъ. Читатель помнитъ вѣроятно, какъ характеризовалъ свой методъ Н. Г. Чернышевскій. Чтобы правильно судить объ экономическихъ явленіяхъ, мы должны, по его словамъ, переноситься „изъ области историческихъ событій въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляе-

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Ср. главу „Distributionsverhältnisse und Produktionsverhältnisse“ въ III томѣ „Капитала“ (нѣмец. подлинника часть II, стр. 413—421); по русски: „Условія распредѣленія и условія производства“, стр. 727 и слѣдующія русскаго перевода. (Спб., 1896).

**) Тамъ же, стр. 29.

мыхъ исторіей, дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно, и которыя назначаются просто по удобству" *). Такимъ образомъ, методъ Чернышевскаго сводится къ отвлеченію отъ всѣхъ конкретныхъ условій даннаго явленія. Но такимъ образомъ не можетъ быть изучено никакое явленіе. Чернышевскій полагаетъ, что онъ, посредствомъ своего метода, окончательно рѣшилъ вопросъ о томъ, „были ли войны съ Франціею въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи"? Съ помощью очень несложныхъ соображеній, показывающихъ, что война всегда отвлекаетъ производительныя силы отъ полезнаго употребленія, онъ рѣшаетъ, что „война вредна для благосостоянія общества". Иначе и нельзя отвѣтить на вопросъ о полезности войны съ отвлеченной точки зрѣнія. Но историческая дѣйствительность вноситъ въ это абстрактное рѣшеніе очень существенныя поправки. Она показываетъ намъ, во-первыхъ, что явленіе, вредное для всего общества, въ его цѣломъ, можетъ быть очень полезно для господствующаго класса этого общества. А такъ какъ международная политика цивилизованныхъ обществъ всегда зависѣла отъ ихъ господствующихъ классовъ, то разгадки воинственности, проявленной Англіей въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нужно искать въ тогдашнихъ интересахъ англійской аристократіи и англійской буржуазіи, а вовсе не въ плохой способности англичанъ къ экономическому расчету. Во вторыхъ еще Джемсъ Стеартъ (James Steuart) въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Inquiry into the Priciples of political Economy", появившемся за десять лѣтъ до выхода книги Смита „О богатствѣ народовъ", справедливо замѣчаетъ, что торговая страна можетъ вести продолжительныя войны и одерживать блестящія побѣды, не проливая ни одной капли крови своихъ собственныхъ гражданъ. Все дѣло сводится въ такомъ случаѣ къ болѣе или менѣе значительной затратѣ денежныхъ средствъ, съ помощью которыхъ торговая нація заставляетъ воевать за себя своихъ союзниковъ или наемниковъ. Выгодны ли для нея подобныя затраты? Можетъ быть—нѣтъ, можетъ быть—да; все зависитъ отъ фактическаго хода исхода войны, а не абстрактныхъ соображеній о томъ, что затраченныя на войну деньги могли бы быть израсходованы съ большой пользой для человѣчества. Если бы мы хотѣли спорить съ Чернышевскимъ, то мы сказали бы его собственными словами,

*) Сочиненія, т. VII, стр. 56.

что здѣсь, какъ и вездѣ, все рѣшается обстоятельствами времени и мѣста. Но намъ нѣтъ надобности спорить съ нимъ, потому что теперь едва ли кому придетъ въ голову отстаивать его методъ. Теперь уже всякій согласится, что Чернышевскій ошибался; споръ возможенъ только относительно того, почему онъ ошибался, и почему ошибался именно въ эту, а не въ другую сторону. А это вполнѣ удовлетворительно объясняется общей точкой зрѣнія соціалистовъ-утопистовъ на общественную жизнь человѣчества.

Мы уже видѣли, что въ своей литературной пропагандѣ соціалисты-утописты ставили себѣ совершенно опредѣленную, хотя и очень одностороннюю задачу: имъ нужно было прежде всего, какъ выражается Чернышевскій, „критикою господствующихъ понятій приводить читателя къ общимъ принципамъ устройства, наиболѣе выгоднаго для людей". А это всего удобнѣе было дѣлать съ помощью отвлеченныхъ расчетовъ, примѣрныхъ математическихъ выкладокъ. Еще Фурье очень любилъ такія выкладки, къ которымъ сводится на дѣлѣ весь гипотетическій методъ Чернышевскаго. Трудно открыть что-либо съ помощью такого метода, но очень удобно, опираясь на него, разъяснять истины, открытыя другимъ, и въ сущности вовсе не „гипотетическимъ" путемъ, въ особенности, когда эти истины имѣютъ отвлеченный, математическій характеръ, когда,—говоря словами нашего автора,—весь вопросъ заключается только въ томъ, „увеличилась или уменьшилась извѣстная пропорція отъ перемѣны въ цифрѣ того элемента, характеръ котораго мы хотимъ узнать", или когда,—какъ выражается онъ же,—„больше будетъ, меньше будетъ, вотъ все, что намъ нужно узнать, чему мы придаемъ важность". Соціалистамъ-утопистамъ именно только и нужно было показать, что „б о л ь ш е б у д е т ъ" въ рекомендуемомъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ идеальномъ обществѣ, а „м е н ь ш е б у д е т ъ" при современномъ порядкѣ. Для достиженія этой цѣли нельзя было придумать пріема доказательства болѣе удобнаго, чѣмъ тотъ, къ которому такъ охотно прибѣгалъ Чернышевскій. Гипотетическій методъ—въ томъ видѣ, какъ онъ понималъ его,—не имѣетъ ровно никакого значенія, какъ методъ изслѣдованія, но на извѣстной ступени развитія соціализма онъ былъ самымъ лучшимъ методомъ р а з ъ я с н е н і я (все равно, себѣ или другимъ) соціалистическихъ ученій. Поспорить съ нимъ въ убѣдительности могли только свойственные Фурье сатирическіе пріемы.

Чернышевскій думалъ, что гипотетическаго метода держались

самые знаменитые экономисты. Онъ приписываетъ его Давиду Рикардо. Рикардо дѣйствительно любилъ прибѣгать къ „гипотезамъ". Но у него эти „гипотезы" были именно только пріемомъ разъясненія понятій, а не методомъ изученія явленій. Для Рикардо критеріемъ истинности той или другой теоріи служила окружавшая его буржуазная дѣйствительность. Для Чернышевскаго и его учителей требованія отвлеченной теоріи рѣшали всѣ вопросы. Рикардо никогда не покидалъ реальной почвы. Чернышевскій и всѣ вообще соціалисты-утописты не считали нужнымъ держаться ея, по крайней мѣрѣ, въ „теоріи". Лордъ Брумъ говорилъ о Рикардо, что онъ какъ будто смотритъ на землю съ другой планеты. О соціалистахъ-утопистахъ можно сказать, что земля уходила изъ ихъ поля зрѣнія, уступая мѣсто другимъ, болѣе привлекательнымъ планетамъ.

Глава вторая.

Стоимость.

I.

Въ буржуазномъ обществѣ раздѣленіе труда доведено, какъ извѣстно, до очень высокой степени. Раздѣленіемъ труда гордятся буржуазные экономисты. И не смотря на это, роль и характеръ раздѣленія труда въ современномъ обществѣ оставались плохо выясненными вплоть до появленія главныхъ трудовъ Маркса. Дѣло въ томъ, что буржуазные экономисты въ большинствѣ случаевъ подходили къ вопросу о раздѣленіи труда совсѣмъ не съ той стороны, на которую нужно было прежде всего обратить вниманіе. На раздѣленіе труда можно смотрѣть съ различныхъ точекъ зрѣнія. „Если мы будемъ имѣть въ виду только самый трудъ, говоритъ Марксъ, то мы можемъ назвать раздѣленіе общественнаго производства на его крупные роды, каковы земледѣліе, индустрія и пр.—раздѣленіемъ труда вообще; раздѣленіе этихъ родовъ производства на виды и разновидности,—раздѣленіемъ труда въ частности, а раздѣленіе труда внутри мастерской—раздѣленіемъ труда въ отдѣльности" *). При изученіи того, что они называли зако-

*) См. „Капиталъ" ст. 306 русскаго перевода. (Изд. 1892 г.).

нами производства, буржуазные экономисты имѣли въ виду преимущественно только раздѣленіе труда внутри мастерской, т. е. раздѣленіе труда „въ отдѣльности“. Но при буржуазномъ экономическомъ порядкѣ раздѣленіе труда „въ отдѣльности“ непохоже на раздѣленіе труда „вообще“ и на раздѣленіе труда „въ частности“ Другими словами, при этомъ порядкѣ раздѣленіе труда внутри мастерской имѣетъ совсѣмъ другой характеръ и другое экономическое значеніе, чѣмъ общественное раздѣленіе труда.

При общественномъ раздѣленіи труда каждый производитель занимаясь изготовленіемъ одного какого-нибудь продукта, производитъ не тѣ предметы, которые нужны лично ему для удовлетворенія его собственныхъ потребностей, а тѣ, которые нужны для другихъ производителей, одновременно съ нимъ занимающихся выдѣлкой другихъ предметовъ *). Въ этомъ заключается взаимная зависимость производителей. Но съ другой стороны, при буржуазномъ порядкѣ вещей производители совершенно независимы одинъ отъ другого. Средства производства составляютъ частную собственность производителей, точно такъ же какъ и изготовляемые съ ихъ помощью продукты. При такомъ положеніи дѣлъ о б м ѣ н ъ является единственной общественной связью между производителями. Только вывозя свой продуктъ на рынокъ и обмѣнивая его на другіе, производитель получаетъ возможность удовлетворять своимъ собственнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, продукты буржуазныхъ производителей становятся т о в а р а м и. Товары обмѣниваются одинъ на другой въ извѣстной пропорціи: за данное количество товара *А* можно получить такое-то количество товара *Б*, товара *В*, товара *Д* и т. д. Каждаго производителя естественно интересуетъ прежде и больше всего вопросъ о томъ, какое именно количество другихъ товаровъ можетъ онъ получить въ обмѣнъ за свой собственный, иначе сказать, какова мѣновая стоимость его товара. А когда въ обществѣ, основанномъ на товарномъ производствѣ, появляются ученые, занимающіеся изслѣдованіемъ законовъ экономической жизни этого общества, то вопросъ о мѣновой стоимости получаетъ огромное теоретическое значеніе, онъ становится однимъ изъ основныхъ вопросовъ бур-

*) При раздѣленіи труда внутри мастерской работники производятъ не отдѣльные предметы, а о т д ѣ л ь н ы я части предмета, выдѣлкой котораго занимается мастерская.

жуазной политической экономіи. Посмотримъ же и мы, чѣмъ опредѣляются мѣновыя отношенія товаровъ.

Иванъ трудится надъ производствомъ мебели, Семенъ трудится надъ производствомъ сукна. Они обмѣниваются своими продуктами. За стулъ Иванъ получаетъ 1 аршинъ сукна. У насъ является, слѣдовательно, равенство: 1 стулъ = 1 аршину сукна. Что же показываетъ это равенство? Въ какомъ смыслѣ и почему стулъ можетъ равняться аршину сукна? Ясно, что въ этомъ случаѣ сравниваются между собою не физическія свойства этихъ предметовъ, не потребительная стоимость стула съ потребительною стоимостью сукна, а какія-то другія свойства, независимыя отъ только что названныхъ. Какія же именно? Стулъ есть продуктъ труда Ивана; сукно—продуктъ труда Семена. Если стулъ приравнивается къ 1 или 2 аршинамъ сукна, то это значитъ, что трудъ, необходимый на производство стула, приравнивается къ труду, необходимому на производство 1-го или 2-хъ аршинъ сукна. Слѣдовательно, отношеніе стула къ сукну выражаетъ собою лишь отношеніе труда Ивана къ труду Семена. Выражая это въ болѣе общей формѣ, можно сказать, что мѣновыя отношенія товаровъ выражаютъ собою взаимныя отношенія людей (ихъ производительныхъ дѣятельностей) въ общественномъ процессѣ производства. Теперь далѣе: какимъ образомъ трудъ мебельщика можетъ быть сравниваемъ съ трудомъ суконщика? Вѣдь это совершенно различные виды производительной дѣятельности. Что общаго между ними? Общее между ними то, что и тотъ и другой видъ производительной дѣятельности, при всѣхъ своихъ различіяхъ, сводится въ сущности къ одному и тому же: къ извѣстному расходу человѣческой силы, къ извѣстной работѣ мускуловъ и нервовъ. Слѣдовательно, равенство: 1 стулъ=1 аршину сукна показываетъ, что на приготовленіе стула потрачено столько же человѣческой силы, сколько—на приготовленіе аршина сукна. Итакъ, мѣновыя отношенія товаровъ выражаютъ взаимныя общественныя отношенія ихъ производителей, или,—какъ говоритъ Марксъ—„мѣновая стоимость есть извѣстный общественный способъ выраженія труда, употребленнаго на какую-нибудь вещь“. А это, очевидно, означаетъ, что трудъ есть единственный источникъ мѣновой стоимости, и продолжительность его служитъ ея мѣриломъ. Но это становится очевиднымъ только тогда, когда мы смотримъ на вопросъ о мѣновой стоимости съ точки зрѣнія общественныхъ отношеній производителей. Если же мы отвлечемся отъ взаимныхъ отноше-

ній людей и станемъ искать ключа къ пониманію мѣновой стоимости въ свойствахъ обмѣниваемыхъ вещей, то необходимо придемъ къ самымъ нелѣпымъ выводамъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что о мѣновой стоимости написано невѣроятнѣйшее количество всякаго вздора: просто вздора, вздора педантическаго, вздора краснорѣчиваго, вздора наивнаго, вздора благонамѣреннаго и даже вздора, окрашеннаго нѣкоторою склонностью къ потрясенію основъ, какъ это мы видимъ у Прудона. Впрочемъ, лучшимъ представителямъ науки въ вопросѣ о мѣновой стоимости удалось выяснить, по крайней мѣрѣ, количественную сторону дѣла. Рикардо рѣшительнѣе и опредѣленнѣе всѣхъ другихъ высказалъ ту мысль, что величина мѣновой стоимости предмета опредѣляется количествомъ труда, нужнаго на его производство. Приближался къ этой мысли и Адамъ Смитъ, но его сбило съ толку распредѣленіе продуктовъ въ современномъ обществѣ. Онъ думалъ, что въ первобытномъ обществѣ (in early and rude state of society) мѣновая стоимость продуктовъ опредѣлялась единственно количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, а съ тѣхъ поръ, какъ явились капиталисты и лендлорды, дѣло происходитъ иначе *). „Адамъ опредѣляетъ стоимость товара заключающимся въ немъ рабочимъ временемъ, но относитъ дѣйствительное существованіе такого опредѣленія стоимости къ до-адамовскимъ временамъ“ **). Какъ бы тамъ ни было, послѣ Рикардо вопросъ о величинѣ мѣновой стоимости могъ считаться хоть приблизительно рѣшеннымъ. Нападокъ на ученіе Рикардо о стоимости было много, но серьезныхъ возраженій не сдѣлалъ никто, да, разумѣется, никто и не могъ сдѣлать.

Вотъ, напримѣръ, противъ опредѣленія величины стоимости количествомъ труда возражали иногда, что въ такомъ случаѣ чѣмъ менѣе ловкости имѣетъ производитель, тѣмъ большую стоимость получаетъ его товаръ, потому что тѣмъ болѣе времени употребитъ онъ на его приготовленіе. Но это, разумѣется, чистѣйшая нелѣпость. „Стоимости-образовательнымъ трудомъ считается только общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимое рабочее время есть время, требующееся для созданія какой-нибудь потребительной стоимости съ помощью наличныхъ

*) Wealth of nations, B. I, ch. VI.

**) Карлъ Марксъ, Zur Kritik, s. 37. Ср. также „Теоріи прибавочной стоимости“ К. Маркса, переводъ Стрѣльскаго подъ редакціей Г. Плеханова, СПБ. 1906, стр. 140 и слѣд.

общественныхъ нормальныхъ условій производства и среднею общественною степенью искусства и напряженности труда. Напримѣръ, послѣ введенія парового ткацкаго станка въ Англіи сдѣлалась, можетъ быть, достаточной половина того труда, какой былъ прежде нуженъ для превращенія даннаго количества пряжи въ ткань. Хотя англійскій ручной ткачъ употреблялъ для этого превращенія то же количество рабочаго времени, какъ и прежде, но продуктъ его собственнаго рабочаго часа сталъ представлять теперь только половину общественнаго рабочаго часа и упалъ потому въ своей стоимости на половину въ сравненіи съ прежнимъ" *).

Мы видимъ, что это недоразумѣніе очень легко устранимо. Но опредѣленіе стоимости трудомъ вело иногда къ другимъ недоразумѣніямъ, разрѣшить которыя нѣсколько труднѣе. Нѣкоторые писатели разсуждали такъ: стоимость товара опредѣляется трудомъ, употребленнымъ на его производство; рабочее время есть внутренняя мѣра стоимостей. Зачѣмъ же всѣ товары измѣряютъ свою стоимость въ особомъ товарѣ, называемомъ деньгами? Почему они не обмѣниваются непосредственно одинъ на другой по количеству затраченнаго на нихъ рабочаго времени? Не происходитъ ли это вслѣдствіе какой-нибудь ошибки, какого-нибудь злоупотребленія? И если—да, то нельзя ли поправить эту ошибку, устранить это злоупотребленіе? При поверхностномъ взглядѣ на дѣло казалось, что—можно. Отсюда и выросли проекты „организаціи обмѣна", организаціи, которая должна была лишить деньги принадлежащей имъ теперь „привилегіи". Но достаточно понять свойственныя буржуазному порядку отношенія производителей, чтобы видѣть, до какой степени несостоятельны подобные проекты.

Возьмемъ хоть того же англійскаго ручного ткача, о которомъ говоритъ Марксъ въ вышеприведенной выпискѣ. Вслѣдствіе введенія парового ткацкаго станка продуктъ рабочаго часа ткача сталъ представлять только половину общественнаго рабочаго часа, а потому и упалъ въ своей стоимости на половину. Какимъ же образомъ совершилось это приведеніе индивидуальнаго труда ткача къ нормѣ общественно-необходимаго рабочаго времени? Было ли оно сознательнымъ дѣйствіемъ людей? Не было и не могло быть—при томъ отсутствіи всякой планомѣрности въ общественномъ производствѣ, которое свойственно буржуазнымъ отноше-

*) Капиталъ, стр. 4 русскаго перевода.

ніямъ. Въ буржуазномъ обществѣ производители работаютъ независимо одинъ отъ другого, каждый изъ нихъ трудится, какъ хочетъ, какъ можетъ и какъ умѣетъ, на свой собственный рискъ и по своему собственному усмотрѣнію *). Поэтому и отношеніе труда каждаго изъ нихъ ко всему общественно-производительному механизму опредѣляется на рынкѣ, по выраженію Маркса, за спиною людей, дѣйствіемъ слѣпой экономической силы, называемой конкурренціей. Но это еще не все. Каждый производитель старается, разумѣется, создать такой продуктъ, который былъ бы кому-нибудь нуженъ, который представлялъ бы собою общественную потребительную стоимость. Если продуктъ его не удовлетворяетъ этому условію, то онъ не будетъ товаромъ, а трудъ, затраченный на него, не будетъ „стоимости-образовательнымъ“ трудомъ. Но буржуазные производители не знаютъ и не могутъ точно знать общественныхъ потребностей ни съ количественной, ни даже съ качественной ихъ стороны. Изъ этого и проистекаютъ всѣ тѣ многочисленныя опасности, которыя угрожаютъ продуктамъ буржуазныхъ производителей на рынкѣ. Можетъ быть, продуктъ даннаго производителя „есть продуктъ новаго рода труда, который намѣревается удовлетворить какой-нибудь новой явившейся потребности, или самъ хочетъ вызвать новую потребность. Какое-нибудь занятіе, можетъ быть, вчера только бывшее однимъ изъ многихъ занятій одного и того же производителя товаровъ, сегодня отрывается отъ этого цѣлаго, обособляется и именно потому посылаетъ свой частичный продуктъ, какъ самостоятельный товаръ, на рынокъ. Обстоятельства могутъ быть зрѣлы или не зрѣлы для этого процесса обособленія. Продуктъ удовлетворяетъ сегодня общественной потребности. Завтра, можетъ быть, онъ вполнѣ или частью вытѣснится сходнымъ родомъ продукта“ **). Конечно, есть такіе продукты, которые всегда нужны обществу и которые Марксъ называетъ привилегированными членами общественнаго раздѣленія труда. Производители *такихъ* товаровъ не могутъ ошибиться относительно *качественной* стороны общественныхъ потребностей. Но знаютъ ли они количественную сторону ихъ? Извѣстно ли всѣмъ имъ

*) Читатель понимаетъ, что мы говоримъ здѣсь не о наемныхъ рабочихъ, а о самостоятельныхъ производителяхъ, то есть о хозяевахъ и предпринимателяхъ. Объ экономической „самостоятельности“ рабочихъ рѣчь будетъ ниже.

**) Капиталъ, стр. 53.

вообще, какое количество ихъ продуктовъ нужно обществу? Извѣстно ли каждому производителю въ отдѣльности, какое количество приготовлено другими производителями, его соперниками? Нѣтъ, не извѣстно, а потому только случайно можетъ выйти, что они произведутъ какъ разъ столько продукта, сколько его было нужно; а часто, очень часто этого продукта окажется или больше, или меньше, чѣмъ надо. Положимъ, что его произвели больше, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ отразится это обстоятельство на дальнѣйшей судьбѣ нашего продукта? Его цѣна упадетъ и это покажетъ, что слишкомъ большая доля всей суммы общественнаго рабочаго времени потрачено въ формѣ производства нашего продукта. „Дѣйствіе будетъ то же самое, какъ если бы каждый производитель употребилъ на свой индивидуальный продуктъ рабочаго времени болѣе, чѣмъ это было необходимо по общественнымъ условіямъ производства“ *). Наказанные паденіемъ цѣны ихъ продукта, производители постараются впередъ лучше сообразоваться съ размѣромъ удовлетворяемой ими общественной потребности; они должны будутъ позаботиться о томъ, чтобы на производство ихъ продукта тратилась какъ разъ та доля всей суммы общественнаго рабочаго времени, какая должна тратиться на это при существующихъ обстоятельствахъ. Положимъ, что подъ вліяніемъ горькаго опыта они произведутъ затѣмъ слишкомъ мало продукта. Дѣйствіе будетъ обратное только что указанному: цѣна продукта поднимается, а возвышеніе цѣны заставитъ ихъ производить болѣе, чѣмъ они произвели, или привлечетъ къ ихъ дѣлу новыхъ производителей. Такимъ образомъ, колебаніе цѣнъ указываетъ на анархическое состояніе буржуазнаго производства; но въ то же время оно является регуляторомъ его, и притомъ единственнымъ и необходимымъ регуляторомъ. Если бы цѣны не колебались, и если бы каждый отдѣльный производитель могъ, безъ дальнихъ околичностей, обмѣнивать свой продуктъ на другіе, сообразно тому количеству времени, какое на него затратилъ, то существованіе буржуазнаго общества сдѣлалось бы совершенно невозможнымъ: оно тотчасъ же пало бы жертвой самой невѣроятной путаницы въ производствѣ.

Продукты могли бы непосредственно обмѣниваться на другіе продукты по количеству времени, затраченнаго на ихъ изготовленіе, только въ томъ случаѣ, если бы общественное производство

*) Капиталъ, стр. 54.

было организовано и велось по опредѣленному плану. Тогда трудъ каждаго отдѣльнаго производителя всегда имѣлъ бы общественный характеръ, потому что всегда создавалъ бы только нужные для общества продукты, только „общественныя потребительныя стоимости“. Тогда трудъ каждаго изъ нихъ непосредственно имѣлъ бы „стоимости-образовательный“ характеръ. Но дѣло въ томъ, что тогда обмѣнъ товаровъ на рынкѣ отошелъ бы въ область преданія. Какъ распредѣлялись бы тогда продукты—это вопросъ другой. Распредѣленіе ихъ соотвѣтствовало бы „высотѣ историческаго развитія производителей“. Но несомнѣнно, что продукты не дѣлались бы тогда товарами, въ куплѣ-продажѣ ихъ на рынкѣ не было бы ни смысла, ни надобности. Невозможно говорить объ „организаціи обмѣна“ въ такомъ обществѣ, въ которомъ обмѣна не существуетъ. Ясно, стало быть, что всѣ разсужденія объ обмѣнѣ продуктовъ безъ посредства денегъ такъ же непримѣнимы къ подобному обществу, какъ несостоятельны они по отношенію къ современному буржуазному порядку.

Свойственныя буржуазному порядку общественныя отношенія производителей возникли тогда, когда производительныя силы были уже достаточно велики, чтобы сдѣлать необходимымъ широкое раздѣленіе труда въ обществѣ, но е щ е не были достаточно велики для того, чтобы сдѣлать необходимымъ общественное присвоеніе производительныхъ средствъ и соотвѣтствующую ему планомѣрную организацію производства. При буржуазномъ порядкѣ трудъ планомѣрно организованъ только внутри мастерской, общественное же раздѣленіе труда является дѣломъ случая и слѣпой экономической необходимости. Буржуазные экономисты очень гордятся планомѣрной организаціей труда въ мастерской. Но когда заходитъ рѣчь объ организаціи всего общественнаго труда, они съ ужасомъ говорятъ, что такая организація превратила бы все общество въ одну большую мастерскую.

Буржуазный порядокъ вещей содѣйствуетъ развитію производительныхъ силъ въ небывалой прежде степени. Теперь они уже такъ развиты, что имъ не соотвѣтствуютъ болѣе буржуазныя отношенія производителей. Теперь все болѣе и болѣе сказывается необходимость общественнаго присвоенія производительныхъ средствъ, т. е. устраненіе самихъ буржуазныхъ отношеній. И чѣмъ болѣе растутъ производительныя силы, тѣмъ болѣе созрѣваютъ для погибели буржуазныя отношенія. Бывшія н е о б х о д и м ы м и на одной ступени развитія производительныхъ силъ, буржуазныя

отношенія сдѣлаются невозможными на другой, болѣе высокой.

Но мы должны вернуться къ вопросу о стоимости и, чтобы покончить съ нимъ, просимъ у читателя еще одну минуту вниманія.

Цѣна товара есть только денежное выраженіе его стоимости Противъ этого никто не станетъ спорить. Но съ другой стороны, товарныя цѣны постоянно колеблются, и поэтому товары въ своемъ обмѣнѣ постоянно отступаютъ отъ того закона стоимости, въ силу котораго они должны были бы обмѣниваться по количеству труда, затраченнаго на ихъ производство. Колебаніе товарныхъ цѣнъ показываетъ, что отношеніе единичнаго труда всякаго даннаго производителя товаровъ ко всему общественно-производительному механизму постоянно измѣняется; что удѣльный вѣсъ этого труда, то приближается къ нормальному, то отклоняется отъ него въ ту или другую сторону. Мы уже знаемъ, что иначе и быть не можетъ въ буржуазномъ обществѣ. А зная это, мы безъ труда отвѣтимъ на вопросъ: каким образомъ проявляется законъ мѣновой стоимости?

Онъ проявляется лишь посредствомъ постоянныхъ „переворотовъ“, посредствомъ постоянныхъ отклоненій отъ нормы, посредствомъ своей собственной противоположности. „Частныя работы, исполняемыя независимо другъ отъ друга, но въ то же время всесторонне зависящія другъ отъ друга, (потому что онѣ суть члены естественнаго раздѣленія труда), постоянно приводятся къ своей общественной относительной мѣрѣ тѣмъ, что управляющій ими законъ природы,—т. е. рабочее время, общественно-необходимое для производства ихъ продуктовъ,—насильственно прорывается сквозь случайныя и вѣчно колеблющіяся мѣновыя отношенія продуктовъ, подобно напр. закону тяжести, когда кому-нибудь на голову обрушивается домъ“ *). „Законъ, управляющій стоимостью товаровъ, опредѣляетъ, сколько можетъ данное общество издержать на производство каждаго особеннаго рода товаровъ изъ всего того количества рабочаго времени, которымъ оно можетъ располагать. Но это постоянное стремленіе различныхъ сферъ производства къ устойчивому равновѣсію проявляется лишь, какъ

*) Капиталъ, стр. 31.

реакція противъ постояннаго нарушенія этого равновѣсія“ *). Смѣшны, потому, тѣ экономисты, которые думаютъ опровергнуть законъ стоимости ссылкою на колебаніе цѣнъ, между тѣмъ, какъ посредствомъ колебанія цѣнъ, онъ именно и проявляется.

II.

Какъ же смотритъ на стоимость Д. С. Милль, взгляды котораго излагалъ и дополнялъ Н. Г. Чернышевскій.

У Милля была большая склонность къ соглашенію совершенно несогласимыхъ между собою понятій. Поэтому даже вѣрно понятыя имъ теоріи сочетались въ его головѣ съ другими, тоже, пожалуй, вѣрно понятыми, но прямо противоположными имъ теоріями. Въ результатѣ получалось нѣчто совершенно непостижимое. Съ величайшимъ трудомъ глотаете вы эту логически невозможную микстуру и воочію видите, какой ужасный народъ господа эклектики. Ужъ лучше твердо держаться ошибочныхъ взглядовъ, чѣмъ стараться примирить ошибочные взгляды съ вѣрными. Если бы Милль твердо и послѣдовательно держался какого-нибудь одного ошибочнаго ученія о стоимости, то это было бы, конечно, плохо, но сравнительно легко поправимо. Усвоивъ его разсужденія, читатель имѣлъ бы хотя и ошибочный, но все-таки опредѣленный взглядъ на стоимость. Со временемъ онъ могъ бы ознакомиться съ другимъ, тоже опредѣленнымъ и вдобавокъ еще вѣрнымъ взглядомъ на нее. Сравнивая эти два взгляда, онъ, при доброй волѣ, безъ большого труда могъ бы добраться до истины. Но представьте себѣ, что Милль преподноситъ своему читателю смѣсь, гдѣ сначала на первый планъ выступаетъ ошибочная теорія, потомъ эта ошибочная теорія, какъ будто нѣсколько стушевывается: проглядываетъ что-то похожее на истину; въ заключеніе дѣлается попытка привести истину къ одному знаменателю со вздоромъ, и получается какое-то среднее ученіе, въ которомъ вѣрное окончательно испорчено ложнымъ, а ложное возведено въ квадратъ незаконнымъ сожительствомъ съ истиной. Разбирайтесь, какъ хотите,—вы никогда не поймете, съ полной

*) Ibid. стр. 310. При товарномъ способѣ производства, вслѣдствіе анархическаго характера этого способа „равновѣсіе само есть только случайность“, замѣчаетъ Марксъ во II томѣ „Капитала“ (стр. 496 нѣмецкаго изданія).

ясностью, въ чемъ дѣло. Учась политической экономіи по Миллю, вы ровно ничему не научитесь, хотя будете думать, что вы знакомы со всѣми главнѣйшими взглядами на данный экономическій вопросъ, такъ какъ всѣ главнѣйшіе взгляды излагались передъ вами. Въ ученіи о стоимости, можетъ быть, яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь видно, какъ трудно было Миллю дойти до ясныхъ и опредѣленныхъ взглядовъ на вещи.

Милль зналъ, что, по ученію Рикардо, трудъ является единственнымъ источникомъ стоимости товаровъ. Онъ не могъ совершенно игнорировать великаго экономиста. Но въ то же время онъ, по складу своего ума, не могъ и согласиться съ нимъ всецѣло. Поэтому онъ постарался передѣлать его ученіе на свой ладъ. „Читатель замѣтитъ—говоритъ онъ,—что Рикардо выражается такъ, какъ будто количество труда, котораго стоитъ производство предмета и доставка его на рынокъ—единственная вещь, опредѣляющая стоимость товара. Но издержки производства сводятся для капиталиста не къ труду, а къ рабочей платѣ, и количество труда остается одинаково при высокой и при низкой рабочей платѣ". Что же? Это показываетъ, что Рикардо ошибался? Нѣтъ, онъ не ошибался: слѣдуютъ разсужденія, которыя должны повидимому защитить теорію Рикардо. Ну, такъ стало быть, Рикардо правъ? Да, онъ правъ, но только въ томъ смыслѣ, что трудъ есть главный элементъ стоимости, а кромѣ него есть и другіе, второстепенные. Въ концѣ концовъ Милль благополучно приходитъ къ слѣдующему положенію: „если оставить въ сторонѣ случайные элементы стоимости, то предметы, количество которыхъ можетъ возрастать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство, и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату". Здѣсь нѣтъ уже и слѣда ученія Рикардо о стоимости; оно безслѣдно скрывается въ туманѣ эклектизма, который позволяетъ относить прибыль предпринимателя къ издержкамъ производства. Прибыль предпринимателя есть часть стоимости, созданной неоплаченнымъ трудомъ работника. Зависитъ ли величина этой стоимости отъ ея распредѣленія между работникомъ и предпринимателемъ? Она также мало зависитъ отъ него, какъ величина урожая зависитъ отъ раздѣла жатвы между землевладѣльцемъ и половникомъ-арендаторомъ, или размѣры шкуры убитаго медвѣдя—отъ взаимныхъ отношеній между

охотниками, принимавшими участіе въ облавѣ. Всякій понимаетъ, что какъ ни дѣли медвѣжью шкуру, она въ цѣломъ не будетъ ни больше, ни меньше, чѣмъ она была прежде. Но когда заходитъ рѣчь о величинѣ стоимости, то экономистамъ начинаетъ казаться, что она,—хоть „немного", хотя бы только „отчасти",—зависитъ отъ обмѣна или отъ распредѣленія. Въ этомъ случаѣ экономистовъ сбиваетъ съ толку коммерческая точка зрѣнія единичнаго предпринимателя. Единичный предприниматель въ своихъ расчетахъ дѣйствительно имѣетъ въ виду „не трудъ", т. е. не трату человѣческой силы, а издержки производства (которыя, замѣтимъ мимоходомъ, сводятся вовсе не къ одной только заработной платѣ) и прибыль. Но вѣдь мало ли что имѣетъ, мало ли чего не имѣетъ въ виду единичный предприниматель! Вѣдь вотъ по собственному замѣчанію Милля слово „богатство" имѣетъ два значенія: „оно имѣетъ одинъ смыслъ, примѣняясь къ имуществу отдѣльнаго человѣка, другой смыслъ, примѣняясь къ имуществу націи или человѣческаго рода". Можетъ быть и выраженіе „издержки производства" имѣетъ „одинъ смыслъ" въ примѣненіи къ отдѣльному предпринимателю, а „другой смыслъ", примѣняясь „къ націи"? И если дѣйствительно выраженіе это имѣетъ два смысла, то какой именно смыслъ долженъ имѣть въ виду экономистъ, разсуждающій о wealth of nations? Единичный предприниматель можетъ имѣть въ виду даже штрафы, которые позволятъ ему уменьшить его расходы на рабочую силу. Неужели намъ придется и штрафы отнести къ „случайнымъ" (отрицательнымъ) элементамъ стоимости? Этого до сихъ поръ, насколько мы знаемъ, никто еще не сдѣлалъ. Но мы не видимъ, почему бы не сдѣлать этого тѣмъ экономистамъ, которые не могутъ разстаться съ точкой зрѣнія единичнаго предпринимателя.

Намъ замѣтятъ, пожалуй, что Милль не такъ уже далеко расходился съ Рикардо, какъ мы думаемъ. Самъ Рикардо признавалъ, что стремленіе прибыли къ одному уровню во всѣхъ предпріятіяхъ видоизмѣняетъ дѣйствіе его закона стоимости. Называя прибыль „элементомъ" стоимости, Милль, можетъ быть, только иначе выражалъ мысль своего учителя. Но это не такъ. Нельзя сказать, что Милль только иначе выразилъ взглядъ Рикардо на противорѣчіе двухъ экономическихъ законовъ. Онъ существенно исказилъ этотъ взглядъ. Рикардо видѣлъ, что законъ равенства прибылей противорѣчитъ закону стоимости, и постарался разрѣшить, какъ умѣлъ, это противорѣчіе. Но онъ не отказывался отъ

своего взгляда на стоимость. Онъ понималъ, что, отказавшись отъ этого взгляда, онъ лишилъ бы себя возможности выяснить природу и происхожденіе самой прибыли. Милль поступилъ какъ разъ наоборотъ. Изъ столкновенія закона стоимости съ закономъ равенства прибылей онъ выкроилъ какой-то средній законъ стоимости, который въ совершенно ложномъ свѣтѣ выставляетъ, какъ природу стоимости, такъ и природу прибыли. Указанное Рикардо противорѣчіе двухъ законовъ отразилось въ головѣ Милля въ видѣ путаницы двухъ понятій.

Но допустимъ, что Милль правъ; положимъ, что предметы обмѣниваются „по пропорціи количества рабочей платы... и количеству прибыли“ и т. д. Какъ согласить съ этимъ взглядомъ увѣренность Милля въ томъ, что „стоимость—явленіе относительное“? Почему же—„относительное“? Развѣ „издержки производства“ (какъ понимаетъ ихъ Милль) не могутъ служить внутренней мѣрой стоимости? Прежде для производства даннаго продукта нужно было два рабочихъ дня, за которые предприниматель платилъ, положимъ, 2 рубля. Его прибыль равнялась a руб. Стоимость продукта, по Миллю, была 2 руб. $+ a$ р. Теперь для производста того же продукта нуженъ только одинъ день. Если уровень заработной платы остался безъ перемѣны, то при его выдѣлкѣ онъ заплатитъ рабочимъ только одинъ рубль. На этотъ рубль онъ уже не получитъ a руб. прибыли, а получитъ, положимъ, только $^1/_2\ a$. Значитъ стоимость его продукта будетъ теперь равна 1 руб. $+ ^1/_2\ a$ руб. Ничего не зная о мѣновомъ отношеніи своего продукта къ другимъ товарамъ, онъ видитъ, однако, что стоимость его упала на половину. И вы все-таки скажите, что она—„явленіе“ совершенно относительное? Для этого нѣтъ никакого логическаго основанія даже въ ошибочныхъ взглядахъ Милля.

Если бы законы буржуазнаго хозяйства имѣли самостоятельный интересъ въ глазахъ Н. Г. Чернышевскаго, то онъ, конечно, понялъ бы ихъ гораздо лучше и гораздо глубже, чѣмъ понималъ ихъ Милль. По характеру своего ума онъ всегда былъ какъ небо отъ земли далекъ отъ эклектизма. При нѣкоторомъ вниманіи къ вопросу, онъ легко увидѣлъ бы, какъ неосновательно ученіе Милля о стоимости. Но его, какъ мы уже знаемъ, почти исключительно интересовали вопросы будущаго общественнаго устройства. Поэтому ученіе Милля казалось ему удовлетворительнымъ, хотя и неполнымъ. Онъ съ удовольствіемъ оттѣняетъ свое согласіе съ

англійскимъ экономистомъ. „Въ теоріи распредѣленія встрѣчали мы такіе отдѣлы,—говоритъ онъ,—которые достаточно разработаны основателями господствующей теоріи и у Милля изложены удовлетворительно. Еще больше мы найдемъ подобныхъ отдѣловъ въ теоріи обмѣна“ *). Приводя тѣ семнадцать положеній, въ которыхъ Милль резюмируетъ свое ученіе о стоимости, нашъ авторъ замѣчаетъ, что всѣ онѣ совершенно вѣрны, но что ихъ нужно дополнить другими, не менѣе важными положеніями. И вотъ какъ дополняетъ онъ выводы Милля.

„XVIII. Всѣ предшествующіе выводы относятся исключительно къ мѣновой цѣнности **). Она отдѣляется отъ внутренней, когда товаромъ бываетъ человѣческій трудъ. Но такое состояніе вещей не выгодно ни для самаго работника, ни для общества, при низкомъ качествѣ наемнаго труда сравнительно съ трудомъ на самого себя.

„XIX. Если же трудъ не считать товаромъ, то мѣновая цѣнность совпадаетъ съ внутреннею, и понятія запроса, снабженія, стоимости производства получаютъ точнѣйшій характеръ, возводясь прямо къ основнымъ элементамъ экономической дѣятельности, къ потребностямъ человѣка. Размѣръ снабженія тутъ опредѣляется количествомъ производительныхъ силъ; размѣръ запроса—интенсивностью надобности производителя въ продуктѣ; стоимость производства опредѣляется прямо количествомъ труда. Уравненіе запроса и снабженія получается черезъ расчетъ о томъ, по какой пропорціи должны быть распредѣлены производительныя силы по разнымъ занятіямъ, для наилучшаго удовлетворенія надобностей человѣка ***).

Въ этихъ двухъ дополнительныхъ тезисахъ Чернышевскаго содержится много вполнѣ вѣрныхъ мыслей. Но вѣрныя мысли частью не вполнѣ точно выражены въ нихъ, частью сопровождаются утопическими взглядами на предметъ.

Читатель понимаетъ, что именно хочетъ сказать Чернышевскій словами: „если не считать трудъ товаромъ“. Подъ этимъ неудачнымъ выраженіемъ скрывается вполнѣ вѣрный взглядъ на отличительные признаки современнаго хозяйства. Конечно, характеръ этого хозяйства не измѣнится отъ того, будемъ или не бу-

*) Соч. т. VII, стр. 416.

**) Чернышевскій вездѣ употребляетъ выраженіе „цѣнность“ вмѣсто стоимость. Подъ стоимостью же товара Чернышевскій понимаетъ то, что экономисты называли издержками производства.

***) Стр. 452.

демъ мы „считать“ трудъ товаромъ. Но если бы трудъ дѣйствительно переставалъ быть товаромъ, то буржуазное общество сдѣлалось бы немыслимымъ. Буржуазное общество основано на эксплуатаціи класса производителей классомъ присвоителей; людей, выносящихъ свою рабочую силу на рынокъ въ видѣ товара—людьми, покупающими этотъ товаръ и употребляющими его на производство другихъ товаровъ; короче, оно основано на эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей. Хотя общество товаро-производителей и не есть непремѣнно капиталистическое общество, но полнаго развитія своего товарный способъ производства достигаетъ только тогда, когда превращается въ капиталистическій способъ, т. е. тогда, когда трудъ становится товаромъ. Поэтому и выводы буржуазныхъ экономистовъ относятся почти исключительно къ капиталистическому обществу, основанному на продажѣ и покупкѣ труда. Вопросъ о мѣновой стоимости товаровъ имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ продукты становятся товарами. Чернышевскій понимаетъ, что товарное производство не есть альфа и омега экономическаго развитія, что оно не существовало на низшихъ ступеняхъ этого развитія, и что оно перестанетъ существовать на болѣе высокой. А когда перестанетъ существовать товарное производство, то, дѣйствительно, въ основу сознательно организованнаго народнаго хозяйства ляжетъ „расчетъ о томъ, по какой пропорціи должны быть распредѣлены производительныя силы по разнымъ занятіямъ, для наилучшаго удовлетворенія потребностей человѣка“.

Это не подлежитъ сомнѣнію. Но это не выясняетъ намъ законовъ товарнаго обмѣна. Зная, что продукты не всегда дѣлались и не всегда будутъ дѣлаться товарами, мы еще не знаемъ, какъ происходитъ обмѣнъ ихъ, когда они являются въ видѣ товаровъ, или, какъ выражается Чернышевскій, когда мѣновая стоимость отдѣляется отъ внутренней. Что же такое мѣновая стоимость? Хотя нашъ авторъ и признаетъ относящійся къ ней анализъ Милля вполнѣ удовлетворительнымъ, но можетъ быть онъ все-таки смотритъ на нее нѣсколько иначе?

„Есть пріемъ, посредствомъ котораго очень легко усвоить себѣ понятіе мѣновой цѣнности, несмотря на его высокую отвлеченность—говоритъ Чернышевскій *). Что такое цѣна вещи, это

*) Мы напоминаемъ читателю, что по терминологіи Чернышевскаго цѣнность означаетъ стоимость товара.

ясно для каждаго. Теперь: цѣна вещи и есть ея мѣновая цѣнность, выраженная въ денежномъ счетѣ. Замѣните именованныя числа рублей и копѣекъ отвлеченными числами, проще сказать, отбросьте эти слова—рубль и копѣйка, оставьте только цифры, при которыхъ они стоятъ, и вы будете имѣть мѣновую цѣнность вещи. Положимъ, что въ извѣстное время въ извѣстномъ мѣстѣ четверть пшеницы стоитъ 5 рублей, за рабочій день плотнику платится одинъ рубль, за кубическую сажень березовыхъ дровъ 15 рублей. Это цѣны. Отбросьте теперь слово рубль, и у васъ останутся мѣновыя цѣнности, состоящія въ цифрахъ 5, 1, 15. Имѣя только эти цифры, вы уже будете разсматривать не то, сколько денегъ нужно на покупку извѣстной вещи, а то, въ какой пропорціи одна вещь обмѣнивается на другую. Понятіе о деньгахъ отвлекаетъ ваше вниманіе отъ того факта, что четверть пшеницы (5) обмѣнивается на 5 рабочихъ дней плотника (1) и на одну третью часть кубической сажени березовыхъ дровъ (15). А вотъ въ этомъ самомъ отношеніи, въ этой пропорціи и заключается сущность дѣла. Мѣновая цѣнность вещи есть покупательная сила вещи, степень власти къ пріобрѣтенію другихъ вещей въ замѣнѣ за эту вещь. При нынѣшнемъ устройствѣ общества мѣновая цѣнность вообще совпадаетъ съ цѣною, потому очень долго эти два понятія смѣшивались не только практикой, а даже и теоріею. Но наука должна стремиться къ разложенію всякаго сложнаго понятія на основныя. Мы видимъ, что понятіе цѣны составляется изъ двухъ понятій: мѣновая цѣнность и деньги. Потому наука должна отдѣльно изслѣдовать, каждое изъ этихъ двухъ понятій“ *).

Мы видимъ отсюда, что для Чернышевскаго, какъ и для Милля, стоимость товара есть нѣчто совершенно относительное, или, иначе сказать, понятіе о стоимости предмета совершенно совпадаетъ для него съ понятіемъ объ его относительной стоимости. Но это послѣднее понятіе крайне безсодержательно. Оно не выясняетъ не только природы стоимости, но даже и ея величины. „Четверть пшеницы (5) обмѣнивается на 5 рабочихъ дней плотника (1) или на одну третью часть кубической сажени березовыхъ дровъ (15)... Въ этой пропорціи и заключается сущность дѣла“. Положимъ, что это такъ. Но откуда же берется эта пропорція? Почему четверть пшеницы обмѣнивается на 5, а не на 3, не на 6, не на 10 рабочихъ дней плотника, не на двѣ трети и не на одну осьмую часть кубической

*) Ibid. стр. 118.

сажени березовыхъ дровъ? Отвѣта на эти неизбѣжные вопросы Чернышевскій ищетъ въ „основномъ законѣ цѣнности".

„Если количесто извѣстнаго предмета можетъ быть увеличаемо по произволу—говоритъ онъ—мѣновая цѣнность его опредѣляется уравненіемъ снабженія и запроса, то-есть мѣновая цѣнность этой вещи имѣетъ такую величину, при которой снабженіе и запросъ равны другъ другу... Отъ увеличенія цѣнности запросъ уменьшается, а снабженіе возрастаетъ, отъ уменьшенія цѣнности бываетъ противное. Потому, если при извѣстной высотѣ цѣнности запросъ будетъ больше снабженія,—цѣнность предмета станетъ возвышаться, пока снабженіе увеличится, а запросъ уменьшится настолько, что оба эти элемента сравняются. Если же, наоборотъ, снабженіе будетъ больше запроса, тотъ же результатъ будетъ произведенъ приниженіемъ цѣнности. Таковъ основной законъ цѣнности" *).

Итакъ, мѣновая стоимость вещи имѣетъ такую величину, при которой снабженіе и запросъ равны другъ другу. Этотъ мнимый отвѣтъ есть въ сущности не болѣе, какъ выраженный въ утвердительной формѣ вопросъ о томъ, чѣмъ опредѣляется величина стоимости, когда запросъ покрывается снабженіемъ, Чернышевскій самъ чувствуетъ, что его „основной законъ" еще ничего не говоритъ на этотъ счетъ, и потому онъ дѣлаетъ оговорки. По его словамъ, „прямымъ образомъ и съ физическою необходимостью" основной законъ стоимости „дѣйствуетъ лишь въ немногихъ товарахъ, количество которыхъ вовсе не можетъ увеличиваться. Но искусственнымъ образомъ можетъ быть подводимъ подъ его прямое дѣйствіе всякій предметъ при монополіи, если монополистъ имѣетъ возможность производить или продавать не все количество товара, какое могъ бы производить или продавать, а лишь то количество, при которомъ товаръ даетъ ему наибольшую сумму чистой прибыли, за вычетомъ издержекъ производства. А всѣ остальные товары подводятся подъ силу уравненія запроса и снабженія косвеннымъ путемъ, посредствомъ элемента, называемаго стоимостью производства" **).

Такимъ образомъ, основной законъ стоимости получаетъ теперь другой видъ. Теперь оказывается, что мѣновая стоимость предмета опредѣляется издержками его производства. Это нѣсколько ближе

*) Ibid. стр. 420.

**) Стр. 421 тамъ же.

къ истинѣ, хотя все-таки далеко отъ нея. Но почему же нашъ авторъ прямо не обратился къ издержкамъ производства, почему онъ предпочелъ подойти къ нимъ окольной дорогой запроса и снабженія? Неужели онъ не замѣчалъ, что, дѣлая этотъ обходъ, онъ отклоняется въ сторону Ж. Б. Сэя, къ которому всегда относился,—и разумѣется съ полнымъ правомъ на это, —очень презрительно? Формулируя „основной законъ цѣнности", Чернышевскій болѣе думалъ о будущемъ общественномъ устройствѣ, чѣмъ о существующихъ нынѣ экономическихъ отношеніяхъ. Онъ принималъ въ соображеніе исключительно то, что, будучи понятъ надлежащимъ образомъ, законъ „уравненія запроса и снабженія" можетъ лечь и ляжетъ въ основу соціалистическаго общества.

„Что такое запросъ, и что такое снабженіе"?—спрашиваетъ себя нашъ авторъ. Запросъ—это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ пріобрѣтенію предмета, отвѣчаетъ онъ; снабженіе—это извѣстная энергія человѣческихъ побужденій къ производству предмета. Такимъ образомъ все сводится къ одному общему знаменателю—къ энергіи человѣческихъ побужденій. Вотъ мы и нашли кореннную форму всякаго экономическаго расчета; она заключается въ человѣческихъ побужденіяхъ, наклонностяхъ и потребностяхъ. Сообразно этому анализу, уравненіе запроса и снабженія обозначаетъ ни больше, ни меньше, какъ тотъ фактъ, что сила побужденій къ производству предмета бываетъ соразмѣрна силѣ побужденій къ пользованію предметомъ. Чѣмъ сильнѣе у человѣка надобность въ продуктѣ или влеченіе къ нему, тѣмъ сильнѣе человѣкъ и обращается къ производству его. Только и всего. А этотъ фактъ извѣстенъ каждому изъ ежедневнаго житейскаго опыта" *).

По отношенію къ потребностямъ продукты производства раздѣляются Чернышевскимъ на три разряда: 1) предметы первой потребности; 2) предметы комфорта, и 3) предметы роскоши. Пока нѣтъ достаточнаго количества предметовъ необходимости, общество, держащееся правильнаго экономическаго расчета, не будетъ тратить своихъ производительныхъ силъ на предметы комфорта; пока нѣтъ достаточнаго количества предметовъ комфорта, не будутъ производиться предметы роскоши. Такъ установится необходимое соотвѣтствіе между „силой побужденій къ пользованію предметомъ" и „силой побужденій къ его производству", т. е. между запросомъ и снабженіемъ. Рутинные политико-экономы тоже признаютъ, что

*) Тамъ же, стр. 439—440.

„основная пружина и коренная норма всѣхъ экономическихъ явленій заключается въ потребностяхъ человѣка". Съ этой истины начинается каждый курсъ политической экономіи. Но въ рутинныхъ курсахъ она не проникаетъ дальше перваго параграфа. „Наше дѣло только въ томъ и состоитъ—говоритъ о себѣ Чернышевскій—что мы не забываемъ этого основного принципа и стараемся возводить къ нему каждый вопросъ, между тѣмъ какъ рутинная школа совершенно забываетъ о немъ, замѣняя его по каждому частному вопросу какой-нибудь рутинною иллюзіею" *).

Слѣдовательно, уравненіе запроса и снабженія потому является основнымъ закономъ мѣновой стоимости, т. е., иначе сказать, однимъ изъ основныхъ законовъ всего буржуазнаго хозяйства, что въ соціалистическомъ обществѣ производство будетъ основываться на правильной классификаціи предметовъ и потребностей. Такой способъ рѣшенія спорныхъ теорій буржуазной экономіи какъ нельзя лучше характеризуетъ утопическую точку зрѣнія Чернышевскаго.

Такъ же характерны для его утопическаго взгляда на вещи и всѣ остальныя разсужденія его о мѣновой стоимости. Ему кажется, что „по сущности дѣла мѣновая стоимость должна совпадать съ внутреннею и отклоняется отъ нея только вслѣдствіе ошибочнаго признанія труда за товаръ" *), которымъ труду никакъ не слѣдуетъ быть. Поэтому возможность отличать мѣновую цѣнность отъ внутренней свидѣтельствуетъ только объ экономической неудовлетворительности быта, въ которомъ существуетъ разность между ними. Теорія должна смотрѣть на раздѣльность мѣновой цѣнности отъ внутренней точно такъ же, какъ смотритъ на невольничество, монополію, протекціонизмъ. Она можетъ и должна изучать эти явленія со всевозможною подробностью, но не должна забывать, что она тутъ описываетъ уклоненія отъ естественнаго порядка. Она можетъ находить, что устраненіе того или другого изъ этихъ феноменовъ экономической жизни потребуетъ очень долгаго времени и очень значительныхъ усилій; но какъ бы далекъ ни представлялся срокъ излѣченія отъ той или другой экономической болѣзни, не должна же она не представлять, каково должно быть здоровое положеніе вещей. Точно такъ и мы говоримъ объ отдѣленіи мѣновой цѣнности отъ внутренней

*) Тамъ же, стр. 440.

*) Курсивъ нашъ.

какъ о феноменѣ болѣзненномъ, отвергаемомъ теоріею... Скоро ли могутъ произойти въ бытѣ и привычкахъ какой-нибудь націи такія перемѣны, послѣ которыхъ трудъ перестанетъ быть товаромъ и мѣновая цѣнность совпадетъ съ внутреннею,—это вопросъ о будущемъ, исторію котораго съ обозначеніемъ годовъ мы не беремся разсказывать" *).—Само собою разумѣется, что подобнаго разсказа ни отъ кого нельзя требовать. Но можно спросить себя, какъ же представлялъ себѣ Чернышевскій „совпаденіе мѣновой цѣнности съ внутренней"? Взятое въ буквальномъ смыслѣ слова, подобное совпаденіе совершенно невозможно, если подъ внутреннею цѣнностью продукта понимать то, что называется теперь потребительною его стоимостью: мѣновая стоимость хлѣба никакъ не можетъ „совпасть" съ его питательными свойствами, мѣновая стоимость костороваго масла не можетъ совпасть съ его способностью производить всѣмъ извѣстныя явленія въ желудочно-кишечной области. Но дѣло въ томъ, что выраженіе „внутренняя цѣнность" употребляется Чернышевскимъ очень неразборчиво. „Чтобы предметъ имѣлъ мѣновую цѣнность—говоритъ онъ,—нужно быть ему годнымъ на извѣстное употребленіе,—по мнѣнію покупателя. Никто ничего не даетъ за то, что ему ни для чего непригодно. На языкѣ политической экономіи это выражается такъ: мѣновую цѣнность имѣютъ только тѣ предметы, которые имѣютъ внутреннюю цѣнность" **). Здѣсь подъ внутреннею цѣнностью онъ понимаетъ потребительную стоимость предмета. Но иногда онъ выражается совсѣмъ иначе, называя внутреннюю цѣнность стоимостью (т. е. издержками) производства ***). Эту то „стоимость производства" онъ и имѣетъ въ виду, говоря о совпаденіи мѣновой цѣнности въ внутреннею въ соціалистическомъ обществѣ. И мы должны обратить на нее большее вниманіе, если хотимъ уяснить себѣ его экономическіе взгляды.

Какъ станутъ опредѣлять стоимость производства въ будущемъ обществѣ,—показываетъ слѣдующій примѣрный расчетъ.

„Предположимъ семейство, состоящее, напримѣръ изъ 20 человѣкъ, сумма труда которыхъ равна труду 10 работниковъ. Полагая въ годъ по 300 рабочихъ дней, мы будемъ имѣть 3.000 рабочихъ дней. Предположимъ, что всѣ предметы необходимости подведены подъ слѣдующіе четыре разряда:

*) Тамъ же, стр. 441.

**) Тамъ же, стр. 420.

***) Тамъ же, стр. 489.

„1) Пища, переведенная въ счетъ на пшеницу; пшеницы нужно семейству въ годъ 60 четвертей; это количество производится трудомъ 1.500 рабочихъ дней.

„2) Одежда, переведенная въ счетъ на аршины сукна; его нужно въ годъ 100 аршинъ; они добываются трудомъ 500 дней.

„3) Топливо, въ кубическихъ саженяхъ дровъ; нужно 10 саженей, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

„4) Жилище съ принадлежностями, переведенное въ счетъ тысячъ кирпича: нужно въ годъ 5 тысячъ, добываемыхъ трудомъ 500 дней.

„Всѣ 3.000 дней идутъ на эти предметы необходимости; предметовъ комфорта некогда производить; они не имѣютъ никакой цѣнности, потому что не существуютъ. Угодно-ли вамъ знать цѣнность предметовъ необходимости? Вы видите сами, какъ она опредѣляется:

Четверть пшеницы стоитъ	(1.500 : 60)	— 25	раб. дней.
Аршинъ сукна	(500 : 100)	— 5	„ „
Кубическая сажень дровъ	(500 : 10)	— 50	„ „
Тысяча кирпича	(500 : 5)	— 100	„ „

„Предположимъ теперь, что, благодаря усовершенствованіямъ, предметы необходимости стали производиться количествомъ труда, меньшимъ прежняго на одну пятую долю. Изъ 3.000 рабочихъ дней на эти предметы стало нужно только 2.400; остальные 600 дней могутъ (и почему же теперь не должны?) употребляться на предметы комфорта. Подведемъ ихъ для краткости подъ одинъ разрядъ хорошей мебели, переложенной въ счетъ диванов, положимъ, что диванъ производится 60 днями работы; счетъ цѣнностей будетъ:

Четверть пшеницы	20
Аршинъ сукна	4
Куб. саж. дровъ	40
Тысяча кирпича	80
Диванъ	60“ *)

Ограничимся этимъ, не слѣдя за Чернышевскимъ въ его опредѣленіи стоимости производства предметовъ роскоши. Читатель и самъ видитъ, чѣмъ будетъ она опредѣляться: совершенно тѣмъ же ,

*) Тамъ же, стр. 447—448.

чѣмъ опредѣляется стоимость производства всѣхъ другихъ предметовъ, т. е. числомъ рабочихъ дней, количествомъ труда, котораго требуетъ ихъ приготовленіе.

Такъ будетъ въ соціалистическомъ обществѣ. Но развѣ не такъ же происходитъ дѣло теперь? Развѣ „стоимость производства" предмета не сводится теперь, какъ всегда сводилась и какъ всегда будетъ сводиться, къ количеству труда, нужнаго на выдѣлку даннаго предмета? Нѣтъ, отвѣчаетъ Чернышевскій. Во-первыхъ, въ настоящее время стоимость производства „слагается изъ мѣновой цѣнности труда, употребленнаго на предметъ, и прибыли на этотъ трудъ" *). А во-вторыхъ, теперь вообще совершенно неизвѣстно, сколько именно труда требуется для выдѣлки того или другого предмета. „Спросите кого хотите, никто не умѣетъ сказать вамъ, сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьезныхъ надобностей для извѣстнаго числа людей. Только по постройкѣ жилищъ дѣлаются смѣты подобнаго рода архитекторами, да и тутъ счетъ не доводится до конца: считается, сколько рабочихъ дней должны употребить на постройку дома каменьщики, столяры, кровельщики, работники, прямо трудящіеся надъ этимъ домомъ, а какого количества работъ стоитъ ремонтъ орудій, ими употребляемыхъ и производство матеріаловъ постройки, этого никто не скажетъ: кирпичъ, лѣсъ, желѣзо, вносятся въ смѣту не количествомъ рабочихъ силъ, какихъ стоили, а своею рыночною цѣною; ремонтъ орудій не составляетъ особенной статьи, а безъ всякаго расчета входитъ въ оцѣнку рабочей платы. Стало быть и по постройкѣ жилищъ не подведенъ расчетъ способомъ, какого требуетъ наука... А по удовлетворенію другихъ надобностей домашняго быта ни о чемъ подобномъ еще и не думалъ никто, ни изъ экономистовъ школы Адама Смита, ни изъ людей, имѣющихъ прямое вліяніе на общественныя дѣла? **). Въ соціалистическомъ обществѣ, съ одной стороны, будетъ точно узнано количество труда, необходимое на производство любого предмета, и такимъ образомъ явится объективная возможность безошибочнаго опредѣленія стоимости производства. А съ другой стороны, соціалистическое общество не будетъ знать ни продажи труда на рынкѣ, ни предпринимательской прибыли: тамъ не будетъ предпринимателей. Слѣ-

*) Тамъ же, стр. 438.
**) Тамъ же, стр. 333.

довательно „остается только коренное понятіе о количествѣ труда“ *).

Все это относится къ стоимости производства. Посмотримъ теперь, какъ повліяетъ ея точное опредѣленіе на мѣновую стоимость продуктовъ.

Здѣсь читатель замѣтитъ, что по нашимъ собственнымъ словамъ, Чернышевскій считалъ невозможнымъ существованіе обмѣна въ соціалистическомъ обществѣ. Дѣйствительно, онъ нѣсколько разъ очень опредѣленно высказывался на этотъ счетъ. Но мы думаемъ, что опредѣленнымъ выраженіямъ у него соотвѣтствовали въ этомъ случаѣ не очень опредѣленныя представленія.

Въ его реформаторскихъ проектахъ производительною единицею является большая рабочая община,—фаланстеръ Фурье или ассоціаціи Р. Оуэна или Луи Блана,—работающая не для сбыта своихъ продуктовъ на рынкѣ, а для удовлетворенія своихъ, собственныхъ потребностей. Внутри общины нѣтъ обмѣна. Но обмѣнъ продолжаетъ существовать между общинами. „Какъ не быть и зачѣмъ не быть между ними обмѣна? Вѣдь происходитъ же обмѣнъ продуктовъ и между цѣлыми странами,—тѣмъ больше въ немъ надобности и удобства между отдѣльными провинціями, городами селами... Теорія требуетъ, чтобы въ каждой группѣ производителей главная масса продуктовъ производилась на внутреннее употребленіе самой этой группы; а если затѣмъ нѣкоторая часть продуктовъ обмѣнивается, это ничему не помѣшаетъ,—напротивъ, можетъ быть, очень полезно **). На какихъ же основаніяхъ будетъ совершаться этотъ обмѣнъ? „Мѣновая цѣнность не является различною отъ внутренней, внутренняя цѣнность прямо превращается въ мѣновую безъ всякаго увеличенія или уменьшенія“ ***). Такимъ образомъ, въ обмѣнѣ продуктовъ между общинами у Чернышевскаго выступаетъ что-то въ родѣ „valeur constituée“ Прудона, извѣстная книга котораго не осталась, очевидно, безъ сильнаго вліянія на него.

Въ какомъ неясномъ видѣ представлялось Чернышевскому „совпаденіе мѣновой цѣнности съ внутреннею“, показываютъ слѣдующія строки.

„Если мѣновая цѣнность должна совпадать съ внутреннею, а внутренняя измѣряется потребностями человѣка, то не трудно дойти

*) Тамъ же, стр. 437, 438.
**) Тамъ же, стр. 450.
***) Тамъ же, стр. 492.

до слѣдующихъ выводовъ—разсуждаетъ онъ. Соразмѣряться между собою прямымъ образомъ могутъ только потребности однородныя,—напримѣръ, разные виды потребностей, относящіеся къ физическому благосостоянію организма. Потому должны имѣть мѣновую цѣнность относительно другъ друга предметы первой необходимости. Но не должны быть сравниваемы прямо между собою потребности совершенно разнородныя. Напримѣръ, какъ вы будете опредѣлять отношеніе между потребностью ѣды и потребностью чтенія или между потребностями въ обуви и въ музыкѣ? Потому и продукты, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ, прямо не должны имѣть мѣновой цѣнности относительно другъ друга. Въ сколько разъ меньше или больше, чѣмъ сапоги, нужна человѣку скрипка? Во сколько разъ меньше или больше, чѣмъ жилище, нужна ему бронза? Это вещи несоизмѣримыя прямымъ образомъ". Пополнивъ, затѣмъ, свою классификацію потребностей и замѣтивъ, что „съ экономической точки зрѣнія" онѣ дѣлятся на потребности матеріальнаго благосостоянія, потребности умственной дѣятельности и потребности эстетическаго наслажденія, Чернышевскій продолжаетъ: „потребности эстетическаго наслажденія никакъ не могутъ уже и сами по себѣ итти въ сравненіе съ потребностями матеріальнаго благосостоянія. Наслаждаться чѣмъ-нибудь изящнымъ удобно человѣку лишь тогда, когда его матеріальныя потребности удовлетворены. Выражаясь быть можетъ слишкомъ сурово, но совершенно вѣрно, надобно сказать, что эстетическое наслажденіе годится собственно лишь на то время, котораго уже ни на что другое не способенъ употребить человѣкъ или по отсутствію всякихъ надобностей, или истощенію силъ предшествующимъ трудомъ; оно всегда бываетъ или отдыхомъ, или праздностью. Но отдыхъ и праздность, конечно, не должны имѣть мѣновой цѣнности. Потому не слѣдуетъ имѣть ея и предметамъ эстетическаго наслажденія. Разумѣется, мы очень хорошо знаемъ, что они имѣютъ ее теперь: за входъ въ театръ собирается плата, картина или статуя продается. Но мы говоримъ, что этимъ оскорбляется самая природа подобныхъ вещей... Дѣятельность, производящая предметы эстетическаго наслажденія, не должна имѣть никакого другого вознагражденія, кромѣ удовольствія, чувствуемаго занимающимся ею человѣкомъ. О мѣновой цѣнности не должно быть тутъ никакого помина...". Съ такой же точки зрѣнія разсматривается и умственная дѣятельность, дѣятельность ученаго и дѣятельность учащагося; ихъ трудъ не долженъ имѣть мѣновой цѣнности. „Но есть умственная дѣятельность другого

рода, составляющая не самонаслажденіе, а жертву для занимающагося ею. Это дѣятельность педагогическая... Педагогъ — такой же чернорабочій, какъ землекопъ или портной. Его трудъ долженъ имѣть экономическую цѣнность" *).

Все это, надо сознаться, довольно неясно. Мы уже знаемъ, что „внутренняя цѣнность" измѣряется не „потребностями человѣка", а количествомъ труда, нужнымъ на изготовленіе предмета. Вышеприведенныя выкладки Чернышевскаго не оставляютъ мѣста ни малѣйшему сомнѣнію на этотъ счетъ. Но предположимъ, на этотъ разъ, что внутренняя цѣнность измѣряется потребностями человѣка. Съ точки зрѣнія потребностей нельзя рѣшить, „во сколько разъ меньше или больше, чѣмъ сапоги, нужна человѣку скрипка". Но вѣдь скрипка есть продуктъ производства. На ея выдѣлку, какъ и на выдѣлку сапоговъ, нужно извѣстное количество рабочаго времени. Почему же скрипка „не должна имѣть мѣновой цѣнности" относительно сапоговъ? Для этого можетъ быть только одно основаніе: въ соціалистическомъ обществѣ не будетъ обмѣна, а слѣдовательно и трудъ, затраченный на производство предметовъ, не будетъ выражаться въ видѣ ихъ мѣновой стоимости. Это совершенно достаточное основаніе. Но его достаточно для того, чтобы ни одинъ продуктъ не имѣлъ мѣновой стоимости „относительно" другихъ, какому бы роду потребностей они ни удовлетворяли. У Чернышевскаго же выходитъ иначе: „должны имѣть мѣновую цѣнность относительно другъ друга предметы первой потребности", но не могутъ имѣть ее предметы, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ. Какъ бы ни подраздѣлялись „съ экономической точки зрѣнія" потребности, ясно, что разъ зашла рѣчь о томъ общественномъ устройствѣ, при которомъ предметы имѣютъ мѣновую стоимость, то ихъ мѣновыя отношенія должны опредѣляться вовсе не характеромъ потребностей, удовлетворяемыхъ этими предметами. Говоря, что предметы, удовлетворяющіе разнороднымъ потребностямъ, не могутъ имѣть „мѣновой цѣнности относительно другъ друга", Чернышевскій въ сущности высказываетъ только свое неодобреніе подобному явленію: ему не хотѣлось бы, чтобы оно имѣло мѣсто въ соціалистическомъ обществѣ. Но экономическая невозможность явленія и нежелательность его для человѣка того или другого образа мыслей — совершенно различныя вещи, очень часто, впрочемъ, смѣшиваемыя соціалистами-утопистами.

*) Тамъ же, стр. 444—445.

Вообще, только что приведенныя разсужденія Чернышевскаго сводятся къ тому, что такъ называемая духовная дѣятельность должна находить свое вознагражденіе въ самой себѣ, — и еще, пожалуй, къ тому, что не слѣдуетъ думать о пріятномъ, когда нѣтъ необходимаго. Это, конечно, вѣрно. Но, поясняя эту вѣрную мысль, Чернышевскій окончательно затемняетъ вопросъ объ экономическихъ послѣдствіяхъ „совпаденія мѣновой стоимости предметовъ съ внутреннею".

Повторяемъ, „система экономическихъ противорѣчій" Прудона не осталась безъ сильнаго вліянія на взгляды нашего автора. Если Адамъ Смитъ относилъ, по замѣчанію Маркса, опредѣленіе стоимости трудомъ къ до-адамовскимъ временамъ, то Чернышевскій, вмѣстѣ съ Прудономъ, относитъ его ко временамъ лучшаго будущаго. А между тѣмъ мы уже знаемъ, что это опредѣленіе соотвѣтствуетъ не болѣе и не менѣе, какъ современной намъ некрасивой буржуазной дѣйствительности. Чернышевскому казалось невѣроятнымъ, чтобы трудъ могъ быть единственнымъ источникомъ стоимости въ обществѣ предпринимателей, не заботящихся ни о чемъ, кромѣ прибыли, и обращающихся съ „трудомъ" *), какъ съ простымъ товаромъ. Онъ говорилъ, какъ мы знаемъ, что количество труда необходимое на приготовленіе продуктовъ, никому неизвѣстно въ буржуазномъ обществѣ **).

---

*) Т. е., собственно, съ рабочей силой.

**) Мы не возразили на это, полагая, что читатель и самъ увидитъ ошибку Чернышевскаго. Во избѣжаніе недоразумѣній сдѣлаемъ, однако, здѣсь нѣсколько замѣчаній. Что экономисты и „люди, имѣющіе прямое вліяніе на общественныя дѣла", не знаютъ, „сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьезныхъ надобностей для извѣстнаго числа людей"—это очень вѣроятно, но это и совершенно понятно: имъ нѣтъ необходимости знать это; однако, каждый рабочій, каждый мастеръ, каждый директоръ фабрики или завода, если не каждый фабрикантъ и заводчикъ, хорошо знаютъ, какое среднее количество времени нужно для выдѣлки единицы продукта, производящагося въ ихъ мастерской. Они могутъ не имѣть подобныхъ свѣдѣній относительно матеріаловъ, обработываемыхъ у нихъ, или орудій труда, употребляемыхъ ими въ дѣло; но производители этихъ матеріаловъ и этихъ орудій хорошо освѣдомлены на этотъ счетъ. Такимъ образомъ, если вся с у м м а труда, употребленнаго на данный продуктъ и не извѣстна, то хорошо извѣстны отдѣльныя с л а г а е м ы я, т. е. количества труда, прибавляемыя къ продукту на каждой ступени его производства. Прядильщику извѣстно, во сколько времени можно приготовить фунтъ пряжи, ткачу извѣстно, во сколько времени можно соткать ее, портной знаетъ, сколько рабочихъ

Кромѣ того Чернышевскаго сбивали еще и колебанія товарныхъ цѣнъ. Онъ зналъ, что „цѣна вещи именно и есть ея мѣновая стоимость, выраженная въ деньгахъ“. Но онъ зналъ также и то, что цѣны постоянно колеблются, и при томъ каждый производитель всѣми правдами и неправдами старается получить за свой товаръ какъ можно больше, не стѣсняясь соображеніями о такъ называемой „законной прибыли“. Это, съ одной стороны, заставило нашего автора признать, по примѣру Милля, стоимость „явленіемъ относительнымъ“, а съ другой,—дало ему новый поводъ для нападокъ на буржуазное общество. „Чтобы оцѣнка продукта дѣлалась по его стоимости,—замѣчаетъ онъ,—для этого нужно, чтобы некому было бы выигрывать отъ оцѣнки предмета выше его стоимости, т. е. опять нужно, чтобы потребитель самъ былъ и производителемъ. А при нынѣшнемъ

дней нужно ему, чтобы сдѣлать изъ данной матеріи данный костюмъ и прочее. Сбывая свою пряжу ткачу, прядильщикъ долженъ принимать въ соображеніе лишь то слагаемое, то количество труда, которое онъ самъ прибавилъ къ продукту, до остальныхъ ему нѣтъ никакого дѣла.

Мы говорили, правда, что трудъ отдѣльнаго производителя можетъ и не быть среднимъ, общественно необходимымъ, трудомъ. Но это рѣшается конкуренціей: если X тратитъ на приготовленіе своего товара вдвое больше времени, чѣмъ нужно по общественнымъ условіямъ производства, то соперничество другихъ производителей того же товара тотчасъ же покажетъ ему, какъ сильно онъ отсталъ „отъ вѣка“. Замѣчательно, что разбираемую нами мысль Чернышевскій высказалъ именно въ статьѣ о конкуренціи. Его вниманіе было поглощено соображеніями о томъ, что производство возможно было бы и безъ конкуренціи. Критикуя конкуренцію съ утопической точки зрѣнія, т. е. оттѣняя ея невыгодныя для общества послѣдствія и вовсе не затрогивая вопроса объ ея историческомъ происхожденіи и значеніи, Чернышевскій естественно проглядѣлъ важнѣйшую сторону дѣла: ту роль, которую играетъ конкуренція въ дѣлѣ приведенія мѣновой стоимости товаровъ къ нормѣ общественно необходимаго рабочаго времени. Одной этой ошибки было бы достаточно, чтобы спутать всѣ его экономическія взгляды.

Замѣтимъ здѣсь также, что то соображеніе его, по которому мѣновая стоимость не можетъ опредѣлиться количествомъ труда, нужнымъ на производство каждой данной вещи, (потому что это количество никому неизвѣстно теперь въ точности) напоминаетъ подобное же соображеніе Родбертуса. Убѣжденный доводами этого послѣдняго, одинъ нѣмецкій архитекторъ рѣшился исправить этотъ важный недостатокъ буржуазнаго общества и принялся высчитывать среднюю производительность труда рабочихъ, занимающихся строительнымъ дѣломъ (каменьщиковъ, плотниковъ, столяровъ и т. д.). Нѣтъ надобности прибавлять, что эта затѣя архитектора-родбертусіанца не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

экономическомъ устройствѣ, это чистая невозможность". Та самая конкуренція, которая въ дѣйствительности приводитъ товары къ нормѣ рабочаго времени, кажется Чернышевскому главнымъ препятствіемъ, не позволяющимъ стоимости опредѣляться трудомъ *). По его мнѣнію, „коренной недостатокъ соперничества—тотъ, что нормою расчета беретъ оно не сущность дѣла, а внѣшнюю принадлежность его, не стоимость, а цѣну" **). Выясняя различіе взглядовъ на стоимость, свойственныхъ Рикардо съ одной стороны и А. Смиту и Мальтусу—съ другой, Милль дѣлаетъ очень справедливое замѣчаніе: „когда Рикардо и другіе политико-экономы говорятъ, что стоимость вещи опредѣляется количествомъ труда, они говорятъ не о томъ количествѣ труда, за какое обмѣнивается вещь, а о томъ количествѣ, какое нужно на ея производство... Но когда Адамъ Смитъ и Мальтусъ говорятъ, что трудъ—мѣра стоимости, они разумѣютъ не тотъ трудъ, какимъ была или можетъ быть сдѣлана вещь, а то количество труда, какое обмѣнивается или покупается за эту вещь". Чернышевскій прибавляетъ къ этому, что Адамъ Смитъ и Мальтусъ искали въ трудѣ „вѣрнаго мѣрила не мѣновой, а внутренней цѣнности, или стоимости производства" и такимъ образомъ приближались „къ истинному смыслу вопроса, который понятъ былъ ихъ послѣдователями, какъ вопросъ о мѣновой цѣнности" ***). Выходитъ, что Рикардо только вслѣдствіе плохого пониманія имъ Адама Смита и Мальтуса искалъ причинной связи между трудомъ и мѣновою стоимостью! Это уже совершенно неправильное пониманіе исторіи политической экономіи.

Глава третья.

Деньги и денежное хозяйство.

Мы подробно изложили и разобрали ученіе Чернышевскаго о стоимости, сопоставивъ его съ современными научными взглядами на тотъ же предметъ. Мы потому считали нужнымъ сдѣлать это,

---

*) Само собою разумѣется, что, говоря это, мы имѣемъ въ виду простое товарное производство.

**) То есть не издержки производства, а цѣну. Соч. т. VII, стр. 326.

***) Тамъ же, стр. 439.

что ученіе о стоимости по справедливости считается краеугольнымъ камнемъ науки о законахъ буржуазнаго хозяйства. Кто ошибается относительно этой простѣйшей категоріи буржуазной экономіи, тотъ необходимо долженъ ошибаться и относительно другихъ ея категорій. Мѣновая стоимость выражаетъ самое простое отношеніе производителей въ общественномъ процессѣ производства. Другія категоріи, какъ, напримѣръ, капиталъ, выражаютъ собою уже гораздо болѣе сложныя и при томъ производныя отношенія. Поэтому правильное пониманіе ихъ невозможно безъ правильнаго пониманія стоимости. Смотря на буржуазную политическую экономію глазами утописта,—т. е. не находя нужнымъ внимательно и хладнокровно изучать экономическіе законы буржуазнаго общества, которое представляетъ собою лишь печальное уклоненіе отъ „естественнаго порядка“ и „противорѣчитъ всѣмъ требованіямъ теоріи“, — Чернышевскій естественно приходилъ къ ошибочнымъ выводамъ какъ насчетъ нынѣ существующихъ экономическихъ отношеній, такъ и насчетъ судьбы, ожидающей ихъ въ будущемъ. Сбивчивость его соображеній о совпаденіи „мѣновой цѣнности съ внутреннею“ въ соціалистическомъ обществѣ является логическимъ слѣдствіемъ ошибочности посылокъ, лежащихъ въ основѣ этихъ соображеній. Въ своей критикѣ буржуазной дѣйствительности онъ счелъ возможнымъ взять за исходную точку политико-экономическія теоріи Милля. Неудивительно, что въ своихъ планахъ относительно будущаго онъ сблизился съ Прудономъ. Его ученіе о стоимости служитъ поразительнымъ доказательствомъ этого сближенія. Въ другихъ отдѣлахъ своего главнаго экономическаго сочиненія Чернышевскій несомнѣнно имѣетъ очень мало общаго съ Прудономъ. Но и тамъ коренной недостатокъ той точки зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на общественную жизнь, очень сильно даетъ себя чувствовать. И тамъ онъ, недостаточно критикуя свои посылки, приходитъ къ ошибочнымъ, утопическимъ заключеніямъ.

Мы не станемъ долго останавливаться на его ученіи о „покупательной силѣ“, т.-е. о деньгахъ. Читатель, хоть немного знакомый съ политической экономіей, и самъ понимаетъ, что раздѣляя взглядъ Милля на мѣновую стоимость, Чернышевскій ни въ какомъ случаѣ не могъ пойти дальше его въ уясненіи экономической роли денегъ. И дѣйствительно, онъ согласенъ съ Миллемъ во всемъ, что тотъ говоритъ о деньгахъ. Милль, подобно другимъ буржуазнымъ экономистамъ, говоритъ о нихъ много не

сообразностей. Чернышевскій не замѣчаетъ этихъ несообразностей. Онъ думаетъ, что вопросъ о деньгахъ почти совершенно исчерпанъ буржуазной экономіей. „Господствующая теорія очень ясно выставляетъ затруднительность прямого обмѣна продукта на продуктъ и необходимость такого общаго орудія обмѣна всякихъ продуктовъ, какимъ являются деньги. Она превосходно объясняетъ свойства, нужныя для хорошаго орудія обмѣновъ или для денегъ, и очень основательно доказываетъ, что лучше всѣхъ другихъ продуктовъ и предметовъ годятся для исполненія роли денегъ благородные металлы. Все, что они говорили объ этихъ сторонахъ вопроса, мы предполагаемъ извѣстнымъ читателю или предоставляемъ узнать изъ обыкновенныхъ курсовъ политической экономіи“ *).

При такомъ взглядѣ на деньги, нашему автору оставалась открытой только одна область критики, т.-е. опять-таки утопическая критика буржуазныхъ отношеній: оттѣненіе невыгодныхъ сторонъ денежнаго хозяйства, указаніе несоотвѣтствія этого хозяйства съ требованіемъ „теоріи“. На этотъ счетъ онъ дѣлаетъ нѣсколько весьма мѣткихъ замѣчаній, которыя, однако, въ виду неудовлетворительности общаго понятія его о деньгахъ, не могли не сопровождаться совершенно ошибочными соображеніями. Онъ справедливо утверждаетъ, что при естественномъ хозяйствѣ, по самой логикѣ отношеній, невозможно такое экономическое подчиненіе человѣка человѣку, какое возникаетъ при денежномъ. По своему обыкновенію онъ поясняетъ свою мысль примѣромъ.

„Представимъ себѣ—говоритъ онъ—отношеніе между человѣкомъ очень богатымъ и человѣкомъ очень зажиточнымъ при такъ называемомъ, въ противоположность „денежному“,—„естественномъ“ хозяйствѣ, въ которомъ деньги не играютъ важной роли. Въ табунахъ киргиза Абдаллы 10.000 головъ; у киргиза Юсуфа весь табунъ состоитъ изъ 100 головъ. Какую экономическую власть надъ Юсуфомъ можетъ имѣть Абдалла своимъ богатствомъ, если они кочуютъ въ такой части степи, куда еще не проникло денежное хозяйство? Предположивъ Юсуфа человѣкомъ обыкновеннаго характера, мы не можемъ не сказать, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго разсчета становиться въ экономическую зависимость отъ своего богатаго соплеменника. Что такое, особенно нужное для него, можетъ дать ему Абдалла? Лошадей и кумыса у Юсуфа до-

*) Тамъ же, стр. 452—453.

вольно, онъ не нуждается въ этихъ предметахъ. А кромѣ ихъ ничего не можетъ предложить ему Абдалла. Предположимъ теперь, что введено въ этомъ племени денежное хозяйство. Пусть лошадь круглымъ счетомъ стоитъ 10 руб. Абдалла располагаетъ суммою имущества на 100 тысячъ, Юсуфъ имѣетъ его только на 1 тысячу рублей. Каждому изъ ежедневнаго опыта извѣстно, каково при денежномъ хозяйствѣ отношеніе небогатаго человѣка къ сосѣду, который въ 100 разъ богаче его. Это отношеніе зависимое. Изъ чего возникаетъ зависимость? Изъ того самаго, что деньги служатъ всеобщею покупательною силою, даютъ возможность удовлетворенія не одной какой-нибудь потребности, какъ даетъ продуктъ, прямо служащій для потребленія, а общую возможность удовлетворенія всякимъ вообще наклонностямъ и желаніямъ. Человѣкъ можетъ чувствовать, что ему нѣтъ нужды въ томъ или другомъ предметѣ, что этотъ извѣстный предметъ былъ бы для него лишній: но онъ никакъ не можетъ чувствовать увѣренности, что ему никогда не понадобится ничего. А чтобы не желать денегъ, надобно имѣть такую увѣренность, и не только за настоящее или ближайшее будущее, а за всю свою будущность“ *). Развивая далѣе эту мысль, Чернышевскій говоритъ, что „только въ деньгахъ пріобрѣтается человѣкомъ экономическій источникъ совершенно празднаго наслажденія“. Это совершенно вѣрно, въ томъ смыслѣ, что развитіе денежнаго хозяйства, т.-е. товарнаго производства необходимо приводитъ на извѣстной ступени своего развитія къ превращенію въ товаръ рабочей силы, и тѣмъ самымъ къ эксплоатаціи одного класса другимъ. Но экономическія свойства „денегъ“ означаютъ не что иное, какъ взаимныя отношенія людей въ общественномъ процессѣ производства. Между тѣмъ, Чернышевскій, повидимому, склоненъ объяснять ихъ свойствами того матеріала, изъ котораго дѣлаются деньги. Онъ разсуждаетъ такъ: „Почти всѣ предметы, прямо служащія для потребленія, очень недолговѣчны. Значительнымъ исключеніемъ изъ этого правила можно назвать только благородные металлы, матеріалъ, изъ котораго дѣлаются деньги, отъ которыхъ довольно мало отличаются и золотые или серебрянные слитки, хотя бы и не имѣли штемпеля, дѣлающаго ихъ деньгами въ строгомъ смыслѣ слова (Чернышевскій хочетъ сказать— монетой). Остальные важные въ экономическомъ отношеніи предметы не имѣютъ свойства долго сохраняться

*) Тамъ же, стр. 453—454.

сами собой,—это свойство принадлежитъ только деньгамъ. Есть многочисленный разрядъ продуктовъ, которые не могутъ быть далѣе нѣсколькихъ лѣтъ сбережены никакою заботливостью. Сюда принадлежитъ хлѣбъ, во всѣхъ земледѣльческихъ странахъ самый главный по своей цѣнности продуктъ. Эти продукты сохраняются только воспроизведеніемъ, то есть посредствомъ переработки продукта такою же массою труда, какая была нужна на первое производство. Другіе предметы долго остаются цѣлы,—напримѣръ, каменныя зданія,—но требуютъ ремонта, который за нѣсколько лѣтъ въ сложности составитъ сумму труда, равную той массѣ его, которая требовалась на первоначальное производство предмета. Безъ этого они быстро теряютъ годность и цѣнность. Такимъ образомъ, говоря вообще, деньги отличаются отъ другихъ продуктовъ тѣмъ, что продолжаютъ существовать сами собой, безъ надобности въ дальнѣйшемъ производительномъ трудѣ, даютъ полное увольненіе отъ него человѣку, ихъ имѣющему,—между тѣмъ какъ сохраненіе всѣхъ другихъ предметовъ требуетъ продолженія работы, которою они первоначально пріобрѣтены".

Почти излишне доказывать неудовлетворительность подобныхъ объясненій. Читатель, вѣроятно, видитъ ихъ и безъ нашихъ указаній. Онъ видитъ, что Чернышевскій повторяетъ здѣсь ошибку многихъ и многихъ экономистовъ, приписывавшихъ вещамъ тѣ свойства, которыя въ дѣйствительности принадлежатъ общественнымъ отношеніямъ. Значеніе денегъ такъ же мало опредѣляется физическими свойствами благородныхъ металловъ, какъ мѣновая стоимость товара опредѣляется его вещественными особенностями. Физическія свойства благородныхъ металловъ дѣлаютъ лишь то, что они оказываются болѣе подходящими для роли денегъ. Точно такъ же подчиненіе человѣка человѣку, экономическое порабощеніе одного класса другимъ происходитъ при денежномъ хозяйствѣ не отъ того, что деньги не требуютъ для своего сохраненія никакого труда со стороны своего обладателя, а отъ того, что развитое товарное производство приводитъ, какъ мы уже сказали это выше, къ превращенію рабочей силы въ товаръ, къ ея продажѣ и покупкѣ, т.-е. къ ея эксплуатаціи. Только въ силу такой эксплуатаціи деньги и могутъ служить „источникомъ праздная наслажденія" не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для цѣлыхъ классовъ; и наоборотъ, безъ посредства такой эксплуатаціи деньги

*) Тамъ же, стр. 454.

могли бы явиться источникомъ „праздпаго наслажденія“ развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда производителю, трудомъ цѣлой жизни, удалось бы скопить себѣ „малую толику“ подъ старость. Но Чернышевскій, конечно, имѣетъ въ виду не этого рода „праздное наслажденіе“.

Очень характерно для Чернышевскаго, державшагося утилитарнаго ученія о нравственности, то обстоятельство, что, нападая на денежное хозяйство, онъ опасается, какъ бы не заподозрили его въ излишней сентиментальности. „Въ признаніи принципа личной пользы за основное побужденіе и за послѣднюю норму всей экономической дѣятельности человѣка мы не уступимъ ни одному писателю школы Адама Смита, и идемъ гораздо дальше большинства рутинныхъ политико-экономистовъ, которымъ предоставляемъ толковать вслѣдъ за моралистами о необходимости идеальныхъ стремленій—оговаривается онъ...—Мы находимъ, что разсчетъ личной пользы есть одинъ изъ главныхъ руководителей человѣка, и разсуждаемъ только о томъ, что наиболѣе сообразно съ личной выгодой человѣка, и желаемъ лишь того, чтобы люди стали разсчетливѣе... Порядокъ дѣлъ, при которомъ надъ всѣми господствуютъ деньги, мы находимъ неудовлетворительнымъ не потому, что люди при немъ своекорыстны,—они всегда будутъ, да и должны больше всего думать о своей личной выгодѣ,—а просто потому, что при немъ слишкомъ плохо удовлетворяется потребность матеріальнаго благосостоянія у огромнаго большинства людей, что для этого огромнаго большинства онъ не выгоденъ“ *).

Какимъ именно экономическимъ порядкомъ должно быть замѣнено, по мнѣнію Чернышевскаго, невыгодное для большинства денежное хозяйство—это мы уже сказали, излагая его ученіе о стоимости. Большихъ размѣровъ хозяйственная единица, собственными силами удовлетворяющая большую часть своихъ потребностей и обмѣнивающая лишь незначительное меньшинство своихъ продуктовъ—таковъ идеалъ нашего автора. Но обмѣнъ этого меньшинства продуктовъ между отдѣльными хозяйственными единицами долженъ вестись посредствомъ денегъ. „Иначе вестись ему слишкомъ неудобно, и само по себѣ употребленіе денегъ или равнозначительныхъ имъ общихъ знаковъ цѣнности—дѣло очень полезное. Возставать противъ нихъ значитъ то же самое, что вооружаться противъ носовыхъ платковъ, которые сами по себѣ тоже

*) Тамъ же, стр. 455.

вещь превосходная и необходимая въ порядочномъ обществѣ для дѣла, къ которому предназначены. Мы вовсе не желаемъ возвратить людей къ тому состоянію, когда они обходились безъ посредства носового платка. Но совершенно иной вопросъ то, хорошая ли вещь насморкъ, при которомъ роль носового платка становится очень велика. Мы полагаемъ, что человѣку слѣдуетъ лѣчиться отъ насморка, и что когда насморкъ пройдетъ, носовой платокъ потеряетъ самъ собою ту излишнюю занимательность, въ которой виноватъ вовсе не онъ самъ" *). Такимъ образомъ, по ученію Чернышевскаго, соціалистическая организація производства не устранитъ денегъ, а только сузитъ роль ихъ, отводя ей надлежащіе предѣлы.

Замѣтимъ еще мимоходомъ, что Чернышевскій раздѣлялъ то, долго господствовавшее между буржуазными экономистами, мнѣніе, по которому цѣны товаровъ опредѣляются количествомъ обращающихся въ странѣ денегъ. Въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ наоборотъ: количество находящихся въ обращеніи денегъ опредѣляется цѣнами товаровъ. Но это уже слишкомъ спеціальный вопросъ, и мы не можемъ его здѣсь разсматривать **).

Глава четвертая.

Капиталъ.

Перейдемъ теперь къ ученію Чернышевскаго о капиталѣ.

Что такое капиталъ? Капиталъ есть общественное отношеніе производства, говоритъ Марксъ, приводя такимъ отвѣтомъ буржуазныхъ экономистовъ въ величайшее и, на этотъ разъ, искреннѣйшее удивленіе ***). Какимъ образомъ капиталъ можетъ быть

*) Тамъ же, стр. 455—456.

**) Объ этомъ см. Zur Kritik der politischen Oekonomie, стр. 138—170.

***) „Общественныя отношенія, при которыхъ люди занимаются производствомъ, общественныя отношенія производства измѣняются, слѣдовательно, преобразуются съ измѣненіемъ и развитіемъ матеріальныхъ средствъ производства, производительныхъ силъ. Отношенія производства, въ своей совокупности, образуютъ то, что называютъ общественными отношеніями, обществомъ, образуютъ общество, находящееся на опредѣленной ступени историческаго развитія,—общество съ своеобразнымъ, отличительнымъ характеромъ. Античное общество, феодаль-

общественнымъ отношеніемъ?—недоумѣваютъ они. Капиталъ, это—или деньги, или товаръ, или вообще средства производства; капиталъ,—это вещь, или вещи, а вовсе не „отношеніе“. Буржуазные экономисты не хотятъ даже и спорить противъ такого опредѣленія, какъ спорятъ они, напримѣръ, противъ опредѣленія величины стоимости товара количествомъ труда, нужнаго для его производства, они просто пожимаютъ плечами, убѣжденные въ томъ, что знаменитый соціалистъ просто хотѣлъ поразить своихъ читателей неожиданнымъ парадоксомъ *).

ное общество, буржуазное общество представляютъ собою такія совокупности отношеній производства,—совокупности, каждая изъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ особенную ступень развитія въ исторіи человѣчества.

„Капиталъ есть также общественное отношеніе производства, а именно, буржуазное отношеніе производства, отношеніе производства въ буржуазномъ обществѣ.

„Извѣстное количество товаровъ, мѣновыхъ стоимостей, превращается въ капиталъ, выступая въ качествѣ самостоятельной общественной силы, т.-е. силы одной части общества, сохраняясь и умножаясь при этомъ путемъ обмѣна на непосредственную живую рабочую силу. Существованіе класса, не имѣющаго ничего, кромѣ способности къ труду, есть необходимое предварительное условіе существованія капитала.

„Только господство накопленнаго, прошедшаго, овеществленнаго труда надъ непосредственнымъ, живымъ трудомъ превращаетъ накопленный трудъ въ капиталъ.

„Отличительный признакъ капитала заключается не въ томъ, что накопленный трудъ служитъ живому труду средствомъ для новаго производства,—а въ томъ, что живой трудъ служитъ накопленному труду средствомъ для сохраненія и увеличенія ея мѣновой стоимости“. Карлъ Марксъ. Наемный трудъ и капиталъ. Стр. 29 и 31.

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* До какой степени трудно современнымъ экономистамъ усвоить себѣ взглядъ на капиталъ, какъ на общественное отношеніе производства, показываетъ недавно вышедшее въ свѣтъ интересное сочиненіе д-ра Вальтера Якоби: „Der Streit um den Kapitalsbegriff, seine geschichtliche Entwicklung und Versuche seiner Lösung“, Jena, 1908. См. особенно стр. 115, на которой г. В. Якоби предлагаетъ свое собственное опредѣленіе капитала. Это опредѣленіе грѣшитъ именно тѣмъ, что упускаетъ изъ виду производственныя отношенія, сообщающія извѣстнаго рода „имуществу физическаго или юридическаго лица“ способность приносить „доходъ“ своему обладателю. Г. В. Якоби слона-то и не замѣчаетъ. Но надо сознаться, что замѣтить „слона“ значило бы погрѣшить противъ „хорошаго тона“.

Посмотримъ, однако, что означаетъ этотъ мнимый парадоксъ.

Каковы признаки „капитала“? Всѣмъ извѣстно, что самымъ главнымъ отличительнымъ признакомъ его служитъ его способность приносить „доходъ“, періодически обрастать прибылью, подобно тому, какъ овца обрастаетъ шерстью. Когда „капиталъ“ не приноситъ дохода, онъ считается „мертвымъ капиталомъ“, капиталомъ, утратившимъ душу, несоотвѣтствующимъ болѣе своему истинному понятію. Спрашивается теперь, указываютъ ли буржуазные экономисты этотъ главный признакъ капитала, когда говорятъ, что капиталъ есть накопленный трудъ, служащій средствомъ для новаго производства? Нисколько; а между тѣмъ это опредѣленіе—самое распространенное и наименѣе несостоятельное. Говоримъ: наименѣе несостоятельное—потому что состоятельнымъ признать его невозможно: хорошо опредѣленіе, упускающее изъ виду главный отличительный признакъ предмета! Но если это опредѣленіе несостоятельно, и если мы знаемъ, почему оно несостоятельно, то какое же новое опредѣленіе поставимъ мы на его мѣсто? Замѣтимъ прежде всего слѣдующее, въ высшей степени важное обстоятельство: „капиталъ остается такимъ же капиталомъ, возьмемъ ли мы вмѣсто шерсти хлопчатую бумагу, вмѣсто ржи—рисъ, вмѣсто желѣзныхъ дорогъ — пароходы, если только хлопчатая бумага, рисъ, пароходы, это тѣло капитала, имѣютъ ту же мѣновую стоимость,... что и шерсть, рожь, желѣзная дорога, въ которыхъ онъ воплощался прежде. Тѣло капитала можетъ постоянно измѣняться, не причиняя этимъ ему самому ни малѣйшаго измѣненія“ *). И оно не только можетъ измѣниться, не причиняя ему измѣненія, оно должно измѣняться для того, чтобы капиталъ оставался капиталомъ. Въ процессѣ производства капиталъ является сначала въ видѣ опредѣленной суммы денегъ, которая и составляетъ первую фазу его превращеній. Деньги употребляются затѣмъ на покупку необходимыхъ для дѣла производительныхъ средствъ; эти производительныя средства составляютъ вторую фазу его превращеній. Когда производительныя средства находятся въ наличности, начинается производство, въ результатѣ котораго являются извѣстные продукты—третья фаза превращенія: продукты вывозятся на рынокъ для продажи, а съ рынка капиталъ возвращается въ карманъ своего обладателя опять въ видѣ денегъ. Всѣ эти метаморфозы

*) Марксъ. Наемный трудъ и капиталъ.

такъ же необходимы для существованія капитала, какъ для жизни животнаго необходимъ обмѣнъ веществъ въ его организмѣ. И въ каждой новой фазѣ своего превращенія капиталъ остается такимъ же капиталомъ, какимъ былъ во всѣхъ предыдущихъ. Чѣмъ объясняется это его свойство? Тѣмъ, что всякій капиталъ представляетъ собою *извѣстную мѣновую стоимость*, а для мѣновой стоимости рѣшительно все равно, какой товаръ является ея носителемъ: „томъ сочиненій Проперція и 8 унцій нюхательнаго табаку могутъ быть одинаковой мѣновою стоимостью, независимо отъ различія потребительныхъ стоимостей табака и элегій“ *). — Но если всякій капиталъ непремѣнно представляетъ собою мѣновую стоимость, то не всякая мѣновая стоимость есть капиталъ, такъ какъ не всякая мѣновая стоимость имѣетъ способность обрастать „доходомъ“. *Капиталъ есть мѣновая стоимость, одаренная способностью къ совершенно, повидимому, произвольному возрастанію.* Входя въ процессъ производства въ видѣ данной величины A, она выходитъ изъ него въ видѣ новой величины A + a. Мы уже говорили, что это свойство капитала служитъ его главнымъ отличительнымъ признакомъ. Теперь намъ нужно посмотрѣть, откуда оно берется.

Мы уже знаемъ, что мѣновая стоимость есть опредѣленная общественная форма труда, употребленнаго на производство вещи. Мѣновыя отношенія товаровъ выражаютъ собою взаимныя отношенія производителей въ общественномъ процессѣ производства. Но если это такъ, то и капиталъ, эта мѣновая стоимость, получившая новое свойство возрастанія, не можетъ представлять собою что-либо другое, кромѣ общественныхъ отношеній производителей. Всѣ его свойства, какъ и всѣ свойства мѣновой стоимости, должны вытекать изъ особенностей, характеризующихъ отношенія производителей въ процессѣ производства. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и говоритъ, что „капиталъ есть общественное отношеніе производства“, и именно отношеніе, свойственное буржуазному обществу, „буржуазное отношеніе производства“.

Чѣмъ характеризуется это отношеніе? Тѣмъ, что въ обмѣнъ на средства къ жизни рабочій продаетъ предпринимателю свою рабочую силу, которая и употребляетъ въ дѣло запасенныя ея

*) Марксъ, Zur Kritik, etc. s. 4.

покупателемъ производительныя средства. Пріобрѣтенная предпринимателемъ рабочая сила составляетъ его собственность совершенно такъ же, какъ пряжа, машина или какое-нибудь другое „средство производства“. Рабочій поступаетъ подъ власть капитала. „Накопленный“, овеществленный въ средствахъ къ жизни, трудъ господствуетъ, такимъ образомъ, надъ живымъ трудомъ работника, и только это обстоятельство дѣлаетъ накопленный трудъ капиталомъ. Съ какою цѣлью покупаетъ капиталистъ рабочую силу—извѣстно всѣмъ и каждому. Въ процессѣ производства работникъ создаетъ своимъ трудомъ стоимость, превышающую расходъ на покупку его рабочей силы или, что то же,—стоимость его заработной платы. Разность между новой, созданной работникомъ стоимостью и стоимостью его заработной платы называется прибавочной стоимостью. Эта прибавочная стоимость принадлежитъ предпринимателю и является источникомъ того „дохода“, который капиталъ приноситъ своему обладателю. Отсюда еще разъ видно, что свойства капитала обусловливаются въ дѣйствительности отношеніями людей, а не какими-нибудь таинственными свойствами вещей, употребляемыхъ на дальнѣйшее производство и называемыхъ въ политической экономіи производительными средствами. Мы видимъ также, что будто бы парадоксальное опредѣленіе: „капиталъ есть общественное отношеніе производства“—вполнѣ соотвѣтствуетъ фактическому положенію дѣлъ въ буржуазномъ обществѣ. Если оно удивляетъ буржуазныхъ экономистовъ, то это происходитъ единственно потому, что они, благодаря своимъ предразсудкамъ, не умѣютъ или не хотятъ проникнуть въ сущность капиталистическихъ отношеній. Человѣку, считающему буржуазный порядокъ самымъ лучшимъ и наиболѣе соотвѣтствующимъ „человѣческой природѣ“, не легко притти къ тому заключенію, что пріятныя и похвальныя свойства капитала проистекаютъ въ сущности изъ эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ, эксплуатаціи ни мало не похвальной и вовсе непріятной, по крайней мѣрѣ, для одного изъ этихъ классовъ. Такъ объясняются нападки буржуазныхъ экономистовъ на данное Марксомъ опредѣленіе капитала съ точки зрѣнія того, что Кантъ называлъ психологической логикой. Съ точки же зрѣнія формальной логики, онѣ объясняются просто тѣмъ, что буржуазные экономисты видѣли только поверхность общественно-экономической жизни, а потому почти никогда не были въ состояніи до конца прослѣдить взаимную связь общественно-экономическихъ

явленій *). Такъ, напримѣръ, мы уже знаемъ, что Милль считалъ возможнымъ и даже нужнымъ разсматривать „законы производства“ совершенно независимо отъ общественныхъ отношеній производителей. Но при такомъ пріемѣ изслѣдованія ему не оставалось ничего другого, какъ довольствоваться совершенно ничего не опредѣляющимъ опредѣленіемъ капитала. Онъ и довольствовался имъ. По его словамъ, „капиталомъ называются тѣ продукты труда, которые служатъ средствами для новаго производства“. Всегда ли служащіе для новаго производства продукты труда создаютъ прибавочную стоимость—это было не ясно для Милля, да и самый вопросъ объ этомъ едва ли становился передъ нимъ, что называется, ребромъ.

Разсматривая „капиталъ“ независимо отъ общественныхъ отношеній производителей, мы, какъ и слѣдовало ожидать, не открываемъ въ немъ рѣшительно ни одного изъ тѣхъ непріятныхъ свойствъ, съ которыми приходится считаться пролетаріату. Въ качествѣ „продуктовъ, употребляемыхъ для дальнѣйшаго производства“, капиталъ есть нѣчто не только совершенно безобидное, но и необходимое, полезное, „вѣчное“ и „разумное“. Съ этой точки зрѣнія всякія нападки на „капиталъ“ оказываются вопіющею нелѣпостью. Чернышевскій придерживался миллевскаго опредѣленія капитала. Но въ то же время онъ, какъ соціалистъ, не могъ не признавать правомѣрности борьбы наемнаго труда съ капиталомъ. Это было противорѣчіемъ съ его стороны,—противорѣчіемъ, которое онъ разрѣшалъ такимъ образомъ: „Отсталая школа неистощима въ панегирикахъ капиталу, говоритъ онъ, прогрессивная—въ проклятіяхъ ему. Но читатель безъ труда замѣтитъ, что тутъ идетъ дѣло не о томъ элементѣ производства, который называется капиталомъ въ строгой наукѣ, а собственно только о роли, какую при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ играютъ капиталисты“ **). Это напоминаетъ то различіе, какое Родбертусъ пытался установить между капиталомъ „самимъ по себѣ“ (Kapital

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не классиковъ буржуазной экономіи, а главнымъ образомъ ихъ измельчавшихъ эпигоновъ. Что касается нынѣшнихъ субъективныхъ экономистовъ, то ихъ методъ какъ будто нарочно придуманъ для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ обнаруженіе причинной связи между экономическими явленіями. Эти свѣтильники науки горятъ именно затѣмъ, чтобы ничего не было видно.

**) Сочиненія, т. V, стр. 132.

an sich) и „историческимъ капиталомъ“. Мы уже знаемъ, что въ дѣйствительности характеръ и свойство капитала опредѣляются именно тою экономическою ролью, которую капиталисты играютъ при общественныхъ условіяхъ, дѣлающихъ ихъ капиталистами. Отвлекаться отъ этой роли ихъ значитъ добровольно закрывать глаза на природу капитала. Чернышевскій и самъ, повидимому, чувствуетъ, что принятое имъ опредѣленіе капитала не вполнѣ удовлетворительно. Ему хотѣлось бы замѣнить слово „капиталъ“ какимъ-нибудь другимъ словомъ. Если онъ не сдѣлалъ этого, то лишь потому, что не зналъ напередъ, будетъ ли его книга „имѣть въ публикѣ такое значеніе, чтобы могла утвердить право гражданства за столь большими нововведеніями, какъ замѣна слова капиталъ какимъ-нибудь другимъ терминомъ“ *). Мы не знаемъ, конечно, какой новый терминъ употребилъ бы Чернышевскій, но уже изъ предыдущаго видно, что этотъ новый терминъ врядъ ли выражалъ бы общественную природу капитала. Онъ нуженъ былъ нашему автору именно затѣмъ, чтобы придать болѣе подходящее выраженіе для той абстракціи, съ помощью которой буржуазные экономисты сводили понятіе о капиталѣ къ понятію о средствахъ производства.

Глава пятая.

Заработная плата.

I.

Слѣдуя за Миллемъ въ его опредѣленіи капитала, Чернышевскій слѣдовалъ за нимъ и въ ученіи о заработной платѣ. Онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что „рабочая плата, главнымъ образомъ, зависитъ отъ отношенія между запросомъ и предложеніемъ труда или, какъ часто говорятъ, между населеніемъ и капиталомъ“. Читатель, нѣсколько знакомый съ исторіей экономической литературы, знаетъ, какую роль играло въ ней это ученіе, извѣстное подъ именемъ ученія о „фондѣ рабочей платы“. Оно было главнымъ доводомъ въ пользу солидарности интересовъ

*) Тамъ же, стр. 135.

труда съ интересами капитала. Когда растетъ капиталъ, растетъ также и фондъ рабочей платы, т. е. та часть капитала, которая употребляется на наемъ рабочихъ, слѣдовательно, увеличивается и спросъ на трудъ, повышается заработная плата,—говорили вульгарные экономисты,—поэтому быстрый ростъ капитала составляетъ необходимѣйшее условіе благосостоянія рабочаго класса. Все, что вредитъ первому, приноситъ страшный вредъ второму. Сознающій свои интересы рабочій классъ долженъ, именно ради этихъ интересовъ, заботливо охранять интересы капиталистовъ. Борьба рабочихъ противъ капитала, даже такая борьба, которая, чуждаясь разрушительныхъ утопій, ограничивается требованіемъ болѣе высокой платы, есть вредная для самихъ рабочихъ, и при томъ совершенно безнадежная борьба. Къ повышенію заработной платы можетъ повести только увеличеніе ея національнаго фонда, а подобнаго увеличенія не достигнешь, конечно, посредствомъ стачекъ и союзовъ сопротивленія, которые, вредя капиталу, приводятъ къ совершенно противоположному результату: уменьшаютъ фондъ рабочей платы и тѣмъ вызываютъ ея пониженіе. Развивая эту тему далѣе, можно, пожалуй, доказывать, что рабочій, въ интересахъ своего класса, долженъ довольствоваться какъ можно болѣе низкой заработной платой. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что въ извѣстной странѣ фондъ рабочей платы равняется a рублей. Если въ этой странѣ средняя плата работника равняется b рублямъ, то число рабочихъ, могущихъ найти занятіе, будетъ равно $a:b$. Ясно, что если бы уменьшился знаменатель этой дроби, т. е. средняя заработная плата,—то возросла бы представляемая этой дробью величина, т. е. число нанимаемыхъ рабочихъ. Если средняя заработная плата уменьшится на половину, то число могущихъ найти занятіе рабочихъ станетъ вдвое больше прежняго. Слѣдовательно, довольствуясь низкой платой, рабочій приноситъ пользу прежде всего своему же брату—рабочему. Возрастающее сознаніе интересовъ своего класса и товарищескія чувства должны были бы приводить рабочаго именно къ большей и большей умѣренности относительно заработной платы. Если на дѣлѣ происходитъ противное, то въ этомъ виноваты разрушительныя ученія, къ сожалѣнію, имѣющія слишкомъ большое вліяніе на рабочій классъ.—Къ такимъ выводамъ почти вплотную подходилъ сладкорѣчивый Бастіа.

II.

Ученіе о фондѣ рабочей платы придумано для укрощенія рабочихъ. Какимъ образомъ Чернышевскій могъ не видѣть его очевидной тенденціозности? Какъ могъ онъ, при своемъ сильномъ логическомъ умѣ, не замѣтить свойственныхъ этому ученію вопіющихъ софизмовъ и безстыдныхъ натяжекъ? Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ указанномъ уже нами отношеніи соціалистовъ-утопистовъ къ буржуазной экономіи. Разъ навсегда произнеся приговоръ тому порядку, при которомъ трудъ является на рынкѣ въ видѣ товара, Чернышевскій мало интересовался законами, опредѣляющими цѣну этого товара. Силы его логики были направлены исключительно на доказательство того положенія, что трудъ не долженъ быть товаромъ *).

*) Желая доказать, что трудъ не долженъ быть товаромъ, Чернышевскій приводитъ такіе доводы, которые идутъ гораздо дальше предназначенной имъ цѣли и оспариваютъ самую возможность того явленія, которое ему хотѣлось устранить. „Мы нашли, говоритъ онъ, что понятіе труда не должно соединяться съ понятіемъ о мѣновой цѣнности... Приписывать труду мѣновую цѣнность, значитъ сравнивать его съ понятіями посторонними для человѣка. Положимъ, напримѣръ, что четверть пшеницы мы оцѣнимъ въ пять рабочихъ дней, имѣющихъ по 12-ти часовъ. Это значитъ, что 60 часовъ человѣческаго труда мы ставимъ равными одной четверти пшеницы. Пусть читатель разсудитъ, годится ли ставить знакъ равенства между такими понятіями. Трудъ есть дѣятельность человѣческаго организма, не могущая быть подведенною къ одному знаменателю ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ дѣятельности того же организма... Можно сравнивать между собою продукты труда; но нельзя сравнивать ихъ съ трудомъ: это—предметы несоизмѣримые. Положимъ, что трудъ превращается въ продуктъ, но все-таки сравнивать ихъ другъ съ другомъ точно также не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ звукъ фортепьянъ сравнивать съ деревомъ и желѣзомъ, изъ которыхъ возникаетъ этотъ звукъ. Конечно, чѣмъ больше труда, тѣмъ больше продукта; конечно, чѣмъ лучше трудъ, тѣмъ лучше и продуктъ, но точно также, чѣмъ толще струна, тѣмъ сильнѣе звукъ, чѣмъ лучше металлъ и дерево, тѣмъ лучше звукъ. Мало ли какой предметъ превращается въ какой другой предметъ или какое явленіе въ другое явленіе, но несмотря на происхожденіе одного изъ другого, все-таки нельзя же ихъ сравнивать, если они совершенно разнородны“. (Сочиненія, т. V, стр. 439). Итакъ, нельзя сравнить трудъ (т. е., вѣрнѣе, рабочую силу) съ продуктами труда. Но съ другой стороны мы видимъ, что, продаваясь на рынкѣ, рабочая сила постоянно „сравнивается“ съ ними. Какъ же объяснялъ нашъ

Да и трудно было обнаружить несостоятельность буржуазнаго ученія о „фондѣ рабочей платы“ съ помощью свойственнаго нашему автору „гипотетическаго“ метода. Примѣрныя ариѳметическія выкладки являются главнымъ орудіемъ этого метода. Такія выкладки по необходимости до-нельзя отвлеченны. Дѣлая ихъ, мы отвлекаемся отъ всѣхъ тѣхъ реальныхъ условій, при которыхъ совершается изучаемое явленіе. А въ нихъ-то и все дѣло. Само ученіе о „фондѣ рабочей платы“ есть не что иное, какъ приведенная въ защиту буржуазіи примѣрная ариѳметическая выкладка. Ариѳметика не раскроетъ софизмовъ этого ученія. Наоборотъ, ошибочность его бросается въ глаза тотчасъ же, какъ мы покидаемъ область отвлеченнаго мышленія и спускаемся на почву дѣйствительности. Теорія рабочаго фонда говоритъ, что спросъ на трудъ, а слѣдовательно и высота рабочей платы зависитъ отъ размѣровъ этого фонда. Съ отвлеченной точки зрѣнія это кажется совершенно безспорнымъ. Но посмотримъ на реальное положеніе дѣлъ. Въ данной странѣ въ данное время существуетъ извѣстное количество средствъ производства, для приведенія которыхъ въ дѣйствіе нужно извѣстное количество труда; какое именно — это зависитъ отъ степени развитія техники: чѣмъ производительнѣе трудъ, тѣмъ меньшее количество его требуется для исполненія данной работы. Но при данномъ, опредѣленномъ состояніи техники количество это является совершенно опредѣленнымъ. Спрашивается теперь, можно ли, при этихъ данныхъ условіяхъ, считать опредѣленнымъ то число рабочихъ, которые потребуются для употребленія въ дѣло средствъ производства? Вовсе нѣтъ, общее число ихъ будетъ зависѣть отъ того количества труда, какое удастся выжать предпринимателямъ изъ каждаго изъ нихъ въ

авторъ это противорѣчіе буржуазной практики съ доводами „здравой теоріи“? Иногда онъ объяснялъ его ошибками разсудка. „Мѣновая стоимость должна совпадать съ внутреннею, и отклоняться отъ нея только вслѣдствіе ошибочнаго признанія труда за товаръ“ (тамъ же, стр. 438), а иногда просто ограничивался тѣмъ замѣчаніемъ, что теорія не должна смущаться отклоненіями практики отъ ея требованій. „Мало ли что бываетъ товаромъ на практикѣ, — говоритъ онъ,— бываетъ товаромъ и любовь, бываетъ и трудъ. Но теорія должна признавать обѣ эти функціи человѣческаго организма такими принадлежностями его, власти надъ которыми самъ человѣкъ не долженъ отнимать у себя въ родѣ того, какъ не можетъ отказываться отъ права имѣть свое мнѣніе или дѣйствовать по собственному убѣжденію“. (Тамъ же, стр. 438).

отдѣльности: чѣмъ больше труда будетъ выжато изъ каждаго отдѣльнаго работника, тѣмъ меньшее число рабочихъ нужно будетъ для употребленія въ дѣло „капитала“; и наоборотъ, съ уменьшеніемъ количества труда, выжимаемаго изъ каждаго отдѣльнаго работника, станетъ возрастать число „спрашиваемыхъ“ капиталистами „рукъ“. А чѣмъ же опредѣляется количество труда, выжимаемое изъ каждаго отдѣльнаго работника? Само собою понятно, что оно опредѣляется интенсивностью труда и продолжительностью рабочаго дня. Вотъ мы и видимъ, что въ дѣйствительности интересы труда вовсе не такъ солидарны съ интересами капитала, какъ въ этомъ старались увѣрить насъ буржуазные экономисты. Капиталисту выгоднѣе увеличивать продолжительность рабочаго дня и интенсивность труда (конечно, не его собственнаго, а труда его работниковъ), а рабочимъ выгоднѣе сокращать рабочій день и уменьшать интенсивность своего труда: поступая такимъ образомъ, они увеличиваютъ спросъ на „руки“, а увеличеніе спроса на „руки“ ведетъ къ повышенію заработной платы. Тутъ нѣтъ никакой солидарности интересовъ труда съ интересами капитала, а есть прямая противоположность этихъ интересовъ,—противоположность, болѣе или менѣе ясно сознаваемая обѣими сторонами, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было „разрушительныхъ“ ученій. Стараясь выжать возможно большее количество труда изъ своихъ рабочихъ, т. е. уменьшить потребное для нихъ количество „рукъ“, капиталисты вовсе не стѣсняются мыслью о томъ, что „національный фондъ рабочей платы“ представляетъ собою, по словамъ ихъ адвокатовъ, экономистовъ, опредѣленную сумму стоимостей, которая должна будто бы цѣликомъ пойти на покупку рабочей силы. Капиталисты не боятся „сбереженій“, могущихъ остаться у нихъ въ случаѣ сокращенія издержекъ на рабочія „руки“. Они умѣютъ найти надлежащее употребленіе такимъ „сбереженіямъ“. Они или проживаютъ ихъ, или употребляютъ на расширеніе своихъ „предпріятій“, или, наконецъ, помѣщаютъ ихъ за границей.

Можно, пожалуй, замѣтить, что расширеніе національнаго производства и вывозъ капиталовъ за-границу выгодны для рабочаго класса въ томъ смыслѣ, что они, здѣсь или тамъ, увеличиваютъ спросъ на рабочую силу. Это такъ. Но соотвѣтствуютъ ли эти выводы тому, что сулитъ пролетаріату теорія „фонда рабочей платы“? Для расширенія національнаго производства нуженъ не одинъ только п е р е м ѣ н н ы й капиталъ, т. е. капиталъ, упот-

ребляемый на покупку рабочей силы. Для этого нуженъ еще постоянный капиталъ, нужны средства производства. Такимъ образомъ, въ случаѣ расширенія производства, „сбереженія", сдѣланныя капиталистами на счетъ заработной платы, вовсе не возвращаются цѣликомъ рабочему классу. Они возвращаются ему лишь частью, и притомъ частью, все болѣе и болѣе уменьшающеюся по мѣрѣ того, какъ успѣхи техники увеличиваютъ относительные размѣры постояннаго капитала. Притомъ же для расширенія производства есть источникъ и помимо увеличенія степени эксплуатаціи работника. Высшимъ классамъ стоитъ только сократить свое непроизводительное потребленіе, чтобы найти новыя средства для расширенія производства. Читатель знаетъ, что называется теперь въ наукѣ прибавочной стоимостью. Это продуктъ неоплаченнаго труда работника, продуктъ того труда, который выжимается изъ него послѣ того, какъ онъ уже отработалъ стоимость своей заработной платы. Чѣмъ больше относительная величина прибавочной стоимости, тѣмъ меньше относительная величина заработной платы, и наоборотъ. Теорія „фонда рабочей платы" ничего не говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ, а между тѣмъ всякому понятно, что оно сводитъ на нѣтъ всю эту теорію. Оно показываетъ, что „фондъ рабочей платы" вовсе не есть неизмѣнная величина. Его размѣры зависятъ отъ относительныхъ размѣровъ прибавочной стоимости: увеличьте ея относительные размѣры—уменьшится заработная плата, а слѣдовательно и ея „фондъ"; уменьшите эти размѣры—„фондъ" увеличится вслѣдствіе увеличенія заработной платы. Такимъ образомъ, мнимый „естественный законъ" буржуазной экономіи опять-таки сводится къ вопросу о степени эксплуатаціи рабочаго.

Такъ представляется дѣло, когда мы смотримъ на него съ точки зрѣнія реальныхъ отношеній между производителями и присвоителями, между пролетаріатомъ и буржуазіей. Съ этой точки зрѣнія самый вопросъ о продажѣ рабочей силы является совершенно не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ являлся Чернышевскому. Чернышевскій думалъ, что рабочая сила несоизмѣрима съ тѣми продуктами, на которые она обмѣнивается на рынкѣ. Но это не такъ. Рабочая сила имѣетъ мѣновую стоимость, какъ и всякій другой товаръ. Уже буржуазные экономисты выяснили, чѣмъ опредѣляется стоимость товара—рабочей силы. Она опредѣляется количествомъ труда, „необходимаго для поддержанія жизни рабочаго и для продолженія его расы". Мѣновая стоимость

рабочей силы совершенно соизмѣрима съ мѣновою стоимостью всякаго другого товара. Конечно, не много хорошаго въ томъ порядкѣ вещей, при которомъ рабочая сила человѣка фигурируетъ на рынкѣ рядомъ съ другими товарами. Но, осуждая его, мы не должны же закрывать глаза передъ его законами. Отрицая соизмѣримость рабочей силы съ другими товарами, мы ничего не измѣняемъ въ фактическомъ положеніи обладателя этой силы, но зато затрудняемъ себѣ понимание этого положенія. Чернышевскій желалъ, чтобы рабочая сила перестала быть товаромъ. Это было очень хорошо съ его стороны. Но, движимый своимъ похвальнымъ желаніемъ, онъ сталъ отрицать фактъ, съ констатированія котораго должно начинаться научное изслѣдованіе вопроса о заработной платѣ. Это было уже большой ошибкой съ его стороны. Но въ этой ошибкѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Его понятія о стоимости вообще были, какъ мы видѣли, запутанны, а вслѣдствіе этого ему естественно было ошибаться и по вопросу о стоимости рабочей силы въ частности. Достаточно сказать, что онъ, вмѣстѣ съ Миллемъ, считалъ возможнымъ излагать ученіе о заработной платѣ прежде и независимо отъ ученія о стоимости.

III.

Когда религіознаго человѣка преслѣдуютъ тяжелыя и постоянныя неудачи, онъ утѣшаетъ себя надеждой на будущую жизнь. „Потерплю здѣсь, на землѣ, Богъ вознаградитъ меня на небѣ“,—разсуждаетъ религіозный человѣкъ, и дѣйствительно терпитъ столько, сколько не смогъ бы вытерпѣть, лишившись своей вѣры. Но примиряющая съ тяжелой судьбой вѣра въ будущую жизнь возможна и безъ религіи. По крайней мѣрѣ, такъ думали вульгарные экономисты. Когда эксплуатируемые и угнетаемые капиталистами рабочіе начинали обнаруживать недовольство своей участью, они разсказывали имъ чудныя сказки о „прогрессѣ“. По смыслу этихъ сказокъ выходило, что рабочему классу стоитъ только потерпѣть немного въ настоящемъ, чтобы обезпечить себѣ блестящее положеніе въ будущемъ. „Прогрессъ“ непремѣнно вознаградитъ ихъ за всѣ невзгоды, если они не замедлятъ его шествія революціонными попытками. Въ своихъ панегирикахъ прогресса вульгарные экономисты часто и охотно

ссылались на исторію. Сравнивая прошлое съ настоящимъ, они, разумѣется, находили, что „прогрессъ“ уже чрезвычайно много сдѣлалъ для улучшенія участи рабочаго класса. Такой выводъ предназначался для укрѣпленія вѣры пролетаріата въ будущія благодѣянія прогресса. Во всемъ этомъ было много шарлатанства, но не мало и простой наивности. Ограниченные, но признательные буржуа, вѣря во всемогущество своего благодѣтеля—прогресса, серьезно думали, что онъ можетъ осчастливить рабочихъ, не нарушая интересовъ буржуазіи.

Чернышевскій хорошо зналъ, какъ мало цѣны имѣютъ эти успокоительныя разсужденія. Его не обманывали ни наивность, ни софистика вульгарныхъ экономистовъ. Онъ подсмѣивался надъ ихъ оптимистическими увѣреніями и старался доказать, что при нынѣшнемъ устройствѣ общества, экономическій прогрессъ старается понизить заработную плату. И онъ, разумѣется, совершенно правъ въ этомъ случаѣ; но доказательства, приводимыя имъ въ пользу своего мнѣнія, какъ всегда, слишкомъ отвлеченны и потому не всегда убѣдительны.

Напомнивъ читателю, что по словамъ Милля, высота заработной платы зависитъ, между прочимъ, отъ привычекъ и требованій рабочаго класса, онъ спрашиваетъ, чѣмъ же опредѣляется уровень требованій и привычекъ работника? „Весь избытокъ этого уровня надъ мѣрою физической необходимости порождается только уваженіемъ работника къ самому себѣ, чувствомъ собственнаго достоинства въ немъ, какъ мы знаемъ изъ разбора законовъ заработной платы у самого Милля. Въ чемъ же состоитъ результатъ экономическаго прогресса относительно общественнаго положенія работниковъ при нынѣшнемъ устройствѣ, отдѣляющемъ ренту и прибыль отъ рабочей платы? Коренная черта экономическаго прогресса съ технической стороны—расширеніе производительной единицы по мѣрѣ успѣховъ сочетанія труда; всѣ отрасли производства постепенно принимаютъ фабричный размѣръ... Отъ этого, соразмѣрно экономическому прогрессу, увеличивается пропорція наемныхъ работниковъ и уменьшается пропорція самостоятельныхъ хозяевъ въ рабочихъ классахъ. Теперь спрашиваемъ, существуетъ ли рѣзкое различіе по степени самоуваженія между человѣкомъ самостоятельнымъ и человѣкомъ зависимымъ, между хозяиномъ и наемникомъ? Да, это различіе очень рѣзко, сомнѣваться въ этомъ не можетъ никто, наблюдавшій жизнь. Если человѣкъ получаетъ 1.000 руб. дохода отъ собственнаго хозяйства,

онъ чувствуетъ себя чѣмъ-то гораздо болѣе почтеннымъ и высокимъ, чѣмъ когда получаетъ такую же плату отъ какого-нибудь хозяина... Стало быть, если мы возьмемъ работника-хозяина и другого работника, получающаго такой же доходъ отъ рабочей платы, то въ работникѣ-хозяинѣ (при равенствѣ другихъ условій) непремѣнно будетъ больше самоуваженія. А если такъ, плата наемнаго работника не удержится на уровнѣ дохода, получаемаго работникомъ-хозяиномъ: она сравнительно съ нимъ упадетъ въ пропорціи равной тому, насколько меньше находится самоуваженія въ наемномъ работникѣ... Но этою первою степенью не кончается дѣло... Надобно только начать падать, отдѣльному ли человѣку, цѣлому ли сословію, въ нравственныхъ ли качествахъ, въ благосостояніи ли, все равно,—разъ начавшись, движеніе къ худшему развивается уже само собою, какъ, наоборотъ, само собою развивается и всякое движеніе къ лучшему, когда разъ начнется. Разъ научившись уменьшать свою требовательность, утрачивать часть своего самоуваженія, рабочій классъ пойдетъ путемъ уступокъ и пониженія до послѣдней крайности, и остановится не раньше, какъ дошедши до невыносимаго стѣсненія, если другія вліянія не удержатъ его на этой скользкой дорогѣ. Разъ поставленный въ необходимость привыкать къ положенію худшему прежняго, при замѣнѣ своего независимаго хозяйскаго дохода рабочею платою, работникъ легко допускаетъ и дальнѣйшее уменьшеніе своего дохода посредствомъ постепеннаго пониженія рабочей платы“ *).

Эта аргументація кажется намъ самымъ лучшимъ образчикомъ свойственныхъ Чернышевскому отвлеченныхъ пріемовъ изслѣдованія; она представляетъ собою, такъ сказать, торжество „гипотетическаго метода“. Все разсужденіе здѣсь сводится къ одному силлогизму: величина рабочей платы зависитъ отъ степени самоуваженія работника; работникъ начинаетъ меньше уважать себя, когда становится наемнымъ работникомъ; слѣдовательно, по мѣрѣ развитія системы наемнаго труда, рабочая плата понижается. Меньшая посылка этого силлогизма доходитъ до крайнихъ предѣловъ отвлеченія ото всѣхъ конкретныхъ условій жизни и развитія привычекъ различныхъ общественныхъ слоевъ. Во-первыхъ, вѣрно ли то, что самостоятельный ремесленникъ имѣетъ больше самоуваженія, чѣмъ наемный работникъ? Можетъ быть, это и вѣрно

*) Тамъ же, стр. 523—524.

для тѣхъ ступеней развитія системы наемнаго труда, когда въ работникѣ еще отсутствуетъ классовое сознаніе. Но нельзя сказать, что въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ пролетарій отличается меньшимъ самоуваженіемъ, чѣмъ мелкій буржуа или мелкій ремесленникъ. Мы думаемъ даже, что въ первомъ, наоборотъ, гораздо больше самоуваженія, чѣмъ въ этихъ послѣднихъ. Но мы не будемъ спорить объ этомъ. Допустимъ, что проникнутый сознаніемъ своей экономической самостоятельности мелкій буржуа проявляетъ больше почтительности къ своей собственной особѣ, чѣмъ пролетарій. Но спрашивается,— это почтительное отношеніе къ самому себѣ, которое вовсе еще не есть истинное самоуваженіе, какъ вліяетъ оно на уровень потребностей мелкаго буржуа, на его standard of life? Свойственное мелкому буржуа „самоуваженіе“ ведетъ его къ „бережливости“, къ урѣзыванію расходовъ на себя, къ скопидомству. Такое скопидомство можетъ, конечно, поддерживать до извѣстной степени его экономическую самостоятельность, но оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ поднимать уровень его потребностей. У мелкаго буржуа есть только одна потребность: —потребность отстоять свое существованіе въ видѣ мелкаго буржуа. Ради удовлетворенія этой потребности онъ готовъ дойти хоть до китайскаго отсутствія всякихъ другихъ потребностей. Напротивъ, пролетарій, не имѣя въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ ни малѣйшей надежды стать самостоятельнымъ хозяиномъ, самимъ положеніемъ своимъ избавляется отъ одного изъ главнѣйшихъ побужденій къ скаредности. При равномъ заработкѣ пролетарій, навѣрное, будетъ позволять себѣ больше расходовъ, чѣмъ мелкій буржуа, т. е. будетъ отличаться болѣе высокимъ уровнемъ потребностей. Вотъ почему мелкій буржуа всегда склоненъ упрекать пролетарія въ расточительности. Если бы съ развитіемъ капитализма работнику угрожала единственно только упоминаемая Чернышевскимъ потеря самоуваженія, то можно было бы съ увѣренностью сказать, что его заработная плата совершенно обезпечена отъ пониженія. Но дѣло въ томъ, что при развитіи капитализма его ожидаютъ другія бѣды, имѣющія гораздо болѣе реальный и, притомъ, не психологическій, а экономическій характеръ. Мы сейчасъ увидимъ, какія это бѣды, но прежде обратимъ вниманіе на устанавливаемую Чернышевскимъ пропорцію: „плата наемнаго работника не удержится на уровнѣ дохода, получаемаго работникомъ-хозяиномъ: она сравнительно съ нимъ упадетъ въ пропорціи равной тому,

насколько меньше находится самоуваженія въ наемномъ работникѣ". Два члена этой пропорціи цѣликомъ относятся къ области психологіи, другіе два—къ области экономіи. Не говоря уже о томъ, что нельзя устанавливать математическія отношенія между психологическими явленіями съ одной стороны и экономическими—съ другой, мы замѣтимъ, что „самоуваженіе" и всѣ подобныя,—въ сущности очень сложныя и до безконечности видоизмѣняющіяся чувства,—какъ для своего возникновенія, такъ и для своего практическаго проявленія, предполагаютъ ту или иную общественную среду, которую и должна анатомировать политическая экономія. Взятыя сами по себѣ, такія чувства еще ровно ничего не объясняютъ.

Если бы Чернышевскій, не довольствуясь психологическими абстракціями, съ большимъ вниманіемъ отнесся къ законамъ экономическаго развитія того общества, въ которомъ трудъ является товаромъ, онъ увидѣлъ бы, что стремленіе заработной платы къ пониженію можетъ быть доказано помимо всякихъ ссылокъ на самоуваженіе наемнаго рабочаго. Онъ самъ говоритъ, что „коренная черта экономическаго прогресса съ технической стороны—расширеніе производительной единицы по мѣрѣ успѣховъ сочетанія труда", и что „всѣ отрасли производства постепенно принимаютъ фабричный размѣръ". Этой стороны дѣла ему и слѣдовало держаться. Ему надо было посмотрѣть, какъ вліяетъ постоянное развитіе крупной промышленности на положеніе наемнаго труда въ обществѣ. Ему слѣдовало спросить себя, не ведетъ ли „экономическій прогрессъ" къ замѣнѣ такъ называемаго квалифицированнаго труда простымъ; болѣе или менѣе обученнаго работника почти совершенно необученнымъ; мужскаго труда—женскимъ; взрослыхъ людей—дѣтьми. Ему слѣдовало, далѣе, принять въ соображеніе, что техническая сторона прогресса измѣняетъ отношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ (причемъ этотъ послѣдній относительно уменьшается); что машина вытѣсняетъ рабочаго, и что въ этомъ заключается новая причина уменьшенія спроса на рабочую силу, а слѣдовательно—и рабочей платы. Оставаясь, такимъ образомъ, на твердой почвѣ самыхъ безспорныхъ экономическихъ явленій, онъ не только придалъ бы болѣе вѣса своимъ выводамъ о заработной платѣ, но и пріобрѣлъ бы новыя, въ высшей степени цѣнныя данныя для оцѣнки ученія Мальтуса, которому онъ возражалъ очень остроумно, но въ то же время слишкомъ отвлеченно. Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

Каковы бы ни были соображенія, съ помощью которыхъ Чернышевскій доказывалъ, что при современномъ порядкѣ вещей экономическій прогрессъ ведетъ къ паденію заработной платы,—соображенія эти казались ему неопровержимыми. И все-таки онъ не рѣшался утверждать, что заработная плата дѣйствительно понизилась въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. „Исторія экономическаго быта разработана еще такъ плохо—говоритъ онъ,—что трудно сказать, какія заключенія болѣе соотвѣтствуютъ истинѣ: толки ли рутинныхъ экономистовъ о великолѣпномъ возвышеніи заработной платы за послѣднія столѣтія, или представляемыя учеными прогрессивной школы доказательства, что средній уровень ея теперь ниже, чѣмъ былъ за сто, двѣсти, за триста лѣтъ“ *). Что же мѣшало ему согласиться съ учеными прогрессивной (т. е. соціалистической) школы, той школы, къ которой онъ самъ несомнѣнно принадлежалъ, и съ выводами которой, повидимому, вполнѣ совпадалъ его собственный выводъ? Отъ рѣшительнаго заключенія удерживало его здѣсь общее понятіе о прогрессѣ, очень характерное для представителя русской передовой мысли шестидесятыхъ годовъ.

Мы уже отмѣтили сходство его взгляда на капиталъ со взлядомъ Родбертуса, различавшаго „капиталъ самъ по себѣ“ отъ „историческаго капитала“. Нѣчто подобное этому различенію существовало и въ понятіяхъ Чернышевскаго о прогрессѣ. Онъ какъ будто различалъ прогрессъ „самъ по себѣ“ отъ экономическаго прогресса. Если экономическій прогрессъ стремится понизить заработную плату, то прогрессъ „самъ по себѣ“ препятствуетъ осуществленію этого стремленія. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ Чернышевскій. „Можетъ быть, что, несмотря на указываемую нами тенденцію, благосостояніе рабочаго класса въ цивилизованныхъ странахъ не понизилось, а возвысилось въ послѣднія столѣтія, благодаря силѣ обстоятельствъ, противодѣйствующихъ понижающей тенденціи. Вѣдь эти обстоятельства есть, и при томъ очень могущественныя. Коренной источникъ ихъ—развитіе знанія и улучшеніе понятій, цивилизація или общій духъ того самаго прогресса, который въ одномъ изъ своихъ частныхъ примѣненій къ быту, устроенному на несоотвѣтствующихъ ему основаніяхъ, обнаруживаетъ тенденцію, совершенно противоположную своему собственному существу. Благодаря прогрессу понятій и знаній законы и учрежденія улучшаются. Вѣдь теперь законъ не дозволяетъ никому и съ нищимъ-бездѣльникомъ обращаться такъ, какъ обращался въ

XVI вѣкѣ каждый привилегированный съ зажиточнымъ поселяникомъ-собственникомъ. Подозрительнаго бродягу допрашиваютъ во Франціи или въ Англіи не въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, какъ триста, двѣсти лѣтъ назадъ говорили тамъ съ почтеннымъ простолюдиномъ, которому еще оказывали честь этимъ разговоромъ. Мы не богъ-знаетъ какъ восхищаемся этимъ и тому подобными успѣхами гуманности, потому что они все еще слишкомъ малы и медленны. А все-таки, можно ли, не можно ли довольствоваться ими, они очевидны. Уваженіе къ человѣку, просто какъ человѣку, независимо отъ его общественной роли, все-таки развивается законодательными реформами и смягченіемъ нравовъ отъ распространенія образованности... Мужчины менѣе прежняго грубо обращаются съ женщинами, родители съ дѣтьми. А мужъ, который не бьетъ жену, уважаетъ и самого себя больше, чѣмъ тотъ, который бьетъ ее. Ребенокъ, который переноситъ меньше оскорбленій, выростаетъ человѣкомъ, болѣе сознающимъ свое достоинство. Такимъ образомъ, если работникъ, теряя положеніе хозяина, теряетъ часть уваженія къ себѣ, основаннаго на его общественной роли, и потому его доходъ подвергается вліянію понижающей тенденціи, то, вообще говоря, съ каждымъ поколѣніемъ развивается въ немъ уваженіе къ себѣ, какъ просто къ человѣку, и соразмѣрно тому обнаруживается тенденція прогресса возвышать его доходъ“ *).

IV.

Итакъ, экономическій прогрессъ понижаетъ заработную плату, а цивилизація, прогрессъ вообще (прогрессъ „самъ по себѣ“) возвышаетъ ее. Чернышевскій не знаетъ, какая изъ этихъ двухъ силъ преобладала въ новой исторіи Европы, и потому не рѣшается сказать, выше или ниже теперь заработная плата, чѣмъ была сто, двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ. Мы замѣтили, что взглядъ Чернышевскаго на прогрессъ вообще очень характеренъ для него, какъ для представителя русской передовой мысли шестидесятыхъ годовъ. И дѣйствительно, никогда у насъ не говорили о прогрессѣ такъ много, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, и ни-

*) Тамъ же, стр. 524.

когда наши понятія о немъ не были такъ отвлеченны, какъ въ то время. Или нѣтъ, будемъ справедливѣе по отношенію къ великой эпохѣ шестидесятыхъ годовъ; выразимся точнѣе: въ то время у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо, говорили о прогрессѣ, и потому тогда болѣе, чѣмъ когда-либо, выступала наружу неясность нашихъ о немъ понятій. Чернышевскій былъ самымъ замѣчательнымъ литературнымъ дѣятелемъ этой эпохи, вслѣдствіе чего у него замѣтнѣе и достоинства, и недостатки свойственнаго ей міросозерцанія. Что такое прогрессъ вообще, независимый отъ экономическаго развитія общества? „Развитіе знаній и улучшеніе понятій", — говоритъ Чернышевскій; цивилизація смягчаетъ нравы работника, смягченіе нравовъ поднимаетъ его самоуваженіе, а развитіе въ немъ самоуваженія ведетъ къ возвышенію его дохода. О самоуваженіи, какъ о факторѣ повышенія заработной платы, мы скажемъ то же, что сказали о немъ, какъ о факторѣ ея пониженія. Для дѣятельнаго проявленія и даже для самого существованія его необходима общественная среда. Самоуваженіе не сдвинетъ съ мѣста индивидуальнаго организма безъ посредства мускуловъ и нервовъ. Какъ бы ни „уважалъ" себя человѣкъ, но если онъ разбитъ параличомъ, онъ не въ состояніи владѣть пораженными органами. Неужели „самоуваженіе", не могущее сдвинуть руку человѣка безъ помощи извѣстнаго анатомическаго аппарата, можетъ вліять на его общественное положеніе безъ посредства общественныхъ отношеній или,—въ данномъ случаѣ,—на его „доходъ" безъ посредства экономическихъ отношеній? А если оно не можетъ обойтись безъ ихъ посредства, то о нихъ необходимо было упомянуть, говоря о вліяніи прогресса вообще на заработную плату. Правда, разсуждая объ этихъ отношеніяхъ, мы вышли бы изъ области названнаго прогресса и вошли бы въ область прогресса экономическаго. А такъ какъ мы знаемъ, что прогрессъ этого послѣдняго рода стремится понизить заработную плату, то мы уже не могли бы ограничиться голымъ противорѣчіемъ себѣ: не могли бы сказать, что онъ въ то же самое время стремится ее возвысить. Подобное противорѣчіе свело бы къ нулю все наше изслѣдованіе. Конечно, мы могли бы замѣтить, что, понижая заработную плату, экономическій прогрессъ въ то же самое время создаетъ для рабочихъ возможность бороться противъ этого пониженія путемъ рабочихъ союзовъ, стачекъ и путемъ классовой политической борьбы, налагающей нѣкоторую узду на „бережливость" капиталистовъ. Это было бы вполнѣ согласно съ дѣйстви-

тельностью; но, говоря все это, мы оставались бы на почвѣ фактическихъ отношеній, и вѣроятно, совсѣмъ позабыли бы о всякихъ психологическихъ абстракціяхъ, что, въ свою очередь, было бы, конечно, очень полезно для нашего изслѣдованія.

Чернышевскій утверждаетъ, что современный общественный бытъ устроенъ на основаніяхъ, не соотвѣтствующихъ прогрессу, но что, тѣмъ не менѣе, прогрессъ совершается вопреки этому быту. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что буржуазный строй во многихъ и многихъ отношеніяхъ служитъ теперь препятствіемъ прогрессу. Но онъ не всегда препятствовалъ ему, да и теперь еще, препятствуя ему въ извѣстныхъ отношеніяхъ, онъ обусловливаетъ его собою въ другихъ. Если бы это было иначе, если бы буржуазный строй всегда и во всѣхъ смыслахъ препятствовалъ прогрессу, то откуда же взялся бы и самый прогрессъ? Мы уже знаемъ отвѣтъ Чернышевскаго: прогрессъ создается развитіемъ знаній. Но вѣдь есть же соотвѣтствіе между общественной жизнью и общественной мыслью, между устройствомъ общества и состояніемъ знаній въ немъ. Въ обществѣ, совершенно неспособствующемъ прогрессу, невозможенъ и прогрессъ знаній, невозможно и „улучшеніе понятій", невозможно и смягченіе нравовъ. Вообще, наши понятія о прогрессѣ до тѣхъ поръ останутся отвлеченными и, слѣдовательно, ошибочными и односторонними, пока мы не научимся искать источника его во внутреннемъ развитіи общественныхъ отношеній. Чернышевскій же разсматривалъ прогрессъ какъ особую историческую силу, независимую отъ логики общественныхъ отношеній и даже способную дѣйствовать вопреки ей. Русскіе люди не только долго не могли отдѣлаться отъ этой ошибки, но усугубили ее разными „субъективными" соображеніями о ходѣ прогресса. Вотъ почему и было бы совсѣмъ несправедливо приписывать эпохѣ шестидесятыхъ годовъ наиболѣе ошибочные взгляды на этотъ счетъ.

Намъ могутъ замѣтить, однако, что, выставляя самоуваженіе главной причиной измѣненія заработной платы въ ту или другую сторону, Чернышевскій не совсѣмъ упускалъ изъ виду и экономическія отношенія капиталистическаго общества. Вотъ, напр., что говоритъ онъ о вліяніи промышленнаго прогресса на положеніе работника, какъ потребителя. „При промышленномъ прогрессѣ мануфактурные продукты имѣютъ тенденцію понижаться въ цѣнности сравнительно съ земледѣльческими продуктами: иначе сказать, цѣнность земледѣльческаго продукта имѣетъ тенденцію возвышаться сравни-

тельно съ одеждою и тому подобными предметами *). Отъ дороговизны пищи развивается въ простолюдинѣ наклонность какъ можно больше урѣзывать свое продовольствіе, и со временемъ эта скупость къ самому себѣ относительно пищи доходитъ до чрезмѣрной степени. При извѣстномъ промышленномъ развитіи страны работники ея держатъ себя, можно сказать, впроголодь". Тутъ, дѣйствительно, мы имѣемъ дѣло не съ психологическими абстракціями. Тутъ указанъ чрезвычайно важный экономическій фактъ, который, несомнѣнно, сыгралъ очень важную роль въ исторіи заработной платы. Но вмѣсто того, чтобы прослѣдить вліяніе этого факта на заработную плату въ связи съ другими экономическими условіями существованія работника, нашъ авторъ тотчасъ же покидаетъ почву экономіи, чтобы опять перейти къ психологическимъ соображеніямъ. „Кто разъ отказался отъ изобилія въ пищѣ, скоро привыкнетъ подчиняться нуждѣ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ,—разсуждаетъ онъ.—Общій уровень его требованій понизится. Самъ себя онъ станетъ считать и общество будетъ считать его человѣкомъ, который долженъ урѣзывать всѣ свои расходы, которому нужно только какъ бы то ни было жить, а не чтобы жить прилично. А мы знаемъ изъ Милля, что размѣръ рабочей платы опредѣляется степенью требовательности работника. Съ пониженіемъ ея падаетъ и рабочая плата. Этотъ теоретическій выводъ совершенно соотвѣтствуетъ фактамъ" **).

Онъ въ самомъ дѣлѣ совершенно соотвѣтствуетъ имъ: заработная плата рабочихъ дѣйствительно постепенно падаетъ, но причина ея паденія лежитъ не тамъ, гдѣ указывалъ ее Чернышевскій. Она падаетъ вовсе не потому, что рабочій считаетъ себя человѣкомъ, осужденнымъ на низкій заработокъ, а потому что экономическая необходимость вынуждаетъ его довольствоваться низкимъ заработкомъ. Если бы все дѣло сводилось къ тому, кѣмъ и чѣмъ считаетъ себя рабочій, то плата его навѣрное была бы очень высока, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ считаетъ себя человѣкомъ, которому нужно по возможности дорого продать свою

*) „Дѣло не въ томъ, возвышается или не возвышается абсолютная стоимость производства земледѣльческаго продукта, оговаривается при этомъ Чернышевскій. Пусть она не возвышается, пусть она даже понижается, это все равно: важность въ томъ, что стоимость производства мануфактурныхъ издѣлій понижается быстрѣе, чѣмъ стоимость производства пищи".

**) Тамъ же, стр. 527—528—529.

рабочую силу. Все его горе заключается лишь въ томъ, что по мѣрѣ развитія капитализма у него все менѣе и менѣе оказывается этой возможности. И происходитъ это по чисто экономическимъ, а не по психологическимъ причинамъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ мы уже перечислили выше. Мы сказали, что промышленный прогрессъ ведетъ къ относительному уменьшенію перемѣннаго капитала, т. е. капитала, употребляемаго на покупку рабочей силы. „Съ прогрессомъ накопленія отношеніе постоянной части капитала къ перемѣнной измѣняется такимъ образомъ: если первоначально оно равнялось 1:1, то затѣмъ оно равняется 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 6:1, 7:1, и т. д., такъ что съ возрастаніемъ капитала, вмѣсто $^1/_2$ его общей стоимости превращается въ рабочую силу прогрессивно только $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_7$ и т. д., въ средства же производства превращаются $^2/_3$, $^3/_4$, $^4/_5$, $^5/_6$ и т. д. общей стоимости капитала. Такъ какъ запросъ на трудъ опредѣляется не размѣромъ всего капитала, а размѣромъ его перемѣнной части, то, слѣдовательно, онъ прогрессивно падаетъ съ возрастаніемъ всего капитала... Онъ падаетъ сравнительно съ величиною всего капитала и притомъ въ возрастающей прогрессіи съ возрастаніемъ этой величины. Съ возрастаніемъ всего капитала хотя и увеличивается перемѣнная часть его, или соотвѣтствующая ей рабочая сила, но увеличивается въ постоянно убывающемъ отношеніи... Это относительное уменьшеніе перемѣнной части капитала, ускоряющееся вмѣстѣ съ его ростомъ и притомъ быстрѣе его роста, при взглядѣ на дѣло съ другой стороны, кажется, наоборотъ, болѣе быстрымъ абсолютнымъ ростомъ рабочаго населенія сравнительно съ ростомъ перемѣннаго капитала, или тѣхъ средствъ, которыя даютъ работу работникамъ. Вѣрнѣе же сказать, что капиталистическое накопленіе постоянно, и притомъ прямо-пропорціонально своей энергіи и своему размѣру, производитъ относительно-излишнее рабочее населеніе, т. е. населеніе, излишнее сравнительно со среднею нуждою капитала въ рабочей силѣ“ *). Это излишнее рабочее населеніе было очень удачно названо Ф. Энгельсомъ запасной промышленной арміей.

Какъ же отражается, какъ можетъ отражаться это измѣняющееся отношеніе составныхъ частей капитала на движеніи заработной платы? Само собою ясно, что запасная промышленная

*) Das Kapital, 3 Auflage, s. 645—646.

армія, только временами принимающая участіе въ процессѣ производства, оказываетъ безпрерывное давленіе на дѣйствующую армію въ смыслѣ пониженія заработной платы. А разъ это такъ, то стремленіе заработной платы къ паденію становится очевиднымъ совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было отвлеченныхъ психологическихъ соображеній. Но оно становится очевиднымъ именно только съ той конкретной точки зрѣнія, съ которой смотрятъ на общественно-экономическую жизнь соціалисты нашего времени. Съ абстрактной же точки зрѣнія Чернышевскаго,— которой противостояла не менѣе абстрактная точка зрѣнія вульгарныхъ экономистовъ, — дѣло представлялось въ другомъ видѣ. При недостаткѣ фактическихъ данныхъ поневолѣ приходилось вдаваться въ отвлеченныя и потому произвольныя догадки, характеръ которыхъ опредѣлялся не сущностью дѣла, а складомъ ума, привычками мысли изслѣдователя *).

Говоря о вліяніи экономическаго прогресса на заработную плату, Чернышевскій, по примѣру Милля, вездѣ предполагаетъ однообразный, ровный ходъ современной промышленности, невозмущаемый никакими пертурбаціями. Такое предположеніе само является очень произвольной абстракціей. Въ дѣйствительности процессъ производства въ буржуазномъ обществѣ никогда не идетъ ровнымъ ходомъ: онъ подверженъ революціямъ, возвращающимся съ правильностью астрономическихъ явленій и оказывающимъ глубокое вліяніе на положеніе наемнаго работника. Современная промышленность поочередно переходитъ черезъ фазисы процвѣтанія, застоя и кризиса, и такъ какъ эта смѣна фазисовъ давно уже стала закономъ капиталистической промышленности, то нельзя говорить о заработной платѣ, не принимая во вниманіе промышленныхъ революцій. На это обстоятельство обращалъ вниманіе Марксъ еще въ 1847 году,

---

*) Примѣчаніе къ настоящему изданію. Считаемъ не лишнимъ поставить читателю на видъ, что здѣсь рѣчь идетъ у насъ о пониженіи заработной платы, какъ доли національнаго продукта. При этомъ относительномъ уменьшеніи рабочій классъ можетъ получать больше денегъ нежели прежде, покупать на данную денежную единицу больше, нежели прежде, товаровъ и всетаки быть относительно бѣднѣе, нежели онъ былъ раньше. Это наглядно показываетъ примѣръ Америки. См. нашъ Сборникъ „Критика нашихъ критиковъ“, стр. 40–96.

въ своей „Рѣчи о свободной торговлѣ". Въ „Капиталѣ" онъ говоритъ объ этомъ очень подробно. „Въ концѣ концовъ, читаемъ мы тамъ, общія колебанія рабочей платы регулируются исключительно увеличеніемъ и сокращеніемъ промышленной запасной арміи, сообразно смѣнѣ періодовъ промышленнаго цикла. Они опредѣляются, слѣдовательно, не колебаніями абсолютнаго числа рабочаго населенія, а измѣненіями отношенія, въ которомъ рабочій классъ распадается на дѣйствующую и запасную арміи, увеличеніемъ и уменьшеніемъ относительнаго размѣра излишняго рабочаго населенія, степенью, въ которой оно то поглощается, то вновь освобождается. Для новѣйшей промышленности, съ ея десятилѣтнимъ цикломъ и съ ея періодическими фазами, которыя, сверхъ того, съ возрастаніемъ накопленія, прерываются все чаще и чаще неправильными колебаніями, поистинѣ былъ бы очень страннымъ закономъ такой законъ, который регулировалъ бы запросъ и предложеніе труда не расширеніемъ и сокращеніемъ капитала, т. е. не его потребностью въ рабочей силѣ—потребностью съ измѣненіемъ которой рынокъ труда оказывается то относительно недостаточнымъ, когда капиталъ расширяется, то опять переполненнымъ, когда онъ сокращается—но который, напротивъ, ставилъ бы движеніе капитала въ зависимость отъ движенія народонаселенія. Таково, однако, господствующее экономическое ученіе. По смыслу этого ученія рабочая плата повышается вслѣдствіе накопленія капитала. Повышенная рабочая плата даетъ толчекъ къ увеличенію рабочаго населенія; и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не переполнится рабочій рынокъ, т. е. пока капиталъ не сдѣлается недостаточнымъ сравнительно съ числомъ рабочихъ. Когда наступаетъ такое время, рабочая плата понижается, и тогда выступаетъ на сцену оборотная сторона медали. Вслѣдствіе паденія заработной платы рабочее населеніе мало-по-малу рѣдѣетъ, такъ что въ сравненіи съ нимъ капиталъ снова дѣлается избыточнымъ или, какъ объясняютъ нѣкоторые, падающая заработная плата и соотвѣтственно усиливающаяся эксплуатація рабочихъ снова ускоряетъ накопленіе, а между тѣмъ низкая рабочая плата, въ то же время, мѣшаетъ возрастанію численности рабочаго класса. Такимъ образомъ предложеніе труда снова дѣлается ниже запроса на трудъ и т. д. Какой прекрасный методъ движенія для развитаго капиталистическаго производства! Прежде чѣмъ повышеніе платы приведетъ къ положительному возрастанію населенія, способнаго къ работѣ, успѣваетъ много разъ миновать тотъ періодъ,

въ теченіе котораго ведется промышленный походъ и должна произойти промышленная битва" *).

На все это мы не находимъ даже намека въ изслѣдованіи Чернышевскаго о заработной платѣ. Въ своихъ разсужденіяхъ о ней онъ вполнѣ довольствуется „господствующимъ экономическимъ ученіемъ", которое принимаетъ во вниманіе лишь общее отношеніе капитала данной страны къ ея абсолютному рабочему населенію. Собственно говоря, онъ очень хорошо знаетъ, что современная промышленность идетъ вовсе не по гладкому пути. Онъ не забываетъ о кризисахъ; его взглядъ на нихъ гораздо глубже и вѣрнѣе, чѣмъ взглядъ Милля, поверхностность котораго доходитъ въ этомъ случаѣ до апогея. Но онъ не сопоставляетъ колебаній современной промышленности съ движеніемъ заработной платы. Впрочемъ, эту же ошибку дѣлали многіе изъ его современниковъ-соціалистовъ. Знаменитый „желѣзный законъ заработной платы" Лассаля представляетъ собою лишь нѣсколько иную формулировку того самаго ученія, котораго держался Чернышевскій. Лассаль оттѣняетъ лишь другія стороны этого ученія. Откуда взялась разница въ формулировкѣ одного и того же закона у двухъ замѣчательныхъ людей, одинаково отрицательно относившихся къ существующему буржуазному порядку? Изъ различій въ окружавшей ихъ общественной обстановкѣ. Лассаль преслѣдовалъ непосредственно агитаціонныя цѣли, онъ обращался къ рабочей массѣ и вслѣдствіе этого такъ формулировалъ господствовавшее экономическое ученіе, что буржуазнымъ экономистамъ показалось, будто они слышатъ о немъ въ первый разъ въ жизни. Они закричали что Лассаль искажаетъ выводы науки; но ему не трудно было показать, что въ его „желѣзномъ законѣ" не было новаго ничего, кромѣ эпитета „желѣзный". Чернышевскій не могъ говорить съ массой, онъ писалъ для „умныхъ и добрыхъ людей" изъ высшихъ классовъ, и потому обращался болѣе къ ихъ разсудку, чѣмъ къ ихъ чувству, болѣе разсуждалъ, чѣмъ агитировалъ. Онъ не столько оттѣнялъ „желѣзныя" свойства закона заработной платы, сколько показывалъ общую несостоятельность того порядка вещей, при которомъ трудящійся продаетъ свою силу за какую бы то ни было плату, высокую или низкую, подверженную колебаніямъ или медленно измѣняющую свой уровень, сообразно общему ходу „прогресса".

*) Das Kapital, dritte Auflage S. S. 654—656. Въ интересахъ точности мы цитируемъ нѣмецкій подлинникъ.

V.

Какую задачу преслѣдовалъ Чернышевскій при своемъ анализѣ заработной платы показываютъ, между прочимъ, заключительныя слова этого анализа: „Порядочную кипу рекомендацій въ пользу трехчленной системы распредѣленія (т. е. распредѣленія національнаго дохода между землевладѣльцами, капиталистами и наемными рабочими) доставилъ намъ анализъ одного изъ элементовъ этой системы (т. е. заработной платы). Посмотримъ, что найдется въ анализѣ двухъ остальныхъ (т. е. прибыли и ренты)“ *). Онъ именно стремился найти какъ можно болѣе „рекомендацій“ въ пользу буржуазнаго общества, т. е. показать, какъ мало соотвѣтствуетъ оно требованіямъ „теоріи“. Провѣрять найденные экономистами законы буржуазнаго хозяйства ему не было надобности. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ могъ удовольствоваться открытіями буржуазной экономіи, такъ какъ сами эти открытія уже достаточно хорошо „рекомендовали“ буржуазное общество.

За то въ „рекомендаціяхъ“ этому обществу нашъ авторъ положительно неистощимъ. Здѣсь онъ является во всеоружіи своего полемическаго таланта, здѣсь на помощь ему приходитъ весь тотъ злой сарказмъ, силу котораго такъ хорошо знали его литературные противники. „Очень милая вещь этотъ принципъ трехчленнаго дѣленія!—восклицаетъ онъ.—Чѣмъ больше вы всматриваетесь въ него, тѣмъ яснѣе обнаруживается прелестная соотвѣтственность его съ коренными идеями экономической науки. Если мужъ работаетъ одинъ, онъ получаетъ извѣстную плату. Если жена вмѣсто пустой траты времени на вздорныя дрязги, станетъ работать дѣльнымъ образомъ, подобно мужу, она вмѣстѣ съ мужемъ будетъ получать плату не больше той, какая прежде давалась одному мужу. Если дѣти станутъ помогать родителямъ, положеніе родителей и дѣтей ни мало не улучшится. Какое прекрасное поощреніе людямъ къ тому, чтобы занимался дѣльною работою каждый, кто въ силахъ заниматься ею,—какое хорошее возбужденіе къ труду и какая справедливая сообразность вознагражденія съ количествомъ труда!“ **).

*) Тамъ же, стр. 392.

**) Тамъ же, та же стр.

Обращая противъ буржуазныхъ экономистовъ превозносимый ими принципъ раздѣленія занятій, Чернышевскій иронически указываетъ на то, что принципъ этотъ не вполнѣ еще примѣняется къ заработной платѣ. „Въ платѣ, получаемой работникомъ, есть много элементовъ кромѣ того элемента, который слѣдуетъ назвать рабочею платою въ точномъ смыслѣ этого слова,—замѣчаетъ онъ. Во первыхъ, въ плату наемному работнику входитъ обыкновенно страховая премія въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Въ платѣ матросу есть доля, служащая вознагражденіемъ за небезопасность его ремесла. Въ платѣ носильщику, дожидающемуся нанимателя на углу улицы или на рынкѣ, есть доля вознагражденія за то, что онъ рискуетъ иной день остаться безъ работы. Во вторыхъ, всегда есть въ рабочей платѣ элементъ вознагражденія за затрату капитала на подготовленіе работника къ дѣлу... Взрослый работникъ получаетъ извѣстную долю платы собственно потому только, что взрослые работники вообще должны затрачивать часть своей платы на воспитаніе дѣтей. Тутъ какъ будто бы круговая порука поколѣній: каждое поколѣніе въ рабочіе годы вознаграждается за затрату капитала предыдущимъ поколѣніемъ на его воспитаніе... Если полагать совершенство экономическаго устройства въ существованіи отдѣльнаго класса людей для каждаго элемента, участвующаго въ производствѣ, то не слѣдуетъ останавливаться на трехчленномъ дѣленіи продукта, а надобно принять дѣленіе гораздо многосложнѣйшее: каждый изъ трехъ главныхъ элементовъ производства распадается опять на нѣсколько элементовъ. Страховая премія и вознагражденіе за капиталъ—элементы, ставимые господствующей теоріей подъ разрядъ прибыли *). Мы теперь видимъ, что они входятъ и въ рабочую плату. Не слѣдуетъ ли желать, чтобы они отдѣлились отъ нея, чтобы наемный работникъ получалъ именно только рабочую плату, плату въ строгомъ смыслѣ слова? Можно придумать такое устройство, при которомъ такъ и будетъ. Воспитаніемъ дѣтей и приготовленіемъ молодыхъ людей для спеціальныхъ профессій можетъ заняться особенный классъ предпринимателей, которые и будутъ потомъ выручать затраченный на то капиталъ, отдавая приготовленныхъ ими работниковъ въ наемъ на такомъ условіи,

*) Читатель видитъ, что Чернышевскій выражается здѣсь неточно. Такой „элементъ“, какъ страховая премія, никакъ не можетъ быть отнесенъ къ элементамъ производства. Но не въ томъ дѣло.

чтобы работникъ отдавалъ имъ извѣстную долю изъ получаемой платы. Не правда ли, такой порядокъ будетъ гораздо ближе соотвѣтствовать принципу раздѣленія занятій, если принципъ этотъ понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его рутинные экономисты, т. е., что для каждаго занятія должно быть отдѣльное сословіе людей, уже ничѣмъ кромѣ того не занимающихся? А то посудите сами: наемный работникъ, кромѣ того что работаетъ, воспитываетъ дѣтей,—на что это похоже? Вѣдь одно занятіе должно мѣшать другому, не правда ли?

Съ такой же ироніей говоритъ онъ и о выдѣленіи страховой преміи изъ заработной платы. Онъ предлагаетъ учредить особыя компаніи, которыя застраховывали бы работу для того работника, который согласится выдѣлять имъ часть своей платы. „Иначе наемный работникъ все еще остается не собственно только наемнымъ работникомъ, а какою-то смѣсью работника съ страхователемъ и предпринимателемъ. Полное раздѣленіе занятій еще не достигнуто. Оно, конечно, если осуществить его, то наемный работникъ переходитъ въ состояніе человѣка, закабаленнаго капиталисту, его воспитавшему, и капиталисту, его застраховавшему. Но этимъ не слѣдуетъ смущаться: такъ и нужно для удовлетворенія рутинному взгляду на принципъ раздѣленія занятій. Рутинные политико-экономы не смущаются такими пустяками, какъ переходъ работника изъ положенія болѣе самостоятельнаго въ менѣе самостоятельное. Но вотъ бѣда: послѣдовательнымъ проведеніемъ ихъ взгляда на принципъ раздѣленія занятій уничтожается и классъ наемныхъ работниковъ. Человѣкъ, закабаленный другому чѣмъ бы то ни было, принимаетъ экономическій характеръ невольника... Конечно, до этого еще не дошло, да и не дойдетъ, потому что начинается поворотъ къ другому устройству, противоположному этой формѣ, которая превозносится господствующею теоріею. Не успѣвъ дойти до полнаго развитія, она будетъ вытѣснена изъ науки и жизни принципомъ совершенно иного характера. Но если бы она не встрѣтила этого противника, она сама себя уничтожила бы своимъ развитіемъ. Она привела бы къ возстановленію невольничества подъ новымъ какимъ-нибудь видомъ“ *).

Заканчивая разборъ взглядовъ Чернышевскаго на заработную плату, мы считаемъ нужнымъ указать одну черту его воззрѣній, не отмѣченную нами прежде. Нашъ авторъ нигдѣ не касается

*) Томъ IV, стр. 398—390.

вопроса о продолжительности рабочаго дня и о фабричномъ законодательствѣ. Этотъ вопросъ какъ будто совершенно не существовалъ для него. Практическая, повседневно ведущаяся борьба труда съ капиталомъ, со всѣми ея перипетіями и со всѣми ея чрезвычайно важными историческими послѣдствіями, едва ли интересовала его болѣе, чѣмъ почти другихъ соціалистовъ-утопистовъ *). Онъ не говорилъ о ней даже тамъ, гдѣ самый ходъ изслѣдованія подводилъ его къ ней, можно сказать, вплотную. Вотъ, напримѣръ, онъ описываетъ, какъ пользуются предприниматели конкурренціей между ищущими занятій работниками для пониженія заработной платы. „Положимъ, что трудъ вздорожалъ въ Англіи, — говоритъ онъ. Наниматели труда ищутъ дешевыхъ работниковъ и вызываютъ въ Англію нѣмцевъ, или бельгійцевъ. Это фактъ извѣстный и неизбѣжный при трехчленномъ дѣленіи продукта. Каждый разъ, какъ работники въ извѣстной отрасли промышленности потребуютъ возвышенія платы, наниматели труда въ Англіи отвѣчаютъ имъ: мы выпишемъ себѣ дешевыхъ работниковъ,—и дѣйствительно выписываютъ каждый разъ, когда англійскіе работники медлятъ отказаться отъ требованій“ **) Это вѣрно. Англійскіе капиталисты, подобно всѣмъ другимъ, дѣйствительно любятъ прибѣгать къ указанному средству, какъ и вообще любятъ они замѣнять дорогія и требовательныя „руки“—дешевыми и нетребовательными. Но уже англійскіе Trade-Unions могли бы своимъ примѣромъ напомнить Чернышевскому, что въ развитыхъ странахъ работники принимаютъ свои мѣры для противодѣйствія капиталистической тактикѣ. Сами по себѣ эти мѣры, разумѣется, далеко недостаточны. Но онѣ воспитываютъ рабочихъ, развиваютъ ихъ классовое сознаніе и тѣмъ подготовляютъ ихъ будущую по-

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Въ этомъ отношеніи онъ весьма замѣтно отличается отъ Р. Оуэна, у котораго онъ заимствовалъ, однако, многіе свои взгляды на „условія успѣшности труда“. Оуэнъ по всей справедливости можетъ быть названъ иниціаторомъ фабричнаго законодательства въ Англіи (ср. Robert Owen par Edouard Dolléans, Paris 1905, pp. 91 и слѣд.; ср. также Robert Owen von Helene Simon, Jena 1905, ss. 96 и слѣд.). Но понятно, что въ Россіи, едва раздѣлавшейся съ крѣпостнымъ правомъ и обладавшей лишь очень мало развитой капиталистической промышленностью, вопросъ о фабричномъ законодательствѣ не могъ имѣть такого практическаго значенія, какое имѣлъ онъ въ Англіи уже съ начала XIX вѣка. Поэтому онъ и въ теоріи не привлекалъ къ себѣ вниманія Н. Г. Чернышевскаго.

**) Тамъ же, стр. 388.

бѣду. Въ своемъ отвѣтѣ Прудону Марксъ уже въ 1847 году подробно выяснилъ огромное историческое значеніе рабочихъ союзовъ сопротивленія. Чернышевскій обходилъ ихъ молчаніемъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, наканунѣ возникновенія Международнаго Общества Рабочихъ, начавшаго новую эпоху въ исторіи пролетаріата Стараго и Новаго Свѣта. Тутъ мы опять видимъ неизбѣжное вліяніе на него среды, вліяніе отсталости русскихъ общественныхъ отношеній.

Глава шестая.

Прибавочная стоимость.

I.

„При трехчленномъ дѣленіи продукта,—говоритъ Н. Г. Чернышевскій—затраты на производство дѣлаетъ капиталистъ; за вычетомъ этихъ расходовъ остается ему изъ продукта доля, называющаяся прибылью. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Часть ея служитъ капиталисту вознагражденіемъ за то, что онъ обратилъ на производство свой капиталъ; эта часть называется въ строгомъ смыслѣ слова процентами на капиталъ. Изъ остающагося, за вычетомъ этихъ процентовъ, излишка прибыли часть служитъ вознагражденіемъ за рискъ предпріятія. Другая часть излишка служитъ вознагражденіемъ за трудъ управленія дѣломъ. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ прибыли очень часто отдѣляется отъ другихъ. Капиталистъ имѣетъ иногда наемнаго распорядителя, при которомъ самъ уже вовсе не вмѣшивается въ дѣло; этотъ распорядитель получаетъ вознагражденіе за веденіе дѣла, а капиталисту остаются только проценты съ капитала и страховая премія. Но часто предприниматель занимаетъ на веденіе дѣла капиталъ у другого капиталиста, которому и выдѣляетъ проценты, а самъ получаетъ только страховую премію и вознагражденіе за управленіе дѣломъ,—если же имѣетъ при этомъ наемнаго распорядителя, то одну только страховую премію. Чтобы велись промышленныя дѣла при системѣ трехчленнаго дѣленія продукта, прибыль должна имѣть величину, достаточную на образованіе всѣхъ этихъ трехъ элементовъ прибыли въ размѣрѣ, какой нуженъ по состоянію даннаго общества въ данное время.

Но при разномъ состояніи общества величина каждаго изъ трехъ элементовъ прибыли бываетъ очень различна“ *).

Нѣсколькими страницами далѣе нашъ авторъ говоритъ, что поземельная рента есть „только излишекъ прибыли, остающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства“ **). Затѣмъ изъ его объясненій видно, что прибыль на торговый капиталъ также разсматривается имъ, какъ часть прибыли вообще.

Изо всего этого слѣдуетъ, что подъ предпринимательскою прибылью онъ понимаетъ собственно прибавочную стоимость, т. е. всю ту часть создаваемой работниками стоимости, которая подъ разными названіями распредѣляется между различными категоріями присвоителей плодовъ чужого, неоплаченнаго труда. Поэтому мы при изложеніи его взглядовъ будемъ замѣнять слово прибыль болѣе точнымъ выраженіемъ: прибавочная стоимость.

Какъ подраздѣляется прибавочная стоимость между различными категоріями предпринимателей, объ этомъ Н. Г. Чернышевскій распространяется очень мало. Только относительно поземельной ренты мы находимъ у него болѣе подробныя объясненія. Что же касается другихъ „элементовъ прибыли“, то мы встрѣчаемъ лишь нѣкоторыя общія замѣчанія въ родѣ того, что „въ занятіи болѣе рискованномъ страховая премія стоитъ выше средняго уровня; въ занятіи особенно пріятномъ вознагражденіе распорядителю бываетъ ниже средняго уровня“ ***). Онъ даже не считаетъ нужнымъ объяснить, какія же это промышленныя предпріятія такъ пріятны, что распорядители ихъ довольствуются вознагражденіемъ ниже средняго. Главное вниманіе его направлено на вопросъ объ уровнѣ прибавочной стоимости. „Этотъ средній уровень самъ то понижается, то возвышается,“—говоритъ онъ. Отъ чего же зависитъ его величина? Отвѣтъ на это онъ заимствуетъ у Милля, полагая, что „трудами англійскихъ экономистовъ, въ особенности Рикардо, вопросъ этотъ превосходно разъясненъ, и у Милля, достойнаго ученика Рикардо, онъ изложенъ какъ нельзя лучше“ ****).

Какъ же однако, изложенъ онъ у Милля? Въ приводимой

---

*) Сочиненія, т. VII, стр. 393.
**) Тамъ же, стр. 401.
***) Тамъ же, стр. 394.
****) Тамъ же, стр. 394.

Чернышевскимъ выпискѣ, объясненія Милля начинаются указаніемъ на происхожденіе прибавочной стоимости. „Человѣку, незнакомому съ наукой, представляется, будто бы прибыль комерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукой люди полагаютъ, что будто производитель получаетъ прибыль только отъ того, что есть покупщики на товаръ; будто бы запросъ, покупщики, рынокъ товара, вотъ причины выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу. Но думать такъ, значитъ смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества".

Мы просимъ читателя припомнить, какъ опредѣляетъ Милль мѣновую стоимость товара. „Если оставить въ сторонѣ случайные элементы стоимости, то предметы, количество которыхъ можетъ возрастать неопредѣленно, естественнымъ и постояннымъ образомъ обмѣниваются другъ на друга по пропорціи количества рабочей платы, какую надобно употребить на ихъ производство (по мнѣнію Милля всѣ издержки производства сводятся къ рабочей платѣ) и количеству прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату" *). Иными словами: „общее правило таково, что предметы имѣютъ тенденцію обмѣниваться другъ на друга по такимъ цѣнностямъ, которыя оплачиваютъ каждому производителю стоимость производства съ обычной прибылью". Что же это значитъ? Это значитъ именно то, что „производитель получаетъ свою прибыль тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему", и что прибыль есть „результатъ покупки и продажи". Но вѣдь такой взглядъ достоинъ только людей, „незнакомыхъ съ наукой"?! Да, такъ говоритъ Милль въ главѣ о прибыли, а въ главѣ о стоимости онъ высказываетъ какъ разъ этотъ взглядъ, недостойный людей науки. Какъ же разрѣшить такое странное, такое вопіющее противорѣчіе? Логическаго разрѣшенія для него нѣтъ и не можетъ быть, а психологическое объясненіе есть и состоитъ въ томъ, что, какъ мы уже говорили выше, въ головѣ Милля очень часто и очень

*) Мы выписываемъ это опредѣленіе въ переводѣ Чернышевскаго. (Соч., т. VII, стр. 451).

мирно уживались самые противорѣчивые взгляды на одинъ и тотъ же предметъ.

Что причина прибавочной стоимости заключается не въ обмѣнѣ, это понятно само собой, такъ какъ обмѣнъ не создаетъ ровно никакихъ стоимостей. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ изслѣдованіи о происхожденіи прибавочной стоимости мы можемъ закрывать глаза на законы обмѣна, т. е., слѣдовательно, и на мѣновую стоимость товаровъ. „Причина прибыли та, говоритъ намъ Милль, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе... Если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то кромѣ возвращенія своей затраты онъ получитъ нѣсколько (sic) лишняго". Чего же именно „лишняго"? Продукта? Но вѣдь въ своемъ непосредственномъ, вещественномъ, видѣ созданный рабочими продуктъ несоизмѣримъ съ ихъ „кормомъ". Какъ надо понимать насъ, если мы скажемъ, что произведенный рабочими миткаль больше съѣденнаго ими хлѣба или изношенной ими обуви? Хотимъ ли мы сравнивать аршины миткаля съ пудами хлѣба или съ парами сапоговъ? Ясно, что для сравненія „корма" рабочихъ съ созданнымъ ихъ рабочею силою продуктомъ нужно обратиться къ с т о и м о с т и того и другого. (Ниже мы увидимъ, что и самъ Милль не считаетъ возможнымъ обойтись безъ этой аппеляціи къ стоимости). Слѣдовательно, мы должны сказать, что прибавочная стоимость или (какъ выражаются Чернышевскій и Милль) прибыль есть разность между стоимостью, созданной данной рабочей силой и стоимостью „корма", который мы затратили на производство этой силы; а если мы захотимъ выразиться точнѣе, мы скажемъ, что прибавочная стоимость („прибыль") есть разность между стоимостью, созданной данной рабочей силой и стоимостью этой силы. Но выражаясь такъ, мы опять приходимъ къ вопросу о томъ, чѣмъ же опредѣляется стоимость. Милль говоритъ намъ, что она опредѣляется издержками производства даннаго товара въ соединеніи съ прибылью, которую должны принести эти издержки предпринимателю. Пользуясь этимъ опредѣленіемъ для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса о „прибыли" (прибавочной стоимости), мы приходимъ къ слѣдующему поучительному выводу: величина прибыли опредѣляется величиною стоимости того „лишняго", которое произвели работники сверхъ стоимости своего „корма"; а стоимость этого „лишняго", какъ и всякаго другого товара, опредѣляется издержками его производства и прибылью, которую

должны принести эти издержки. Прибыль зависитъ отъ стоимости, а стоимость отъ прибыли. Это уже и само по себѣ мудрено; но еще болѣе мудренымъ представится намъ все дѣло, когда мы вспомнимъ, что интересующее насъ „лишнее“ получается предпринимателемъ сверхъ сдѣланныхъ имъ издержекъ и слѣдовательно ни о какихъ издержкахъ его на производство этого „лишняго“ не можетъ быть и рѣчи. Выходитъ, что, слѣдуя опредѣленіямъ Милля, мы не только не попадаемъ на прямой путь для разрѣшенія вопроса о „прибыли“, но странствуемъ по такой логической кривой, которую можно назвать кривою двойной кривизны.

Во всемъ изслѣдованіи Милля о „прибыли“ вѣрно лишь то, что для ея производства нужна извѣстная степень производительности труда, позволяющая рабочимъ производить больше, чѣмъ необходимо для ихъ содержанія. Но если это показываетъ намъ,—да и то сквозь густѣйшій туманъ противорѣчій,—что „прибыль“ производится неоплаченнымъ трудомъ работниковъ, то мы еще вовсе не видимъ, какимъ образомъ производство „прибыли“ обусловливается механизмомъ буржуазнаго общества. Въ этомъ отношеніи Милль остался далеко позади Рикардо, который уже умѣлъ связать вопросъ о производствѣ прибавочной стоимости съ вопросомъ стоимости вообще. Чернышевскій не замѣчаетъ этихъ ошибокъ Милля. Подкупленный его признаніемъ относительно эксплуатаціи работника предпринимателемъ, онъ прощаетъ ему какъ запутанность тѣхъ объясненій, которыми тотъ сопровождаетъ это признаніе, такъ и другія нелѣпости, въ родѣ того, что „во всемъ процессѣ производства, начинающемся матерьяломъ и орудіями труда и кончающемся готовымъ продуктомъ, всѣ затраты состоятъ исключительно изъ рабочей платы“, и что „вся та часть окончательнаго продукта, которая не составляетъ прибыли, служитъ возвращеніемъ капиталисту затратъ, сдѣланныхъ на рабочую плату“. Чернышевскому кажется, что все это такъ и есть въ дѣйствительности. Соглашаясь съ Миллемъ по вопросу о происхожденіи прибыли, онъ не расходится съ нимъ и въ указаніи причинъ, отъ которыхъ зависитъ ея уровень.

II.

По словамъ Милля, „выигрышъ капиталистовъ зависитъ исключительно отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ величины

продукта, иначе сказать, отъ производительной силы труда, и, во-вторыхъ, отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники, отъ пропорціи между вознагражденіемъ работниковъ и всею суммою, ими производимой. Эти два элемента служатъ данными, которыми опредѣляется вся сумма, раздѣляющаяся въ видѣ прибыли между всѣми капиталистами страны. Но величина прибыли (Милль хочетъ сказать — ея уровень), процентное ея отношеніе къ капиталу, опредѣляется только вторымъ изъ этихъ элементовъ,—тѣмъ, какую долю получаетъ работникъ, а не суммою, раздѣляемою между работникомъ и капиталистомъ. Если продуктъ труда удвоится, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него, какъ прежде, т. е., если ихъ вознагражденіе также удвоится, то капиталисты, правда, получатъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя". Затѣмъ Милль замѣчаетъ, что для опредѣленія уровня прибавочной стоимости („прибыли") имѣетъ значеніе, собственно, не рабочая плата, а стоимость труда, т. е. стоимость рабочей силы. „Дешевый трудъ можетъ быть неуспѣшенъ, говоритъ онъ... Вознагражденіе земледѣльческаго работника на западѣ Ирландіи не превышаетъ половины самой низкой платы, какую получаетъ англійскій работникъ,— платы дорсетширскому работнику. Но если по меньшему своему искусству и усердію ирландецъ въ два рабочіе дня исполняетъ работы не больше, чѣмъ англійскій работникъ въ одинъ день, то трудъ ирландца стоитъ не дешевле, чѣмъ трудъ англичанина, хотя самъ ирландецъ получаетъ гораздо меньше". Мы видимъ теперь, что самъ Милль не считаетъ возможнымъ опредѣлить уровень прибавочной стоимости безъ аппеляціи къ стоимости вообще. И, конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда, но плохо то, что онъ ограничивается лишь соображеніями о „стоимости труда", забывая о стоимости создаваемаго трудомъ продукта. Одно изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ, по его словамъ, общая сумма прибыли (прибавочной стоимости), есть „производительная сила труда". Это не точно. Прибавочная стоимость, какъ стоимость, по природѣ своей ничѣмъ не отличается отъ всякой другой стоимости. Эпитетъ — прибавочная указываетъ не на природу, а на происхожденіе ея. Это ясно безъ поясненій. Чѣмъ опредѣляется стоимость даннаго товара? Количествомъ труда, нужнаго на его производство. Если это количество, вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій, т. е. вслѣдствіе возрастанія

производительности труда, станетъ вдвое меньше, то уменьшится вдвое и стоимость товара. Величина стоимости даннаго товара обратно пропорціональна производительности труда въ той отрасли промышленности, которая производитъ этотъ товаръ. Слѣдовательно, производительность труда еще не опредѣляетъ намъ размѣровъ прибавочной стоимости. Отъ нея зависитъ количество предметовъ, представляющихъ эту стоимость, но не величина самой стоимости. Чѣмъ же опредѣляется, въ такомъ случаѣ, величина прибавочной стоимости? Да тѣмъ же, чѣмъ опредѣляется величина стоимости вообще, то-есть трудомъ. Трудъ, воплощенный въ прибавочной стоимости, имѣетъ лишь ту особенность, что онъ есть неоплаченный трудъ,—трудъ, присваиваемый предпринимателемъ задаромъ. Но это не измѣняетъ природы труда: оплаченный или неоплаченный, онъ одинаково является единственнымъ источникомъ стоимости. Слѣдовательно, размѣры прибавочной стоимости зависятъ отъ того количества неоплаченнаго труда, которое удается предпринимателямъ выжать изъ рабочихъ. Если мы предположимъ, что количество этого труда остается неизмѣннымъ, то величина прибавочной стоимости также останется безъ измѣненія, хотя бы производительность труда росла какъ нельзя болѣе быстро.

„Если продуктъ труда удвоится, увѣряетъ Милль, и работники будутъ получать такую же пропорцію изъ него, какъ прежде, т. е. если ихъ вознагражденіе также удвоится, то капиталисты, правда, получатъ вдвое больше прежняго, но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго, величина ихъ прибыли не увеличится, а останется прежняя". Все это разсужденіе есть настоящій Гордіевъ узелъ всяческихъ запутанностей. О какомъ удвоеніи продукта говоритъ Милль? Это ясно изъ предыдущаго: онъ говоритъ объ удвоеніи продукта, происходящемъ вслѣдствіе возрастанія производительности труда. Но если это возрастаніе происходило при прочихъ равныхъ условіяхъ, то оно не вело за собою ни малѣйшаго измѣненія ни въ величинѣ прибавочной стоимости, ни въ величинѣ стоимости рабочей силы. Значитъ, чего же именно капиталисты „получатъ вдвое больше прежняго?" Если не прибавочной стоимости то... чего же? Тѣхъ продуктовъ, на которые они обмѣниваютъ свою прибавочную стоимость. Другими словами: при тѣхъ же размѣрахъ прибавочной стоимости, при томъ же количествѣ выжатаго изъ рабочихъ неоплаченнаго труда, эти люди, по выраженію Адама Смита, жнущіе тамъ, гдѣ не сѣяли, получатъ

возможность жить вдвое лучше прежняго, точно такъ же, какъ ведущій естественное хозяйство помѣщикъ получилъ бы возможность жить вдвое лучше прежняго, если бы его крѣпостные, работая на него по прежнему извѣстное число дней въ недѣлю, стали производить въ эти дни вдвое больше, чѣмъ прежде. Но разъ это такъ, то какимъ же это образомъ капиталисты ухитрятся затрачивать на производство вдвое больше прежняго? Не ясно ли, напротивъ, по всему смыслу нашего предположенія, что стоимость ихъ затратъ остается неизмѣнной? Милль хочетъ сказать, что работники получатъ возможность жить вдвое лучше прежняго (для него вѣдь всѣ расходы производства сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ затратамъ на покупку рабочей силы). Понимаемый такимъ образомъ, онъ, разумѣется, правъ. Но улучшеніе матеріальнаго положенія работниковъ будетъ результатомъ увеличенія производительности труда, а не затратъ, дѣлаемыхъ капиталистами.

А можетъ быть, говоря объ увеличеніи продукта (т. е. всего вообще національнаго продукта), Милль имѣетъ въ виду увеличеніе его стоимости? Въ такомъ случаѣ его гипотеза объ увеличеніи производительности труда сводится къ тому предположенію, что работники данной страны произвели продуктъ, имѣющій вдвое большую стоимость. Остановимся на этомъ предположеніи *).

Чтобы произвести вдвое большую стоимость, работники должны затратить вдвое больше труда. Это возможно при двухъ различныхъ условіяхъ: 1) или при удвоеніи числа эксплуатируемыхъ работниковъ, или 2) въ томъ случаѣ, когда работники, не увеличиваясь въ числѣ, станутъ трудиться вдвое больше прежняго. Разумѣется, возможенъ и третій случай: большее или меньшее увеличеніе числа работниковъ, сопровождаемое большимъ или меньшимъ увеличеніемъ труда, приходящагося на долю каждаго изъ нихъ; но совершенно безполезно разсматривать этотъ случай, такъ какъ онъ ничего не прибавитъ къ пониманію предмета. Итакъ, посмотримъ, что будетъ, если продуктъ, имѣющій вдвое большую стоимость, будетъ произведенъ трудомъ вдвое большаго числа рабочихъ. Милль предполагаетъ, что съ увеличеніемъ про-

*) Въ стоимость продукта даннаго года всегда входитъ, какъ очень значительная составная часть, стоимость средствъ производства, созданныхъ трудомъ предыдущихъ лѣтъ. Но мы, для простоты разсужденія, оставляемъ эту часть безъ вниманія, т. е. называемъ продуктомъ даннаго года лишь ту часть стоимости національнаго годового продукта, которая произведена трудомъ даннаго года.

дукта не измѣняется подраздѣленіе его на рабочую плату и стоимость: если прежде на прибавочную стоимость приходилась, скажемъ, половина всей суммы продукта, то и теперь будетъ то же самое. Слѣдовательно, на заработную плату также будетъ приходиться, теперь какъ и прежде, половина продукта. Такъ какъ стоимость всего продукта увеличилась вдвое, то и та часть его, которая представляетъ собою заработную плату, будетъ имѣть вдвое большую стоимость. Но эта вдвое большая стоимость дѣлится между вдвое большимъ числомъ рабочихъ. Слѣдовательно, заработная плата каждаго изъ нихъ въ отдѣльности остается неизмѣнной въ смыслѣ своей стоимости. А что же будетъ съ капиталистами? Присваиваемая ими прибавочная стоимость будетъ вдвое больше прежняго; иначе сказать, они будутъ присваивать теперь вдвое большее количество чужого неоплаченнаго труда. Уровень прибавочной стоимости останется неизмѣннымъ, но эксплуатація рабочаго класса возрастетъ на сто процентовъ въ смыслѣ количества подвергающагося ей живого матеріала. У Милля этотъ неизбѣжный выводъ скрывается за разсужденіями о томъ, что хотя капиталисты получатъ вдвое больше, „но такъ какъ они затратили вдвое больше прежняго (т. е. купили вдвое больше рабочей силы), то величина (уровень) ихъ прибыли не увеличится“. Дѣйствительно, уровень прибавочной стоимости не измѣнится, если не измѣнится отношеніе ея къ рабочей платѣ. Но что же такое—отношеніе ея къ рабочей платѣ? Это именно и есть ея уровень. Значитъ, уровень ея не измѣняется, если остается неизмѣннымъ. Грѣшно было бы утверждать, что этимъ сказано очень много!

Теперь—другой случай. Прежнее число работниковъ, трудясь вдвое больше прежняго, производитъ вдвое большую стоимость. Отношеніе прибавочной стоимости къ заработной платѣ не измѣняется. Рабочіе получаютъ теперь вдвое большую стоимость въ видѣ заработной платы, капиталисты вдвое большую прибавочную стоимость. Объ этомъ случаѣ Милль опять скажетъ намъ, что такъ какъ капиталисты затратили вдвое больше, то они, и проч. и проч., словомъ, что уровень прибыли не измѣнится. Но вѣдь это мы знаемъ и безъ него, это стоитъ въ условіяхъ задачи. Намъ интересно знать, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ въ предложенномъ нами случаѣ „увеличеніе продукта“. Вдумаемся же въ нихъ внимательнѣе. Прибавочная стоимость создается неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ. Прибавочная стоимость въ разсма-

триваемомъ случаѣ оказалась вдвое больше, чѣмъ была прежде. Слѣдовательно, гг. капиталисты выжали изъ рабочихъ вдвое большее количество неоплаченнаго труда. Число рабочихъ осталось безъ измѣненія. Слѣдовательно, изъ каждаго рабочаго гг. капиталисты выжимаютъ теперь вдвое больше дарового труда. Это очень немаловажное обстоятельство. Но Милль ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, что національный продуктъ ростомъ своимъ, можетъ быть, обязанъ увеличенію именно этого рода „производительности“ труда, т. е. увеличенію выгодныхъ сторонъ эксплуатаціи.

Марксъ сказалъ бы, что Милль смѣшиваетъ трудъ, какъ источникъ вещественнаго богатства, съ трудомъ, какъ источникомъ стоимости. Различеніе этихъ двухъ понятій существенно важно для объясненія самыхъ коренныхъ законовъ буржуазнаго хозяйства. Правда, только Марксу удалось вполнѣ выяснить различіе этихъ понятій; до него экономисты постоянно путались въ нихъ, незамѣтно для себя подставляя одно вмѣсто другого. Но у Милля и въ этомъ случаѣ путаницы несравненно больше, чѣмъ у классическихъ представителей буржуазной экономіи.

Увеличеніе производительности труда играло очень важную роль въ историческомъ увеличеніи уровня прибавочной стоимости. Удешевляя предметы, необходимые для существованія работниковъ, оно тѣмъ самымъ уменьшало стоимость рабочей силы и давало продавцамъ этой силы, пролетаріямъ, фактическую возможность довольствоваться все меньшею и меньшею долею національнаго продукта. Но само собой разумѣется, что мы ничего не разберемъ въ этомъ явленіи, если будемъ путать понятіе о вещественномъ богатствѣ съ понятіемъ о стоимости.

III.

Изложивъ ученіе Милля о „прибыли“ и согласившись съ нимъ, Чернышевскій находитъ, однако, нужнымъ сдѣлать къ нему пополненіе, которое онъ считаетъ очень важнымъ. Сущность этого пополненія сводится вотъ къ чему.

По ученію Мальтуса, бѣдность рабочаго класса происходитъ отъ излишняго размноженія, оттого, что люди размножаются быстрѣе, чѣмъ средства ихъ существованія. Но можно представить себѣ такое положеніе дѣлъ: средства существованія растутъ очень быстро, какъ и все вообще богатство страны; населеніе размно-

жается далеко не такъ быстро или даже совсѣмъ не размножается, а между тѣмъ заработная плата падаетъ, рабочій классъ все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. И такое положеніе дѣлъ непремѣнно явится въ томъ случаѣ, если прибавочная стоимость станетъ расти быстрѣе, чѣмъ растетъ вся сумма національнаго продукта. Въ этомъ случаѣ прибавочная стоимость, очень скоро поглотивъ весь приростъ національнаго богатства, начнетъ дѣлать все большіе и большіе захваты изъ той доли, которая достается рабочему классу. Слѣдовательно, бѣдность рабочаго класса будетъ происходить въ этомъ случаѣ не отъ того, что продуктовъ мало, а оттого, что распредѣляются они слишкомъ неравномѣрно, не отъ слабости производительныхъ силъ, а отъ неудовлетворительности распредѣленія. На первый взглядъ это положеніе дѣлъ представляется чисто гипотетическимъ. Но стоитъ только всмотрѣться въ бытъ цивилизованныхъ странъ, чтобы видѣть, до какой степени подобная гипотеза соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ прибавочная стоимость „имѣетъ постоянную тенденцію развиваться до того, чтобы захватывать какъ можно большую долю изъ фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этотъ фондъ и останавливается въ такомъ стремленіи лишь матеріальною невозможностью для работника существовать иначе, какъ при извѣстной величинѣ рабочей платы. Странно приписывать бѣдность рабочаго класса его излишнему размноженію, когда она объясняется совершенно другими причинами; странно размноженію приписывать тѣ бѣдствія, которыя совершенно достаточно объясняются современнымъ распредѣленіемъ продуктовъ и необходимо изъ него вытекаютъ. На эту сторону вопроса не обратилъ вниманія никто изъ экономистовъ Смитовской школы, поэтому никто изъ нихъ не умѣлъ правильно взглянуть и на ученіе Мальтуса.

Мы изложили мысль Чернышевскаго не тѣми словами, какими она изложена у него самого. Но мы вполнѣ увѣрены, что передали ее правильно. И всякій, кто имѣетъ хоть нѣкоторое понятіе о нынѣшнемъ состояніи экономической науки, скажетъ, что въ общемъ нельзя не согласиться съ нею. Въ настоящее время не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что бѣдность пролетаріата обусловливается *не законами природы, а общественными отношеніями*. Если бы рабочій классъ совершенно пересталъ размножаться, то развитіе капитализма все-таки привело бы къ образованію относительнаго избытка населенія и

ко всѣмъ связаннымъ съ нимъ бѣдствіямъ *). Бѣдность современнаго пролетаріата есть бѣдность совершенно особеннаго рода. Она развивается рядомъ съ развитіемъ національнаго богатства и вслѣдствіе его развитія. Законы размноженія людей не только не объясняютъ этой бѣдности, но, поскольку дѣло идетъ о размноженіи въ существующемъ обществѣ, сами объясняются ею, такъ какъ количество рожденій повсюду стоитъ въ тѣсной связи съ общественными отношеніями, „абстрактные же законы размноженія существуютъ только для животныхъ и растеній". Ничего этого дѣйствительно не подозрѣвали экономисты Смитовской школы, по крайней мѣрѣ до Рикардо, у котораго есть уже нѣкоторое пониманіе причинъ относительнаго перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ. Такимъ образомъ, Чернышевскій въ общемъ правъ. Но въ подробномъ развитіи его мысли заключается не мало ошибокъ.

IV.

Бѣдность рабочаго класса зависитъ отъ того, что прибавочная стоимость захватываетъ все большую и большую долю національнаго продукта. Это такъ. Но отчего же зависитъ это вѣрно указанное обстоятельство? Отъ того, отвѣчаетъ Чернышевскій, что прибавочная стоимость имѣетъ свойство расти по геометрической пропорціи. „Каждому извѣстно, съ какою огромною силою растетъ капиталъ, когда проценты прилагаются къ первоначальной суммѣ и снова даютъ на себя проценты". Слѣдуетъ таблица, показывающая ростъ капитала при различныхъ величинахъ прибыли отъ 10 до 40%. Возможно ли коммерческому человѣку получать по 40% чистой прибыли?—спрашиваетъ Чернышевскій: Да, это очень возможно; иначе не было бы примѣровъ тому, что начавъ свои торговые обороты лѣтъ въ 20 съ какою-нибудь сотнею рублей, человѣкъ становится въ 50 лѣтъ милліонеромъ... Но не будемъ останавливаться на этихъ 40%, не будемъ останавливаться ни на 35%, ни на 30%, ни на 25%, ни даже на 20%,—остановимся только на 15% чистой прибыли... При этомъ процентѣ, который

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Какъ это мы видимъ въ современной Франціи, гдѣ размноженіе совсѣмъ остановилось, отнюдь не устранивъ этимъ „бѣдности".

ниже обыкновеннаго, капиталъ въ теченіе одного поколѣнія возрастаетъ въ 66 разъ. Спрашиваемъ теперь, бывало ли когда-нибудь, чтобы сумма богатствъ, принадлежащихъ націи, возросла въ теченіи какихъ-нибудь 30 лѣтъ,—не говоримъ въ 66 разъ, а хотя въ 30 разъ, хотя въ 20 разъ?". На этотъ вопросъ дается отрицательный отвѣтъ: національное богатство не можетъ возрастать въ такой быстрой степени. Слѣдовательно, прибыль постоянно поглощаетъ все большую и большую и большую часть продукта, заключаетъ Чернышевскій. Вотъ его собственныя слова. „Мы знаемъ, что величина прибыли (слѣдовало сказать: прибыль) есть остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы... Мы видимъ, что одна изъ двухъ долей продукта растетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ вся сумма продукта. Это значитъ, что другая доля продукта уменьшается" *).

Чтобы сдѣлать свои доводы болѣе наглядными, Чернышевскій приводитъ новую таблицу, изъ которой видно, какъ будетъ измѣняться по десятилѣтіямъ распредѣленіе національнаго продукта,—который первоначально равнялся 10.000,—если ежегодный процентъ его возрастанія принять равнымъ 6,15, а ежегодный процентъ прибыли—10,5; причемъ прибыль первоначально составляетъ лишь десятую часть продукта, т. е. 1.000. Вотъ эта таблица **).

ГОДЫ.	Сумма продукта.	Сумма прибыли.	Сколько изъ суммы продукта остается на рабочую плату.	Какую долю изъ суммы продукта составляетъ сумма прибыли.	Какая доля изъ суммы продукта остается на рабочую плату.
1-й	10,000	1,000	9,000	10%	90%
11-й	18,171	2,714	15,457	15	85
21-й	33,019	7,681	25,338	22	78
31-й	60,000	20,000	40,000	33	67
41-й	109,030	54,288	54,492	48	52
51-й	198,120	147,360	50,760	74	36
61-й	360,000	400,000	— 40,000	111	— 11

*) Тамъ же, стр. 400.
**) Тамъ же, стр. 401.

По поводу этой таблицы Чернышевскій замѣчаетъ, что представленный ею ходъ дѣлъ будетъ въ сущности одинаковъ, какъ въ томъ случаѣ, если населеніе не размножается, такъ и тогда, когда оно остается постояннымъ. „Разница лишь въ томъ, что при неразмножающемся населеніи рабочая плата сначала возвышалась бы значительнѣе, чѣмъ при размножающемся“ *). Чтобы понять это замѣчаніе, нужно помнить, чѣмъ опредѣляется у него величина заработной платы: она есть частное, происходящее отъ дѣленія фонда рабочей платы на число работниковъ. Фондъ же рабочей платы есть разность, происходящая отъ вычитанія прибыли изъ годового продукта страны. Ясно, что число работниковъ не вліяетъ на величину прибыли, а между тѣмъ въ этой величинѣ все дѣло: фондъ рабочей платы уменьшается единственно потому, что прибыль дѣлаетъ изъ него все большіе и большіе захваты. Для простоты расчета мы остановимся на томъ случаѣ, когда населеніе не размножается. Но прежде, чѣмъ приступить къ какимъ-нибудь расчетамъ, мы просимъ читателя вдуматься въ общій характеръ доводовъ нашего автора.

Откуда берется процентъ на капиталъ? Изъ прибавочной стоимости. Величина той части прибавочной стоимости, которая распредѣляется между капиталистами въ видѣ процентовъ на ихъ капиталъ, а слѣдовательно и высота процента, зависитъ отъ многихъ условій, въ разсмотрѣніе которыхъ мы входить не станемъ **). Для насъ важно лишь то, что возвышеніе процента, платимаго по ссудамъ, еще не указываетъ на увеличеніе общей суммы прибавочной стоимости. Если бы въ какой-нибудь странѣ обычный процентъ возросъ съ 3 до 6, то это, разумѣется, не означило бы, что въ этой странѣ удвоилась общая сумма прибавочной стоимости. Эта перемѣна могла произойти просто вслѣдствіе того обстоятельства, что измѣнилось распредѣленіе данной суммы прибавочной стоимости: въ качествѣ процентовъ на капиталъ стала отдѣляться отъ нея вдвое большая часть, чѣмъ отдѣлялась прежде. Это ясно. Пойдемъ далѣе. Если процентъ, платимый по ссудамъ, равняется въ данной странѣ десяти, то значитъ ли это, что капиталъ этой страны увеличивается ежегодно на десять процентовъ? Если лица, получающія такой процентъ, проживаютъ

*) Тамъ же, стр. 403.

**) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* См. „Das Kapital“, III Band, I Th. s. 322 и слѣд.

весь свой доходъ и если, кромѣ того, всѣ остальныя части прибавочной стоимости (рента, предпринимательская прибыль, прибыль на торговый капиталъ) также проживаются своими получателями, то нѣтъ никакихъ основаній для роста національнаго капитала. Правда, приносимая имъ прибавочная стоимость можетъ возрастать, несмотря на все это, просто вслѣдствіе того, что увеличится относительное количество дарового труда, высасываемаго имъ изъ рабочихъ. Но мы не принимаемъ пока во вниманіе этого обстоятельства, мы предполагаемъ пока, что общая сумма прибавочной стоимости зависитъ единственно отъ общей суммы капитала, какъ предполагаетъ это и Чернышевскій. Итакъ что же будетъ у насъ, если вся прибавочная стоимость проживается г.г. присвоителями? Національный капиталъ не будетъ возрастать, а слѣдовательно не будетъ расти и сумма прибавочной стоимости, каково бы ни было и какъ бы ни измѣнялось ея подраздѣленіе на процентъ, торговую прибыль и проч... Но если часть прибавочной стоимости даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года, то, по нашему предположенію, увеличится и приносимая имъ прибавочная стоимость. Прибавочная стоимость второго года будетъ больше, чѣмъ прибавочная стоимость перваго года? Каковъ же математическій законъ ея увеличенія? Прибавочная стоимость второго года будетъ во столько разъ больше прибавочной стоимости перваго года, во сколько капиталъ второго года больше капитала перваго года. А во сколько же разъ капиталъ второго года больше капитала перваго года? Этого мы не знаемъ, это зависитъ отъ того, какъ велика была присоединившаяся къ капиталу второго года часть прибавочной стоимости. Положимъ, что прибавочная стоимость, получаемая присвоителями въ концѣ перваго года, равняется милліарду рублей. Предположимъ, что этотъ нашъ милліардъ рублей составляетъ 50% всего національнаго капитала *). Предположимъ также, что весь это милліардъ рублей употребленъ г.г. присвоителями на непроизводительное занятіе „прожиганія жизни“, и отъ этой колоссальной траты спасено только сто рублей, которые присоединены къ національному капиталу. Согласно нашему предположенію прибавочная стоимость второго года должна будетъ увеличиться на пятьдесятъ рублей (пятьдесятъ % съ новаго ка-

*) Мы умышленно беремъ этотъ высокій уровень прибавочной стоимости.

питала въ сто рублей). Это значитъ, что прибавочная стоимость второго года будетъ во столько разъ больше прибавочной стоимости перваго года, во сколько милліардъ+сто больше милліарда. Если вамъ не лѣнь прибѣгнуть къ „математическому методу“, то вы легко можете высчитать процентъ этого увеличенія. Вы увидите, что онъ во много и много разъ меньше того процента, который получается у васъ при сопоставленіи общей суммы прибавочной стоимости съ общей суммой капитала. Этотъ послѣдній процентъ равнялся пятидесяти, а тотъ первый процентъ, будетъ равняться одной десятитысячной (0,0001). Что же это значитъ? Это значитъ, что при предположенныхъ нами условіяхъ процентъ ежегоднаго возрастанія прибавочной стоимости вовсе не равенъ процентному отношенію общей суммы прибавочной стоимости къ общей суммѣ національнаго капитала. Въ какомъ же случаѣ онъ можетъ сравняться съ нимъ? Въ томъ случаѣ, если вся прибавочная стоимость даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года. Такъ ли это? Мы увидимъ, что это не совсѣмъ такъ, но Чернышевскій предполагаетъ, что это такъ, и мы не хотимъ пока вступать съ нимъ въ споръ. Но все-таки мы просимъ замѣтить нашъ выводъ: процентъ возрастанія прибавочной стоимости равняется процентному отношенію общей суммы ея къ общей суммѣ капитала только тогда, когда вся прибавочная стоимость даннаго года присоединяется къ капиталу слѣдующаго года. Держа въ памяти этотъ выводъ, обратимся къ таблицѣ нашего автора.

Что мы видимъ въ ней? Мы видимъ, что прибавочная стоимость, первоначально равнявшаяся тысячѣ, по прошествіи сорока лѣтъ равняется уже 147,360. При какомъ условіи возможно такое возрастаніе? Именно при только что указанномъ условіи, т. е. когда прибавочная стоимость цѣликомъ прилагается къ капиталу. Но это значитъ, что капиталисты ничего не тратятъ на свою жизнь, и притомъ ничего не тратятъ въ теченіе сорока лѣтъ. Чѣмъ же живутъ они, какъ поддерживаютъ они свое грѣшное существованіе? Неизвѣстно; однако фактъ тотъ, что они не потратили на себя за это время ни одного атома прибавочной стоимости. Но чтобы не тратить на себя ничего въ теченіе сорока лѣтъ, капиталистамъ нужно было не имѣть никакихъ потребностей. А кто не имѣетъ никакихъ потребностей, тому нѣтъ надобности и въ эксплуатаціи рабочихъ.

А, впрочемъ, можетъ быть мы ошиблись? Посмотримъ еще

разъ на таблицу Чернышевскаго. Первоначальная прибавочная стоимость равняется въ ней одной тысячѣ. Значитъ былъ же капиталъ, принесшій эту тысячу. Какъ великъ онъ былъ? Чернышевскій ничего не говоритъ объ этомъ. Но, предполагая, что ежегодный процентъ возрастанія прибавочной стоимости равняется выраженному въ процентахъ отношенію общей суммы ея къ общей суммѣ капитала, мы находимъ, что капиталъ, принесшій прибавочную стоимость въ одну тысячу, равенъ 9523,8. Куда же дѣвался этотъ капиталъ въ нашей таблицѣ? Очевидно, онъ пересталъ приносить прибавочную стоимость, потому что въ таблицѣ фигурируетъ лишь та прибавочная стоимость, которая получается вслѣдствіе роста (по сложнымъ процентамъ) первоначальной прибавочной стоимости въ одну тысячу. Значитъ капиталисты перестали употреблять его въ производство. Что же они сдѣлали съ нимъ? Можетъ быть онъ-то и поддерживалъ ихъ существованіе за всѣ тѣ десятки лѣтъ, къ которымъ относится расчетъ Чернышевскаго? Если это такъ, то позволительно спросить, какъ сохраняли и въ какомъ видѣ потребляли этотъ, такъ сказать, умершій капиталъ его обладатели? Вѣдь очень значительную часть всякаго „производительнаго капитала“ составляютъ средства производства: сырой матеріалъ, орудія труда и т. п. Положимъ, однако, что капиталисты въ теченіе десяти лѣтъ жили, потребляя тѣ средства производства, съ помощью которыхъ рабочіе создали первоначальную тысячу прибавочной стоимости. Тогда все-таки остается непонятнымъ слѣдующее обстоятельство. Принеся прибавочную стоимость въ одну тысячу, капиталъ устраняется изъ производительнаго потребленія, въ оборотъ пускается лишь эта тысяча единицъ прибавочной стоимости. Слѣдовательно весь производительный капиталъ второго года равняется одной тысячѣ. А между тѣмъ, по смыслу таблицы выходитъ, что рабочая плата во второмъ году составитъ 9510. Что такое заработная плата? Это часть капитала, перемѣнная часть его, скажемъ мы, держась современной терминологіи. Какъ же это такъ можетъ быть, что перемѣнный капиталъ, т. е. одна часть національнаго капитала, равняется 9510 (см. таблицу), а весь національный капиталъ въ совокупности составляетъ лишь одну тысячу? Это явная несообразность. Но дѣло не ограничивается одной этой несообразностью. По смыслу таблицы прибавочная стоимость второго года равняется 1105 единицамъ. Выходитъ, что капиталъ, равный тысячѣ единицъ принесъ 1105 единицъ прибавочной стоимости. Значитъ уровень при-

бавочной стоимости равняется уже не 10,5%, а 110,5% и что въ третьемъ году у насъ употребляется въ дѣло уже капиталъ, равный 2105 (т. е. 1000+1105). При такомъ ходѣ его возрастанія онъ будетъ увеличиваться гораздо быстрѣе, чѣмъ предположено въ таблицѣ Чернышевскаго. Какъ же объяснить эту новую несообразность? Вѣроятно, мы опять ошибаемся. Вѣроятно, капиталъ второго года равняется десяти тысячамъ, т. е. что въ него вошла воспроизведенная работниками стоимость заработной платы перваго года (9000) и созданная ихъ трудомъ прибавочная стоимость. Если онъ приноситъ 10,5 проц. прибавочной стоимости, то къ концу этого года онъ долженъ возрасти до одиннадцати тысячъ пятидесяти единицъ (11,050). Эти 11,050 единицъ и будутъ составлять продуктъ этого года. Но по расчету Чернышевскаго выходитъ иначе. По его расчету оказывается, что продуктъ второго года равняется лишь десяти тысячамъ шести стамъ пятнадцати един. (10,615). Если изъ этой суммы продукта вычтемъ десять тысячъ капитала, то на прибавочную стоимость остается лишь 6,15 проц. „прибыли“. Но и это еще не все. Изъ таблицы Чернышевскаго мы видимъ, что заработная плата второго года равняется уже не 9000, а 9510. Заработная плата могла вырасти только на счетъ прибавочной стоимости. Вычтемъ же изъ этой послѣдней ту сумму, на которую увеличилась заработная плата: 615—510=105. Итакъ, на „прибыль“ у насъ остается только 105 единицъ. Но если капиталъ въ 10,000 принесъ 105 единицъ „прибыли“, то это значитъ, что каждая сотня единицъ приноситъ лишь 1,05 (одну цѣлую пять сотыхъ), т. е. другими словами, что нашъ капиталъ приноситъ лишь 1,05 процента. А это противорѣчитъ нашему предположенію, по которому капиталъ приноситъ 10,5 проц. прибыли. Чтобы остаться вѣрными этому предположенію, мы должны принять, что продуктъ второго года равняется 11,050 ед.; другими словами, что его стоимость равняется стоимости затраченнаго капитала, въ соединеніи съ прибавочной стоимостью или, какъ сказалъ бы Чернышевскій, съ прибылью, которая сама составляетъ 10,5% капитала. Иначе и быть не можетъ. Если мы говоримъ, что данный капиталъ принесъ 10,5% прибыли, то это значитъ, что въ стоимости продукта, во-первыхъ, воспроизводится стоимость капитала, а во-вторыхъ,— къ этой воспроизведенной стоимости капитала прибавляется еще новая стоимость: „прибыль“. Но если это такъ, то не можетъ произойти и того несоотвѣтствія „между суммою продукта“ и

„суммою прибыли", на которое указываетъ таблица Чернышевскаго. А таблица эта затѣмъ и составлена, чтобы доказать неизбѣжность такого несоотвѣтствія. Мы видимъ теперь, что она разбивается о свою собственную логику, и при томъ разбивается, такъ сказать, съ разныхъ сторонъ и на различные лады: логика одной рубрики (положимъ, рубрики—„сумма прибыли") разбиваетъ ее съ одной стороны и на одинъ ладъ, а логика другой, (скажемъ, рубрики—„сумма продукта") на другой ладъ и съ совершенно другой стороны. Это показываетъ, что въ самомъ основаніи таблицы лежатъ какія-то ошибки. И не трудно найти эти ошибки.

V.

Какъ составлена таблица Чернышевскаго? Ежегодный процентъ возрастанія продукта принятъ равнымъ 6,15; ежегодный процентъ возрастанія суммы прибыли—10,5. Есть ли какая-нибудь связь между этими двумя рубриками? Ни малѣйшей. Продуктъ растетъ совершенно независимо отъ роста прибыли, а слѣдовательно и отъ роста капитала; прибыль, а слѣдовательно и капиталъ—совершенно независимо отъ роста продукта. Прибыль вычитается, правда, каждый годъ изъ продукта, но растетъ она сама изъ себя и сама по себѣ, по особому закону, объясненія котораго мы напрасно стали бы искать въ ходѣ національнаго производства. Чернышевскій разсуждаетъ такъ: если бы первоначальная тысяча единицъ прибыли была положена въ банкъ и приносила ежегодно столько-то процентовъ, причемъ эти проценты постоянно прилагались бы къ ней, то она росла бы вотъ какимъ образомъ; слѣдовательно, законъ ея роста найденъ, остается только ежегодно вычитать изъ продукта ея постоянно возрастающую сумму, чтобы опредѣлить для каждаго даннаго года величину фонда рабочей платы. Рано или поздно фондъ этотъ начнетъ очень быстро уменьшаться, такъ какъ продуктъ не можетъ расти съ тою же быстротою, съ какой растетъ капиталъ. Такимъ образомъ, „гипотеза" возрастанія прибыли построена безъ всякаго вниманія къ конкретнымъ условіямъ производства и воспроизведенія капитала. Единственнымъ основаніемъ ея служитъ ариѳметическое правило сложныхъ процентовъ. А такъ какъ величина „фонда рабочей платы" зависитъ отъ величины „суммы прибыли", то выходитъ, что и законъ рабочей платы опредѣляется въ по-

слѣднемъ счетѣ тѣмъ же правиломъ процентовъ. Мы видимъ изъ таблицы, что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій фондъ рабочей платы растетъ очень быстро. Въ сорокъ первомъ году онъ оказывается въ шесть разъ больше, чѣмъ былъ первоначально. Почему же онъ выросъ такъ значительно? Просто потому, что возрастала та разность, которая получалась отъ вычитанія суммы прибыли изъ суммы продукта. Капиталисты отсчитали себѣ то, что имъ слѣдовало, а затѣмъ весь остатокъ отдали рабочимъ, не присвоивъ себѣ изъ него ни одной копѣйки. Ариѳметика рѣшаетъ весь вопросъ, отъ нея зависитъ все распредѣленіе продукта; дѣйствительныя отношенія труда къ капиталу совершенно исчезаютъ изъ нашего кругозора. А отчего зависитъ ростъ продукта, чѣмъ опредѣляется ходъ національнаго производства? Онъ опредѣляется тоже ариѳметикой: продуктъ растетъ тоже по сложнымъ процентамъ, но только процентъ его возрастанія меньше процента возрастанія суммы прибыли. Все дѣло изображется такъ, какъ будто у насъ есть два банка, изъ которыхъ одинъ принялъ въ видѣ вклада первоначальную сумму продукта, платя на нее по 6,15% въ годъ, а другой принялъ первоначальную сумму прибыли и платитъ за нее по 10,5%. Намъ остается только принять къ свѣдѣнію эти операціи и смотрѣть, съ какой удивительной быстротой прибыль догоняетъ и даже перегоняетъ продуктъ въ своемъ ростѣ. Но вѣдь капиталъ не можетъ приносить прибыль иначе, какъ будучи употребленъ на производство, а будучи употребленъ на производство, онъ воспроизводитъ свою стоимость въ стоимости продукта; а воспроизводя свою стоимость въ стоимости продукта, и притомъ, воспроизводя ее съ извѣстной прибылью,—т. е. всегда составляя лишь часть стоимости продукта,—онъ не можетъ перерасти цѣлое, не можетъ имѣть большую стоимость, чѣмъ продуктъ. Отсюда слѣдуетъ, что какова бы ни была въ дѣйствительности „тенденція прибыли“, она порождается не тою причиной, на которую указываетъ Чернышевскій. Это становится очевиднымъ тотчасъ же, какъ только мы покидаемъ область абстракціи и принимаемъ въ соображеніе дѣйствительныя условія воспроизведенія капитала.

Но позвольте, скажетъ читатель. Откуда же вы взяли, что стоимость капитала не можетъ перерасти стоимость ежегоднаго продукта страны. Стоимость капитала не только можетъ, но и непремѣнно должна быть больше стоимости продукта. Капиталъ подраздѣляется, какъ вамъ извѣстно, на постоянный и на перемѣнный капи-

талъ (заработная плата). Перемѣнный капиталъ, дѣйствительно, цѣликомъ воспроизводится въ стоимости продукта. Но что касается *постояннаго* капитала, то онъ переноситъ на продуктъ *только часть* своей стоимости. Орудія труда, фабричныя зданія и тому подобныя части тѣла постояннаго капитала служатъ для производства въ теченіе многихъ лѣтъ; ихъ ежегодное изнашиваніе сравнительно не велико; поэтому не велика и та часть ихъ стоимости, которая переносится на продуктъ даннаго года. Достаточно имѣть хоть нѣкоторое понятіе объ экономикѣ капиталистическихъ странъ, чтобы знать, что годовой продуктъ любой изъ странъ гораздо меньше общей суммы находящагося въ ней капитала. И Чернышевскій вполнѣ правъ, если имѣетъ въ виду этотъ всѣмъ извѣстный фактъ, утверждая, что національный капиталъ растетъ быстрѣе національнаго продукта.

Несомнѣнно, что Чернышевскій избѣжалъ бы многихъ ошибокъ, если бы принялъ въ соображеніе существенное различіе составныхъ частей капитала. Однако, онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. Въ своихъ примѣрныхъ расчетахъ онъ совершенно забылъ о постоянномъ капиталѣ. Въ этомъ случаѣ его ввелъ въ ошибку Д. С. Милль. По мнѣнію Милля, во всемъ процессѣ производства „всѣ затраты состоятъ исключительно изъ рабочей платы". Понятно, что при такомъ взглядѣ на „издержки производства", стоимость всякаго товара сводится къ формулѣ: рабочая плата (издержки производства, какъ сказалъ бы Милль, перемѣнный капиталъ,— скажемъ мы) + прибыль (т. е. прибавочная стоимость). Въ этой формулѣ не отводится опредѣленнаго мѣста для постояннаго капитала, или, вѣрнѣе, для переносимой на данный продуктъ части его стоимости. Чернышевскій принялъ эту формулу безъ всякихъ поправокъ и оговорокъ, а она очень нуждалась въ нихъ. Когда Милль говорилъ, что въ стоимость товара входятъ только два элемента: рабочая плата и прибыль, то подъ рабочей платой онъ, *по крайней мѣрѣ иногда*, понималъ не только плату рабочихъ, трудившихся *въ данномъ году* надъ производствомъ этого товара. Онъ имѣлъ въ виду также и плату рабочихъ, приготовившихъ сырой матерьялъ и другія средства производства. А всѣ эти средства производства могутъ представлять собою продуктъ труда предыдущаго года или даже предыдущихъ лѣтъ. То же по отношенію къ прибыли. Въ формулѣ: *рабочая плата + прибыль* должна быть принимаема въ соображеніе прибыль всѣхъ тѣхъ предпринимателей, черезъ руки которыхъ прошли средства

производства въ процессѣ своего изготовленія. Понятая такимъ образомъ, формула эта выражаетъ очень плохое пониманіе факта перенесенія стоимости производительныхъ средствъ на стоимость даннаго товара; но она все-таки считается съ этимъ фактомъ. Чернышевскій же при составленіи своей таблицы придалъ другой смыслъ этой формулѣ. Пользуясь ею, онъ подъ прибылью и подъ рабочей платой понималъ плату и прибыль, получаемыя участникомъ производства только въ томъ году, къ которому относится его расчетъ. Это уже большая ошибка, хотя надо признаться, что не легко было избѣжать ее при ошибочномъ видѣ разбираемой формулы стоимости. Посмотримъ же, къ чему привела Чернышевскаго его ошибка.

VI.

Національное богатство состоитъ изъ стоимостей. Общая сумма этихъ стоимостей можетъ быть выражена въ общей формулѣ стоимости. Въ этой общей формулѣ мы имѣемъ только два „элемента“: рабочую плату и прибыль, подъ которыми понимается плата и прибыль каждаго даннаго года. Выходитъ, что національное богатство каждой данной страны въ каждомъ данномъ году равняется рабочей платѣ, полученной въ этомъ году работниками, въ соединеніи съ прибавочной стоимостью, присвоенной эксплоататорами. При составленіи своей таблицы, Чернышевскій вездѣ принимаетъ это равенство. Вся она построена на томъ соображеніи, что „сумма богатствъ націи“ не можетъ расти такъ же быстро, какъ растетъ „прибыль“; „сумма богатствъ націи“ постоянно принимается равной „суммѣ продукта“ даннаго года. Всякому извѣстно, что „сумма продукта“ даннаго года далеко не то же, что „сумма богатствъ націи“. И тѣмъ не менѣе, эта ошибка Чернышевскаго не привела бы его къ новымъ ошибкамъ, если бы онъ „сумму національнаго продукта“ даннаго года не приравнивалъ къ суммѣ „рабочихъ платъ“ и „прибылей“ (прибавочной стоимости) этого года. Но изъ его формулы стоимости необходимо вытекало это новое равенство. Формула оставляетъ безъ вниманія постоянный капиталъ. Слѣдовательно, въ стоимости національнаго продукта остается мѣсто лишь для „прибыли“ и для рабочей платы. Вотъ почему и мы не принимаемъ въ соображеніе постояннаго капитала, дѣлая тѣ или другіе выводы изъ посылокъ Чернышевскаго.

Но что такое рабочая плата? Это перемѣнный капиталъ. Воспроизводится ли онъ въ стоимости продукта? Безъ сомнѣнія, воспроизводится. Если весь капиталъ страны сводится къ оборотному капиталу, то можетъ ли стоимость суммы продукта быть меньше суммы затраченнаго на ея производство капитала? Ни въ какомъ случаѣ. Стоимость „суммы продукта" будетъ равняться суммѣ капитала + сумма прибыли. Капиталъ всегда будетъ составлять лишь часть стоимости продукта. Можетъ ли часть перерасти цѣлое? Не можетъ. Значитъ не можетъ быть и несоотвѣтствія между ростомъ капитала и ростомъ продукта или ростомъ „суммы богатства націи".

Намъ могутъ замѣтить еще, что Чернышевскій говоритъ собственно о ростѣ „суммы прибыли", а не о ростѣ капитала. Это такъ. Но вѣдь прибыль постоянно прилагается у него къ капиталу, т. е. постоянно превращается въ капиталъ. Прибыль одного года становится капиталомъ слѣдующаго года. Только при этомъ условіи она и можетъ въ свою очередь становиться источникомъ прибыли. А такъ какъ, кромѣ того, Чернышевскій предполагаетъ неизмѣнный уровень прибыли, то ясно, что ростъ ея „суммы" тождественъ съ ростомъ капитала.

Принимаемая Чернышевскимъ формула стоимости по прямому смыслу своему вовсе не доказываетъ противоположности интересовъ труда и капитала. Стоимость товара равняется рабочей платѣ + прибыль. Если рабочая плата низка, то у защитниковъ капитала оказывается наготовѣ очень хорошая уловка: чѣмъ выше прибыль, тѣмъ скорѣе растетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ расти капиталъ. А капиталъ цѣликомъ затрачивается на рабочую плату. Слѣдовательно, чѣмъ выше прибыль, тѣмъ больше данныхъ для возрастанія фонда рабочей платы, т. е. для повышенія заработной платы. Такимъ образомъ, капиталъ оказывается чѣмъ-то въ родѣ того копья, которое само исцѣляло наносимыя имъ раны: если рабочимъ трудно приходится теперь подъ ярмомъ капитала, то именно трудность-то современнаго ихъ положенія и несетъ въ себѣ залогъ лучшаго будущаго. Излишне напоминать, что задача Чернышевскаго заключается именно въ опроверженіи этихъ апологетическихъ выводовъ. Но онъ могъ опровергать ихъ только при одномъ условіи: именно, разсматривая принятую имъ формулу стоимости съ самой отвлеченной и односторонней точки зрѣнія. Формула грѣшитъ тѣмъ, что въ ней отведено мѣсто только перемѣнному капиталу. Это уже само по себѣ достаточно одно-

сторонне, и только благодаря такому одностороннему взгляду на капиталъ и можно утверждать, что весь приростъ капитала идетъ на увеличеніе „фонда рабочей платы“. Но, говоря, что весь приростъ капитала идетъ на увеличеніе фонда рабочей платы, мы предполагаемъ воспроизведеніе капитала. Наши посылки абстрактны и односторонни. Представьте же себѣ, что мы дѣлаемъ еще нѣсколько шаговъ въ смыслѣ отвлеченности. Прежде мы оставляли безъ вниманія постоянный капиталъ, т. е. одно изъ необходимыхъ условій производства. А теперь мы оставляемъ безъ вниманія весь вообще процессъ производства и воспроизведенія капитала. Во что обращается наша формула стоимости? Отъ нея отлетаетъ послѣднее дыханіе жизни; она становится мертвой абстракціей, которая не только не напоминаетъ намъ о движеніи дѣйствительнаго экономическаго процесса, но какъ бы приглашаетъ совершенно позабыть о немъ, ведя насъ къ новымъ и новымъ ошибкамъ. Стоимость товара, а слѣдовательно и національное богатство, а слѣдовательно и „сумма продукта“ = рабочая плата + прибыль, вотъ все, что говоритъ намъ эта формула. Какъ создается національный продуктъ? Этого не видно изъ нея, и мы, не углубляясь въ вопросъ, „предполагаемъ“, что „сумма продукта“ ежегодно растетъ на 6,15%. Какія превращенія переживаетъ, прибыль прилагаемая къ капиталу и, въ свою очередь, становящаяся источникомъ прибыли? Иначе сказать, при какихъ условіяхъ прибыль становится капиталомъ? Этого опять не видно изъ нашей формулы, и мы, не углубляясь въ вопросъ, опять разрѣшаемъ его простымъ предположеніемъ о томъ, что „сумма прибыли“ увеличивается быстрѣе суммы продукта, ежегодно возрастая на 10,5%. Что такое „фондъ рабочей платы“? Какъ относится онъ къ капиталу? Представляетъ ли онъ собою часть капитала, весь капиталъ, или можетъ быть, его нужно разсматривать, какъ особую экономическую категорію? Наша формула основана на томъ предположеніи, что „всѣ затраты состоятъ изъ рабочихъ платъ“, т. е., иначе сказать, что капиталъ и фондъ рабочей платы—одно и то же. Но если разсматривать ее независимо отъ процесса воспроизведенія, то она не напоминаетъ даже и объ этой, на самомъ дѣлѣ, невѣрно выраженной связи между капиталомъ и „фондомъ рабочей платы“. Въ этомъ случаѣ наша формула говоритъ намъ только то, что по мѣрѣ увеличенія „суммы прибыли“ уменьшается „фондъ рабочей платы“. Это кажется очевиднымъ уже безъ всякихъ предположеній: для каждаго даннаго года „сумма продукта“ есть величина

опредѣленная, и потому, чѣмъ больше вычитаемое, прибыль, тѣмъ меньше разность, доля рабочаго класса. Но мы уже предположили, что сумма продукта, уменьшаемое, растетъ медленнѣе вычитаемаго. Ясно, что рано или поздно фондъ рабочей платы долженъ сойти на нѣтъ, т. е., что возрастаніе прибыли ведетъ насъ къ „невозможному состоянію общества“. Теперь намъ остается только пояснить наши выводы примѣрными ариѳметическими выкладками,— и наше дѣло сдѣлано: мы доказали то, чего не замѣтилъ ни одинъ экономистъ Смитовской школы. Само собою разумѣется, что наши пояснительныя выкладки будутъ отличаться такою же отвлеченностью, какъ и весь нашъ анализъ формулы стоимости: ариѳметика не можетъ напомнить намъ о конкретныхъ условіяхъ экономическаго процесса производства. И вотъ мы пишемъ одинъ рядъ цифръ, показывающихъ ростъ продукта; возлѣ него располагается другой рядъ цифръ, изображающихъ ростъ „суммы прибыли“. Въ основѣ каждаго изъ этихъ рядовъ лежатъ только наши предположенія; ряды эти не связаны одинъ съ другимъ никакою внутренней зависимостью; ихъ взаимное отношеніе есть чисто внѣшнее отношеніе вычитаемаго къ уменьшаемому. Въ результатѣ вычитанія получится новый рядъ цифръ, изображающихъ разность,— „фондъ рабочей платы“, который опять-таки связанъ съ другими рядами цифръ одною ариѳметическою зависимостью, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному ходу производства и воспроизведенія. Но какъ бы то ни было, наша цѣль, повидимому, достигнута, противоположность интересовъ труда и капитала доказана „математически“; буржуазные сикофанты опровергнуты. Однако, какой пріемъ употребили мы для ихъ опроверженія? Въ нашемъ распоряженіи были извѣстныя посылки, очень односторонніе и потому ошибочныя. Мы признали справедливость этихъ ошибочныхъ посылокъ, но для избѣжанія вытекающихъ изъ нихъ апологетическихъ выводовъ мы сдѣлали новую ошибку, мы представили ошибочный анализъ ошибочной формулы стоимости. Мы боролись противъ абстракціи посредствомъ новой и еще большей абстракціи. Неудивительно, что наши разсужденія оказываются неправильными; что составленная нами таблица поминутно разбивается о логику то одного, то другого изъ своихъ собственныхъ рядовъ.

VII.

Что все разсужденіе Чернышевскаго о ростѣ прибыли основано на ошибочномъ анализѣ формулы стоимости, видно, между про-

чимъ, изъ слѣдующаго. По его словамъ, дѣйствительность расходится съ „математическимъ закономъ“; „сумма прибыли“ растетъ на самомъ дѣлѣ не такъ скоро, какъ того можно ожидать на основаніи таблицы. И происходитъ это по причинамъ, лежащимъ „въ натурѣ человѣка“. Чѣмъ больше растетъ капиталъ любого „коммерческаго предпріятія“, чѣмъ обширнѣе становится дѣло, тѣмъ больше выходятъ его подробности изъ-подъ прямого контроля хозяина. Все большая и большая часть надзора за веденіемъ дѣла переходитъ въ руки наемныхъ распорядителей. „Кто же не знаетъ, какъ ведется дѣло наемнымъ распорядителемъ? Почти всегда небрежно и едва ли не въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстно... Но и въ самомъ хозяинѣ большей частью развивается небрежность соразмѣрно увеличенію его капитала. По нашей поговоркѣ, копѣйка рубль бережетъ; но скучно слѣдить за копѣйками тому, у кого прежніе рубли разрослись въ тысячи... Процентъ прибыли уменьшается съ увеличеніемъ имущества, на которое идетъ прибыль. Это—фактъ, до такой степени всеобщій, что въ Англіи уже никто не станетъ спорить, если вы скажете: процентъ прибыли, получаемой коммерческимъ человѣкомъ съ его капитала, обратно пропорціоналенъ размѣру его капитала... Но это еще не все. Пока благосостояніе человѣка ростетъ до степени, сообразной съ его разумными нуждами, человѣкъ становится все разсудительнѣе и разсудительнѣе. Но есть размѣръ средствъ, превышающій силу обыкновеннаго человѣческаго благоразумія. Каждый знаетъ, вѣрна ли поговорка: съ жиру бѣсится... Очень не рѣдки примѣры людей, глупѣющихъ по мѣрѣ своего обогащенія... Но если часто встрѣчаются и примѣры противоположнаго, если остаются до конца бережливы и благоразумны люди, разбогатѣвшіе собственными усиліями, то рѣдко уже бываютъ таковыми ихъ дѣти: то, что накоплено отцомъ, проматывается сыномъ,—это обыкновенная исторія“ *).

Можно было бы сдѣлать не мало возраженій на всѣ эти доводы. Но мы не споримъ съ Чернышевскимъ, а стараемся выяснить его взгляды. Поэтому мы просимъ читателя обратить вниманіе лишь на общую мысль нашего автора. Она сводится, если мы не ошибаемся, къ тому, что „сумма прибыли“ не растетъ со всею возможною для нея быстротою единственно по винѣ самихъ предпринимателей, или, если вамъ угодно, по винѣ человѣческой при-

*) Тамъ же, стр. 404.

роды, которая не можетъ быть иною при данныхъ обстоятельствахъ. Ростъ „суммы прибыли“ замедляется вслѣдствіе того, что по мѣрѣ обогащенія буржуазіи растутъ всякаго рода непроизводительныя затраты. Это вѣрно. Но припомнимъ нашу таблицу. Она показываетъ, что чѣмъ больше „сумма прибыли“, тѣмъ меньше фондъ рабочей платы. Непроизводительныя затраты замедляютъ ростъ „суммы прибыли“, слѣдовательно, онѣ замедляютъ и уменьшеніе фонда рабочей платы. Слѣдовательно, непроизводительныя траты, роскошь и мотовство буржуазіи, полезны для рабочаго класса: чѣмъ больше мотовства, тѣмъ больше шансовъ для роста или, по крайней мѣрѣ, для менѣе быстраго уменьшенія фонда рабочей платы. Это ли хотѣлъ сказать Чернышевскій? Склоненъ ли онъ былъ оправдывать роскошь высшихъ классовъ соображеніями о благѣ рабочихъ? Рѣшительно нѣтъ. Въ его сочиненіяхъ можно найти не мало хорошихъ страницъ, которыя посвящены доказательству прямо противоположнаго взгляда. Но вѣдь, — не правда ли? — говоря, что мотовство высшихъ классовъ полезно рабочимъ, мы дѣлаемъ совершенно вѣрный выводъ изъ таблицы Чернышевскаго? Стало быть, онъ опять впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой? И да, и нѣтъ. Ему просто не пришла въ голову мысль о возможности сдѣланнаго нами вывода, а не пришла по той простой причинѣ, что онъ при составленіи своей таблицы забылъ обо всѣхъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ производства, помня только то, что разъ дана сумма продукта, доля рабочаго класса будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше прибыль и наоборотъ. Попробуйте забыть о воспроизведеніи капитала при анализѣ формулы: сумма продукта = рабочая плата + прибыль. Вы и сами скажете, что отъ какихъ бы причинъ ни уменьшалась сумма прибыли, рабочему классу выгодно ея уменьшеніе. Вѣдь вопросъ о мотовствѣ высшихъ классовъ есть именно вопросъ о воспроизведеніи капитала въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Упустивъ изъ виду воспроизведеніе, вы естественно упускаете изъ виду и вопросъ объ экономическомъ значеніи мотовства. А когда вы вспомните о воспроизведеніи капитала, то вспомните и о вредномъ значеніи мотовства, буржуазнаго и барскаго „прожиганія жизни“. Тогда вы не скажете, что отъ какихъ бы причинъ ни происходило уменьшеніе „суммы прибыли“, оно во всякомъ случаѣ выгодно рабочимъ. Вы будете помнить, что если „сумма прибыли“ уменьшается вслѣдствіе уменьшенія размѣровъ національнаго капитала, то ея уменьшеніе при прочихъ равныхъ

условіяхъ означаетъ уменьшеніе суммы продукта. Ростъ этой суммы продукта перестанетъ представляться вамъ въ томъ абстрактномъ видѣ, въ какомъ его изображаетъ таблица Чернышевскаго. Вы сейчасъ же увидите, что между ростомъ продукта и ростомъ капитала существуетъ тѣсная связь, ни мало не выражаемая внѣшнимъ отношеніемъ уменьшаемаго къ вычитаемому.

Но какая же именно связь? Что касается этого вопроса, то вашъ отвѣтъ на него опредѣлится опять таки вашими понятіями о производственныхъ отношеніяхъ и объ условіяхъ воспроизведенія капитала. Если на эти отношенія и на эти условія вы смотрите глазами, напримѣръ, Милля, то вы и скажете объ этой связи то же, что говорилъ Милль. А если вы смотрите на нихъ какъ-нибудь иначе, то вы по необходимости разойдетесь съ Миллемъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ для васъ будутъ совершенно безполезны здѣсь тѣ выводы, къ которымъ вы пришли, позабывъ о воспроизведеніи капитала. Обязанные своимъ происхожденіемъ неумѣстной абстракціи, они, вѣроятно, будутъ позабыты вами тотчасъ же, какъ только вы покинете область односторонніхъ отвлеченностей и хоть одной ногой станете на реальную экономическую почву.

По крайней мѣрѣ, такъ случилось съ Чернышевскимъ. Въ главѣ—„Прибыль“ онъ противопоставляетъ капиталъ „фонду рабочей платы“ и утверждаетъ, что чѣмъ быстрѣе растетъ капиталъ, тѣмъ болѣе прибыль стремится поглотить рабочую плату, и что это происходитъ одинаково какъ при размножающемся, такъ и при неразмножающемся населеніи. То же говоритъ онъ въ главѣ—„Рента“. Но перейдя къ вопросу о „вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату“, онъ высказывается уже совсѣмъ въ другомъ духѣ. „Если бы при возрастаніи капитала населеніе не возрастало,—пишетъ онъ,—то стала бы возвышаться рабочая плата; слѣдовательно, прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль—остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы.. Эта тенденція прибыли къ пониженію задерживается или непроизводительною растратою капитала, или перенесеніемъ капитала въ другія страны, или улучшеніями производительныхъ процессовъ. Непроизводительною растратою капиталовъ (напр., отъ праздной роскошной жизни, или отъ коммерческихъ кризисовъ) уменьшается размѣръ капитала, значитъ, уменьшается и рабочая плата; а если рабочая плата уменьшается, то, конечно, увеличи-

вается остатокъ продукта, составляющій прибыль. Перенесеніемъ капитала за границу точно также уменьшается сумма его, остающаяся въ странѣ. Наконецъ, улучшеніями производительныхъ процессовъ понижается стоимость производства, а ея пониженіе при нынѣшнемъ бытѣ обыкновенно влечетъ за собою пониженіе рабочей платы; если же рабочая плата уменьшается, то возростаетъ остатокъ продукта, получаемый капиталистомъ за вычетомъ рабочей платы" *).

Итакъ, чѣмъ болѣе растетъ капиталъ, тѣмъ болѣе увеличивается, при прочихъ равныхъ условіяхъ, и фондъ рабочей платы. Если бы вы, припомнивъ вышеприведенную таблицу, возразили на это, что быстрый ростъ капитала означаетъ также и быстрый ростъ „суммы прибыли", а, слѣдовательно, и уменьшеніе „фонда рабочей платы", то Чернышевскій указалъ бы вамъ на пониженіе уровня прибыли, вслѣдствіе котораго сумма ея можетъ остаться неизмѣнной, несмотря на увеличеніе размѣровъ національнаго капитала. Необходимость пониженія уровня прибыли доказывается ссылкой на то обстоятельство, что прибыль есть „остатокъ изъ продукта за вычетомъ рабочей платы", подобно тому, какъ необходимость уменьшенія размѣровъ фонда рабочей платы доказывалась тѣмъ соображеніемъ, что рабочая плата есть остатокъ изъ продукта за вычетомъ прибыли. Все это очень затрудняетъ пониманіе мыслей Чернышевскаго. Вы спрашиваете себя, каковъ же окончательный выводъ его: стремится, или же не стремится „сумма прибыли" поглотить рабочую плату при быстромъ ростѣ капитала и при неразмножающемся населеніи? Это затрудненіе, которое испыталъ, вѣроятно, всякій, кто внимательно читалъ „Очерки изъ политической экономіи", разрѣшается очень просто. Въ главѣ, посвященной вопросу о прибыли, онъ позабываетъ о воспроизведеніи капитала, а въ главѣ, посвященной вопросу о вліяніи экономическаго процесса на рабочую плату, онъ вспоминаетъ о немъ и, вводя этотъ новый элементъ въ свои разсужденія, онъ, естественно, приходитъ къ новымъ выводамъ. Но, вспомнивъ о воспроизведеніи капитала, онъ вовсе не отказывается отъ своей формулы стоимости. Онъ только разсматриваетъ ее въ движеніи, между тѣмъ какъ прежде разсматривалъ ее въ абстрактномъ, неподвижномъ видѣ. Онъ покидаетъ область абстракцій и потому приближается къ правильному взгляду на дѣло Но онъ не совсѣмъ покидаетъ ее: его формула стоимости сама пред-

*) Тамъ же, стр. 533—534.

ставляетъ собою не болѣе, какъ ошибочную абстракцію. Поэтому, хотя онъ и анализируетъ ее теперь съ болѣе правильной точки зрѣнія, онъ все-таки приходитъ къ совершенно ошибочному выводу. Въ дѣйствительности ростъ національнаго капитала далеко не всегда сопровождается увеличеніемъ спроса на рабочую силу. Спросъ этотъ зависитъ не отъ общей „суммы“ капитала, а отъ величины перемѣннаго капитала, т. е. именно того капитала, который идетъ на покупку рабочей силы. Если съ увеличеніемъ общей суммы капитала уменьшается перемѣнная часть его, то спросъ на рабочую силу падаетъ. Статистика западно-европейскихъ странъ, въ особенности въ Англіи, неоспоримо доказываетъ, что на извѣстной ступени развитія капитализма ростъ капитала совершается параллельно съ ростомъ относительно-излишняго рабочаго населенія. Собственно говоря, Чернышевскій вполнѣ допускалъ возможность такого явленія, да и не могъ не допускать ее, такъ какъ она была доказана еще Рикардо. Чернышевскій придерживается подраздѣленія капитала „на оборотный, потребляемый и воспроизводимый одною операціею производства, и основной капиталъ, служащій цѣлому длинному ряду производственныхъ операцій“. По смыслу этого подраздѣленія выходитъ, что капиталъ, называемый теперь перемѣннымъ, или, какъ говорилъ Чернышевскій, „продовольствіе работниковъ“, составляетъ значительную или даже „главную часть оборотнаго капитала“. Съ развитіемъ машиннаго производства часть оборотнаго капитала переходитъ въ—основной, а „это значитъ, что та сумма продовольствія, которая ежедневно потреблялась и воспроизводилась работниками, берется изъ ихъ потребленія, чтобы впослѣдствіи воспроизводиться лишь гораздо меньшими частями *). Отсюда уже совершенно ясно, что ростъ капитала можетъ, смотря по обстоятельствамъ, вести какъ къ увеличенію, такъ и къ уменьшенію „фонда рабочей платы“. Но Чернышевскій не дѣлаетъ никакихъ выводовъ изъ этого чрезвычайно важнаго соображенія. По поводу его онъ ограничивается замѣчаніемъ: „Безъ вреда для работниковъ можетъ поступить въ основной капиталъ только тотъ излишекъ ежегодныхъ новыхъ сбереженій, какой остается за полнымъ воспроизведеніемъ прежняго оборотнаго капитала, съ прибавкою процента, соотвѣтствующаго приращенію населенія страны“ **). Это сказано имъ при разборѣ взглядовъ Милля на „трудъ и капи-

*) Тамъ же, стр. 155—156.

**) Тамъ же, та же стр.

талъ, какъ элементы производства". Въ ученіи же о распредѣленіи, которое разсматривается имъ совершенно независимо отъ производства, онъ, какъ мы видѣли, забываетъ не только объ отношеніи основного капитала къ оборотному, но и о самомъ существованіи какъ основного капитала, такъ и той части оборотнаго, которая не идетъ на покупку рабочей силы. Тамъ весь капиталъ сводится у него къ „продовольствію рабочихъ". Поэтому тамъ не можетъ быть и рѣчи объ измѣненіи относительной величины составныхъ частей и капитала. Но даже и тамъ, въ ученіи о распредѣленіи, онъ не сводитъ въ одно цѣлое своихъ взглядовъ на прибавочную стоимость. Въ главѣ о прибыли онъ дѣлаетъ къ буржуазному ученію о ней извѣстное уже намъ пополненіе, которое считаетъ очень важнымъ. А въ главѣ о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату онъ совершенно забываетъ объ этомъ пополненіи и повторяетъ тѣ самые взгляды экономистовъ на движеніе прибавочной стоимости, которые, казалось, были окончательно опровергнуты „пополненіемъ".

VIII.

Иначе и быть не могло. Теорія стоимости не даромъ считается краеугольнымъ камнемъ науки о хозяйствѣ буржуазнаго общества. Не имѣя яснаго понятія о стоимости вообще, Чернышевскій не могъ подвергнуть основательной критикѣ ученіе вульгарныхъ экономистовъ о прибавочной стоимости. Возможность такой критики исключалась уже просто отношеніемъ его къ буржуазной экономіи. Возражая вульгарнымъ экономистамъ, онъ въ то же время цѣликомъ и безъ всякой провѣрки принималъ многія основныя „теоремы" буржуазной экономіи, причемъ и теоремы эти онъ бралъ не у классиковъ буржуазной экономіи, а у исполненнаго противорѣчій Милля. Къ теоріямъ Милля онъ и дѣлалъ свои пополненія. Въ основѣ пополненій часто лежали очень важныя и остроумныя мысли, свидѣтельствующія, какъ о замѣчательномъ, рѣдкомъ умѣ Чернышевскаго, такъ и о горячихъ симпатіяхъ его къ рабочему классу. Но развивая эти мысли, Чернышевскій не переставалъ,—и не могъ перестать,—быть утопистомъ. Сдѣланныя имъ пополненія имѣютъ совершенно утопическій характеръ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, сталкиваясь съ основными теоремами, они скоро утрачиваютъ всякое вліяніе на разсужденія

Чернышевскаго, такъ что въ послѣдующихъ главахъ ему поневолѣ приходится повторять выводы буржуазныхъ экономистовъ, повидимому такъ блистательно, съ такою горячностью, ироніей и остроуміемъ опровергнутые въ — предыдущихъ. Какъ много вредилъ ему при всемъ этомъ его абстрактный гипотетическій методъ, позволяющій разсматривать экономическія явленія внѣ ихъ взаимной жизненной связи, одно послѣ другого и одно независимо отъ другого, мы уже говорили не разъ. Трудно открыть что-либо при помощи такого метода, замѣтили мы въ первой главѣ. Теперь прибавимъ—и читатель, надѣемся, согласится съ нами,—что употребляя этотъ методъ легко надѣлать множество самыхъ неожиданныхъ ошибокъ. Пополняя Милля, Чернышевскій, въ своемъ пристрастіи къ „математическому“ методу, дошелъ до самыхъ безтѣлесныхъ абстракцій, устранивъ изъ своихъ соображеній всѣ реальныя отношенія производства. Онъ опирался на одну ариѳметику и вдался, можно сказать, въ какой-то экономическій пиѳагореизмъ, ища въ „математическихъ законахъ“ причинъ экономическихъ явленій. Но математика не можетъ указать, да и не претендуетъ на указаніе причинъ общественной жизни или природы. Она только помогаетъ намъ опредѣлить количественную сторону дѣйствія этихъ причинъ. Сила свѣта обратно пропорціональна квадратамъ разстояній. Объясняетъ ли математика причину этого явленія? Нѣтъ, она только помогаетъ формулировать его законъ, предоставляя физикѣ отвѣчать на тѣ „почему?“, которыя могутъ возникнуть въ головѣ любознательнаго человѣка. Когда физика пытается сказать свое „потому“, математика опять очень услужливо является ей на помощь, но опять-таки и здѣсь предоставляетъ послѣднее слово физикѣ. Такъ же поступаетъ она и съ политической экономіей, если рѣчь идетъ о какомъ-нибудь экономическомъ явленіи. Математика—очень почтенная, очень полезная и очень услужливая наука. Но не надо злоупотреблять ея услужливостью, не надо задавать ей такія задачи, которыхъ рѣшить она не можетъ. Если вы вздумаете предъявлять ей неосновательныя требованія, она жестоко отомститъ за это, заведя васъ въ такія дебри абстракціи, изъ которыхъ трудно и выбраться безъ своевременной помощи той науки, къ области которой относится заинтересовавшее васъ явленіе. Да и не одна математика отличается подобной мстительностью. Она глубоко коренится въ характерѣ всѣхъ прочихъ наукъ. Вотъ, напримѣръ, людямъ, занимавшимся философіей

исторіи, приходила иногда мысль сводить къ законамъ физіологіи,—частью физіологіи растительныхъ процессовъ, а больше всего физіологіи нервной системы,—рѣшеніе вопроса о вліяніи природы на развитіе общественныхъ отношеній. И что же вышло? Умные люди, въ родѣ Монтескье, наговорили массу страшнаго, чисто ребяческаго вздора, который, правда, и до сихъ поръ повторяется по временамъ тоже весьма толковыми людьми, но на самомъ дѣлѣ только мѣшаетъ рѣшенію въ высшей степени важнаго научнаго вопроса. И нельзя удивляться появленію этого вздора. Стали задавать физіологіи историческія задачи, къ которымъ она не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого прямого отношенія; стали примѣнять ея „потому“ къ совершенно неподходящимъ случаямъ, ну и получились нелѣпости, отъ которыхъ дай Богъ поскорѣе отдѣлаться общественной наукѣ. Это въ порядкѣ вещей.

IX.

Математическая возможность даннаго явленія вовсе еще не ручается за то, что оно возможно въ природѣ или въ общественной жизни. Чернышевскій прекрасно зналъ и очень остроумно доказывалъ это. Вотъ что говоритъ онъ по поводу книги нѣмецкаго писателя Зюсмильха, на которую ссылался Мальтусъ. „Зюсмильхъ, между прочимъ, просилъ Эйлера составить таблицы возрастанія числа людей при разныхъ пропорціяхъ рожденій и смертностей. Эйлеръ бралъ разныя цифры, и при однихъ—періодъ удвоенія выходилъ очень длинный, при другихъ, разумѣется очень короткій, отъ 600 слишкомъ лѣтъ до 7 съ небольшимъ лѣтъ. Разумѣется, можно было бы вычислить періоды еще болѣе короткіе. Иное дѣло, если спросить, какой процентъ возрастанія допускается самимъ устройствомъ человѣческаго организма. Можно ли положить, чтобы въ дѣйствительности люди, при какихъ бы то ни было условіяхъ, могли размножаться по ежегодной прогрессіи приращенія въ 10% или въ 8%, или хоть въ 5%? Но Зюсмильхъ не спрашивалъ объ этомъ Эйлера; онъ только просилъ его составить таблицы удвоенія по сложнымъ процентамъ, при разныхъ величинахъ процента, въ томъ родѣ, какъ могъ бы просить его разсчитать, сколько пищи въ день понадобится человѣку при различныхъ величинахъ его роста, отъ 1 фута до 20 саженъ. Эйлеръ сказалъ бы, сколько пищи понадобится человѣку,

имѣющему ростъ въ 10 саженъ, имѣющему ростъ въ 11 саженъ и т. д. Словомъ сказать, Эйлеръ рѣшалъ тутъ задачу въ томъ родѣ, какія очень часто попадаются въ руководствахъ къ математикѣ или къ физикѣ. Напримѣръ: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстротою, какую имѣетъ въ первую секунду полета; или: что будетъ съ кускомъ желѣза, постепенно опускаемымъ въ колодезь, прорытый до центра земли? Математикъ очень правильно отвѣчаетъ, что ядро долетитъ до солнца во столько-то времени, кусокъ желѣза дойдетъ до степени краснаго каленія во столькихъ-то верстахъ ниже поверхности земли, до бѣлаго—во столькихъ-то, наконецъ, расплавится въ столькихъ-то верстахъ. При этомъ математику нѣтъ никакого дѣла разбирать, существуетъ ли предполагаемый колодезь, существуетъ ли пушка, брошенное которою ядро могло бы полетѣть дальше немногихъ верстъ: подразумѣвается само собою, что математика только группируетъ цифры, вовсе не ручаясь за ихъ дѣйствительность. Но вообразимъ себѣ, что прочиталъ рѣшеніе такихъ задачъ человѣкъ, забывшій или незнавшій, что надобно подразумѣвать это. Вообразимъ себѣ, что ему показалось, будто бы авторъ алгебраическаго руководства не просто сгруппировалъ цифры, а прямо говоритъ, будто всѣ эти выводы могутъ осуществиться на самомъ дѣлѣ. Какія поразительныя теоріи могутъ родиться въ головѣ такого человѣка! Онъ предложитъ, напримѣръ, раскалять желѣзо не кузнечными печами, а просто опусканіемъ на 20 верстъ подъ поверхность земли, или отбить ядромъ кусокъ луны, чтобы этотъ кусокъ упалъ на землю, и тогда мы знали бы, изъ чего состоитъ луна. Вотъ нѣчто въ этомъ самомъ родѣ случилось съ Мальтусомъ. Увидѣвъ цифры Эйлеровыхъ таблицъ, онъ прямо такъ и подумалъ, что населеніе можетъ удвоиваться въ 25, въ 20, въ 15, въ 10 лѣтъ и даже еще быстрѣе, какъ написано въ таблицахъ Эйлера у Зюсмильха. Если бы у него голова не была вся занята мыслью отыскать аргументъ противъ теоріи Годвина *), онъ, конечно, не сдѣлалъ бы такой опрометчивой ошибки; но въ таблицахъ Зюсмильха (Эйлера) онъ увидѣлъ нужный ему аргументъ, имя Эйлера ручалось за вѣрность вычисле-

*) Извѣстно, что Мальтусъ писалъ свой „Опытъ о законѣ народонаселенія“ для того, чтобы опровергнуть тогдашнія „системы равенства“, главнымъ образомъ взгляды Годвина, изложенные въ его книгѣ „Political justice“ (о политической справедливости).

ній, чего же больше?“ *). Это все очень хорошо, но оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, что и какъ случилось съ Мальтусомъ, мы замѣтимъ, что именно нѣчто въ этомъ родѣ случилось и съ Чернышевскимъ. Пополняя ученіе Милля о прибавочной стоимости, онъ именно только „группировалъ цифры“, совершенно забывая объ экономической дѣйствительности. И случилось это въ значительной степени по той же причинѣ, которою вызвана была, по его словамъ, опрометчивая ошибка Мальтуса: Чернышевскій имѣлъ въ виду исключительно только полемическую цѣль, руководствовался однимъ только желаніемъ оттѣнить невыгодныя стороны существующаго порядка. Математика ручалась, повидимому, за справедливость всѣхъ его разсчетовъ. Онъ и удовольствовался этимъ ручательствомъ. А какъ и отчего совершается дѣйствительное движеніе прибавочной стоимости, объ этомъ справиться онъ и не подумалъ.

Разборъ ученія Мальтуса предшествуетъ у Чернышевскаго изслѣдованію о прибыли. Такимъ образомъ, онъ *повторяетъ* ту ошибку, въ которой упрекаетъ Мальтуса, и повторяетъ уже послѣ того, какъ она была имъ самимъ указана. И мы увидимъ, что онъ не только въ изслѣдованіи о прибыли повторяетъ эту ошибку. Главное возраженіе его Мальтусу было построено на подобной же математической абстракціи.

Чернышевскій не хочетъ забавлять читателя „курьезными разсчетами“, доказывающими, что „если бы Адамъ положилъ въ банкъ одну копѣйку, то нынѣ каждому изъ насъ пришлось бы получить изъ банка массу золота, гораздо большую, чѣмъ какая могла бы помѣститься въ шарообразномъ мѣшкѣ, діаметромъ своимъ равняющемся всему поперечнику солнечной системы до орбиты Нептуна“ **). Почему же нѣтъ? Потому, что слишкомъ бросается въ глаза экономическая нелѣпость этого разсчета. Но въ примѣненіи къ фактамъ новѣйшей экономической жизни совершенно подобный же разсчетъ не кажется Чернышевскому нелѣпымъ и принимается, какъ нѣчто совершенно основательное. А между тѣмъ, вся разница заключается здѣсь *просто во времени*. „Чтобы соображеніе наше могло справиться съ цифрами, какія будутъ получаться у насъ, — говоритъ Чернышевскій, приступая къ составленію своей таблицы — мы должны ограничить

*) Тамъ же, стр. 248.

**) Тамъ же, стр. 393.

расчетъ временемъ, соотвѣтствующимъ дѣятельности одного поколѣнія, тридцатью годами" *). Но неосновательный расчетъ остается одинаково неосновательнымъ, какъ бы ни былъ коротокъ тотъ промежутокъ времени, къ которому онъ относится. При длинномъ промежуткѣ сами цифры, своею ни съ чѣмъ несообразною величиною, напоминаютъ намъ о дѣйствительности. При короткомъ промежуткѣ онѣ не дѣлаютъ этого, оставляя насъ въ заблужденіи относительно правильности нашихъ разсужденій. Въ этомъ вся выгода (или невыгода) короткихъ промежутковъ.

Во всемъ расчетѣ Чернышевскаго единственная ссылка на экономическую дѣйствительность заключается въ указаніи того обстоятельства, что нѣкоторые отдѣльные капиталы чрезвычайно быстро растутъ „по геометрической прогрессіи". „Начавъ свои обороты съ какою-нибудь сотнею рублей, человѣкъ становится въ 50 лѣтъ милліонеромъ". Но современному читателю едва ли нужно напоминать, что ростъ отдѣльныхъ и въ особенности торговыхъ капиталовъ можетъ быть причиненъ измѣненіями въ распредѣленіи національнаго дохода и вообще національнаго богатства, не сопровождаясь при этомъ возрастаніемъ общей суммы національнаго капитала, а, слѣдовательно, и общей суммы прибыли. Ростъ же національнаго богатства буржуазныхъ странъ нельзя объяснить иначе, какъ условіями воспроизведенія капитала.

Чернышевскій предполагаетъ въ своей таблицѣ, что „сумма продукта" равняется первоначально десяти тысячамъ, а черезъ шестьдесятъ лѣтъ разрастается до 360.000. И такой ростъ ея предполагается одинаково возможнымъ, какъ при размножающемся, такъ и при неразмножающемся населеніи, т. е. при неизмѣняющемся числѣ работниковъ. Что же изображаютъ собою различныя цифры, относящіяся къ рубрикѣ: сумма продукта? Онѣ не могутъ выражать ничего, кромѣ стоимости этой суммы. Но вѣдь стоимость создается трудомъ. Если стоимость товара А въ 36 разъ больше стоимости товара В, то это значитъ, что на производство товара В нужно въ 36 разъ меньше труда, чѣмъ на производство товара А. Если при неизмѣняющемся числѣ работниковъ стоимость продукта ихъ труда становится въ 36 разъ больше, чѣмъ была прежде, то это значитъ, что каждый работникъ вкладываетъ

*) Тамъ же, стр. 400.

теперь въ продуктъ въ 36 разъ больше труда, чѣмъ вкладывалъ первоначально *). А это ни въ какомъ случаѣ невозможно безъ увеличенія интенсивности труда и продолжительности рабочаго дня. Чернышевскій ничего не говоритъ ни о томъ, ни о другомъ. Даже болѣе. Какъ и у Милля, какъ и у Рикардо, какъ и у множества другихъ экономистовъ, продолжительность рабочаго дня и интенсивность труда всюду безмолвно принимаются у него за величины постоянныя **). Но при неизмѣнной интенсивности труда и при неизмѣнной продолжительности рабочаго дня стоимость продукта даннаго числа работниковъ остается неизмѣнною. Какъ же не замѣтилъ этого Чернышевскій? Дѣло въ томъ, что онъ и самъ едва ли ясно сознавалъ, что такое имѣетъ онъ въ виду, говоря о ростѣ „суммы продукта“: стоимость продукта, или же представляемое имъ вещественное богатство? Да съ той отвлеченной точки зрѣнія, на которую онъ сталъ при составленіи своей таблицы, не видно было и надобности въ строгомъ различеніи этихъ существенно различныхъ понятій.

Еще одно,—послѣднее,—замѣчаніе. Когда Чернышевскій упрекаетъ экономистовъ смитовской школы въ томъ, что они не замѣтили свойства прибыли расти по сложнымъ процентамъ, онъ невѣрно выражаетъ свою собственную мысль. Въ его таблицѣ „сумма продукта“ растетъ тоже по сложнымъ процентамъ. Если, тѣмъ не менѣе, прибыль поѣдаетъ въ ней весь продуктъ, то это происходитъ единственно потому, что процентъ ея возрастанія больше процента возрастанія продукта. Значитъ, дѣло не въ прогрессіи, а въ знаменателѣ прогрессіи. Можно бы и не говорить о такихъ мелочахъ. Но мы еще увидимъ, что неточность выраженій нашего автора нерѣдко вела за собою вовсе уже не мелочныя послѣдствія, причиняя ошибки въ его разсужденіяхъ.

X.

Однако, повторяемъ, совершенно справедлива та основная мысль, которую хотѣлъ доказать Чернышевскій. Съ развитіемъ капитализма

*) Еще разъ напоминаемъ, что у Чернышевскаго въ стоимость продукта не входитъ стоимость воспроизводимой въ немъ части постояннаго капитала.

**) Потому и онъ не пришелъ къ мысли о необходимости законодательнаго ограниченія рабочаго дня.

рабочая плата дѣйствительно составляетъ все меньшую и меньшую часть національнаго продукта. Теперь это доказано самымъ убѣдительнымъ образомъ, но доказано, разумѣется, не ариѳметикой, а статистикой. Къ статистикѣ и должны обратиться тѣ, которые захотѣли бы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ *). А кто, не сомнѣваясь въ сущности этого явленія, захотѣлъ бы найти удовлетворительное объясненіе его, тотъ долженъ былъ бы взглянуть на вопросъ объ относительномъ ростѣ прибавочной стоимости съ точки зрѣнія измѣняющихся условій воспроизведенія капитала, съ точки зрѣнія отношеній рабочихъ къ капиталистамъ. „Прибыль“ (прибавочная стоимость) стремится „поглотить рабочую плату“ потому, что съ развитіемъ капитализма отношенія эти все болѣе и болѣе измѣняются въ пользу предпринимателей. „Быстрый ростъ капитала является, по отношенію къ наемному труду, наивыгоднѣйшимъ изъ всѣхъ условій“ **). Рабочій прежде и чувствительнѣе всѣхъ платится за всякій застой въ историческомъ развитіи капитализма. А между тѣмъ „ростъ капитала вызываетъ несравненно болѣе быстрое возрастаніе конкурренціи, т. е. ведетъ къ несравненно болѣе быстрому относительному уменьшенію источниковъ заработка и средствъ существованія для рабочаго класса“ ***). Ростъ общей суммы капитала сопровождается уменьшеніемъ перемѣнной его части, и это происходитъ въ то время, когда, даже независимо отъ роста народонаселенія, увеличивается предложеніе рабочей силы: рядомъ со взрослыми рабочими на „рынкѣ труда“ являются дѣти, рядомъ съ мужчинами—женщины. Соперничество между продавцами рабочей силы страшно понижаетъ ея цѣну, которая падаетъ теперь ниже ея стоимости. Капиталисты блаженствуютъ. Руки и дешевы, и сговорчивы. Эксплуатація рабочихъ увеличивается въ неслыханной степени. А на ней основывается обогащеніе капиталистовъ. Вмѣстѣ съ ростомъ эксплуатаціи растетъ и уровень прибавочной стоимости, которая составляетъ все большую и большую долю національнаго продукта. И это еще не все. Мы сказали, что цѣна рабочей силы падаетъ ниже ея стоимости. Но если бы этого и не было, если бы капиталистъ покупалъ рабочую силу по ея дѣйствительной стоимости, то и тогда было бы неизбѣжно относительное умень-

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* См. нашъ отвѣтъ Г. П. Струве въ сборникѣ „Критика нашихъ критиковъ“.

**) Наемный Трудъ и Капиталъ, Карла Маркса.

***) Карлъ Марксъ, тамъ же.

шеніе доли рабочаго класса въ національномъ продуктѣ. Развитіе капитализма сопровождается увеличеніемъ производительности труда. Съ увеличеніемъ производительности труда удешевляется содержаніе работника, а такъ какъ стоимость рабочей силы опредѣляется стоимостью этого содержанія, то вполнѣ ясно, что съ увеличеніемъ производительности труда должна увеличиваться та доля національнаго продукта, которая остается у капиталиста за вычетомъ стоимости рабочей силы. Такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія капитализма отношенія производства все болѣе и болѣе измѣняются къ выгодѣ капиталистовъ и къ невыгодѣ работниковъ. Слѣдовательно, если „прибыль поглощаетъ рабочую плату", то причина этого лежитъ въ отношеніяхъ людей, а не въ качествахъ вещей и не въ отвлеченныхъ свойствахъ той или другой экономической категоріи. Говоря, что прибыль имѣетъ свойство увеличиваться въ той или другой прогрессіи, мы только выражаемъ извѣстнымъ образомъ экономическій фактъ, который не перестаетъ требовать отъ насъ своего объясненія. Нѣкоторые буржуазные экономисты ограничивали свои разсужденія о мѣновой стоимости указаніями на то, что предметы имѣютъ способность обмѣниваться другъ на друга въ извѣстной пропорціи. Такимъ образомъ, мѣновая стоимость оказалась однимъ изъ свойствъ вещей. Чернышевскій ищетъ причины относительнаго уменьшенія рабочей платы въ свойствахъ прибыли, т. е. въ свойствахъ одной изъ экономическихъ категорій. Но экономическія категоріи сами выражаютъ собою не что иное, какъ взаимныя отношенія людей, или цѣлыхъ классовъ людей, въ общественномъ процессѣ производства. Экономическая наука только тогда и стала на правильную точку зрѣнія, когда поняла это и занялась изслѣдованіемъ тѣхъ взаимныхъ отношеній, которыя скрываются за мнимыми качествами вещей и за таинственными свойствами экономическихъ категорій. Но необходимость этого, въ высшей степени важнаго, шага въ развитіи экономической науки еще не подозрѣвали ни Д. С. Милль, ни его переводчикъ и критикъ Н. Г. Чернышевскій.

Вернемся къ вопросу о прибавочной стоимости. Мы сказали, что по мѣрѣ развитія капитализма увеличивается ея уровень. Чернышевскій, пытавшійся доказать ту же самую мысль въ главѣ о прибыли, въ послѣдующихъ главахъ утверждаетъ, что слѣдствіемъ промышленнаго прогресса бываетъ пониженіе прибыли. „Въ передовыхъ странахъ прибыль вообще довольно близка къ minimum'у, а по достиженіи этого minimum'а перестаетъ воз-

растать капиталъ и наступаетъ такъ называемое неподвижное состояніе" *). Таковъ окончательный выводъ нашего автора. Мы уже говорили, что выводъ этотъ противорѣчитъ дѣйствительности. Но для того, чтобы со всѣхъ сторонъ выяснить себѣ взглядъ Чернышевскаго, мы должны сопоставить ученіе его о прибыли съ его же ученіемъ о поземельной рентѣ.

Глава седьмая.

Поземельная рента.

I.

Въ ученіи о поземельной рентѣ Чернышевскій, повидимому, строго держится взглядовъ Рикардо. Онъ зло смѣется надъ Кэри, пытавшимся опровергнуть теорію знаменитаго англійскаго экономиста **). Но излагая и защищая ученіе Рикардо, Чернышевскій не забываетъ и главной своей цѣли: оттѣненія невыгодныхъ сторонъ существующаго экономическаго порядка. Онъ замѣчаетъ, что въ видѣ ренты землевладѣлецъ присваиваетъ себѣ продуктъ неоплаченнаго труда. „Если угодно, вы можете доказывать—говоритъ онъ—что рента не входитъ въ издержки производства, что она не составляетъ лишняго расхода, а выражаетъ собою только экономію труда въ лучшихъ условіяхъ сравнительно

*) Тамъ же, стр. 536.

**) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Надо, однако, замѣтить, что въ одной изъ раннихъ своихъ статей Чернышевскій высказываетъ свое несогласіе съ Рикардо по одному весьма важному пункту. Въ библіографической замѣткѣ о книгѣ А. Львова: „О землѣ, какъ элементѣ богатства", Москва 1853 г., онъ говоритъ: „теорія Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняетъ только причину различія въ рентѣ различныхъ земель, не принимая, что и самая плохая приноситъ ренту, и не объясняя этого; онъ выводитъ ренту ниже дѣйствительной величины ея, потому что беретъ ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства" (соч. т. I, стр. 138). Это очень похоже на теорію абсолютной ренты Родбертуса и Маркса. Но этого взгляда на ренту Чернышевскій совсѣмъ не развилъ, и въ своихъ „Очеркахъ политической экономіи" онъ уже не возвращается къ нему.

съ трудомъ въ менѣе хорошихъ условіяхъ. Положимъ, что все это такъ; но какъ бы то ни было, рента составляетъ долю продукта; если она отдѣляется отъ рабочей платы, это значитъ, что у человѣка, занимающагося производствомъ, остается ровно настолько меньше продукта, насколько выдѣляется изъ продукта ренты *). Это, разумѣется, совершенно справедливо. Но когда, почти непосредственно вслѣдъ за этимъ, Чернышевскій говоритъ, что „рента подобно прибыли имѣетъ тенденцію захватывать все большую и большую долю изъ продукта", и что такимъ образомъ „рента играетъ относительно прибыли и рабочей платы точно такую же роль, какую прибыль играетъ относительно рабочей платы",—то онъ опять обнаруживаетъ значительную неясность своихъ экономическихъ понятій. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ изслѣдованіи о прибыли Чернышевскій имѣлъ въ виду не собственно предпринимательскую прибыль, а всю вообще прибавочную стоимость. Онъ самъ оговаривается, „что рента тутъ въ счетъ не идетъ, потому что она сама только излишекъ прибыли, остающійся въ нѣкоторыхъ случаяхъ по нѣкоторымъ отраслямъ производства". И дѣйствительно, поземельная рента составляетъ лишь часть прибавочной стоимости. Но если это такъ, то замѣчаніе Чернышевскаго о ростѣ ренты приходится выразить слѣдующимъ образомъ: достающаяся землевладѣльцу часть прибавочной стоимости играетъ относительно всей вообще прибавочной стоимости и рабочей платы точно такую же роль, какую прибавочная стоимость играетъ относительно рабочей платы: ростъ одной части прибавочной стоимости, поземельной ренты, приводитъ къ уменьшенію той доли продукта, которая, за вычетомъ ренты, остается на всю вообще прибавочную стоимость и на рабочую плату. Это явная несообразность, происхожденіе которой можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ главѣ о поземельной рентѣ Чернышевскій словомъ „прибыль" обозначаетъ уже не всю вообще прибавочную стоимость, а собственно такъ называемую предпринимательскую прибыль, т. е. опять таки лишь одну часть прибавочной стоимости. Въ такомъ случаѣ мысль его становится, повидимому, совершенно понятной. Однако, и это не совсѣмъ такъ. Если въ главѣ о рентѣ Чернышевскій подъ прибылью понималъ только прибыль предпринимателя, а не прибавочную стоимость вообще, то онъ не имѣлъ права уподоблять тенденцію ренты тенденціи

*) Тамъ же, стр. 411.

предпринимательской прибыли, такъ какъ къ этой послѣдней вѣдь не имѣютъ прямого отношенія разсужденія его о ростѣ прибавочной стоимости. Ясно, что Чернышевскій, связывая со словомъ „прибыль“ совершенно различныя понятія, незамѣтно для себя,—а потому и безъ всякихъ оговорокъ, — переходитъ отъ одного изъ нихъ къ другому, чѣмъ вноситъ запутанность какъ въ изложеніе, такъ и въ самое изслѣдованіе предмета. Въ виду подобной неточности его выраженій невольно является мысль, что, можетъ быть, онъ вовсе не противорѣчитъ самъ себѣ, когда, разсуждая „о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату“, приписываетъ прибыли „тенденцію къ пониженію“: можетъ быть, онъ разумѣетъ тамъ не всю вообще прибавочную стоимость, а лишь доходъ предпринимателей. Чтобы устранить это сомнѣніе, напоминаемъ подлинныя слова нашего автора. „Если бы при возрастаніи капитала населеніе не возрастало, то стала бы возвышаться рабочая плата; слѣдовательно, прибыль стала бы составлять все меньшій и меньшій процентъ на затраченный капиталъ, потому что прибыль — остатокъ продукта за вычетомъ рабочей платы. А если бы населеніе размножилось, надобно было бы увеличиваться количеству пищи, то-есть надобно было бы земледѣлію спускаться на земли менѣе плодородныя, земледѣльческій трудъ становился бы менѣе успѣшнымъ и опять-таки стала бы уменьшаться доля, остающаяся у предпринимателя за вычетомъ расхода на содержаніе работника“ *). Если мы не ошибаемся, въ этихъ строкахъ подъ словомъ „прибыль“ принимается прибавочная стоимость вообще, т. е. та доля продукта, которой Чернышевскій приписывалъ свойство расти въ геометрической прогрессіи. Но если бы, противъ ожиданія, нужно было понимать здѣсь слово „прибыль“ въ смыслѣ дохода предпринимателя, то и тогда нашъ авторъ все-таки противорѣчилъ бы самъ себѣ. Пониженіе прибыли оказывается здѣсь неизбѣжнымъ даже въ томъ случаѣ, когда населеніе не размножается, запросъ на пищу не увеличивается, земледѣліе не переходитъ на менѣе плодородные участки и потому поземельная рента не возрастаетъ. Причиной пониженія прибыли является здѣсь единственно только увеличеніе спроса на трудъ и возвышеніе заработной платы, которое признается неизбѣжнымъ слѣдствіемъ роста капитала, между тѣмъ какъ раньше Чернышевскій доказывалъ, что даже при неразмно-

*) Тамъ же, стр. 533.

жающемся населеніи ростъ капитала означаетъ не паденіе уровня прибыли, а уменьшеніе фонда рабочей платы.

II.

Но что понимаетъ Чернышевскій подъ выраженіемъ уровень прибыли? Въ виду того, что со словомъ прибыль у него соединяются два различныхъ понятія, само выраженіе уровень прибыли имѣетъ у него двойственный смыслъ: иногда оно означаетъ отношеніе къ капиталу всей суммы прибавочной стоимости, а иногда только отношеніе къ нему собственно предпринимательской прибыли. Это понятно само собою. Но спрашивается, о какомъ именно капиталѣ говоритъ Чернышевскій? Если въ каждомъ данномъ процессѣ производства всѣ издержки предпринимателя „сводятся къ рабочимъ платамъ", то весь капиталъ превращается въ то, что называется теперь перемѣннымъ капиталомъ. Значитъ, подъ выраженіемъ уровень прибыли нашъ авторъ, по крайней мѣрѣ, иногда, понималъ совершенно то же самое, что и теперь понимается подъ нимъ: отношеніе прибавочной стоимости къ стоимости рабочей силы. О такомъ „уровнѣ прибыли" можно категорически сказать, что онъ не только не понижается, но постоянно возвышается съ ходомъ экономическаго прогресса. Если же, говоря объ „уровнѣ прибыли", Чернышевскій припоминалъ, что въ дѣйствительности далеко не всѣ издержки предпринимателя сводятся къ рабочимъ платамъ, если онъ принималъ въ соображеніе постоянный капиталъ, то въ такомъ случаѣ приходится замѣтить, что пониженіе „уровня прибыли" можетъ прекрасно уживаться съ возрастаніемъ степени эксплуатаціи работника. Чтобы пояснить это, прибѣгнемъ и мы къ „гипотезѣ". Положимъ, что и постоянный, и перемѣнный капиталъ равняются у насъ каждый десяти единицамъ; прибавочная стоимость тоже равняется десяти. Общая сумма капитала относится къ прибавочной стоимости какъ 20 къ 10. Слѣдовательно, „уровень прибыли" равняется (10 : 20) 50% Положимъ далѣе, что нашъ капиталъ растетъ, причемъ ростъ его сопровождается измѣненіемъ относительной величины его частей; постоянный капиталъ равняется теперь 35 един.; перемѣнный по прежнему—10, а прибавочная стоимость возросла до 15. „Уровень прибыли" равенъ теперь (15 : 45) $33^1/_3$%. Онъ, какъ видите, понизился, но степень эксплуатаціи труда испытала

огромное увеличеніе: прежде рабочіе, получая въ видѣ платы 10 единицъ стоимости, создавали своимъ неоплаченнымъ трудомъ тоже 10 единицъ для предпринимателей. Степень эксплуатаціи труда равнялась (10 : 10) 100%. Теперь же она равняется (15 : 10) 150%. Капиталисты получаютъ теперь относительно гораздо большую долю годового продукта. Но такъ какъ процентное отношеніе этой доли къ общей суммѣ капитала значительно уменьшилось, то можно подумать, что не „прибыль стремится поглотить" теперь рабочую плату, а наоборотъ, рабочая плата поглотила часть прибавочной стоимости. Чернышевскій упустилъ изъ виду возможность такого сочетанія обстоятельствъ.

Что касается поземельной ренты, то по смыслу теоріи Рикардо, она растетъ единственно вслѣдствіе перехода земледѣлія на менѣе и менѣе и плодородные участки. Но переходъ земледѣлія на менѣе плодородные участки при прочихъ равныхъ условіяхъ означаетъ возрастаніе стоимости содержанія работника, т. е., иначе сказать, возрастаніе стоимости рабочей силы. Возрастаніе же стоимости рабочей силы равносильно уменьшенію доли эксплуататоровъ въ національномъ продуктѣ, а слѣдовательно, уменьшенію степени эксплуатаціи труда и уровня „прибыли" (прибавочной стоимости). Чернышевскій былъ бы совершенно правъ, если бы сказалъ, что ростъ поземельной ренты, причиняемый переходомъ земледѣлія на менѣе плодородные участки, сопровождается относительнымъ уменьшеніемъ прибавочной стоимости. Но онъ говоритъ совсѣмъ не то. Изъ его словъ выходитъ, что рента растетъ одновременно съ относительнымъ увеличеніемъ прибавочной стоимости, но растетъ скорѣе, чѣмъ эта послѣдняя, вслѣдствіе чего очень быстро уменьшается доля продукта, достающаяся предпринимателямъ и работникамъ вмѣстѣ взятымъ. Но такой ходъ дѣла противорѣчитъ его собственнымъ посылкамъ, т. е. той самой теоріи Рикардо, которая лежитъ въ основѣ его разсужденій о вліяніи роста поземельной ренты на распредѣленіе національнаго продукта.

Впрочемъ, здѣсь надо оговориться. Многіе буржуазные экономисты считали постепенное уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда, сопровождающее ростъ народонаселенія и капитала, совершенно безспорнымъ явленіемъ. Чернышевскій только условно допускаетъ такое уменьшеніе. Онъ думаетъ, что оно непремѣнно имѣло бы мѣсто, если бы не происходило улучшеній въ земледѣліи. Но такія улучшенія постоянно совершаются, а

этимъ задерживается ростъ поземельной ренты. „Общая формула всякаго прогресса, говоритъ намъ авторъ, состоитъ въ томъ, что онъ уменьшаетъ силу неравенствъ *). Въ примѣненіи къ земледѣльческому производству каждое усовершенствованіе, возвышая успѣхъ дѣла въ лучшихъ обстоятельствахъ, обыкновенно еще значительнѣе возвышаетъ его въ обстоятельствахъ, менѣе хорошихъ, а во всякомъ случаѣ устраняетъ надобность вести дѣло въ обстоятельствахъ, бывшихъ самыми худшими. Напримѣръ, если отъ замѣны сохи хорошимъ плугомъ на землѣ перваго сорта будетъ родиться 12 четвертей вмѣсто прежнихъ 10, то на землѣ пятаго сорта будетъ въ большей части случаевъ родиться вмѣсто прежнихъ 6 четвертей не 8, а 9; а во всякомъ случаѣ отъ значительнаго увеличенія продукта съ этихъ первыхъ пяти сортовъ земли отстранится надобность воздѣлывать землю шестого сорта, которая воздѣлывалась прежде, давая только 5 четвертей. Такимъ образомъ, низшая норма успѣшности дѣла, норма, опредѣляющая ренту, значительно облегчается“ **).

Есть еще другая сила, задерживающая, по мнѣнію Чернышевскаго, возрастаніе поземельной ренты. Сила эта заключается „въ самой чрезмѣрности стремленія ренты возрастать: рента идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы, т. е. къ низверженію трехчленнаго дѣленія продукта, къ замѣнѣ его формою устройства еще менѣе удовлетворительною,—формою, при которой и предприниматель и работникъ потеряли бы самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собою разумѣется, что такая ретроградная тенденція отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности, т. е. рента при трехчленномъ дѣленіи ведетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, т. е. ведетъ къ уменьшенію населенія; а при уменьшеніи населенія, конечно, прекращается надобность воздѣлывать послѣдній изъ воздѣлывавшихся прежде сортовъ земли, а отъ этого рента подрываетъ сама себя. Эта тенденція ренты уменьшать сумму продукта, конечно, борется съ силою прогресса, стремящеюся уве-

*) Мы разсматривали это мнѣніе выше.

**) Тамъ же, стр. 413.

личить его, и въ новыя времена сила прогресса стала уже настолько велика, что одерживаетъ постоянный перевѣсъ, и дѣйствіе ренты въ новой исторіи является не уменьшающимъ продуктъ, а только уменьшающимъ его увеличеніе“ *).

III.

Въ главѣ о рентѣ Чернышевскій только мимоходомъ касается вопроса о мнимомъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда. Подробнѣе разсматриваетъ онъ его при разборѣ ученія Мальтуса о народонаселеніи, а также въ главѣ о вліяніи экономическаго прогресса на рабочую плату. Главный доводъ его противъ Мальтуса сводится къ тому, что уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда, причиняемое переходомъ земледѣлія на худшіе участки, въ сущности очень ничтожно, и что даже во времена самаго мрачнаго средневѣкового застоя земледѣльческія усовершенствованія легко могли пересилить дѣйствіе этой причины. Мы еще вернемся къ этому доводу Чернышевскаго, а пока остановимся лишь на слѣдующихъ соображеніяхъ его. Количество труда, нужное на производство продуктовъ, уменьшается какъ въ мануфактурной промышленности, такъ и въ земледѣліи. Но въ земледѣліи оно уменьшается не такъ быстро, какъ въ мануфактурной промышленности. Поэтому стоимость земледѣльческихъ продуктовъ увеличивается сравнительно со стоимостью мануфактурныхъ товаровъ. Спрашивается, почему же земледѣліе отстаетъ отъ мануфактурной промышленности? „Земледѣльческое искусство и знаніе растутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе“, говоритъ Милль. Чернышевскій справедливо замѣчаетъ, что „этотъ очень справедливый отвѣтъ вовсе еще не отвѣтъ, а только новый вопросъ“. „Отчего же земледѣльческое искусство и знаніе растутъ медленно, а распространяются еще медленнѣе?“—спрашиваетъ онъ. Извѣстно, что „земледѣльческое производство составляетъ процессъ гораздо болѣе многосложный, чѣмъ какая-нибудь фабрикація; натурально, что задача объ усовершенствованіи простѣйшаго дѣла требуетъ меньшихъ соображеній, чѣмъ усовершенствованіе дѣла болѣе запутаннаго. Но вѣдь и это еще не отвѣтъ. Если одна задача труднѣе другой, то слѣ-

*) Тамъ же, стр. 414.

довало бы ожидать, что геніальнѣйшіе умы займутся первою, предоставивъ вторую умамъ второстепеннымъ". Но геніальные умы, какъ бы сговорившись, обходятъ вопросы земледѣлія. „Всѣмъ готовы заниматься геніальные люди: живописью и математикой, исторіей и медициной, а земледѣліемъ теперь занимается только одинъ изъ нихъ—Либихъ, да и то занимается такъ себѣ, почти что только въ свободное время отъ другихъ трудовъ; а до Либиха не укажете вы ни одного великаго ученаго по теоріи земледѣлія". Это явленіе Чернышевскій старается объяснить указаніемъ на тѣсную связь, существующую между развитіемъ науки и интересами господствующихъ классовъ. „Тѣ классы, интересами которыхъ направлялась до сихъ поръ наука, не нуждаются въ хлѣбѣ, говоритъ онъ. Любознательность, общая имъ со всѣми людьми, направляла человѣческую мысль къ отвлеченнымъ наукамъ; въ практическихъ знаніяхъ направляла она ее къ усовершенствованію всѣхъ дѣлъ, по которымъ недостаетъ чего-нибудь нужнаго высшему или среднему классу. Мы выучились, какъ строить корабли, дома, ткать матерію; удивительныхъ успѣховъ достигли эти искусства, потому что безъ очень высокаго развитія ихъ чувствуетъ неудобство въ жизни человѣкъ богатый или зажиточный. Но и при самомъ младенческомъ состояніи земледѣлія дурна ли, или недостаточна ли его пища?—слава Богу, онъ ѣстъ вкусно и сытно. Разумѣется, каждый долженъ заниматься своимъ дѣломъ, думать о своихъ надобностяхъ. Усовершенствованіе земледѣлія нужно только простолюдину. Пока простолюдины не имѣли никакого значенія въ исторіи, они одни съ своимъ невѣжествомъ и хлопотали о земледѣльческихъ улучшеніяхъ. Появленіе Таэра, который первый раціонально занялся сельскимъ хозяйствомъ, не даромъ совпадаетъ съ концомъ прошлаго вѣка, когда простолюдины сдѣлали попытку заявить свои права въ исторіи. Либихъ, который первый изъ великихъ ученыхъ занялся земледѣліемъ, не случайно явился современникомъ такъ называемыхъ утопистовъ" *).

По поводу этого „коренного отвѣта" Чернышевскаго на вопросъ объ отсталости земледѣлія приходится сказать почти то же, что говорили мы обо всѣхъ другихъ пополненіяхъ его къ ученіямъ буржуазныхъ экономистовъ. Отвѣтъ этотъ очень остроуменъ. Давая его, нашъ авторъ обнаруживаетъ гораздо болѣе вѣрный

*) Тамъ же, стр. 530—531.

взглядъ на исторію науки и вообще на движеніе мысли, чѣмъ тѣ будто бы глубокіе мыслители, по мнѣнію которыхъ наука и мысль развиваются сами изъ себя и сами для себя, независимо отъ вліяній жизни и безъ всякаго отношенія къ экономическимъ интересамъ общества. Но остроумный отвѣтъ Чернышевскаго все-таки сдѣланъ безъ достаточнаго вниманія къ конкретнымъ экономическимъ отношеніямъ, и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ „кореннымъ отвѣтомъ". Это все-таки еще очень абстрактный, односторонній и потому ошибочный отвѣтъ. Извѣстно, что въ настоящее время хлопчатобумажная промышленность составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей производства въ капиталистическихъ странахъ. Но какіе же классы одѣваются въ хлопчатобумажныя издѣлія? Бѣдные; богатые предпочитаютъ другія издѣлія. Прусскіе юнкера старательно занимаются выдѣлкой картофельнаго спирта. Для кого предназначается этотъ полезный продуктъ? Конечно, не для богатыхъ классовъ: тѣ предпочитаютъ другіе напитки. Да и вообще, можно ли сказать, что современная промышленность разсчитываетъ преимущественно на богатыхъ и зажиточныхъ потребителей, что она занимается исключительно производствомъ предметовъ роскоши и комфорта? Далеко нѣтъ. Современная промышленность, во-первыхъ, имѣетъ въ виду нужды самого производства: такова желѣзодѣлательная, машиностроительная и каменноугольная промышленность; во-вторыхъ, стараясь обезпечить себѣ возможно большій рынокъ, она имѣетъ въ виду прежде всего народныя массы, т. е. тѣхъ самыхъ бѣдняковъ, о которыхъ она совершенно забываетъ, по мнѣнію Чернышевскаго. Эта погоня за массовымъ сбытомъ существенно отличаетъ ее отъ промышленности, напримѣръ, народовъ Востока, которая дѣйствительно имѣетъ въ виду почти исключительно только потребности высшихъ классовъ, такъ какъ низшіе классы, живущіе тамъ при условіяхъ натуральнаго хозяйства, удовлетворяютъ свои нужды собственными издѣліями. Въ значительной степени такъ же было и въ античномъ мірѣ, и вотъ почему Плутархъ, описывая механическія изобрѣтенія Архимеда, извиняется за него передъ читателемъ, говоря, что знаменитый математикъ обратился къ такому, недостойному философа занятію единственно для защиты отъ римлянъ своего отечества. Въ Греціи и Римѣ складъ общественныхъ отношеній, дѣйствительно, направлялъ человѣческую мысль почти исключительно къ отвлеченнымъ наукамъ. Но теперь дѣло измѣнилось кореннымъ образомъ. Въ капиталистическомъ обществѣ

интересы самихъ эксплуататоровъ направляютъ человѣческую мысль на техническія изобрѣтенія, которыя не имѣли бы никакого практическаго смысла, если бы могли примѣняться только къ производству предметовъ роскоши и комфорта. Да и какое дѣло капиталисту до того, кѣмъ потребляются издѣлія его работниковъ, богачами или бѣдняками? Занимаясь выдѣлкой дрянного, гнилого ситца, фабрикантъ съ такимъ же успѣхомъ служитъ интересамъ своего кармана, какъ тотъ или другой предприниматель, приготовляющій роскошныя серебряныя издѣлія. Этого совершенно достаточно для хлопчато-бумажнаго короля. „Деньги не пахнутъ". И посмотрите, кто больше пользуется или, по крайней мѣрѣ, кто имѣетъ большую возможность пользоваться техническими изобрѣтеніями, фабрикантъ, изготовляющій продукты массоваго потребленія, или же предприниматель, выдѣлывающій предметы роскоши? Вы увидите, что для промышленности, удовлетворяющей нужды бѣдняковъ, сдѣлано въ техническомъ смыслѣ гораздо больше, чѣмъ для промышленности, производящей предметы роскоши. Почему же это такъ? Потому ли, что г.г. техники очень заботятся объ интересахъ бѣдняковъ? Нѣтъ, просто потому, что какъ мы уже сказали, промышленность перваго рода несравненно важнѣе теперь для самихъ предпринимателей, чѣмъ промышленность второго рода *). Она даетъ тонъ, потому ей усерднѣе и служитъ наука.

Но въ такомъ случаѣ, отчего же земледѣліе отстало отъ мануфактурной промышленности? Отчасти потому, что земледѣліе гораздо сложнѣе фабричнаго производства, главнымъ же образомъ потому, что земледѣліе развивалось при другихъ отношеніяхъ производства, чѣмъ мануфактурная промышленность. Успѣхи техники шли рядомъ съ успѣхами капитализма. Они обусловливались, вызывались къ жизни именно этими послѣдними успѣ-

*) „Почему же хлопокъ, картофель и водка стали краеугольнымъ камнемъ буржуазнаго общества? Потому что ихъ производство требуетъ наименьшаго труда, и они имѣютъ, вслѣдствіе этого, наименьшую цѣну. А почему минимумъ цѣны обусловливаетъ максимумъ потребленія? Ужъ не вслѣдствіе ли абсолютной, внутренней полезности дешевыхъ вещей, ихъ способности наилучшимъ образомъ удовлетворять потребности рабочаго, какъ человѣка, а не человѣка, какъ рабочаго? Нѣтъ, это потому, что въ обществѣ, основанномъ на *нищетѣ*, самые *нищенскіе* продукты имѣютъ роковое преимущество служить для потребленія массы". Карлъ Марксъ, Нищета Философіи, стр. 33, рус. переводъ В. И. Засуличъ подъ редакціей Г. Плеханова.

хами. Гдѣ же получилъ начало, гдѣ прежде всего развился и окрѣпъ капитализмъ, въ городѣ или въ деревнѣ? Извѣстно, что въ городѣ. Вѣрнѣе сказать, извѣстно, что капитализмъ овладѣлъ прежде всего такими отраслями производства, которыя, при отдѣленіи города отъ деревни, составляли принадлежность горожанъ. Мануфактурная промышленность раньше земледѣлія приняла капиталистическій характеръ, испытала поощрительное вліяніе конкурренціи. Неудивительно, что она далеко обогнала земледѣліе.

Международный обмѣнъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи. Когда Англія заводила торговыя сношенія съ Россіей, она могла предложить ей только мануфактурныя издѣлія. Земледѣльческихъ продуктовъ было достаточно въ Россіи, не смотря на всю ея отсталость. Но развитіе вывоза мануфактурныхъ издѣлій изъ Англіи способствовало расширенію ихъ производства, привлекало къ мануфактурной промышленности новые капиталы и новые таланты. Такъ создавались для этой промышленности новыя условія успѣха. Наоборотъ, земледѣліе передовыхъ странъ, поскольку оно не прибѣгало къ покровительственному тарифу, терпѣло отъ ввоза земледѣльческихъ продуктовъ изъ отсталыхъ странъ, область сбыта суживалась для него, а этимъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, задерживались его успѣхи. По отношенію къ отсталымъ странамъ, высылающимъ на международный рынокъ свои земледѣльческіе продукты, обмѣнъ дѣйствовалъ какъ революціонный двигатель, расшатывая и ломая ихъ изстари унаслѣдованные общественные порядки. Этимъ подготовлялась почва для развитія капитализма въ отсталыхъ странахъ. Но и тамъ, благодаря господству феодальныхъ или крѣпостническихъ отношеній въ деревнѣ, мануфактурная промышленность представляла обыкновенно болѣе удобствъ для приложенія нарождающагося капитала *).

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Мы съ удовольствіемъ убѣдились впослѣдствіи въ совпаденіи нашего взгляда на отношеніе роста производительности труда *въ земледѣліи* къ его росту *въ промышленности* со взглядомъ Маркса на тотъ же предметъ (ср. Theorien über den Mehrwert, zweiter Band, erster Theil, стр. 172 и слѣдующія). На этихъ же страницахъ (особенно на стр. 174), находится у Маркса и отвѣтъ тѣмъ экономистамъ, которые, подобно П. П. Маслову, до сихъ поръ признаютъ теорію убывающей производительности земледѣльческаго труда. Но какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, одно: теперь, когда европейскіе производители хлѣба такъ горько жалуются на его перепроизводство, совсѣмъ уже нельзя объяснять тяжелое положеніе рабочаго класса малой производительностью земледѣльческаго труда. По вопросу о томъ, какъ росла эта

Стараясь объяснить медленное распространеніе земледѣльческихъ знаній, Чернышевскій горячо нападаетъ на тѣхъ „рутинистовъ“, которые говорятъ, что крестьянинъ—врагъ нововведеній, что онъ любитъ держаться старины. „Это одинъ изъ сотни тѣхъ глупѣйшихъ афоризмовъ,—восклицаетъ онъ,—упорное существованіе которыхъ въ книгахъ и въ мысляхъ образованнаго общества принуждаетъ думать, что вотъ именно оно, образованное и прогрессивное общество, до безумія любитъ сохранять всякую нелѣпость, которая засядетъ въ него“. По мнѣнію Чернышевскаго, дѣло не во враждѣ крестьянъ къ улучшеніямъ, а просто въ ихъ бѣдности. „У человѣка очень бѣднаго, разумѣется, нѣтъ средствъ ни къ чему, въ томъ числѣ и къ производству земледѣльческихъ улучшеній“ *). Ни мало не желая защищать „образованное и прогрессивное общество“, мы все-таки замѣтимъ, съ своей стороны, что одною бѣдностью крестьянъ отсталость ихъ еще далеко не объясняется. Промышленные рабочіе тоже бѣдны, а между тѣмъ они гораздо больше и легче крестьянъ увлекаются всякими „нововведеніями“. Отсталость крестьянина объясняется общею отсталостью тѣхъ экономическихъ условій, среди которыхъ онъ живетъ. Человѣкъ есть продуктъ окружающей его общественной среды. Чернышевскій часто повторялъ и прекрасно доказывалъ это положеніе. Но онъ не всегда умѣлъ надлежащимъ образомъ воспользоваться имъ при изслѣдованіи того или другого общественнаго явленія. Вотъ почему,—какъ мы уже видѣли,—матеріализмъ Чернышевскаго замѣтенъ гораздо болѣе въ его „антропологическихъ“, чѣмъ въ его историческихъ воззрѣніяхъ, т. е. замѣтенъ болѣе въ его взглядахъ на отдѣльнаго человѣка, чѣмъ во взглядахъ на цѣлое общество.

Глава восьмая.

Законъ народонаселенія.—Мальтусъ.

I.

Вопросъ о народонаселеніи тѣсно связанъ съ именемъ Мальтуса. Люди, мало знакомые съ исторіей политической экономіи,

---

производительность въ Западной Европѣ въ XIX столѣтіи, см. книгу Фр. Оппенгеймера „Das Bevölkerungsgesetz des R. T. Malthus und der neuren Nationalökonomie. Berlin, 1901, Ss. 48 и слѣдующія.

*) Тамъ же, стр. 531—532.

обыкновенно полагаютъ даже, что Мальтусъ былъ первымъ, выдвинувшимъ его въ наукѣ. Это очень большая ошибка. О народонаселеніи писали гораздо раньше Мальтуса и,—что всего важнѣе,—писали гораздо основательнѣе его. Совсѣмъ не задаваясь цѣлью исчерпать здѣсь всю существовавшую до Мальтуса литературу этого предмета, мы припомнимъ, какъ смотрѣли на него нѣкоторые писатели XVIII-го вѣка.

Франклинъ, въ небольшой статьѣ „Observations concerning the Increase of Mankind“ *) и т. д., говоритъ, что какъ растенія, такъ и животныя, не исключая человѣка, способны размножаться съ поразительной быстротой, и что если бы земля „была свободна отъ другихъ обитателей, она въ короткое время могла бы быть совершенно заселена однимъ какимъ-нибудь народомъ, напримѣръ, англичанами“. Размноженіе рода человѣческаго задерживается цѣлымъ рядомъ препятствій, напримѣръ, дурнымъ управленіемъ, войнами и въ особенности недостаткомъ средствъ существованія. Задача правительства заключается въ томъ, чтобы обезпечить народу эти средства, потому что быстрый ростъ населенія означаетъ быстрый ростъ національнаго могущества и богатства. По мнѣнію Франклина, бѣлое населеніе Сѣверной Америки удваивалось каждыя 20 лѣтъ. Но для примѣра онъ предполагаетъ, что періодъ удвоенія равняется „только 25 годамъ“, и затѣмъ показываетъ, въ какую могучую націю могъ бы превратиться какой-нибудь милліонъ англичанъ, переселившихся въ Америку. „Какое увеличеніе силы британской имперіи на морѣ и на сушѣ!—съ восторгомъ восклицаетъ онъ.—Какой ростъ промышленности и судоходства! Какое множество кораблей и моряковъ!“

Подобно американцу Франклину, англичанинъ Уоллэсъ задался цѣлью показать, что человѣческій родъ можетъ размножаться чрезвычайно быстро, если только этому не мѣшаютъ неблагопріятныя условія, къ числу которыхъ и онъ относитъ прежде всего недостатокъ средствъ существованія. „Въ любой странѣ вы всегда найдете, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, она населена тѣмъ больше, чѣмъ больше количество производимой ею пищи, поскольку изобиліе пищи служитъ для народныхъ массъ поощреніемъ къ браку“. Уоллэсъ держится того мнѣнія, что въ древнемъ мірѣ населеніе было значительно гуще современнаго. „Было-бы очень желательно,—замѣчаетъ онъ,—чтобы внимательнѣе

*) Works, T. II, pp. 384—391.

отнеслись къ великому недостатку населенія во всѣхъ странахъ, и чтобы постарались выработать надлежащіе планы для улучшенія этого положенія, такъ какъ благодѣтельный Творецъ природы предназначилъ землю, главнымъ образомъ, служить обиталищемъ человѣку, и такъ какъ при подходящемъ воздѣлываніи она могла бы кормить число людей, значительно превышающее то, которое населяетъ ее теперь" *).

Юмъ высказываетъ совершенно тѣ же взгляды относительно способности людей къ размноженію. Человѣческій родъ могъ бы болѣе чѣмъ удваивать свою численность съ каждымъ поколѣніемъ, если бы не препятствія (some difficulties in mens situation), вынуждающія людей сдерживать свое стремленіе къ дѣторожденію. Мудрое правительство обязано заботливо наблюдать и устранять эти препятствія (difficulties which it belongs to a wise legislature carefully to observe and remove) **). Мимоходомъ Юмъ дѣлаетъ рядъ замѣчаній (напримѣръ, о способности рабовъ къ размноженію, о дѣтоубійствѣ), которыя потомъ воспроизводитъ Мальтусъ, не называя источника.

Извѣстный Мирабо-отецъ считаетъ старой аксіомой ту мысль, что „люди плодятся, какъ крысы въ хлѣбномъ амбарѣ, если у нихъ есть средства существованія". Мѣра этихъ средствъ служитъ мѣрой населенія. Но именно поэтому не войны и не эпидеміи препятствуютъ увеличенію народонаселенія (причиняемыя ими потери чрезвычайно легко пополняются), а роскошь, истребляющая средства существованія; „заведите лишнюю лошадь въ странѣ и вы можете быть увѣрены, что вы убьете тѣмъ по крайней мѣрѣ четырехъ человѣкъ". Мирабо—далекъ отъ того, чтобы видѣть источникъ бѣдности страны въ увеличеніи ея населенія: „дайте людей странѣ; если у нихъ нѣтъ денегъ, они привлекутъ ихъ" ***).

Монтескье понимаетъ, что между размноженіемъ растеній и животныхъ съ одной стороны и размноженіемъ людей съ другой— есть огромная разница. „Самки животныхъ,—говоритъ онъ,—отличаются почти неизмѣнной плодовитостью. Но въ человѣческомъ

*) Essai sur la différence du nombre des hommes dans les temps anciens et modernes. Londres MDCCLIV pp. 27 et 272.

**) Of the populousness of Ancient Nations, in „Essays and treatises", London, MDCCLIV, vol. I, p. 139.

***) L'ami des hommes ou traité de la population. Nouvelle édition. Paris, 1758, première partie. pp. 20—21—22—191.

родѣ взгляды, характеръ, страсти, фантазіи, капризы, желаніе сохранить красоту, неудобства беременности и слишкомъ многочисленнаго семейства нарушаютъ размноженіе на тысячу ладовъ" *). Это совершенно вѣрная мысль. Но Монтескье не умѣлъ свести къ одной коренной причинѣ многочисленныя условія, которыя „на тысячу ладовъ нарушаютъ размноженіе" рода человѣческаго. Въ этомъ случаѣ онъ остался вѣренъ своему обычному характеру мышленія. Онъ вообще не умѣлъ подняться отъ понятія о взаимодѣйствіи соціальныхъ явленій до понятія объ ихъ общей основѣ, какъ это лучше всего видно изъ его книги о величіи и упадкѣ Рима.

Сэръ Джэмсъ Стэартъ въ своемъ, вышедшемъ въ 1767 г., „Inquiry into the principles of political economy" высказываетъ болѣе глубокій взглядъ на народонаселеніе. Онъ понимаетъ, что существуетъ тѣсная связь между экономіей страны и ея населенностью **). Онъ различаетъ физическую невозможность прокормленія данною страной даннаго числа людей отъ — моральной невозможности, обусловливаемой общественными отношеніями. Съ измѣненіями этихъ отношеній передвигается тотъ предѣлъ, по наступленіи котораго страна оказывается перенаселенной въ „моральномъ" смыслѣ этого слова. Эти мысли Стэарта были далѣе

---

*) L'esprit des lois LXXIII, ch. I.

**) Замѣчательна самая постановка вопроса у Стэарта. „Мы увидимъ,—говоритъ онъ,—какимъ образомъ законы промышленности вліяютъ на размноженіе и на земледѣліе" (кн. I. гл. II, стр. 29 французскаго перевода 1780 г.). Стэартъ не считаетъ возможнымъ разсматривать вопросъ о народонаселеніи съ отвлеченной точки зрѣнія: „Я нахожу, что общія пропорціи всегда ошибочны—говоритъ онъ.—Въ сущности нѣтъ страны совершенно населенной, если подъ этимъ понимать число ея жителей, разсматриваемое независимо отъ потребленія ими произведеній страны". „У свободнаго народа (Стэартъ имѣетъ въ виду народъ, живущій при буржуазныхъ условіяхъ производства) земледѣліе увеличиваетъ населеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой бѣдные получаютъ возможность покупать свою пищу своимъ трудомъ" (стр. 50). У Стэарта идетъ рѣчь даже о чемъ-то въ родѣ экономическаго подбора, существенно отличнаго отъ подбора естественнаго, о которомъ говорилъ впослѣдствіи Дарвинъ. Законъ экономическаго подбора устанавливается Стэартомъ неправильно: размноженіе привилегированныхъ онъ считаетъ прямо пропорціональнымъ ихъ средствамъ существованія. Это достаточно опровергается хотя бы примѣромъ современной Франціи (ср. Ar. Dumont, Population et civilisation). Тѣмъ не менѣе, Дарвину было бы гораздо полезнѣе прочесть Стэарта, чѣмъ Мальтуса.

развиты швейцарцемъ Герренштвандомъ, замѣчательное сочиненіе котораго *) вышло въ Парижѣ за нѣсколько лѣтъ до появленія перваго изданія „Опыта о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

Указавъ на то, что предѣлы для размноженія рода человѣческаго бываютъ двухъ родовъ: физическіе и моральные, Герренштвандъ раздѣляетъ человѣчество по способамъ производства,—или по способамъ ассоціаціи, какъ выражается онъ,—на три „класса“, которые отличаются одинъ отъ другого почти какъ „отдѣльные роды“: 1) охотники, 2) пастухи и 3) земледѣльцы. „Земледѣльческіе народы имѣютъ способность заставлять родиться свою пищу, такъ сказать, вездѣ, куда они являются, и кромѣ того эта пища можетъ быть переносима на огромныя разстоянія; это даетъ имъ то преимущество, что они могутъ скоплять населеніе въ такихъ мѣстахъ и, можно сказать, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ имъ вздумается. Такое положеніе земледѣльческихъ народовъ, совершенно противоположное положенію двухъ другихъ отдѣловъ рода человѣческаго, даетъ имъ возможность держаться различныхъ системъ въ образѣ жизни и въ способѣ удовлетворенія своихъ нуждъ; а это различіе системъ, уничтожая у нихъ однообразіе, царствующее у охотниковъ и пастуховъ, дѣлаетъ изъ нихъ какъ бы нѣсколько отдѣльныхъ родовъ. Земледѣліе вообще до такой степени видоизмѣняетъ растенія, животныхъ и людей сравнительно съ ихъ первоначальнымъ состояніемъ, что „природѣ трудно было бы узнать себя въ своихъ твореніяхъ“ **). Въ виду того, что различные земледѣльческіе народы придерживаются различныхъ системъ въ способахъ удовлетворенія своихъ нуждъ (т. е. различныхъ способовъ производства), они подчиняются различнымъ законамъ народонаселенія ***). Да и въ средѣ одного и того же рода законы народонаселенія не одинаковы для различныхъ классовъ, напримѣръ, для рабовъ и для свободныхъ людей. Современную ему буржуазную систему Герренштвандъ называетъ системой земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, и считаетъ ее

*) De l'économie politique moderne. Discours fondamental sur la population. A Paris, l'an. III de la République.

**) Назв. соч. стр. 16 и 286.

***) Вообще, по мнѣнію Герренштванда, способъ удовлетворенія нуждъ система экономическихъ отношеній, оказываетъ глубокое вліяніе на всѣ привычки и склонности народа. Такъ, причину воинственности древнихъ римлянъ онъ видитъ въ системѣ мелкаго землевладѣнія (стр. 23).

„самой смѣлой системой, какую только могъ придумать человѣческій родъ для обезпеченія своего существованія". Во всѣхъ другихъ системахъ „всѣмъ людямъ обезпечено прочное существованіе, но въ системѣ земледѣлія, основанной на мануфактурной системѣ, половина націи оказывается въ самомъ необезпеченномъ положеніи... безъ опредѣленныхъ средствъ существованія, безъ увѣренности въ возможности пріобрѣсти ихъ посредствомъ труда, имѣя хлѣбъ сегодня, а завтра умирая съ голоду" *). Судьба этой части націи зависитъ отъ колебаній всемірнаго рынка. „Когда внѣшняя торговля уменьшается постепенно или внезапно прекращается для какой-нибудь вѣтви промышленности, тогда люди, занимающіеся ею, постепенно приходятъ или вдругъ попадаютъ въ такое положеніе, что имъ остается только искать помощи у правительства. И если у правительства нѣтъ ни способности, ни желанія найти для нихъ новыхъ потребителей ихъ издѣлій,— они непремѣнно должны или покинуть свою страну, чтобы искать себѣ пропитанія въ другомъ мѣстѣ, или просить подаянія, или погибнуть отъ нищеты, потому что тогда земледѣльцы перестанутъ производить предназначавшуюся для нихъ пищу или будутъ вывозить ее за-границу" **). Классическая страна капитализма, Англія, поражала Герреншванда огромнымъ количествомъ неимѣющихъ работы „бѣдняковъ и бродягъ". Онъ говоритъ, что увеличеніе ихъ числа нельзя объяснить ни лѣностью англійскаго народа, ни дѣйствіемъ нелѣпыхъ законовъ о бѣдныхъ, ни („еще того менѣе") излишнимъ размноженіемъ, такъ какъ Англія далеко не достигла той цифры населенія, которую она способна прокормить. Онъ высказываетъ даже то предположеніе, что пауперизмомъ Англія обязана развитію машиннаго производства ***). Какъ бы тамъ ни было, главнаго виновника такого положенія дѣлъ онъ долженъ былъ видѣть въ англійскомъ правительствѣ. Правительство обнаруживаетъ, по его словамъ, свою несостоятельность всякій разъ, когда данный народъ не производитъ всей той пищи, которую онъ могъ бы добыть, и всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ могла бы содержать его территорія. А въ такомъ положеніи находилась, по его словамъ, вся тогдашняя Европа, земле-

*) Назв. соч. стр. 41.
**) Тамъ-же, стр. 60—61.
***) Тамъ же, стр. 69—70 и 246—247.

дѣліе которой не производило и половины того, что могло-бы производить *).

Довольно. Подведемъ итогъ всему, что сказали намъ о народонаселеніи цитированные писатели. Многочисленное населеніе является источникомъ могущества и богатства страны. Мѣрой населенія служатъ средства существованія; потому „правительство“ не исполняетъ своей прямой обязанности, если не заботится объ ихъ увеличеніи. Количество пищи, добываемой въ каждой данной странѣ, зависитъ не только отъ ея плодородія и производительныхъ силъ, находящихся въ ея распоряженіи, но также и отъ тѣхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ эти силы употребляются въ дѣло. Современныя общественныя отношенія,— самыя смѣлыя изъ всѣхъ возможныхъ, по выраженію Герреншванда,—ставятъ значительную часть народа въ совершенно необезпеченное положеніе, благодаря которому ей постоянно грозитъ голодная смерть, не смотря на то, что земледѣліе могло бы прокормить гораздо большее населеніе... Развитіе машиннаго производства, то есть увеличеніе производительныхъ силъ, можетъ, при современномъ порядкѣ вещей, быть причиной обѣднѣнія рабочаго класса. Наконецъ, для каждой системы общественныхъ отношеній и даже для каждаго общественнаго класса существуетъ свой особый законъ народонаселенія и перенаселенія. Только растенія и животныя отличаются почти неизмѣнной плодовитостью.

Изо всего этого слѣдуетъ такой выводъ: хотя писатели восемнадцатаго вѣка склонны были разсматривать общественную жизнь съ очень, очень отвлеченной точки зрѣнія, но и они, съ большею или меньшею ясностью, понимали уже, что вопросъ о народонаселеніи есть по преимуществу историческій вопросъ, и что нѣтъ одного, общаго для всего человѣчества, з а к о н а н а р о д о н а с е л е н і я, а есть з а к о н ы, свойственные различнымъ ступенямъ человѣческаго развитія.

II.

Такъ обстояло дѣло съ вопросомъ о народонаселеніи, пока о немъ говорилось безъ заднихъ мыслей, sine ira et studio. Потомъ пришло время, когда о немъ не могли уже говорить спокойно, когда онъ началъ возбуждать полемическія страсти. Почему про-

*) Тамъ же, стр. 284 и 98.

изошло это, понять не трудно. Съ развитіемъ капитализма рука объ руку шло обѣднѣніе народной массы. Положеніе „трудящихся бѣдняковъ“ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ, а въ то же время число ихъ росло съ поразительной быстротой.

Въ Англіи еще со временъ Елизаветы установленъ былъ, какъ извѣстно, налогъ въ пользу бѣдныхъ, который былъ очень не по вкусу имущимъ классамъ. Налогъ этотъ естественно увеличивался по мѣрѣ увеличенія числа нуждающихся въ общественной помощи. И вотъ явилась мысль показать, что онъ совершенно не достигаетъ цѣли (онъ и дѣйствительно не могъ уничтожить бѣдность) и что лучше всего оставить бѣдняковъ на произволъ судьбы и „естественныхъ законовъ“. Но это еще не все. Французская революція показала, что съ „трудящимися бѣдняками“ шутить опасно, что они могутъ причинить подчасъ много непріятностей имущимъ классамъ. Надо было постараться удержать бѣдняковъ на стезѣ добродѣтели. Надо было показать имъ, что ошибались люди, приписывавшіе недостатокъ продовольствія дурному политическому или общественному устройству. Надо было доказать, что въ бѣдствіяхъ рабочаго класса виновата природа, а не общественныя отношенія. Обширная литература по вопросу о народонаселеніи могла, при умѣломъ пользованіи ею, доставить очень хорошій матеріалъ для подтвержденія этой мысли. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ говорили, что человѣческій родъ способенъ къ чрезвычайно быстрому размноженію, но дурное общественное устройство или плохое управленіе мѣшаютъ ему дойти до тѣхъ предѣловъ, которые допускаются естественнымъ плодородіемъ земли. Попробуемъ разсуждать иначе. Человѣческій родъ стремится размножаться чрезвычайно быстро; средства же существованія далеко не могутъ расти съ такой быстротой. Отсюда бѣдность, отсюда пороки, отсюда всѣ тѣ несчастія, въ которыхъ безпокойные люди обвиняютъ правительства и господствующіе классы. Нищета—плодъ законовъ божескихъ, а не человѣческихъ. Если въ странѣ много бѣдняковъ, то некого винить въ этомъ, кромѣ самихъ бѣдняковъ, которые слишкомъ сильно плодятся. Невозможно придумать какія-нибудь мѣры для серьезнаго улучшенія ихъ участи. Если бы въ нынѣшнемъ году мы ухитрились изгнать бѣдность изъ нашей страны, то черезъ двадцать пять, двадцать, а то и пятнадцать лѣтъ ея населеніе стало бы вдвое больше, и тогда опять появилась бы нищета и всѣ связанныя съ нею бѣдствія.

Участь бѣдняковъ зависитъ исключительно отъ нихъ самихъ.

Пусть они перестанутъ размножаться,—бѣдность исчезнетъ мало-помалу сама собой.

Такъ поставленъ былъ въ Англіи вопросъ о народонаселеніи въ концѣ XVIII вѣка защитниками интересовъ имущихъ классовъ.

„Нелѣпо было бы утверждать—говоритъ Джозефъ Тоунзэндъ,—что въ густонаселенной странѣ никто не чувствуетъ нужды; если бы можно было пополнить то, чего недостаетъ нищимъ, то этимъ мы удвоили бы ихъ число и содѣйствовали бы ихъ размноженію до безконечности, что провиворѣчило бы имѣвшейся въ виду цѣли. Можно было бы, правда, отстранить голодъ и удовлетворить этой потребности въ ущербъ другой (подъ этой другой потребностью Тоунзэндъ понимаетъ потребность физической любви), но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы опредѣлить относительное число людей, вступающихъ въ бракъ, потому что нѣтъ другого средства для ограниченія всего числа жителей. Изъ этого затрудненія не выведетъ никакое усиліе, и люди никогда не найдутъ болѣе естественнаго и лучшаго во всѣхъ отношеніяхъ средства, какъ предоставить одной потребности ограничивать другую“ *). Этими послѣдними словами Тоунзэндъ хочетъ сказать, что въ сущности бѣднякамъ надо предоставить выпутываться изъ нужды, какъ они хотятъ и какъ умѣютъ. Для него и для подобныхъ ему „изслѣдователей“ все дѣло было въ этомъ, будто бы естественномъ выводѣ изъ „естественныхъ“ законовъ.

Для лучшаго уясненія этихъ законовъ Тоунзэндъ приводитъ слѣдующій примѣръ:

„Мореплаватели разсказываютъ объ этомъ островѣ на Великомъ океанѣ, Хуанѣ Фернандесѣ, названномъ такъ по имени открывшаго его капитана. Послѣдній высадилъ на этотъ островъ козла и козу. Эта счастливая пара, найдя богатыя пастбища, безъ затрудненія исполняла первую заповѣдь—плодиться и размножаться — пока не населила весь этотъ маленькій островъ. До той поры животныя не знали ни нужды, ни голода и какъ бы гордились своей многочисленностью; но, по наступленіи этой несчастной эпохи, они начали испытывать недостатокъ въ пищѣ, а такъ какъ они продолжали плодиться, то имѣли бы полное основаніе опасаться всѣхъ ужасовъ голода, если бы только одарены были разумомъ. При этихъ новыхъ условіяхъ слабѣйшіе изъ нихъ погибли, и прежнее изобиліе водворилось. Такимъ образомъ, животныя испытывали попере-

*) Voyage en Espagne, переводъ Пиктэ-Малэ, т. II стр. 348.

мѣнно то благосостояніе, то бѣдность, смотря по увеличенію или уменьшенію ихъ числа, которое слѣдовало за колебаніями количества ихъ продовольствія. Равновѣсіе это по временамъ нарушалось то повальными болѣзнями, то прибытіемъ какого-нибудь корабля, нуждавшагося въ пищѣ. Въ такихъ случаяхъ погибало огромное количество козъ; но оставшіяся въ живыхъ находили нѣкоторое утѣшеніе въ изобиліи, возстановлявшемся послѣ гибели ихъ товарищей, и въ прекращеніи опасенія голода. Такимъ образомъ, все приходило въ порядокъ, и онѣ переставали непріязненно смотрѣть другъ на друга; всѣ имѣли достаточно пищи, всѣ были довольны, всѣ были счастливы. Итакъ, то, что могло бы показаться бѣдствіемъ, дѣлалось для нихъ источникомъ счастья; по крайней мѣрѣ, частное зло вызывало всеобщее благо.

Когда испанцы узнали, что англійскіе каперы снабжались на этомъ островѣ продовольствіемъ, они рѣшили совершенно истребить на немъ козъ, и съ этой цѣлью высадили на него пару собакъ, самца и самку. Собаки, въ свою очередь, тоже размножились въ размѣрѣ найденнаго ими количества пищи; такъ что число козъ, какъ и предвидѣли испанцы, уменьшилось. Если бы онѣ были уничтожены совершенно, то погибли бы и собаки; но такъ какъ многія козы удалились въ горы, куда собаки не могли слѣдовать за ними, и такъ какъ онѣ сходили съ горъ рѣдко, только для отысканія себѣ пищи, то лишь менѣе осторожныя и болѣе дерзкія между ними становились добычей собакъ, а между собаками только самыя сильныя, ловкія и дѣятельныя могли добыть себѣ достаточно пищи. Такъ возникъ новый родъ равновѣсія: слабѣйшія животныя обѣихъ породъ были первыми жертвами новыхъ условій, болѣе дѣятельныя и сильныя уцѣлѣли. Такимъ же образомъ количество продовольствія опредѣляетъ численность и въ человѣческомъ родѣ“ *).

Мы нарочно выписали всю эту, довольно длинную, притчу, потому что она содержитъ въ себѣ всю сущность „мальтусіанства“. Убѣдительностью она, какъ видите, не отличается. Тоунзэнду хочется доказать, что численность данной породы опредѣляется количествомъ продовольствія. Но только первая половина притчи не противорѣчитъ этой мысли. Съ той поры, какъ на островъ пустили собакъ, размноженіе козъ перестало обусловливаться количествомъ пищи: собаки не давали имъ размножаться до той

*) Тамъ же, т. II, стр. 341—344. Смотри также приложеніе къ русскому переводу „Опыты о законѣ народонаселенія“ Мальтуса.

степени, которая допускалась природой острова *). Можно, если угодно, выразиться иначе; можно сказать, что хотя размноженіе козъ и не переставало опредѣляться количествомъ пищи **), но количество это зависѣло теперь не отъ природы острова, а отъ успѣшности собачьихъ нападеній на козъ. Если бы козы, терпя недостатокъ продовольствія въ своихъ горахъ, вздумали заняться изслѣдованіемъ вопроса о народонаселеніи, онѣ должны были бы прійти къ тому выводу, что нужда ихъ обусловливается не физическими, а „моральными“ причинами, т. е. не недостаткомъ растительности, а собачьимъ нашествіемъ, мѣшающимъ имъ воспользоваться всей той пищей, которая находится на островѣ. Придя къ такому выводу, козы задумались бы, можетъ быть, о томъ, какъ бы имъ отодвинуть „моральный“ предѣлъ ихъ размноженія, какъ бы получше защитить имъ себя отъ собакъ. Положимъ, что имъ удалось придумать средство, съ помощью котораго имъ можно было совершенно очистить островъ отъ собакъ. Онѣ въ восторгѣ, а собаки въ отчаяніи: козьи выдумки грозятъ имъ совершеннымъ нарушеніемъ всѣхъ „естественныхъ законовъ“. И вотъ, чтобы образумить безпокойныхъ животныхъ, собаки, въ свою очередь, пускаются въ изслѣдованія о народонаселеніи. Онѣ доказываютъ, что безбожная затѣя козъ не принесетъ никому никакой пользы. Раздѣлавшись съ собаками, козы очень быстро размножатся, заселятъ весь островъ, и тогда опять почувствуется недостатокъ продовольствія. Въ виду этого гораздо разумнѣе оставить все въ прежнемъ положеніи. Если теперь собаки дѣйствительно ѣдятъ иногда козъ, то это, разумѣется, очень печально. Но что же дѣлать? Козамъ суждено страдать на этомъ свѣтѣ. Таковъ законъ природы. Притомъ же козамъ стоитъ только захотѣть, чтобы улучшить свою участь, не прибѣгая къ безполезнымъ переворотамъ. Имъ надо лишь ограничить свое размноженіе. Чѣмъ меньше будетъ козъ, тѣмъ долговѣчнѣе и сытѣе окажется всякая коза въ отдѣльности. Мы не думаемъ, чтобы подобная проповѣдь могла устранить предстоявшую революцію. Смѣшно пугать „козъ“ будущимъ недостаткомъ продовольствія, когда онѣ страдаютъ отъ него уже въ настоящее время. Изгнаніе „собакъ“ принесетъ

*) Это было замѣчено уже русскимъ переводчикомъ Мальтуса, П. А. Бибиковымъ.

**) Хотя и это не совсѣмъ точно: кромѣ пищи, размноженіе опредѣлялось, навѣрно, и другими естественными условіями.

имъ хоть нѣсколько лѣтъ благосостоянія, и этого уже достаточно, чтобы не отказываться отъ мысли объ изгнаніи.

Политико-экономическіе вопросы рѣшаются не притчами и не баснями. Притчи и басни ровно ничего не доказываютъ. Мы остановились на приводимомъ Тоунзэндомъ примѣрѣ единственно для того, чтобы показать, какой характеръ приняли изслѣдованія о народонаселеніи въ концѣ XVIII вѣка. Главной цѣлью ихъ было измышленіе доводовъ, которые помогли бы свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за нищету рабочихъ и убѣдить „бѣдняковъ“ въ томъ, что они терпятъ нужду, благодаря только своей собственной непредусмотрительности. Преданіе говоритъ, что Мененій Агриппа успокоилъ взволнованныхъ плебеевъ своей знаменитой басней. Начиная съ конца XVIII вѣка „опыты“ о народонаселеніи должны были играть роль именно этой басни.

Въ разсужденіяхъ Тоунзэнда, писавшаго еще до французской революціи, уже сквозитъ опасеніе очень серьезныхъ непріятностей со стороны „трудящихся бѣдняковъ“. Онъ старается показать неудобства общественнаго порядка, основаннаго на „общности имуществъ“. Говоря о Леонѣ (въ Испаніи), онъ пускается въ слѣдующія соображенія, которыми потомъ воспользовался Мальтусъ. „Число жителей этой страны должно быть ограничено сообразно ихъ средствамъ существованія. Если бы они установили общность имуществъ, то должны были бы—или опредѣлять по жребію, кому и кому слѣдуетъ выселяться, или умереть съ голоду. Впрочемъ, во избѣжаніе такого исхода, они могли бы постановить съ общаго согласія, что только по два лица въ каждомъ семействѣ могутъ вступать въ бракъ“... *) Этотъ послѣдній якобы исходъ указывается Тоунзэндомъ не спроста. Общество, ограничивающее „съ общаго согласія“ число лицъ, могущихъ вступать въ бракъ, должно произвести на читателя впечатлѣніе самой ужасной тиранiи и вселить въ него благодѣтельное отвращеніе отъ всякой мысли объ общности имуществъ. Однако, не мѣшаетъ припомнить, въ чемъ видитъ Тоунзэндъ дѣйствительнѣйшее средство борьбы съ нищетою въ современномъ обществѣ. Не въ чемъ иномъ, какъ именно въ ограниченіи числа браковъ и вообще размноженія; таковъ смыслъ его словъ относительно ограниченія одной потребности (физической любви) другою (потребностью въ пищѣ). Но вѣдь ограниченіе числа браковъ есть самая вопіющая тиранія?

*) Тамъ-же, т. I, стр. 321.

И да, и нѣтъ! Оно оказывается вопіющей тираніей, когда устанавливается „съ общаго соглашенія“ и распространяется на все общество, вслѣдствіе чего можетъ коснуться самаго „почтеннаго“ человѣка. Иное дѣло, когда ограниченіе „одной потребности“ оказывается необходимымъ для бѣдняковъ, живущихъ подъ вѣчной угрозой голодной смерти и виновныхъ въ томъ, что ихъ произвели на свѣтъ бѣдные родители. Тогда названное ограниченіе является самой благоразумной и совершенно естественной мѣрой. Логика вульгарныхъ экономистовъ никогда не смущалась подобными противорѣчіями. Но можетъ ли она быть убѣдительной для пролетаріата?

Взгляды Тоунзэнда цѣликомъ воспроизводятся въ книгѣ Мальтуса, заслуга котораго сводится лишь ко внесенію новой путаницы въ постановку вопроса о народонаселеніи *).

---

*) Извѣстно, что Марксъ называлъ Мальтуса плагіаторомъ. Столь рѣзкій отзывъ кажется слишкомъ неприличнымъ всѣмъ „серьезнымъ“ ученымъ. Съ нимъ трудно было помириться даже Ф. А. Ланге. Нечего и говорить о людяхъ еще болѣе „почтенныхъ“. Такъ г. Зэтбееръ старается защитить честь Мальтуса въ своей книгѣ: „Die Stellung der Sozialisten zur Malthusschen Revölkerungslehre“. (Книгу эту увѣнчалъ премiей геттингенскій университетъ). По его мнѣнію, только разсмотрѣніе перваго изданія „Опыта“ Мальтуса могло бы окончательно разрѣшить споръ, вызванный рѣзкимъ упрекомъ Маркса (г. Зэтбееръ не могъ достать этого изданія). „А пока,— наивно прибавляетъ онъ,—мы не имѣемъ никакого основанія вѣрить Марксу больше чѣмъ Мальтусу“ (стр. 34). Но Марксу едва ли когда приходило въ голову просить нѣмецкихъ „ученыхъ“ вѣрить ему на слово. Единственное, чего онъ могъ требовать отъ нихъ,— это знакомство съ тѣми предметами, о которыхъ они вздумаютъ говорить. „Неясно,—замѣчаетъ г. Зэтбееръ,—относится ли, и на сколько относится упрекъ въ плагіатѣ къ послѣднимъ изданіямъ сочиненій Мальтуса. Если— да, то несостоятельность его обнаруживается какъ приведенными (г. Зэтбееромъ) мѣстами изъ предисловія ко второму изданію, гдѣ Мальтусъ называетъ свои источники, такъ и способомъ обработки предмета“. Во первыхъ, мы не знаемъ, какъ это могутъ быть неясны г. Зэтбееру совершенно я с н ы я слова Маркса о п е р в о м ъ изданіи, а во-вторыхъ, мы позволимъ собѣ спросить его, думаетъ ли онъ, что Мальтусъ обнаружилъ большую самостоятельность въ дальнѣйшей „обработкѣ предмета?“ Читалъ ли г. Зэтбееръ предшественниковъ Мальтуса? Если—да, пусть укажетъ хотя одну—только одну!—мысль этого писателя, н е заимствованную у кого-нибудь изъ нихъ. Съ своей стороны, мы можемъ привести именно изъ послѣдующихъ изданій множество примѣровъ поразительной, доходящей до мелочей, несамостоятельности Мальтуса.

III.

Мальтусъ очень дешево купилъ ученую славу, не дороже, чѣмъ купилъ ее Ж. Б. Сэй. Даже люди, горячо нападавшіе на его ученіе о народонаселеніи, напримѣръ, Чернышевскій, считали его замѣчательнымъ экономистомъ, ставили его имя рядомъ съ именами Смита и Рикардо. А между тѣмъ, достаточно прочитать его „Основы политической экономіи", чтобы увидѣть всю шаткость такого мнѣнія. Подобно Сэю, Мальтусъ былъ противникомъ Рикардо, и, еще разъ подобно Сэю, онъ не только очень слабо возражалъ Рикардо, но просто не въ состояніи былъ понять взгляды этого, дѣйствительно, замѣчательнаго экономиста. Точка зрѣнія Рикардо навсегда осталась для него недостижимой ступенью научнаго мышленія. Все, что говоритъ онъ противъ Рикардо, можетъ по своему достоинству сравниться развѣ лишь съ возраженіями Сэя противъ того-же писателя, или съ тѣми доводами, которые въ изобиліи измышляются теперь патентованными учеными для побіенія марксизма *). Умъ Мальтуса,—типическій умъ вульгарнаго экономиста,—никогда не шелъ дальше поверхности явленій и никогда не отличался хотя-бы самой элементарной послѣдовательностью. За какой вопросъ ни брался этотъ человѣкъ, онъ неизбѣжно запутывалъ его по той простой причинѣ, что не умѣлъ ясно поставить его передъ собой и твердо держаться разъ принятой постановки. Незамѣтно для себя онъ перескакивалъ отъ одной постановки къ другой, мѣшалъ въ одну кучу различные выводы, вытекающіе изъ различныхъ постановокъ вопроса, и кончалъ тѣмъ, что врядъ ли и самъ понималъ, о чемъ собственно идетъ у него рѣчь въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Это, разумѣется, очень большой недостатокъ. Но замѣчательно, что именно этотъ-то недостатокъ и оказалъ ему огромную услугу при „изслѣдованіи" вопроса о народонаселеніи.

Мы видѣли, что многіе предшественники Мальтуса строго различали физическіе предѣлы размноженія отъ „моральныхъ" предѣловъ, зависящихъ отъ общественныхъ отношеній. Мы видѣли также, какъ ясно понимали нѣкоторые изъ нихъ то обстоятельство, что законы народонаселенія различны на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Такая постановка вопроса была очень

*) Для примѣра укажемъ на его разсужденія о стоимости, какъ въ вышеозначенномъ сочиненіи, такъ и въ Definitions in political Economy, ch. VIII.

неудобна для людей, желавшихъ сдѣлать изъ него оружіе противъ требованій пролетаріата. Эти люди стремились доказать, что бѣдствія пролетаріевъ происходятъ отъ перенаселенія. Но, даже соглашаясь съ ними, можно было,—помня выводы прежнихъ изслѣдователей,—попросить ихъ объяснить, какими собственно причинами обусловливается перенаселеніе: физическими или „моральными?“ Происходитъ ли оно оттого, что почва страны не въ состояніи прокормить данное число людей, или только оттого, что общественныя условія мѣшаютъ надлежащимъ образомъ воспользоваться плодородіемъ почвы? Въ интересахъ такъ-называемаго общественнаго спокойствія необходимо было, во что бы то ни стало, избѣжать столь нескромныхъ и несвоевременныхъ разспросовъ. А этого легче всего было достигнуть устраненіемъ съ поля изслѣдованія всѣхъ общественныхъ элементовъ, отъ которыхъ въ дѣйствительности зависитъ рѣшеніе вопроса. Историческіе законы народонаселенія должны были уступить мѣсто единому отвлеченному закону, дѣйствующему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Мы знаемъ, что уже Тоунзэндъ очень ловко свелъ вопросъ на эту отвлеченную почву. Но Тоунзэндъ этимъ и ограничился. Онъ сдѣлалъ большую ошибку, не обезпечивъ себѣ отступленія, не выставивъ, для внушительности, такого историческаго матеріала, который помѣшалъ бы противникамъ обратить вниманіе на слабую точку позиціи,—на полное отсутствіе историческаго взгляда на дѣло. Этотъ пробѣлъ пополненъ былъ Мальтусомъ.

Появившійся сначала въ видѣ довольно тощей книжки его „Опытъ о законѣ народонаселенія“ постепенно (въ послѣдующихъ изданіяхъ) принялъ видъ чрезвычайно серьезнаго и обстоятельнаго изслѣдованія, полнаго самыхъ разнообразныхъ фактическихъ данныхъ.

Казалось бы, что это обиліе данныхъ должно было помѣшать ему исполнить свою задачу: установить отвлеченный законъ отвлеченнаго народонаселенія. Но, благодаря указанному характеру своего ума, онъ благополучно миновалъ и Сциллу и Харибду.

По собственному признанію Мальтуса, онъ взялся за изслѣдованіе закона о народонаселеніи, руководимый желаніемъ приложить этотъ законъ „къ разъясненію нѣкоторыхъ теорій относительно усовершаемости человѣка и общества,—теорій, на которыхъ сосредоточивалось въ то время общественное вниманіе“. Самъ же онъ объясняетъ намъ, каковы именно были эти теоріи: главнѣйшая изъ нихъ, теорія Годвина, имѣла цѣлью показать „огромныя вы-

воды системы равенства". „Разъясняя" эту теорію, Мальтусъ выставляетъ противъ нея слѣдующій доводъ: „Главная ошибка Годвина состоитъ въ томъ, что онъ приписываетъ человѣческимъ учрежденіямъ всѣ пороки и всѣ бѣдствія, возмущающія общество. Въ политическихъ учрежденіяхъ и въ законахъ, касающихся собственности, онъ видитъ источникъ всѣхъ бѣдствій и всѣхъ преступленій. Но если бы это воззрѣніе было справедливо, то можно было бы не отчаиваться въ надеждѣ, что зло будетъ когда-нибудь окончательно изгнано изъ окружающаго насъ міра, а разумъ человѣческій, дѣйствительно, будетъ орудіемъ такого благотворнаго преобразованія. Но дѣло въ томъ, что бѣдствія, причиняемыя человѣческими учрежденіями, между которыми нѣкоторыя представляются несомнѣнно вредными, оказываются крайне ничтожными и поверхностными сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями" *). Для доказательства этой мысли ему служитъ тотъ отвлеченный законъ, въ силу котораго населеніе всегда стремится будто бы перейти за предѣлы средствъ существованія. Изложенію закона посвящена первая глава первой книги „Опыта". Тамъ мы встрѣчаемся съ пресловутыми прогрессіями**), которыя, повидимому не оставляютъ сомнѣнія въ справедливости закона, а слѣдовательно и той мысли, что вліяніе плохого общественнаго устройства оказывается „крайне поверхностнымъ и ничтожнымъ сравнительно съ несчастіями, порождаемыми естественными законами и человѣческими страстями". Такое именно впечатлѣніе и выноситъ читатель изъ этой главы. Но затѣмъ онъ переходитъ къ обширному, занимающему цѣлыхъ двѣ книги, изслѣдованію „о препятствіяхъ для размноженія населенія" на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Тутъ онъ имѣетъ дѣло съ этнографическими, историческими и статистическими данными, которыя щедрой рукой разсыпаетъ авторъ. Онъ присматри-

*) Опытъ, т. II, кн. III, гл. 2, стр. 90—91. Всѣ наши ссылки относятся къ русскому переводу „Опыта", сдѣланному П. А. Бибиковымъ.

**) Очень ошибся бы тотъ, кто сказалъ бы, что по крайней мѣрѣ, прогрессіи эти придуманы самимъ Мальтусомъ. О способности человѣческаго рода къ размноженію по геометрической прогрессіи говорили и до него (Франклинъ, Уоллэсъ, Тоунзэндъ). Ариѳметическая прогрессія, кажется, придумана, дѣйствительно, самимъ Мальтусомъ. Но трудно ли было придумать ее, напр., послѣ разсужденій Тоунзэнда о томъ, что размножающееся по геометрической прогрессіи населеніе стремится обогнать средства существованія? Неужели простое ариѳметическое сравненіе можетъ быть названо открытіемъ?

вается къ этимъ даннымъ,—и что же онъ видитъ? Неужели Мальтусъ позабылъ свое основное положеніе? Вліяніе человѣческихъ учрежденій оказывается далеко не такимъ ничтожнымъ, какимъ его хочетъ выставить авторъ. Порой дѣло доходитъ до того, что учрежденія представляются самой главной причиной экономическихъ бѣдствій, испытываемыхъ населеніемъ.

Не угодно ли вамъ вдуматься въ смыслъ, напримѣръ, слѣдующихъ явленій.

„Мунго Паркъ представляетъ намъ посѣщенныя имъ части Африки дурно обработанными и безлюдными. Путешественникъ этотъ встрѣчалъ обширныя и прекрасныя пустыни совершенно лишенными населенія. Пограничныя части различныхъ странъ, по которымъ онъ проѣхалъ, были либо слабо населены, либо вовсе безлюдны. Болотистые берега Гамбіи, Сенегала и многихъ другихъ рѣкъ, близъ моря, повидимому, вовсе оставлены по причинѣ ихъ нездороваго климата. Но нельзя этого сказать о другихъ частяхъ страны. Глядя на ихъ удивительное плодородіе, на безчисленныя, покрывающія ихъ, стада, которыя можно было бы употребить, какъ въ работу, такъ и въ пищу; сообразивъ, какъ бы легко было облегчить въ нихъ сообщеніе посредствомъ внутреннихъ водяныхъ путей, нельзя не пожалѣть,—говоритъ Мунго-Паркъ, что всѣ эти богатые дары природы остаются безъ употребленія и что человѣкъ не употребляетъ въ свою пользу богатствъ, расточаемыхъ передъ нимъ этою дикою и дѣвственною природою *).

„Главная причина слабаго населенія Турціи, сравнительно съ ея протяженіемъ, состоитъ безспорно въ свойствѣ ея правительства. Тиранія, безсиліе, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому и необезпеченная собственность представляютъ такія препятствія для земледѣлія, что оно съ каждымъ годомъ упадаетъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе“ **).

Описавъ, на основаніи путешествій Брюса, состояніе Абиссиніи, Мальтусъ замѣчаетъ: „При такихъ естественныхъ и политическихъ условіяхъ высшая степень предусмотрительности, трудолюбія и безопасности, разумѣется, могла бы улучшить состояніе народа и тѣмъ самымъ увеличить ея населеніе. Но одно только увеличеніе числа рожденій, безъ содѣйствія другихъ мѣръ, можетъ только увеличить нищету, а населеніе отъ этого ничего не выиграетъ.

*) „Опытъ“, кн. I, гл. VIII, стр. 194.
**) Тамъ же, кн. I, гл. X, стр. 219.

„То же самое можно сказать и о Египтѣ, нѣкогда столь цвѣтущемъ и населенномъ. Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія; не ослабленіе этого закона причинило паденіе, которому мы удивляемся; ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность. Вотъ какимъ причинамъ, а также отсутствію безопасности и гнету притѣснительнаго правительства слѣдуетъ приписать настоящее положеніе этой знаменитой страны. Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія. Будь онъ въ десять разъ сильнѣй, онъ не могъ бы сдѣлать ничего больше“ *).

IV.

Заглянемъ теперь въ „Основы политической экономіи“ того же автора. Тамъ онъ описываетъ, со словъ Гумбольдта, положеніе дѣлъ въ тогдашней испанской Америкѣ. Оказывается, что плодородіе этихъ земель поразительное. Двухъ дней труда въ недѣлю было бы достаточно, чтобы прокормить цѣлую семью. Урожай маиса бываетъ иногда самъ—800. Въ окрестностяхъ Вальядолида самъ—130—150 есть средній урожай маиса. Въ наиболѣе безплодныхъ мѣстностяхъ урожай его бываетъ самъ—60, самъ—80. Тамъ, гдѣ растутъ бананы, добываніе пищи еще менѣе затруднительно. Человѣку нужно тамъ „лишь срѣзать вѣтки, на которыхъ созрѣли плоды, и окопать землю вокругъ корней разъ или два въ годъ“.

При небольшой заботѣ о земледѣліи Мексика могла бы прокормить въ десять разъ большее число жителей. А между тѣмъ бѣдность въ испанской Америкѣ страшная, населеніе крайне рѣдкое. „Пространства въ нѣсколько квадратныхъ верстъ заняты какой-нибудь парой хижинъ, вокругъ которыхъ бродятъ стада полудикихъ быковъ“.

Небольшое число могущественныхъ семействъ, населяющихъ центральную возвышенность, владѣютъ большею частью побережья въ интендантствахъ Веракурцъ и Санъ-Луи-Потози. „Никакой аграрный законъ не вынуждаетъ этихъ богатыхъ собственниковъ продавать ихъ маіораты въ томъ случаѣ, если сами они не хотятъ воздѣлывать принадлежащія имъ огромныя земли“. Это говоритъ Гумбольдтъ. И по этому поводу Мальтусъ замѣчаетъ, что хотя на-

*) „Опытъ“, т. I, кн. I, гл. VIII, стр. 205.

званные землевладѣльцы „имѣютъ полную возможность содержать на своихъ земляхъ гораздо болѣе многочисленное населеніе, но сомнительное и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ незначительное увеличеніе различныхъ благъ, котораго они могли бы ожидать отъ приращенія населенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могло бы побѣдить ихъ безпечность и уравновѣсить соединенные съ нимъ неудобства и хлопоты"... Туземцы охотно воздѣлывали бы землю для себя, но высокой арендной платы они дать не могутъ, и потому собственники предпочитаютъ оставлять землю подъ пастбищами. „Вслѣдствіе этого земли, которыя могли бы прокормить тысячи обитателей, служатъ лишь для корма скота". Въ концѣ концовъ Мальтусъ приходитъ къ тому заключенію, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ" (that the power of supporting labour may exist to a much greater extent than the will), и что рѣдкость населенія испанской Америки причиняется именно указанными имущественными отношеніями: неравенствомъ (by this inequality). Поправить дѣло можно было бы лучшимъ распредѣленіемъ собственности и постепеннымъ развитіемъ въ странѣ промышленности на европейскій ладъ. И нѣтъ надобности забираться въ испанскую Америку, чтобы придти къ подобному заключенію: къ нему приводитъ состояніе самой Испаніи и даже большинства европейскихъ странъ *).

Мальтусъ прекрасно знаетъ, что безъ работника ни шагу не сдѣлаешь въ промышленности. Въ испанской Америкѣ вопросъ этотъ стоялъ далеко не такъ, какъ это желательно было бы съ точки зрѣнія буржуазныхъ понятій. Какъ ни бѣдны были туземцы, но къ наемному труду пріучить ихъ было бы очень трудно. Гумбольдтъ приводитъ мнѣніе какого-то просвѣщеннаго обитателя той страны, полагавшаго, что лишь радикальное истребленіе банановыхъ деревьевъ могло бы дать благодѣтельный толчекъ трудолюбію туземцевъ **). Мальтусъ приводитъ это мнѣніе, ни мало не возмущаясь имъ. Какъ и всякій вульгарный экономистъ, онъ прикладываетъ къ явленіямъ двоякую мѣрку. Когда рѣчь идетъ объ отсталыхъ, полуфеодальныхъ странахъ (какими были въ то время даже многія

*) Principles of Political Economy considered with a view to their practical application, London, 1820, pp. 375—401.

**) Т. е. лишивъ ихъ собственныхъ средствъ къ пропитанію, превративъ ихъ въ пролетаріевъ.

европейскія страны), онъ готовъ признать благодѣтельное значеніе даже такихъ мѣръ, какъ „аграрные законы“ и насильственное превращеніе народной массы въ пролетаріатъ. По отношенію къ такимъ странамъ оказывается несомнѣннымъ, что „средства для прокормленія работниковъ могутъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе кормить ихъ“. Тогда онъ готовъ возставать и противъ „inequality“. Тогда онъ далекъ отъ мысли приписывать общественнымъ отношеніямъ лишь ничтожное, поверхностное значеніе. Тогда онъ готовъ взваливать на нихъ главную отвѣтственность за бѣдствія людей. Тогда его устами говоритъ буржуа, ненавидящій средневѣковый порядокъ и готовый разрушать его чуть не якобинскими мѣрами. Но когда рѣчь заходитъ о дорогомъ его сердцу буржуазномъ порядкѣ, когда возвышаются голоса, нападающіе на свойственное этому порядку неравенство, дѣло принимаетъ другой оборотъ: Мальтусъ превращается въ крайняго консерватора, лицемѣрно поднимаетъ глаза къ небу и старается образумить новѣйшихъ сторонниковъ равенства ссылкою на „законъ природы или, что то же, Божій законъ“ (The law of nature being a law of God), осуждающій людей на недостатокъ продовольствія, на нищету и пороки, и не имѣющій никакого отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ.

Такова психологическая логика Мальтусовскихъ разсужденій. Съ точки же зрѣнія формальной логики у него замѣчаются еще болѣе удивительные курьезы.

Читатель помнитъ, что говоритъ Мальтусъ объ Египтѣ: „Въ этой странѣ измѣнился не законъ размноженія населенія, не ослабленіе этого закона причинило паденіе, которому мы удивляемся: ослабѣло ея трудолюбіе и предусмотрительность... Законъ размноженія такъ же дѣятеленъ въ Египтѣ, какъ прежде; онъ держитъ народонаселеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія“. Это значитъ вотъ что: было время, когда въ Египтѣ производилось много хлѣба, и тогда въ немъ было густое населеніе; теперь, по соціально-политическимъ причинамъ, въ немъ производится гораздо меньше хлѣба, а потому и населеніе въ немъ гораздо менѣе густо. Это—совершенно понятное явленіе, но какую связь имѣетъ оно съ закономъ размноженія? Законъ этотъ „держитъ населеніе какъ разъ на уровнѣ средствъ существованія“, т. е., иначе сказать, пресловутый законъ гласитъ, что люди не могутъ жить безъ пищи. Это—старая истина, для доказательства которой едва ли стоило писать объемистый „Опытъ“!

Но подобными пошлостями трудно опровергнуть „сторонниковъ равенства“. Мальтусъ знаетъ это, и придаетъ совершенно иной смыслъ своему закону въ спорахъ съ ними. Здѣсь онъ, опираясь на знаменитыя прогрессіи, твердитъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что въ этомъ заключается коренная причина нищеты. Здѣсь „законъ Мальтуса“ выступаетъ въ своемъ отвлеченномъ видѣ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о тѣхъ препятствіяхъ для увеличенія средствъ существованія, о которыхъ говоритъ Мальтусъ въ фактической части своего изслѣдованія, и которыя ясно показываютъ, что недостатокъ продовольствія причиняется не физическими, а „моральными“ причинами. Такъ вотъ и скачетъ нашъ почтенный проповѣдникъ отъ одной постановки вопроса къ другой, безнадежно запутывая и самого себя, и своего читателя. Это было бы очень ловкимъ софизмомъ, если бы не было просто однимъ изъ тѣхъ паралогизмовъ, склонность къ которымъ такъ свойственна уму вульгарнаго экономиста. Подобныхъ парологизмовъ можно насчитать цѣлыя сотни въ „Основахъ политической экономіи“ Мальтуса.

Мы сказали, что въ этихъ паралогизмахъ заключалась главная сила Мальтуса, какъ изслѣдователя закона о народонаселеніи. И дѣйствительно, нерѣдко люди, гораздо болѣе умные чѣмъ онъ, неудачно спорили противъ него единственно потому, что не успѣли разобраться въ произведенной имъ путаницѣ понятій. Извольте спорить съ человѣкомъ, который набросалъ въ одну безпорядочную кучу самыя различныя постановки вопроса и окрестилъ эту кучу именемъ изслѣдованія. Васъ поразила болѣе всего мысль о ничтожномъ и поверхностномъ значеніи общественныхъ отношеній въ дѣлѣ добыванія продовольствія. Вы возражаете противъ нея, ссылаясь на общественные, этнографическіе и историческіе факты.— Помилуйте, отвѣчаютъ вамъ, все это прекрасно зналъ самъ Мальтусъ, онъ приводитъ еще болѣе поразительные примѣры: неугодно ли вамъ просмотрѣть такія-то и такія-то мѣста его „Опыта“.— Если вы вздумаете подойти къ вопросу съ другой стороны, если вы скажете, что самъ Мальтусъ показалъ, до какой степени общественныя отношенія часто мѣшаютъ людямъ пользоваться всѣми находящимися въ ихъ распоряженіи производительными силами, вамъ опять укажутъ на „законъ Мальтуса“, но на этотъ разъ уже въ его отвлеченномъ видѣ: вамъ скажутъ, что населеніе всегда стремится обогнать средства существованія и что общественныя отношенія тутъ непричемъ. Направляйтесь въ какую угодно сто-

рону—вамъ всегда переградитъ дорогу непроходимая трясина мальтусовскихъ паралогизмовъ.

Возражавшіе Мальтусу „сторонники равенства“ тѣмъ легче попадали въ эти трясины, что ихъ собственная постановка общественныхъ вопросовъ была далеко не безукоризненна. Пока они стояли на утопической точкѣ зрѣнія, они не любили считаться съ исторической дѣйствительностью. Они предпочитали отвлеченныя рѣшенія общественныхъ вопросовъ, годныя для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Благодаря этому, они въ спорѣ о законѣ народонаселенія легко попадали въ разставленныя Мальтусомъ логическія ловушки. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ выгодной для нихъ позиціи критики существующихъ общественныхъ отношеній, они устремлялись въ безплодную пустыню отвлеченныхъ изслѣдованій объ отвлеченномъ размноженіи отвлеченнаго человѣчества. Не мало силъ взяло странствованіе по этой пустынѣ, но вопросъ такъ и остался нерѣшеннымъ вплоть до появленія „Капитала“.

Вопросъ о народонаселеніи разсматривается въ „Капиталѣ“, повидимому, совершенно мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ. Современнымъ нѣмецкимъ ученымъ, которые оцѣниваютъ достоинство научной мысли по количеству томовъ, потребовавшихся для ея изложенія, кажется даже, что Марксъ недостаточно серьезно относится къ этому вопросу. А между тѣмъ, что собственно говоритъ о немъ Марксъ въ „Капиталѣ“? Онъ говоритъ, во-первыхъ, что абстрактные законы населенія существуютъ только для животныхъ и растеній, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока законы эти не видоизмѣняются дѣятельностью человѣка. Ланге замѣчаетъ по этому поводу въ своей извѣстной книгѣ „Рабочій Вопросъ“, что законы размноженія животныхъ и растеній тоже не абстрактны, потому что они видоизмѣняются сообразно болѣе или менѣе благопріятнымъ для размноженія физическимъ условіямъ. Но очевидно, что онъ плохо схватываетъ мысль Маркса. По Марксу, законы размноженія животныхъ и растеній „абстрактны“ въ томъ смыслѣ, что они зависятъ только отъ „естественныхъ условій“. Стало быть, возражая автору „Капитала“, Ланге лишь подтверждаетъ его мысль. Далѣе Марксъ говоритъ, что для каждаго историческаго способа производства существуетъ свой особый законъ народонаселенія, дѣйствіе котораго ограничивается данной исторической эпохой. Эта мысль, во-первыхъ, совершенно согласна съ тѣми выводами, къ которымъ пришла экономическая наука въ эпоху, пред-

шествующую появленію сикофантовъ въ родѣ Тоунзэнда и Мальтуса. А во-вторыхъ, она блистательно подтверждается современными статистическими изслѣдованіями о народонаселеніи *). Кромѣ того, Марксъ устанавливаетъ свойственный капиталистическому обществу законъ населенія, который можетъ быть выраженъ такъ: развитіе производительныхъ силъ ведетъ къ образованію и возрастанію относительно излишняго (т.-е. не имѣющаго заработка) населенія, запасной арміи рабочихъ, какъ назвалъ это населеніе Энгельсъ еще въ сороковыхъ годахъ. Вѣренъ или не вѣренъ дѣйствительности этотъ законъ? Статистика показываетъ, что вѣренъ. Изъ исторіи же политической экономіи видно, что уже экономисты XVIII вѣка высказывали болѣе или менѣе счастливыя догадки относительно его существованія (просимъ читателя вспомнить взгляды Стэарта и Герреншванда). Да и не одни экономисты высказывали подобныя догадки. Величайшій изъ философовъ-идеалистовъ XIX столѣтія, Гегель, прямо говоритъ, что въ цивилизованныхъ обществахъ развитіе богатства идетъ рука объ руку съ развитіемъ бѣдности **). Значитъ, Марксъ не сказалъ ничего такого, что можно было бы назвать парадоксальнымъ. Значитъ, онъ и въ этомъ отношеніи остается вѣренъ лучшимъ традиціямъ экономической науки. Онъ лишь далъ научное выраженіе и доказательство тому, о чемъ догадывались его предшественники. Но если это такъ, то почему же взглядъ его на вопросъ о народонаселеніи вызвалъ столько недоразумѣній среди современныхъ экономистовъ, начиная съ болѣе или менѣе безпристрастнаго Ланге и кончая очень пристрастнымъ г. Зэтбееромъ? Потому, что въ немъ заключается слишкомъ рѣзкое осужденіе существующаго экономическаго порядка, а подобное осужденіе не можетъ нравиться сторонникамъ этого порядка и кажется слишкомъ рискованнымъ людямъ, не совсѣмъ еще разубѣдившимся въ его прелестяхъ.

Въ виду всего сказаннаго, какъ же можно выразить законъ народонаселенія въ будущемъ обществѣ? Пока еще никакъ. Мы не можемъ найти законъ народонаселенія, свойственный еще не-

*) Укажемъ хотя бы на статистику народонаселенія во Франціи. Изъ множества относящихся къ этому предмету сочиненій назовемъ изслѣдованіе Бертильона младшаго и Дюмона (Depopulation et Civilisation Paris 1890).

**) См. объ этомъ статью „Zu Hegel's sechzigstem Todestag", печатаніе которой началось въ „Neue Zeit" 14 ноября 1891 года. Она перепечатана въ русскомъ переводѣ въ сборникѣ „Критика нашихъ критиковъ".

существующему обществу. Всякія попытки сдѣлать это были бы преждевременными, а потому утопическими, не научными. Это мы можемъ и должны сказать съ полной увѣренностью. А если на этомъ основаніи, намъ вздумаютъ грозить перенаселеніемъ, которое, по мнѣнію мальтусіанцевъ, неизбѣжно въ обществѣ, незнающемъ раздѣленія на классы, мы отвѣтимъ, что, во-первыхъ, уже современное состояніе производительныхъ силъ чрезвычайно далеко отодвигаетъ для цивилизованныхъ странъ физическій предѣлъ размноженія, а во-вторыхъ, если человѣчеству и придется когда-нибудь бороться съ перенаселеніемъ,—что крайне мало вѣроятно,—то ему гораздо удобнѣе будетъ бороться съ нимъ, имѣя дѣло съ раціонально организованнымъ производствомъ и всесторонне развитыми производителями, чѣмъ при нынѣ существующемъ общественномъ устройствѣ, основанномъ на угнетеніи рабочей массы и на господствѣ продукта надъ производителемъ *).

V.

Въ своихъ „Основахъ политической экономіи“ Мальтусъ удачнѣе объясняетъ намъ истинный смыслъ своего закона. „Если бы простая нужда или желаніе рабочихъ классовъ пріобрѣсти вещи, необходимыя и полезныя для жизни, были достаточнымъ побужденіемъ для производства,—говоритъ онъ тамъ,—ни одна страна въ Европѣ, или даже во всемъ свѣтѣ, не встрѣтила бы другихъ препятствій для роста богатства, кромѣ своихъ производительныхъ силъ; и уже съ давнихъ поръ земля кормила бы въ 10 разъ больше жителей, чѣмъ кормитъ теперь“. Но иное

*) Г. А. Лоріа въ своей брошюрѣ „La legge di popolazione ed il sistema sociale“, Siena 1882, вздумалъ было соединить взгляды Маркса,—котораго онъ, впрочемъ, не называетъ,—со взглядами Мальтуса. У него выходитъ, что размноженіе населенія,—законы котораго измѣняются сообразно измѣненіямъ общественнаго устройства,—въ свою очередь, является дѣятельной причиной всѣхъ перемѣнъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Тутъ, конечно, есть неоспоримая доля истины; но до какой степени неудовлетворительно это эклектическое воззрѣніе, показываетъ то простое обстоятельство, что г. Лоріа забылъ о развитіи общественныхъ производительныхъ силъ, отъ которыхъ въ послѣднемъ счетѣ все и зависитъ. Подобное несчастіе, впрочемъ, часто случается съ г. Лоріа въ его будто бы глубокомысленныхъ, но въ дѣйствительности крайне поверхностныхъ и ни мало не остроумныхъ изслѣдованіяхъ.

дѣло „нужда“ рабочихъ классовъ, иное дѣло такъ называемый въ экономіи дѣйствительный спросъ, а въ немъ то и вся сила. „Человѣкъ, ничего не имѣющій, кромѣ своего труда (Мальтусъ хочетъ сказать—своей рабочей силы), является представителемъ спроса на продукты лишь по стольку, по скольку обладатели этихъ продуктовъ нуждаются въ его трудѣ (т. е. въ его рабочей силѣ). Спросъ же на производительный трудъ никогда не можетъ имѣть мѣста, если стоимость продукта этого труда не будетъ больше стоимости самого труда (опять таки рабочей силы)“. *) Это очень ясно и совершенно справедливо: рабочая сила покупается единственно въ видахъ производства прибавочной стоимости, но это вѣрное замѣчаніе придаетъ совсѣмъ новый видъ закону народонаселенія; теперь онъ гласитъ уже такъ: совершенно независимо отъ своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается переселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Работникамъ, лишеннымъ счастья производить прибавочную стоимость, остается лишь умереть съ голоду. Таковъ „законъ природы или, что то же, Божій законъ“. Этотъ новый „законъ“ рѣшительно ниспровергаетъ все пресловутое ученіе Мальтуса о народонаселеніи. Очень хорошо; примемъ это къ свѣдѣнію и пойдемъ дальше. Въ своемъ „Опытѣ“ Мальтусъ совѣтовалъ рабочимъ размножаться какъ можно меньше. Онъ говорилъ такъ, желая свалить съ имущихъ классовъ отвѣтственность за бѣдствія пролетаріата и по возможности облегчить имъ тяжесть налога для бѣдныхъ. Въ „Основахъ политической экономіи“ онъ взглянулъ на дѣло съ другой стороны. Онъ вспомнилъ, что какъ тамъ ни разсуждай, а работникъ есть единственный производитель прибавочной стоимости; и вотъ онъ замѣчаетъ, что, если бы рабочій классъ размножался слишкомъ медленно, то это могло бы разорить страну, занимающуюся исключительно торговлей и мануфактурной промышленностью **). Это опять совершенно справедливая мысль; ее тоже нужно принять къ свѣдѣнію. Но къ сожалѣнію, она тоже ниспровергаетъ то, что извѣстно подъ именемъ Мальтусова ученія. Теперь его приходится формулировать

*) Здѣсь мы вынуждены цитировать по французскому переводу, не имѣя въ настоящую минуту подъ руками англійскаго подлинника. См. Principes etc., traduit de l'anglais par M. F. S. Constancio, Paris, 1820, t. II, p.p. 17—19.

**) Тамъ же, т. I, стр. 340.

уже такимъ образомъ: совершенно независимо отъ состоянія своихъ производительныхъ силъ, страна оказывается перенаселенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней больше, чѣмъ ихъ требуется для производства прибавочной стоимости. Это очень неудобно и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ: имущимъ классамъ приходится платить непріятный налогъ въ пользу бѣдныхъ, а неимущіе могутъ обнаружить опасную склонность къ ученіямъ „сторонниковъ равенства". И наоборотъ, страна оказывается недостаточно населенной всякій разъ, когда работниковъ въ ней меньше, чѣмъ ихъ нужно господамъ капиталистамъ. Такое положеніе дѣлъ можетъ привести ее къ раззоренію. Нормальный приростъ населенія есть тотъ, который опредѣляется потребностями капитала въ рабочей силѣ. Работники должны имѣть это въ виду. Если, рождая дѣтей, они не сумѣютъ опредѣлить, сколько именно рукъ понадобится капиталу къ тому времени, когда ихъ дѣти достигнутъ рабочаго возраста, то тѣмъ хуже для нихъ. Излишнія руки должны будутъ погибнуть жертвой нищеты; въ томъ же случаѣ, когда рукъ окажется слишкомъ мало, страна раззорится, а отъ этого опять уменьшится спросъ на рабочую силу. Таковъ „законъ природы или, что то же, Божій законъ".

Мальтусъ хотѣлъ опровергнуть „сторонниковъ равенства" и показать невыгоды общности имуществъ. До какой степени могли быть сильны возраженія этого человѣка противъ коммунизма, можно судить уже по одному тому, что онъ никогда не въ состояніи былъ выйти изъ сферы буржуазныхъ экономическихъ понятій. Онъ пресерьезно говоритъ объ уровнѣ прибыли у дикарей. Онъ знаетъ, что, напр., въ Перу былъ коммунистическій строй. Но этотъ строй онъ называетъ „страннымъ", и этимъ эпитетомъ отдѣлывается отъ дальнѣйшей его оцѣнки. Подобной узкостью взглядовъ страдали, какъ мы знаемъ, даже лучшіе экономисты того времени, но ни у кого не доходила она до такихъ „странныхъ", можно сказать, комическихъ размѣровъ, какъ у автора „Опыта о законѣ народонаселенія". Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно припомнить хотя бы то, какъ опредѣлялъ онъ производительное потребленіе *).

*) „Работникъ... несомнѣнно потребляетъ часть своей заработной платы въ видахъ поддержанія своего существованія, а не какъ капиталъ съ цѣлью производства (Мальтусъ хочетъ сказать: съ цѣлью выжиманія изъ другого прибавочной стоимости). Онъ производительный потребитель по отношенію къ лицу, которое даетъ ему работу, и по отношенію

VI.

Въ „Опытѣ“ Мальтусу приходилось толковать о перенаселеніи; въ „Основахъ пол. экон.“ ему пришлось считаться также и съ перепроизводствомъ. „Какъ бы ни были велики производительныя силы,—говоритъ онъ,—сами по себѣ онѣ еще не могутъ обезпечить соотвѣтственнаго имъ возрастанія богатства. Чтобы дать этимъ силамъ полное развитіе, нужно, повидимому, еще нѣчто другое. Продукты должны быть такъ приспособлены къ нуждамъ потребителей, чтобы при распредѣленіи ихъ между ними возрасла общая мѣновая стоимость всей массы продуктовъ *). Другими словами: между производительными силами и людьми, нуждающимися въ продуктахъ, стоитъ капиталистъ, который говоритъ, что онъ согласенъ пустить въ дѣло названныя силы только въ томъ случаѣ, если это занятіе принесетъ ему извѣстную прибыль. Но въ современномъ обществѣ силы эти такъ велики, что продукты нерѣдко переполняютъ рынки, не находя себѣ сбыта. А вслѣдствіе этого капиталисты лишаются ожидаемой прибыли. Тогда они прекращаютъ производство, разсчитываютъ своихъ работниковъ, и между этими послѣдними царствуетъ нищета, о которой еще Фурье справедливо замѣтилъ, что она порождается не чѣмъ инымъ, какъ избыткомъ: рабочіе бѣдствуютъ именно потому, что они произвели слишкомъ много предметовъ, годныхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Какъ же быть? Кажется, что проще всего дѣло рѣшилось бы передачей работникамъ тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ они нуждаются и которые въ избыткѣ находятся на рынкѣ. Но такая передача означала бы нарушеніе священныхъ правъ капиталистической собственности, и ужъ, разумѣется, не Мальтусъ одобрилъ бы подобное нарушеніе. Онъ придумалъ другое: онъ нашелъ, что „причины, наиболѣе благопріятствующія“ выгодному для господъ капиталистовъ сбыту продуктовъ, могутъ быть трехъ родовъ: „1) раздѣленіе крупной поземельной собственности, 2) внѣшняя и внутренняя торговля и 3) существо-

---

къ государству, но, строго говоря, не по отношенію къ самому себѣ“. (Definitions, стр. 258—259).

Такъ какъ я не могу эксплуатировать самого себя, то я никогда не могу быть производительнымъ потребителемъ по отношенію къ самому себѣ.—Удивительная глубина мысли!

*) Principes d'économie politique, т. II, стр. 121.

ваніе непроизводительныхъ потребителей". *) Читатель помнитъ, что, по опредѣленію Мальтуса, потребленіе работника также можетъ быть непроизводительнымъ въ извѣстномъ смыслѣ этого слова. Но здѣсь онъ требуетъ совершенно и во всѣхъ смыслахъ непроизводительнаго потребленія, такого потребленія, которое можетъ быть дано лишь роскошью высшихъ классовъ, военными расходами и т. п. Мальтусъ усердно проповѣдуетъ подобное потребленіе и горячо защищаетъ его отъ всѣхъ возможныхъ нападокъ. Въ „Опытѣ" онъ пытался объяснить нищету рабочихъ классовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на свѣтъ родится больше желудковъ, чѣмъ можетъ быть произведено хлѣба для ихъ наполненія. Въ „Основахъ" оказалось, что бѣдность рабочихъ можетъ имѣть другое, такъ сказать, болѣе тонкое и благородное происхожденіе: производители бѣдствуютъ всякій разъ, когда въ странѣ слишкомъ мало бездѣльниковъ. Таковъ „законъ природы, или, что то же, Божій законъ".

Впрочемъ, Мальтусъ допускаетъ, что можно бы, пожалуй, обойтись и безъ непроизводительнаго потребленія, если бы рабочіе получали большую плату, а слѣдовательно могли бы представить съ своей стороны болѣе серьезный дѣйствительный спросъ. Но этому мѣшаетъ слишкомъ быстрое размноженіе работниковъ, ведущее къ усиленію соперничества между ними и къ паденію заработной платы. Ну, а если бы каждый изъ нихъ сталъ меньше работать, если бы сократился рабочій день? Никогда этого не будетъ,—отвѣчаетъ Мальтусъ:—государство не имѣетъ права ограничивать рабочій день, а сами рабочіе никогда не сговорятся сдѣлать это, никогда не откажутся отъ взаимнаго соперничества. Скорѣе можно надѣяться, что они станутъ рождать меньше дѣтей **). Это пророчество въ настоящее время не нуждается въ критической оцѣнкѣ.

Извѣстно, что въ „Опытѣ" Мальтусъ высказалъ очень пессимистическіе взгляды относительно возможнаго усовершенствованія земледѣлія въ передовыхъ странахъ Европы. По его расчетамъ выходило, что производительность труда должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество его, направленное на воздѣлываніе даннаго участка. Нѣкоторые экономисты считали это явленіе совершенно безспорнымъ и возвели его въ экономическій

---

*) Тамъ же, т. II, стр. 145.

**) Тамъ же, т. II, стр. 227 и слѣд.

законъ *). Однако, самъ Мальтусъ далеко не придавалъ ему большого практическаго значенія. Въ „Основахъ“ онъ такъ высказывается на этотъ счетъ: производительность земледѣльческаго труда, конечно, уменьшается, но при настоящемъ состояніи міра это происходитъ очень медленно; къ тому же, различныя улучшенія часто совершенно останавливаютъ уменьшеніе производительности труда или даже увеличиваютъ ее. „Я убѣжденъ, — говоритъ онъ, — что капиталъ, затраченный на обработку участковъ, распаханныхъ въ 1813 г., былъ болѣе производителенъ, чѣмъ капиталъ, употребленный на обработку участковъ, распаханныхъ въ 1727 г.“. Вообще, „вѣроятность такого увеличенія производительности труда, которое было бы достаточно для уравновѣшенія неблагопріятныхъ результатовъ расчистки новыхъ участковъ, настолько велика, что при настоящемъ состояніи большинства странъ земного шара или при ихъ вѣроятномъ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ будущихъ столѣтій, мы можемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вполнѣ разсчитывать на дѣйствіе этой причины“ **).

Смыслъ басни сей таковъ: когда вы спорите со „сторонниками равенства“, очень полезно ссылаться на скупость природы и на уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда; а когда вы собираетесь пригласить имущіе классы къ усиленію непроизводительнаго потребленія, вы можете сказать имъ,—по секрету отъ „трудящихся бѣдняковъ“ и отъ „сторонниковъ равенства“,—что еще, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій неизбѣжное уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда останется нелѣпой выдумкой.

Глава девятая.

Законъ народонаселенія.—Чернышевскій.

Перейдемъ теперь къ Чернышевскому. Возраженія, дѣлаемыя имъ Мальтусу, относятся почти исключительно къ первой главѣ первой книги „Опыта“. Онъ занимается преимущественно Мальтусовыми прогрессіями, причемъ начинаетъ съ ариѳметической прогрессіи возрастанія земледѣльческаго продукта.

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Къ ихъ числу принадлежитъ у насъ П. П. Масловъ, въ этомъ отношеніи очень сильно отклоняющійся отъ взгляда Маркса.

**) Тамъ же, т. I, стр. 477—479.

Мальтусъ считалъ очень смѣлымъ то предположеніе, что общій продуктъ англійскаго земледѣлія могъ быть удвоенъ въ 25 лѣтъ. „Это наивность, вызывающая улыбку у людей, читавшихъ нынѣшнія агрономическія книги", замѣчаетъ Чернышевскій. Основываясь на расчетѣ Гаспарена (въ его „Cours d'Agriculture"), онъ утверждаетъ, что „при порядочномъ устройствѣ плодоперемѣнной системы произведеніями 100 гектаровъ продовольствуются 931 человѣкъ", а такъ какъ въ Великобританіи и Ирландіи (по Кольбу) находится до 61% милліоновъ экровъ, т.-е. около 25 милліоновъ гектаровъ земли, годной для воздѣлыванія, то „Великобританія съ Ирландіей, при порядочномъ устройствѣ плодоперемѣннаго хозяйства, могли бы продовольствовать 230 милліоновъ населенія", т.-е. увеличить нынѣшній земледѣльческій продуктъ (расчетъ Чернышевскаго относится къ 1860 году) въ 9 разъ *).

„Достаточно ли 25 лѣтъ для введенія хорошаго плодоперемѣннаго хозяйства въ землѣ, которая имѣетъ уже вообще хозяйство гораздо лучшее, чѣмъ простое трехпольное,—предоставляемъ разсудить каждому.

„Итакъ, изъ нынѣшнихъ агрономическихъ книгъ видно, что если бы Англія захотѣла и встрѣтила надобность увеличить свой земледѣльческій продуктъ въ теченіе 25 лѣтъ не въ 2 раза, а въ 5 или даже въ 9 разъ, это было бы вовсе не трудно при нынѣшнемъ состояніи сельскохозяйственныхъ знаній. Не въ правѣ ли мы сказать, что слишкомъ наивны были мысли, подъ вліяніемъ которыхъ Мальтусъ воображалъ, что дѣлаетъ крайнюю уступку, предполагая возможность удвоенія земледѣльческаго продукта въ 25 лѣтъ?" **).

Такимъ образомъ, очень распространенное убѣжденіе въ томъ, что земледѣльческому продукту трудно возрастать со всей быстротой, съ какой могли бы размножаться люди, кажется Чернышевскому лишеннымъ всякаго серьезнаго основанія. Экономисты, вслѣдъ за Мальтусомъ толкующіе объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда, даже и не подумали о томъ, что имъ не мѣшало бы провѣрить свой взглядъ съ помощью статистики. Вотъ почему объ этомъ предметѣ до сихъ поръ разсуждаютъ наобумъ,

*) Въ 1860 г. все населеніе Великобританіи съ Ирландіей простиралось, тоже по Кольбу, до 29 милліоновъ человѣкъ. Чернышевскій полагаетъ, что изъ нихъ—домашними земледѣльческими продуктами содержалось не болѣе 25 милліоновъ.

**) Соч., т. VII, стр. 246.

„какъ разсуждалъ Мальтусъ". Однако, самъ Чернышевскій признаетъ, что „если способъ воздѣлыванія земли остается прежній, то съ приращеніемъ населенія производительность пахотныхъ земель будетъ становиться въ средней пропорціи все меньше и меньше оттого, что нивы расширяются на земли все худшаго и худшаго качества" *). Дѣло лишь въ томъ, что Мальтусъ слишкомъ уже преувеличилъ значеніе этого фактора въ культурной исторіи человѣчества. Чернышевскій утверждаетъ, что какъ бы ни былъ кратокъ періодъ удвоенія населенія, легко было бы избѣжать недостатка продовольствія даже при очень незначительныхъ улучшеніяхъ въ способахъ воздѣлыванія земель. И онъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія длинный рядъ ариѳметическихъ выкладокъ. Въ виду важности вопроса, мы должны изложить взглядъ Чернышевскаго по возможности его собственными словами.

Въ основѣ этого взгляда лежитъ анализъ Мальтусовыхъ прогрессій.

Размноженіе людей . . . . . 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64.

Увеличеніе продукта . . . . . 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

„Ясно, по какому отношенію возникаютъ члены второй строки изъ членовъ первой,—говоритъ Чернышевскій:—возрастающія въ геометрической прогрессіи прибавки къ числу работниковъ даютъ каждая одинаковую прибавку къ продукту. Напримѣръ, 1 новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ своею работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ 5 періода, и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1. Очевидно, что производительность труда новыхъ работниковъ, прибавляющихся въ каждомъ новомъ періодѣ, уменьшается въ той же прогрессіи, въ какой возрастаетъ количество этихъ прибавляющихся работниковъ... Иначе говоря, Мальтусова теорема предполагаетъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ" **).

Исходя изъ этого, Чернышевскій дѣлаетъ слѣдующій расчетъ.

„Положимъ, что число населенія 1 января 1 года было 1.000, и что работники-хлѣбопашцы этого населенія произвели извѣстное количество хлѣба, достаточное для хорошаго продовольствія всѣхъ

*) Тамъ же, стр. 191—192.

**) Тамъ же, стр. 254.

1.000 человѣкъ, то есть годичныхъ порцій, которыя назовемъ хотя, напримѣръ, возами. Итакъ, на хорошее продовольствіе въ годъ надобно, по нашему условію, возъ хлѣба на каждаго человѣка. Положимъ, что число хлѣбопашцевъ-работниковъ въ этомъ населеніи было 100 человѣкъ. По условію видно, что для хорошаго продовольствія населенію нужна такая успѣшность хлѣбопашеннаго труда, чтобы каждый работникъ производилъ по 10 возовъ хлѣба".

„Положимъ, что при такомъ изобиліи продовольствія населеніе возрастаетъ ежегодно на 3% (пропорція нѣсколько выше той, какая даетъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ и принимается Мальтусомъ). Тогда къ 1 января 2 года населеніе будетъ 1.030 человѣкъ, и если пропорція хлѣбопашцевъ-работниковъ остается прежняя, ихъ будетъ 103 человѣка. Если для 1.000 человѣкъ нужно было 1.000 возовъ хлѣба, для 1.030 человѣкъ будетъ нужно 1.030 возовъ".

„Если бы успѣшность труда прибылыхъ работниковъ не была меньше, чѣмъ прежнихъ, трудъ прибылыхъ 3 работниковъ произвелъ бы 30 возовъ хлѣба, количество, нужное для достаточнаго продовольствія 30 прибылыхъ человѣкъ населенія, и во 2-й годъ было бы для 1.030 человѣкъ 1.030 возовъ хлѣба. Но по Мальтусовой теоремѣ производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ меньше, чѣмъ производительность труда прежнихъ; Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или, при неизмѣнности пропорціи между числомъ хлѣбопашцевъ и числомъ населенія, равенъ проценту возрастанія населенія. Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103. По этой пропорціи, какое количество хлѣба произведетъ прибылой работникъ, если прежній производилъ 10 возовъ?

$$x : 10 = 100 : 103$$

Изъ этого получаемъ:

$$x = 9{,}7087 \ldots .$$

„Итакъ, 3 прибылые хлѣбопашца произведутъ $3 \times 9{,}787 = 29{,}1261$ возовъ, вмѣсто 30 возовъ, которые были бы нужны по прежнему размѣру, и на второй годъ для 1,030 человѣкъ будетъ вмѣсто 1,030 возовъ хлѣба только 1.029, 1261. Чтобы вмѣсто 1.029,1261, возовъ жатва 2-го года дала 1.030 возовъ, производительность труда прежнихъ работниковъ должна въ этомъ году подняться настолько выше прежней своей величины 10, насколько

требуемый сборъ 1030 выше сбора 1029,1261, получаемаго безъ усовершенствованій.

$$x : 10 = 1.030 : 1.029{,}1261.$$

Изъ этого мы получаемъ:

$x = 10,\ 00849...$

„Въ самомъ дѣлѣ, тогда мы будемъ имѣть:

„100 прежнихъ работниковъ произведутъ по 10,00849 воза каждый = 1000,849 возовъ.

„3 новые работника, трудъ которыхъ менѣе производителенъ по прежней пропорціи 100 : 103, произведутъ каждый по: 10,00849 × 100 : 103 = 9,717 возовъ. А всѣ трое вмѣстѣ 3 × 9,717 = = 29,151 возъ.

Сумма производства 2 года будетъ 1000,849 + 29,151 = 1030 возовъ.

„Итакъ, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія или въ устройствѣ орудій, или въ способѣ пользованія ими, или въ качествѣ удобренія, или въ способѣ пользованія имъ, или въ качествѣ посѣва, — великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія, чтобы недочета не оказалось, чтобы пропорція продовольствія не уменьшалась при возрастаніи населенія?

„При ежегодномъ возрастаніи населенія по 3%, т.-е. при возрастаніи быстрѣйшемъ, нежели принимаетъ Мальтусъ *), нуженъ годичный размѣръ усовершенствованія = 0,000849, то есть менѣе чѣмъ на одиннадцатую часть процента. Что же это такое, 849 десятитысячныхъ частей процента? Огромно ли это возрастаніе? Оно вотъ каково: въ пудѣ оно составляетъ нѣсколько больше $3^1/_4$ золотниковъ (3,2602 золотника); въ возу хлѣба, имѣющемъ 25 пудовъ, оно составляетъ $81^1/_2$ золотника...

„Что жъ это за страшная прибавка? стоитъ ли пугаться ея? Неужели усовершенствованія въ земледѣліи не могутъ итти такъ быстро (быстро!), чтобы въ теченіе цѣлой четверти вѣка улучшить земледѣльческіе способы на $2_1/_7$% **)? Увеличеніе на $2_1/_7$ процента въ цѣлыя 25 лѣтъ—да вѣдь это почти совершенная неподвижность!

„Да, почти совершенная неподвижность. Безъ всякаго сомнѣнія, съ самаго конца среднихъ вѣковъ не было въ европейской исторіи

---

*) При ежегодномъ воврастаніи въ 3%, черезъ 25 лѣтъ 10.000 человѣкъ населенія возрастаютъ до 20.938 человѣкъ; для того, чтобы число населенія удвоилось въ 25 лѣтъ, нужно принять ежегодную величину возрастанія только въ 2,81138...%.

**) 000,849... въ 25-ой степени даетъ 1,021,443.

ни одного такого двадцатипятилѣтія, въ которомъ земледѣліе не совершенствовалось бы по пропорціи, болѣе быстрой. Много въ этой исторіи было эпохъ почти совершеннаго застоя общественныхъ улучшеній, но самые безотрадные, самые гнусные изъ этихъ періодовъ все-таки двигали земледѣліе впередъ быстрѣе, чѣмъ требовалось бы для уравновѣшенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ, для сохраненія земледѣльческому труду всей прежней производительности, при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ удваивалось бы каждыя 25 лѣтъ“ *).

Далѣе Чернышевскій даетъ общую формулу размноженія, по которой опредѣлялся бы потребный размѣръ улучшеній для различныхъ періодовъ удвоенія. Мы не станемъ приводить ее. Замѣтимъ только, что съ ея помощью онъ приходитъ къ самымъ поразительнымъ выводамъ. Оказывается, напримѣръ, что, при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія, высота, до которой улучшенія должны поднять земледѣліе въ теченіе цѣлаго вѣка равняется лишь 1,36958, принимая первоначальную высоту за единицу. „Напримѣръ: если въ 1860 г. земледѣлецъ, обрабатывающій четыре десятины, собираетъ съ нихъ 10 четвертей хлѣба, то въ теченіе слѣдующаго вѣка надо произвести улучшенія, которыя давали бы возможность въ 1960 г. также одному земледѣльцу собрать съ этихъ 4 десятинъ, около $13^3/_4$ четвертей хлѣба. При такой пропорціи улучшеній люди до 1960 г. не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, размножаясь съ быстротою, удваивающею число ихъ въ каждыя 12 лѣтъ. Конечно, при такой быстротѣ размноженія постепенно будутъ являться на 5 десятинахъ, вмѣсто одного хлѣбопашца, 2 работника, потомъ 3, 4 и т. д. 10, 11, 12 работниковъ и т. д.; прибавка каждаго новаго работника на этихъ 4 десятинахъ будетъ увеличивать продуктъ ихъ въ пропорціи, нѣсколько меньшей того, насколько увеличилось количество труда отъ прибавки этого работника къ прежнимъ. Но все-таки при такомъ ходѣ земледѣльческихъ улучшеній, который равняется 37% за цѣлое столѣтіе, постоянно будетъ собираться съ этихъ 4 десятинъ количество продукта, дающее въ общей сложности по-прежнему 10 четвертей на каждаго изъ обрабатывающихъ эти 4 десятины землепашцевъ“ **).

Повторяемъ, выводы эти до такой степени поразительны, что

*) Тамъ же, стр. 258.

**) Тамъ же, стр. 261.

читатель отказывается вѣрить своимъ глазамъ. Онъ невольно возвращается назадъ, провѣряя доводы автора. Но доводы автора кажутся неотразимыми. Умозаключенія, повидимому, совершенно логично вытекаютъ изъ посылокъ. Читатель сдается и проникается непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Чернышевскій окончательно опровергъ Мальтуса, подойдя къ вопросу съ такой стороны, съ какой къ нему не подходилъ никто изъ прежнихъ изслѣдователей. Это убѣжденіе очень распространено въ Россіи, гдѣ опроверженіе Мальтуса считается едва ли не самой важной и ужъ во всякомъ случаѣ самой безспорной изъ ученыхъ заслугъ нашего знаменитаго писателя.

Посмотримъ, однако, насколько правиленъ такой взглядъ.

II.

Замѣтимъ прежде всего вотъ что: если бы ариѳметическія выкладки Чернышевскаго были совершенно правильны, то даже и въ этомъ случаѣ было бы еще сомнительно, опровергаютъ ли онѣ Мальтуса или, точнѣе, того Мальтуса, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ первой книги „Опыта“. Чернышевскій слишкомъ произвольно истолковываетъ ариѳметическую прогрессію Мальтуса. По его истолкованію выходитъ, что она выражаетъ собою лишь пониженіе производительности земледѣльческаго труда, неизбѣжно являющееся въ томъ случаѣ, когда не происходитъ улучшеній въ земледѣліи. „Весь вопросъ именно въ томъ и состоитъ, какой размѣръ улучшеній необходимъ для уравновѣшенія недочета въ продуктѣ, происходящаго отъ меньшей производительности труда прибылыхъ работниковъ по сравненію съ прежними. Обыкновенно предполагается, что если размноженіе людей будетъ происходить со всей возможной быстротой, то для этого уравновѣшенія потребуется размѣръ улучшеній слишкомъ громадный“ *). Выкладки Чернышевскаго показываютъ противное. Но на чемъ же основываетъ онъ свое истолкованіе ариѳметической прогрессіи? Онъ говоритъ, что такъ „мы прочли у Милля, очень вѣрно передающаго мысли Мальтуса“ **). Но это еще не достаточное ручательство. Обратимся лучше къ самому Мальтусу, т.-е. собственно къ тому Мальтусу, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ первой главѣ

*) Тамъ же, стр. 255.

**) Тамъ же, та же страница.

первой книги „Опыта“, гдѣ идетъ рѣчь о прогрессіяхъ, и съ которымъ споритъ Чернышевскій, повидимому, совсѣмъ не принимающій въ соображеніе существованіе другого Мальтуса, Мальтуса—автора „Основъ политической экономіи“.

„Въ Англіи и Шотландіи много занимались улучшеніемъ земледѣлія,—читаемъ мы въ „Опытѣ“,—но и въ этихъ странахъ много есть еще невоздѣланныхъ земель. Разсмотримъ, до какой степени можетъ быть увеличено плодородіе этого острова при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, какія только можно себѣ представить. (Курсивъ нашъ). Если мы предположимъ, что при возможно хорошемъ правленіи и при самомъ сильномъ поощреніи земледѣлія (курсивъ нашъ) произведенія почвы могутъ удвоиться на этомъ островѣ въ первыя 26 лѣтъ, то, вѣроятно, мы перейдемъ за предѣлы возможнаго; такое предположеніе скорѣе превыситъ мѣру возрастанія количества произведеній, на какое мы могли бы благоразумно разсчитывать. Въ слѣдующія двадцать пять лѣтъ рѣшительно нельзя надѣяться, чтобы производительность земли возрасла по этому же закону, и чтобы по истеченіи этого второго періода плодородіе учетверилось; допустить это—значило бы перевернуть вверхъ дномъ всѣ наши понятія о производительности земли. Улучшеніе безплодныхъ участковъ (курсивъ нашъ) требуетъ много труда и времени. Для человѣка, сколько-нибудь знакомаго съ этимъ предметомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по мѣрѣ расширенія обработки ежегодное приращеніе средняго производства постоянно уменьшается, съ нѣкотораго рода правильностью... Вообразимъ, что ежегодное приращеніе средняго производства не уменьшается, а остается то же, такъ что въ каждый двадцатипятилѣтній періодъ къ годовому производству Великобританіи присоединяется количество произведеній, равное такому же годовому доходу. Вѣроятно, никакое горячее воображеніе не рѣшится сдѣлать болѣе широкаго предположенія, ибо и этого довольно, чтобы въ нѣсколько столѣтій обратить всю почву острова въ одинъ роскошный садъ. Примѣнимъ это предположеніе ко всей землѣ“ и т. д. *).

Мы не станемъ теперь возвращаться къ вопросу о томъ, насколько ошибается Мальтусъ. Намъ нужно одно: выяснить, что собственно хочетъ онъ сказать въ приведенныхъ строкахъ. А на этотъ счетъ врядъ ли возможно сомнѣніе: онъ говоритъ о „самомъ

*) „Опытъ“, кн. I, гл. первая, стр. 100—101.

сильномъ поощреніи земледѣлія"; о самыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ, „какія только можно себѣ представить"; объ „улучшеніи безплодныхъ участковъ"; объ обращеніи всей почвы острова (а затѣмъ и всего земного шара) „въ одинъ роскошный садъ". И при всемъ этомъ онъ не принимаетъ въ соображеніе усовершенствованій въ способахъ обработки земли; при всемъ томъ онъ предполагаетъ, что земледѣльческіе пріемы останутся неизмѣнными въ теченіе тѣхъ „нѣсколькихъ столѣтій", о которыхъ у него идетъ рѣчь? Нѣтъ, правъ или неправъ Мальтусъ, но въ данномъ случаѣ мысль его ясна: онъ хочетъ сказать, что земледѣльческій продуктъ будетъ увеличиваться лишь въ ариѳметической прогрессіи, не смотря на всѣ тѣ улучшенія, на которыя можетъ разсчитывать благоразумный человѣкъ. При построеніи своей прогрессіи онъ принимаетъ (т. е. лучше сказать, дѣлаетъ видъ, что принимаетъ) въ соображеніе вліяніе будущихъ улучшеній въ земледѣліи. Слѣдовательно, всѣ вычисленія Чернышевскаго оказываются излишними. Какъ бы они ни были правильны, они не могутъ опровергнуть „Мальтусовой теоремы" по той простой причинѣ, что они основываются на неправильномъ истолкованіи этой теоремы.

Но главное дѣло въ томъ, что сами они не совсѣмъ правильны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вдуматься въ ихъ основное положеніе. Сопоставляя прогрессіи Мальтуса, Чернышевскій находитъ, что „процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ". Такъ ли это? Къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ.

Для удобства выпишемъ снова анализированныя Чернышевскимъ прогрессіи:

Умноженіе людей	1, 2, 4, 8, 16, 32, 64
Увеличеніе продукта	1, 2, 3, 4, 5, 6, 7

Какъ великъ здѣсь „процентъ размноженія работниковъ или,— что то же *)—процентъ возрастанія общей цифры населенія?" Мы рѣшительно не знаемъ этого; объ этомъ нѣтъ и рѣчи. „Процентъ размноженія работниковъ" зависитъ отъ величины періода удвоенія населенія. При 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія этотъ процентъ бу-

*) „То же" потому, что Чернышевскій предполагаетъ неизмѣннымъ отношеніе числа работниковъ-земледѣльцевъ къ общей цифрѣ населенія.

детъ совсѣмъ не тотъ, что при 15-лѣтнемъ, при 35-лѣтнемъ и т. д. Мальтусъ даетъ общую формулу, подъ которую должны подходить, по его мнѣнію, всѣ частные случаи. Если уже говорить о процентѣ увеличенія числа работниковъ, то мы должны выразиться такъ: въ концѣ каждаго послѣдующаго періода число работниковъ увеличивается на 100 процентовъ, увеличеніе же продукта слѣдуетъ совсѣмъ другому закону: въ концѣ второго періода онъ увеличивается на 100 процентовъ, въ концѣ 3-го на 50, въ концѣ четвертаго на $33^1/_3$, въ концѣ пятаго на 25, въ концѣ 6-го на 20 и т. д. Значитъ ли это, что процентъ увеличенія числа работниковъ „служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда работниковъ?“ Отнюдь нѣтъ! Процентъ увеличенія числа работниковъ остается неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ процентъ уменьшенія производительной силы прибылыхъ работниковъ постоянно и очень быстро возрастаетъ. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или Чернышевскій ошибается, или онъ неточно выражаетъ свою мысль. Мы сейчасъ увидимъ, какое изъ этихъ двухъ предположеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Одинъ новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ своею работою продуктъ на 1; два работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ пятаго періода и т. д. увеличиваютъ продуктъ также на 1. Таково то явленіе, которое нашъ авторъ хочетъ выразить въ одной общей формулѣ. Нужно это, или не нужно—вопросъ другой, но разъ мы хотимъ найти такую формулу, приходится выразиться такъ: во сколько разъ число прибылыхъ работниковъ каждаго даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность ихъ труда меньше производительности труда прибылыхъ работниковъ второго періода. Вотъ и все. Что же слѣдуетъ отсюда? Слѣдуетъ уже извѣстный намъ выводъ: процентъ увеличенія числа прибылыхъ работниковъ остается неизмѣннымъ, процентъ же уменьшенія ихъ производительной силы быстро растетъ. А это значитъ, что отождествлять эти два процента нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Ну, а что произойдетъ, если мы все-таки отождествимъ ихъ вопреки очевидности? Сообразить это очень нетрудно: мы придемъ къ ошибочнымъ заключеніямъ.

Процентъ размноженія не измѣняется, процентъ уменьшенія

производительности труда быстро увеличивается. Отождествить эти два процента значитъ предположить, что производительность труда уменьшается далеко не такъ быстро, какъ это явствуетъ изъ разсматриваемыхъ нами прогрессій. Это будетъ совершенно произвольное предположеніе, кореннымъ образомъ измѣняющее условія задачи. Можетъ быть, предположеніе это и болѣе согласно съ фактами дѣйствительности, но, во всякомъ случаѣ, принимая его, нельзя утверждать, что мы остаемся вѣрны смыслу „Мальтусовой теоремы", и что „мы изложили ходъ вывода изъ Мальтусовыхъ прогрессій съ такою точностью, съ какою никогда не излагалъ его ни самъ Мальтусъ, ни кто изъ его послѣдователей" *). Мы изложили бы лишь выводъ изъ условій, произвольно принятыхъ нами самими.

Уменьшеніе земледѣльческаго продукта опредѣляется уменьшеніемъ производительности труда прибылыхъ работниковъ **). Предположивъ, что производительность труда уменьшается медленнѣе, чѣмъ это явствуетъ изъ смысла прогрессій, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ, что и продуктъ уменьшается медленнѣе, чѣмъ это показываетъ Мальтусова ариѳметическая прогрессія. Значитъ, и „дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ" будетъ меньше, чѣмъ говоритъ прогрессія, а въ такомъ случаѣ и размѣръ улучшеній, необходимыхъ для устраненія этого дефицита, окажется далеко не такъ великъ, какъ можно было думать, сопоставляя геометрическую прогрессію съ ариѳметической. Слѣдовательно, намъ остается только вычислить этотъ размѣръ, принимая различные „проценты размноженія работниковъ" (иначе сказать, различные періоды удвоенія населенія), чтобы противупоставить затѣмъ результаты нашего „правильнаго счета" результатамъ „фальшиваго счета" Мальтуса. Въ сущности подобное противопоставленіе доказывало бы лишь ту старую истину, что, исходя изъ неодинаковыхъ посылокъ, люди получаютъ неодинаковые выводы. Но мы, незамѣтно для себя измѣнивъ условія задачи, будемъ думать, что мы опровергли Мальтуса, строго держась прямого смысла его собственной „теоремы".

Но и это еще не все. Мало того, что Чернышевскій считаетъ неизмѣннымъ быстро увеличивающійся процентъ

---

*) Чернышевскій, тамъ же, стр. 256.

**) То-есть такъ происходитъ дѣло у насъ на бумагѣ; какъ происходитъ оно на практикѣ, это вопросъ другой, насъ здѣсь не касающійся.

уменьшенія производительности труда, т. е., иначе сказать, принимаетъ переменную величину за постоянную,—сама эта мнимо-постоянная величина оказывается у него несравненно меньшей, чѣмъ она должна быть по смыслу „Мальтусовой теоремы". Процентъ размноженія людей по самымъ преувеличеннымъ расчетамъ не можетъ превышать 7 (при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія населенія онъ нѣсколько меньше шести). По смыслу же „Мальтусовой теоремы" производительность труда уже въ третьемъ періодѣ уменьшается на 50 процентовъ. (Это знаетъ и Чернышевскій: „новый работникъ во второмъ періодѣ увеличиваетъ продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1"). Согласитесь, что это большая разница, и что ея совершенно достаточно для объясненія тѣхъ поразительныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Чернышевскій. Повторяемъ, мы говоримъ не о томъ, соотвѣтствуютъ, или не соотвѣтствуютъ его предположенія экономической дѣйствительности (объ этомъ онъ и самъ ничего не говорилъ); мы утверждаемъ только, что они совершенно противорѣчатъ смыслу „Мальтусовой теоремы" (а онъ думалъ, что они совершенно вѣрны ему, и такъ же думали всѣ тѣ, которые считали доводы Чернышевскаго неопровержимыми).

Если процентъ возрастанія числа работниковъ (а слѣдовательно и всего населенія) равенъ проценту уменьшенія производительности труда прибылыхъ работниковъ, то нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить размѣры необходимыхъ улучшеній. Положимъ, что населеніе удваивается каждыя 12 лѣтъ. Процентъ размноженія равняется въ этомъ случаѣ: 5,94631. Сообразно съ этимъ и производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ правильно уменьшаться на 5,94631 процента. Далѣе уже самое несложное вычисленіе даетъ намъ искомый процентъ улучшеній. По вышеуказаннымъ причинамъ онъ будетъ очень незначителенъ. А между тѣмъ мы, повидимому, сдѣлали своимъ противникамъ самую крайнюю уступку: 12-лѣтній періодъ удвоенія населенія совсѣмъ уже невѣроятенъ. Но дѣло въ томъ, что какъ ни великъ при этомъ процентъ размноженія,—а слѣдовательно и ослабленія производительности труда,—эта послѣдняя все-таки падаетъ медленнѣе, чѣмъ она должна была бы падать при дѣйствительно „правильномъ счетѣ". Чернышевскій считаетъ, что при 12-лѣтнемъ періодѣ удвоенія высота, до которой должно подняться земледѣліе въ теченіе столѣтія, не превышаетъ 1,36958 процента. Мы не станемъ

провѣрять, вѣрно ли сдѣланъ его расчетъ. Допустимъ, что вполнѣ вѣрно. Но не забудемъ, что, по его предположенію, процентъ уменьшенія производительности труда равняется лишь 5,94631 (т.-е. проценту размноженія). А то ли выйдетъ при дѣйствительно „вѣрномъ счетѣ“? Уже въ теченіе 96 лѣтъ населеніе увеличивается въ 16 разъ. Посмотримъ, какъ велика будетъ производительность труда прибылыхъ работниковъ черезъ 48 лѣтъ, или въ 4-мъ періодѣ. Во сколько разъ число прибылыхъ работниковъ каждаго даннаго періода больше числа работниковъ, прибывшихъ во второмъ періодѣ, во столько разъ производительность ихъ труда меньше производительности труда прибылыхъ работниковъ второго періода. Число работниковъ, прибывшихъ въ 4-мъ періодѣ, вчетверо больше числа прибылыхъ работниковъ второго періода. Слѣдовательно, производительность труда прибылыхъ работниковъ 4-го періода вчетверо меньше, чѣмъ производительность труда работниковъ, прибывшихъ во второмъ. Въ пятомъ періодѣ оно будетъ въ восемь разъ меньше.

Согласитесь, что это очень далеко отъ неизмѣннаго процента, который принятъ Чернышевскимъ (6,94631) и который казался результатомъ крайне преувеличеннаго предположенія (удвоенія населенія въ 12 лѣтъ).

— Но неужели Чернышевскій дѣйствительно разсуждаетъ вышеизложеннымъ образомъ? Да, помилуйте, чего же вы хотите, вѣдь онъ самъ заявляетъ это, приступая къ своимъ вычисленіямъ: „Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или... проценту возрастанія населенія“ *). А можетъ быть, онъ все-таки отклонился отъ своего принципа?

Да, отклонился; вы сейчасъ увидите, въ какую сторону.

Въ первомъ, происходящемъ, такъ сказать, на глазахъ у читателя, примѣрномъ расчетѣ Чернышевскаго процентъ размноженія принимается равнымъ 3. Сообразно съ этимъ и процентъ уменьшенія производительности труда долженъ быть также равенъ 3. Число землепашцевъ равняется 100, а производитъ каждый изъ нихъ по 10 возовъ хлѣба. Расчетъ ведется погодно. Спрашивается, сколько хлѣба произведетъ каждый прибылой работникъ 2-го года? По смыслу нашихъ условій онъ долженъ произвести 9,7 воза. У

*) Тамъ же, стр. 208.

Чернышевскаго онъ производитъ 9,7087, т.-е. нѣсколько больше. Откуда эта разница? А вотъ откуда.

Мы разсчитываемъ такъ: каждый работникъ производилъ прежде по 10 возовъ; производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше. Три процента отъ десяти равняется 0,3. Вычтя эту дробь изъ 10, мы получаемъ 9,7—цифра, которою и выражается производительность труда каждаго новаго работника 2-го года.—Чернышевскій разсуждаетъ иначе. Прежде было 100 работниковъ, теперь стало 103. „Итакъ производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103... Изъ этого мы получимъ:

$x = 9{,}7087$“ *) Правильно ли это разсужденіе, согласно ли оно съ условіями задачи? Когда мы говоримъ, что процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, мы хотимъ сказать, что на сколько процентовъ увеличится населеніе, на столько же процентовъ уменьшится производительность труда. А когда мы говоримъ, что производительность труда однихъ работниковъ относится къ производительности труда другихъ, какъ такое-то число къ такому-то, мы опредѣляемъ во сколько разъ одна производительность больше другой. Насколько 2 меньше 3, настолько же 3 меньше 4. Можно ли выразить это такой пропорціей $2 : 3 = 3 : 4$? Ясно, что нѣтъ, потому что двѣ трети не равны тремъ четвертямъ. Иное дѣло ариѳметическая пропорція, иное дѣло пропорція геометрическая. Чернышевскій сначала говоритъ, что онъ будетъ держаться первой (на сколько процентовъ населеніе второго года больше населенія перваго года, на столько процентовъ производительность труда прибылыхъ работниковъ меньше и т. д.), а потомъ неожиданно переходитъ ко второй. Какъ вліяетъ это на ходъ его вычисленій? Уменьшеніе производительности труда оказывается еще болѣе слабымъ, чѣмъ было оно при разобранномъ выше ошибочномъ предположеніи относительно равенства двухъ извѣстныхъ читателю процентовъ Это видно уже изъ вышеприведенныхъ цифръ. И чѣмъ выше процентъ размноженія, тѣмъ замѣтнѣе дѣйствіе этой ошибки **).

*) Тамъ же, стр. 257.

**) Чернышевскій въ своемъ расчетѣ не разъ смѣшиваетъ понятіе „во сколько“ съ понятіемъ „на сколько“. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: производительность труда въ этомъ году должна подняться на столько выше прежней своей величины, на сколько требуемый сборъ... и такъ далѣе, и вслѣдъ за тѣмъ строитъ геометрическую пропорцію (тамъ же, та же страница.)

Другими словами: чѣмъ больше та уступка, которую дѣлаетъ Чернышевскій своимъ противникомъ, тѣмъ болѣе помогаетъ ему его вторая ошибка ослабить логическое слѣдствіе этой уступки, хотя, разумѣется, дѣйствіе второй ошибки несравненно слабѣе дѣйствія первой

Еще одно замѣчаніе. Допустимъ, что указанныхъ ошибокъ не существуетъ; допустимъ, что, по смыслу „Мальтусовой теоремы". процентъ уменьшенія производительности труда равенъ проценту размноженія, и вернемся къ примѣрному расчету Чернышевскаго. Въ первомъ году у насъ было 100 работниковъ, во второмъ ихъ оказывается уже 103. Производительность труда прибылыхъ работниковъ на 3 процента меньше прежней производительности. Иначе, повидимому, и быть не можетъ. Но это только повидимому. Какъ распредѣляются прибылые работники по земельнымъ участкамъ? Это, конечно, зависитъ отъ обстоятельствъ. Прежде каждый работникъ воздѣлывалъ 4 десятины, а каждые два работника воздѣлывали участокъ въ 8 десятинъ. Новые работники распредѣлились, положимъ, такъ, что на трехъ 8-десятинныхъ участкахъ теперь работаетъ ужъ по три, а не по два человѣка, какъ это было прежде. На этихъ участкахъ „размноженіе" работниковъ будетъ равно 50 процентамъ. Слѣдовательно, производительная сила ихъ уменьшится на половину. Каждый изъ нихъ произведетъ только 5 возовъ хлѣба, а не 9,7, какъ предполагалось раньше. Сообразно съ этимъ увеличится дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ, а слѣдовательно, и размѣръ необходимыхъ улучшеній. Но въ такомъ случаѣ выводы, къ которымъ пришелъ Чернышевскій въ своихъ вычисленіяхъ, потеряли бы всякую убѣдительность, если бы даже и были основательны.

Смѣшно было бы ставить въ вину экономисту случайную ошибку, закравшуюся въ его примѣрный, пояснительный расчетъ. Отъ подобныхъ ошибокъ, происходящихъ отъ недосмотра, не застрахованы и геніальнѣйшіе спеціалисты-математики. Но когда къ подобнымъ выкладкамъ сводится весь „методъ" экономиста (а къ нимъ именно и сводится „гипотетическій" или „математическій" методъ Чернышевскаго), тогда дѣло принимаетъ другой оборотъ. Тогда остается одно изъ двухъ: или жалѣть о томъ, что экономистъ невнимательно примѣняетъ свой методъ (потому что его математическія ошибки вліяютъ на его выводы, которые не только поясняются съ помощью примѣрныхъ выкладокъ, а цѣликомъ вытекаютъ изъ нихъ), или посовѣтовать ему держаться другого, болѣе научнаго и потому болѣе плодотворнаго, метода.

III.

Взглядъ Чернышевскаго на „размноженіе людей“ уже гораздо свободнѣе отъ ошибокъ, хотя и онъ, конечно, совсѣмъ не чуждъ общаго недостатка всѣхъ соціально-политическихъ взглядовъ знаменитаго просвѣтителя: крайней отвлеченности. Въ сущности весь вопросъ сводится у Чернышевскаго къ физіологической возможности болѣе или менѣе быстраго размноженія человѣческаго рода. „О чемъ собственно идетъ дѣло?—спрашиваетъ онъ. О такомъ ли числѣ рожденій, къ достиженію котораго можетъ быть принужденъ человѣческій организмъ внѣшнимъ насиліемъ, или о такомъ числѣ рожденій, которое было бы естественнымъ послѣдствіемъ отстраненія всякихъ задержекъ размноженію со стороны нужды? Изъѣстно, что всякое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, можетъ быть принуждаемо насиліемъ къ дѣятельности, превышающей его нормальную силу... Организмъ женщины можетъ быть принуждаемъ къ рожденію количества дѣтей, превышающаго ея силы; но... это не будетъ благопріятно быстротѣ размноженія. Изнуренная мать будетъ рождать младенцевъ, лишенныхъ способности жить. При томъ же подобное положеніе женщины возможно лишь при грубости нравовъ, т.-е. при невѣжествѣ, т.-е. при дурномъ положеніи общества, неблагопріятномъ размноженію. Мы, конечно, ищемъ не того, какое число дѣтей можетъ родиться въ условіяхъ, неблагопріятныхъ размноженію,— мы хотимъ знать, какой процентъ рожденій можетъ быть въ обществѣ при существованіи всѣхъ благопріятнѣйшихъ для размноженія условій“ *).

Бѣдность и грубость нравовъ имѣютъ свойство увеличивать число рожденій, доводить ихъ цифру до той величины, которой они не достигли бы при благосостояніи и смягченныхъ нравахъ. Въ большинствѣ европейскихъ странъ число рожденій колеблется (вѣрнѣе сказать, колебалось, потому что Чернышевскій писалъ около 50 лѣтъ тому назадъ) между 35 и 40 рожденій на 1.000; до 45 оно доходитъ лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ; выше 45 оказывается лишь въ тѣхъ странахъ, статистическіе отчеты которыхъ не достовѣрны, и, наконецъ, до 48 не достигаетъ ни одна цифра, сколько-нибудь заслуживающая довѣрія **). Черны-

*) Тамъ же, стр. 270.

**) Цифры заимствуются Чернышевскимъ изъ „Elements de Statistique humaine“ Гильяра.

шевскій считаетъ 40 рожденій на 1.000 человѣкъ „за самую высшую цифру, какая только допускается устройствомъ человѣческаго организма безъ насильственнаго изнуренія физическихъ силъ женщинъ въ населеніи не размножающемся; въ населеніи, размножающемся быстро, цифра эта будетъ меньше“ (такъ какъ относительно меньше будетъ число взрослыхъ людей въ общемъ составѣ населенія). Съ улучшеніемъ положенія женщины число рожденій опустится ниже 40 на 1.000. Процентъ размноженія получается вычитаніемъ числа умирающихъ изъ числа рождающихся. Вѣроятное число рожденій намъ извѣстно; какова же вѣроятная смертность? По мнѣнію Чернышевскаго, „наименьшая смертность между новорожденными, при всевозможномъ благосостояніи въ нынѣшнемъ обществѣ, простирается до 20 на 1.000, а наименьшая смертность между людьми, имѣющими болѣе 5 лѣтъ, по всей вѣроятности, не меньше 1,47 (1,4724) процента и ни въ какомъ случаѣ не меньше 1,24 (1,2425) процента“ *).

На основаніи этихъ крайнихъ предѣловъ наибольшаго числа рожденій и наименьшаго числа смертей „въ обществѣ, въ которомъ бѣдность не была бы причиною ни одной смерти и не оста-

*) Тамъ же, стр. 275—276. Цифры эти Чернышевскій получаетъ такимъ образомъ. Изслѣдованія англійскаго статистика Чедвика показываютъ, что изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя 5 лѣтъ умираетъ 20 процентовъ. Эту смертность Чернышевскій считаетъ наименьшею, какая только возможна по самому устройству человѣческаго организма, такъ какъ англійскіе землевладѣльцы, не терпя никакихъ матеріальныхъ лишеній, славятся въ то же время заботливостью и раціональностью въ физическомъ воспитаніи своихъ дѣтей.

Что касается наименьшей смертности между людьми старше 5 лѣтъ, она опредѣлается нѣсколько болѣе сложнымъ пріемомъ. Во Франціи, по Гильяру, изъ 1.000 дѣтей, недостигшихъ пятилѣтняго возраста, умирало 274. Такъ какъ нормальная смертность равняется 200, то 74 смерти оказываются слѣдствіемъ нужды. Нельзя думать, чтобы пропорція *лишнихъ смертей* была больше этой цифры между умершими старше 5 лѣтъ. Чернышевскій полагаетъ, напротивъ, что она будетъ вдвое меньше, что „на одну лишнюю смерть выше пяти лѣтъ приходится двѣ лишнихъ смерти между младенцами“. Но на всякій случай онъ дѣлаетъ двойной расчетъ, опредѣляя относительное число *лишнихъ* смертей какъ въ томъ предположеніи, что между взрослыми ихъ меньше, чѣмъ между дѣтьми, такъ и въ томъ, что взрослый организмъ вдвое лучше дѣтскаго сопротивляется убійственному вліянію лишеній. Расчетъ ведется имъ на основаніи статистическихъ данныхъ о смертности во Франціи.

Найдя число *лишнихъ смертей*, Чернышевскій безъ труда получаетъ процентъ *нормальной* смертности.

павливала бы ни одного рожденія", Чернышевскій находитъ, что періоды удвоенія въ 15 или 12 лѣтъ—чистая химера, происшедшая только отъ забвенія о дѣйствительно возможномъ наибольшемъ числѣ рожденій, и что даже періодъ удвоенія едва ли меньше, а по всей вѣроятности больше, 35 лѣтъ. Но это при нынѣшнихъ обычаяхъ, поднимающихъ процентъ рожденій выше естественной нормы. „Смягченіе нравовъ ведетъ къ удлиненію періода удвоенія, и мы не имѣемъ предѣла, о которомъ можно было бы сказать, что при извѣстномъ смягченіи нравовъ онъ не окажется все еще слишкомъ коротокъ; напротивъ, есть основаніе думать, что при устраненіи излишней грубости семейныхъ отношеній дѣйствіемъ распространяющагося просвѣщенія, размноженіе прекратится, и число населенія станетъ увеличиваться лишь вслѣдствіе общественной необходимости въ томъ; а когда надобности въ томъ не будетъ, не будетъ и размноженія. Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что можно сомнѣваться въ томъ, свойственно ли ему даже поддерживать существующее число населенія, если онъ не возбуждается тяготѣніемъ общественнаго мнѣнія, т.-е. расчетомъ пользы" *).

Мальтусъ считалъ возможными очень короткіе періоды удвоенія поэтому онъ, съ своей точки зрѣнія, имѣлъ право говорить, что выселеніе не поможетъ бѣдѣ, происходящей отъ излишняго размноженія: при 20-лѣтнемъ періодѣ удвоенія процентъ размноженія равняется 3,6. Если при такомъ размноженіи будетъ эмигрировать ежегодно 1,5 процента населенія, то все таки останется ежегодное приращеніе въ 2,1 процента, причемъ населеніе удвоится въ 33 года. Совершенно иное дѣло, когда періоды удвоенія,—какъ это мы видѣли изъ предыдущаго,—оказываются, по свойствамъ человѣческаго организма, гораздо болѣе длинными, чѣмъ думалъ Мальтусъ. Тогда эмиграція должна быть признана могучимъ средствомъ борьбы съ перенаселеніемъ. Благодаря ей, періоды удвоенія населенія, остающагося въ странѣ, могутъ быть удлинены до цифръ, на первый взглядъ кажущихся совершенно невѣроятными. По обыкновенію, Чернышевскій поясняетъ свою мысль примѣрнымъ расчетомъ, и,—какъ нерѣдко случается у него,—расчетъ не совсѣмъ точенъ **).

---

*) Тамъ же, стр. 280.

**) Такъ, Чернышевскій находитъ, что эмиграція, доходящая до 1,5 процента населенія, въ обществѣ, число гражданъ котораго удваивалось прежде черезъ 52,6 года, удлинитъ періодъ удвоенія—до 894,8 лѣтъ. Между тѣмъ, изъ его же таблицы видно, что первоначальный процентъ

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ это не важно. Чернышевскій самъ не придаетъ значенія полученнымъ имъ цифрамъ, „явно смѣющимся надъ нами и своею огромностью, превышающею всякій расчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіею на точность“. Цифры эти убѣждаютъ не частностями, а общимъ своимъ смысломъ. Онѣ „говорятъ намъ: не бойтесь; кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы насъ,—опровергнуть насъ нельзя, но мы построены на нынѣшнихъ вашихъ обычаяхъ и понятіяхъ,—неужели вы думаете мѣрить далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы? Не бойтесь, они будутъ умнѣе васъ. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ“ *)...

Нужно ли входить въ подробный разборъ этихъ доводовъ Чернышевскаго? Мы считаемъ это излишнимъ. Мы только повторимъ сдѣланное выше замѣчаніе насчетъ того, что взглядъ его на размноженіе людей имѣетъ, какъ и всѣ его соціально-политическіе взгляды, крайне отвлеченный характеръ. Какъ должно было отражаться это обстоятельство на его изслѣдованіи, понятно само собою. Оно дѣлало его мало убѣдительнымъ. Тамъ, гдѣ надо было бы внимательнѣе всмотрѣться въ окружающую дѣйствительность, Чернышевскій довольствовался формальной правильностью своихъ силлогизмовъ. Но формальная правильность силлогизмовъ еще не ручается за вѣрность вывода. Все зависитъ отъ посылокъ. Посылки же Чернышевскаго строились обыкновенно на нѣсколькихъ цифрахъ, часто очень остроумно истолкованныхъ, но далеко не исчерпывавшихъ всего разнообразія разсматриваемыхъ явленій. Поэтому и возраженія его Мальтусу могутъ считаться скорѣе образчикомъ полемической находчивости (отчасти не чуждой, какъ мы видѣли, нѣкоторой доли опрометчивости), чѣмъ научнаго разсмотрѣнія предмета. Вотъ, напримѣръ, оконча-

---

размноженія въ такомъ обществѣ равнялся бы лишь 1.3275. При эмиграціи, процентъ которой превышаетъ первоначальный процентъ размноженія, въ населеніи явится убыль, а потому оно никогда не удвоится, если не измѣнится положеніе дѣлъ.

*) Тамъ же, стр. 279 — 280. *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Это—совсѣмъ во вкусѣ Фейербаха, который говорилъ: „Ueberlass jeder Zeit ihre Aufgaben und wünsche nicht Alles zu verschlingen. Löse die Vorderungen welche deine Zeit an dich stellt“. и т. д.

тельный выводъ Чернышевскаго не подлежитъ сомнѣнію: не законы природы, а взаимныя отношенія людей, общественныя отношенія причиняютъ бѣдность рабочаго класса. Но когда рѣчь заходитъ о точномъ указаніи тѣхъ сторонъ современныхъ общественныхъ отношеній, которыя причиняютъ такъ называемое перенаселеніе, разсужденія нашего автора дѣлаются довольно сбивчивыми. Мы видѣли, что въ главѣ о прибавочной стоимости (или прибыли) онъ приписывалъ обѣднѣніе рабочаго класса стремленію этой стоимости расти по геометрической прогрессіи. Въ главѣ о „дѣйствительномъ источникѣ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ“ онъ обращаетъ свое вниманіе на два другія обстоятельства, а именно: „на отношеніе основного капитала къ прибыли“ и на „пропорцію земледѣльческаго населенія въ общемъ составѣ населенія“.

IV.

Съ увеличеніемъ населенія производительность труда, прилагаемаго къ землѣ, падаетъ. Для избѣжанія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ требуются улучшенія въ способахъ обработки земли. Чернышевскій старался доказать, что процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ, и что съ этой стороны человѣчеству опасаться нечего. Но въ своихъ вычисленіяхъ онъ принималъ неизмѣннымъ отношеніе земледѣльцевъ къ общему составу населенія. Съ измѣненіемъ этого отношенія, съ уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ“—процентъ улучшеній, необходимыхъ для покрытія дефицита, быстро возвышается. А это значитъ, что людямъ все труднѣе и труднѣе становится бороться съ дефицитомъ. Дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что улучшенія уже не покрываютъ дефицита. Именно это мы и видимъ, по его мнѣнію, въ исторіи всѣхъ прогрессирующихъ странъ. По мѣрѣ развитія цивилизаціи городское и вообще неземледѣльческое населеніе увеличивается насчетъ сельскаго, земледѣльческаго. Отъ земледѣлія отнимается больше рукъ, чѣмъ это допускается успѣхами земледѣльческаго искусства. Отсюда—недостатокъ продовольствія, который, несомнѣнно, существуетъ въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ. „Мальтусъ былъ правъ, говоря, что съ размноженіемъ населенія является непобѣдимый никакими земледѣльческими улучшеніями дефицитъ земледѣльческаго продукта,

дефицитъ, производящій нищету съ ея послѣдствіями. Мальтусъ ошибся только тѣмъ, что остановился на одновременности этихъ двухъ явленій и голословно назвалъ одно изъ нихъ причиною другого, между тѣмъ какъ связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходятъ они не одно изъ другого, а каждый имѣетъ свою особенную причину" *).

Если бы мы имѣли дѣло съ рабовладѣльцемъ, ведущимъ натуральное хозяйство, то, разумѣется, обнаружившійся у него недостатокъ хлѣба могъ бы найти совершенно удовлетворительное объясненіе въ несоразмѣрномъ уменьшеніи „пропорціи земледѣльцевъ". Но и тогда надобно было бы все-таки спросить себя — точно ли недостаетъ хлѣба у хозяина? Можетъ быть, онъ ссылается на недостатокъ хлѣба единственно затѣмъ, чтобы оправдать свою жадность, не позволяющую ему кормить рабовъ досыта. Въ капиталистическомъ же хозяйствѣ всѣ явленія несравненно болѣе сложны, и, именно благодаря своей сложности, они очень плохо объясняются отвлеченными соображеніями того или другого рода. Тутъ намъ припоминается Рикардо, котораго Чернышевскій такъ горячо защищалъ отъ нападокъ Кери. Попросимъ Рикардо объяснить намъ, что произойдетъ въ случаѣ недостатка хлѣба, вызываемаго уменьшеніемъ „пропорціи земледѣльцевъ".

Если хлѣба мало по той причинѣ, что слишкомъ мало число рукъ, занимающихся его производствомъ, — отвѣтитъ намъ Рикардо,—то цѣна хлѣба поднимется, и это привлечетъ къ земледѣлію новые капиталы, т. е., слѣдовательно, и новыя рабочія руки; „пропорція земледѣльцевъ" будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока не приметъ надлежащихъ размѣровъ, опредѣляемыхъ спросомъ на хлѣбъ. Въ земледѣліи, какъ и вездѣ, „пропорція" работниковъ зависитъ не отъ чего иного, какъ именно отъ спроса на ихъ издѣлія. Я подробно объяснилъ это въ своихъ „Основахъ политической экономіи".

Впрочемъ, это хорошо знали раньше меня и никогда не оспаривали послѣ.

Къ тому же,—прибавитъ, пожалуй, Рикардо,—очень ошибаются тѣ, которые считаютъ, что количество хлѣба, производимаго въ странѣ, должно увеличиваться по мѣрѣ увеличенія производительности земледѣльческаго труда, т. е., другими словами, по мѣрѣ возрастанія процента улучшеній, совершающихся въ земледѣльче-

*) Тамъ же, стр. 290

ской техникѣ. Въ дѣйствительности вполнѣ возможно обратное явленіе: количество производимаго хлѣба будетъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія производительности труда. Въ данной странѣ, имѣющей данную „пропорцію земледѣльцевъ“, произошло „улучшеніе земледѣльческихъ способовъ“, позволяющее уменьшить на половину число рукъ, требующихся для обработки каждой десятины. Половина рукъ остается безъ работы. Не имѣя работы, онѣ не имѣютъ возможности покупать хлѣбъ. Слѣдовательно, потребленіе хлѣба сокращается, и сокращается благодаря именно „улучшенію земледѣльческихъ способовъ“; сокращеніе же потребленія хлѣба ведетъ къ новому сокращенію производства. Если дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ опредѣлять числомъ голодныхъ желудковъ, существующихъ въ данной странѣ, то и выйдетъ, что дефицитъ растетъ вмѣстѣ съ ростомъ производительности труда.

Это прекрасно зналъ и Мальтусъ. „Небольшая ферма въ Керри *) способна, можетъ быть, прокормить большую семью, имѣющую нѣсколько взрослыхъ работниковъ. Но работа на фермѣ требуетъ очень немногихъ рукъ; женщины исполняютъ большую часть этой работы. Работа, выпадающая на долю мужчинъ, такъ невелика, что не составитъ въ общемъ счетѣ и одного дня въ недѣлю“ **).

На маленькой фермѣ слѣдствіемъ этого является, по Мальтусу, праздность мужчинъ; но онъ понималъ, что на большихъ капиталистическихъ фермахъ дѣло происходитъ иначе: излишнія руки изгоняются. Именно по этому то поводу онъ и замѣчаетъ, что „способность прокормить работниковъ можетъ существовать въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ желаніе сдѣлать это“.

Конечно, можно сказать, что улучшеніе земледѣлія дастъ возможность начать или усилить вывозъ хлѣба за границу, а вывозъ хлѣба за границу позволитъ удержать при землѣ прежнее число работниковъ. Но, во-первыхъ, это возраженіе сводилось бы къ старой пѣснѣ о томъ, что введеніе машинъ не ухудшаетъ положенія работниковъ. Чернышевскій не сталъ бы пѣть эту пѣсню. А, кромѣ того, если бы при землѣ и осталось прежнее количество рукъ, то

---

*) Т. е. ферма, обрабатываемая самими арендаторами, а не капиталистическая ферма.

**) „Principes“, t. II, p. 95.

вѣдь потребленіе хлѣба сравнительно съ производствомъ его все-таки сократилось бы весьма значительно.

Можетъ быть, и нельзя было бы вывозить хлѣбъ за границу, если бы мы рѣшились кормить досыта всѣхъ тѣхъ, которые живутъ у насъ впроголодь. Но вѣдь у этихъ людей нѣтъ денегъ, ихъ потребности не имѣютъ ничего общаго съ „дѣйствительнымъ“ спросомъ на хлѣбъ. А въ буржуазномъ обществѣ только этотъ спросъ и принимается въ соображеніе.

Изъ Россіи при обыкновенномъ урожаѣ вывозится много хлѣба за границу; до абсолютнаго „дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ“ при такихъ условіяхъ очень далеко. Но это не мѣшаетъ голодать русскимъ крестьянамъ, не мѣшаетъ существованію относительнаго дефицита.

Итакъ, въ вопросѣ о современной нищетѣ съ ея послѣдствіями „пропорція земледѣльцевъ“ ничего не объясняетъ. Сама эта пропорція опредѣляется спросомъ на хлѣбъ. Спросъ опредѣляется распредѣленіемъ покупательной силы. Распредѣленіе покупательной силы зависитъ, во-первыхъ, отъ отношенія между заработной платой и прибавочной стоимостью, а, во-вторыхъ, отъ того, какъ раздѣляется прибавочная стоимость между различными слоями эксплуататоровъ и ихъ непроизводительныхъ работниковъ. Наконецъ, отношеніе между заработной платой и прибавочной стоимостью, по мѣрѣ увеличенія производительности труда, все болѣе и болѣе измѣняется въ ущербъ работникамъ, а не въ пользу ихъ, какъ этого можно было бы ожидать на основаніи разсужденій Чернышевскаго.

Ссылка на „пропорцію земледѣльцевъ“ такъ же мало убѣдительна, какъ и извѣстная читателю мысль Чернышевскаго о причинахъ сравнительно медленнаго усовершенствованія земледѣлія: отъ недостатка хлѣба страдаютъ только бѣдняки; современная же наука въ большинствѣ случаевъ направляетъ свои изслѣдованія лишь сообразно нуждамъ высшихъ классовъ. Читателю уже извѣстно, что это отвлеченное мнѣніе плохо выражаетъ дѣйствительный смыслъ конкретныхъ общественныхъ отношеній.

Посмотримъ теперь, какая связь существуетъ между нищетой и „отношеніемъ основного капитала къ прибыли“.

„Земледѣльческое улучшеніе, подобно всякому другому техническому улучшенію, состоитъ, главнымъ образомъ, въ увеличеніи основного капитала. Мы видѣли у Милля, что основной капиталъ... обыкновенно возрастаетъ не иначе, какъ обращеніемъ въ капиталъ

прибыли и ренты. Но прибыль и рента, когда отдѣляются фактически отъ рабочей платы, обращаются въ капиталъ не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, если процентъ дохода представляетъ достаточную привлекательность для человѣка, желающаго жить не рабочею платою, а доходомъ съ капитала. Величина процента, дающая такую привлекательность обращенію прибыли и ренты въ капиталъ, различна въ разныхъ странахъ; но не бывало никогда примѣровъ, чтобы она опускалась ниже 2%,—обыкновенно она стоитъ гораздо выше даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Между тѣмъ для націи была бы выгодна затрата капитала на земледѣльческія улучшенія для покрытія дефицита въ продуктѣ, хотя бы доходъ составлялъ несравненно меньшую, въ нѣсколько десятковъ разъ меньшую, пропорцію къ затраченному капиталу. Такимъ образомъ, очень часто можетъ представляться для націи надобность въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, которыя давали бы на затраченный капиталъ гораздо меньше дохода, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы затрата стала привлекательна по причинѣ дохода отъ нея для людей, живущихъ рентою или прибылью, а не рабочею платою. Въ такихъ случаяхъ рента и прибыль не обращаются въ капиталъ, а потребляются непроизводительнымъ образомъ, и остаются непроизведенными тѣ земледѣльческія улучшенія, какія были бы нужны для предотвращенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ“ *).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что когда между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, пользованіе этими силами никогда не можетъ дойти до такихъ размѣровъ, до какихъ дошло бы оно, если бы капиталиста не было. Это зналъ, какъ мы видѣли, самъ Мальтусъ. Но у Чернышевскаго выходитъ, что капиталистическій строй можетъ оказаться препятствіемъ для распространенія земледѣлія на новые участки только въ томъ случаѣ, когда производительность труда на этихъ участкахъ будетъ значительно ниже, чѣмъ на старыхъ; притомъ же Чернышевскій говоритъ только о земледѣльческомъ трудѣ. Мальтусъ ставитъ вопросъ шире и отвѣчаетъ на него правильнѣе. По мнѣнію Мальтуса, уже извѣстному читателю, каковы бы ни были производительныя силы, въ земледѣліи и другихъ отрасляхъ производства,—онѣ употребляются въ дѣло лишь тогда, когда капиталистъ надѣется получить доста-

*) Соч., т. VII, стр. 302.

точную прибыль *). Это огромная разница. Во время переполненія рынковъ капиталисты сокращаютъ производство, потому что оно не окупило бы даже сдѣланныхъ на него затратъ. Періодическое переполненіе рынковъ принимаетъ тѣмъ болѣе внушительные размѣры, чѣмъ болѣе развиваются производительныя силы. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе развиваются эти силы, тѣмъ болѣе серьезнымъ препятствіемъ является капиталистическій строй для ихъ примѣненія. Это выводъ, какъ разъ обратный выводу Чернышевскаго **).

Обратите вниманіе на примѣръ, съ помощью котораго Чернышевскій доказываетъ справедливость своей мысли.

Общество имѣетъ 10.000 человѣкъ населенія или 2.000 семействъ съ 2.000 мужчинъ. Половина этихъ послѣднихъ обрабатываетъ землю, остальные частью занимаются другими отраслями производительнаго труда, частью предаются труду непроизводительному, а частью посвящаютъ свое время эксплуатаціи ближняго (землевладѣльцы и капиталисты). На продовольствіе нужно по 4 четверти на человѣка, а 1.000 земледѣльцевъ производятъ 40.000 четвертей, по 40 четвертей каждый. Рента и прибыль составляютъ четвертую часть продукта, т. е. 10.000 четвертей. Остальные 30.000 четвертей составляютъ рабочую плату, по 30 четвертей на работника ***).

Такъ обстоитъ дѣло въ первомъ году. Въ слѣдующемъ году, благодаря размноженію населенія, въ земледѣльческомъ продуктѣ оказывается недочетъ, доходящій до 16 четвертей, т.-е. выходитъ, что недостаетъ продовольствія для 4 человѣкъ. Необходимы улучшенія. Необходимы—съ точки зрѣнія людей, нуждающихся въ

---

*) „Principes", t. II, p. 121. Подлинныя слова Мальтуса приведены нами выше.

**) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Недавній „сельско-хозяйственный кризисъ" тоже выражался въ пониженіи прибыли сельско-хозяйственныхъ предпринимателей. Но причина его лежала совсѣмъ не въ переходѣ къ малоплодороднымъ участкамъ и не въ томъ, что слишкомъ мало хлѣба на всемірномъ рынкѣ, а тѣмъ, что его слишкомъ много. „Предложеніе превышаетъ спросъ,—справедливо говоритъ г. Л. Крживицкій,—тенденція къ перепроизводству все болѣе и болѣе усиливается и принимаетъ все болѣе осязательныя формы" Аграрный вопросъ, стр. 214—215.

***) „Для простоты гипотезы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія отрасли производства и всѣ другіе элементы рабочей платы, кромѣ земледѣлія и хлѣба", замѣчаетъ Чернышевскій, тамъ же, стр. 292.

продовольствіи, но не съ точки зрѣнія капиталистовъ. У тѣхъ свои расчеты. Съ ихъ точки зрѣнія „дѣло зависитъ отъ того, какое количество труда нужно для производства улучшеній, дающихъ въ продуктѣ увеличеніе на 16 четвертей". Положимъ, что для покрытія недочета надо осушить небольшой участокъ. Для этого потребуется годичный трудъ двухъ работниковъ. На ихъ наемъ надо затратить 60 четвертей (30 на каждаго, согласно вышеприведенному предположенію). Слѣдовательно, затрата капитала равняется 60 четвертямъ, обращеніе ихъ въ основной капиталъ даетъ 16 четвертей дохода. „Нѣтъ ни одного разсудительнаго землевладѣльца или капиталиста въ Европѣ, который съ радостью не сдѣлалъ бы такого улучшенія. Если бы нужны были только такія улучшенія, не существовало бы нищеты въ Европѣ". (Курсивъ нашъ). Но возможенъ иной случай. Возможно, что для осушенія участка потребуется прорыть большой каналъ, который поглотитъ годичный трудъ 200 человѣкъ. На ихъ наемъ потребуется 6000 четвертей. Осушенный участокъ будетъ приносить ежегодно по 16 четвертей. Это составитъ немного больше одной четвертой части процента. „Каково бы ни было расположеніе націи къ бережливости, до какой бы высокой степени ни доходило дѣятельное стремленіе къ накопленію, никогда не можетъ оно усилиться до того, чтобы прибыль въ одну четвертую часть процента стала казаться привлекательною для разсудительнаго человѣка" *). Значитъ, улучшенія не будутъ сдѣланы. А между тѣмъ, ихъ навѣрное сдѣлали бы, если бы общество само распоряжалось употребленіемъ въ дѣло своихъ производительныхъ силъ. Для него вопросъ о покрытіи дефицита есть вопросъ жизни и смерти.

Въ этомъ примѣрѣ много экономическихъ неточностей. Мы не хотимъ останавливаться на нихъ. Читатель замѣтитъ ихъ и безъ нашей помощи, а если не замѣтитъ,—бѣда невелика: неточности эти только лишній разъ показали бы несостоятельность „гипотетическаго" метода Чернышевскаго, а она и безъ того очевидна **).

*) Тамъ же, стр. 293.

**) На всякій случай—вотъ одна изъ неточностей: по предположенію Чернышевскаго, подлежащій улучшенію участокъ занимаетъ 4 десятины. Одна десятина будетъ, поэтому, въ среднемъ приносить 4 четверти. Осушенный участокъ не станетъ же давать жатву безъ обработки. Чтобы воздѣлать его, понадобится, положимъ, годичный трудъ одного человѣка. Часть продукта этого труда пойдетъ работнику въ видѣ заработной платы, другая составитъ прибавочную стоимость. Спрашивается, какъ

Мы просимъ читателя обратить вниманіе лишь на слѣдующее обстоятельство. Въ разбираемомъ примѣрѣ каждый земледѣлецъ производитъ первоначально 40 четвертей хлѣба. Осушенный участокъ приноситъ только 16. Авторъ не говоритъ, сколько труда понадобится для его обработки (обработка совершенно упускается изъ вида). Но, принимая во вниманіе, что участокъ занимаетъ 4 десятины, надо думать, что для его воздѣлыванія понадобится количество труда, по крайней мѣрѣ, равное полугодичному труду одного работника. Но положимъ даже, что каждый работникъ въ состояніи обработать 16 десятинъ, и что, слѣдовательно, на обработку участка необходимо затратить лишь трехмѣсячный трудъ одного человѣка. Все-таки производительность труда на этомъ участкѣ значительно ниже, чѣмъ на старыхъ участкахъ: тамъ трехмѣсячный трудъ работника производитъ 10 четвертей. Это, во-первыхъ, доказываетъ, что именно только въ случаѣ пониженія производительности труда капиталистическій строй могъ, по мнѣнію Чернышевскаго, оказаться препятствіемъ для употребленія въ дѣло производительныхъ силъ. Во-вторыхъ, это проливаетъ новый свѣтъ на математическое опроверженіе Мальтуса.

Въ своемъ примѣрѣ Чернышевскій указываетъ, какое число жителей имѣетъ его воображаемое общество, и даже говоритъ, какъ великъ процентъ размноженія его населенія. Въ этомъ, повидимому, нѣтъ никакой надобности. Чтобы доказать свою мысль, онъ могъ бы ограничиться указаніемъ того, до какой степени упадетъ производительность труда на новомъ участкѣ. Но ему нужно было опредѣлить „процентъ улучшеній“, необходимыхъ для покрытія дефицита, обнаружившагося во второмъ году. „По Мальтусовой теоремѣ“, этотъ процентъ оказывается равнымъ 0,0385 или,— какъ предполагаетъ Чернышевскій „для легкости счета“,—0,04. Читатель знаетъ, что нельзя опредѣлить этотъ процентъ, не опредѣливъ предварительно того, какъ понизится производительность земледѣльческаго труда. „Мальтусова теорема“ именно и помогаетъ Чернышевскому найти эту неизвѣстную величину: процентъ ослабленія производительности труда новыхъ работниковъ

велика будетъ она? Она будетъ равна тому, что останется отъ продукта за вычетомъ рабочей платы. Рабочая плата, по предположенію Чернышевскаго, доходитъ до 30 четвертей. Значитъ. на прибавочную стоимость останется минусъ 14 четвертей. Но отрицательная прибавочная стоимость не даетъ возможности уплатить хотя бы одну четвертую часть процента на затраченный прежде основной капиталъ.

равенъ проценту размноженія, то-есть 2. Относительно этого можно предположить одно изъ двухъ: 1) это вѣрно, 2) это невѣрно. Чернышевскій сказалъ бы, конечно, что это совершенно вѣрно. Положимъ, что онъ правъ. Что же выходитъ? Процентъ необходимыхъ улучшеній очень невеликъ. Цифра, его выражающая, „явно смѣется надъ нами“ своею ничтожностью; она говоритъ намъ: „не бойтесь,—кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы меня, опровергнуть меня нельзя“. Мы вѣримъ цифрѣ, у насъ исчезаютъ всякія сомнѣнія насчетъ будущаго. Но когда рѣчь заходитъ объ исполненіи ничтожныхъ по своимъ размѣрамъ улучшеній, оказывается, что мы, по извѣстному нѣмецкому выраженію, считали безъ хозяина. Оказывается, что въ дѣлѣ исполненія этихъ улучшеній возможны очень различные случаи. Возможно, что потребуется затратить огромный трудъ для полученія сравительно ничтожнаго „дохода“. Значитъ, величина процента необходимыхъ улучшеній еще ровно ни за что не ручается. Даже въ „гипотетической“ дѣйствительности Чернышевскаго эта ничтожная величина можетъ уживаться съ огромнѣйшими практическими затрудненіями, съ чрезвычайно большимъ пониженіемъ производительности труда на участкѣ, который долженъ покрыть нашъ дефицитъ. А это значитъ, что нельзя вѣрить насмѣшливой цифрѣ!

Глава десятая.

Кризисы.

Послѣ всего сказаннаго надо ожидать, что истинная причина кризисовъ должна была остаться неясной для Чернышевскаго. Такъ оно и есть въ дѣйствительности.

Какъ объяснить кризисы, эти „экономическія землетрясенія, ломающія фирмы, разрушающія фабрики, оставляющія безъ куска хлѣба тысячи бывшихъ богачей и милліоны работниковъ“?

Чернышевскій приводитъ краткое извлеченіе изъ отдѣла, посвященнаго кризисамъ у Милля. Изъ этого извлеченія явствуетъ, что причина кризисовъ лежитъ въ „закупкахъ на спекуляцію или просто въ спекуляціи“. Соображенія Милля кажутся Чернышевскому достаточными для опроверженія того взгляда, по которому кризисы причиняются излишнимъ выпускомъ кредитныхъ бумагъ. „Связь коммерческихъ кризисовъ съ кредитными бумагами

въ существѣ дѣла только та, что быстрый ходъ закупокъ въ огромномъ размѣрѣ возможенъ, конечно, только при высокомъ развитіи экономической жизни, основанной на обмѣнѣ, а при такомъ развитіи экономической жизни непремѣнно существуетъ и высокое развитіе кредита, а въ числѣ другихъ его формъ—и высокое развитіе такъ называемыхъ кредитныхъ бумагъ" *). Но отсюда еще не слѣдуетъ, что взглядъ Милля правиленъ. „Дѣло въ томъ, что Милль останавливается только на одной коммерческой сторонѣ процесса, не считая нужнымъ упомянуть о его вліяніи на производство и потребленіе" **). Съ кризисами „связанъ вопросъ о такъ называемомъ излишкѣ снабженія". Милль лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы показать, вопреки Мальтусу, Чомерсу и Сисмонди, невозможность подобнаго излишка. По его словамъ, „заслуга истиннаго разъясненія этого чрезвычайно важнаго дѣла болѣе всего принадлежитъ двумъ знаменитымъ людямъ: на континентѣ проницательному Ж. Б. Сэю, а въ Англіи Джемсу Миллю".—„Все, что говоритъ Милль, — чистая правда", замѣчаетъ Чернышевскій. „Но неужели такіе люди, какъ Сисмонди и Мальтусъ, не умѣли понимать того, что называется коммерческимъ кризисомъ? Они дошли до мысли рѣшительно ошибочной, и когда, для отвращенія бѣдствій коммерческихъ кризисовъ, они упрашиваютъ богачей увеличивать непроизводительное потребленіе, они доходятъ до нелѣпости, изумляющей своею колоссальностью. Неужели они могли бы избавиться отъ своего страннаго заблужденія такимъ простымъ соображеніемъ, какъ мысль о происхожденіи коммерческаго кризиса изъ чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ закупокъ? Но вѣдь это соображеніе навѣрное было имъ очень хорошо знакомо. Какъ же могли удержаться въ такихъ головахъ такія нелѣпости, какія опровергаются Миллемъ?" Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди просто смотрѣли на вопросъ не съ той стороны, съ какой смотритъ Милль. Истинный ходъ явленія, называемаго кризисомъ, таковъ: „Въ первой половинѣ дѣла, когда цѣны растутъ, производители, надѣясь на чрезвычайно выгодный и легкій сбытъ, усиливаютъ свою дѣятельность точно такимъ же необычайнымъ образомъ, какъ усиливаются закупки. Въ два, три мѣсяца фабрики изготовляютъ столько товаровъ, сколько изготовляется при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ въ полгода. Но вѣдь сбытъ усиливается возрастаніемъ только спекулятивныхъ

*) Тамъ же, стр. 478.
**) Тамъ же, стр. 484.

закупокъ, а не самаго потребленія; оно, напротивъ, быть можетъ, даже уменьшается по чрезмѣрной дороговизнѣ. Что же бываетъ съ производствомъ, когда цѣны начинаютъ падать? Въ предшествующій періодъ заготовлено товаровъ въ три мѣсяца на полгода; ясно, что производство должно было бы остановиться на три мѣсяца, чтобы запасы уменьшены были до обыкновеннаго размѣра обыкновеннымъ потребленіемъ. Но потребленіе въ эпоху кризиса, несмотря на упадокъ цѣнъ, бываетъ меньше обыкновеннаго, потому что у всѣхъ разстроены денежныя дѣла. Отъ этого чрезмѣрные запасы еще дольше остаются непотребленными. А пока они не потреблены, не уменьшились до обыкновеннаго размѣра, новое производство не находитъ себѣ сбыта. Такимъ образомъ, съ коммерческимъ кризисомъ всегда бываетъ соединенъ промышленный, во время котораго ослабѣваетъ производство, по излишеству сдѣланныхъ запасовъ и недостатку сбыта. Вотъ этою стороною дѣла и были смущены Мальтусъ, Чомерсъ и Сисмонди. Милль совершенно правъ, доказывая противъ нихъ, что производство не можетъ превышать потребностей человѣка *), что капиталъ... не можетъ возрастать слишкомъ быстро, что съ какою быстротою ни возрасталъ бы онъ, всегда можно было бы желать еще быстрѣйшаго возрастанія, потому что всегда нашлось бы ему нужное занятіе и т. д.,—все это совершенная правда, и въ словахъ Мальтуса, Чомерса, Сисмонди находится противорѣчіе съ неопровержимыми принципами экономической теоріи. Но это противорѣчіе произошло только отъ того, что Сисмонди и Мальтусъ остановились на половинѣ пути, не доискались до коренныхъ фактовъ, порождающихъ въ самой дѣйствительности противорѣчія съ экономическою теоріею“... Въ концѣ концовъ Чернышевскій находитъ, что „производство, которое никогда не можетъ превышать размѣра человѣческихъ потребностей, можетъ по временамъ превышать обычный уровень потребленія, и неминуемымъ слѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго усилія, вызываемаго не развитіемъ потребленія, а только спекуляціею, бываетъ временный упадокъ производства, остановка работъ. Корень этого бѣдствія заключается въ отдѣленіи покупательной силы отъ производства и потребленія, то-есть ни меньше,

*) Надо замѣтить, что Милль вовсе не думалъ доказывать это. Онъ доказывалъ, что производство не можетъ превышать потребностей товаровладѣльцевъ, а это не одно и то же. *Г. П.*

ни больше, какъ то, что называется у насъ торговлею въ отдѣльности отъ занятій чисто производительныхъ“ *).

Чтобы доказать несостоятельность Мальтусовой теоріи народонаселенія, слѣдовало, прежде всего, указать на то, что, по Мальтусу, буржуазное общество одновременно страдаетъ и отъ перепроизводства, и отъ перенаселенія, т. е. отъ недостаточнаго производства. Подобное опроверженіе было бы, какъ выражаются математики, необходимымъ и достаточнымъ. Чернышевскій предпочелъ бороться другимъ оружіемъ, достоинство котораго намъ уже извѣстно. Ему и въ голову не приходитъ, что „вопросъ объ излишкѣ снабженія“ можетъ служить для „разъясненія смысла Мальтусовой теоріи.“ Онъ склоненъ даже хвалить Мальтуса, который хотя и остановился на половинѣ пути въ вопросѣ объ „излишкѣ снабженія“, но все-таки выбралъ вѣрную дорогу для его рѣшенія. Самое же рѣшеніе вопроса выражается немногими словами: корень бѣдствія въ торговлѣ. Здѣсь мы имѣемъ интересный образчикъ отношенія соціалиста-утописта ко взглядамъ буржуазнаго политико-экономa „передовой“ школы. Корень зла въ спекуляціи говоритъ—Д. С. Милль. Вы вполнѣ правы, замѣчаетъ соціалистъ-утопистъ. Но вы не дѣлаете надлежащаго вывода изъ вашихъ собственныхъ посылокъ. Я иду дальше васъ, я не боюсь поставить точку надъ і. Корень зла не въ спекуляціи, а въ томъ, отъ чего получаетъ происхожденіе сама спекуляція, т. е. въ торговлѣ. Буржуазные экономисты, вообще говоря, совершенно правы. Они лишь робки и непослѣдовательны.

Корень бѣдствія въ торговлѣ. Безъ торговли немыслимо товарное производство. Слѣдовательно, корень бѣдствія уходитъ еще глубже: онъ неразрывно связывается съ товарнымъ производствомъ. Но товарное производство долго существовало, не причиняя кризисовъ. Значитъ, не товарное производство причиняетъ кризисы, а нѣчто другое, можетъ быть и связанное съ этимъ производствомъ, но обнаруживающееся лишь на очень высокой стадіи его развитія. Указаніе на истинную причину кризисовъ заключается уже въ собственныхъ словахъ Чернышевскаго. Спекуляція даетъ такой толчекъ производству, что въ два-три мѣсяца заготовляется количество товаровъ, достаточное для полу-

*) Тамъ же, стр. 485.

годового потребленія. Въ дѣйствительности производство можетъ еще дальше оставить за собою потребленіе, чѣмъ думалъ Чернышевскій. Вотъ теперь и спрашивается, всегда ли существовала при товарномъ производствѣ возможность подобнаго явленія? Извѣстно, что не всегда, что она создана лишь развитіемъ новѣйшей крупной промышленности, увеличившей производительныя силы общества до небывалыхъ размѣровъ. Слѣдовательно, „корень бѣдствія" заключается въ крупной промышленности и въ слишкомъ значительномъ развитіи производительныхъ силъ? Очевидно—да. Но такъ же очевидно, что высокое развитіе производительныхъ силъ зломъ быть не можетъ. Утверждать это—значило бы говорить сущую безсмыслицу. Выходитъ, что надо обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ примѣняются теперь высоко-развитыя производительныя силы. Мы знаемъ уже, что между обществомъ и его производительными силами стоитъ капиталистъ, прекращающій свою „работу" всякій разъ, когда она не сулитъ ему необходимыхъ и достаточныхъ барышей. А надежда на барыши исчезаетъ всякій разъ, когда рынки переполняются товарами. А рынки тѣмъ чаще и тѣмъ больше переполняются товарами, чѣмъ болѣе развиты производительныя силы. Капиталистъ попадаетъ въ нелѣпое, противорѣчивое положеніе: съ одной стороны, конкурренція заставляетъ его примѣнять возможно болѣе совершенные способы производства; а съ другой стороны примѣненіе этихъ способовъ грозитъ переполненіемъ рынковъ, кризисомъ, потерей барышей, раззореніемъ. Это противорѣчіе показываетъ, что производительныя силы переросли капиталистическія отношенія производства *). Устраненіе этихъ отношеній является важнѣйшимъ „очереднымъ вопросомъ" переживаемаго нами историческаго момента. Когда капиталистическія отношенія производства уступятъ мѣсто соціалистическимъ, тогда высоко-развитыя производительныя силы перестанутъ причинять „экономическія землетрясенія", онѣ будутъ покорными рабами людей, источникомъ непрерывнаго роста общественнаго богатства.

---

*) *Примѣчаніе къ настоящему изданію.* Ср. Маркса, „Theorien über den Mehrwert", zweiter Band, zweiter Theil, Ss. 263—318, и особенно стр. 273, 298, 309 и 318. О теоріи кризисовъ Маркса см. Будина. „Теоретическая система К. Маркса", переводъ съ англійскаго, подъ редакціей В. И. Засуличъ СПБ. 1908, стр. 260—264.

Противорѣчіе современныхъ производительныхъ силъ съ современными отношеніями производства есть противорѣчіе, свойственное современной экономической дѣйствительности. Чернышевскій ищетъ „корня бѣдствія“ въ противорѣчіи дѣйствительности „съ неопровержимыми принципами экономической теоріи“. Это весьма характерно для его отвлеченной точки зрѣнія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, легко можно было открыть множество противорѣчій фактовъ съ „теоріей“, дѣйствительности съ требованіями разсудка. Но противорѣчіе дѣйствительности съ „теоріей“, т. е. со взглядами людей, само является продуктомъ исторической діалектики общественной жизни. Надо открыть законы этой діалектики для того, чтобы имѣть возможность не только осудить дѣйствительность, но также указать историческія условія ея возникновенія въ прошломъ и ея исчезновенія въ будущемъ. Къ сожалѣнію, именно это то и невозможно было для человѣка, смотрѣвшаго на общественную жизнь съ отвлеченной точки зрѣнія. Въ качествѣ теоретика, такой человѣкъ могъ только ловить дѣйствительность на противорѣчіяхъ съ теоріей; въ качествѣ практическаго дѣятеля, стремящагося устранить ненавистную ему дѣйствительность, онъ могъ возлагать свои упованія исключительно только на убѣдительность теоріи, которая рано или поздно покажетъ людямъ всю гнусность и нелѣпость дѣйствительности.

Глава одиннадцатая.

Заключеніе.

Вотъ какъ формулируетъ самъ Чернышевскій, въ немногихъ словахъ, тѣ принципы, которые должны лечь въ основу будущаго экономическаго устройства. Они состоятъ „въ томъ, что труду не слѣдуетъ быть товаромъ; что человѣкъ работаетъ съ полною успѣшностью лишь тогда, когда работаетъ на себя, а не на другого; что чувство собственнаго достоинства развивается только положеніемъ самостоятельнаго хозяина; что поэтому искать надлежащаго благосостоянія будетъ работникъ только тогда, когда станетъ хозяиномъ; что съ тѣмъ вмѣстѣ принципъ сочетанія труда и характеръ улучшенныхъ производительныхъ процессовъ

требуютъ производительной единицы очень значительнаго размѣра, а физіологическія и другія естественныя условія требуютъ сочетанія очень многихъ разнородныхъ производствъ въ этой единицѣ; и что поэтому отдѣльные хозяева-работники должны соединяться въ товарищества".

Какимъ же путемъ могутъ быть осуществлены эти принципы? Чернышевскій очень сожалѣлъ, что не удалось ему указать тѣ переходныя ступени, которыя приведутъ къ полному осуществленію соціалистическихъ идей. Это дѣйствительно очень жаль, потому что характеръ этихъ мѣръ далъ бы намъ болѣе ясное представленіе о соціально-политическихъ взглядахъ нашего автора. Постараемся, однако, пополнить этотъ пробѣлъ съ помощью отдѣльныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ на страницахъ „Очерковъ Политической Экономіи". Къ сожалѣнію, ихъ очень немного.

Мы уже знаемъ, что Чернышевскій горячо возставалъ противъ принципа „Laissez faire, laissez passer", столь дорогого вульгарнымъ экономистамъ извѣстнаго направленія. Но, возставая противъ э т о г о принципа, онъ далеко не безусловно держался—противоположнаго: онъ не утверждалъ, что „соціальный вопросъ" можетъ быть рѣшенъ т о л ь к о посредствомъ государственнаго вмѣшательства, и онъ былъ очень остороженъ въ опредѣленіи границъ этого вмѣшательства. „Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ—говоритъ онъ въ своемъ главномъ экономическомъ сочиненіи *). Одна и та же цѣль достигается въ иныхъ случаяхъ свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ — силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть ясно читателю, сколько-нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучшій, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить человѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ итти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстоять своихъ правъ одинъ, я призову противъ неправильно мѣщающихъ мнѣ вмѣшательство общественной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или

*) Соч., томъ VII, стр. 337.

судебныя тяжбы... Но войдите въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ права въ родѣ англійскихъ и сѣверно-американскихъ, дѣло исполнится исключительно или преимущественно частнымъ образомъ"...*).

Но Англію и Сѣверную Америку Чернышевскій считалъ исключеніями. Какъ это по всему видно, онъ былъ убѣжденъ, что рѣшеніе соціальнаго вопроса „частнымъ образомъ" невозможно въ большинствѣ европейскихъ странъ. Есть основанія думать, что и само государственное вмѣшательство въ этихъ странахъ представлялось ему въ видѣ вмѣшательства правительства, выдвинутаго „скачкомъ". На эти предположенія наводятъ нерѣдкія у него отступленія, гдѣ онъ старается рѣшить, насколько требованія здравой теоріи обязательны для правительства, поставленнаго исторіей въ необходимость исключительно руководствоваться принципомъ: salus populi lex suprema est. Вотъ, напримѣръ, теорія безусловно осуждаетъ чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ. По теоріи выходитъ, что лучше прямое, откровенное рѣшеніе вопроса — налогъ. Такъ и должно поступать правительство, чувствующее себя прочнымъ. Но бываютъ исключительныя положенія, бываютъ исключительныя событія, въ родѣ событій 1848 г. во Франціи **). „Въ этомъ шаткомъ положеніи приходится лавировать, сообразоваться съ господствующими предубѣжденіями, принимать не тотъ способъ дѣйствія, который самъ по себѣ наилучшій, а тотъ, который произведетъ наименѣе тяжелое впечатлѣніе на общество... Что дѣлать? Тутъ задача исполняется не такими людьми, которые спокойно могутъ разсчитывать на свою будущность, а такими, жизнь которыхъ виситъ на волоскѣ, и волосокъ этотъ оборвется, непремѣнно оборвется, не нынѣ, завтра оборвется, и погибнетъ съ ними ихъ дѣло, если волосокъ оборвется нынѣ,—во чтобы то ни стало надобно продержаться нынѣшній день, что бы умѣть хотя что-нибудь сдѣлать.— Да, представьте себѣ это положеніе, и вы поймете мысль о неограниченномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ для произведенія коренныхъ реформъ экономическаго быта".

---

*) Не мѣшаетъ вспомнить, какое направленіе начинаетъ преобладать теперь въ англійскихъ трэдъ-юніонахъ.

**) Не надо забывать, что Чернышевскій писалъ въ подцензурномъ изданіи, и потому часто долженъ былъ выражаться намеками.

Выпускъ бумажныхъ денегъ предполагается здѣсь наобходимымъ въ видахъ организаціи рабочихъ товариществъ: „разумѣется, разъ начавшись, дѣло будетъ развиваться собственными средствами;—но чтобы завести его, чтобы дать ему возможность начаться, все-таки нужно очень много денегъ“ *).

Замѣчательно что у Чернышевскаго правительство, начинающее коренное „измѣненіе экономическаго быта въ пользу работниковъ и въ невыгоду капиталистовъ“, старается не запугать „общество“, т. е. этихъ капиталистовъ, не произвести на нихъ „тяжелаго впечатлѣнія“.

„Мы приводили основанія, по которымъ нѣкоторые экономисты находятъ наилучшимъ порядкомъ такой бытъ, который существенно разнится отъ нынѣшняго—говоритъ онъ по поводу прогрессивнаго налога,—содѣйствовать введенію этого лучшаго быта можно, не нарушая замѣтнымъ образомъ никакихъ существенныхъ интересовъ; а прогресивный налогъ значительнаго размѣра былъ бы явно противоположенъ интересу богатыхъ сословій, которыя всѣми силами боролись бы противъ него, между тѣмъ какъ прочное и благоразумное правительство могло бы, нисколько не раздражая ихъ, вести дѣло коренной реформы быта“ **).

Однѣ эти строки могли бы убѣдить насъ, что въ лицѣ Чернышевскаго мы имѣемъ дѣло съ соціалистомъ-утопистомъ.

Утопическая точка зрѣнія на общественную жизнь — такова Ахиллесова пята нашего автора. Изъ этого общаго источника проистекаютъ всѣ тѣ многочисленные промахи и всѣ тѣ немалочисленныя ошибки, съ которыми мы встрѣтились въ его изслѣдованіяхъ. Чернышевскій часто ошибался, потому что, разсуждая о буржуазномъ обществѣ, онъ искалъ основаній для своихъ выводовъ не въ дѣйствительной жизни этого общества, а въ „требованіяхъ здравой теоріи“.

Въ основѣ этихъ требованій лежали,—какъ видѣлъ читатель,—ученія тѣхъ же буржуазныхъ экономистовъ, противъ которыхъ спорилъ Чернышевскій. Но онъ видоизмѣнялъ и дополнялъ эти ученія, руководясь размышленіями объ экономической жизни воображаемаго соціалистическаго общества съ населеніемъ отъ нѣ-

*) Тамъ же, стр. 475—476.

**) Т. IV, стр. 566.

сколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Примѣрныя ариѳметическія выкладки,—счетоводство воображаемаго общества,—составляли всю сущность его „гипотетическаго“ метода. Съ помощью такихъ пріемовъ нельзя было сдѣлать что-нибудь прочное въ наукѣ. Примѣръ Чернышевскаго, обладавшаго такими огромными, по истинѣ рѣдкими, способностями, лучше всякаго другого показываетъ несостоятельность утопической точки зрѣнія.

Примѣчаніе къ настоящему изданію.

Въ предисловіи къ своему переводу „Основаній политической Экономіи Д. С. Милля“ Н. Г. Чернышевскій писалъ:

„Книга Милля признается всѣми экономистами за лучшее, самое вѣрное и глубокомысленное изложеніе теоріи, основанной Адамомъ Смитомъ. Переводя это произведеніе, мы хотимъ дать читателю доказательство, что большая часть понятій, противъ которыхъ мы споримъ, вовсе не принадлежитъ къ строгой наукѣ, а должна считаться только искаженіемъ ея, сочиненнымъ нынѣшними французскими такъ называемыми экономистами по внушенію трусости“ (сочиненія, т. VII, стр. 1).

Имѣя въ виду эту спеціальную и въ весьма значительной степени публицистическую цѣль, нашъ авторъ очень охотно говорилъ, что онъ „только повторяетъ слова“ Д. Ст. Милля, и если расходится съ нимъ, то лишь въ выводахъ, вытекающихъ изъ экономической теоріи, а не въ томъ, что касается ея основныхъ положеній. Это могло быть удобно въ виду вышеуказанной спеціальной цѣли; но это оказалось невыгоднымъ для самой теоріи. Чернышевскій сдѣлалъ большую ошибку, принявъ Д. Ст. Милля за вѣрнаго ученика А. Смита и Рикардо. Не смотря на свое будто бы безпристрастное отношеніе къ соціалистическимъ системамъ, Дж. Ст. Милль самъ испыталъ на себѣ вліяніе вульгарныхъ экономистовъ,—если не французскихъ, то англійскихъ,—и, какъ мы видѣли, самъ не могъ окончательно разобраться въ основныхъ понятіяхъ политической экономіи. Если бы Чернышевскій взялъ за исходную точку своихъ изслѣдованій не „Основанія политической экономіи“ Д. Ст. Милля, а „Principles of political Economy and taxation“ Рикардо,—о которыхъ онъ самъ былъ такого высокаго мнѣнія *),—или хотя бы „Soziale Briefe an v. Kirchmann“ Родбертуса, то его собственный взглядъ на экономику капиталистическаго общества очень много выигралъ бы въ ясности. А это, конечно, отразилось бы въ благопріятномъ смыслѣ какъ на его „примѣчаніяхъ и дополненіяхъ“ (къ первой книгѣ Милля), такъ и на его „очеркахъ“ („по Миллю“).

Извѣстно, что на ученіе Рикардо опирались англійскіе соціалисты прошлаго вѣка, — главнымъ образомъ послѣдователи Р. Оуена, — въ своихъ довольно многочисленныхъ и весьма замѣчательныхъ экономическихъ сочиненіяхъ (о нихъ см. въ „Нищетѣ философіи“ Маркса и въ предисловіи проф. Г. С. Фоксуэля къ англійскому переводу книги А. Менгера „Das Recht auf den vollen Arbeitsertag“; это предисловіе переведено на нѣмецкій языкъ и составляетъ введеніе къ вышедшему въ 1903 году нѣмецкому переводу двухтомнаго сочиненія Уильяма Томпсона: „An inquiry into the principles of the distribution af Wealth“. Наконецъ, о тѣхъ же соціалистахъ говоритъ покойный проф. Георгъ Адлеръ въ своей „Einleitung“ къ

*) Въ своей, подробно разсмотрѣнной нами выше, статьѣ „происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь“ онъ называетъ Рикардо мыслителемъ, „пересоздавшимъ“ своими „Principles“ экономическую науку.

нѣмецкому переводу брошюры Джона Грэя „Lecture on human happines“, появившемуся въ 1907 году). Надо признать, что основные экономическіе взгляды англійскихъ соціалистовъ той эпохи,— напр. У. Томпсона и Дж. Грэя,—нерѣдко отличаются большею стройностью, нежели взгляды Чернышевскаго. Но А. Менгеръ сдѣлалъ большую и странную ошибку, вообразивъ, будто въ этихъ сочиненіяхъ заключаются основы научнаго соціализма. Англійскіе соціалисты, дѣлавшія, по выраженію Маркса, эгалитарные выводы изъ экономическаго ученія Рикардо, продолжали стоять обѣими ногами на почвѣ утопическаго соціализма, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочитать, напримѣръ, вышеназванныя сочиненія Томпсона и Грэя, до сихъ поръ остающіяся большою рѣдкостью на англійскомъ языкѣ, но сдѣлавшіяся общедоступными въ нѣмецкомъ переводѣ. Для англійскихъ соціалистовъ, опиравшихся на Рикардо, задача изслѣдованія сводилась,—какъ и для нашего великаго просвѣтителя,—къ уясненію себѣ и другимъ того, что капиталистическій порядокъ не соотвѣтствуетъ „требованіямъ здравой теоріи“. Повторяемъ, дѣло не въ частныхъ ошибкахъ Н. Г. Чернышевскаго,—какъ бы ни были онѣ подчасъ значительны,—а въ недостаткахъ той точки зрѣнія, которой онъ держался.

Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—на которые въ наше время можно и должно смотрѣть исторически,—точка зрѣнія нашего автора не помѣшала ему оказать неоцѣненныя услуги нашей нарождавшейся общественной мысли. Онъ былъ не только образованнымъ, а прямо ученымъ, да къ тому же еще убѣжденнымъ и талантливымъ публицистомъ, который хотѣлъ обратить на „соціальный вопросъ“ вниманіе своихъ „читателей-друзей“, принадлежавшихъ преимущественно къ разночинцамъ. И эта его благородная цѣль была вполнѣ достигнута: всѣ свѣжіе, всѣ живые элементы нашей читающей публики испытали на себѣ его благотворное вліяніе. Много содѣйствовала его, подчасъ страстная, подчасъ желчная и ѣдкая проповѣдь возникновенію того демократическаго теченія въ нашей литературѣ, которому русскій „передовой человѣкъ“ обязанъ былъ всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ о нашей народной жизни. Чернышевскій нерѣдко ошибался, когда судилъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ въ жизни капиталистическаго общества. Но онъ былъ правъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ этому обществу. А кромѣ того,—и это крайне важно,—когда онъ разсуждалъ о томъ „что дѣлать“, онъ даже въ своихъ утопическихъ планахъ обнаруживалъ такую сильную логику и такую поразительную трезвость мысли, какихъ мы напрасно стали бы искать въ сочиненіяхъ людей, занявшихъ въ нашей передовой публицистикѣ главное мѣсто послѣ его удаленія со сцены. Когда онъ ушелъ, уровень нашей этой публицистики страшно понизился. И достаточно одного этого, не подлежащаго ни малѣйшему сомнѣнію, обстоятельства, чтобы судить о томъ, какую важную и какую плодотворную роль игралъ Н. Г. Чернышевскій въ нашей литературѣ. Его имя характеризуетъ цѣлую эпоху въ исторіи развитія русской общественной мысли. Эта эпоха есть славная, незабвенная „эпоха шестидесятыхъ годовъ“.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

	Цѣна Р. К.
Лит.-худ. альманахи кн. I	1 —
„ „ кн. II	1 —
„ „ кн. III	1 —
„ „ кн. IV	1 —
„ „ кн. V	1 —
„ „ кн. VI	1 —
„ „ кн. VII	1 —
„ „ кн. VIII	1 —
„ „ кн. IX	1 —
„ „ кн. X	1 —
„ „ кн. XI	1 25
Сѣверные сборники кн. I (2-е изд.) (распродано).	1 —
„ „ кн. II—III	1 50
„ „ кн. IV	1 20
„ „ кн. V	1 —
„ „ кн. VI	1 10
Собр. соч. Кн. Гамсуна т. I	1 —
„ „ „ „ т. II	1 —
„ „ „ „ т. III	1 25
„ „ „ „ т. IV	1 25
„ „ „ „ т. V	1 25
„ „ „ „ т. VI	1 25
„ „ „ „ т. VII	1 40
„ „ „ „ т. VIII	1 25
„ „ „ „ т. IX	1 —
„ „ „ „ т. XI	1 25
Собр. соч. Г. Д. Уэллса т. I	1 25
„ „ „ т. II	1 25
„ „ „ т. III	1 25
Собр. соч. Г. д'Анунціо т. III	1 25
Собр. соч. Леонида Андреева т. V	1 25
„ „ „ „ „ VI	1 25
Собр, соч. Бориса Зайцева кн. I (изд. 2-ое)	— 50
„ „ „ „ кн. II	1 —
Собр. соч. С. Сергѣева-Ценскаго кн. I	1 —
„ „ „ кн. II	1 —
Собр. соч. Ѳедора Сологуба:	
Мелкій бѣсъ. Романъ. Изд., 4-ое	1 75
Тяжелые сны. Романъ. Изд. 3-ье	1 75
Книга разлукъ. Разсказы.	1 —
Книга очарованій. Разсказы.	1 —
Политическія сказочки. (распродано).	— 30
Леонидъ Андреевъ. Царь-голодъ	1 —
В. Муйжель. Разсказы	1 —
Маркъ Криницкій. Разсказы	1 —

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

	Цѣна. Р. К.
Н. Ковальскій Разсказы	1 —
Г. Чулковъ. Разсказы	1 —
Шаломъ Ашъ. Разсказы	1 —
Шаломъ Ашъ. Городокъ (распродано).	— 75
В. Ропшинъ. Разсказъ	— 50
Анатоль Франсъ. Островъ Пингвиновъ	1 40
Октавъ Мирбо. Путеш. въ автомобилѣ	1 25
Байронъ. Каинъ	— 75
Иліада Гомера. Въ пер. Н. Минскаго	1 25
К. Д. Бальмонтъ. Птицы въ воздухѣ	2 —
К. Д. Бальмонтъ. Зеленый вертоградъ	2 —
Андрей Бѣлый. Пепелъ	2 —
Евг. Тарасовъ. Земныя дали	— 60
Сборникъ. Ссыльнымъ и заключеннымъ	1 —
Сборникъ. Италіи	1 —
Сборникъ. Книга о театрѣ	2 —
С. Рафаловичъ. Отвергнутый Донъ-Жуанъ	— 60
С. Рафаловичъ. На вѣсахъ справедливости. (Романъ)	1 50
Франкъ Ведекиндъ. Т. I. (пьесы)	1 20
Франкъ Ведекиндъ. Т. II. (пьесы)	1 25
Франкъ Ведекиндъ. Пробужденіе весны (распродано)	— 75
Ал. Блокъ. Три пьесы	1 20
Евг. Чириковъ. Марія Ивановна. Комедія	— 60
С. Найденовъ. Хорошенькая. Комедія	— 60
Л. Андреевъ. Жизнь Человѣка (распродано).	
Г. Гауптманъ. Потонувшій колоколъ	— 65
Обри Бердслей. Альбомъ (распродано).	2 —
Александръ Бенуа. Гойя	2 —
А. Серафимовичъ. Дѣтскіе разсказы	1 —
А. Ремизовъ. Морщинка. Сказка	— 50
Г. Плехановъ. Н. Г. Чернышевскій	3 —
К. Марксъ. Къ критикѣ пол. эк.	— 90
К. Каутскій. Античный міръ, іудейство и христіанство	2 —
А. Луначарскій. Религія и соціализмъ Т. I	1 50
А. Луначарскій. Религія и соціализмъ Т. II. (печат).	
А. Луначарскій. Три кадета (конф.).	— 40
А. Лабріола. Реформизмъ и синдикализмъ (конф.)	1 —
Г. Лягарделль. Революціонный синдикализмъ	— 40
Іозефъ Петцольдъ. Введеніе въ философію чистаго опыта	2 —
Іозефъ Петцольдъ. Проблема міра	1 —
Парвусъ. По тюрьмамъ	— 75
Н. Троцкій. Туда и обратно	— 60
А. Амфитеатровъ. Современн. сказки (распродано)	— 55
А. Амфитеатровъ и Е. Аничковъ. Побѣдоносцевъ	— 50
А. Луначарскій. Пять фарсовъ	— 40

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

КНУТЪ ГАМСУНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ двѣнадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ.
Переводы исключительно съ норвежскаго.

ПРИ ВЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова.

Томъ I. Духовная жизнь современной Америки.
„ II. Голодъ.
„ III. Мистеріи.
„ IV. Новь.
„ V. Панъ. Сіеста.
„ VI. У вратъ царства. Драма жизни. Закатъ.
„ VII. Викторія. Въ сказочной странѣ.
„ VIII. Редакторъ Люнге.
„ IX. Поросль.
„ X. Царица Тамара. Въ странѣ полумѣсяца.
„ XI. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
„ XII. Подъ осенними звѣздами.

Вышли: Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Перев. А. Исаковой. Ц. 1 р.
Томъ II. Голодъ. Пер. А. Острогорской. Ц. 1 р.
Томъ III. Мистеріи. Пер. А. Острогорской. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ IV. Новь. Пер. А. Острогорской. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ V. Панъ. Пер. С. Полякова.—Сіеста. Пер. С. Полякова. Ц. 1 р. 25 к.
Томъ VI. У вратъ царства. Пер. Ѳ. Комиссаржевскаго.—Драма жизни. Пер. С. Полякова.—Закатъ. Пер. С. Городецкаго. Ц 1 р. 25 к.
Томъ VII. Викторія. Пер. Ю. Балтрушайтиса.—Въ сказочной странѣ. Пер. Ю. Балтрушайтиса. Ц. 1 р. 40 к.
Томъ VIII. Редакторъ Люнге. Пер. М. Благовѣщенской Ц. 1 р. 40 к.
Томъ IX. Поросль. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р.
Томъ X. Царица Тамара. Пер. К. Д. Бальмонта.—Въ странѣ полумѣсяца. Пер. К. Д. Бальмонта Ц. 1 р. 25 к.
Томъ XI. Мечтатель. Пер. К. Д. Бальмонта. Воинствующая жизнь. Пер. К. Д. Бальмонта. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГАБРІЭЛЯ Д'АННУНЦІО

въ пер. Ю. Балтрушайтиса, Валерія Брюсова, М. Ватсонъ, Зин. Венгеровой, Вяч. Иванова, Конст. Эрберга и др.

Томъ I. Джованне Эпископо. Сонъ въ весеннее утро. Сонъ осенняго заката.
„ II. Невинная жертва.
„ III. Разсказы изъ Пескары.
„ IV. Наслажденіе.
„ V. Торжество смерти.
„ VI. Дѣвы горъ.
„ VII. Джіоконда. Мертвый городъ. Слава
„ VIII. Пламя.
„ IX. Франческа да-Римини.
„ X. Корабль. Сильнѣе любви.
„ XI. Безумная мать. Огонь подъ спудомъ.
„ XII. Поэмы и стихи.

Вышли: Томъ I. Критико-біогр. статья. З. Венгеровой. Джованне Эпископо. Пер. Конст. Эрберга.—Сонъ въ весеннее утро. Пер. З. Венгеровой.—Сонъ осенняго заката. Пер. Конст. Эрберга. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. Невинная жертва. Пер. М. Ватсонъ Ц. 1. р. 25 к.
Томъ III. Разсказы изъ Пескары. Пер. З. Венгеровой Ц. 1 р. 25 к.
Томъ IV. Торжество смерти. Пер. Е. Беренштейнъ Ц. 1 р. 25 к.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ, 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. Г. УЭЛЛСА

въ 9 томахъ, подъ редакціей В. Г. ТАНА, съ портретомъ и предисловіемъ автора къ русскому изданію и вступительной статьей В. Г. ТАНА.

Переводы исключительно съ оригинала Н. А. Морозова, В. Г. Тана, К. Чуковскаго и др.

Томъ I. Странные разсказы.
„ II. Когда спящій проснется.
„ III. Грядущіе дни. Машина времени.
„ IV. Пища боговъ.
„ V. Борьба міровъ. Въ дни кометы.
„ VI. Любовь и мистеръ Льюисгэмъ.
„ VII. Первые люди на лунѣ.
„ VIII. Невидимка. Островъ д-ра Моро.
„ IX. Предвкушенія.

Вышелъ томъ I. Содержаніе: Біографія и вступ. статья. Странные разсказы. Пер. В. Г. Тана и К. Чуковскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. Когда спящій проснется. Пер. Ек. Прейсъ, подъ ред. В. Г. Тана. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ III. Грядущіе дни. Пер. В. Г. Тана. Машина времени. Пер. Н. Морозова. Цѣна 1 р. 25 к.

Томъ IV. Пища боговъ. Пер., подъ ред. В. Г. Тана. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. Въ дни кометы. Пер. В. Засуличъ Ц. 1 р. 25 к.